

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
08.00.00 – экономические науки; 23.00.00 – политология;
22.00.00 – социологические науки*

№ 3

**Ростов-на-Дону
2020**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

*Учредитель – Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»*

Главный редактор	ИГНАТОВА Т.В., доктор экономических наук, профессор
Зам. главного редактора	ЧЕРКАСОВА Т.П., доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); Eugene Nivorozhkin, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); Ford Lumban Gaol, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); Атанесян А.В., докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); Ушаков Д.С., докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В.А., докт. экон. наук, доц.; Голобородько А.Ю., докт. полит. наук, доц.; Золочевская Е.Ю., докт. экон. наук, проф.; Кайль Я.Я.; докт. экон. наук, доц.; Кислицын С.А., докт. ист. наук, проф.; Козлюк Н. В.; докт. экон. наук, доц.; Кокин А.В., докт. г.-м. наук, проф.; Колядин А.П., докт. экон. наук, проф.; Крюкова Е.М., докт. экон. наук, проф.; Минаева Е.В., докт. экон. наук, проф.; Овакимян М.А., канд. экон. наук, доц.; Овчаренко Р.К., докт. социол. наук, доц.; Пешкова Е.П., докт. экон. наук, проф.; Понделков А.В., заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; Попова Е.А., докт. полит. наук, доц.; Скворцов Н.Г., докт. социол. наук, проф.; Сологуб В.А., докт. социол. наук, проф.; Чернова О.А., докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216.
Тел. 8-863-203-63-89,
e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
08.00.00 – economic science; 23.00.00 – politology; 22.00.00 – sociology*

№ 3

**Rostov-on-Don
2020**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief IGNATOVA T.V.,
Doctor of Economic science, professor
Vice-Editor in Chief CHERKASOVA T.P.,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; *Arthur V. Atanesyan*, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; *Denis S. Ushakov*, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Arsenieva V.A., Doctor of Economic Science, Docent; *Goloborodko A.Yu.*, Doctor of Political Sciences, Docent; *Zolochevskaja E.Yu.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Kyle Ya.Ya.*, Doctor of Economics, Docent; *Kislitsyn S.A.*, Doctor of Historic Science, Professor; *Kozlyuk N.V.*; Doctor of Economics, Docent; *Kokin A.V.*, Doctor of Geological and Mineralogical Science, Professor; *Kryukova E.M.*, Doctor of Economics, Professor; *Kolyadin A.P.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Minaeva E.V.*, Doctor of Economic Science, Professor; *Ovakimyan M.A.*, Candidate of Economic Science, Docent; *Ovcharenko R.K.*, Doctor of Sociology, Docent; *Peshkova E.P.*, Doctor of Economics, Professor; *Ponedelkov A.V.*, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; *Popova E.A.*, Doctor of Political Science, Docent; *Skvortsov N.G.*, Doctor of Sociological Sciences, Professor; *Sologub V.A.*, Doctor of Sociology, Professor; *Chernova O.A.*, Doctor of Economics, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54, room 216
Tel: 8-863-203-63-89,

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru
<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

РУБРИКА НОМЕРА: УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	1 1
<i>Т.Н. Блинова, А.В. Федотов</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ: КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ МАКРОРЕГИОНОВ.....	11
<i>Н.С. Котова, Е.А. Гельпей, Г.С. Котов</i> РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В МАГИСТРАТУРЕ.....	20
<i>В.В. Матвеев, Ю.П. Соболева</i> УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ВУЗОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОДХОДА.....	28
<i>Д.П. Махницкий, О.В. Широкова</i> КОМБИНИРОВАННАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ.....	42
<i>А.В. Скидан, А.М. Мельниченко</i> ОТНОШЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ К СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕННОГО ПЕРЕХОДА.....	49
ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	5 5
<i>В.М. Безденежных, А.А. Индарбаев</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ФАКТОРОВ РИСКА МЕЗОУРОВНЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ГОСПРОГРАММ.....	55
<i>В.В. Зундэ, М.В. Барашкин, Е.Е. Мезенцева, К.А. Кураян</i> АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КРОССКУЛЬТУРНОГО БИЗНЕС-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР и РОССИИ).....	61
<i>Г.В. Овчаренко, Н.Г. Ларкина</i> МЕТОДОЛОГИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ	74
<i>В.В. Матвеев, Ю.П. Соболева</i> УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ	82
<i>Н.М. Фоменко, В.В. Глазкова, Д.А. Максимова</i> ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ТЕПЛОСНАБЖАЮЩЕГО ИННОВАЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ.....	91
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ.....	9 8
<i>А.Б. Бабанов</i> МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ.....	98
<i>Г.Ю. Волков</i> ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД В РАМКАХ РАЗНОСРОЧНЫХ СЦЕНАРИЕВ.....	103

А.В. Ипатова, Д.А. Кобелева О СОДЕРЖАНИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО БАНКИНГА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ.....	109
О.А. Ищенко-Падукова, И.В. Мовчан ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ДОЛГОСРОЧНОЙ ВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ	116
Я.Я. Кайль, В.С. Епинина, Р.М. Ламзин СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ	121
Т.В. Кашикова СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕОРИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА.....	127
А.Н. Козлов ИМПЕРАТИВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СУБЪЕКТА ПРИ СИСТЕМНОМ ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ.....	131
В.Н. Потехин ПЛАН ГОЭЛРО-2 – ОСНОВНОЕ ЗВЕНО УСПЕШНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВТОРОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ	137
Э.Д. Рубинская ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ РЫНОК ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ	150
К.Т. Тагиров, Т.В. Игнатова СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОРОДСКОЙ БИЗНЕС-СРЕДЫ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ: ПРАКТИКИ ГОРОДА ДЕРБЕНТА.....	157
ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	166
Л.В. Акопов «РАССЛОЕНИЕ» ВИДОВ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ (ОБ ОДНОМ ПРЕДВИДЕНИИ А.А. ЮГОВА)	166
Д.К. Григорян, Е.Н. Кондратенко, Т.К. Фарапонова РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ В ГРУЗИНО-АБХАЗСКОМ КОНФЛИКТЕ.....	170
В.Г. Громакова ВЫЯВЛЕНИЕ УГРОЗ ТЕРРОРИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТА СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНОГО КАРТИРОВАНИЯ	175
В.Н. Лупандин, В.В. Белов, Н.В. Кулаженкова ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	182
Н.П. Медведев, Ю.В. Васильев ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ГИБРИДИЗАЦИЯ – ДВА ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	190
Е.А. Попова, З.С. Мартемьянова ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА.....	202
А.А. Синдеев О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕС В СФЕРЕ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ.....	207
Д.Н. Тишкин, А.А. Крицкая, Н.Ф. Солдатов ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СПЕЦСЛУЖБ РОССИИ СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ	213
Т.П. Черкасова, Л.В. Шубина ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ СРЕДНЕГО И МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ	219

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ.....	228
И.Ю. Бондарева, Д.А. Лобойко	
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ, САМОЗАНЯТЫХ И НАЁМНЫХ РАБОТНИКОВ	228
А.В. Верещагина, А.А. Зайцева	
ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГРАЖДАНСКОЙ СФЕРЕ.....	233
М.А. Грищенко	
КОЛЛЕКТИВИСТСКИЕ И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИЯН.....	241
С.В. Духновский	
УСТАНОВКА НА ДОЛЖНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	247
А.Ю. Ильин, Т.В. Игнатова, А.В. Понеделков, С.А. Воронцов	
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИК КАРЕЛИИ И КОМИ ОБ ИТОГАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА.....	252
СЛОВО МОЛОДЫМ УЧЕНЫМ	257
А.В. Ильин	
СТРУКТУРА СОБСТВЕННОСТИ СИСТЕМНО ЗНАЧИМЫХ БАНКОВ РФ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УЯЗВИМОСТИ К РИСКУ ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕГ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ МОНИТОРИНГУ	257
А.А. Караваева	
СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ.....	263
М.С. Кодзоев	
РАЗВИТИЕ СЕТИ БИЗНЕС-ИНКУБАТОРОВ КАК ИНСТРУМЕНТА ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ	266
А.Э. Пилипенко	
СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)	273
Г.В. Трофимов	
ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ЗА РУБЕЖОМ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА	279
Г.В. Туманян	
О ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ СО-УПРАВЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНАХ ВЛАСТИ ГОРОДОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ.....	285
Р. Фаздалова	
РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: МЕСТО И РОЛЬ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН	290
В.В. Яцуляк	
ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА СИСТЕМУ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.....	296
ПОЗДРАВЛЯЕМ!	301
К ЮБИЛЕЮ А.В. ПОНЕДЕЛКОВА	301
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ.....	303

CONTENTS

SPECIAL TOPIC OF ISSUE: PERSONNEL MANAGEMENT AND PERSONNEL POLICY IN EDUCATION SPHERE.....	11
<i>Blinova Tatyana Nikolaevna, Fedotov Alexander Vasilevich</i>	
REGIONAL AND INDUSTRIAL ASPECTS OF THE STATE EDUCATIONAL POLICY IMPLEMENTATION: PERSONNEL PROVISION OF LONG-TERM DEVELOPMENT OF ECONOMY OF MACRO-REGIONS.....	11
<i>Kotova Nina Sergeevna, Gelpy Elena Aleksandrovna, Kotov Grigory Sergeevich</i>	
CRITICAL THINKING SKILLS DEVELOPMENT IN THE PROCESS OF COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION WHILE TRAINING MANAGEMENT PERSONNEL AND GOVERNMENT OFFICIALS FOR A MASTER'S DEGREE	20
<i>Matveev Vladimir Vladimirovich, Soboleva Yuliya Pavlovna</i>	
MANAGING THE PROCESS OF MOTIVATING UNIVERSITY STAFF USING A STRATEGIC APPROACH	28
<i>Makhnitskiy Danil Pavlovich, Shirokova Olesya Vadimovna</i>	
COMBINED EMPLOYMENT AS A TOOL TO INCREASE THE ATTRACTIVENESS OF THE STATE CIVIL SERVICE FOR YOUNG PROFESSIONALS	42
<i>Skidan Anastasia Vasilievna, Melnichenko Anna Mikhailovna</i>	
THE ATTITUDE OF TEACHERS OF UNIVERSITIES OF THE ROSTOV REGION TO THE SYSTEM OF DISTANCE LEARNING IN THE CONDITIONS OF EMERGENCY TRANSITION	49
PROBLEMS OF MANAGEMENT	55
<i>Bezdenzhnykh Vyacheslav Mikhailovich, Indarbaev Askhab Aliyevich</i>	
METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF RISK FACTORS OF MESOLEVEL INVESTMENT PROJECTS OF STATE PROGRAMS	55
<i>Zunde Victoria Viktorovna, Barashkin Maxim Vyacheslavovich, Mezentseva Ekaterina Evgenievna, Kurayan Kristina Akopovna</i>	
ANALYSIS OF THE THEORETICAL BASIS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION OF A CROSS-CULTURAL BUSINESS INTERACTION (ON THE EXAMPLE OF BUSINESS COOPERATION OF THE PR CHINA AND RUSSIA).....	61
<i>Ovcharenko Georgy Vasilyevich, Larkina Nataliya Georgievna</i>	
METHODOLOGY AND VALUES OF MANAGEMENT OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN NEO-ECONOMY	74
<i>Matveev Vladimir Vladimirovich, Soboleva Yuliya Pavlovna</i>	
HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN AGRICULTURE.....	82
<i>Fomenko Natalia Mikhailovna, Glazkova Valeria Viktorovna, Maksimova Daria Anatolyevna</i>	
FUNCTIONAL MODEL OF INTERACTION PROCESS OF PARTICIPANTS OF HEAT SUPPLY INNOVATION ASSOCIATION	91
PROBLEMS OF ECONOMICS	98
<i>Babanov Andrey Borisovich</i>	
MODEL OF RUSSIAN ECONOMY MODERNIZATION WITHIN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES.....	98
<i>Volkov Gennady Yurievich</i>	
PROSPECTS FOR GLOBAL ECONOMIC RECOVERY IN THE POST-PANDEMIC PERIOD UNDER MULTI-TERM SCENARIOS	103
<i>Ipatova Anna Vladimirovna, Kobeleva Diana Andreevna</i>	
ON THE CONTENT OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE FIELD OF ELECTRONIC BANKING: INSTITUTIONAL CONTEXT.....	109
<i>Ishchenko-Padukova Oksana Aleksandrovna, Movchan Irina Viktorovna</i>	
TRANSFORMATION OF INSTITUTIONS OF SOCIO-ECONOMIC POLICY IN THE CONTEXT OF A LONG-TERM VIRAL PANDEMIC.....	116

Kail Iakov Iakovlevich, Epinina Veronica Sergeevna, Lamzin Roman Mikhailovich STATE AND TRENDS OF DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ENTREPRENEURSHIP	121
Kashnikova Tatyana Vasilievna COMPARATIVE ANALYSIS AND CLASSIFICATION OF THEORY OF ENTREPRENEURSHIP	127
Kozlov Andrey Nikolaevich IMPERATIVES OF THE BUSINESS ENTITY IN THE SYSTEMIC RESTRUCTURING OF SOCIO-ECONOMIC POLICY	131
Potekhin Victor Nikolaevich GOELRO-2 PLAN – THE MAIN LINK IN THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF THE SECOND INDUSTRIALIZATION OF RUSSIA.....	137
Rubinskaya Eteri Devisovna RUSSIA'S INTEGRATION INTO THE WORLD MARKET OF HIGHLY QUALIFIED SPECIALISTS IN THE STRATEGIC DIMENSION	150
Tagirov Kaziahmed Tagirovich, Ignatova Tatyana Vladimirovna COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF EFFICIENCY OF CITY'S BUSINESS ENVIRONMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZE CITIES IN RUSSIA: CASE OF THE CITY OF DERBENT	157
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	166
Akopov Leonid Vladimirovich “SLICING” OF CONTEMPORARY PUBLIC POWERS IN RUSSIA (ABOUT ONE PREVENTION BY A.A. YUGOV)	166
Grigoryan David Kromvelovich, Kondratenko Evgeniya Nikolaevna, Faraponova Tatyana Konstantinovna ROLE OF THE RUSSIAN ELITE IN THE GEORGIA-ABKHAZ CONFLICT	170
Gromakova Victoria Georgievna, Vardanyan Vardan Norayrovich IDENTIFYING THREATS OF TERRORISM AS A TOOL OF MODERN GEOPOLITICS BASED ON COGNITIVE MAPPING.....	175
Lupandin Vitaliy Nikolaevich, Belov Vyacheslav Vladimirovich, Kulazhenkova Natalia Vasilievna INTERACTION OF THE NATIONAL ANTI-TERRORIST COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE INSTITUTES OF CIVIL SOCIETY	182
Medvedev Nikolai Petrovich, Vasilyev Yuriy Vladimirovich POLITICAL POLARIZATION AND HYBRIDIZATION – TWO DIMENSIONS OF THE CONTEMPORARY POLITICAL PROCESS.....	190
Popova Ekaterina Aleksandrovna, Martemyanova Zlataslava Sergeevna DIGITAL TOOLS FOR POLITICAL SPACE FORMATION: FOREIGN EXPERIENCE AND RUSSIAN PRACTICE.....	202
Sindeev Alexei Aleksandrovich ON SOME PROBLEMS OF COOPERATION OF THE EU IN THE FIELD OF DEFENSE AND SECURITY	207
Tishkin Dmitriy Nikolayevich, Kritskaya Anna Aleksandrovna, Soldatov Nikolay Fedorovich POLITICAL ASPECTS OF COUNTERING THE SPECIAL SERVICES OF RUSSIA TO MODERN FORMS OF ORGANIZED CRIME	213
Cherkasova Tatiana Pavlovna, Shubina Lyubov Viktorovna PUBLIC ORGANIZATIONS AS AN INSTITUTIONAL TOOL OF PUBLIC POLICY TO SUPPORT SMALL AND MEDIUM BUSINESSES IN RUSSIA	219
SOCIOLOGY PROBLEMS.....	228
Bondareva Irina Yuryevna, Loboiko Dmitry Alexandrovich SOCIAL TIME IN IN EVERYDAY LIFE OF ENTREPRENEURS, SELF-EMPLOYED AND EMPLOYEES	228
Vereshchagina Anna Vladimirovna, Zaytseva Anastasiya Andreevna FACTORS OF SOCIAL BEHAVIOR OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE CIVIC SPHERE IN THE ROSTOV REGION	233

Grishchenko Mikhail Aleksandrovich	
COLLECTIVIST AND INDIVIDUALISTIC VALUES: OBJECTIVE FACTORS IN SHAPING THE LIFE STRATEGIES OF RUSSIANS	241
Dukhnovsky Sergey Vitalievich	
SETTING FOR CARRIER DEVELOPMENT OF PUBLIC CIVIL SERVANTS: EMPIRICAL RESEARCH	247
Ilyin Alexander Yuryevich, Ignatova Tatyana Vladimirovna, Ponedelkov Alexander Vasilievich, Vorontsov Sergey Alekseevich	
HISTORICAL MEMORY OF THE YOUTH OF KARELIA AND KOMI REPUBLICS ON THE RESULTS OF THE GREAT PATRIOTIC: ON THE MATERIALS OF THE SOCIOLOGICAL REVIEW	252
YOUNG SCIENTISTS	257
Ilyin Arthur Vladimirovich	
THE OWNERSHIP STRUCTURE OF RUSSIAN SYSTEMICALLY IMPORTANT BANKS: THE POTENTIAL VULNERABILITIES TO MONEY LAUNDERING RISK AND IT MONITORING RECOMMENDATIONS	257
Karavaeva Anna Alexandrovna	
MODERN PROBLEMS OF IMPLEMENTING PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS IN RUSSIA AND POSSIBLE WAYS TO OVERCOME THEM	263
Kodzoev Mikail Salmanovich	
DEVELOPING A NETWORK OF BUSINESS INCUBATORS AS A TOOL FOR SUPPORTING SMALL BUSINESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION	266
Pilipenko Anastasiya Eduardovna	
STRUCTURAL COMPONENTS OF SOCIAL ACTIVITY OF RUSSIAN STUDENT YOUTH (USING THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)	273
Trofimov Gleb Vitalievich	
TECHNOLOGIES OF IMPLEMENTATION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP FOREIGN PROJECTS IN ROAD CONSTRUCTION	279
Tumanyan Garnik Vaginakovich	
ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PROTEST MOVEMENT AND THE USE OF CO-MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN THE LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) AUTHORITIES OF CITIES OF FEDERAL SIGNIFICANCE	285
Fazdalova Ramziya	
REGIONAL ASPECTS OF CHINA-RUSSIA RELATIONS: THE ROLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN	290
Yatsulyak Vadim Vladimirovich	
INFLUENCE OF CIVIL SOCIETY ON THE SYSTEM OF SPIRITUAL AND MORAL SECURITY OF RUSSIA	296
CONGRATULATIONS!	301
TO THE ANNIVERSARY OF A.V. PONEDELKOV	301
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES	303

**РУБРИКА НОМЕРА:
УПРАВЛЕНИЕ ПЕРСОНАЛОМ И КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА
В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ**

УДК 378

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-11-19

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ:
КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОЛГОСРОЧНОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ МАКРОРЕГИОНОВ***

**Блинова
Татьяна
Николаевна** научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82-84, корпус 9, офис 1805); старший преподаватель кафедры менеджмента и предпринимательского права, Дальневосточный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (680000, Россия, г. Хабаровск, ул. М. Амурского, 33).
E-mail: Blinova-82@rambler.ru

**Федотов
Александр
Васильевич** доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра экономики непрерывного образования Института прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82-84, корпус 9, офис 1805).
E-mail: fedotovfedotov@gmail.com

Аннотация

В статье на примере отраслей лесного, сельско- и рыбохозяйственного комплексов анализируется соответствие структуры и количества мест на подготовку кадров с высшим образованием, финансируемых из федерального бюджета, долгосрочным задачам развития регионов. Объемы подготовки кадров сопоставляются с вкладом территорий в валовый внутренний продукт (далее – ВВП) по видам экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», структурой валового регионального продукта (далее – ВРП) и тенденциями ее изменения, предусмотренными стратегиями развития регионов, а также с численностью населения макрорегионов и численностью занятых по данному виду деятельности. Результаты анализа свидетельствуют о дисбалансе в распределении бюджетных мест для приема на первый курс вузов по отдельным федеральным округам страны, что говорит о недостаточной эффективности реализации образовательной политики на уровне субъектов федерации и федеральных округов в части гармонизации объемов и структуры подготовки кадров с высшим образованием с потребностями долгосрочного социально-экономического развития, определенными стратегическими целеполагающими документами регионального и макрорегионального уровней.

Ключевые слова: государственная образовательная политика, бюджетные места, вузы, контрольные цифры приема, образовательные программы, кадры с высшим образованием, сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыбное хозяйство, макрорегионы, стратегии развития.

Государственная образовательная политика – важная составляющая социально-экономической политики любого государства. Соответственно, политика в сфере образования, в первую очередь, исходит из стратегических направлений социально-экономического развития страны. В отношении профессионального образования государственная образовательная

* Настоящее исследование выполнено в РАНХиГС в рамках НИР 11.5. Система непрерывного образования как механизм социального и профессионального развития различных групп населения.

политика нацелена на подготовку квалифицированных кадров для обеспечения перспективных потребностей экономики как государства в целом, так и его отдельных регионов (макро-регионов).

В России образование относится к сфере совместного ведения федеральных и региональных органов государственного управления¹. По понятным причинам регионы заинтересованы в подготовке кадров с высшим образованием за счет средств федерального бюджета именно по тем специальностям, выпускники с дипломами которых в перспективе будут востребованы региональным рынком труда.

В связи с этим существующий в Российской Федерации механизм распределения бюджетных мест предусматривает согласование их объема и структуры с региональными (а в отношении Дальневосточного и Северо-Кавказского федеральных округов еще и макрорегиональными) органами государственного управления².

Однако, как показано в ряде работ, зачастую выделение государством бюджетных мест в разрезе укрупненных групп специальностей и направлений подготовки (далее – УГНС) конкретному региону [1, 2, 3] либо для покрытия перспективных потребностей определенных отраслей вузам страны в целом [4, 5] не согласуется с отраслевой структурой экономики страны или региона и тенденциями их изменения, характеризуемыми показателями структуры ВРП или ВВП на долгосрочный период.

На наш взгляд, это может быть связано с двумя основными причинами. Первая из них заключается в том, что методика планирования потребности в подготовке кадров по программам высшего образования помимо перспективной отраслевой потребности экономики учитывает множество факторов, таких как: социальные ожидания населения, наличие образовательных организаций и их предложения по специальностям и направлениям подготовки, демографический прогноз, баланс выпускников образовательных учреждений довузовского уровня, бюджетные ограничения и пр.³

Вторая причина связана с наличием не всегда гармонизированных систем классификаторов, не позволяющих однозначно сопоставить отраслевую структуру экономики и структуру подготовки кадров. Например, для распределения объемов контрольных цифр приема (далее – КЦП) применяется Общероссийский классификатор специальностей по образованию (далее – ОКСО)⁴, который не всегда можно однозначно сопоставить с Общероссийским классификатором видов экономической деятельности (далее – ОКВЭД)⁵, что усложняет учет как текущего, так и перспективного отраслевого развития экономики при распределении объемов КЦП по УГНС.

Профессиональные стандарты также не решают эту проблему, так как они не привязаны ни к классификатору УГНС, ни к ОКВЭД. Все это может приводить к разбалансированности структуры финансируемой из федерального бюджета подготовки кадров в системе высшего

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/>

² Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2015 г. № 640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения государственного задания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/>

³ Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ, Министерства образования и науки РФ от 30 июня 2015 г. N 407/641 «Об утверждении Положения о системе среднесрочного и долгосрочного прогнозирования занятости населения в целях планирования потребностей в подготовке кадров в образовательных организациях, реализующих образовательные программы среднего профессионального и (или) высшего образования за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, и методики расчета на среднесрочную и долгосрочную перспективу потребности субъектов Российской Федерации, отраслей экономики и крупнейших работодателей в профессиональных кадрах»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/>

⁴ ОК 009-216 Общероссийский классификатор специальностей по образованию (принят и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 8 декабря 2016 г. № 2007-ст.)

⁵ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) Общероссийский классификатор видов экономической деятельности (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 N 14-ст) (ред. от 12.02.2020)

образования и долгосрочных потребностей развития экономики и ее отдельных отраслей. В связи с этим оценка соответствия структуры подготовки кадров текущим и долгосрочным потребностям развития той или иной отрасли является весьма актуальной задачей.

Рассмотрим на примере отраслей лесного, сельско- и рыбохозяйственного комплексов соответствие структуры и количества мест на подготовку кадров с высшим образованием, финансируемых из федерального бюджета, долгосрочным задачам развития регионов.

Выбор отраслей для анализа объясняется двумя основными причинами. Во-первых, относительной гармонизацией классификаторов ОККО и ОКВЭД. В первом случае используются УГНС 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния», во втором – вид экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство». Во втором классификаторе в составе вида экономической деятельности присутствует подвид «охота». Можно предположить, что обеспеченность за счет нее доходов совокупного вида деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» незначительна, следовательно, вполне можно соотносить анализируемые УГНС с данными видами деятельности.

Во-вторых, образовательные программы, предполагающие подготовку специалистов для рассматриваемых отраслей, не пользуются особым спросом со стороны абитуриентов в рамках внебюджетной подготовки. Следовательно, соответствие именно государственной подготовки кадров с высшим образованием потребностям развития сельскохозяйственного, лесного и рыбохозяйственного комплексов страны более наглядно демонстрирует проблемы в этой сфере по сравнению с другими отраслями, государственная подготовка кадров для которых дополняется большими объемами подготовки за счет средств из негосударственных источников.

Последнее время сельскохозяйственный, лесной и рыбохозяйственный комплексы играют важную роль в обеспечении продовольственной безопасности России, а в ближайшие годы они должны обеспечить «создание ... в ... агропромышленном комплексе высокопроизводительного экспортно ориентированного сектора, ... обеспеченного высококвалифицированными кадрами»¹.

Государственные меры поддержки сельского, лесного и рыбного хозяйства пока не находят свое отражение в росте вклада вида экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в ВВП страны. Напротив, его доля последние годы сокращается: если в 2015 году она составляла 5,2%, к 2016 году снизилась до 5%, а в 2017 году достигла значения всего 4,6%². Тем не менее, лесное и рыбное хозяйства развиваются. Об этом свидетельствуют такие факты, как³:

- ежегодный рост среднегодовой численности работников организаций по видам экономической деятельности «Рыболовство» и «Рыбоводство» с 55,4 тыс. чел. в 2014 году до 62,5 тыс. человек в 2018 году;
- рост среднегодовой численности работников организаций по виду экономической деятельности «Лесозаготовки» с 70,6 тыс. чел. в 2017 году до 85 тыс. человек в 2018 году;
- увеличение сальдированного финансового результата деятельности организаций по видам экономической деятельности «Рыболовство» и «Рыбоводство» с 76,1 млрд. руб. в 2017 году до 96,1 млрд. рублей в 2018 году.

Индекс производства продукции сельского хозяйства в стране, ключевой показатель развития этой отрасли, последние 2 года сокращается (в 2016 г. он составлял 104,8%, в 2017 – 102,9%, в 2018 – 99,8%), исходя из чего можно сделать вывод о регрессивном развитии сельского хозяйства последнее время. Тем не менее, «Российская Федерация занимает 5-е место в мире по величине добавленной стоимости, произведенной в сельском хозяйстве»⁴, входит в тройку мировых лидеров

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/>

² Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/>

³ Там же.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2020 г. № 993-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/>

по производству ячменя, семян подсолнуха, картофеля и молока. Все это говорит о важности сельскохозяйственного, лесного и рыбного комплексов для экономики страны.

Уровень развития сельского, лесного и рыбного хозяйства в макрорегионах России значительно разнится. Так, в наибольшем объеме ВВП по рассматриваемому виду экономической деятельности обеспечивают Центральный (22,9%), Приволжский (21,6%) и Южный (16,9%) федеральные округа. Уральский, Дальневосточный и Северо-Западный – обеспечивают не более 7% каждый. При этом анализируемые виды деятельности в Центральном макрорегионе не являются базовыми: они обеспечивают всего 3% ВРП, на предприятиях этих отраслей занято немногим более 4% работников.

Довольно значимый вес «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» имеет в ВРП Северо-Кавказского (15,2%) и Южного (10,8%) федеральных округов (при среднероссийском значении 4,6%). В этих же макрорегионах отмечается и наиболее высокая доля занятых на предприятиях сельского, лесного и рыбного хозяйства: 18,4% и 11% соответственно, в то время как в среднем по стране данный показатель составляет 6,9%. Наименьшее развитие сельскохозяйственный, лесной и рыбохозяйственный комплексы относительно других видов экономической деятельности получили в Уральском и Северо-Западном макрорегионах: доля сельского, лесного и рыбного хозяйств в ВРП этих округов не превышает 3%, а доля занятых на соответствующих предприятиях – 4%¹ (табл. 1).

Несмотря на меры по повышению результативности сельскохозяйственного производства, стратегия развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года² связывает перспективы развития сельского хозяйства преимущественно с увеличением площади используемых земель сельскохозяйственного назначения, в результате чего к 2030 году должны увеличиться валовая добавленная стоимость, создаваемая в сельском хозяйстве, до 7000 млрд. рублей, вырасти экспорт. Кроме того, запланировано также опережающее развитие лесного сектора экономики, повышение его вклада в ВВП с 0,5% до 1%³.

Наиболее вероятно, что развитие анализируемых отраслей экономики потребует и увеличения численности кадров. Учитывая инерционность процесса подготовки специалистов с высшим образованием и необходимость обеспечить человеческими ресурсами перспективные потребности развивающейся экономики, логично было бы предположить, что структура и динамика изменения количества выделяемых мест в рамках КЦП должны соответствовать трендам развития ВРП и ВВП. На это соответствие будет влиять межрегиональная миграция выпускников вузов, однако на первом этапе исследования этот показатель не учитывался из-за отсутствия соответствующей статистической базы.

Рассмотрим, насколько согласуются выделяемые объемы КЦП на подготовку кадров с высшим образованием для отраслей сельского, лесного и рыбного хозяйства в макрорегионах России с долгосрочными задачам развития последних.

Последнее время в среднем в год (данные взяты за 2017/18 – 2020/21 уч. гг.) вузам и научным организациям России на УГНС 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния» выделяется 25,4 тыс. бюджетных мест, что составляет 8,3% от общего объема⁴. Учитывая, что обеспеченность сельским, лесным и рыбным хозяйством ВВП страны на сегодняшний день варьируется на уровне 4,6-5,2%, а на соответствующих предприятиях занято чуть менее 7% работников⁵, а также планы по развитию данных отраслей, можно говорить о том, что совокупный выделяемый объем КЦП в целом по стране по указанным УГНС вполне достаточен.

¹ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/>

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 12 апреля 2020 г. № 993-р «Об утверждении Стратегии развития агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/>

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 1989-р «Об утверждении Стратегии развития лесного комплекса до 2030 года» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/>

⁴ Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. – Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/>

⁵ Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/>

Отдельные показатели развития сельского, лесного хозяйства, охоты, рыболовства и рыбоводства в макрорегионах России

Макрорегионы РФ	Доля ВВП по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», обеспечиваемая макрорегионами *, %	Макрорегионы РФ	Доля ВРП, обеспечиваемая видом экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»*, %	Макрорегионы РФ	Доля занятых по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» в общей численности занятых**, %
Центральный федеральный округ	22,9	Северо-Кавказский федеральный округ	15,2	Северо-Кавказский федеральный округ	18,4
Приволжский федеральный округ	21,6	Южный федеральный округ	10,8	Южный федеральный округ	11,0
Южный федеральный округ	16,9	Приволжский федеральный округ	6,7	Приволжский федеральный округ	7,7
Сибирский федеральный округ	10,6	Дальневосточный федеральный округ	6,0	Сибирский федеральный округ	7,4
Северо-Кавказский федеральный округ	8,3	Сибирский федеральный округ	4,7	Дальневосточный федеральный округ	7,3
Северо-Западный федеральный округ	6,9	Центральный федеральный округ	3,0	Центральный федеральный округ	4,4
Дальневосточный федеральный округ	6,8	Северо-Западный федеральный округ	2,9	Уральский федеральный округ	4,0
Уральский федеральный округ	5,9	Уральский федеральный округ	1,9	Северо-Западный федеральный округ	3,9
Российская Федерация	100	Российская Федерация	4,6***	Российская Федерация	6,9

Примечание: * - данные за 2017 год; ** - данные за 2018 год; *** - вклад в ВВП.

Источник: сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа: <https://www.gks.ru/>

Наиболее важен, по нашему мнению, анализ распределения бюджетных мест, выделенных на УГНС 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния», в разрезе макрорегионов. Во-первых, федеральные округа дают различный уровень обеспеченности ВВП России по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство». Во-вторых, разнится значимость данного вида деятельности

для экономики самих макрорегионов. В-третьих, территории значительно отличаются по численности населения.

В связи с этим можно провести анализ распределения объемов КЦП на рассматриваемые УГНС с учетом этих трех критериев: насколько выделяемый объем бюджетных мест согласуется с обеспеченностью макрорегионами ВВП по соответствующему виду деятельности, соответствует ли величина и структура КЦП структуре ВРП и согласуется ли она с численностью населения и численностью занятых по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство». Отметим, что этот анализ не учитывает возможные межрегиональные перетоки выпускников вузов по причинам, отмеченным выше.

С точки зрения согласованности выделяемых территориям объемов бюджетных мест на анализируемые УГНС с обеспеченностью за счет них ВВП России по соответствующему виду деятельности можно отметить наличие относительно существенных расхождений по трем макрорегионам. Южный федеральный округ обеспечивает довольно весомую долю ВВП по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» – на уровне 16,9%, в то время как вузам, дислоцированным в нем, для подготовки специалистов в области сельского, лесного и рыбного хозяйства выделяется всего 9,1% КЦП от общего объема, распределяемого вузам страны на соответствующие УГНС.

На Урале и Северо-Западе, напротив, доля бюджетных мест превышает обеспеченность этими регионами ВВП по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»: в обоих случаях на 3,3 п.п. По остальным регионам расхождения менее значительные (рис. 1).

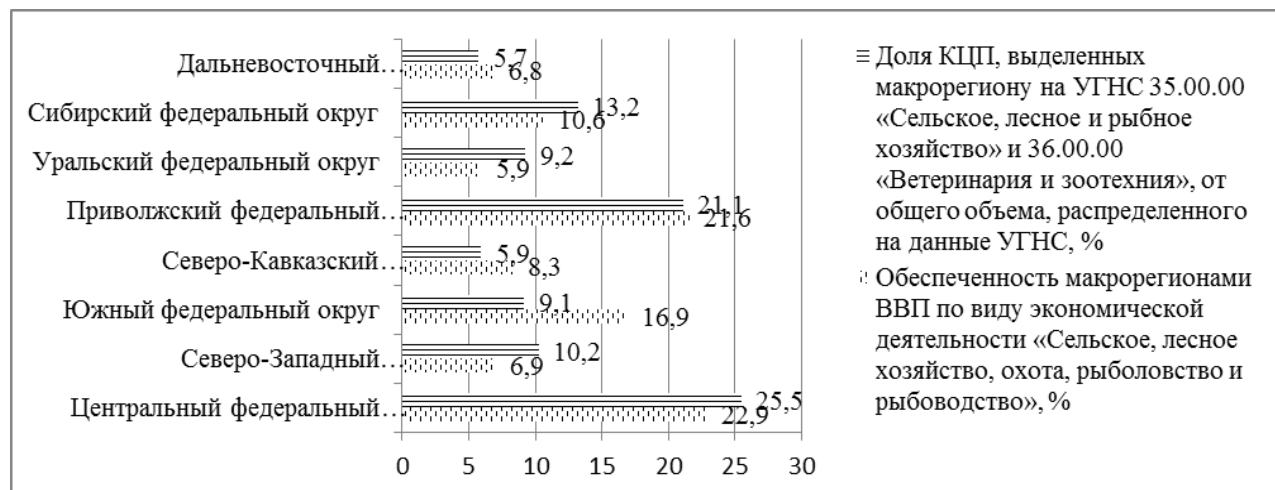

Рис. 1. Согласованность выделяемого макрорегионам России объема КЦП на УГНС 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния», с обеспеченностью макрорегионами ВВП России по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»

Сбалансированность распределяемых макрорегионам бюджетных мест на рассматриваемые УГНС с долей сельского, лесного и рыбного хозяйства в ВРП можно оценить по объемам КЦП, выделенных макрорегиону по УГНС 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния», приходящихся на 1 млрд руб. ВРП, обеспеченный по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство» (табл. 2).

Среднее значение данного показателя по стране составляет 7,42 ед., наименьших значений он достигает для Южного (3,99 ед.) и Северо-Кавказского (5,3 ед.) федеральных округов, наибольших – для Уральского (11,53 ед.) и Северо-Западного (10,96 ед.). Это означает, что выделение бюджетных мест вузам Юга и Кавказа является недостаточным с позиции вклада сельскохозяйственного, лесного и рыбохозяйственного комплексов в ВРП регионов, Уралу и Северо-Западу, наоборот, избыточным, не соответствующим доходам этих территорий от соответствующего вида деятельности.

Объем КЦП, финансируемых из федерального бюджета, выделяемый на УГНС 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния», в разрезе макрорегионов России

Макрорегионы РФ	Средний объем КЦП в год*		Объем КЦП* на 10 тыс. человек**		Объем КЦП* на 1 тыс. человек, занятых по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»**		Объем КЦП* на 1 млрд рублей ВРП по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство»***	
	ед./%	место в РФ	ед.	место в РФ	ед.	место в РФ	ед.	место в РФ
Центральный федеральный округ	6478/25,5	1	1,65	6	6,91	3	8,25	4
Северо-Западный федеральный округ	2604/10,2	4	1,86	3	9,35	1	10,96	2
Южный федеральный округ	2313/9,1	6	1,41	8	2,83	7	3,99	8
Северо-Кавказский федеральный округ	1501/5,9	7	1,52	7	2,09	8	5,30	7
Приволжский федеральный округ	5355/21,1	2	1,82	4	5,06	5	7,25	5
Уральский федеральный округ	2339/9,2	5	1,89	2	9,32	2	11,53	1
Сибирский федеральный округ	3361/13,2	3	1,96	1	5,78	4	9,22	3
Дальневосточный федеральный округ	1457/5,7	8	1,78	5	4,98	6	6,26	6
Российская Федерация	25408	-	1,73	-	5,15	-	7,42	-

Примечание: * - данные за 2017/18 – 2020/21 уч. гг.; ** - данные за 2018 год; *** - данные за 2017 год.

Источник: сайт Федеральной службы государственной статистики. – Режим доступа:

<https://www.gks.ru/>; сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации. –

Режим доступа: <https://minobrnauki.gov.ru/>

Если анализировать выделение макрорегионам объемов КЦП на УГНС 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния» соотносительно с численностью населения, проживающего в них, то следует отметить, что в расчете на 10 тыс. человек наибольшее число бюджетных мест приходится в Сибирском (1,96 ед.), Уральском (1,89 ед.) и Северо-Западном (1,86 ед.) федеральных округах, наименьшее – в Южном (1,41 ед.) и Северо-Кавказском (1,52 ед.) при среднем значении по стране 1,73 единиц. Если в Сибири это может быть обосновано тем, что регион является одним из научных центров России, притягивающим абитуриентов со всей страны, то по другим макрорегионам, на наш взгляд, объективных причин объяснения сложившегося распределения нет. Следовательно, вузам Урала и Северо-Запада выделяемые объемы КЦП излишни, Юга и Северного Кавказа – недостаточны.

Аналогичные выводы можно сделать и исходя из анализа выделяемого объема КЦП, приходящегося на 1 тыс. человек населения, занятого в макрорегионе по виду экономической деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство». Наибольших значений данный показатель достигает в Северо-Западном (9,35 ед.) и Уральском (9,32 ед.) федеральных округах, наименьших – в Южном (2,83 ед.) и Северо-Кавказском (2,09 ед.). Среднее значение по стране составляет 5,15 единиц. Соответственно, можно констатировать избыточность объемов КЦП, выделяемых на подготовку высококвалифицированных кадров для рассматриваемых отраслей в вузах Северо-Западного и Уральского макрорегионов, и недостаточность – Южного и Северо-Кавказского макрорегионов.

Обобщая выводы по оценке соответствия выделяемых макрорегионам России бюджетных мест на УГНС 35.00.00 «Сельское, лесное и рыбное хозяйство» и 36.00.00 «Ветеринария и зоотехния» обеспеченности территориями ВВП по виду деятельности «Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство», обеспеченности данным видом деятельности ВРП, а также численности населения, можно сказать, что сельско- и рыбохозяйственные вузы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов недополучают КЦП на подготовку кадров с высшим образованием для обеспечения перспективных потребностей предприятий сельского, лесного и рыбного хозяйства своих регионов, тогда как вузы Уральского и Северо-Западного макрорегионов, напротив, получают их в избытке. Конечно, для более точных выводов следовало бы оценить межрегиональную миграцию выпускников вузов. Если последние, к примеру, получают образование на Урале и Северо-Западе, а трудовую деятельность впоследствии осуществляют на Юге и Северном Кавказе, то выявленные несоответствия могли бы быть скорректированы. Выводы же, сделанные на базе имеющихся данных, свидетельствуют о необходимости корректировки как методики прогнозирования потребностей экономики в квалифицированных кадрах [6-10], так и алгоритма распределения объемов КЦП по регионам и УГНС¹. В последнем случае речь идет о том, что для устранения выявленных (на примере отдельных отраслей) дисбалансов и для обеспечения потребностей долгосрочного развития экономики макрорегионов необходимо более активное участие регионов в формировании региональной политики в сфере подготовки кадров с высшим образованием. В основе региональной политики в этой сфере должна лежать стратегия долгосрочного социально-экономического развития регионов.

Литература

1. Блинова Т.Н., Федотов А.В. Высшее образование Дальневосточного макрорегиона: соответствие потребностям развития и спросу // Университетское управление: практика и анализ. 2018. № 6 (22). С. 55-71. DOI: 10.15826/umpra.2018.06.058
2. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Профессиональное образование и рынок труда // Социологические исследования. 2003. № 4. С. 99 – 106.
3. Хлабыстова Н.В. Взаимодействие института высшего профессионального образования и рынка труда в современном российском обществе (на примере Краснодарского края) // Вестник АГУ. 2015. Выпуск 1 (156). С. 151 – 157.
4. Ислакаева Г.Р. Проблемы подготовки кадров в сфере высшего образования для лесного хозяйства России // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2015. № 4 (29). С. 104 – 108.
5. Подготовка кадров для промышленности : аналит. докл. / [под ред. В.В. Конакова и др.] ; Науч. центр соц.-экон. мониторинга. Саранск. 2014. 68 с.
6. Гуртов В.А., Питухин Е.А. Прогнозирование потребностей экономики в квалифицированных кадрах: обзор подходов и практик применения // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 21 (4). С. 130-161. DOI: 10.15826/umpra.2017.04.056
7. Гущина О.М. Совершенствование профессионально-квалификационной структуры рынка труда // Инновационная экономика: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2017 г.). Казань: Бук, 2017. С. 66 – 69.
8. Жаров А.С., Щеглова А.Н. Методика прогнозирования спроса на специалистов в системе высшего профессионального образования региона // Экономический анализ: теория и практика. 2014. № 12 (363). С. 47 – 56.
9. Каширина И.Б. Определение потребности в специалистах с высшим профессиональным образованием на рынке труда Амурской области: автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Дальневост. гос. ун-т. путей сообщения. Хабаровск, 2004. 22 с.
10. Кохно П.А., Дюндик Е.П. Методика расчета потребностей инновационной экономики в квалифицированных кадрах // Научный вестник оборонно-промышленного вестника России. 2015. № 1. С. 9 – 18.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 26 июня 2015 г. № 640 «О порядке формирования государственного задания на оказание государственных услуг (выполнение работ) в отношении федеральных государственных учреждений и финансового обеспечения государственного задания» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/>

Blinova Tatyana Nikolaevna, Researcher, Center for Continuing Education Economics, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82-84, Vernadsky ave., Moscow, 119571, Russian Federation); Senior Lecturer, Department of Management and Business Law, Far Eastern Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (33, M. Amursky St., Khabarovsk, 680000, Russian Federation). E-mail: Blinova-82@rambler.ru

Fedotov Alexander Vasilevich, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Center for Continuing Education Economics, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82-84, Vernadsky ave., Moscow, 119571, Russian Federation).

E-mail: fedotovfedotov@gmail.com

**REGIONAL AND INDUSTRIAL ASPECTS OF THE STATE EDUCATIONAL POLICY IMPLEMENTATION:
PERSONNEL PROVISION OF LONG-TERM DEVELOPMENT OF ECONOMY OF MACRO-REGIONS**

Abstract

Using the example of branches of the forest, agricultural and fishery complexes, the article analyzes the conformity of the structure and the number of places for training specialists with higher education, financed from the federal budget, to the long-term tasks of regional development. The volume of personnel training is compared with the contribution of territories to the gross domestic product (hereinafter referred to as GDP) for the types of economic activities «Agriculture, Forestry, Hunting, Fisheries and Fisheries», the structure of the gross regional product (hereinafter referred to as GRP) and the trends in its development provided for by development strategies regions, as well as with the population of macroregions and the number of employees in this type of activity. The results of the analysis indicate an imbalance in the distribution of budget places for admission to first year universities in certain federal districts of the country, which indicates the lack of effectiveness of the implementation of educational policy at the level of constituent entities of the federation and federal districts in terms of harmonizing the volume and structure of training with higher education with long-term needs socio-economic development, defined by strategic goal-setting documents of regional and macroregional levels.

Keywords: state educational policy budget places, universities, admission figures, educational programs, personnel with higher education, agriculture, forestry, fisheries, macro-regions, development strategies.

References

1. Blinova T.N., Fedotov A.V. Vy`sshee obrazovanie Dal`nevostochnogo makroregiona: sootvetstvie potrebnostyam razvitiya i spros / / Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2018. № 6 (22). S. 55-71. DOI: 10.15826/umpa.2018.06.058
2. Zborovskij G.E., Shuklina E.A. Professional`noe obrazovanie i ry`nok truda / / Sociologicheskie issledovaniya. 2003. № 4. P. 99-106.
3. Xlaby`stova N.V. Vzaimodejstvie instituta vy`sshego professional`nogo obrazovaniya i ry`nka truda v sovremennom rossijskom obshhestve (na primere Krasnodarskogo kraja) / / Vestnik AGU. 2015. Vy`pusk 1 (156). P. 151-157.
4. Islakaeva G.R. Problemy` podgotovki kadrov v sfere vy`sshego obrazovaniya dlya lesnogo xozyajstva Rossii / / Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij). 2015. № 4 (29). P. 104-108.
5. Podgotovka kadrov dlya promy`shlennosti : analit. dokl. / [pod red. V.V. Konakova i dr.]; Nauch. centr socz.-e`kon. monitoringa. Saransk. 2014. 68 p.
6. Gurtov V.A., Pituxin E.A. Prognozirovaniye potrebnostej e`konomiki v kvalificirovanny`x kadrax: obzor podxodov i praktik primeneniya / / Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz. 2017. № 21 (4). S. 130-161. DOI: 10.15826/umpa.2017.04.056
7. Gushhina O.M. Sovershenstvovanie professional`no-kvalifikacionnoj struktury` ry`nka truda / / Innovacionnaya e`konomika: materialy` IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan`, oktyabr` 2017 g.). Kazan`: Buk, 2017. P. 66-69.
8. Zharov A.S., Shheglova A.N. Metodika prognozirovaniya spros na specialistov v sisteme vy`sshego professional`nogo obrazovaniya regiona / / E`konomicheskij analiz: teoriya i praktika. 2014. № 12 (363). P. 47-56.
9. Kashirina I.B. Opredelenie potrebnosti v specialistax s vy`sshim professional`ny`m obrazovaniem na ry`nke truda Amurskoj oblasti: avtoref. dis. ... kand. e`kon. nauk: 08.00.05 / Dal`nevost. gos. un-t. putej soobshheniya. Xabarovsk, 2004. 22 p.
10. Koxno P.A., Dyundik E.P. Metodika rascheta potrebnostej innovacionnoj e`konomiki v kvalificirovanny`x kadrax / / Nauchny`j vestnik oboronno-promy`shlennogo vestnika Rossii. 2015. № 1. P. 9-18.

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ КРИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ПОДГОТОВКЕ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В МАГИСТРАТУРЕ

- Котова
Нина
Сергеевна** доктор филологических наук, зав. кафедрой иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54); профессор кафедры психологии образования, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: ninakotova@mail.ru
- Гельпей
Елена
Александровна** кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и речевых коммуникаций, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: mail2003@list.ru
- Котов
Григорий
Сергеевич** аспирант Академии психологии и педагогики, Южный федеральный университет (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42); преподаватель, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: Alamorff@yandex.ru

Аннотация

Формирование и развитие навыков критического мышления управленческих кадров и государственных служащих в рамках междисциплинарного подхода является важной задачей организации образования на уровне магистратуры. Отсутствие специализированных курсов дисциплин и комплексного подхода к формированию критериев критического мышления является основной причиной слабых или неэффективных профессиональных решений, восприятия реальности исключительно на основе опыта прошлого, с использованием элементарного линейного способа анализа проблем. Авторы разработали программу дисциплины «Профессиональный английский язык», в которой через чтение и письмо профессиональных текстов на английском языке развивается навык критического мышления магистрантов программ подготовки управленческих кадров и государственных служащих с учетом междисциплинарного подхода. В эксперименте участвовало 70 магистрантов ЮРИУ РАНХиГС. Разработанный курс тестировался 16 учебных недель или 1 семестр в 2019-2020 гг. Результаты показали, что экспериментальная группа имела более высокие средние баллы с точки зрения способности критического мышления и академических достижений по дисциплине «Профессиональный английский язык».

Ключевые слова: критическое мышление, управленческие кадры, междисциплинарный подход, навык, компетенция, профессиональный иностранный язык, критический анализ, высшее образование, современные управленцы.

Подготовка вузом управленческих кадров и государственных служащих сегодня заключается в практико-ориентированном формировании и развитии навыков критического мышления. Однако многие образовательные программы, формирующие необходимые руководителям компетенции лидеров, не предлагают специализированные курсы, направленные на развитие способностей к критическому мышлению на основе логики и работы с текстом. Как правило, образовательные программы формируют компоненты критического анализа в рамках компетенций по этапам в отсутствии комплексного или междисциплинарного подхода. Например, такая категория компетенции, как «системное и критическое мышление» в базовых стандартах по направлениям подготовки высшего образования 38.04.04 Государственное и муниципальное управление входит в компетенцию «способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу» (ОК-1); в базовом стандарте по направлению подготовки высшего образования входит

в компетенцию «способность к абстрактному мышлению, анализу, синтезу» (ОК-1) и по направлению подготовки 38.04.02 Менеджмент «способность обобщать и критически оценивать результаты исследований актуальных проблем управления, полученные отечественными и зарубежными исследователями (ПК-6), что значительно сужает спектр компетенций и задействованных дисциплин в формировании критического мышления. В дополнение большинство вступительных испытаний программ магистратуры по подготовке управленческих кадров и государственных служащих не включает собеседование по личностным компетенциям, необходимое для определения уровня готовности поступающих в магистратуру с разным базовым образованием.

Выработанный годами традиционный линейный подход к обучению в вузе способствовал снижению качества подготовки современных управленцев в вопросах принятия решений в кризисных ситуациях, этических нарушениях, приводит к неэффективным показателям работы того или иного департамента, министерства и т.д.

Многие ученые видят причину слабых или неэффективных решений руководителей в том, что они воспринимают реальность лишь на основе прошлого опыта, используя элементарный линейный способ анализа проблем и принятия решений, в который не включаются «множественные переменные», но который позволяет пользоваться алгоритмом мгновенного выбора решения [11]. То есть в своем управленческом мышлении они следуют линейному уровню, переходят от А к В, вырабатывают одно решение в момент распознавания знакомого или логического паттерна. Такой подход достаточно легкий для восприятия и понимания. Тем не менее, данный подход не позволяет принимать решения с учетом изменения количества и значения переменных.

Такое мышление исключает прогрессивное мышление и креатив, что снижает ценность формируемой компетенции, делает ее уязвимой в условиях меняющихся переменных или изменяющейся среды [3].

Подготовка кадров в магистратуре во многих университетах подвергается критике, так как в образовательной программе по тому или иному направлению не предусмотрено развитие стратегических лидерских качеств и компетенций в прагматическом аспекте, отсутствует междисциплинарная связь по развитию навыков организационного управления, кризисного управления, управленческого общения и критического мышления, стратегического планирования и управления развитием и разнообразием высокоэффективных команд [4]. Речь идет о создании оценки применимости образовательной программы или курса, а не о формальном соответствии названия дисциплин и их содержания формулировкам компетенций ФГОС.

Следовательно, магистратура по направлению подготовки государственное управление должна строиться вокруг развития навыков эффективного мышления и когнитивного анализа как элементов каждой из формируемых компетенций, которые могут быть представлены в четырех базовых принципах:

1. Рефлексивное мышление или способность учитывать опыт управленческой мысли.
2. Аналитическое мышление или способность определять и выстраивать управленческую структуру и стратегию, роли анализа и критического мышления в работе руководителя.
3. Социальное мышление или способность определять влияние социальных и экономических сил на управленческие решения.
4. Комплексное мышление или способность влиять на подчиненных и управлять ими через эффективное общение, мотивацию, партнерские возможности, стимулы развития сотрудников.
5. Прагматическое мышление или способность руководителя управлять изменениями в рамках теории позитивизма и эффективного принятия решений, направленных на достижение результата [7].

Обществу не нужны сегодня выпускники, которые просто знают или разбираются в теории управления по учебнику. Учитывая, что средний возраст руководителя составляет 30-40 лет, необходимо, чтобы выпускник магистерской программы мог применять эти знания, критически анализировать проблемы и предлагать нестандартные решения, особенно в ситуации кризиса. Особую роль в подготовке таких кадров приобретает развитие навыков критического мышления в решении управленческих проблем, что в свою очередь, зависит от эффективности когнитивных аспектов процесса принятия решений, преодоления ложных парадигм,

предубеждений и т.д. [2]. Таким образом, будущие выпускники магистратуры, управленцы и руководители, отвечающие за изменения и ведущие организации, должны понимать, какие необходимо предпринять действия (прежде всего когнитивные) для решения проблем [1]. Сегодня же отмечается дефицит заданий на развитие критического мышления на уровне отдельных дисциплин и в междисциплинарном аспекте при подготовке студентов магистратуры. Задача современного вуза при подготовке магистрантов-управленцев и будущих руководителей, следовательно, развивать и оттачивать навыки критического мышления через включение в образовательный процесс заданий и оценочных средств междисциплинарного характера [12].

В связи с этим необходимо обосновать критическое мышление не как универсальный элемент или формируемую в вузе универсальную компетенцию, так называемый «общий» навык, а как уникальное, специфичное явление области управления [10].

Обратимся к самому термину «критическое мышление». Многие подразумевают под ним рефлексивное мышление, сосредоточенное на решении того, что есть истина и что нужно делать. Для других – это способ мышления, например, о явлении или проблеме, при котором человек проводит анализ, оценку и восстанавливает реальность. Отмечают также такую характерную черту критического мышления, как самонаправленность и называют его «самокорректирующееся мышление».

В научных трудах, например, в работах М. Векслера, критическое мышление определяется как способность обнаружить ошибку, определить истинность явления или ценность предмета [13]. В исследованиях В.А. Попкова и А.В. Коржуева «критическое мышление» представлено как размышление человека о своих действиях, во время которого человек осознает и анализирует, что и как он делает, другими словами, анализирует модели и правила, по которым он действует [15].

В области образования обращает на себя внимание исследование М.В. Кларина о «склонности к критическому мышлению», в котором отмечается «поиск ясной постановки предмета точности; последовательное, поочередное рассмотрение частей сложного целого; проявление восприимчивости и понимания по отношению к чужим чувствам, уровень познаний и глубины суждений; склонность к применению навыков критического мышления в жизни» [14].

Многие ученые сходятся во мнении, что «критическое мышление (Critical thinking)» представляет собой способ мышления, для которого характерны рассуждения, основанные на постоянном обосновании и рефлексии собственных тезисов и аргументов, контекста и учета «особенностей автора и читателя, оппонента и пропонента» [12]. Таким образом, критическое мышление подразумевает навык рефлексии собственной мыслительной деятельности, развитие навыков аналитической деятельности, умение ставить вопросы, работать с понятиями, способность оценивать эти умения и навыки у других [5].

Актуальный подход к исследованию критического мышления в сфере образования и обучения студентов был представлен в работах американских преподавателей Джени Д. Стила, Кертиса С. Меридита, Чарльза Темпла и Скотта Уолтера в конце XX века. В рамках данного подхода была предложена технология «развития критического мышления через чтение и письмо», в которую вошли такие параметры, как развитие любознательности, исследовательских методов, способности ставить вопросы, искать ответы, умение логично отстаивать свое мнение и оценивать аргументы оппонента. Таким образом, критическое мышление представляет собой не отдельные, разрозненные навыки и умения, а их сочетание. Ч. Темпл в исследовании основных характеристик критического мышления определил основные теории, которые необходимо внедрять в образовательный процесс для формирования и развития навыков критического мышления через чтение и письмо:

- конструктивизм (Ж. Пиаже, Л.С. Выгодский): студент активно конструирует свои знания и навыки, преподаватель направляет и регулирует процесс обучения, преподаватель и студент оценивают индивидуальный образовательный результат;
- теория схем (Р. Андерсон): студент в процессе обучения развивает умение осознавать свои представления (схемы) и модифицировать их;
- критицизм читателя (Луиза Розенблатт, Дэвид Бляйх): осмысление текста происходит через представление студентом своего мнения и обсуждения в группе, что приводит к конструированию смыслов;

- метакогнитивная объективация: представление процесса рассуждения или познания текста через его объективацию в рисунках, схемах, графиках и т.д. [2].

Как правило, в высших учебных заведениях формирование критического мышления на уровне магистратуры включено в курс методологии научного исследования, проектной деятельности и подготовки выпускной квалификационной работы. Таким образом, упущена возможность включать формирование данной компетенции через чтение и письмо в дисциплине иностранный язык, в рамках которой основная образовательная цель курса – пополнение профессионального словарного запаса, повторение грамматики, развитие диалогической и монологической речи («готовность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач профессиональной деятельности (ОПК-1) по направлению подготовки 38.04.02 Менеджмент и 38.04.08 Государственное и муниципальное управление»). Однако, именно данный курс позволяет осуществить обучение критическому анализу текста профессиональной тематики, учит правилам и способам аргументации и профессионального диалога, выбору тактики и стратегии коммуникации, с учетом мнения оппонентов, постановке целей, планированию и прогнозированию результатов деловой коммуникации, использованию технологий убеждающей коммуникации и т.д. То есть, фактически в дисциплине реализуются знания и навыки студентов в области логики, психологии, профессиональных дисциплин и языка. Если в большинстве образовательных программ магистратуры для управленцев и руководителей в зарубежных вузах представлен курс критического мышления как отдельная дисциплина, основанный на сократовском методе, цель которого подтолкнуть студентов к критическому анализу своих идей и действий через выдвижение предположений, оценку аргументов и выводов [9]. В 2000–2008 гг. Р. Пол провел исследование, в котором утверждается, что метод Сократа на протяжении веков остается самым мощным методом обучения для развития навыков критического мышления не только в процессе обучения, но и в профессиональной деятельности [8]. Однако в отечественных вузах обучение критическому мышлению, как правило, проходит «по умолчанию» в рамках отдельных дисциплин, не учитывает междисциплинарного подхода, который требует не только внедрения в дисциплины специальных приемов, стратегий, заданий, новых правил отношений участников образовательного процесса, но и введение междисциплинарного модуля, направленного на формирование критического мышления студента как в магистерских программах исследовательского направления, так и практико-ориентированного.

Включение в курс иностранный язык в магистратуре технологии развития критического мышления через чтение и письмо требует изменения не только программы подготовки магистрантов, но и готовности самих преподавателей к реализации данной задачи. Готовность преподавателя иностранного языка к обучению критическому мышлению через чтение и письмо имеет решающее значение. В этом смысле значимы концепции Н. Дауда и З. Хусина о специфике обучения критическому мышлению, сформулированные на основе идеи Корнелла, автора теста на определение способностей к критическому мышлению: 1) индуктивное мышление; 2) дедуктивное мышление; 3) оценка правдоподобности утверждений; 4) идентификация предположений [12]. Преподаватель иностранного языка, обладающий способностями к критическому мышлению и владеющий технологией формирования критического мышления через чтение и письмо на иностранном языке (прогностическое чтение, семантический анализ текста, представление текста в виде схемы, карты, использование инфографики и т.д.) позволит студентам магистратуры анализировать достоверность информации, вдумчиво исследовать перспективы проблемы, развивать медийную грамотность через структурированную, продуманную и повторяющуюся учебную практику.

Процесс критического мышления при работе с текстом включает в себя несколько шагов: определение проблемы, обдумывание цели, определение истинности и ценности фактов, обдумывание, подготовка собственной аргументации, оценка мнения других, определение перспективы вопроса [5], [6].

Кроме того, ключевыми этапами критического мышления в анализе информации и коммуникации выступают:

1. Описание фактов (четко описать само явление, где оно имело место и при каких обстоятельствах).

2. Размышление (включение новой информации, нового опыта или другой точки зрения).
3. Анализ (изучить и объяснять явление или событие, например, через аналогию).
4. Критика (определение слабых и сильных сторон аргументации, принцип «нейтральной критики»).
5. Рассуждение (причинно-следственные методы, демонстрация логического мышления, представление доказательств аргумента).
6. Оценка (комментарии).

В 2019-2020 гг. в ЮРИУ РАНХиГС было проведено исследование по включению заданий на критическое мышление в рамках дисциплины Профессиональный английский язык для студентов магистратуры по направлению Государственное и муниципальное управление, Менеджмент, Экономика (прогнозируемое чтение, семантический анализ профессионально-ориентированного текста, представление текста в виде таблиц, схем, интеллектуальных карт с элементами инфографики и т.д.)

Основными целями исследования были:

1. Разработать модель заданий для развития критического мышления в рамках дисциплины Профессиональный английский язык для студентов магистратуры и развивать их способности в изучении процессов критического мышления на основе чтения профессиональной литературы на английском языке.
2. Оценить способности экспериментальной группы к критическому мышлению и сравнить его с контрольной группой, обучающейся по стандарту.
3. Оценить и проанализировать удовлетворенность студентов экспериментальной группы использованием заданий на критическое мышление.

Методика исследования, выборка и сбор данных включали: магистрантов по направлениям подготовки Государственное и муниципальное управление, Менеджмент, Экономика на основе кластерной случайной выборки в количестве 70 человек. Впоследствии магистранты были разделены на две подгруппы: 36 человек (магистранты экспериментальной группы) и 34 человека (магистранты контрольной группы). Период оценки студентов составлял 16 недель учебного семестра, (по 2 часа в неделю, всего 32 часа). Тестирование было проведено перед началом и после завершения курса Профессиональный английский язык. Также каждому магистранту была предложена анкета из 20 пунктов относительно их впечатлений от курса.

Перед проведением исследования в мае-августе 2018 года была созвана фокус-группа из пяти экспертов (преподавателей английского языка по данным направлениям подготовки) и разработан курс Профессиональный английский язык в модели формирования критического мышления магистрантов. Перед внедрением курса в полноценный учебный процесс программа была протестирована в группе магистрантов из 12 человек, результаты были пересмотрены в соответствии с рекомендациями преподавателя и магистрантов. Предложения были включены в окончательный вариант курса в 2019-2020 учебном году.

На основании оценки экспертов было установлено, что концепция курса Профессиональный английский язык и ее общее соответствие критериям формирования критического мышления было на высоком уровне (среднее значение = 4,84 и стандартное отклонение $\sigma = 0,26$), соотношение содержания и образовательной цели оценивалась с использованием значения конгруэнтности пункт-цель, где 0,5 или более соответствует удовлетворительному показателю, а индекс согласованности тестовой программы показал надежную оценку 0,92. Анкета удовлетворенности магистрантов представляла собой 5-уровневую шкалу по модели Лайкерта по 20 наименованиям. Значение надежности 0,90 было рассчитано с использованием альфы Кронбаха для определения внутренней согласованности элементов.

Также использовалась описательная статистика по среднему и стандартному отклонению с целью оценки качества эксперимента. Контент-анализ был использован для интерпретации ответов магистрантов по критериям и позволил осуществить синтез принципов обучения способностям критического мышления магистрантов:

- наименее подходящее 0,00 - 1,49;
- относительно подходящее 1,50-2,49;
- умеренно подходящее 2,50-3,49;
- подходящее 3,50-4,49;

максимально подходящее 4,50–5,00.

Показатели способностей к критическому мышлению и достижений магистрантов в конце курса Профессиональный английский язык были классифицированы по включению заданий на критическое мышление в экспериментальную группу. При среднем статистически значимом соотношении способности к критическому мышлению и достижений учащихся в 0,05, в конце курса показатель экспериментальной группы в области критического мышления достиг 17,62, а показатель достижений составил 19,26. Коэффициент вариации вычислен в отношении среднего квадратического отклонения к средней величине варьирующего признака по формуле:

$$\text{Коэфф. вариации} = \frac{\sigma}{\bar{X}}$$

где σ - среднее квадратическое отклонение; $\bar{X}$ - среднее значение признака.

Совокупность считается однородной, если коэффициент вариации не превышает 33%.

Таблица 1

Сравнение показателей способностей к критическому мышлению и достижений магистрантов

Наименование показателя	Тестирование	Количество студентов ЭГ/КГ	Значение ЭГ / КГ	σ	Однородность совокупности	Значимость
Способность к критическому мышлению	До/После	34/34	17.62 / 14.21	3.28 2.73	20,51	.000
Достижение		36/36	19.26 / 18.83	3.64 2.62		

Таблица 2

Результаты анализа удовлетворенности обучением студентов экспериментальной и контрольной групп

Характеристика	Значение	Σ	Уровень удовлетворения	Показатель
Содержание курса	4.56	0.12	Максимально подходящее	1
Форма заданий по развитию критического мышления и профессиональному английскому языку	4.47	0.07	Подходящее	3
Развитие информационной грамотности	4.50	0.18	Максимально подходящее	2
Удовлетворенность курсом	4.57	0.07	Подходящее	3
Методы оценивания	4.47	0.07	Подходящее	3
Ценность курса для развития профессиональных компетенций	4.49	0.10	Подходящее	3

Таким образом, разработанный курс «Профессиональный английский язык» эффективно содействует обучению критическому мышлению, так как позволяет не только повысить языковую подготовку магистранта, но и развить способность мыслить критически и проницательно, через аналитическую работу с профессиональными текстами на английском языке и развитие диалогической и монологической речи, знакомит магистрантов с элементами стратегии и практикой критического мышления на 1 курсе.

Литература

1. Albanese J. and Paturas J. The importance of critical thinking skills in disaster management. *Journal of Business Continuity & Emergency Planning*, 11 (4), 326-334 (2018).
2. Calma A. To teach critical thinking is to understand it. // <https://fbe.unimelb.edu.au/wcla/news-events/news/to-teach-critical-thinking-is-to-understand-it>.
3. French, E., & Tracey, N. (2010). Critical thinking and organisation theory: Embedding a process to encourage graduate capabilities. *E-Journal of Business Education & Scholarship of Teaching*, 4(1), 1-10. Retrieved from Education Research Complete, EBSCOhost.
4. Hale, E.L. & Moorman, H. N. (2007, November). *Preparing school principals: A national perspective on policy and program innovations*. Institute for Educational leadership, Washington, DC, Illinois Educator Research Council, Edwardsville, Illinois // <http://www.iel.org/pubs/preparingschoolprincipals.html>.
5. Hove, G. (2011). Developing critical thinking skills in the high school English classroom. (Unpublished master's thesis). University of Wisconsin-Stout, WI. Retrieved from <https://tinyurl.com/y7dm8blh>
6. Innis, G. (2015). Critical thinking: Another essential life skill. Help children learn to think critically to achieve success in school and in life. Retrieved from <https://tinyurl.com/ya337bt4>
7. Mintzberg, H. (1997, Spring) The new management mind-set. *Leader to Leader*.
8. Paul, R., & Elder, L. (2008). Critical thinking: The nuts and bolts of education. *Optometric Education*, 33(3), 88-91.
9. Reeve, E.M. (2016). 21st-century skills needed by students in technical and vocational education and training (TVET). *Asian International Journal of Social Sciences*, 16(4), 65 – 82. doi: 10.29139/aijss.20160404
10. Turan, U., Fidan, Y., & Yildiran, C. (2019). Critical Thinking as a Qualified Decision-Making Tool. *Journal of History Culture and Art Research*, 8(4), 1-18. doi:<http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v8i4.2316>
11. Sanders, I. (2002, May). To fight terror, we can't think straight *The Washington Post*.
12. Sowton Ch. Strategies for teaching critical thinking more effectively - Academic English Conference // <https://www.cambridge.org/elt/blog/2018/11/09/strategies-teaching-critical-thinking-effectively-academic-english/>
13. Векслер М. Критическое мышление: дис. ... канд. психол. наук. – Киев, 1973.
14. Кларин М.В. Инновационные модели обучения в зарубежных педагогических поисках. М.: Арена, 1994. 222 с.
15. Попков В.А., Коржуев А.В. Критический стиль мышления у субъектов высшего профессионального образования. М.: Агроконсалт, 2002. 233 с.

Kotova Nina Sergeevna, Doctor of Philology, Prof., Head of Cathedra of Foreign languages and speech communication, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Prof. of Cathedra of Educational Psychology, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: ninakotova@mail.ru

Gelpey Elena Aleksandrovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Prof. of Cathedra of Foreign languages and speech communication, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: mail2003@list.ru

Kotov Grigory Sergeevich, graduate student, Academy of Psychology and Pedagogics, Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); teacher, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: Alamorf@yandex.ru

CRITICAL THINKING SKILLS DEVELOPMENT IN THE PROCESS OF COMMUNICATIVE COMPETENCE FORMATION WHILE TRAINING MANAGEMENT PERSONNEL AND GOVERNMENT OFFICIALS FOR A MASTER'S DEGREE

Abstract

The formation and development of critical skills in management personnel and government officials, using the interdisciplinary approach, is considered to be the main task in organizing the educational process on the level

of the master's degree program. The lack of specialized courses and a comprehensive approach to forming the criteria of critical thinking leads to making inefficient professional decisions and perceiving the reality just on the basis of the past experience, using an elementary linear way of problem analysis. The authors have developed the course "Professional English", which, by means of reading professional texts and writing activities in English, helps to develop critical thinking skills in master students, studying the training program for management personnel and government officials, using the interdisciplinary approach. 70 master students of URIU RANEPa participated in the experiment. The developed course had been tested for 16 weeks, i.e. 1 semester 2019-2020. The findings showed that the experimental group had higher average marks in terms of critical thinking ability and academic achievements in the course "Professional English"

Keywords: critical thinking, management personnel, interdisciplinary approach, skill, competence, professional foreign language, critical analysis, higher education, modern managers.

References

1. Albanese J. and Paturas J. The importance of critical thinking skills in disaster management. *Journal of Business Continuity & Emergency Planning*, 11 (4), 326-334 (2018).
2. Calma A. To teach critical thinking is to understand it. // <https://fbe.unimelb.edu.au/wcla/news-events/news/to-teach-critical-thinking-is-to-understand-it>.
3. French, E., & Tracey, N. (2010). Critical thinking and organisation theory: Embedding a process to encourage graduate capabilities. *E-Journal of Business Education & Scholarship of Teaching*, 4(1), 1-10. Retrieved from Education Research Complete, EBSCOhost.
4. Hale, E.L. & Moorman, H. N. (2007, November). Preparing school principals: A national perspective on policy and program innovations. Institute for Educational leadership, Washington, DC, Illinois Educator Research Council, Edwardsville, Illinois // <http://www.iel.org/pubs/preparingschoolprincipals.html>.
5. Hove, G. (2011). Developing critical thinking skills in the high school English classroom. (Un-published master's thesis). University of Wisconsin-Stout, WI. Retrieved from <https://tinyurl.com/y7dm8blh>
6. Innis, G. (2015). Critical thinking: Another essential life skill. Help children learn to think critically to achieve success in school and in life. Retrieved from <https://tinyurl.com/ya337bt4>
7. Mintzberg, H. (1997, Spring) The new management mind-set. *Leader to Leader*.
8. Paul, R., & Elder, L. (2008). Critical thinking: The nuts and bolts of education. *Optometric Education*, 33(3), 88-91.
9. Reeve, E. M. (2016). 21st-century skills needed by students in technical and vocational education and training (TVET). *Asian International Journal of Social Sciences*, 16(4), 65 – 82. doi: 10.29139/aijss.20160404
10. Turan, U., Fidan, Y., & Yildiran, C. (2019). Critical Thinking as a Qualified Decision-Making Tool. *Journal of History Culture and Art Research*, 8(4), 1-18. doi:<http://dx.doi.org/10.7596/taksad.v8i4.2316>
11. Sanders, I. (2002, May). To fight terror, we can't think straight *The Washington Post*.
12. Sowton Ch. Strategies for teaching critical thinking more effectively - Academic English Conference // <https://www.cambridge.org/elt/blog/2018/11/09/strategies-teaching-critical-thinking-effectively-academic-english/>
13. Veksler M. *Kriticheskoe myshlenie: dis. ... kand. psihol. nauk.* – Kiev, 1973.
14. Klarin M.V. *Innovacionnye modeli obucheniya v zarubezhnyh pedagogicheskikh poiskah.* M.: Arena, 1994. 222 p.
15. Popkov V.A., Korzhuev A.V. *Kriticheskij stil' myshleniya u sub"ektov vysshego professional'nogo obrazovaniya.* M.: Agrokonsalt, 2002. 233 p.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССОМ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА ВУЗОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Матвеев доктор экономических наук, профессор, Орловский филиал
Владимир Финансового университета при Правительстве РФ (302001,
Владимирович Россия, г. Орел, ул. Гостиная, 2). E-mail: vvmatveev@fa.ru
Соболева кандидат экономических наук, доцент,
Юлия Среднерусский институт управления – филиал
Павловна Российской академии народного хозяйства и государственной
 службы при Президенте РФ (302028, Россия, г. Орел,
 б-р Победы, 5А). E-mail: soboleva-yr@mail.ru

Аннотация

Основным ресурсом вузов является их профессорско-преподавательский состав. Оптимальным образом используя его, можно достичь поставленных стратегических целей, обеспечить высокую заинтересованность работников в повышении эффективности своего труда, что, в конечном итоге, приведет к увеличению востребованности выпускников рынком труда. Ввиду этого исследование проблем в области мотивации профессорско-преподавательского состава вузов, разработка направлений ее повышения выступает одной из основных задач, достижение которой обеспечит рост конкурентоспособности отечественных вузов, их выход на международный рынок, подготовку высококлассных специалистов. Несмотря на большое разнообразие работ в области мотивации труда персонала, отсутствует единый подход к организации данного процесса в высших учебных заведениях.

Ключевые слова: управление персоналом, мотивация, образование, стратегическое управление, профессорско-преподавательский состав, высококлассные специалисты, рынок труда, эффективность труда, учебная деятельность.

1. Теоретический обзор проблемы исследования

Исследование трудовой мотивации на протяжении долгого времени остается достаточно актуальной темой. Все также постоянно возникает вопрос, какие способы и методы позволят наиболее эффективно воздействовать на сотрудника, что в свою очередь, должно приводить к его наиболее продуктивной работе и получению максимальной выгоды предприятием.

Вопросы исследования мотивации персонала на протяжении многих десятилетий изучались зарубежными и отечественными учеными. К основоположникам теории мотивации относятся А. Маслоу, Ф. Гецберг, В. Врум, В. Оучи, Л. Портер, Ш. Ричи, П. Мартин, Дж. Адамс, К. Альдерфер, Д. МакГрегор, МакКлеланд, Э. Мейо, Э. Лоулер, Д.Л. Портер, М.П. Фоллет и др. Среди отечественных исследователей трудовой мотивации следует отметить А.П. Егоршина, Н.И. Захарова, В.И. Ковалева, Э.А. Уткина, О.С. Виханского, А.П. Егоршина, А.Я. Кибанова, А.В. Шахова, С.А. Шапиро и др. В трудах перечисленных ученых рассматриваются основные технологии управления персоналом, значительное внимание уделяется базовым концепциям мотивации, рассматриваются формы и методы стимулирования персонала.

При рассмотрении научных работ, посвященных исследованию вопросов мотивации в высшей школе, подавляющее их большинство рассматривает вопросы мотивации обучающихся к учебной деятельности, в то время как мотивации преподавательского состава вузов уделяется незначительное внимание. В данной области следует отметить труды Е.П. Косиновой, Л.В. Андреевой, Нехвядович Э.А., Михалёву О.М., Лузакова А.А., Денисову О.А., Павлову Ж.Г., Сафонову О.М. и др. Труды ученых посвящены в основном исследованию мотивационного профиля преподавателей вузов, особенностям их трудовой мотивации, оценке эффективности применяемых методов стимулирования труда. Эти исследования достаточно глубоко изучают конкретную предметную область, например, поведение человека в конкретных условиях деятельности вуза; факторы, формирующие уровень профессиональной мотивации; сущность и эффективность внедряемой в настоящее время повсеместно балльно-рейтинговой оценки преподавателей, но не рассматривают управление мотивацией профессорско-преподавательского состава в аспекте стратегического управления развитием вуза.

Иными словами, изученные нами в процессе выполнения данного исследования научные труды современных отечественных ученых посвящены узким аспектам деятельности ППС вузов. Несмотря на большое разнообразие работ в области мотивации труда персонала, отсутствует единый подход к организации данного процесса в высших учебных заведениях.

В настоящий момент существует большое количество теорий, объясняющих поведение человека. Наиболее популярными стали исследования следующих ученых: А. Маслоу (теория иерархии потребностей), К. Альдерфера (теория потребностей), Ф. Герцберга (двухфакторная модель), Мак-Клелланда (теория приобретенных потребностей), В. Врума (теория ожидания), С. Адамса (теория справедливости), теория Портера-Лоулера и другие.

Нами был проведен анализ существующих в научной литературе определения термина «мотивация». Выделим следующие основные черты данного понятия:

- совокупность мотивов поведения и деятельности;
- система внутренних и внешних факторов;
- побудительная причина или потребности;
- процесс стимулирования и побуждения к действию.

В сфере высшего образования преподавание представляет собой профессиональную деятельность, требующую большой объем знаний и специализированных навыков, которые развиваются на протяжении всей жизни в ходе постоянной учебы и исследовательской деятельности. Можно выделить основные специфичные черты профессиональной деятельности преподавателя вуза:

– преподаватель несет ответственность за хранение, использование и передачу знаний, а также за их преумножение посредством совмещения функции обучения и исследования.

– данная профессиональная деятельность характеризуется некой автономностью, т.е. оценку уровня компетентности преподавателя могут давать только его коллеги, взяв за основу специфические критерии оценивания;

– профессиональная деятельность преподавателя не выступает объектом «купли-продажи». Связь между качеством труда преподавателя и системой его оплаты немного иная, нежели у других профессий. Это можно объяснить тем, что видимые результаты труда преподавателя не проявляются непосредственно в момент осуществления профессиональной деятельности. Поэтому возникают сложности с определением заслуженного вознаграждения;

– специфичность мотивации трудовой деятельности преподавателя, т.е. помимо получения материального вознаграждения очень важно профессиональное признание коллег (квалификационная оценка). Результатом данной оценки является присуждение ученой степени и/или ученого звания.

Преподаватель высшего учебного заведения – это личность, обладающая набором специфичных качеств необходимых для осуществления профессиональной деятельности. Процесс овладения данной профессией требует от человека, конечно, наличие природных способностей, а также больших физических, умственных, эмоциональных и временных затрат.

Если раньше работа на кафедре после окончания вуза считалась очень престижной, то сейчас в связи с экономической ситуацией происходит постоянный отток специалистов в коммерческие сферы. Данную тенденцию можно объяснить недостаточным материальным обеспечением. Должностные оклады преподавателей слишком малы, они, конечно, получают дополнительные выплаты за имеющиеся регалии: ученая степень, ученое звание и др., но в совокупности все равно уровень заработной платы сотрудников высшей школы остается низким. В связи с этим преподаватели, если и не меняют полностью сферу деятельности, то ищут дополнительные источники дохода.

2. Мотивация трудовой деятельности персонала в сфере высшего образования: зарубежный опыт

Мотивация имеет огромное значение в нашей социальной и трудовой жизни. Она проявляется в сильном желании что-либо сделать. Это желание исходит от самих работников. Если мотивация работника и средства стимулирования труда, выбранные работодателем, совпадут, – деятельность человека становится эффективной. Высокий уровень трудовой мотивации педагогов может оказать положительное влияние на достижения студентов. Поиск и оценка факторов, влияющих на трудовую мотивацию педагогов, имеет важное значение при этом.

Человеческий потенциал может рассматриваться в качестве конкурентного преимущества организаций, компаний и высших учебных заведений. Наряду с увеличением потребностей рынка в качественных товарах, развитием предпринимательства, обострением конкуренции возрастает значимость уровня подготовки будущих работников, специалистов. В этой связи функция любого высшего заведения сводится к подготовке будущих работников к выполнению необходимого набора компетенций. Высокий профессионализм преподавателей, ответственность, доверие и командный подход представляют собой наиболее важные атрибуты человеческого потенциала вуза.

Рассмотрим особенности мотивации преподавателей высших учебных заведений зарубежных стран. Интересен опыт США в данной области, где оценка результативности деятельности преподавателя основывается на концепции образовательной системы, требованиями, определяемыми должностной инструкцией, условиями приема на работу, продвижением, методами оценки деятельности. Основным положением концепции управления персоналом вузов в США является следующее: качество образования определяется исключительно личностными и профессиональными характеристиками преподавателей. В этой связи на первое место выступает система оценки деятельности преподавателя. Университеты содержат набор локальных документов, таких, как устав учреждения образования, руководство о профсоюзных контрактах, руководство о политике наемного персонала, – позволяющих осуществлять подобную оценку, которая позволяет решать ряд задач, связанных с эффективным управлением персоналом (продвижения по карьерной лестнице, переход в штат, изменения величины заработной платы, определение педагогических качеств, совершенствование профессиональных навыков). Эти задачи направлены на выявление степени удовлетворенности обучающихся процессом обучения и преподавания в вузе. Следует отметить, что даже в рамках одного вуза критерии оценки преподавателей разных подразделений могут отличаться. Оценка чаще всего осуществляется по таким направлениям, как: преподавательская, научная и вспомогательная деятельности (по аналогии с обучением, творчеством и общественной деятельности, которые находятся в основе всех внутренних положений, регулирующих деятельность вузов). При этом преподаватель вуза всегда досконально знает о критериях данной оценки.

Оценка работы профессорско-преподавательского состава осуществляется с учетом международных стандартов. Требования этих стандартов, отражаемые в университетских документах по управлению персоналом, содержат определенные характеристики работника: хороший стиль подачи материала, умение наладить контакт с аудиторией, достойное знание предмета, четкое и ясное изложение содержания предмета, обладание хорошими знаниями, использование примеров из практики, использование технических средств, объективность при подведении итогов, должен быть активным членом университета, должен быть в курсе тенденций в области своих знаний.

Рейтинговая оценка преподавателя университета США включает в себя несколько критериев оценки, таких, как: субъективное мнение руководителя о вкладе преподавателя в решение поставленных перед университетом задач; оценка каждого компонента деятельности преподавателя с учетом конкретных областей деятельности; участие преподавателя в организации общественной, спортивной жизни; участие преподавателя в жизни студенчества, ближайшего социального окружения по месту жительства; анкетирование студентов. При этом методика осуществления балльно-рейтинговой оценки преподавателей у каждого вуза своя и зависит от особенностей управления учебным заведением, его структуры, места в экономической жизни общества.

Отличается деятельность вузов США также осуществляемым над их деятельностью контролем: его реализуют не Министерства образования, Национальные Комиссии или аналогичные структуры, а внутривузовские департаменты. Подобная система контроля за деятельностью университетов присутствует также в Канаде и в странах Латинской Америки. Несмотря на наличие рейтинговой оценки, система мотивации профессорско-преподавательского состава вузов США не стандартизирована.

Показатели оценки качества труда современного преподавателя британского вуза включают в себя следующее:

- ученая степень;
- педагогический стаж;

- количество научных публикаций;
- ориентированность преподавателя на улучшение качества своего труда;
- личностный рост;
- перспективы в научной деятельности.

В данной системе присутствует в том числе субъективная оценка работника со стороны непосредственного руководителя, а также объективное мнение внутривузовского комитета на основе собеседования с преподавателем. Подобная аттестация в различных вузах Великобритании проводится с неодинаковой периодичностью: где-то раз в год, где-то раз в три года.

Значительную часть времени в процессе управления персоналом в вузах Великобритании отводят заполнению формальных документов относительно характеристик работника, а также осуществлению внешней экспертизы его деятельности. Следует отметить, что внешняя экспертиза нашла применение не только в управлении персоналом вузов Великобритании, но применяется также и во Франции, Нидерландах, Дании, Финляндии, Норвегии. В французских вузах реализуется она непосредственно подчиняющимся Президенту страны национальным органом управления высшим образованием. В Нидерландах, как и в Великобритании, нашли широкое применение оба вида оценки персонала: как внутренняя, так и внешняя. В скандинавских странах внутренняя оценка дополняется оценкой на программном и институциональном уровнях.

Критерии оценки персонала в вузах западноевропейских, американских и скандинавских стран не едины, они отличаются между собой даже в рамках одной страны. Для тех вузов, где первостепенна научная деятельность, показатели, связанные с образованием, не рассматриваются среди критериев оценки и, соответственно, стимулирования преподавателей (например, Лувенский католический университет Бельгии). Оценка осуществляется раз в шесть лет и предполагает мотивацию и оценку преподавателя по нескольким критериям:

- научные премии и награды
- участие преподавателей в международных научных конференциях
- научная работа за рубежом
- подготовка аспирантов и докторантов
- разработка грантов, приобретение патентов
- практические разработки и изобретения

К концу двадцатого века в университетах Бельгии внедрили опросники, результаты которых были известны только оцениваемому и руководству вуза. На основе подобных результатов принимались решения относительно необходимости повышения квалификации преподавателей, либо разработки иных рекомендаций. Такая оценка осуществляется один раз в пять лет и используется не только для мотивации сотрудников, но и для построения их индивидуальной карьеры, эффективной организации образовательного процесса. Оценочная комиссия в вузах Бельгии единая. В случае, если руководство бельгийского вуза считает необходимость придать оценке международных уровень, привлекаются эксперты из голландских вузов.

Интересен в данном вопросе опыт Испании. Университет города Гранада – самый старинный и почетный вуз страны – при разработке программы мотивации преподавателей учитывает более широкие критерии оценки:

- количество публикаций
- степень загруженности преподавателя (количество читаемых дисциплин)
- количество часов аудиторной работы
- руководство над проектами в рамках читаемых дисциплин

Значительно отличается от рассмотренных выше система мотивации и оценки преподавателей вузов Германии, где данному процессу отводится основополагающей функции в процедуре управления образованием страны. Оценка персонала реализуется на всех этапах карьерного продвижения преподавателя. Объектами оценивания при этом выступают абитуриенты, обучающиеся, соискатели, штатные преподаватели, кандидаты на должности, слушатели курсов. При этом субъектами проведения такой оценки являются органы управления и надзора и экзаменаторы. Видную роль в этом процессе занимает так называемая «служебная оценка» (аттестация). Подобная оценка реализуется исключительно органами местного (регионального) управления образованием. Высшее руководство, непосредственные руководители, коллеги, внутривузовские комиссии к данному процессу не привлекаются. Критерии оценки

ППС определяются спецификой региона, проблем, лежащих в основе оценки, условиями труда. Стандартная оценка осуществляется раз в шесть лет, а если целью ее проведения является пересмотр величины заработной платы – то раз в два года. Система управления персоналом вузов в Германии направлена на стимулирование роста квалификации ППС, обеспечение нагрузкой в соответствии с индивидуальными возможностями.

Образовательная система Таиланда, напротив, характеризуется низким качеством образования, неравенством в образовательных возможностях, несоответствием образовательной системы религиозной, культурной направленности общества, неэффективностью системы образования с централизованным управлением. Перечисленные причины лежат в основе кризиса в образовательной системе Таиланда. Недавние публикации, направленные на выработку оптимизационной модели оптимизации системы образования в данной стране, отражают вывод, что мотивация преподавателя напрямую воздействует на мотивацию обучающегося [14].

3. Отечественная практика мотивации профессорско-преподавательского состава в вузах

Большинство ученых и практиков указывают на то, что высшие учебные заведения в настоящее время – это не просто исполнители, оказывающие образовательные услуги, они еще выступают в роли производителя интеллектуального продукта. Выдержать конкуренцию на рынке образовательных услуг способно лишь то учебное заведение, которое нацелено на предоставление наиболее образования более высокого качества, которое предлагает потребителю соответствующие требованиям современной жизни интеллектуальные продукты. Отсутствие действенной стратегии развития вуза не дает им возможности устойчиво работать и развиваться. Такие учреждения, не сумевшие перестроить свою образовательную и научную деятельность, будут подвержены процессам объединений, реструктуризации.

В деятельности вузов нашей страны можно отметить важную особенность: рост численности ППС за счет совместителей и работающих на неполную ставку штатных преподавателей. Как следствие, сокращается эффективность преподавания: данная категория вузовских работников выполняет только трудовые функции, связанные исключительно с ведением образовательного процесса. Совмещение этой функции с научно-исследовательской, воспитательной работой со студентами исключается.

Эффективная реализация образовательного, научного, воспитательного процессов вузов возможно лишь при грамотном управлении персоналом. Это утверждение актуально и для коммерческих организаций. Недостаточно проработанная система мотивации, либо ее полное отсутствие приводят к уходу квалифицированных преподавателей в другие вузы, в том числе негосударственные, в сферу реального бизнеса. Важным в отечественных вузах остается материальное вознаграждение. Важное условие его применения – объективность, ясность оценки, систематичность выплаты. Однако, по результатам проводимых в российских вузах опросов, данное условие эффективного управления персоналом зачастую не выполняется.

Следует отметить, что по оценкам ученых, внешние, прежде всего, материальные мотивы, в настоящее время постепенно смещаются в сторону нематериальных или внутренних мотивов. Владивостокский государственный университет экономики и сервиса, реализующий миссию инновационного предпринимательского вуза, в качестве способов мотивации ППС, выделяет рейтинговую оценку преподавателей и ежегодно проводимый конкурс «Лучший преподаватель года» [6]. В вузе разработана модель предпринимательских компетенций профессорско-преподавательского состава. Практика Дальневосточного федерального университета с целью мотивации ППС внедрена рейтинговая система, в основе которой находятся ключевые показатели эффективности KPI. Система заимствована у западных университетов. Процедура стимулирования преподавателей подробно описана в программе развития вуза. Сначала это были выплаты за публикации в журналах баз данных Scopus и Web of Science, за победы на международных конкурсах, за защиту диссертаций. Позднее в университете внедрили рейтинговую систему оценки ППС, предусматривающую денежную мотивацию за различные достижения, в том числе в научной, образовательной, воспитательной, профориентационной видах деятельности. В результате рейтинг положительным образом стал влиять как на имидж вуза в стране, так и на его позиции в мировом сообществе. Сотрудники стремятся выполнять не только предусмотренные должностной инструкцией требования, но и креативно повышать свою квалификацию, выполнять общеуниверситетские задачи [12]. То есть механизм стимули-

рования труда преподавателя включает три составляющие: оплата работы в рамках выполнения трудового договора, единовременные выплаты за конкретные показатели и активность, оцениваемая в форме рейтинга. Имеются общеуниверситетские критерии оценки и критерии оценки внутри подразделения. Каждая составляющая имеет свой денежный фонд для распределения.

В вузе отказались от практики мотивировать за выполнение учебной нагрузки. В качестве наиболее важного вывода практики применения подобной системы стимулирования труда эксперты указывают на сокращение числа показателей оценки, что в целом благоприятно сказывается на функционировании системы мотивации в вузе, позволяет преодолеть проблему утечки кадров, характерную для всей системы отечественного высшего образования.

По оценкам А.Н. Асаул, низкая мотивация труда наблюдается в классических крупных государственных вузах, конкурентно устойчивых, с разветвленной системой коллегиального принятия решений [3]. Средний уровень мотивации ППС характерен для специализированных вузов, как правило, небольших по размеру, цель которых в условиях нехватки бюджетных источников финансирования деятельности чаще всего – выживание. Руководство таких вузов способно преодолеть кризисы, оно полагается только на собственные адекватные решения. Высокий уровень мотивации персонала имеет место в негосударственных вузах, когда они обязаны работать на опережение в условиях жесткой конкурентной борьбы.

Система оплаты труда отечественных вузов складывается из ряда элементов, среди которых: установление фиксированной части заработной платы, стимулирующие выплаты, надбавки, доплаты, материальная помощь. Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что в основе мотивации труда преподавателей высшей школы лежат мотивы, обусловленные содержанием и условиями труда.

Система мотивации труда преподавателей в вузах России включает использование материальных и нематериальных стимулов (рис. 1) [9].

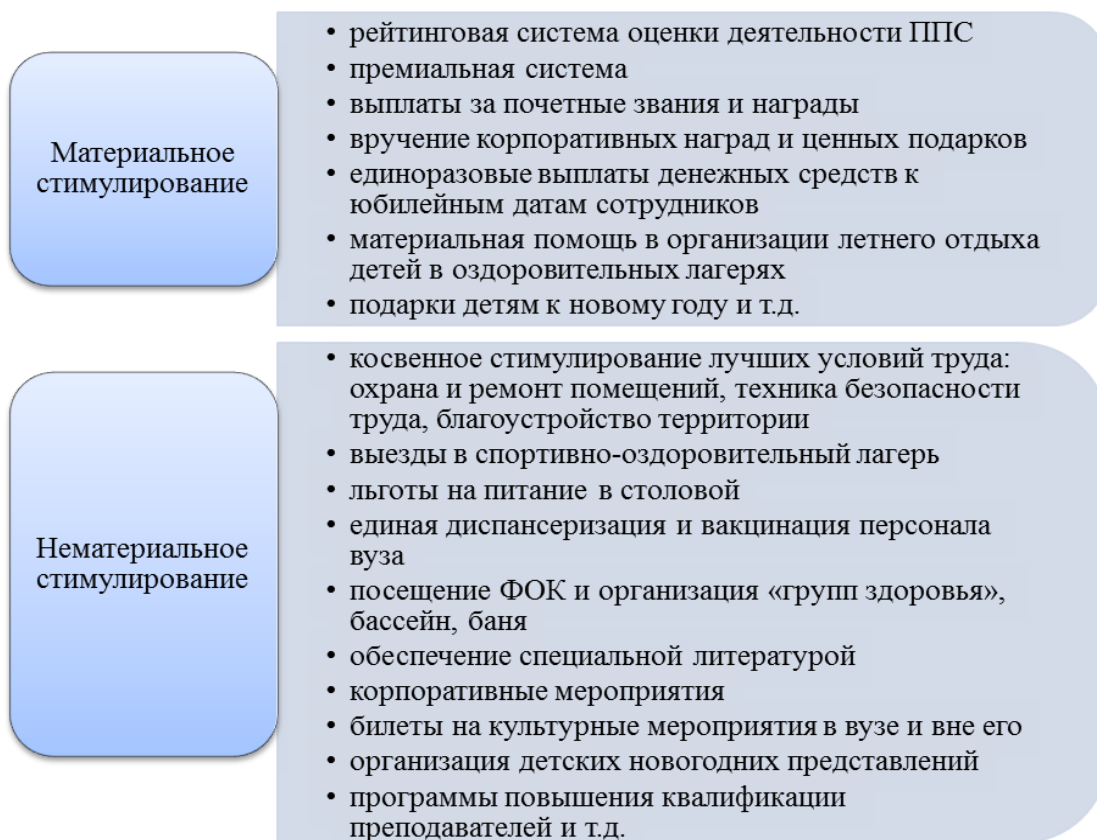

Рис. 1. Элементы мотивации труда профессорско-преподавательского состава российских вузов

К первой группе мотивов относятся те, которые обеспечивают призвание преподавателя, его самореализацию, возможность передачи своего опыта обучающимся. Вторая группа мотивов включает удобный график работы, наличие свободного времени для подготовки к занятиям и написания научных работ, карьерное продвижение, стабильность высшего учебного заведения на рынке образовательных услуг. Эксперты отмечают, что такие мотивы, как формирование благоприятно среды для работы, введение индивидуальной оценки труда преподавателя, создание условий профессионального роста, – реализуются в современных вузах достаточно слабо. Достаточно хорошо реализованы в системе отечественного высшего образования такие мотивы деятельности ППС, как: позитивные взаимоотношения в коллективе, интерес к работе, узконаправленность деятельности преподавателя, когда он чувствует себя «экспертом» в определенной отрасли знаний. Последнее обстоятельство снижает актуальность реализации таких мотивов, как лидерство, соучастие в принятии решений.

Ориентация руководства вуза на мотивационную стратегию, предполагающая проведение анализа мотивационного профиля сотрудников, позволит разработать эффективный механизм управления персоналом вузов [13].

Проведенный теоретический и практический обзор деятельности отечественных высших учебных заведений позволил сделать выводы, что источники мотивации ППС можно подразделить на две группы (рис. 2).

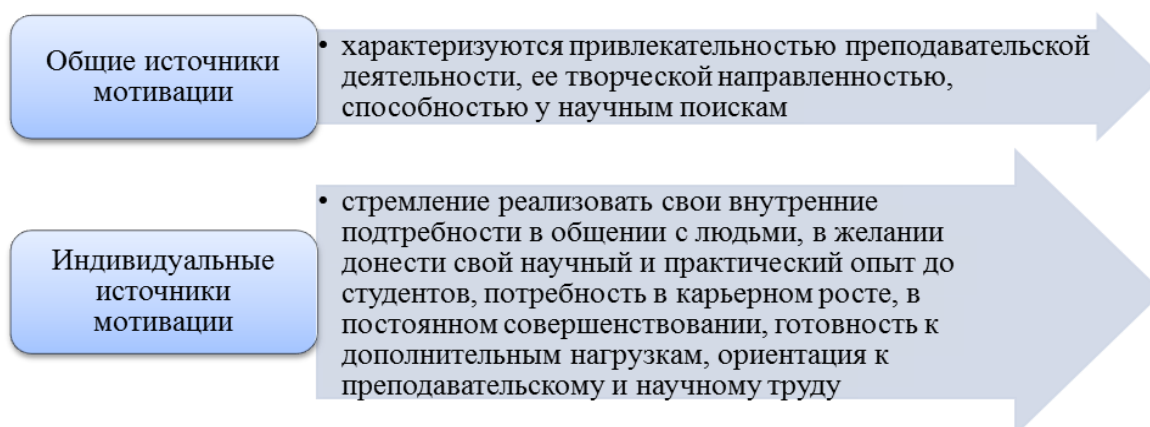

Рис. 2. Разновидности мотивов к труду преподавателей высших учебных заведений

Помимо этого, они могут быть подразделены на внешние и внутренние по отношению к конкретному работнику (рис. 3).

Профессорско-преподавательский состав «Казанского национального исследовательского технологического университета» при распределении стимулирующей выплаты оцениваются по пяти видам деятельности: образовательной (4 показателя), международной (2 показателя), научной (5 показателей), воспитательной (2 показателя) и профориентационной (2 показателя).

Рис. 3. Мотивационные факторы преподавателя высшей школы

В «Сибирском государственном университете геосистем и технологий» оценка рейтинга преподавателей осуществляется по шести блокам, включающим 74 показателя.

Критерии оценки преподавателей «Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского» подразделяются на постоянные показатели и показатели отчетного периода. К постоянным относятся: ученая степень, ученое звание, награды и премии, публикационная активность и т.п. К показателям отчетного периода отнесены две их группы: оценка учебно-методической работы (6 показателей) и оценка научно-исследовательской деятельности (13 показателей).

«Дагестанский государственный университет» установил стимулирование преподавателей в разрезе двух блоков: на основе отчета преподавателя о выполненных показателях по отдельным видам работ, и на основе контрольных мероприятий, проводимых экспертной комиссией вуза. Всего оцениваются десять направлений, включающих 108 показателей.

Липецкий филиал Финуниверситета формирует рейтинги преподавателей исключительно по показателям, характеризующим научно-исследовательскую деятельность (22 показателя оценки).

Однако до настоящего времени не существует общепринятых и надежных критериев комплексной оценки основных направлений сферы деятельности вузовского преподавателя. Ввиду этого критерии оценки, количество показателей оценки во всех вузах разработаны свои.

Значительную роль в исследовании теории и практики мотивации ППС сыграла совместная разработка Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова и Финансового университета при Правительстве РФ по теории мотивационного комплекса [5]. В процессе исследования было установлено следующее. Мотивы, связанные с сохранением рабочего места, вызывают наибольшую тревогу у преподавателей более пожилого возраста. Материальное вознаграждение как стимул к труду уходит на «второй план». Что касается мотивов к труду у работников в возрасте 35-55 лет, то у данной категории ППС преобладает удовлетворением трудом, а не полученное материальное вознаграждение. Молодые же преподаватели, как показатели, результаты исследования, в большей степени недовольны своим статусом в университете, что может привести к социально-психологическим проблемам в коллективе. Стимулирующая функция заработной платы в Российском экономическом университете им. Г.В. Плеханова свидетельствует о низком уровне «мотивов приобретения». Подобная ситуация приводит к работе, нацеленной не на результат, а «на отчетность», к формальному отношению к выполняемым обязанностям. Если вуз в подобной ситуации не внедряет инновации в разработку мотивационного процесса, то подобная ситуация может привести к «консерватизму трудового поведения», отсутствию креативности в работе, ввиду этого в университете принято решение сократить долю постоянной части заработной платы и увеличить переменную часть: сокращение базового оклада и введение дополнительных выплат за особые достижения, например, публикации в высокорейтинговых журналах. Для реализации проектов создаются временные творческие коллективы, применяют технологию ротации кадров. В итоге, по оценкам экспертов, значительно повысится уровень заинтересованности работников в результатах своего труда.

Мотивация труда носит в подавляющем большинстве современных высших учебных заведений материальный характер. Нематериальной мотивации, как правило, внимание не уделяется. Разработанные критерии установления стимулирующих доплат на основе балльно-рейтинговой системы, несомненно, направлены на повышение эффективности деятельности трудового коллектива. Вместе с тем, ввиду ограниченности у вузов финансовых ресурсов постоянно расширять перечень стимулирующих выплат, увеличивать их размеры нереально. Более того, выплачиваемое материальное вознаграждение должно четко соответствовать уровню компетентности преподавателя. В этой связи нематериальные стимулы выступают средством удовлетворения многих мотивов, когда у работника удовлетворены потребности материального уровня.

Еще одна проблема установления адекватной системы стимулирования труда персонала, соответствующей мотивам персонала и целям и задачам развития вуза, состоит в том, чтобы сформированная политика мотивации к труду не противоречила программе развития вуза. При этом такая программа должна быть «рабочей», а не сформированной «для отчетности».

4. Стратегический подход к разработке мотивационной политики высшего учебного заведения

Результаты проведенного анализа позволили сделать вывод, что отечественные вузы имеют «узкие места» с позиции стратегического менеджмента, ввиду чего существующие в них системы мотивации персонала недостаточно эффективны, отличаются субъективностью оценки, недостаточной прозрачностью, излишним загромождением оценочных показателей, отсутствием форм и методов нематериального стимулирования к труду (рис. 4).

Проблемы вузов в области стратегического управления	негибкость вузов, слабая адаптация к изменяющимся условиям
	преобладание в деятельности и в планировании оперативных задач
	ориентация на достижение краткосрочных целей и задач
	отсутствие системы стратегического управления - процесса принятия стратегических решений на опережение
	замедленная реакция на изменения во внешней среде
	нечеткость управленческих процедур
	отсутствие функции контроля и обратной связи
	сосредоточенность на решении преимущественно внутренних задач
	слабое взаимодействие с потребителями и заказчиками образовательных услуг

Рис. 4. Основные проблемы отечественных вузов в области стратегического управления

В ходе выполнения исследования нами было установлено, что система мотивации в вузах недостаточно проработана, имеет не всегда четкий, упорядоченный характер, не всегда объективна. Многие из используемых методов традиционны и в основе своей содержат материальные стимулы к труду. Рассмотренные положения вузов о рейтинговой оценке преподавателей не предусматривают нематериальное стимулирование. По оценкам экспертов, именно нематериальное стимулирование в значительной степени определяет организационное поведение преподавателя.

В вопросе определения форм и методов материального стимулирования труда важно установить соответствие между потребностями преподавательского состава и установленными формами стимулирования труда. Имеют место различия в точках зрения руководства и работников относительно нагрузки, в том числе аудиторной, вознаграждения за нее, материально-технической базы вуза, не соответствующей требованиям внешней среды. Отсутствует единое видение проблемы совместительства. Более того, отмечают слабую обратную связь во внутренней среде вузов, что приводит к снижению практически всех показателей результативности. Преподаватели отечественной высшей школы имеют низкую мотивацию повышать свою квалификацию, постоянно стремятся к поиску дополнительных источников заработка.

Деятельность высших учебных заведений характеризуется высокой конкуренцией на рынке образовательных услуг. В этой связи выявление мотивационной составляющей деятельности преподавателей, подстраивание под их запросы действенной программы стимулирования труда выступает очень значимым, практически единственным способом повышения имиджа вуза, привлечения абитуриентов, достижения поставленных стратегических целей.

Стратегическое планирование и управление давно уже вошло в сферу деятельности бизнес-структур. Если сравнивать деятельность вузов, то они так же сталкиваются с возрастающей конкуренцией на рынке, ввиду чего стратегическое планирование, в том числе мотивационной составляющей, выступает в качестве одного из основных рычагов повышения эффективности деятельности образовательного учреждения. Прямой перенос отработанных схем стратегического управления в деятельность вузов нецелесообразен, вместе с тем, перед вузами встает тот же вопрос, что и перед коммерческими структурами: как повысить эффективность труда работников.

Важно, чтобы кадровая политика вуза, в том числе ее мотивационная составляющая, были подчинены стратегическому развитию организации. В этом случае будут реализованы принципы системности, комплексности в деятельности вуза. Мотивационная политика не должна рассматриваться как нечто обособленное. Она призвана повысить эффективность деятельности персонала, что будет проявляться в стремлении преподавателя к самосовершенствованию, развитию, познанию нового в своей области деятельности, к научным изысканиям. А это, в свою очередь, повысит удовлетворенность обучающихся в полученных знаниях и, соответственно, возрастет их лояльность к вузу, имидж учебного заведения в условиях жесткой конкуренции на рынке образовательных услуг.

В связи с изложенным наш подход основывается на стратегическом видении процесса формирования мотивационной политики высшего учебного заведения, которая должна начинаться с установления миссии, целей деятельности организации (рис. 5).

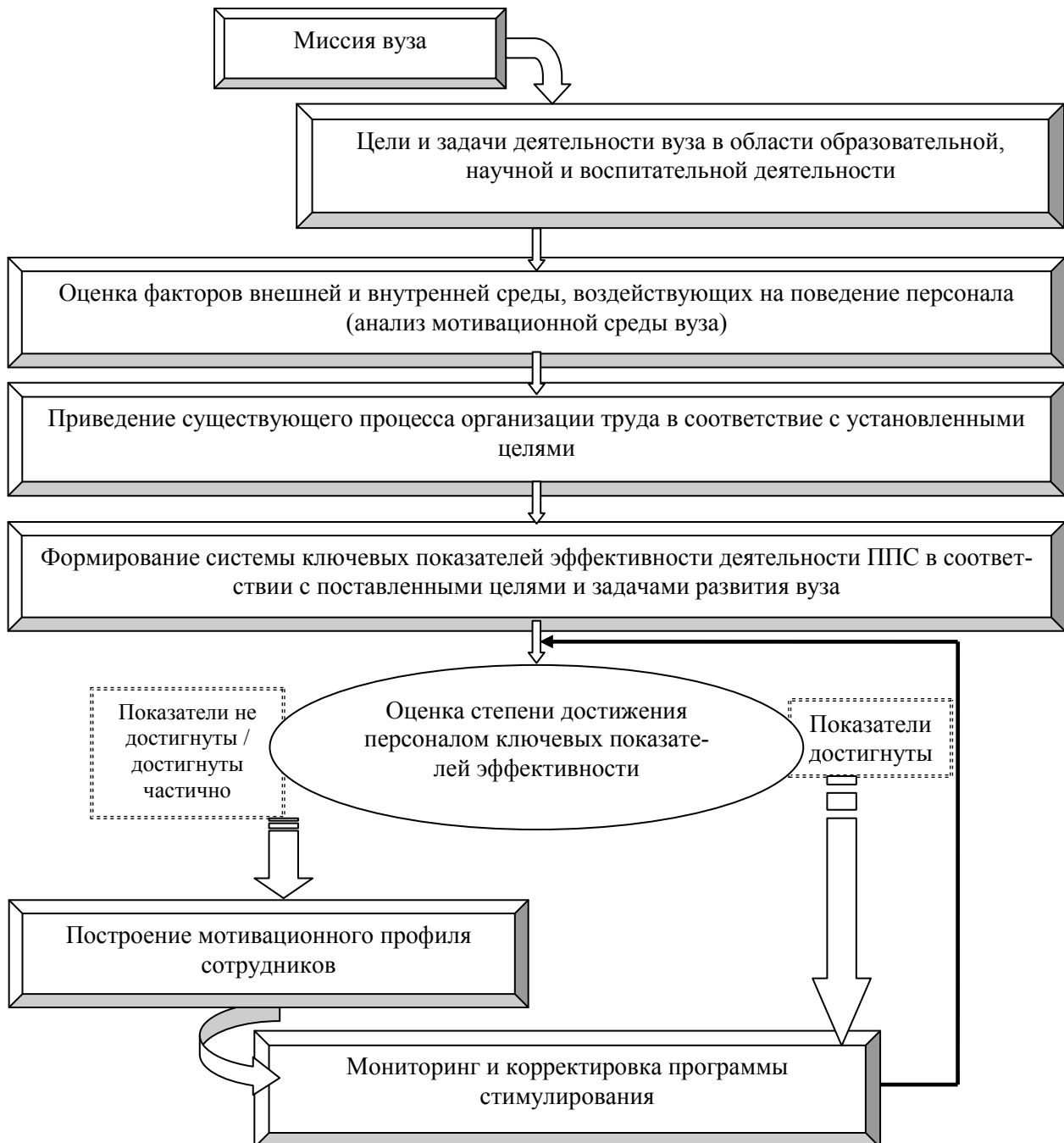

Рис. 5. Процедура совершенствования процесса управления трудовой мотивацией в вузе

Научная новизна предлагаемого нами алгоритма совершенствования мотивации персонала высших учебных заведений основывается на стратегическом подходе. В каждом вузе должна быть разработана стратегическая программа развития, одним из направлений реализации которой является мотивационная схема. Работодатель должен соединить цели или результаты деятельности вуза, например, в показателях мониторинга, с мотивами работника. Разработанные на основе этой синергии стимулы будут наиболее эффективными как для работодателя, так и для работника.

В основе стратегического подхода к формированию эффективной системы мотивации в вузе, по нашему мнению, должно находиться определение миссии и формулировка целей и задач развития высшего учебного заведения.

Целевые ориентиры развития вуза должны быть пересмотрены с учетом факторов внешней и внутренней среды организации, особое внимание уделяется в данном аспекте человеческому фактору. На основании проведенного анализа делается оценка соответствия им существующего процесса организации труда. То есть в организации должны быть разработаны и реализованы необходимые для эффективной работоспособности условия, такие как гигиенические, санитарные, определен режим нагрузки преподавателя, труда и отдыха и т.п.

Работодатель должен четко понимать мотивационную среду своей организации, в частности, восприятие существующей системы мотивации руководящим составом вуза, а также процесс организации работы с персоналом.

После того, как условия труда будут приведены в соответствие с поставленными перед вузом целями и задачами, целесообразно детализировать эти стратегические целевые установки до уровня отдельно взятого преподавателя. Четко поставленные, измеримые цели способствуют их наилучшему восприятию сотрудниками и, соответственно, достижению. Для того, чтобы стимулирование труда персонала не противоречило мотивам работников к труду, в вузе должна быть разработана системы ключевых показателей эффективности деятельности профессорско-преподавательского состава. Таким образом, программа стимулирования в вузе должна основываться на конкретных целевых установках, заложенных в стратегии развития вуза, и на мотивах работников к труду. Следует отметить, что данные ключевые показатели должны быть четко измеримы, не должны иметь двоякого понимания, должны быть ясны и понятны исполнителям.

Так как мы разрабатываем алгоритм совершенствования существующей системы мотивации, то следующий этап предполагает оценку выполнения сотрудниками установленных ключевых показателей эффективности. Если показатели не выполнены или выполнены частично, то следует дать оценку мотивационной среде в вузе, пересмотреть мотивационный профиль ППС и уже на основе этого внести коррективы в существующую программу стимулирования. По результатам данной оценки возможны два варианта: либо показатели не выполнены или выполнены частично, либо они выполнены полностью и их результаты соответствуют стратегическим ориентирам вуза. В первом случае необходимо пересмотреть существующую в организации систему стимулирования труда. Работники не видят связи между своими мотивами и стратегическими целями, поставленными перед ними. Для этого необходимо сформировать эффективный кадровый бренд вуза в глазах работника.

Важной особенностью предлагаемого нами подхода к совершенствованию системы мотивации работников вуза помимо использования в его основе принципов стратегического управления является разработка мотивационного профиля работников. К настоящему времени не разработано ни одной универсальной модели стимулирования работников вуза. Как правило, имеющиеся в учебных заведениях положения о балльно-рейтинговой оценке ППС, имеют ряд существенных недостатков, в частности, очень большое количество оцениваемых показателей, субъективность оценки, расплывчатые формулировки критериев оценки, сумма начисляемых баллов за конкретный критерий не всегда вызывает одобрение со стороны оцениваемых, разное количество часов аудиторной нагрузки и т.п. [1, 2]

Мотивационный профиль сотрудника – это своеобразная характеристика персонала посредством разбиения его на определенные типы (группы), для каждой из которых предусматривается разработка собственной системы стимулирования труда. В основе лежит анкетирование сотрудников. Опрос направлен на выявление потребностей человека, побуждающих его к труду. Удовлетворив выявленные мотивы, можно получить высокопроизводительного работника с высокой мотивацией и лояльностью.

И последний, завершающий этап процесса управления мотивацией профессорско-преподавательского состава, – корректировка имеющейся программы мотивации, контроль ее выполнения на основе дальнейшей оценки выполнения ключевых показателей эффективности.

Для исключения субъективности оценки персонала при распределении стимулирующей надбавки предлагаем использовать методы «360°», когда оценка конкретного преподавателя будет осуществляться не только по результатам выполнения им ряда запланированных показателей (индивидуальных), но и будет учитывать оценку его деятельности со стороны заведующего кафедрой (непосредственного руководителя), студентов как получателей образовательных услуг, оценка при взаимодействии персонала с другими кафедрами (подразделениями) вуза.

«Стратегичность» предлагаемого нами подхода заключается в том, что показатели оценки деятельности сотрудника должны быть установлены в зависимости от стратегических целей вуза – так называемых ключевых показателей эффективности.

По результатам проведенного теоретического рассмотрения проблемы исследования мы выявили, что первоначальным мотивом, стимулирующим преподавателя к работе, является заработная плата. По мере накопления практического опыта сотрудник все больше начинает осознавать необходимость морального удовлетворения в результатах своего труда. Мотивационная политика вузов должна быть комплексной, т.е. необходимо предусмотреть меры как материального, так и морального стимулирования работников.

Заключение

В процессе выполнения исследования установлено, что программы развития вузов должны содержать мероприятия по совершенствованию существующей в вузе практики мотивации персонала. Предложен авторский подход к внедрению процедуры формирования мотивационной политики в стратегическое управление деятельностью вуза. Отмечено, что наибольшая эффективность от внедрения данного механизма будет достигнута, если вуз готов будет разработать как общие для всего профессорско-преподавательского состава инструменты стимулирования труда, так и индивидуальные, набор которых будет зависеть от мотивационного профиля личности. Критерии оценки эффективности трудовой деятельности должны быть увязаны со стратегическими показателями функционирования вуза. Важной особенностью разработанных рекомендаций является то, что они являются универсальными и могут быть применены в любом высшем учебном заведении нашей страны.

Литература

1. Аналитический отчет по мониторингу удовлетворенности сотрудников Комсомольского-на-Амуре государственного университета (КНАГУ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://knastu.ru/media/files/page_files/page_988/AO_sotrudniki_2014-2015.pdf
2. Аналитический отчет по результатам социологического исследования 2017 г. «Удовлетворенность условиями труда профессорско-преподавательского состава Финуниверситета» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fa.ru/org/dep/soc/unsl/research/Documents/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_%20%D0%A3%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%9F%D0%9F%D0%A1-2017.pdf
3. Асаул А.Н., Капаров В.М. Управление высшим учебным заведением в условиях инновационной экономики [Электронный ресурс] / под ред. д.э.н, проф. А. Н. Асаула – Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m13/5_4.htm
4. Косинова Е.П., Андреева Л.В. Мотивация профессиональной деятельности преподавателей вуза [Электронный ресурс] // Царскосельские чтения. – 2017. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-professionalnoy-deyatelnosti-prepodavateley-vuza>.
5. Литвинюк А.А., Жигун Л.А., Полевая М.В., Камнева Е.В. Применение теории мотивационного комплекса трудовой деятельности к анализу организационного поведения преподавателей вуза [Электронный ресурс] // Креативная экономика. 2018. №2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-teorii-motivatsionnogo-kompleksa-trudovoy-deyatelnosti-k-analizu-organizatsionnogo-povedeniya-prepodavateley-vuza>.

6. Модернизация российского образования: проблемы и перспективы / Под ред. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги. М.: ЦСПиМ, 2010. 352 с – Режим доступа: http://www.isras.ru/files/File/Obrazovanie_Book.pdf.
7. Мушкетова Н.С. Стратегическая маркетинговая адаптация российских вузов в динамичной среде // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. №27 (312). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskaya-marketingovaya-adaptatsiya-rossiyskih-vuzov-v-dinamichnoy-srede>.
8. Нехвядович Э.А., Косинова Е.П., Белов В.Г., Парфенов Ю.А., Коротенкова Р.Г. Мотивационные характеристики и ценностные ориентации профессорско-преподавательского состава вуза [Электронный ресурс] // Ученые записки университета Лесгафта. 2015. №5 (123). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnye-harakteristiki-i-tsennostnye-orientatsii-professorsko-prepodavatel'skogo-sostava-vuza>.
9. Пономарева И.К., Акифьев И.В. Развитие системы мотивации преподавателей российских вузов [Электронный ресурс] // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2018. №1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-motivatsii-prepodavateley-rossiyskih-vuzov>.
10. Рочев К.В. Формирование эффективной системы материального стимулирования трудового коллектива вуза: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2015. 226 с.
11. Сафонова О.М. Мотивация профессиональной деятельности преподавателей вуза в условиях дефицита финансовых стимулов: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. СПб: ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов», 2012. – Режим доступа: <http://diss.seluk.ru/av-sotsiologiya/1156040-1-motivaciya-professionalnoy-deyatelnosti-prepodavateley-vuza-usloviyah-deficita-finansovih-stimulov.php>.
12. Сердюк В., Котлярова А. Мотивация неравнодушных [Электронный ресурс] / Дальневосточный федеральный университета. – Режим доступа: <https://www.dvfu.ru/expertise/news/interview/motivacia-neravnodusnyh/>.
13. Тупик Е.С. Мотивация и стимулирование профессорско-преподавательского состава высшей школы в условиях модернизации [Электронный ресурс] // Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология». 2016. № 2. С. 120-125. – Режим доступа: <http://eprints.tversu.ru/6911/1/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%A2%D0%B2%D0%93%D0%A3.%20%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%9F%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%20%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.%202016.%20%20%202.%20%D0%A1.%20120-125.pdf>.
14. Haruthaithanasan Th. Effects of educational reforms in the 2nd decade (2009e2018) on teacher motivation and student achievement among schools in Southern Thailand [Электронный ресурс] // Kasetsart Journal of Social Sciences. 2018. Volume 39. Issue 2. С. 222-229. – Режим доступа: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2452315116301710>.

Matveev Vladimir Vladimirovich, doctor of economic science, Professor, Orel branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (2, Gostinaya St., Orel, 302001, Russian Federation). E-mail: vvmatveev@fa.ru

Soboleva Yuliya Pavlovna, PhD in Economics, Associate Professor, Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5A, Victory Blvd, Orel, 302028, Russian Federation). E-mail: soboleva-yp@mail.ru

MANAGING THE PROCESS OF MOTIVATING UNIVERSITY STAFF USING A STRATEGIC APPROACH

Abstract

The main resource of universities is their teaching staff. Optimally using it to achieve strategic goals, ensure high employee interest in improving the efficiency of their work, which ultimately will increase the demand for graduates from the labour market. Therefore, the study of problems in the field of motivation of the teaching staff of universities, development of areas of improvement is one of the main objectives, the achievement of which will ensure the growth of competitiveness of Russian universities and their entering the international market, the training of highly skilled specialists. Despite the wide variety of work in the field of staff motivation, there is no unified approach to the organization of this process in higher education institutions.

Keywords: *personnel management, motivation, education, strategic management, faculty, high-class professionals, labor market, labor efficiency, training activities.*

References

1. Analiticheskij otchyot po monitoringu udovletvorennosti sotrudnikov Komsomol'sko-go-na-Amure gosudarstvennogo universiteta (KnAGU) [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://knastu.ru/media/files/page_files/page_988/AO_sotrudniki_2014-2015.pdf
2. Analiticheskij otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya 2017 g. «Udovletvorennost' usloviyami truda professorsko-prepodavatel'skogo sostava Finuniversiteta» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.fa.ru/org/dep/soc/unsl/research/Documents/%D0%90%D0%BD%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9%20%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82_%20%D0%A3%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B2%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C%20%D0%9F%D0%9F%D0%A1-2017.pdf
3. Asaul A.N., Kaparov V.M. Upravlenie vysshim uchebnym zavedeniem v usloviyah innovacionnoj ekonomiki [Elektronnyj resurs] / pod red. d.e.n, prof. A. N. Asaula – Rezhim dostupa: http://www.aup.ru/books/m13/5_4.htm
4. Kosinova E.P., Andreeva L.V. Motivaciya professional'noj deyatel'nosti prepodavateley vuza [Elektronnyj resurs] // Carskosel'skie chteniya. – 2017. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-professionalnoy-deyatelnosti-prepodavateley-vuza>.
5. Litvinyuk A.A., ZHigun L.A., Polevaya M.V., Kamneva E.V. Primenenie teorii motivacionnogo kompleksa trudovoj deyatel'nosti k analizu organizacionnogo povedeniya prepodavateley vuza [Elektronnyj resurs] // Kreativnaya ekonomika. 2018. № 2. – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-teorii-motivatsionnogo-kompleksa-trudovoy-deyatelnosti-k-analizu-organizatsionnogo-povedeniya-prepodavateley-vuza>.
6. Modernizaciya rossijskogo obrazovaniya: problemy i perspektivy / Pod red. M.K. Gorshkova i F.E. SHeregi. M.: CSPiM, 2010. 352 p – Rezhim dostupa: http://www.isras.ru/files/File/Obrazovanie_Book.pdf.
7. Mushketova N.S. Strategicheskaya marketingovaya adaptaciya rossijskih vuzov v dinamichnoj srede // Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'. 2015. №27 (312). – Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskaya-marketingovaya-adaptatsiya-rossijskih-vuzov-v-dinamichnoj-srede>.
8. Nekhvyadovich E.A., Kosinova E.P., Belov V.G., Parfenov YU.A., Korotenkova R.G. Motivacionnye harakteristiki i cennostnye orientacii professorsko-prepodavatel'skogo sostava vuza [Elektronnyj resurs] // Uchenye zapiski universiteta Lesgafta. 2015. №5 (123). Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsionnye-harakteristiki-i-tsennostnye-orientatsii-professorsko-prepodavatel'skogo-sostava-vuza>.
9. Ponomareva I.K., Akif'ev I.V. Razvitie sistemy motivacii prepodavateley rossijskih vuzov [Elektronnyj resurs] // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2018. №1. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-sistemy-motivatsii-prepodavateley-rossijskih-vuzov>.
10. Rochev K.V. Formirovanie effektivnoj sistemy material'nogo stimulirovaniya trudovogo kollektiva vuza: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk. Uhta: Uhtinskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 2015. 226 s.
11. Safonova O.M. Motivaciya professional'noj deyatel'nosti prepodavateley vuza v usloviyah deficita finansovyh stimulov: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk. SPb: FGBOU VPO «Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i finansov», 2012. – Rezhim dostupa: <http://diss.seluk.ru/av-sotsiologiya/1156040-1-motivaciya-professionalnoy-deyatelnosti-prepodavateley-vuza-usloviyah-deficita-finansovih-stimulov.php>.
12. Serdyuk V., Kotlyarova A. Motivaciya neravnodushnyh [Elektronnyj resurs] / Dal'nevostochnyj federal'nyj universiteta. – Rezhim dostupa: <https://www.dvfu.ru/expertise/news/interview/motivacia-neravnodusnyh/>.
13. Tupik E.S. Motivaciya i stimulirovanie professorsko-prepodavatel'skogo sostava vysshej shkoly v usloviyah modernizacii [Elektronnyj resurs] // Vestnik TvGU. Seriya «Pedagogika i psihologiya». 2016. № 2. S. 120-125. – Rezhim dostupa: <http://eprints.tversu.ru/6911/1/%D0%92%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%20%D0%A2%D0%B2%D0%93%D0%A3.%20%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%8F%20%D0%9F%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%BA%D0%B0%20%D0%B8%20%D0%BF%D1%81%D0%B8%D1%85%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%8F.%202016.%20%20202.%20%D0%A1.%20120-125.pdf>.
14. Haruthaithanasan Th. Effects of educational reforms in the 2nd decade (2009e2018) on teacher motivation and student achievement among schools in Southern Thailand [Elektronnyj resurs] // Kasetsart Journal of Social Sciences. 2018. Volume 39. Issue 2. P. 222-229. – Rezhim dostupa: <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2452315116301710>.

КОМБИНИРОВАННАЯ ЗАНЯТОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ ДЛЯ МОЛОДЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Махницкий Данил Павлович аспирант Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82). E-mail: d.makhn@ya.ru

Широкова Олеся Вадимовна кандидат социологических наук, доцент кафедры организационного проектирования систем управления Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82). E-mail: ov.shirokova@igsu.ru

Аннотация

Пандемия Covid-19 привела к серьёзному изменению структуры труда в организациях по всему миру. Российские ведомства не стали исключением и в период эпидемиологических ограничений активно использовали новые инструменты организации труда. Одним из самых распространенных инструментов стала комбинированная занятость. Всестороннему анализу этого инструмента и посвящена данная статья. Будет раскрыта его мотивационная составляющая, проведён SWOT-анализ и обозначено место комбинированной занятости в общей системе менеджмента федеральных ведомств. Также будет уделено внимание обоснованию возможности продолжения использования комбинированной занятости для формирования привлекательного образа государственной службы среди соискателей.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, мотивация, комбинированная занятость, постсоветские поколения, удаленные рабочие места, дистанционная работа, экономическая ситуация, организация труда, рынок труда.

В отечественной научной литературе уже несколько лет ведется дискуссия об эффективности организации удаленных рабочих мест в самых различных отраслях экономики и общественных сферах. И если до пандемии Covid-19 этот вопрос имел существенное значение скорее для отдельных профессиональных сообществ, то сейчас он приобрёл общероссийский масштаб.

Подтверждение тому – рассматриваемый сейчас Федеральным собранием Российской Федерации проект федерального закона «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы»¹. Данный законопроект, помимо прочего, предполагает дополнение Трудового кодекса следующими понятиями: трех ключевых понятий:

дистанционная (удаленная) работа;

временная дистанционная (удаленная) работа (предусматривает временное осуществление трудовой функции вне стационарного рабочего места);

комбинированная дистанционная (удаленная) работа (предусматривает совмещение работы на стационарном рабочем месте и дистанционную (удаленную) работу).

Результаты мониторинга экономической ситуации в России показывают, что удаленная работа может стать среднесрочной, а то и долгосрочной тенденцией развития рынка труда после окончания пандемии Covid-19 [1, с. 60].

Учитывая тот факт, что государственная гражданская служба активно конкурирует за кадры с другими участниками рынка, становится очевидно, что столь масштабные изменения в структуре труда не могут обойти стороной и отечественные ведомства.

В данной статье нами рассматривается возможность и обосновывается необходимость использования комбинированной занятости как инструмента повышения привлекательности государственной гражданской службы для молодых специалистов.

¹ Законопроект № 973264-7 «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной и удаленной работы». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/973264-7>

Необходимость внедрения комбинированной занятости на государственной службе обусловлена стремительным увеличением количества занятой в этой отрасли молодежи. Под молодежью при этом нами понимаются три постсоветских поколения, в соответствии с классификацией В. Радаева, описанной в труде «Миллениалы. Как меняется Российское общество» [2, с. 49]: реформенное поколение – X (период взросления 1985 – 1999 гг.); поколение миллениалов – Y (период взросления 2000 – 2016 гг.); поколение Z (период взросления 2017 г. и позднее).

Компания Kelly Services в своём докладе «Рабочее место 2020» ещё в 2015 году отметила, что организации по всему миру стремятся повысить гибкость своих рабочих мест в целях привлечения наиболее широкого пула кандидатов¹. Понятие гибкого рабочего места по результатам опроса экспертов данного исследования может включать в себя гибкий график, частичную занятость, работу по совместительству, удаленное рабочее место, а также, виртуальные команды и проектную деятельность. Отдельное внимание в своём исследовании компания Kelly Services уделяет виртуальным рабочим командам, –переориентация организаций с процесса на результат, и понимание того, что итоговый результат в большей степени зависит от мотивации вовлеченного персонала, делает возможным появление таких структур в компаниях самого разного профиля. Эти же факторы предопределяют и развитие практики удаленной работы.

Важно понимать, что несмотря на определенную специфику организации деятельности государственных служащих, конкуренция за молодые кадры осуществляется на свободном рынке труда, а значит общие тренды и изменения в структуре мотивации молодых поколений не могут игнорироваться и ведомствами.

Использование работодателями прогрессивных практик организации работы становится одним из важнейших критериев для молодых специалистов при выборе будущего места работы. Комбинированная занятость – не исключение.

Результаты исследования рекрутинговой компании Hays, полученные в ходе опроса 1000 россиян в возрасте от 18 до 30 лет в 2014 году, подтверждают этот тезис². О гибком графике в качестве одного из самых важных факторов трудовых условий заявил 41% респондентов. У 28% опрошенных гибкий график вошел в пятерку привлекательных поощрительных факторов. А 24% также выделили в качестве наиболее привлекательного поощрения возможность работы из дома.

Обращаясь к выявленным в исследовании В. Радаева существенным межпоколенческим различиям в использовании цифровых технологий, можно констатировать, что адаптация используемых на государственной гражданской службе технологических решений под запросы постсоветских поколений – необходимая для пополнения ведомств молодыми специалистами практика.

Опыт показывает, что на сегодняшний день система государственной гражданской службы недостаточно быстро адаптируется к изменяющимся условиям конкуренции даже на внутреннем рынке труда. Об этом свидетельствует проведенное рекрутинговым порталом HeadHunter исследование, в ходе которого было опрошено 735 соискателей в возрасте от 14 до 22 лет, а значит в целом относящихся к поколению Z. Госслужащими из них хотели бы стать только 19 %, что ровно вдвое меньше, чем по результатам аналогичного опроса три года назад [3].

В таких условиях система государственной гражданской службы должна увеличивать степень собственной конкурентоспособности, чтобы иметь возможность привлекать лучшие кадры, а также успешно конкурировать с коммерческим сектором и государственными корпорациями. Отдельно стоит отметить и усиливающийся аспект международной конкуренции за лучшие кадры.

Необходимость существенного обновления кадрового состава государственной гражданской службы регулярно постулируется на уровне руководства страны. Администрацией Президента Российской Федерации инициируются масштабная конкурсная инициатива – Лидеры России, направленная на привлечение новых лиц на государственную гражданскую службы и иные управленческие позиции в отечественной экономике. При этом из года в год в данном конкурсе участвует больше 150 тысяч человек, что ярко характеризует запрос

¹ Доклад компании Kelly Services «Рабочее место 2020»; 26 с.

URL: https://hr-media.ru/wp-content/uploads/2016/01/The-2020-Workplace-V6_RU_.pdf С. 8.

² Доклад компании Hays «Поколение Y и рынок труда: исследование профессиональных устремлений, настроений и ожиданий от карьеры поколения Y в России»; 28 с. URL: https://hays.ru/wp-content/uploads/2019/02/HAYS-Y-REPORT_RUS_XS.pdf С. 6.

общества на подобные инструменты обновления кадрового состава ключевых управленческих институтов страны [4, с. 124].

Основной задачей статьи является теоретическое и практическое обоснование возможности имплементации комбинированной занятости на государственной гражданской службе. Для реализации этой задачи необходимо определиться с понятием удаленного рабочего места, без которого невозможна организация комбинированной занятости.

Авторское определение удаленного рабочего места – совокупность организационно-управленческих, нормативных и технологических решений, позволяющих сотруднику организации осуществлять основную трудовую функцию без физического присутствия в рабочем коллективе.

Как следует из определения, удаленное рабочее место есть совокупность трёх ключевых факторов:

- 1) организационно-управленческого;
- 2) нормативного;
- 3) технологического.

Организационно-управленческий фактор заключается в уместном использовании этого инструмента линейным менеджментом ведомств, с учётом возможностей и ограничений, описанных в данной статье.

Нормативный фактор проистекает из нормативной природы организации профессиональной деятельности государственных гражданских служащих. Безусловно, возможность выделения средств на разработку соответствующих программных решений, а также фактическое использование данного инструмента невозможно без его закрепления и описания в федеральном законодательстве о государственной гражданской службе. Речь идёт как о внесении изменений в служебный распорядок дня отдельных ведомств, должностные регламенты сотрудников, о федеральном законе от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», так и о внесении изменений в Трудовой кодекс.

В существующей нормативной правовой системе организации труда государственных служащих фактическое отсутствие сотрудника на рабочем месте на протяжении более чем 4 часов невозможно без выпуска соответствующего кадрового приказа за подписью заместителя руководителя ведомства. При сохранении этой нормы использование удаленного рабочего места будет существенно затруднено по причине трудоёмкости подготовки подобных распорядительных документов.

С технологической точки зрения удаленное рабочее место уже давно имеет технологические решения, позитивно зарекомендовавшие себя на рынке. Отдельные элементы удаленного рабочего места, вроде системы электронного документооборота, уже сейчас используются в ведомствах.

Если не удаляться в техническую спецификацию этого инструмента, то можно охарактеризовать его как инструмент, базирующийся на облачных технологиях. Именно перенос всех процессов документооборота, хранения информации и документов, доступа к федеральным государственным информационным системам и инструментам для подготовки документов является залогом успешной организации удаленного рабочего места. Безусловно, при этом в ведомствах останется множество процессов, реализация которых возможна лишь при непосредственном присутствии сотрудника на рабочем месте.

Комбинированная занятость в контексте межпоколенческих различий рассматривается мной в качестве мотивационного инструмента. При этом данный инструмент относится к социально-психологической компоненте системы удержания и развития персонала в организации [2, с. 116].

Комбинированная, а также удаленная занятость может использоваться как инструмент снижения операционных издержек государственного органа, но эта фокусировка является предметом отдельной статьи.

Практика наделения сотрудников правом периодической работы с использованием удаленного рабочего места с каждым годом приобретает всё более широкие масштабы и в нашей стране и по всему миру. Крупные корпорации используют инструмент наделения перспективных сотрудников правом работы из дома в качестве поощрения и для стимулирования повышения производительности труда отдельного работника [5, с. 391]. При этом количество

таких дней регламентировано в трудовом договоре или дополнительных документах нормативного характера.

Современный уровень развития телекоммуникационных технологий позволяет с легкостью организовать доступ к удаленному рабочему месту в любой точке мира, что наделяет трудовые отношения в системе работодатель – подчиненный совершенно новыми аспектами.

Организация труда подчиненных руководителем больше не имеет структуры абсолютного подчинения. Постсоветские поколения с легкостью меняют места работы в зависимости от собственных потребностей и сложившихся на конкретном рабочем месте взаимоотношений. Строгой иерархии они предпочитают наставничество, операционной текучке – интересные и мотивирующие лично их проекты, а фиксированной структуре организации труда – гибкие команды¹.

Всё это приводит к необходимости использования широко круга мотивационных инструментов и их комбинаций, а организация различных форм удаленной работы – эффективный инструмент линейного менеджмента. Можно сказать, что происходит постепенная гуманизация трудовых отношений в сторону большего учёта потребностей сотрудника. А игнорирование этой тенденции ведомствами может привести к существенному кадровому голоду.

Возможно ли применение комбинированной занятости в ведомствах и существуют ли такие прецеденты? Какие ограничения в отношении такой формы организации труда существуют сейчас и какие риски несет в себе этот инструмент?

Провести анализ использования комбинированной занятости на государственной гражданской службе в качестве отдельного инструмента корректнее всего по SWOT модели:

1) Преимущества

Этот инструмент однозначно позитивно влияет на мотивацию сотрудников, по отношению к которым применяется. Возможность несколько раз в месяц поработать из дома или любого другого удобного места благоприятно влияет на ощущение субъективного благополучия, столь важного для постсоветских поколений. Растущее субъективное благополучие, в свою очередь, положительно влияет на эмоциональную составляющую труда, что в целом несёт позитивный эффект как для самого сотрудника, так и для его работодателя.

Инструмент комбинированной занятости гибок в использовании линейным менеджментом. Наделение сотрудника возможностью воспользоваться удалённым рабочим местом можно использовать в качестве поощрения за постоянные переработки в условиях ненормированного рабочего дня и высокую интенсивность труда в период осуществления проектной деятельности в государственном органе.

При этом отдельные технологические атрибуты удаленной занятости уже сейчас нашли своё применение при организации труда руководящего состава федеральных ведомств. Используемые в ведомствах системы электронного документооборота имеют специальные программные модули для работы на переносных планшетах. Эти модули позволяют руководителям подписывать и визировать документы не находясь на рабочем месте, что существенно сокращает срок выпуска документов при отсутствии руководителя на рабочем месте.

2) Недостатки

Ключевой технической и организационной проблемой при организации комбинированной занятости является сохранение информации для служебного пользования.

При этом важно отметить, что работа с информацией, классифицирующая ведомством как «сведения, содержащие государственную тайну» сегодня осуществляется сотрудниками ведомств не на своём собственном рабочем месте, а в специально оборудованных зонах внутри ведомств с повышенным классом информационной безопасности. Именно поэтому аргумент о том, что необходимость организации работы с данными, составляющими государственную тайну, может привести к невозможности реализации комбинированной занятости – несостоятелен. Документооборот в рамках данных сведений осуществляется исключительно на бумажном носителе, а значит эффективная организация работы с такими данными – вопрос грамотной организации труда и распределения времени сотрудника.

¹ Доклад компании Kelly Services «Рабочее место 2020»; 26 с. URL: https://hr-media.ru/wp-content/uploads/2016/01/The-2020-Workplace-V6_RU_.pdf. С. 9.

Ключевой недостаток комбинированной занятости при её частом использовании – снижение уровня вовлеченности, низкий уровень адаптации в рабочем коллективе и невозможность восприятия корпоративных ценностей в удаленном режиме работы. Но важно отметить, что вышеуказанные недостатки, связанные с психологической и эмоциональной составляющей работы в человеческом коллективе не совсем релевантны, если мы говорим лишь об эпизодическом (несколько раз в месяц) использовании удаленного рабочего места.

Ещё одним недостатком комбинированной занятости на государственной службе является неоднозначный правовой статус такого инструмента. На данный момент правовое определение возможности комбинированной занятости только вносится в Трудовой кодекс и пока что отсутствует в федеральном законодательстве о государственной гражданской службе. При этом в методических рекомендациях Минтруда России по организации режима труда органов государственной власти в связи с необходимостью принятия мер по нераспространению инфекции Covid-19, были рекомендованы к реализации отдельные элементы комбинированной занятости: гибкий график работы и дистанционный формат исполнения должностных обязанностей¹.

3) Возможности

Важно понимать, что комбинированная занятость – лишь составная часть более широко комплекса мотивационных инструментов, использование которых желательно в любой организации, стремящейся к формированию устойчивой и привлекательной для соискателей кадровой политики. Поэтому для поиска возможностей придётся сделать допущение и смоделировать ситуацию, в которой в ведомствах помимо комбинированной занятости используются и другие передовые практики менеджмента.

В первую очередь, комбинированная занятость существенно расширяет возможности сотрудников для организации собственного досуга, способствует установлению оптимального режима труда и отдыха, что критически важно для постсоветских поколений.

Возможность осуществлять трудовую деятельность из дома или из другого удобного места повышает академическую мобильность сотрудников, а также, может поспособствовать привлечению перспективных кадровых из смежных отраслей профессиональной деятельности.

У сотрудников появляется возможность параллельно с работой получать дополнительное высшее образование или повышать квалификацию в инициативном порядке, а у образовательных организаций появляется возможность адаптировать очные и очно-заочные учебные программы с учётом гибкого графика занятости сотрудников ведомств.

Отдельно стоит отметить, что удаленное рабочее место как составной элемент комбинированной занятости – хороший инструмент для организации работы ведомства в чрезвычайных ситуациях, связанных с неблагоприятной внешней обстановкой. Возможность срочной организации труда сотрудников ведомства из различных точек страны повышает устойчивость системы управления к критическим внешним воздействиям, а также существенно повышает скорость развертывания работы ведомства в случае наступления экстренных ситуаций, предусмотренных планом гражданской обороны ведомства.

4) Угрозы

Основной угрозой при использовании удаленного рабочего места является возможная утечка информации при использовании незащищенных каналов связи. Зачастую ведомственная информация имеет чувствительный характер для регулируемого рынка, а преждевременное распространение такой информации может негативно сказаться на имидже ведомства в частности и государственного аппарата в целом. С учётом этого, кибербезопасность должна стать первым приоритетом при создании и развёртывании любой сетевой инфраструктуры ведомств. Статистика показывает, что рост числа удаленно занятых из-за пандемии Covid-19 уже привел к кратному росту количества уязвимостей в сетевой инфраструктуре организаций [6].

Второй по значимости угрозой является коммуникационные проблемы при постановке и обсуждении задач. Общение посредством удаленных каналов коммуникации не всегда столь же эффективно, как межличностная очная коммуникация на рабочем месте. Однако тот факт, что комбинированная занятость на государственной гражданской службе предполагает лишь

¹ Методические рекомендации по режиму труда органов государственной власти, органов местного самоуправления и организаций с участием государства // Официальный сайт Минтруда России URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/1367>

эпизодическую работу вне рабочего места, существенная часть подобных проблем решаются за счёт грамотного планирования деятельности подчиненных руководителем структурного подразделения.

Отдельным объектом исследования в рамках данной статьи является организация работы ведомств в период пандемии Covid-19. Эпидемиологическая ситуация вынудила большинство ведомств в той или иной форме перейти к использованию удаленной и комбинированной занятости на период ограничений. При этом основным технологическим инструментом организации этих видов деятельности является удаленное рабочее место. Данных о том насколько эффективно это было сделано, до настоящего момента представлено не было.

При подготовке данной статьи мной было проведено анкетирование на тему: «Эффективность организации удаленного рабочего места органами государственной власти Российской Федерации в период пандемии Covid-19». Исследование проводилось в период с 11 мая по 1 июня 2020 г. В исследовании приняло участие 83 человека. Генеральная совокупность данного исследования – федеральные и региональные государственные гражданские служащие трёх самых молодых поколений (реформенного поколения, поколения миллениалов и поколения Z). Из общего числа участников анкетирования больше половины – 60,2% респондентов работают в центральных аппаратах различных федеральных ведомств. Сотрудники территориальных подразделений федеральных органов власти составили – 9,6%, региональных ведомств – 30,1%. Возрастной состав респондентов подтверждает, что генеральная совокупность в нашей выборке была соблюдена: сотрудники в возрасте от 18 до 25 лет – 31,3%, в возрасте от 25 до 35 лет – 54,2%, в возрасте от 35 до 45 лет – 14,5%. Полагаем, что представленное в данном анкетировании консолидированное мнение госслужащих с долей допущения можно определить, как репрезентативное мнение молодой части этого профессионального сообщества.

Среди опрошенных 71,7% приходилось работать удаленно в период пандемии. При этом половина – 51,2% опрошенных указали, что их департамент был в полном составе переведён на удаленную работу, но на рабочих местах оставался руководящий состав структурного подразделения.

Абсолютное большинство – 88% также указали, что в их ведомства оказались технически готовы к организации массовой удаленной работы. А это важное свидетельство того тезиса, что организация комбинированной занятости как инструмента мотивации уже сегодня не потребует существенных финансовых затрат.

Среди респондентов 77,1% подтвердили, что удаленное рабочее место, подключаемое на их личный персональный компьютер, включает подключение ко всем внутренним информационным системам ведомства, а также федеральным государственным информационным системам вроде системы электронного документооборота.

Анализ частотности появления тех или иных технических проблем при организации удаленного рабочего места показал, что самая часто встречающаяся проблема – низкое качества интернет соединения у домашнего провайдера сотрудников. Технические проблемы со стороны ведомств хоть и встречались, но не были отражены респондентами как наиболее частотные.

Только 20,5% опрошенных однозначно заявили о том, что постоянная удаленная занятость снижает их продуктивность. В то же время 27,7% считают, что их производительность при удаленной занятости повысилась, а 51,8% отметили, что продуктивность их работы повышается, если речь идёт о комбинированной занятости.

И завершается исследование вопросом о том, готовы ли сотрудники поддержать включение в их трудовой контракт возможности комбинированной занятости при наличии необходимых технологических решений.

Большинство – 81,9% высказались в поддержку такой инициативы, а значит у генеральной совокупности в целом в период пандемии Covid-19 сформировался запрос на изменение структуры труда и имплементации новых инструментов.

Таким образом, с учётом фактически сложившейся ситуации, комбинированная занятость может найти широкое применение в государственных органах нашей страны. Однако, по мнению авторов, комбинированная занятость не может быть безусловным правом абсолютно каждого государственного служащего. Это скорее привилегия, которой наделяются отдельные сотрудники только в случае, если такая форма занятости не вредит продуктивности выполнения

основных функциональных задач. С учетом этого, комбинированная занятость приобретает особое значение именно как мотивационный инструмент. Приведем несколько самых частых примеров использования комбинированной занятости в данном контексте:

- как элемент компенсационного пакета за неоплачиваемые переработки, ненормированный рабочий график и работу в выходные и праздничные дни;
- как элемент при формировании привлекательного образа государственной гражданской службы для молодых соискателей;
- как элемент ценностного предложения работодателя при смене места работы опытными специалистами;
- как элемент стимулирования к повышению образовательного уровня сотрудников ведомства;
- как элемент ценностного предложения для сотрудников с уникальной компетенцией.

Адаптация федеральных ведомств к карьерным ожиданиям постсоветских поколений – вопрос, внимания которому пока уделяется не так много. И если в существующих условиях кардинальное изменение подходов к организации деятельности государственных органов невозможно, то точечное внедрение прогрессивных инструментов управления персоналом, вроде комбинированной занятости, вполне может стать первым шагом на пути к формированию кадровой политики, стимулирующей появление молодежи в рядах ведомств самого разного уровня.

Литература

1. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2020. № 18 (120). Июнь / Под ред. Гуревича В.С., Дробышевского С.М., Колесникова А.В., Мау В.А., Синельникова-Мурылева С.Г.; Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 84 с.
URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_18-120_June.pdf
2. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется Российское общество. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 224 с.
3. Смертина П. Почему молодежь больше не рвется на госслужбу // Ведомости URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/07/02/805537-pochemu-molodezh>
4. Старцев П.В. Конкурс «Лидеры России» как необходимость повышения конкурентоспособности страны в условиях перехода к цифровой экономике // Материалы Международной научно-практической конференции «Перспективы развития отечественных предприятий в условиях формирования цифровой экономики. М., 2018. 208 с.
5. Kerstin F. Hansen Salutory Action on Combining Work and Family? in: Die Unternehmung, page 390 – 413.
6. Черноусов И. Исследователи рассказали об уязвимости удаленных рабочих столов // Российская газета URL: <https://rg.ru/2020/03/27/issledovateli-rasskazali-ob-uziazvimosti-udalennyh-rabochih-stolov.html>

Makhnitskiy Danil Pavlovich, Graduate Student of Institute of Public Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, ave. Vernadsky, Moscow, 119991, Russian Federation). E-mail: d.makhn@ya.ru

Shirokova Olesya Vadimovna, PHD in Sociology, Associate Professor of Institute of Public Service and Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (84, ave. Vernadsky, Moscow, 119991, Russian Federation). E-mail: ov.shirokova@igsu.ru

COMBINED EMPLOYMENT AS A TOOL TO INCREASE THE ATTRACTIVENESS OF THE STATE CIVIL SERVICE FOR YOUNG PROFESSIONALS

Abstract

The Covid-19 pandemic has led to a major change in the structure of work in organizations around the world. Russian government agencies were no exception and, during the period of epidemiological restrictions, actively used new tools of labor organization. Combined employment has become one of the most common tools. This article is devoted to a comprehensive analysis of this tool. Its motivational component will be disclosed, a SWOT analysis will be conducted, and the place of combined employment in the general management system

of Federal government agencies will be indicated. Attention will also be paid to substantiating the possibility of continuing to use combined employment to create an attractive image of public service among applicants.

Keywords: civil service, motivation, combined employment, post-Soviet generations, remote jobs, remote work, economic situation, labour organization, labour market.

References

1. Monitoring ekonomicheskoi situatsii v Rossii: tendentsii i vyzovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya. 2020. No 18 (120). Iyun' / Pod red. Gurevicha V.S., Drobyshevskogo S.M., Kolesnikova A.V., Mau V.A., Sinel'nikova-Muryleva S.G.; Institut ekonomicheskoi politiki imeni E.T. Gaïdara, Rossiiskaya akademiya narodnogo hozyaïstva i gosudarstvennoi sluzhby pri Prezidente Rossiiskoi Federatsii. 84 p.
URL: http://www.iep.ru/files/text/crisis_monitoring/2020_18-120_June.pdf
2. Radaev V.V. Millenialy: Kak menyaetsya Rossijskoe obshchestvo. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2019. 224 p.
3. Smertina P. Pochemu molodezh' bol'she ne rvyotsya na gosslužbu // Vedomosti URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2019/07/02/805537-pochemu-molodezh>
4. Starcev P.V. Konkurs «Lidery Rossii» kak neobhodimost' povysheniya konkurento-sposobnosti strany v usloviyah perekhoda k cifrovoj ekonomike // Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferentsii «Perspektivy razvitiya otechestvennykh predpriyatij v usloviyah formirovaniya cifrovoj ekonomiki. M., 2018. 208 p.
5. Kerstin F. Hansen Salutory Action on Combining Work and Family? in: Die Unternehmung, page 390 – 413.
6. Chernousov I. Issledovateli rasskazali ob uyazvimosti udalennykh rabochih stolov // Rossijskaya gazeta URL: <https://rg.ru/2020/03/27/issledovateli-rasskazali-ob-uyazvimosti-udalennykh-rabochih-stolov.html>

УДК 378

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-49-54

ОТНОШЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ВУЗОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ К СИСТЕМЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕННОГО ПЕРЕХОДА

Скидан Анастасия Васильевна	кандидат экономических наук, доцент кафедры налогообложения и бухгалтерского учета, директор центра научно-образовательной политики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: tark-anastasiya@yandex.ru
Мельниченко Анна Михайловна	аспирант кафедры социологии, эксперт центра научно-образовательной политики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: 080491@mail.ru

Аннотация

В статье представлены основные результаты социологического исследования отношения преподавателей вузов Ростовской области к дистанционному обучению в условиях повсеместного и полного перехода на удаленное обучение, анализируются трудности, с которыми пришлось столкнуться профессорско-преподавательскому составу.

Ключевые слова: высшее образование, дистанционное обучение, дистанционные образовательные технологии, образовательный процесс, дистанционный формат, образовательные организации, бакалавриат, магистратура, академическое сообщество.

События последних нескольких месяцев, вызванные ухудшением эпидемиологической ситуации в стране и мире, повлияли практически на все сферы общественных отношений. Не стала исключением и система высшего образования. Экстренный перевод образовательного процесса в дистанционный формат не только коренным образом изменил порядок взаимодействия его участников, повлиял на содержательные характеристики обучения, но и предоставил возможность проанализировать готовность отдельных образовательных организаций и всей

системы в целом к повсеместному использованию дистанционных технологий при реализации образовательных программ различного уровня.

Конечно, дистанционные технологии в образовании – это не «открытие» последних месяцев. Различные аспекты и проблемы разработки, внедрения, использования дистанционных образовательных технологий активно рассматриваются и обсуждаются представителями академического сообщества на протяжении последних двух десятилетий, что обусловлено бурным развитием информационно-коммуникационных технологий, открытием новых возможностей для их применения в образовательном процессе.

Еще большую актуальность эта тематика приобрела после закрепления понятия «дистанционные образовательные технологии» в законодательстве. Так, в соответствии с п.1 ст. 16 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников¹.

Несмотря на множество трудностей, с которыми могут столкнуться участники образовательного процесса при внедрении дистанционных технологий, статистика свидетельствует о том, что с каждым годом доля студентов российских вузов, обучающихся с применением дистанционных технологий (в т.ч. с применением исключительно дистанционных образовательных технологий), стабильно увеличивается. По данным ежегодного статистического наблюдения за период с 2014 по 2019 годы доля таких студентов увеличилась с 6,76% до 13,04% (табл. 1)².

Таблица 1

**Динамика доли обучающихся с применением дистанционных технологий
в общей численности обучающихся по программам высшего образования
в 2014-2019 гг., %**

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Доля обучающихся с применением дистанционных технологий по программам высшего образования, в т.ч.:	6,76	7,00	9,19	10,11	11,20	13,04
бакалавриата	8,34	8,21	10,65	11,30	12,37	14,08
специалитета	3,23	3,48	4,18	6,25	6,58	7,92
магистратуры	5,26	3,72	6,36	8,37	11,13	14,75

Отметим, что привлечение дистанционных технологий при реализации образовательных программ в большей степени характерно для программ бакалавриата и магистратуры и в меньшей степени для программ специалитета.

Эффективность применения дистанционных технологий в образовательном процессе определяется множеством факторов, но, пожалуй, одним из главных является готовность самих участников образовательного процесса к использованию новых средств обучения, компетентностная, психологическая, материально-техническая готовность.

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 25.05.2020) «Об образовании в Российской Федерации» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]
<http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=353367&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.842458791837245#0635455657237854>

² Статистические сведения за 2014-2109 гг. по форме N ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс]
<https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php>

В условиях пандемии большинству преподавателей пришлось приобретать необходимые навыки и компетенции в сжатые сроки и непосредственно на практике, а при условии введения режима самоизоляции пришлось решать и вопросы материально-технического обеспечения дистанционного обучения.

Насколько преподавателям удалось адаптироваться к новым условиям, и каким образом это повлияло на их отношение к дистанционному обучению, мы попытались выяснить, проанализировав результаты последних исследований, а также собственного опроса преподавателей вузов Ростовской области, проведенного в мае 2020 г. Исследование носило пилотный характер; объем выборки составил 124 человека.

Прежде всего, необходимо было понять, сталкивались ли преподаватели ранее с дистанционными технологиями обучения и насколько часто применяли их в своей преподавательской деятельности. Так, 55,6% респондентов заявили о том, что ранее они применяли такие технологии; в то же время, только 20,5% преподавателей отметили, что делали это регулярно. О том, что использовали дистанционные технологии в определенных ситуациях, скорее в качестве исключения из повседневной практики, сообщили 35,1 % опрошенных. Остальным 44,4% педагогов не приходилось ранее использовать дистанционные технологии в обучении.

По данным исследования, проведенного НИУ ВШЭ еще в 2019 году, каждый четвертый преподаватель за последние 3 года ни разу не использовал сервисы видеосвязи для участия в видео-конференциях, вебинарах и других подобных мероприятиях¹.

Это означает, что большинству преподавателей в условиях экстренного перехода на дистанционный формат обучения пришлось осваивать новые для себя технологии, а ведь такой переход предполагает не только приобретение навыков использования специальных информационных систем и технологий, но и соответствующих навыков формирования и представления учебного материала, навыков выстраивания взаимодействия со студентами и т.д. Насколько эффективно прошел этот процесс будет понятно после возвращения к традиционному формату взаимодействия.

Принимая во внимание преимущественно экстренный характер перехода на дистанционное образование и изменение условий работы, преподавателей попросили охарактеризовать, каким образом изменился объем выполняемой работы, в том числе при подготовке к занятиям и в процессе их проведения. Абсолютное большинство респондентов – 79,5%, отметили увеличение объема выполняемой работы, что, прежде всего, связано с переработкой и адаптацией всех учебных материалов к дистанционному формату. Еще 12,3% преподавателей охарактеризовали изменения в выполняемой работе как «изменение структуры распределения времени на различные виды работ», но отметили, что в целом объем выполняемой работы остался прежним. И только 5,5% опрошенных указали на сокращение объема выполняемой работы, после внедрения дистанционных технологий и благодаря дополнительным возможностям, которые они открывают.

Аналогичный результат был получен и в результате масштабного опроса профессорско-преподавательского состава вузов, проведенного Минобрнауки России совместно с Институтом социального анализа и прогнозирования РАНХиГС; выборка составила 33 987 респондентов, что составляет около 15% всей генеральной совокупности². У 85,7% преподавателей стало меньше свободного времени, возникло представление о росте рабочей нагрузки.

Представляют интерес и результаты опроса проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в мае 2020 года в формате телефонного интервью среди студентов. В том числе, в исследовании приняли участие 800 студентов высших учебных заведений³.

¹ Дистанционное обучение в экстремальных условиях // Интерфакс. Образование [Электронный ресурс] <https://academia.interfax.ru/ru/analytics/research/4491/>

² Преподаватели высказали свое мнение о вынужденном переходе образовательного процесса в онлайн // Официальный сайт Министерства науки и высшего образования Российской Федерации [Электронный ресурс] https://www.minobrnauki.gov.ru/ru/press-center/card/?id_4=2603

³ Выпускники школ и студенты высказали мнение о дистанционном образовании (аналитический обзор) // Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения [Электронный ресурс] <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=10304>

По данным, полученным ВЦИОМ в результате опроса, 55% респондентов считают, что нагрузка на преподавателей с введением дистанционной формы обучения увеличилась. Каждый пятый студент уверен, что нагрузка на преподавателей не изменилась (20%). И только 19% учащихся вузов считают, что нагрузка на них сократилась. Таким образом, мнение студентов и преподавателей в целом совпадает.

Дистанционный формат предполагает изменение не только содержания труда, но и условий труда. Конечно, дистанционное обучение, с которым мы столкнулись в условиях пандемии и самоизоляции нельзя назвать «типичным и стандартным», и ведение занятий из дома не является обязательным условием дистанционного обучения, однако в сложившейся ситуации произошло именно так. А ведь условия работы во много определяют качество преподавания. Насколько же преподавателям удалось создать комфортные для работы условия?

Характеризуя бытовые условия для проведения дистанционных занятий и подготовки к ним, только 22,6% респондентов ответили, что их все полностью устраивает; о том, что в целом условия устраивают, но есть некоторые недостатки, высказались 32,2% преподавателей; 34,7% опрошенных готовы принять работу дома только как временные условия труда. Еще 10,5% респондентов заявляли о невозможности качественного проведения занятий и подготовки к ним в домашних условиях.

По данным того же исследования РАНХиГС и Минобрнауки, у 34% преподавателей дома нет места для комфортного ведения занятий.

Еще один вопрос касался комфортности работы преподавателя вне образовательной организации. Абсолютное большинство (58,9%) респондентов убеждены, что работать вне вуза достаточно комфортно, но работать так постоянно – неприемлемо.

В табл. 2 представлено распределение респондентов с учетом ответов на два содержательно связанных между собой вопроса, касающихся, с одной стороны, удовлетворенности бытовыми условиями, в которых приходится готовиться к занятиям и проводить их, с другой стороны, удовлетворенности работой вне образовательной организации.

Можно отметить прямую зависимость между удовлетворенностью домашними условиями труда и готовностью работать вне образовательной организации. То есть, чем комфортнее бытовые условия при проведении дистанционных занятий, тем лояльнее преподаватель относится к удаленной работе.

Таблица 2

Соотношение удовлетворенности бытовыми условиями для проведения занятий и комфортностью работы вне образовательной организации

<i>Насколько Вам комфортно работать вне образовательной организации?</i> <i>Ваши бытовые условия позволяют Вам комфортно проводить дистанционные занятия и готовиться к ним?</i>	Абсолютно комфортно, не имеет значения, откуда вести занятия и где готовиться	Достаточно комфортно, но при условии, что это временное явление. Постоянно работать вне образовательной организации неприемлемо	Некомфортно
Да, меня все полностью устраивает	8,9%	12,9%	0,8%
В целом да, но имеются некоторые недостатки	4,8%	25,8%	1,6%
Нет, но как временные условия труда можно принять	0%	19,4%	15,3%
Абсолютно нет, в домашних условиях невозможно качественно готовиться к занятиям и проводить их	0%	0,8%	9,7%

Возвращаясь к данным общероссийских исследований, приведем результаты того же исследования РАНХиГС и Минобрнауки – 66% преподавателей отметили, что им не нравится работать дома.

Важной составляющей дистанционного обучения представляют собой информационно-коммуникационные технологии. Практически все опрошенные преподаватели указали на наличие одной или нескольких систем дистанционного обучения в их вузе.

Почти половину респондентов (46,8%) полностью устраивает имеющаяся система дистанционного обучения, но при этом, как отмечают опрошенные, им пришлось потратить время и силы на ее освоение (табл. 3).

Таблица 3

Удовлетворенность системой дистанционного обучения вуза

Имеющаяся система полностью доступна, понятна в использовании и обладает всеми необходимыми сервисами, освоение прошло быстро и без проблем (удобный интерфейс, сочетание различных способов взаимодействия со студентами, постоянная техническая и методическая поддержка и т.д.)	26,6%
Имеющаяся система удобна, понятна и обладает всеми необходимыми сервисами, однако пришлось потратить время и силы на её освоение и приобретение навыков использования	46,8%
Имеющаяся система понятна в использовании и доступна, однако не обладает всеми сервисами, необходимыми для ведения полноценного образовательного процесса	12,9%
Имеющаяся система сложна и не понятна в использовании (часто приходится прибегать к посторонней помощи, постоянно обращаться к инструкциям, в техническую поддержку и т.д.)	11,3%
другое	2,4%

Еще 39,5% респондентов в той или иной степени удовлетворены функционированием такой системы, при этом у них не возникло проблем с освоением указанных сервисов. А вот 11,3% преподавателей охарактеризовали применяемую систему дистанционного обучения как сложную и непонятную в использовании.

Главной особенностью дистанционного обучения все же является опосредованность взаимодействия участников образовательного процесса. Характеризуя свое отношение к такому формату взаимодействия, 61,3% преподавателей выразили различную степень неудовлетворенности; 38,7% респондентов дистанционный формат общения полностью устраивает или скорее устраивает.

И, наконец, респондентам был предоставлена возможность в свободной форме охарактеризовать дистанционное обучение как альтернативу традиционным формам. Обобщив полученные ответы, можно сформулировать позицию большинства преподавателей следующим образом: дистанционное обучение не может выступать полноценной альтернативой традиционным формам (кроме ситуации, когда нет возможности реализации традиционных форм обучения, как в случае с режимом самоизоляции); вместе с тем, использование дистанционных образовательных технологий как дополнение при реализации образовательных программ на очной, очно-заочной и, особенно, на заочной формах обучения создает дополнительные возможности для повышения качества образования.

По данным исследования, проведенного Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в мае 2020 года среди 53 филиалов РАНХиГС (выборка включала 12201 студента и 4000 преподавателей), неудобной эту форму признают 47,7% студентов и 53,8% преподавателей. А 85,5% преподавателей, предпочитают очную форму дистанционной. И в этом их поддерживает 69,6% студентов¹.

¹ Почему студенты и преподаватели невзлюбили дистанционное обучение // Ведомости [Электронный ресурс] <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2020/05/28/831354-distantcionnoe-obuchenie>

Таким образом, вынужденный повсеместный переход на дистанционное обучение не только вызвал массовую волну критики, как со стороны преподавателей, так и со стороны студентов, но и поставил перед системой образования целый ряд вопросов, касающихся внедрения дистанционных технологий в образовательный процесс. И это не только вопросы материально-технического, информационного, методического, кадрового обеспечения, но и проблемы поиска наиболее гармоничных сочетаний традиционного обучения и дистанционных технологий.

Skidan Anastasia Vasilievna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Taxation and Accounting, Director of the Center for Scientific and Educational Policy, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: tark-anastasiya@yandex.ru

Melnichenko Anna Mikhailovna, postgraduate student of the Department of Sociology, expert of the Center for Scientific and Educational Policy, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: 080491@mail.ru

THE ATTITUDE OF TEACHERS OF UNIVERSITIES OF THE ROSTOV REGION TO THE SYSTEM OF DISTANCE LEARNING IN THE CONDITIONS OF EMERGENCY TRANSITION

Abstract

The article presents the main results of a sociological study of the attitude of university teachers of the Rostov Region to distance learning in the conditions of a widespread and complete transition to remote learning. The difficulties encountered by faculty members are analysed.

Keywords: *higher education, distance learning, remote educational technologies, educational process, remote format, educational organizations, undergraduate, master's degree, academic community.*

УДК 338.1

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-55-60

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ФАКТОРОВ РИСКА МЕЗОУРОВНЯ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ГОСПРОГРАММ

Безденежных Вячеслав Михайлович доктор экономических наук, профессор,
Финансовый университет при Правительстве РФ (125993 (ГСП-3),
Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49). E-mail: savrula@gmail.com

Индарбаев Асхаб Алиевич аспирант, Финансовый университет при Правительстве РФ
(125993 (ГСП-3), Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 49).
E-mail: askhab13@gmail.com

Аннотация

Анализ и оценка рисков в процессе принятия и реализации государственных решений относительно стабилизации экономических отношений направлены на достижение определенных целевых установок, способствующих экономическому росту региона, и соответственно по данной причине носят актуальный характер. Цель исследования – изучить методические подходы к анализу факторов риска инвестиционных проектов государственных программ мезоуровня. С целью достижения поставленной цели были проанализированы методы оценки и инструменты анализа факторов риска инвестиционных проектов государственных программ. Авторами была предложена схема анализа факторов риска инвестиционных проектов госпрограмм регионального уровня для принятия решений.

Ключевые слова: инвестиционные проекты, факторы риска, государственные программы, методы оценки и анализа рисков, риск-менеджмент, способы управления, экономический рост, региональный уровень экономики, целевые установки.

Процесс анализа и оценки факторов риска принято определять как уточнение степени величины (размера) потерь в результате влияния факторов риска. Исходя из мнения многих современных исследователей в области риск-менеджмента, стоит отметить, что в настоящее время целостная теория оценки факторов риска постоянно трансформируется.

Анализ риска включает анализ вероятности и последствий идентифицированных опасных событий с учетом наличия и эффективности применяемых способов управления. Данные о вероятности событий и их последствиях используют для определения уровня риска¹.

Прогнозно-аналитическая оценка результатов принятия и реализации государственных решений на региональном уровне относительно стабилизации экономических отношений должна полагаться на целевые установки, способствующие экономическому росту региона как количественно, так и качественно.

В практике инвестиционного анализа накоплено достаточно большое количество методов анализа, исследования и оценки разнообразных факторов риска. Все эти методы обычно принято разделять на две укрупненные подгруппы: количественные и качественные [6, 9, 13, 15]. Следуя данному подходу, алгоритм анализа факторов риска государственных программ упрощенно можно представить в виде схемы (рис. 1.).

¹ ГОСТ Р ИСО/МЭК 31010—2011 Менеджмент риска. Методы оценки риска (ISO/IEC 31010:2009 Risk management – Risk assessment techniques (IDT)) / Москва Стандартинформ 2012 [Электронный ресурс] http://www.sibfana.ru/files/ГОСТ%20Р%20ИСО%2031010-2011_Методы%20оценки%20риска.pdf
Дата обр. 20.05.2020

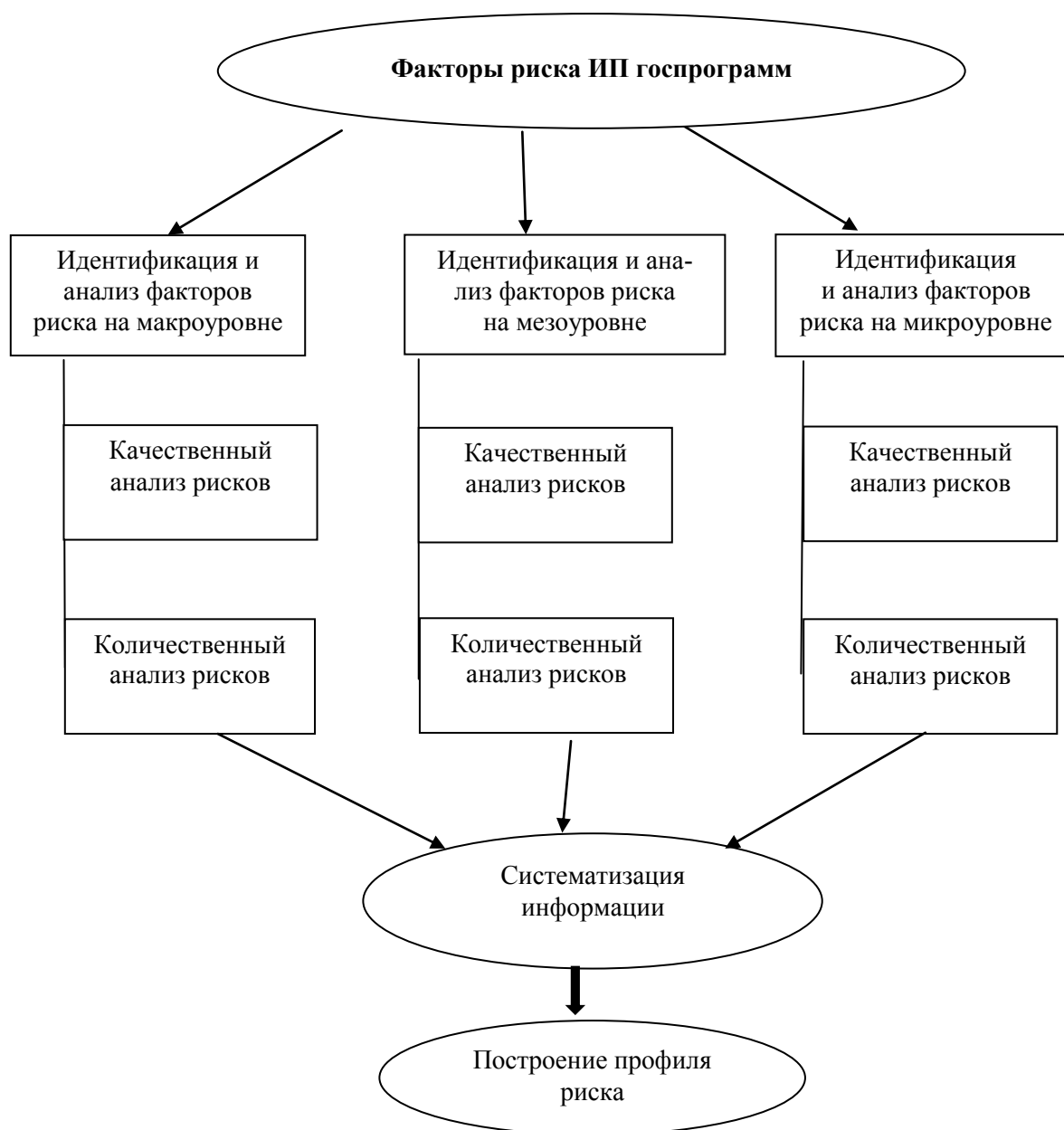

Рис. 1. Схема анализа факторов риска инвестиционных проектов госпрограмм регионального уровня (составлено авторами)

Первостепенным на этапе оценки факторов риска является различие качественной и количественной оценки факторов риска. Качественный анализ факторов риска можно провести достаточно просто, а его главной целью является определение всевозможных видов и факторов риска, включая факторы, которые могут повлиять на уровень риска в ходе осуществления определенного рода деятельности [5].

Качественный анализ факторов риска предполагает описательный характер и в результате подготавливает почву для дальнейших исследований, носящий количественный характер. Первостепенной задачей качественной оценки факторов риска инвестиционных проектов на региональном уровне является уточнение и идентификация всех существующих разновидностей рисков в определенной ситуации или конкретной организации, или определенного проекта. Обязательным моментом является и учет взаимного влияния факторов риска друг на друга, а также последствия их взаимного влияния. Основным фактором успеха в количественной оценке факторов является обязательное четкое ранжирование и систематизация выявленных в процессе идентификации факторов риска проекта. Такая идентификация должна

четко и в полной мере отражать всю совокупность возможных угроз, с которыми могут столкнуться команда проекта, владельцы активов, инвесторы в процессе управления ходом проекта.

Одним из наиболее популярных инструментов качественного анализа являются методы экспертных оценок:

- Листы вопросники
- Роза и спираль рисков
- Инструменты SWOT-анализа
- Оценка риска по стадиям реализации проекта
- Метод Дельфи [15]
- PEST-анализ
- Матрица рисков
- Метод мозгового штурма

Следующим этапом исходя из различных исследований и предложенной авторами схемы анализа факторов рисков инвестиционных проектов госпрограмм является количественный анализ. В научной и учебно-методической литературе принято выделять ряд общих подходов и методов, которые способны в полном объеме обеспечить количественную оценку факторов риска региональных инвестиционных проектов государственных программ [16].

Количественные исследования факторов риска являются важным этапом риск-менеджмента, представляющего собой процесс идентификации факторов риска и уточнения их значимости в ходе реализации проекта, т. е. анализ вероятности наступления нежелательных событий и степень влияния на результат и достижение целей регионального проекта. Процесс анализа рисков включает в себя оценку факторов риска и методы их минимизации или снижения связанных с ними неблагоприятных результатов [5, с. 207].

Количественная оценка факторов риска осуществляется при помощи вероятности того, что результат окажется меньше запланированного значения, а также при помощи произведения вероятности того что будут потери на ожидаемые потери [5].

Количественный анализ ставит перед собой цель определения численных величин определенных факторов риска инвестиционных проектов, которые потом аккумулируются в общей оценке уровня риска проекта в целом или отдельных его составляющих. В основе количественной оценки факторов риска лежат теория вероятностей, исследования операций и математической статистики.

Исходя из мнения А.А. Ганиевой количественная оценка, как прямых, так и косвенных итогов реализации инвестиционных государственных проектов, которые могут сформировать положительный поток дополнительных денежных средств в экономику, может полагаться на симметричных свойствах таблицы «затраты – выпуск» В.В. Леонтьева [12]. Определенная модификация данной таблицы дает представление математической интерпретации итогов реализации крупных мега проектов государственных программ [1].

Задачи количественной оценки и анализа факторов риска включают [7-8]:

- исследование устойчивости критериев, результатов, чувствительности относительно варьирования исходных параметров;
- прямые задачи, что подразумевает оценку уровня рисков основанной на достоверной информации о вероятностях;
- обратные задачи определяют по приемлемому уровню рисков значения исходных параметров учитывая конкретные запланированные ограничения на один или несколько изменяемых исходных данных.

В большинстве методических рекомендаций по оценке эффективности инвестиционных проектов государственных программ предлагается проводить оценку факторов риска с применением таких методов как:

- метод достоверных эквивалентов;
- метод учета рисков в ставке дисконтирования;
- имитационное моделирование оценки факторов риска;
- анализ устойчивости параметров системы на основе анализа точки безубыточности;
- сценарный анализ факторов риска;
- анализ чувствительности проекта;
- дерево решений;

- имитационное моделирование при помощи методов Монте-Карло [11];
- анализ устойчивости;
- планирование эксперимента;
- метод вариации параметров;
- количественная оценка эффективности проектов с учетом неопределенности среды.

В литературных источниках по вопросам управления рисками, обычно определяют несколько групп методов. Данные группы представляют возможность дать количественную оценку факторов риска инвестиционных проектов государственных программ:

- статистические методы;
- экспертные методы;
- расчетно-аналитические методы [13].

Статистические методы анализа и оценки факторов риска включают в себя методы расчета среднеквадратичного отклонения прогнозных значений прибыли, методы построения дерева решений, анализ коэффициента вариации вариантов решений, дисперсии и т.п.

Использование в современных условиях статистических методов для оценки рисков инвестиционных проектов госпрограмм, в условиях неопределенности среды, имеет определенный перечень определенных ограничений: не учитывает взаимосвязь между отдельными переменными разных направлений деятельности организации, не дает возможность спрогнозировать синергетический эффект усиления взаимного влияния факторов риска. Использование вероятностных методов эффективно лишь в том случае, когда имеется сходная в определенной степени и повторяющаяся ситуация [10].

Расчетно-аналитические методы в себя включают метод корректировки, метод одного значения, анализ сценариев, анализ чувствительности, имитационное моделирование, метод определения уровня безубыточности, метод нескольких значений, планирование эксперимента и другие. Данная группа методов основана на прикладных математических методах исследования финансовых, производственно-хозяйственных и коммерческих факторов риска.

Следующим классическим способом является метод корректировки на риск ставки дисконтирования.

По мнению авторов, рассмотренный метод анализа риска при оценке эффективности региональных инвестиционных проектов госпрограмм рекомендуется применяться всегда, даже если в принятой политике учета и оценки факторов риска инвестиционных проектов он не является основным. Следовательно, данный метод анализа факторов риска может быть ключевым или дополнительным в методике анализа и оценке риска инвестиционных проектов государственных программ [11].

Большую популярность здесь получило применение имитационного моделирования. Макроэкономическая имитационная модель является описанием взаимосвязей в экономической государственной системе с применением системы эконометрических уравнений. Параметры эконометрических уравнений основаны на использовании статистических ретроспективных данных [6, с. 43].

Видоизмененной моделью имитационного моделирования является метод Монте-Карло [3]. Главной отличительной чертой данного метода является то, что аналитические методы изучают все пространство, а рассматриваемый анализирует лишь его часть.

Формирование относительно нового направления в статистике, а именно теории планирования эксперимента достаточно активно началось в 1950-х гг. (основоположник Р. Фишер) [17].

Математические методы планирования эксперимента предоставили возможность ученым отбирать оптимальное количество сценариев, а затем установить оптимальные границы факторов риска в пределах каждого из них.

Метод сценариев или анализ чувствительности вырабатывает пессимистический и оптимистический варианты развития событий, с прогнозом по ним всех результирующих показателей инвестиционного проекта.

В число экспертных методов анализа рисков принято включать такие методы как метод Дельфи, метод номинальной групповой техники, метод мозгового штурма и т.п. В данный период времени методы экспертных оценок имеют широкую популярность и используются в разнообразных исследованиях [2, 14].

В результате проведенного исследования представленных в литературе и дополненных автором методических подходов к анализу и оценке факторов риска инвестиционных проектов государственных программ стоит отметить, что на данный момент существует множество различных подходов к этой проблеме. Однако, выбор конкретного метода оценки факторов риска зависит от доступа к информационным ресурсам, статистическим данным, от наличия компетентных экспертов в исследуемой области, технических средств и целей анализа.

Литература

1. Ганиева А.А. Макроэкономические эффекты реализации крупномасштабных проектов // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2009. № 6 (64).
2. Бешелев С.Д., Гурвич Ф.Г. Экспертные оценки. М.: Наука, 1978. 356 с.
3. Волков И.М., Грачева М.В. Проектный анализ: учебник. М.: ЮНИТИ, 1998. 354 с.
4. Безденежных В.М., Авдийский В.И. Прогнозирование и управление рисками хозяйствующих субъектов: учебник. Москва: КНОРУС, 2017. 272 с.
5. Гуров В.Г. Управление проектными рисками в процессе бизнес-планирования // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. №10 (90). С. 203-211.
6. Глущенко К.П. Оценка эффективности транспортных проектов: опыт и проблемы // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2012. Том 12, выпуск 1. С. 40-45.
7. Грачева М.В., Ляпина С.Ю. Управление рисками в инновационной деятельности. М., 2010. 352 с.
8. Привалов Н.Г., Козловский А.Н., Петров В.Н. Современный инструментарий количественного анализа и оценки рисков инновационных проектов // Записки горного института Издательство: Санкт-Петербургский горный университет 2012 №197. С. 107-112.
9. Капустина Н.В. Развитие организации на основе риск-менеджмента: теория, методология и практика: Монография. М.:ИНФРА-М, 2014. Сер. Научная мысль. 178 с.
10. Кибалов Е. Б., Глущенко К.П., Горяченко В.И. Проект реконструкции Транссиба как объект оценки общественной эффективности // Вестник НГУ. Серия: Социально-экономические науки. 2015. Т. 15. Вып. 2. С. 36-47.
11. Курилова А.А., Полтева Т.В. Учёт риска и неопределённости при оценке эффективности инвестиционных проектов // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5. № 4 (17).
12. Леонтьев В.В. Межотраслевая экономика: Пер. с англ. / Автор предисл. и науч. ред. А.Г. Гранберг. М.: ОАО «Издательство «Экономика», 1997. 479 с.
13. Мякота О.В. Методические аспекты оценки рисков в системе управления инвестиционными проектами предприятий промышленности (на примере САХА (Якутия)). М.: Академия труда и социальных отношений, 2001. 145 с.
14. Попов Э.В. Экспертные системы: Решение неформализованных задач в диалоге с ЭВМ. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1987. 284 с.
15. Труфанов С.В. Методы анализа рисков // Вестник КрасГАУ. 2007. № 6. С. 56-59.
16. Лобанова Т.М., Ливинская В.А. Комплексная оценка привлекательности инвестиционных предложений // Вестник Белорусско-Российского университета. 2019. № 1 (62). С. 115-123.
17. Fisher I. The theory of interest. N.Y.: Macmillan company, 1930. 322 p.

Bezdenzhnykh Vyacheslav Mikhailovich, Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky pr., Moscow, 125993 (GSP-3), Russian Federation). E-mail: savrula@gmail.com

Indarbaev Askhab Aliyevich, postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation (49, Leningradsky pr., Moscow, 125993 (GSP-3), Russian Federation). E-mail: askhab13@gmail.com

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ANALYSIS OF RISK FACTORS OF MESOLEVEL INVESTMENT PROJECTS OF STATE PROGRAMS

Abstract

The analysis and assessment of risks in the process of making and implementing state decisions regarding the stabilization of economic relations is aimed at achieving certain targets that contribute to the economic growth of the region and, accordingly, for this reason, is relevant. The purpose of the study is

to study methodological approaches to the analysis of risk factors of investment projects of meso – level state programs. In order to achieve this goal, the methods of assessment and tools for analyzing risk factors of investment projects of state programs were analyzed. The authors proposed a scheme for analyzing the risk factors of investment projects of state programs at the regional level for decision-making.

Keywords: *investment projects, risk factors, government programs, risk assessment and analysis methods, risk management, management methods, economic growth, regional level of economy, targets.*

References

1. Ganieva A.A. Makroekonomicheskie efekty realizatsii krupnomasshtabnykh proektov // Nauchno-tekhnicheskij vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta in-formacionnykh tekhnologij, mekhaniki i optiki. 2009. № 6 (64).
2. Beshelev S.D., Gurvich F.G. Ekspertnye ocenki. M.: Nauka, 1978. 356 p.
3. Volkov I.M., Gracheva M.V. Proektnyj analiz: uchebnik. M.: YUNITI, 1998. 354 p.
4. Bezdenezhnyh V.M., Avdijskij V.I. Prognozirovanie i upravlenie riskami hozyajstvuyushchih sub"ektov: uchebnik. Moskva: KNORUS, 2017. 272 p.
5. Gurov V.G. Upravlenie proektnymi riskami v processe biznes-planirovaniya // Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta. 2012. №10 (90). P. 203-211.
6. Glushchenko K.P. Ocenka effektivnosti transportnykh proektov: opyt i problemy // Vestnik NGU. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki. 2012. Tom 12, vypusk 1. P. 40-45.
7. Gracheva M.V., Lyapina S.YU. Upravlenie riskami v innovacionnoj deyatel'nosti. M., 2010. 352 p.
8. Privalov N.G., Kozlovskij A.N., Petrov V.N. Sovremennyy instrumentarij kolichestvennogo analiza i ocenki riskov innovacionnykh proektov // Zapiski gornogo instituta Izdatel'stvo: Sankt-Peterburgskij gornyy universitet 2012 №197. P. 107-112.
9. Kapustina N.V. Razvitie organizatsii na osnove risk-menedzhmenta: teoriya, metodologiya i praktika: Monografiya. M.:INFRA-M, 2014. Ser. Nauchnaya mysl'. 178 p.
10. Kibalov E. B., Glushchenko K.P., Goryachenko V.I. Proekt rekonstrukcii Transsiba kak ob"ekt ocenki obshchestvennoj effektivnosti // Vestnik NGU. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki. 2015. T. 15. Vyp. 2. P. 36-47.
11. Kurilova A.A., Polteva T.V. Uchyot riska i neopredelyonnosti pri ocenke effektivnosti investicionnykh proektov // Karel'skij nauchnyj zhurnal. 2016. T. 5. № 4 (17).
12. Leont'ev V.V. Mezhotraslevaya ekonomika: Per. s angl. / Avtor predisl. i nauch. red. A.G. Granberg. M.: OAO «Izdatel'stvo «Ekonomika», 1997. 479 p.
13. Myakota O.V. Metodicheskie aspekty ocenki riskov v sisteme upravleniya investicionnymi proektami predpriyatij promyshlennosti (na primere SAHA (Yakutiya)). M.: Akademiya truda i social'nyh otnoshenij, 2001. 145 p.
14. Popov E.V. Ekspertnye sistemy: Reshenie neformalizovannykh zadach v dialoge s EVM. M.: Nauka. Gl. red. fiz.-mat. lit., 1987. 284 p.
15. Trufanov S.V. Metody analiza riskov // Vestnik KrasGAU. 2007. № 6. P. 56-59.
16. Lobanova T.M., Livinskaya V.A. Kompleksnaya ocenka privlekatel'nosti investicionnykh predlozhenij // Vestnik Belorussko-Rossijskogo universiteta. 2019. № 1 (62). P. 115-123.
17. Fisher I. The theory of interest. N.Y.: Macmillan company, 1930. 322 p.

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВ И ПРАКТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ КРОССКУЛЬТУРНОГО БИЗНЕС-ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДЕЛОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА КНР И РОССИИ)

Зундэ Виктория Викторовна	доктор экономических наук, профессор кафедры национальной и региональной экономики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Россия, г.Москва, Стремянный пер., 36). E-mail: zundevika@mail.ru
Барашкин Максим Вячеславович	ассистент кафедры национальной и региональной экономики, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова (117997, Россия, г.Москва, Стремянный пер., 36). E-mail: barashkin.MV@rea.ru
Мезенцева Екатерина Евгеньевна	преподаватель кафедры менеджмента, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: ekaterinamezentseffa@yandex.ru
Кураян Кристина Акоповна	преподаватель кафедры менеджмента, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: kristinakurayan@rambler.ru

Аннотация

В статье обосновывается актуальность бизнес-коммуникаций, которая заключается в том, что эффективное управление невозможно без эффективного коммуникационного процесса. Изучение кросскультурных особенностей при деловых коммуникациях являются важной задачей менеджмента в целом. Целью исследования является повышение кросскультурного бизнес-взаимодействия предпринимательского сектора Китайской Народной Республики и региона РФ – Ростовской области за счет налаживания коммуникаций. В статье представлена дезагрегация типов культур по Р. Льюису: моноактивные, полиактивные и реактивные. Рассмотрены модели делового общения. Далее в статье обозначены ключевые трактовки кросскультурного менеджмента как особого вида управления, осуществляемого на стыке культур, который обретает все большее распространение и признание. В статье описываются кросскультурные особенности функционирования бизнеса в Китайской Народной Республике и Ростовской области, а также подчеркивается, что при бизнес-коммуникациях с китайскими предпринимателями, следует учитывать специфические особенности национальной и деловой культуры этого народа. Авторами в статье обозначены каналы продвижения российской продукции на китайский рынок. Далее представлены товарная структура экспорта и импорта Ростовской области и Китайской Народной Республики. Оценивая характер внешнеэкономических связей предпринимателей Китайской Народной Республики и Донского края, можно сказать, что существует комфортная ситуация делового общения.

Ключевые слова: коммуникации, бизнес-коммуникации, межкультурная деловая коммуникация, кросскультурное взаимодействие, кросскультурный менеджмент, китайский рынок, товарная структура экспорта, внешнеэкономические связи, коммуникационный процесс.

Введение

Начнем с того, что социально-культурная, политическая, хозяйственные сферы жизни человека связаны с коммуникативной деятельностью, которая занимает большой объем времени и определяет процессы социализации, образования, трудовой деятельности и т.д. Ключевое значение коммуникации приобретают в настоящее время в деятельности хозяйствующих субъектов, так как влияют на результативность коммерческого успеха бизнесов. В этом аспекте характер и качество деловых коммуникаций важны для постоянного исследования.

Так как в статье анализируются бизнес-коммуникации, то необходимо дать дефиницию термину «организация». Организация – это отдельный социальный институт с присущей только ей специфической экономической деятельностью, поэтому и дестабилизирующие факторы,

оказывающие непосредственное влияние на нее будут отличаться в зависимости от сферы деятельности [1].

Рыночная экономика в настоящее время требует от организаций максимальной гибкости и быстроты реагирования на происходящие изменения. Это невозможно обеспечить без налаженных бизнес-коммуникаций, так как они подобно кровеносной системе организации, обеспечивают эффективность работы административных и функциональных органов управления. Деловые коммуникации выступают средством, с помощью которого обеспечивается единство организации в достижении общих стратегических и тактических целей [2, с. 345].

Для определения сущности деловых коммуникаций обратимся к базисным определениям и конструктам.

Итак, коммуникация – это деятельность, пронизывающая все без исключения сферы существования общества. С другой стороны, коммуникацию можно представить, как процесс передачи и обмена информацией между различными общающимися сторонами. Два данных подхода взаимодополняют друг друга, дают целостное представление о природе указанной категории.

Социолог Н. Луман особое внимание уделял именно коммуникативности, считая ее главной характеристикой общества в целом. Коммуникативность ученый понимал как симбиоз неразрывно связанных элементов: информации, коммуникации и понимания. По сути, Луман отошел от понятия, связанного с передачей информации от отправителя к получателю [3, с. 38], а коммуникацию интерпретировал как «некое исторически-конкретно протекающее, зависящее от контекста событие» [3, с. 85]. При этом самому контексту и сопутствующим факторам уделено второстепенное значение.

Отдельного внимания, на наш взгляд, заслуживает взгляд Ю. Хабермаса, для которого коммуникация является центральным звеном в его теории коммуникативного действия. Немецкий философ и социолог дает определение через призму идеи о социальном взаимодействии. Итак, для Хабермаса коммуникативное действие – это «взаимодействие как минимум двух способных говорить и действовать субъектов, вступающих (с помощью вербальных или невербальных средств) в межличностные отношения. Действующие субъекты ищут взаимопонимания относительно ситуации действия с целью взаимосогласованного координирования своих планов действия, а, следовательно, и своих действий» [4].

Рациональная основа коммуникации обусловлена ситуацией необходимости порождения взаимодействия, а именно – потребностью совместной деятельности. Поэтому стоит принять во внимание коммуникационную схему Г. Лассуэлла, представленную в виде следующего предложения: «Who say and to whom in which channel with what effect?». Традиционный перевод этой формулы таков: «Кто, что говорит кому, по какому каналу, с каким эффектом?»

Если говорить о функциях коммуникации, то в 1948 Г. Лассуэлл выделил три функции, хотя позже количество функций несколько изменилось. Итак, сегодня традиционно выделяют пять функций:

1) информационная функция – обмен сообщениями, намерениями, мнениями между участниками коммуникации;

2) социальная функция – формирование навыков взаимодействия между людьми за счет накопления культурных навыков, обеспечивающих индивиду возможность занять свое место в социуме;

3) прагматическая функция – координация совместных действий с целью регламентации поведения;

4) экспрессивная функция – умение выражать эмоции и проявлять эмпатию;

5) интерпретативная функция – понимание коммуникативного партнера, в частности, его намерений, переживаний и состояний [5].

Отметим, что рациональность коммуникации будет, прежде всего, иллюстрировать информационная и прагматическая функции.

Выше мы выделили функции коммуникации, теперь хотелось бы сконцентрировать внимание на специфических функциях, свойственных именно бизнес-коммуникациям.

1. Функция социализации состоит в следующем: сотрудники компании в процессе взаимодействия оттачивают не только коммуникативные навыки, но и учатся разбираться в собеседнике и особенностях ситуации общения, что особенно важно в плане межличностной адаптации.

2. Контактная функция заключается в совершенствовании навыка готовности руководителя и подчиненного к обмену информацией и взаимодействию.
3. Координационная функция нацелена на достижение согласованности действий исполнителей при осуществлении совместной деятельности.
4. Функция понимания предполагает не только адекватную интерпретацию сообщения, но и правильное понимание состояний и намерений делового партнера.
5. Эмотивная функция предполагает возможность возбуждения в партнере нужных эмоциональных состояний, важных для принятия полезных хозяйственных решений.

В соответствии с базовым принципом эффективности, определим эффективность бизнес-коммуникаций как соотношение результата общения (состоялся ли успешный обмен информацией) и затрат на коммуникацию (время, силы, финансовые затраты, прочие ресурсы).

Эффективная бизнес-коммуникация – это двухсторонний процесс, который требует усилий, умений, компетенций как отправителя, так и получателя информации. Основной принцип эффективной бизнес-коммуникации заключается в свободе и мобильности передачи информационных потоков. Таким образом, бизнес-коммуникация является многоаспектным термином, сложным многоплановым явлением: это и деятельность, цель которой – достижение максимально выгодных результатов посредством коммуникации, и направление в научном менеджменте, хозяйственной практике.

Член Гильдии маркетологов Р. Чинарьян в своей статье утверждает, что «Бизнес – это деятельность, ставящая целью извлечение прибыли; тогда бизнес-коммуникации – это процесс общения между людьми, ставящими целью извлечение прибыли» [6].

В свою очередь В. Спивак, автор работы «Современные бизнес-коммуникации» позиционирует бизнес-коммуникации как науку, «объектом исследования которой являются аспекты общения людей в деловой сфере, факторы обеспечения эффективности деловых контактов» [7, с. 14].

Проблемы бизнес-коммуникаций приобретают во втором десятилетии XXI века особую актуальность, так как динамичное развитие международных отношений ведет к увеличению контактов, требующих решения глобальных социально-экономических проблем человечества. Изучение специфики культурных особенностей разных стран и народов, их влияния на организацию предпринимательских и государственно-управленческих процессов является важной задачей менеджмента.

Сегодня мы можем наблюдать и анализировать интенсивное становление и функционирование сетевой экономики, вследствие чего актуализируется изучение бизнес-коммуникации, которая представлена в виде сложной разветвленной системы, все элементы которой служат для обмена особой информацией между различными субъектами экономических отношений: компаниями, предпринимателями, поставщиками, спонсорами, инвесторами.

В свою очередь, межкультурная деловая коммуникация – это уникальный комплексный феномен, включающий различные формы взаимодействия представителей разных культур, этносов, национальностей, субкультурных групп. В связи с возрастающей ролью глобальных экономических процессов и инноваций, исследование международных деловых коммуникаций, их характера, типологии становится актуальной [8].

Многообразие культур является преимуществом современной мировой экономики, хотя и создает естественные барьеры для линейного делового взаимодействия. В мире существует свыше 200 стран, тогда как культур гораздо больше, что объясняется региональными особенностями. Британский ученый Р. Льюис после посещения 135 стран, и работая более чем в двадцати из них, пришел к выводу, что людей можно разделить на три типа, основанные не на национальности или религии, а – на их поведении. В результате проявления трех типов культур в деловых коммуникациях, возникли их следующие названия: моноактивные, реактивные и полиактивные.

Проведем сравнительный анализ основных типов культур по Р. Льюису (табл. 1).

К представителям моноактивной культуры, например, относятся швейцары и немцы. Представителями полиактивной культуры являются арабы, латиноамериканцы, итальянцы. К представителям реактивного типа культуры относятся финны, турки, корейцы, японцы и китайцы и другие.

Цивилизационный менталитет Запада и Востока нашел отражение в двух довольно противоречивых моделях делового общения. Деловая культура России занимает промежуточное место между западной и восточной культурой.

Дезагрегация типов культур по Р. Льюису [9]

<i>Сравнительный анализ основных типов культур по Р. Льюису</i>		
Моноактивные	Полиактивные	Реактивные
Говорит немного	Говорит большую часть времени	Слушает большую часть времени
Делает одну вещь за раз	Делает несколько вещей за раз	Реагирует на действия партнера
Планирует каждый шаг	Планирует грандиозные планы	Смотрит на общую картину
Вежливый, но прямолинейный	Эмоциональный	Вежливый, но не прямолинейный
Частично скрывает чувства	Показывает чувства	Скрывает чувства
Спорит, основываясь на логике	Спорит, основываясь на эмоциях	Никогда не спорит
Не любит терять лицо	Часто оправдывается	Не должен потерять лицо
Иногда вмешивается	Часто вмешивается	Никогда не вмешивается
Работо-ориентированный	Ориентирован на людей	Очень ориентирован на людей
Придерживается фактов	Чувства важнее фактов	Заявления многообещающие
Правда на первом месте	Подстраивается под ситуацию	Ложь во благо
Иногда нетерпелив	Нетерпелив	Терпеливый
Разделяет личное и профессиональное	Смешивает личное и профессиональное	Связывает личное и профессиональное

Если говорить о современных отечественных предпринимателях, то для них деловая культура отражается в большом комплексе стереотипов поведения, перенесенных из эпохи командной экономики, заимствований из западной деловой культуры и не вполне оформившихся «правил игры», еще только складывающихся в процессе формирования в России постиндустриальной экономики [10, с. 146].

Наукой, занимающейся изучением отношений представителей разных культур, является кросскультурный менеджмент, получивший свое начало с наступлением эпохи глобализации (последняя треть XX века).

Сущность и определение кросскультурного менеджмента

Дефиниция «cross-culture» в переводе с английского языка обозначает пресечение культур. В настоящее время, в России данная категория рассматривается экспертами разных научных направлений и, соответственно, используются различные трактовки данного определения. Ряд исследователей рассматривает кросскультурный менеджмент как взаимодействие представителей разных культур, другие трактуют его как сотрудничество на стыке (пересечении или столкновении) культур. Кроме того, проблематика изучения кросскультурных взаимоотношений обусловлена неосознанностью именно своей культурной специфики людей, вступающих в эти отношения (носителей конкретной культуры). Постулаты кросскультурного менеджмента гласят: все культуры разные, но равные; плохих культур нет, культурные спецификации можно увидеть только в сравнении [11, с. 49.].

Исследователь Н. Пивонова выделяет такую категорию как «кросскультурная культура» – проявление креативного, то есть, проявление творческих способностей человеком, раскрытие своих возможностей, своей общественной значимости, взаимодействие между способностями человека и выполняемых им функций [12, с. 24]. Н. Алиев выделяет понятие «кросскультурность», подразумевая под ним комплексный подход к взаимодействию культуры и языка в их функционировании с ориентацией на систему общечеловеческих гуманистических ценностей [13, с. 132-133].

Выделяют три подхода к кросскультурному менеджменту: социально-экономический, экологический и поведенческий (бихевиорический).

Социально-экономический подход заключается в изучении высокой ценности менеджеров организаций. Статус, профессионализм менеджеров определяет качество и количество экономического роста, характеристик организационного управления в предпринимательском секторе государства. Данный подход является макроориентированным в связи с игнорированием индивидуальных различий в поведении конкретного человека внутри одной компании и межфирменного разнообразия внутри страны.

Экологический подход заключается в том, что различия между управленческой деятельностью объясняются переменами внешней среды организации.

Бихевиорический подход проявляется в признании того, что мотивацией для эффективного выполнения своих функциональных обязанностей сотрудниками и менеджерами разных

культурах в одной организации выступают, в основном, типичные поведенческие характеристики преобладающие данной культуре.

Одним из прорывов в области кросскультурного менеджмента выступило применение математических и статистических методов исследования в области моделирования параметров и факторов влияния национальной культуры на управление в бизнесе. Во второй половине 70-х годов XX века научные изыскания приобрели регулярный и системный характер; стал осуществляться сбор и систематизация социологической и экономической информации.

Многие исследователи кросскультурного менеджмента обращали внимание на критерий восприятия времени и отношения к нему носителей различных культур. Например, Э. Холл на основании данного критерия, выделил монохронные и полихронные культуры. Национальные особенности отношения к информации ученый понимает как контекст, выделяя высококонтекстуальные и низкоконтекстуальные культуры [14, с. 138]. Ч. Хемпден-Тернер и Ф. Тромпенаарс в своих исследованиях национальных деловых культур выделили семь параметров для их сравнительного анализа [15]. С. Мясоедов рассматривает кросскультурный менеджмент как управление на стыке культур [16, с. 94-95], а М. Эйпштейн – как часть общей теории менеджмента, в которой исследуются закономерности взаимодействия представителей разных культур в национальных и мультинациональных организациях [17, с. 9].

Важность проблематики кросскультурного менеджмента заключается в том, что, во-первых, исследования показывают, что национальная деловая культура оказывает огромное влияние на стиль управления, ведения переговоров в организации, ее систему мотивации, отношение к законам и взаимодействию с другими людьми, а во-вторых, такое многообразие национальных деловых культур обуславливает актуальность учета особенностей руководства в различных регионах и странах [16, с. 5].

Кросскультурный менеджмент стоит на том, что знание и понимание национально-культурных особенностей дает методы и инструкции к эффективному управлению в сфере международного бизнеса [16, с. 99-100].

Учет кросскультурных особенностей (в том числе, психологических, управленческих и др.) потенциальных партнеров другой культуры выступает одним из наиболее важных составляющих эффективного ведения внешнеэкономической деятельности и залогом успешных и долгосрочных взаимоотношений.

В кросскультурном менеджменте существует три основных правила: первое – практика всегда богаче теории, а, следовательно, изучение деловых кросс-культурных взаимодействий, остается важным условием экономической и управленческой эффективности; второе правило говорит о воспитании максимального терпения с партнером-представителем другой культуры, и, третья установка направляет на необходимость принять нормы поведения партнера [18, с. 110-111].

Кросскультурный менеджмент направлен на объяснение поведения разных представителей культур – сотрудников конкретной организации, а также – на формирование эффективного взаимодействия с сотрудниками партнерствующих предприятий, инвесторами, клиентами из разных культур. Процессы глобальной экономики привели к плотному сотрудничеству между компаниями. Независимо от функциональной роли бизнеса в международном экономическом взаимодействии, учет культурных особенностей партнеров важен не только для получения прибыли, но и для недопущения негативных результатов деловых контактов в будущем.

Таким образом, во-первых, кросскультурный менеджмент – новое прогрессивное направление, которое обусловлено выходом России на международные рынки, активизацией деятельности иностранных компаний на отечественном рынке и усилением роли человеческого фактора в управлении;

Во-вторых, практический интерес кросскультурного менеджмента сосредоточен на взаимообогащении предпринимателями и менеджерами организаций управленческим опытом, заимствовании общих новых принципов менеджмента, конкретных технологий и инструментов в различных областях управления.

В-третьих, кросскультурный менеджмент включает в себя: 1) системный анализ знаний (теоретических, практических, эмпирических) о влиянии, взаимодействии менеджеров, сотрудников – представителей различных культур; 2) использование полученных навыков в управлении поведенческими закономерностями сотрудничества носителей культур [19].

В кросскультурных коммуникациях понимание культуры партнера, следовательно, адаптации к ней, является важным условием для результативного бизнеса.

Анализ кросскультурного бизнес-взаимодействия предпринимательского сектора КНР и Ростовской области

Актуальность изучения особенностей кросскультурного взаимодействия с представителями бизнеса и управления Китайской Народной Республики определяется успешным экономическим развитием страны в конце XX – начале XXI веков, усилением внешнеэкономических связей российского предпринимательства с китайскими партнерами.

Китайская Народная Республика – это страна, где соединяются прошлое, настоящее и будущее. Р. Льюис относил китайцев в реактивному типу культуры. Люди этого типа способны к эмпатии, они тонко чувствуют настроение и потребности собеседника, стараются избегать конфликтов и открытых споров, им присущи вежливость, внимательность к собеседнику, ориентация на сохранение уважения, пунктуальность [20].

Китайская Народная Республика выступает сегодня одним из важнейших партнеров для России, как в области экономики, так и в области культуры, политики, социальной жизни. Большое количество российских компаний на протяжении первых десятилетий XXI века сотрудничают с китайскими предпринимательскими структурами по разным отраслям экономики.

Ростовская область, как ведущий сельскохозяйственно-промышленный регион Юга Российской Федерации, не является исключением. Основными экспортерами и импортерами в 2018 г. стали следующие компании Ростовской области: ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш» ОАО «Астон»; АО «Донской табак»; АО «Клевер»; ООО КФ «Мишкино»; ООО «Зевс»; ЗАО «Корпорация «Глория Джинс»; ООО «БТК Текстиль»; ООО ПКФ «Атлантис-Пак»; ПАО «Тагмет».

Очень часто большим препятствием эффективных взаимоотношений российских и китайских компаний является недостаточная осведомленность о традиционной деловой культуре в Китайской Народной Республике [21, с. 110-111].

Прежде, чем рассматривать кросскультурные взаимоотношения, необходимо уделить внимание факторам отечественного экспорта в Китай:

- 1) продаваемый и конкурентный продукт, рынок растет каждый год на 10% (внутреннее потребление в КНР);
- 2) правила оформления товара в Китае, принятые правила стандартизации;
- 3) ценообразование товаров и услуг;
- 4) каналы выхода на китайский рынок, занятие максимально возможной доли рыночных ниш по конкретному направлению.

В то же время китайские производители импортирует широкий круг товаров и услуг. Рост импорта в Китае за последние 5 лет сосредоточен на следующих товарных позициях¹:

- на товары коллекционирования, предметы искусства (7 000%);
- на злаки (477%);
- молочка, яйца (450%);
- мед (400%);
- сахар (395%);
- мясо, морепродукты (более 200%);
- одежда (209%);
- алкоголь (более 100%).

Исследование поведения китайских домохозяйств констатирует, что 84-88% потребителей в Китае изучают продукты перед покупкой, 77% потребителей готовы купить товары и услуги.

В Китайской Народной Республике большое внимание покупателями уделяется качеству брендов, их названиям; бренды должны звучать красиво на китайском языке. Только 35% потребителей открыты для исследования новых брендов, то есть являются потребителями-инноваторами по своему типу. Остальные 65% китайских покупателей остерегаются подделок, некачественных продуктов питания и т.д. На внутрикитайском рынке имеет большое количество скандалов и судебных разбирательств по качеству продукции. Китайцы стали требовательными

¹ Семинар ТПП Ростовской области на тему: Кросс-культурные особенности ведения внешнеэкономической деятельности и переговоров с зарубежными партнерами (Китай) 03.03.2017 – [Электронный ресурс] – <http://www.tppro.ru/measures/3751.html>

клиентами и покупателями, поэтому склонны все перепроверять (легальность продукта, состав продукта и его истинные качественные характеристики и так далее). Например, рост импорта меда за последние 5 лет в Китае вырос на 400%. Однако, большая часть меда оказывается несертифицированным, небрендованным. Основная часть импортного меда поставляется из регионов Дальнего Востока России (Приморский и Хабаровский края). Есть примеры сотрудничества производителей меда Ростовской области с китайскими закупщиками. Поскольку торговля медом проходит на границе между странами, то местные китайские закупщики часто перепродают российский мед, купленный на границе, на национальных китайских интернет сайтах.

Импортировать в Китай российским поставщикам, особенно из юго-западных регионов, как Ростовская область, весьма затратно. Издержки поставок российских предпринимателей связаны с необходимостью сертификации продукции, ее сохранности, логистическо-транспортных мероприятий. Таможенники Китайской Народной Республики проводят тщательную проверку экспортируемой продукции.

Существует два канала продвижения российской продукции товара на китайский рынок. Первый канал – через закупщиков. Китайские импортеры-посредники имеют свои логистические сети и дилерско-сбытовые сети. Поставщикам из России следует избегать эксклюзивной доставки, так как не выгодно работать с одним (несетевым) дистрибьютором; есть риск ограничения поставок не на большую часть китайского рынка, а только ближайшие провинции). Другой канал продаж российской продукции – самостоятельное продвижение товара. Данный тип продаж имеет более высокие издержки и коммерческие риски. Для такого типа торговли необходимы мероприятия российским экспортерам:

- регистрация юридического лица в Китае;
- организация и ведение корпоративного web-сайта на китайском языке (стоимость процедуры: 700 – 2000 юаней, а ежемесячное обслуживание сайта от 350 юаней);
- ведение рекламных мероприятий на поисковых сайтах (стоимость составляет 6000 юаней, из них – 5000 оплата непосредственно контекстной и другой рекламы), а также осуществление маркетинговых коммуникаций в виде распространения POS-материалов (раздача флаеров вблизи непосредственно мест реализации российских товаров) и так далее.

Внешнеторговый контракт с китайскими предпринимателями заключается с четкими датами, правилами и содержит:

- общее описание бизнеса;
- условия поставки;
- время поставки;
- упаковка, маркировка;
- налоги, пошлины, таксы;
- цена;
- условия оплаты;
- условия торговли;
- требования к оформлению документов.

Контракт должен быть оформлен обязательно на китайском языке (на любом другом языке контракт в Китае не имеет юридической силы).

С точки зрения логистическо-транспортных мероприятий используются несколько видов транспорта поставок товаров: морем (самый экономичный, но долгий по времени), железнодорожный транспорт, автотранспорт, авиаперевозки.

В настоящее время многие китайские морские и речные порты являются свободными экономическими зонами; соответственно, для российских поставщиков имеют место более мягкие условия для импорта.

Как правило, поиск китайского покупателя происходит через следующие каналы коммуникаций:

- он-лайн-коммуникации через Интернет и сотовую связь (наиболее распространенный способ);
- мобильные платформы;
- интернет-рассылки;
- товар выставляется на торговых площадках (биржах и т.д.).

Как уже отмечалось в статье, китайские закупщики и потребители являются весьма взыскательными клиентами и партнерами. Китайский потребитель привык получать товар быстро (1-2 дня), а поставка в 10-12 дней считается долгой, неконкурентоспособной.

Обязательными рекомендациями для производителей и поставщиков из Российской Федерации в Китайскую Народную Республику являются следующие организационно-управленческие и юридические действия:

1) название российской компании необходимо перевести на китайский язык, нотариально заверить, чтобы обезопасить себя от рисков невыполнения сделок и других бизнес-процедур;

2) у китайской компании-партнера необходимо запросить уставные документы, регистрацию в налоговой службе, с указанием разрешенных форм деятельности, лицензию на ведение импортно-экспортной деятельности; возможен, по договоренности, симметричный обмен данными (например, отчетный баланс).

В кросскультурном взаимодействии, при бизнес-коммуникациях с китайскими предпринимателями, следует учитывать специфические особенности национальной и деловой культуры этого народа.

Огромное влияние оказывают на хозяйственную культуру традиционные конфуцианские ценности, такие как: гуманность, преимущество справедливости над прибылью, почтение старшего поколения, гармония в обществе, «золотая середина» в любых действиях и решениях, скромность, организация работы без конфликтов и вмешательств [22, с. 18-22]. Культура ведения бизнеса в стране сосредоточена на устойчивом и стабильном взаимодействии с людьми, направленном на перспективное долгосрочное сотрудничество.

Для эффективного и успешного кросскультурного взаимодействия с представителями бизнеса Китайской Народной Республикой необходимо использовать ведущие правила китайского бизнес-этикета.

Во-первых, встреча с партнером согласовывается заранее (лучше – за два месяца), обязательно в письменной форме со списком тем и вопросов, уровнем представителей компании-партнера. Если предполагаемый китайский партнер неизвестен, то оптимальным будет представление российской фирмы третьей китайской стороной. Если такой возможности нет, то после приглашения о встрече, сразу важно прислать будущему китайскому контрагенту обзор своей корпоративной деятельности, продемонстрировав свои конкурентные преимущества как потенциального партнера).

Во-вторых, непосредственно деловая встреча с китайскими предпринимателями начинается с рукопожатия и поклона. Необходимо четко представиться – ваши фамилия, имя (в китайском языке отсутствует звук «р» (уместно, например, вместо имени Артур употребить «Алатул», и далее – ваш статус, регалии и т.п.).

В-третьих, следует обратить внимание на того, кого вам китайцы представили первым. Первым принято представлять по старшинству или по должности, далее – именно этот китайский менеджер будет выносить окончательные решения по вашим деловым взаимодействиям, контракту и т.д.

В-четвертых, китайцы сохранили традицию обмена визитными карточками. Заранее приготовьте их на китайском языке. Передаются визитки двумя руками с поклоном.

В-пятых, ознакомьтесь с правилами застольного этикета в данной стране. Китайцами ценятся посиделки за накрытым столом. Важно уметь кушать палочками. Хозяева встречи садятся за стол первыми и говорят тосты. Если китайские партнеры что-то дают попробовать своими палочками, не нужно отказываться, а пробовать и благодарить.

В-шестых, важно знать правила подношения подарков. По заключению каждой новой сделки китайцы любят обмениваться сувенирами от фирмы к фирме. Не следует выбирать дорогие подарки, так как если у китайской стороны подарок окажется дешевле, это может сконфузить их. Для китайской традиции значимо, что нельзя дарить четыре вещи. Подарочная бумага не должна быть белая. К числу распространенных сувениров и подношений относятся: алкоголь, ручки, картины, калькуляторы, часы, мобильные телефоны, гаджеты.

С каждым годом увеличивается поток мировых иностранных инвестиций в Китай, увеличиваются все другие внешнеэкономические направления сотрудничества – торговые, производственно-технические, инновационно-образовательные, трудовой миграции. Российские компании, в том числе, и производители из Ростовской области, не являются исключением.

Прямые иностранные инвестиции из Донского края в Китайскую Народную Республику зафиксированы на уровне 1 млн долл. (по состоянию на 01.10.2018), на аналогичную сумму пришли капиталовложения из Китайской Народной Республики в Ростовскую область¹. Ростовская область ведет активное сотрудничество с Китаем. Внешнеторговый оборот региона с КНР по итогам 2018 года вырос на 18,2% по сравнению с 2017 годом (в стоимостном выражении – 686 млн 471 тыс. долл. Ростовский экспорт увеличился в 4,2 раза, что составляет 92 млн 132 тыс. долл., а импорт увеличился на 6,3 % (594 млн 339 тыс. долл.).

Товарная структура внешнеторгового оборота Ростовской области и Китая в 2018 году представлена на рис. 1, 2.

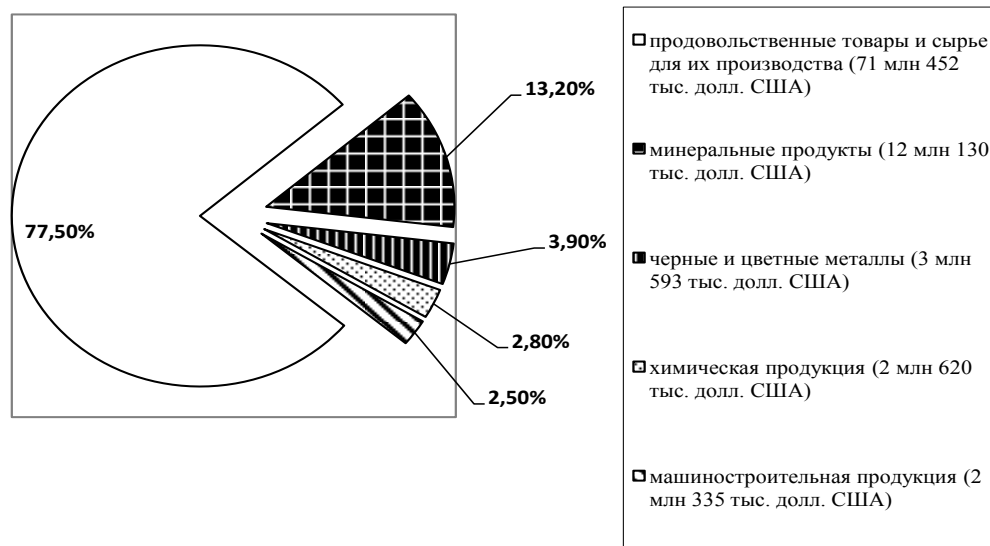

Рис. 1. Товарная структура экспорта Ростовской области и Китайской Народной Республики

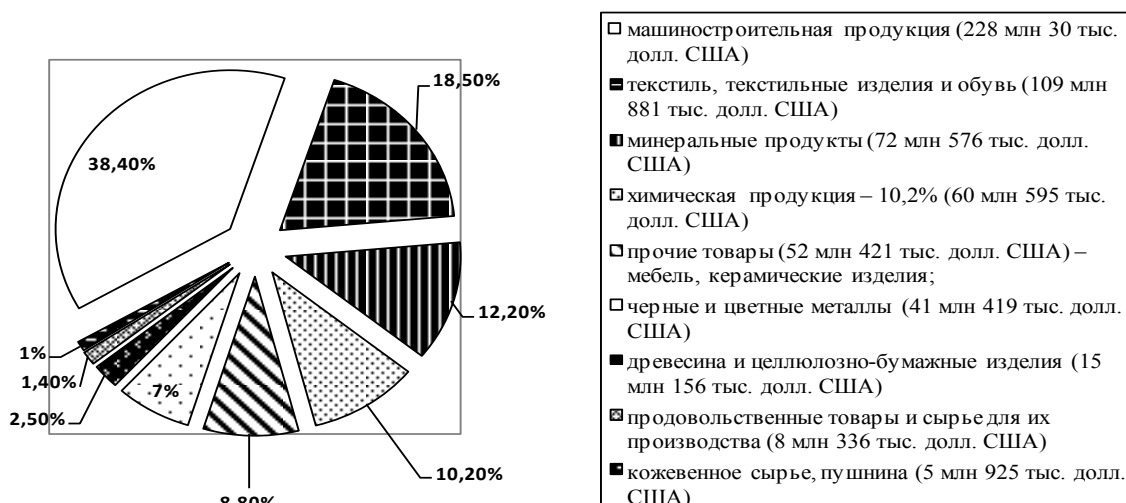

Рис. 2. Товарная структура импорта Ростовской области и Китайской Народной Республики³

¹ По данным Центрального Банка РФ – [Электронный ресурс] – <https://www.cbr.ru/>

² Составлено авторами по результатам исследования.

³ Составлено авторами по результатам исследования.

Сегодня отношения России и Китая находятся на беспрецедентно высоком уровне всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Панорамный взгляд на двусторонние отношения демонстрирует уникальность подобного формата межгосударственных связей. Тесное сотрудничество двух стран охватывает весь комплекс вопросов – торговлю и экономику, финансы и инвестиции, сельское хозяйство и инфраструктуру, науку и технику, образование и гуманитарные обмены, военную область и международные дела. Масштабы сотрудничества по данным направлениям ежегодно увеличиваются [23].

Основные результаты российско-китайского взаимодействия представлены в табл. 2.

Таблица 2

Товарооборот России с Китаем по итогам I полугодия 2020

Наименование показателя	I полугодие 2020	I полугодие 2019	Примечание
Товарооборот России и Китая, долл. США	48 025 292 399,0	50 002 158 924,0	Уменьшение на 3,95% (1 976 866 525,0)
Экспорт России в Китай, долл. США	23 625 650 945,0	25 880 694 011,0	Уменьшение на 8,71% (2 255 043 066,0)
Импорт России из Китая, долл. США	24 399 641 454,0	24 121 464 913,0	Увеличился на 1,15% (278 176 541,0)
Сальдо торгового баланса России с Китаем, долл. США	773 990 509 (-)	1 759 229 098 (+)	По итогам I полугодия 2020 года сальдо отрицательный (в I полугодии 2019 года – положительный)
Доля Китая во внешнеторговом обороте России, %	18,1813	15,7480	По доле в российском товарообороте в I полугодии 2020 года Китай занял 1 место (в I полугодии 2019 года – также 1 место)
Доля Китая в экспорте России, %	14,8683	12,6157	По доле в российском экспорте в I полугодии 2020 года Китай занял 1 место (в I полугодии 2019 года – также 1 место).
Доля Китая в импорте России, %	23,1834	21,4666	По доле в российском импорте в I полугодии 2020 года Китай занял 1 место (в I полугодии 2019 года – также 1 место).

Наибольшее сокращение экспорта России в Китай в 1 полугодии 2020 г. по сравнению с 1 полугодием 2019 г. зафиксировано по следующим товарным группам рис. 3):

- топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (на 3 093 886 436 долл. США);
- электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности (на 256 601 819 долл. США);
- древесина и изделия из нее; древесный уголь (на 164 051 389 долл. США);
- средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности (на 112 104 616 долл. США);
- удобрения (на 104 536 553 долл. США).

Оценивая характер внешнеэкономических связей, и, в том числе, кросскультурных взаимодействий южно-российских и китайских предпринимателей, можно сказать, что имеет место комфортная ситуация делового общения. Менталитет и бизнес-традиции бизнесменов Ростовской области, также, как и китайского народа, содержат черты традиционности, уважения к старшим по возрасту и чину, эмоциональному общению, юмору и неконфликтности, способности гармонизировать сложные, непредсказуемые хозяйственные ситуации достаточно быстро и низкокзатратно.

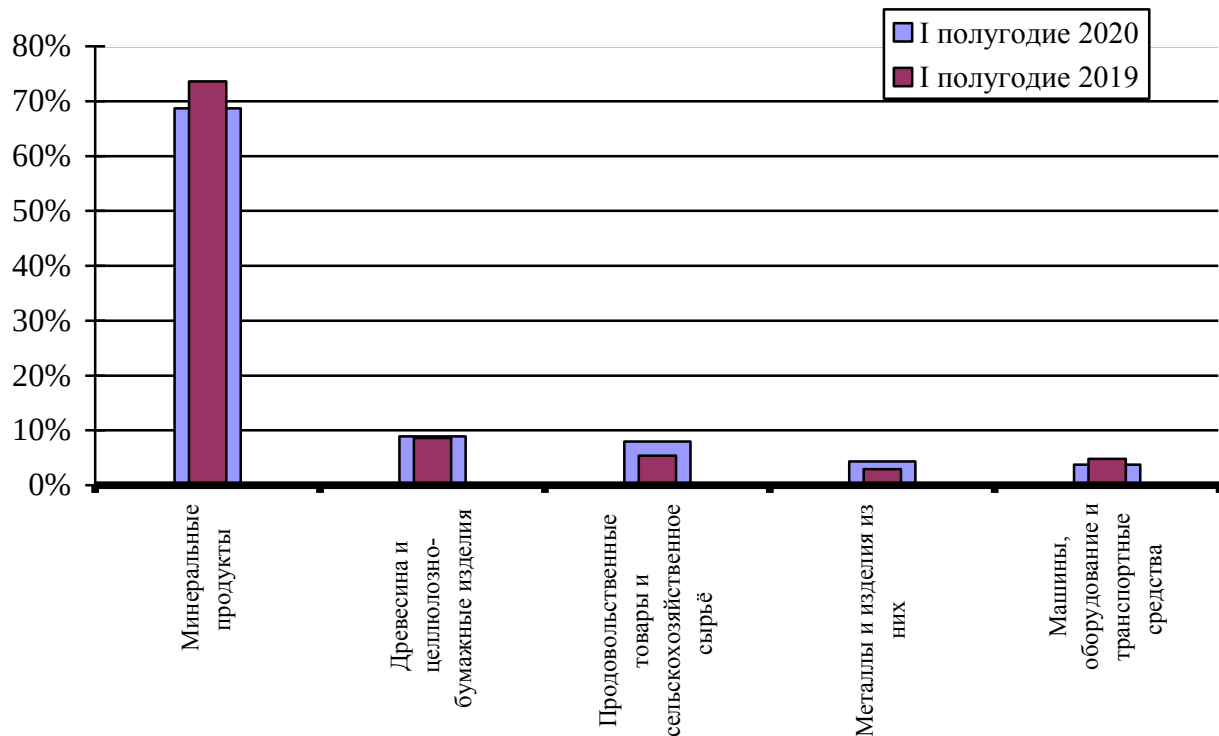

Рис. 3. Структура экспорта России в Китай в I полугодии 2020 года (по сравнению с I полугодием 2019 года)

Выводы

Таким образом, во-первых, культурно-национальные особенности ведения бизнеса имеют значение в во всех внешнеэкономических видах взаимодействия, и, в том числе, в контрактно-переговорном процессе (степень их значимости различна в каждом конкретном случае); во-вторых, рост российско-китайского предпринимательства требует быстрой адаптации отечественных бизнесменов к традициям и правилам участия в таком партнерстве; в-третьих, китайская деловая культура, включающая такие ценности как трудолюбие, коллективизм, уважение к старшим, даосская уравновешенность и стремление к преодолению конфликтов и неопределенности, достаточно близка по смыслу к бизнес-этике и кросскультурным особенностям южно-российского предпринимательства; в-четвертых, международная конкурентоспособность предпринимателей Ростовской области, повышение продвижения отечественной продукции на китайские рынки имеет зависимость от четкого и профессионального встраивания в деловую практику бизнеса Китайской Народной Республики, а именно: наличие web-взаимодействия на китайском языке, подбора проверенных и легитимных китайских компаний-партнеров, знания и использования информационных китайских ресурсов по стандартизации, транспортно-логистическому сопровождению, юридической поддержке, маркетингу.

Литература

1. Некрасова В.В., Кураян К.А., Бабияк В.А., Журавлев Д.А. Экономическая безопасность организации: угрозы и пути их преодоления // Актуальные вопросы управления и экономики: тенденции и перспективы: Сборник трудов участников международной научно-практической конференции, 30-31 мая 2018 г. / Под ред. В.В. Некрасовой, А.А. Горбачевой. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 406 с.
2. Теория менеджмента: Учебное пособие / Под ред. Н.И. Бобровской, В.В. Некрасовой. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИФ РАНХиГС, 2013.
3. Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012. 248 с.
4. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 1. С. 3-24.
5. Lasswell H.D. The structure and function of communication in society. Bryson, 1948.
6. Чинарьян Р. Структура менеджерского мастерства: эффективные коммуникации / Ремесло Управление Продажами [Электронный ресурс]. URL: <http://salesgu.ru/2011/01/10/struktura-menedzherskogo-masterstva-effektivnye-kommunikacii>

7. Спивак В.А. Современные бизнес-коммуникации. СПб., 2002. 448 с.
8. Аймурзина Э.Е. Межкультурные особенности деловой коммуникации. В сборнике: Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты. Материалы III Международной научно-практической конференции. 2018. С. 202–206. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36780248>
9. Use of the Lewis Model to Analyse Multicultural Teams and Improve Performance by the World Bank: A Case Study Michael John Gates, Richard Lewis Communications, Finland Richard D. Lewis, Richard Lewis Communications, UK Iouri P. Bairatchnyi, World Bank, USA Mark Brown, Fuqua School of Business, Duke University, USA, 2009, p. 54. THE INTERNATIONAL JOURNAL OF KNOWLEDGE, CULTURE AND CHANGE MANAGEMENT <http://www.Management-Journal.com>
10. Смирнов Г.Н. Этика деловых отношений: учебник. М.: Проспект, 2014. 184 с.
11. Василенко Н.Г. Развитие кросс-культурного менеджмента // Альманах современной науки и образования. 2013. № 2 (69). С. 48–50.
12. Пивонова Н.Е. Кросскультурные коммуникации. СПб.: Изд-во СПбИВЭСЭП, 2008. 63 с.
13. Алиев Н.Н. К проблеме межкультурной коммуникации // Теория и практика общественного развития. 2012. № 11. С. 132–133.
14. Перминова С., Тульчинский Г. Культура фирмы. СПб.: Алетейя, 2006. 292 с.
15. C. Hampden-Turner and F. Trompenaars. Riding the waves of culture. Reprinted with corrections 1998. Text © 1993, 1997 Intercultural Management Publishers NV. p. 43. <https://pdfs.semanticscholar.org/baa5/8e86493834d21459cba14437d8900542d666.pdf>
16. Мясоедов С.П. Основы кросскультурного менеджмента: Как вести бизнес с представителями других стран и культур: Учеб. пособие. М.: Дело, 2003. 256 с.
17. Эйпштейн М.З. Сравнительный менеджмент. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2003. 105 с.
18. Васильев С.В. Сравнительный менеджмент: Учебное пособие. / Сост.: Васильев С.В.; НовГУ им. Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2007. 165 с.
19. Зундэ В.В., Мезенцева Е.Е. Опыт инкорпорирования положений теорий культуры в методологические основы кросскультурного менеджмента // Kolegium redakcyjne konferencji. 2015. С. 19–21.
20. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации, 2001. 448 с.
21. Ромченко Е.Д. Базовые принципы китайской деловой культуры // Вестник Московского университета. Сер.18. Социология и политология. 2010. №3. С. 242–249.
22. Чжао Цзисинь. Человекоориентированный подход к управлению. Пекин, 2008. С. 18–22.
23. Кортуннов А.В., Кузьмина К.А., Теркина Д.А. Стратегическое взаимодействие России и Китая: значимость и сущность // Стратегическое взаимодействие России и Китая: значимость и сущность. 2020. № 28. С. 3–17.

Zunde Victoria Viktorovna, doctor of economics, professor, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: zundevika@mail.ru

Barashkin Maxim Vyacheslavovich, assistant, Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny lane, Moscow, 117997, Russian Federation). E-mail: barashkin.MV@rea.ru

Mezentseva Ekaterina Evgenievna, tutor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ekaterinamezentseffa@yandex.ru

Kurayan Kristina Akopovna, tutor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: kristinakurayan@rambler.ru

ANALYSIS OF THE THEORETICAL BASIS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION OF A CROSS-CULTURAL BUSINESS INTERACTION (ON THE EXAMPLE OF BUSINESS COOPERATION OF THE PR CHINA AND RUSSIA) **Abstract**

The article substantiates the relevance of business communications, which consists in the fact that effective management is impossible without an effective communication process. The study of cross-scriptural features in business communications are necessary requirements of management as a whole. The aim of the research is to increase the efficiency of business interaction in the field of entrepreneurial activity in the People's Republic of China and the region of the Russian Federation - the Rostov Region by establishing communications. The article presents the disaggregation of crop types according to R. Lewis: monoactive, polyactive and reactive. Models of business communication are considered. Further, the article identifies individual tractors, which are a special type of control carried out at all levels of culture, which is gaining widespread acceptance. The article describes the cross-cultural features of the functioning of business in the People's Republic of China and the Rostov Region, and also emphasizes that in

business communications with Chinese entrepreneurs, the specific features of the national and business culture of this people should be taken into account. The authors of the article indicate the channels for promoting Russian products on the Chinese market. The following is the commodity structure of the export and population of the Rostov Region and the People's Republic of China. Evaluate the nature of foreign economic relations of entrepreneurs of the People's Republic of China and the Don Region, we can say that there is a comfortable situation of business communication.

Keywords: *communications, business communications, intercultural business communication, cross-cultural interaction, cross-cultural management, Chinese market, commodity structure of exports, foreign economic relations, communication process.*

References

1. Nekrasova V.V., Kurayan K.A., Babiyak V.A., ZHurvlev D.A. Ekonomicheskaya bezopasnost' organizacii: ugrozy i puti ih preodoleniya // Aktual'nye voprosy upravleniya i ekonomiki: tendencii i perspektivy: Sbornik trudov uchastnikov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 30-31 maya 2018 g. / Pod red. V.V. Nekrasovoj, A.A. Gorbachevoj. Rostov n/D: YURIU RANHiGS, 2018. 406 p.
2. Teoriya menedzhmenta: Uchebnoe posobie / Pod red. N.I. Bobrovskoj, V.V. Nekrasovoj. Rostov n/D.: Izd-vo YURIF RANHiGS, 2013.
3. Nazarchuk A.V. Uchenie Niklasa Lumana o kommunikacii. M., 2012. 248 p.
4. Habermas YU. Otnosheniya k miru i racional'nye aspekty dejstviya v chetyrekh sociologicheskikh ponyatiyah dejstviya // Sociologicheskoe obozrenie. 2008. T. 7. № 1. P. 3-24.
5. Lasswell H.D. The structure and function of sommunication in society. Bryson, 1948.
6. CHinar'yan R. Struktura menedzherskogo masterstva: effektivnye kommunikacii / Remeslo Upravlenie Prodazhami [Elektronnyj resurs]. URL: <http://salesgu.ru/2011/01/10/struktura-menedzherskogo-masterstva-effektivnye-kommunikacii>
7. Spivak V.A. Sovremennye biznes-kommunikacii. SPb., 2002. 448 p.
8. Ajmurzina E.E. Mezhkul'turnye osobennosti delovoj kommunikacii. V sbornike: YAzykovye i kul'turnye kontakty: lingvisticheskij i lingvodidakticheskij aspekty. Materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2018. S. 202–206. Rezhim dostupa: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36780248>
9. Use of the Lewis Model to Analyse Multicultural Teams and Improve Performance by the World Bank: A Case Study Michael John Gates, Richard Lewis Communications, Finland Richard D. Lewis, Richard Lewis Communications, UK Iouri P. Bairatchnyi, World Bank, USA Mark Brown, Fuqua School of Business, Duke University, USA, 2009, p. 54. THE INTERNATIONAL JOURNAL OF KNOWLEDGE, CULTURE AND CHANGE MANAGEMENT <http://www.Management-Journal.com>
10. Smirnov G.N. Etika delovyh otnoshenij: uchebnik. M.: Prospekt, 2014. 184 p.
11. Vasilenko N.G. Razvitie kross-kul'turnogo menedzhmenta // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2013. № 2 (69). P. 48–50.
12. Pivonova N.E. Krosskul'turnye kommunikacii. SPb.: Izd-vo SPbIVESEP, 2008. 63 p.
13. Aliev N.N. K probleme mezhkul'turnoj kommunikacii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 11. P. 132–133.
14. Perminova S., Tul'chinskij G. Kul'tura firmy. SPb.: Aletejya, 2006. 292 s.
15. C. Hampden-Turner and F. Trompenaars. Riding the waves of culcure. Reprinted with corrections 1998. Text © 1993, 1997 Intercultural Management Publishers NV. p. 43. <https://pdfs.semanticscholar.org/baa5/8e86493834d21459cba14437d8900542d666.pdf>
16. Myasoedov S.P. Osnovy krosskul'turnogo menedzhmenta: Kak vesti biznes s predstavitel'yami drugih stran i kul'tur: Ucheb. posobie. M.: Delo, 2003. 256 p.
17. Ejpshtejn M.Z. Sravnitel'nyj menedzhment. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i finansov, 2003. 105 p.
18. Vasil'ev S.V. Sravnitel'nyj menedzhment: Uchebnoe posobie./ Sost.: Vasil'ev S.V.; NovGU im. YAroslava Mudrogo. Velikij Novgorod, 2007. 165 p.
19. Zunde V.V., Mezenceva E.E. Opyt inkorporirovaniya polozhenij teorij kul'tury v metodologicheskie osnovy krosskul'turnogo menedzhmenta // Kollegium redakcyjne konferencii. 2015. P. 19–21.
20. L'yuis R. Delovye kul'tury v mezhdunarodnom biznese. Ot stolknoveniya k vzaimoponimaniyu. M.: Delo, Akademiya narodnogo hozyajstva pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, 2001. 448 p.
21. Romchenko E.D. Bazovye principy kitajskoj delovoj kul'tury // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser.18. Sociologiya i politologiya. 2010. №3. P. 242–249.
22. CHzhao Czin'g'. CHelovekoorientirovannyj podhod k upravleniyu. Pekin, 2008. P. 18-22.
23. Kortunov A.V., Kuz'mina K.A., Terkina D.A. Strategicheskoe vzaimodejstvie Rossii i Kitaya: znachimost' i sushchnost' // Strategicheskoe vzaimodejstvie Rossii i Kitaya: znachimost' i sushchnost'. 2020. № 28. P. 3–17.

МЕТОДОЛОГИЯ И ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВОМ В НОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Ларкина кандидат экономических наук, доцент кафедры «Маркетинг и коммуникации
Наталья в бизнесе», Южный федеральный университет (344006, Россия,
Георгиевна г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42). E-mail: nat1-la@yandex.ru
Овчаренко доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента,
Георгий Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
Васильевич народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В статье рассматривается вектор методологии управления инновационным производством с учетом анализа кризисной ситуации в экономике. Предложены модели взаимодействия руководителей и персонала на основе нравственности и этики. Обоснована необходимость реализации «Стратегии-2026» для создания условий инновационного рывка в развитии экономики нового уровня. Раскрыта значимость интеллектуального потенциала, определяющего социально-этические и моральные аспекты в поведении коллектива. Обосновано инновационное мышление руководителей как инструмент инновационного предпринимательства.

Ключевые слова: инновационное образование, инновационное предпринимательство, инновационные знания, инновационное мышление, инновационная культура, инновационный потенциал, самореализация личности, личная ответственность, эффективность труда.

В современном неоинформационном обществе возросла роль культуры взаимопонимания между руководителями и работниками в процессе их взаимодействия, так как в рабочем коллективе важен и нужен каждый человек с учетом его мнения для создания творческой психологической атмосферы в коллективе, что позволит достичь желаемой цели при личной ответственности каждого участника этого процесса и умении руководителя его организовать с чувством доброжелательности и признательности за достижение результата.

Руководитель-организатор – это новатор с духовностью и высокой степенью нравственности, создающий в коллективе гармонию социальной справедливости на основе элементов инновационной культуры, обуславливающей уровень этичности поведения персонала в своей деятельности, как источник инновационных ценностей с личной ответственностью за реализацию достойной жизни, самосовершенствования и самореализуя себя с учетом традиций, нравов и обычаев на взаимодоверии и уважении человеческого достоинства.

В связи с вышеизложенным авторы утверждают, что осознание ценности знаний человека не только определяется появлением гармонии интересов, но и обуславливает создание уникальных способностей в каждой личности.

Так, в инновационной деятельности руководители компании «КЗ "Ростсельмаш"» предложили работникам участие в системе «ПУСК», предусматривающей подачу рацпредложений по увеличению эффективности и производительности труда на каждом рабочем месте, что позволяет рабочим получать вознаграждение за реализацию своих идей на производстве. Такой инновационный подход определяет основу инновационных доверительно-уважительных отношений руководителей и работников.

Как писал Бернард Шоу: «Есть 50 способов сказать слово “да” и 500 оттенков слова “нет”» [1], иначе говоря, руководитель-организатор инновационной организации обязан создавать консенсус общения с работниками в совместном творческом взаимодействии, что обуславливает интеллигентность, образованность, культуру и взаимопонимание.

Вместе с тем авторы отмечают, что руководителю в своей жизнедеятельности надо понимать и осознавать, что взаимодействие с людьми необходимо вести не только с учетом возраста, заслуг в коллективе, но и вниманием к человеку – источнику развития и созидания успеха коллектива.

Умение руководителя реализовать культуру улыбки [2] – это обязательное условие вежливого и доброжелательного человеческого общения, особенно в критических ситуациях, что

обуславливает не только создание в коллективе положительных эмоций, но и определяет психологическую потребность вызывать в человеке чувство уважения.

На практике реализация взаимного доверия руководителей и персонала определяет не только повышение эффективности деятельности организации, но и создание социально-психологического равновесия, способствующее формированию нравственного здоровья каждой личности в коллективе, то есть творческая адаптация молодых рабочих, их гибкое самостановление как личности – осознанной моральной уверенности в достоинстве и совместимости, а руководитель должен быть лидером-воспитателем при непрерывном нравственном совершенствовании [3].

В силу вышеизложенного, руководители-организаторы должны обладать не только уникальными способностями и инновационными компетенциями, но и владеть научными этическими знаниями и нормами нравственности с постоянным их обновлением для стремления к гуманному творчеству в коллективе, создавая нравственную логику мышления, осознавая свою личную ответственность, общественный долг и профессиональную честь перед коллективом.

Одновременно рефлексия руководителей на понимание себя в коллективе определяется нравственной этикой поведения, обуславливающей создание в организации социально-доверительно-уважительных взаимоотношений, что позволит создать ее нравственный имидж, определяющий самообновление коллектива и самореализацию каждой личности с учетом сформированной инновационной культуры.

Становится совершенно очевидным, что руководителям следует осознавать и понимать, что работники являются партнерами при взаимодействии, и их творчество определяет эффективность деятельности организации, то есть подчиненных надо уважать и ценить, так как они являются источником развития своим достоинством и интеллектом.

Как отмечал П. Дизель и др., «...искусство управления людьми стало одним из критических моментов в оценке конкурентоспособности предприятия и эффективности работы руководства» [4], даже сейчас люди и особенно квалифицированные специалисты стали самым дефицитным ресурсом в деятельности любой организации.

Российский философ Н. Бердяев писал, что «...личность человеческая более таинственна, чем мир. Человек – микрокосмос и заключает в себе все», то есть необходим научный подход для раскрытия человеческого потенциала и творческой инициативы и социальной ответственности руководителей. Одновременно нужно восстановить человеческое достоинство и высокую нравственность руководителей – это и есть эффективность инновационного предпринимательства в инновационном прорыве.

Реализация такого прорыва определяется осуществлением инновационной стратегии инновационным предпринимательством при создании инновационной инфраструктуры в государстве и регионах, обуславливающей гармонию во взаимодействии ключевых факторов производства.

В настоящее время при разработке Стратегии-2026 государства и регионов целесообразно делать ставку на опережающее развитие инновационной инфраструктуры как катализатора совершенствования инновационного предпринимательства, определяющего устойчивое становление новой экономики с учетом факторов внутреннего и внешнего воздействия при взаимовыгодном партнерстве государства, науки, образования, инновационного производства и общества.

На региональном уровне необходимо разрабатывать стратегию инновационного развития с учетом создания новых элементов инновационной инфраструктуры – научно-инновационных центров, определяющих совершенствование механизмов стимулирования и мотивации инновационной активности организаций в научно-технических и высокотехнологичных отраслях экономики.

Согласно классической теории менеджмента, целью организационных изменений является переход организации в новое состояние, в большей степени соответствующее миссии организации и повышающее эффективность ее функционирования, чтобы создать социально-экологическое равновесие в коллективе для реализации инновационных совершенствований при самореализации личности в своей деятельности с учетом гармоничного сочетания структурных и технологических изменений, что обуславливает инновационную восприимчивость коллектива при создании инновационных товаров-услуг.

В инновационном предпринимательстве обратную связь обеспечивают процессы нового уровня развития организации в обществе при трансфере инновационной информации в цифровые технологии в управляющей системе, являясь ключевым инструментом взаимодействия и взаимопонимания между руководителями и сотрудниками в создании инновационных ценностей коллектива.

На практике каждый человек ежедневно выполняет определенные роли, что помогает ему лучше приспособиться к изменяющимся требованиям общества, так как он находится в постоянном развитии, то есть личность – это человек, стремящийся стать самим собой [5].

С научной точки зрения, интеллект, эмоционально-волевые качества, характер являются базой, определяющей: профессиональные качества, талант, чувство собственного достоинства, патриотизм, справедливость и нравственность человека.

В своих исследованиях В. Кноринг отмечал, что «умение руководителя раскрывать интеллектуальный потенциал коллектива является высшим показателем управленческого мастерства» [6].

Авторы отмечают, что инновационная деятельность человека не должна быть единственной целью, ведь есть еще радости жизни: семья, дети, друзья, внуки, музыка, литература, театр и духовное спокойствие для здоровья, достойный отдых и спорт, осознание того, что он и коллектив – единое целое.

Анализируя приведенные выше аспекты профессиональной этики, становится совершенно очевидным, что объективная оценка уровня профессиональной компетентности руководителя в инновационном предпринимательстве позволяет создать в организации необходимые условия для развития профессиональных способностей каждой личности при совершенствовании одновременно системы мотивации и стимулирования каждого участника процесса.

Пример. Руководители ООО «КЗ "Ростсельмаш"» по мере осознания необходимости принципа доверительного партнерства в инновационной деятельности с персоналом вынуждены были перестраивать свою профессиональную ответственность для реализации инновационной стратегии – создание новых моделей комбайнов, то есть понимать необходимость осуществления профессионально-нравственных норм – выполнять кодекс этического поведения в коллективе.

Становится совершенно очевидным, что профессиональные и этические аспекты определяют профессионально-нравственное сознание каждой личности, ее моральное поведение, удовлетворяющие потребностям и развитию творчества и новаторства в своей деятельности, способствующей созданию новых профессий, способностей, опыта и навыков.

В силу вышеизложенного нужно научное осмысление того, что в новой экономике требуется не только умение руководителей создавать партнерские трудовые отношения в коллективе, но и формировать профессиональную этику с учетом знания законов циклического развития общества и традиций в коллективе, так как профессионализм становится объективно необходимым социально-этическим моральным аспектом личности в контексте возрождения духовно-нравственной культуры нового общества.

В социально-психологическом контексте нравственным аспектом в профессиональной деятельности руководителя является его поведение при реализации инновационной деятельности, а отношения, возникающие в ходе этой деятельности, являются ключевым критерием оценки цельности профессионального сознания [3] при понимании этических норм.

Соотношение профессионального и нравственного носит не теоретический, а методологический контент в зависимости от цели и задач развития, а также взглядов, убеждений и чувств-эмоций на основе инновационной культуры в коллективе.

Кроме того, теория управления рекомендует руководителям не терять время в процессе адаптации в коллективе, а определять важнейшие задачи, решение которых обеспечит высокую эффективность инновационного предпринимательства, что позволит завоевать авторитет, показывая организаторские способности и профессиональные знания и компетенции, достигая определенной цели вместе с коллективом.

В этом случае необходимо повышение уровня управления для увеличения эффективности инновационного производства, то есть производительности труда, обуславливающей создание инновационной активности во всех отраслях промышленности на основе внедрения отечественных инновационных технологий и сформированной инновационной культуры в организации.

Как отмечают исследователи института Карнеги, руководитель достигает больших успехов благодаря 15% своим специальным знаниям, а остальные 85% – своей способности руководить людьми, таланту и знанию человеческой инженерии, то есть умению убедить сотрудников для достижения цели особым образом мышления.

Практика лидеров-руководителей показывает, что неформальное общение руководителя с коллективом не только увеличивает авторитет, но и формирует у руководителя вежливость, чуткость, приветливость и искренность с умением понимать друг друга. Вследствие этого руководитель обязан мыслить творчески, любить свою работу и коллектив, не бояться личной ответственности – это и есть проявление управленческого профессионализма в инновационном предпринимательстве и утверждение нравственности с ее гармоничным вектором, и «...становление профессиональной морали, способствующие ответственности перед обществом в контексте честности и порядочности с пониманием своего профессионального долга» [7].

В своих исследованиях Ф. Кузин отмечал, что «...кто умеет устанавливать деловые связи, сотрудничать с людьми и управлять ситуацией, коллективом и самим собой, тот является культурным бизнесменом» [8], так как честность и порядочность руководителей – будущее развитие необщества.

По мнению авторов, гарантия быстрой адаптации в коллективе – это создание социально-психологических условий для человека, определяющих его интерес к труду при стабильности и уважении его в коллективе с видением справедливости, ценностей и традиций.

Научная задача руководителей всех уровней – не только в создании вышеуказанных условий для творчества человека, но и реализации нового уровня развития – инновационного, то есть инновационное предпринимательство во всех отраслях экономики на основе инновационных знаний персонала и инновационных отечественных технологиях, определяющих высокую степень производительности труда, так как в России она в разы ниже, чем в развитых странах, то есть производительность труда в новой экономике должна быть в контексте 6-го технологического уклада.

Авторы ранее отмечали, что «...технологическое обновление производства экономики инициируется не только логикой технологического совершенства, но и степенью соответствия состояния производительных сил и производственных отношений» [9, с. 41], что обуславливает эффективность становления новой экономики с вектором инновационного уровня ее развития.

При осознании и понимании складывающейся социально-экономической ситуации в стране видится несколько иная последовательность решений и действий в области ответственного инновационного предпринимательства, необходимо осмыслить высокотехнологичное развитие производительных сил России [10, с. 95]. Согласно майскому Указу Президента РФ от 07 мая 2018 г. «...обеспечение темпов экономического роста выше мировых при сохранении макроекономической стабильности».

Однако авторы отмечают, что для каждого государства характерен свой исторически и экономический путь развития, своя идеология, культура, традиции, обычаи и специфический и тонкий менталитет, определяющие особенности, правила и стереотипы поведения. Так, академик Е. Александров отмечал, что «...возрождение России откроет эру сотрудничества и процветания человечества» [12].

Анализируя логику вышеизложенного, руководителям нужно понять, что в данной ситуации переход экономики на новый уровень развития – инновационный – будет предопределяться степенью патриотизма, высокой эстетической культурой, гуманными инновационными технологиями, инновационными знаниями персонала, а также инновационными компетенциями руководителей всех уровней с вектором нравственной ответственности и гармонией социальной справедливости в жизнедеятельности.

Вследствие этого важнейшей задачей руководителей, особенно в кризисной ситуации, является проявление креативной способности по эффективной организации инновационного предпринимательства с творческой деятельностью различных исполнителей, раскрывая их интеллектуальный потенциал при взаимовыгодном доверительном партнерском взаимодействии для реализации инновационных изменений в моделях инновационного управления, то есть создание новых инновационных товаров или услуг нужных обществу.

Тем не менее, необходимо отметить, что искусство управления инновационным предпринимательством будет эффективным при создании особых и уникальных морально-нравственных ценностей в коллективе, которые определяют новый уровень не только развития организации,

но и обуславливают творческое общение руководителей с работниками, что образует атмосферу уважительного взаимного доверия, способствующего пониманию и осознанию лояльности в контексте формирования творческого коллектива, создающего гуманно-нравственные ценности для будущих поколений [12] на основе гуманитарного образования в России.

Совершенно очевидно, что сейчас решается архизадача определения пути дальнейшего развития инновационного предпринимательства в инновационном необществе. Следует решить, какие модели инновационного управления соответствуют специфике совершенствования экономики с переходом на инновационный уровень, чтобы реализовать инновационный прорыв при творческо-интеллектуальном потенциале каждого участника этого процесса с вектором социальной справедливости и целостной духовной структуры необщества при условии, что руководители – «это новаторы, наставники, мыслители, интеллектуалы, созидатели и партнеры должны быть на всех уровнях управления [13].

В связи с последним следует заметить, что эффективность инновационного предпринимательства в производственно-технологических процессах будет определяться умением руководителей применять математическое моделирование прогнозирования разработки и создания технологических инноваций в контексте инновационного уровня развития новой экономики – инновационной модели с информационно-цифровым обеспечением всех уровней управления и производственных подразделений, что позволит постоянно совершенствовать методы инновационного предпринимательства с учетом:

- кризиса экономики;
- изменяющихся постоянно потребностей общества;
- будущих пожеланий клиентов;
- формирования новых элементов организационной культуры и мотивации [13].

В связи с вышеизложенным руководителям необходимо понимать и осознать, что эффективность системы управления инновационным предпринимательством определяется созданием в коллективе высокого уровня гуманно-нравственного социально-психологического климата, определяющего:

- доверительно-партнерские отношения во взаимодействии;
- уверенность в будущем;
- возможность самореализоваться;
- гибкость мотивации каждого работника;
- доступность повышения квалификации;
- доброжелательное отношение руководителей к персоналу;
- формирование инновационной культуры руководителей с работниками;
- умение руководителей видеть будущее развитие организации инновационным мышлением.

При этом нетрудно понять, что сейчас происходит становление 6-го технологического уклада, изменяющего не только систему ценностей, но и обуславливающего переход развития экономики на новый технологический уровень – инновационный на основе информационно-цифровых технологий, определяющих как инновационный уровень экономики, так и критические вызовы в существовании общества, то есть надо руководителям всех уровней управления уловить момент плавного перехода общества на новый уровень – искусственного интеллекта с учетом демографического аспекта.

Становится очевидным, что необходима самоорганизация системы, основателем теории которой является Г. Хакен [14], то есть «направленность инновационных действий, определяющих эффективность и совершенствование организации на новые уровни развития» на базе инновационно-цифровых отечественных технологий,

На современном этапе взаимодействие и развитие науки, образования, инновационных технологий во всех отраслях промышленности предопределяется профессиональной деятельностью руководителей в контексте умений создать инновационные знания персонала путем инновационного обучения – переход теоретических знаний в деловую командную игру, формируя инновационное их мышление на основе инновационных компетенций [15], что определит увеличение производительности труда и конкурентоспособность инновационной организации, а также самореализацию каждой личности при сформированной инновационной культуре, обуславливающей создание новых ценностей и творческий энтузиазм работников.

Как показывает практика, становление инновационной экономики – это новый уровень общественного развития в условиях мгновенно изменяющихся инновационных технологий и потребностей нового общества, то есть «...экономику, генерирующую и применяющую наукоемкие инновации» [16] с учетом демографической ситуации и специфики регионов.

В данный период необходимо научное осмысление руководителями всех уровней управления необходимости овладения не только инновационными компетенциями, но и умениями создавать квазикоманды с уникальными инновационными знаниями, способными на основе наукоемких компьютерных технологиях организовать эффективность инновационного предпринимательства и трансфер новых особых знаний во всех производственных подразделениях, что обеспечит инновационное развитие организаций и творческую активность всего персонала для достижения инновационной цели – создание инновационных товаров или услуг обществу.

Отражением данной ситуации является трансформация трудовых ценностей, традиций и мотивов в контексте изменений в необществе социальной и трудовой деятельности, обуславливающая вектор самореализации личности в своем постоянном самосовершенствовании для четкой ориентации приоритетности в сфере жизнедеятельности, что будет определять поведение для социально-профессиональной адаптации в обществе с учетом кризиса в экономике [12].

С точки зрения понимания вышеизложенного, ценностные предпочтения работников в творческой жизнедеятельности при трансформирующейся экономике России обусловлены:

- высоким качеством жизни;
- высокой степенью справедливости;
- служебным ростом и материальным обеспечением;
- условиями поддержки здоровья;
- уровнями инновационной культуры.

На практике реализация самосовершенствования, адаптации и ценностных предпочтений работников обязывает государство (правительство) нести ответственность за мировой уровень жизни каждого человека и его здоровье на благо Родине.

В качестве ключевых черт «завтрашней» системы государственного управления Президент РФ указал самостоятельность, смелые и неординарные решения, поддержку инициативы в регионах и инноваций на основе применения информационных технологий и развития космической инфраструктуры, отмечая, что реализация этих задач в регионах относится к общегосударственной «зоне ответственности», фактически Президент РФ определил новые рубежи в политике, то есть главная задача государственного аппарата и элиты России – инновационное управление страной в современном обществе¹.

Анализируя вышеизложенное, авторы отмечают, что становится совершенно очевидным: только реализация определенной «Стратегии-2026» обуславливает инновационное развитие страны («Ключевая задача – создание условий для формирования у руководителей компетенций для реализации инновационной деятельности – интеллекта инновационного человека как субъекта всех инновационных преобразований»).

Низкий уровень конкурентоспособности экономики России, высокая инфляция, падение курса рубля и жесткие санкции определяют необходимость понимания руководителями министерств и регионов, что надо искать решения, которые позволили бы нам преодолеть складывающуюся одностороннюю технологическую зависимость, ...необходимо выстроить эффективный механизм обновления экономики ...с эффективным сельским хозяйством, ...нам нужно тщательно выбрать приоритеты и сохранить научный и производственный потенциал².

В то же время РАН и руководители университетов всех регионов должны осознавать величайшую обеспокоенность Президента РФ В.В. Путина развитием инновационных руководителей-организаторов с инновационными компетенциями и инновационным мышлением, способных уметь:

- работать эврико-командой;
- осуществлять инновационную деятельность в новых технологических средах;

¹ Путин В.В. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» [Электронный ресурс] // URL: <http://archive.kreml.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml> (дата обращения: 19.10.2009)

² Путин В.В. Нам нужна новая экономика. Газета «Ведомости». №3029 от 30.01.2012.

URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2012/01/30/o_nashih_ekonomicheskikh_zadachah

- создавать инновационные ценности;
- формировать инновационную культуру с нравственной справедливостью;
- реализовать точно в срок национальные инновационные проекты;
- вектор инновационной деятельности мировой уровень качества жизни людей;
- быть руководителями: новаторами, наставниками и креативными.

Предложенный выше алгоритм взаимодействия обуславливает руководителей всех уровней управления владеть умениями и способностями иметь высокий уровень профессионального имиджа, который определяет:

- саморазвитие;
- вектор влияния в обществе;
- эффективность инновационной деятельности;
- конкурентоспособность организации;
- приоритетность создания и внедрения новшеств;
- компетентности, создающие новые инновационные ценности;
- степень инновационных знаний персонала;
- приоритетность отечественных инновационных технологий.

Авторы отмечают, что в кризисной ситуации руководителям-организаторам всех уровней управления надо реализовать переход экономики социального развития в научно-инновационную фазу, гибко определить аспекты инновационных идей, ценностей, восстановить гуманные традиции в коллективах, которые обуславливают становление инновационной управленческой парадигмы для перехода к инновационному предпринимательству, реализующего инновационные изменения с пониманием персоналом новой философии, создавая социально-экологические условия для качественной жизнедеятельности человека.

Становится совершенно очевидным, что необходимо инновационное мышление – это внутреннее осознание и восприятие руководителями и персоналом необходимость инновационных изменений, инновационной культуры, определяющие инновационные ценности на основе морально-нравственной этики в коллективах.

Только инновационное мышление руководителей-организаторов и интеллект персонала являются ключевым вектором гибкого инновационного предпринимательства при их способности генерировать новые особые знания в синергию инновационного прорыва в кризисной ситуации.

Инновационная когнитивность организации инновационной деятельности – изменение мышления всего персонала для взаимодействия обуславливает инновационное развитие организации и общества в новых условиях, так как такой подход реализуется регионами научным управлением отраслями экономики и организациями с применением эмпатии, синектики и инсайта.

Анализируя вышеизложенное, нужно осознать и оценить степень культуры знаний и управления ими, что позволит применить концепцию инновационного предпринимательства на основе информационно-цифровой технологической логики, обеспечивающая его эффективность и увеличение производительности труда в разы, одновременно реализуя компьютерное управление всеми процессами производства на всех его уровнях при сформированной руководителями-организаторами и коллективом инновационно-информационной культуры организации.

Литература

1. Денисова И.В. Наше поведение – взгляд со стороны. М., 2003. 240 с.
2. Васильева Ю.Д. Особенности национальной улыбки // Ведомости. 2004. 18.06.2004. № 104 (1144).
3. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г., Овакимян М.А., Мелихова Б.С. Инновация социально-технологических систем в новой экономике. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 126 с.
4. Дизель П. Раньян У. Поведение человека в организации. М.: Фонд «За экономическую грамотность», 1993. 269 с.
5. Швальбе Б., Швальбе Х. Личность, карьера, успех: пер. с нем. – М.: А/О Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Интер», 1993. 240 с.
6. Кноринг В.И. Искусство управления. Учебник. М.: БЕК, 1997. 288 с.
7. Рассел Б. Почему я не христианин. М.: Политиздат, 1987. 340 с.
8. Кузин Ф.А. Делайте бизнес красиво. М.: ИНФРА-М, 1995. 287 с.
9. Сухарев О.С. Инвестиционная модель экономического роста и структурная политика // Экономист. 2019. №1. С. 23 – 52.
10. Аналитическое приложение. Качество экономической динамики в 2000-2018 гг., и что оно говорит о качестве пореформенной системы // Экономист. 2019. №1.

11. Александров Е.А. Запад и Восток: размышление об особенностях экзистенциального менталитета. М., 1995.
12. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г. Инновационное управление. Учебник. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 333 с.
13. Камерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. Пер. с англ. А. Токарева / Под науч. ред. И.В. Андреевой. СПб.: Питер, 2001. 310 с.
14. Хакен Г. Синергетика: иерархия неустойчивости в самоорганизующихся системах и устройствах. М.: Мир, 1989. 423 с.
15. Овчаренко Г.В., Ларкина Н.Г., Некрасова В.В. Институциональные императивы инновационного развития технологического-социально-экологических систем. Монография. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2020. 124 с.
16. Доклад Института современного развития (ИНСОР). Россия XXI века: образ желаемого завтра – М.: Экон-Информ, 2010. 66 с.

Larkina Nataliya Georgievna, Candidate of Economic Science, Docent of Cathedra "Marketing and Communications in Business"; Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: nat1-la@yandex.ru

Ovcharenko Georgy Vasilyevich, Doctor of Economic Science, Professor of Cathedra of Management; Southern Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: menedjment@uriu.ranepa.ru

METHODOLOGY AND VALUES OF MANAGEMENT OF INNOVATIVE ENTREPRENEURSHIP IN NEO-ECONOMY

Abstract

The article considers the vector of the methodology of management of innovative production taking into account the analysis of the crisis situation in the economy. The models of interaction between managers and staff on the basis of morality and ethics are proposed. The necessity of implementation of the "Strategy 2026" to create conditions for innovative breakthrough in the development of a new level of economy. The importance of intellectual potential determining social, environmental and moral aspects in the behavior of the team is revealed. The innovative thinking of managers as a tool of innovative entrepreneurship is substantiated.

Keywords: innovative education, innovative entrepreneurship, innovative knowledge, innovative thinking, innovative culture, innovative potential, self-realization of the individual, personal responsibility, efficiency.

References

1. Denisova I.V. Nashe povedenie – vzglyad so storony. M., 2003. 240 p.
2. Vasil'eva YU.D. Osobennosti nacional'noj ulybki // Vedomosti. 2004. 18.06.2004. № 104 (1144).
3. Ovcharenko G.V., Larkina N.G., Ovakimyan M.A., Melihova B.S. Innovaziya social'no-tekhnologicheskikh sistem v novoy ekonomike. Monografiya. Rostov n/D.: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2019. 126 p.
4. Dizel' P. Ran'yan U. Povedenie cheloveka v organizacii. M.: Fond «Za ekonomicheskuyu gramotnost'», 1993. 269 p.
5. SHval'be B., SHval'be H. Lichnost', kar'era, uspekhi: per. s nem. – M.: A/O Izdatel'skaya gruppa «Progress», «Progress-Inter», 1993. 240 p.
6. Knoring V.I. Iskusstvo upravleniya. Uchebnik. M.: BEK, 1997. 288 p.
7. Rassel B. Pochemu ya ne hristianin. M.: Politizdat, 1987. 340 p.
8. Kuzin F.A. Delajte biznes krasivo. M.: INFRA-M, 1995. 287 p.
9. Suharev O.S. Investicionnaya model' ekonomicheskogo rosta i strukturnaya politika // Ekonomist. 2019. №1. P. 23 – 52.
10. Analiticheskoe prilozhenie. Kachestvo ekonomicheskoy dinamiki v 2000-2018 gg., i chto ono govorit o kachestve poreformennoy sistemy // Ekonomist. 2019. №1.
11. Aleksandrov E.A. Zapad i Vostok: razmyshlenie ob osobennosti ekzistencional'nogo mentaliteta. M., 1995.
12. Ovcharenko G.V., Larkina N.G. Innovacionnoe upravlenie. Uchebnik. Rostov n/D.: YURIU RANHiGS, 2019. 333 p.
13. Kameron K., Kuinn R. Diagnostika i izmenenie organizacionnoj kul'tury. Per. s angl. A. Tokareva / Pod nauch. red. I.V. Andreevoj. SPb.: Piter, 2001. 310 p.
14. Haken G. Sinergetika: ierarhiya neustojchivosti v samoorganizuyushchimsya sistemah i ustroystvah. M.: Mir, 1989. 423 p.
15. Ovcharenko G.V., Larkina N.G., Nekrasova V.V. Institucional'nye imperativy innovacionnogo razvitiya tekhnologo-socioekologicheskikh sistem. Monografiya. Rostov n/D.: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2020. 124 p.
16. Doklad Instituta sovremennogo razvitiya (INSOR). Rossiya HKHI veka: obraz zhelaemogo zavtra – M.: Ekon-Inform, 2010. 66 p.

УПРАВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ РЕСУРСАМИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Матвеев	доктор экономических наук, профессор, Орловский филиал
Владимир	Финансового университета при Правительстве РФ (302001,
Владимирович	Россия, г. Орел, ул. Гостиная, 2). E-mail: vvmatveev@fa.ru
Соболева	кандидат экономических наук, доцент, Среднерусский институт
Юлия	управления – филиал Российской академии народного хозяйства
Павловна	и государственной службы при Президенте РФ (302028, Россия,
	г. Орел, б-р Победы, 5А). E-mail: soboleva-up@mail.ru

Аннотация

Целью выполнения данного исследования является формирование теоретических и практических рекомендаций по повышению эффективности управления человеческими ресурсами в сельском хозяйстве. Научная новизна проведенного исследования заключается в том, что в рамках выполнения работы нами предложена система взаимодействия основных элементов управления человеческими ресурсами в исследуемой отрасли. С практической точки зрения значимость научной работы состоит в систематизации особенностей управления человеческими ресурсами сельскохозяйственных предприятий страны, а также в разработке механизма формирования и развития персонала сельхозпредприятий. В процессе выполнения научной работы нами использованы статистический, ретроспективный методы анализа информации, а также опрос и наблюдение.

Ключевые слова: *управление, человеческие ресурсы, персонал, сельское хозяйство, цифровизация жизни, профессиональные компетенции, инновации, индекс заработной платы, трудовые ресурсы.*

Введение

Сельское хозяйство как отрасль экономики России выполняет многозначительные функции. С одной стороны, она обеспечивает население качественными отечественными продуктами питания. С другой стороны, позволяет многим регионам ввиду благоприятного для занятий сельским хозяйством природно-климатического положения реализовывать свой потенциал. Более того, сельское хозяйство как производственная отрасль создает рабочие места, формирует доходную часть бюджета страны. Общеизвестен факт, что благодаря сельскохозяйственному производству рынку предлагается большое разнообразие продуктов питания, определяется уклад жизни общества в целом. Данная отрасль имеет огромное влияние не только на здоровье человека, но и на развитие экономики страны. Согласно исследованиям Центра стратегических разработок (ЦСР) доля сельского хозяйства в ВВП страны составила по итогам 2018 г. 4,1%, что на 0,2% ниже предыдущего года¹.

В начале 2020 г. Указом Президента Российской Федерации утверждена «Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации». Данный документ является стратегическим ориентиром государственной политики в области обеспечения продовольственной безопасности страны. В этой связи устойчивое развитие и модернизация сельского хозяйства, обеспечение отрасли высококвалифицированными работниками выступают национальными интересами нашей страны на долгосрочный период. Федеральный закон РФ № 264-ФЗ от 29.12.2006 г. «О развитии сельского хозяйства» отражает основные направления государственной поддержки в этой области. Вместе с тем, никакая государственная поддержка не будет действенной, если отрасль не будет соответствовать современным тенденциям развития экономики, не внедрит в свою деятельность инновационные технологии, в частности, цифровую платформу. Цифровизация всех сторон жизни человека коснулась, хоть и не в первую очередь, сельского хозяйства. В этой связи Министерством сельского хозяйства РФ разработан ведомственный проект «Цифровое сельское хозяйство». Но, как известно, для реализации любой инновационной стратегии требуется подготовленный, соответствующий требованиям времени персонал. Для удержания конкурентных позиций, продвижения товаров на отечественный рынок, привлечения покупателей к продукции требуется активизация усилий в области эффективного управления человеческими ресурсами.

¹ Обзор рынка сельского хозяйства [Электронный ресурс] / Центр стратегических разработок. – Режим доступа: <https://ru.investinrussia.com/data/file/obzor-rynka-selskogo-hozyajstva-2019.pdf>

С учетом того, что человеческие ресурсы выступают наиболее значимым и специфическим ресурсом, эффективное управление ими лежит в основе способности к достижению поставленных перед отраслью стратегических целей.

Особенности функционирования человеческих ресурсов в сельском хозяйстве

Термины «человеческие ресурсы», «человеческий капитал», «человеческий потенциал» не новы, они давно уже известны экономике и менеджменту и в последнее время все больше вытесняют из оборота такое понятие, как «персонал». Концепция управления человеческими ресурсами, как известно из курса теории и истории менеджмента, сформировалась примерно в 80-х годах 20 века. Несмотря на многообразие определений данного понятия общепризнанного его толкования к настоящему времени так и сложилось.

В научной литературе достаточно много точек зрения на сущность понятия «человеческие ресурсы». Обобщая их, можем сказать, что это источник формирования предприятием конкурентных преимуществ, это носитель ценностей компании. То есть человеческие ресурсы представляют собой как реальные, так и потенциальные возможности персонала предприятия в плане его физических, умственных, интеллектуальных, трудовых способностей, использование которых приносит взаимовыгодный эффект одновременно и работникам, и предприятию [1–3]. Иными словами, это совокупность личных и профессиональных компетенций работника. Для оценки человеческих ресурсов, их потенциала, как правило, используют достаточно большой набор показателей: образование, доход, возраст, здоровье, условия труда и т.д.. Соответственно, целенаправленное, мотивированное, системное управление человеческим капиталом лежит в основе повышения эффективности функционирования предприятий, в том числе отрасли сельского хозяйства [4].

С учетом цели и предмета настоящего исследования считаем целесообразным сформировать особенности управления человеческими ресурсами применительно к отрасли АПК. Прежде всего, как следует из результатов Всероссийской переписи населения, которая была проведена в 2010 году, имеет место низкий уровень образования у работников сельского хозяйства. Этот же вывод следует из статистических данных, представленных на сайте Росстата (рис. 1). Лишь 12,1% персонала отрасли сельского хозяйства имеют высшее образование, в то время как в целом по экономике страны 34,2% работающих имеют данный уровень образования. Данное обстоятельство можем рассматривать как негативно влияющее на цифровизацию и возможности внедрения инноваций в сельское хозяйство.

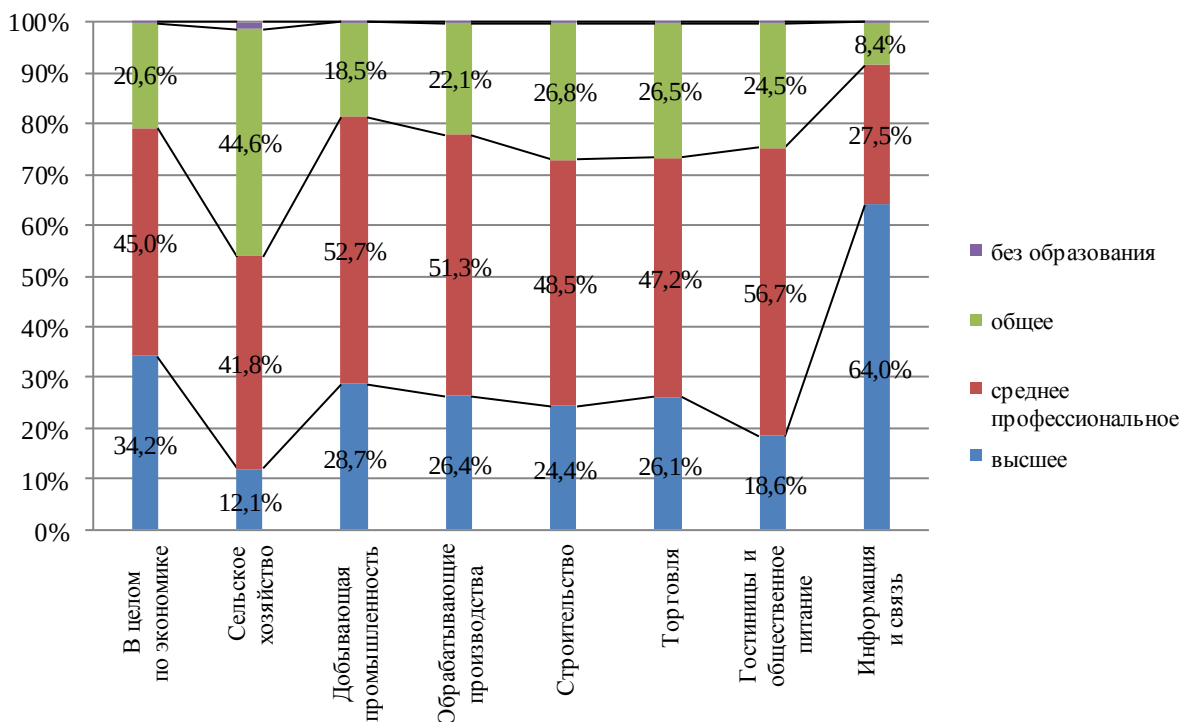

Рис. 1. Структура персонала различных отраслей экономики по уровню образования [составлено авторами по данным Росстата]

Вторая особенность: низкий уровень заработной платы влечет за собой и низкую оплату труда работников. В данном исследовании мы проанализировали индекс уровня заработной платы работников различных отраслей в разрезе категорий персонала и групп занятий по данным Росстата за октябрь 2019 г. (табл. 1).

Таблица 1

**Индекс уровня заработной платы работников различных отраслей
относительно средней ее величины [составлено автором по данным Росстата]**

Отрасль	В целом по всем категори- ям работников	в том числе			
		руководите- ли	специали- сты	другие служащие	рабочие
Сельское хозяйство	0.790	0.753	0.816	0.843	0.895
Добыча полезных ископаемых	1.724	1.562	1.948	1.773	1.791
Обрабатывающие производства	1.076	1.005	1.118	1.283	1.128
Водоснабжение; водоотведение	0.798	0.780	0.898	0.936	0.845
Строительство	1.340	1.243	1.372	1.530	1.452
Торговля; ремонт автотранс- портных средств	1.029	1.063	1.089	1.242	0.953
Транспортировка и хранение	1.141	1.041	1.277	1.271	1.191
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	0.848	0.850	0.957	1.365	0.833
Деятельность в области ин- формации и связи	1.520	1.525	1.337	1.277	0.860
Образование	0.708	0.674	0.775	0.716	0.495
Деятельность в области здра- воохранения и социальных услуг	0.891	0.944	0.957	1.034	0.661
Деятельность в области куль- туры, спорта, организации досуга и развлечений	0.889	0.658	0.905	0.918	0.662

Мы видим, что наряду с работниками образования индекс заработной платы в области сельского хозяйства достаточно низок по сравнению с ее величиной, взятой в средней по стране. Вместе с тем, именно по категории персонала «рабочие» рассчитанный индекс наиболее высок. Как видим, государственное вмешательство в вопросы управления трудовыми ресурсами, управления человеческим капиталом предприятий сельского хозяйства является достаточно актуальным.

Низкая оценка результатов труда, выражаемая в низком уровне оплаты труда работников сельского хозяйства, характеризует отношение органов власти к данной отрасли [5]. Иными словами, роль и значимость работников села недооценивается.

Третья особенность – это стремление работников сельского хозяйства, особенно молодежи, уйти в другие сферы деятельности в поисках более комфортных условий труда, более высокой платы за свой труд. Как следствие – доля работников сельского хозяйства со стажем от 5 до 10 лет ниже, чем в других отраслях экономики и ниже, чем в целом по стране. А доля работников со стажем 10 лет более, то есть наиболее опытных, имеющих низкую мобильность, соответствует среднеотраслевому значению. В данном исследовании мы проанализировали персонал человеческий потенциал в сфере сельского хозяйства в сравнении с другими отраслями экономики страны (рис. 2).

По рассматриваемым отраслям экономики в сельском хозяйстве в отличие от других видов экономической деятельности наибольшая доля персонала со стажем работы от 1 месяца до 1 года – 13 %, в то время как в целом по экономике он составляет 7 %. Доля персонала сельского хозяйства со стажем 5 лет и более ниже, чем в целом по России и ниже, чем в обрабатывающих и добывающих отраслях. Лишь 34 % работников сельского хозяйства надолго остаются работать в этой сфере, ведь в отличие от обрабатывающей промышленности, где индекс уровня заработной платы по отношению к среднероссийской его величине составляет 1,076, а в добывающей – 1,724, в отрасли сельского хозяйства он не превышает 80 % (0,79).

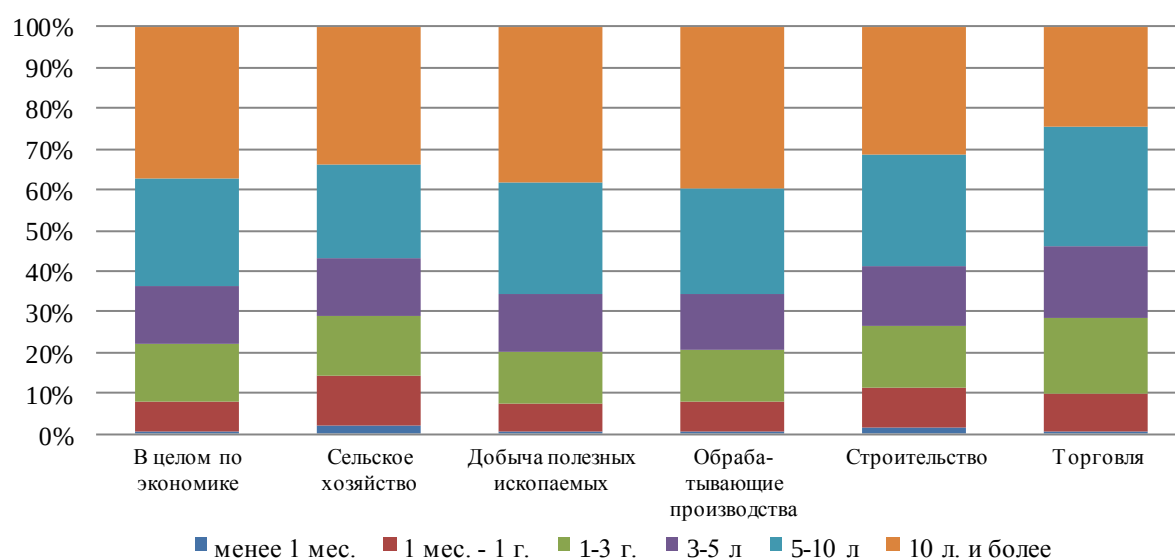

Рис. 2. Структура персонала по стажу работы в различных отраслях экономики в 2018 г.
[составлено авторами по данным Росстата]

Четвертая особенность – это кадровый дефицит в отрасли (рис. 3).

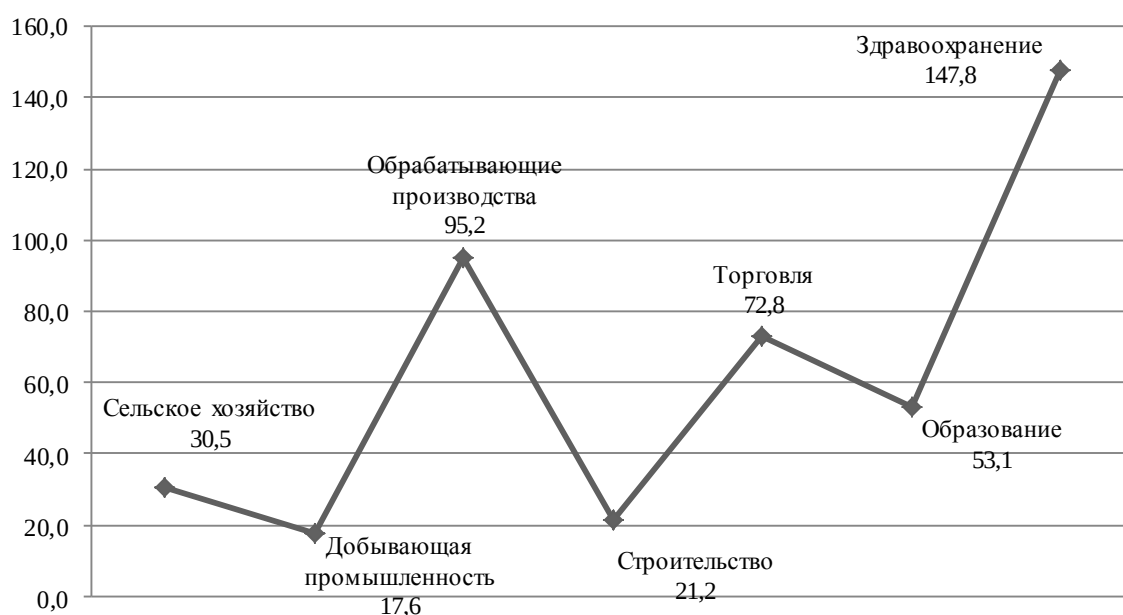

Рис. 3. Потребность отраслей экономики в рабочей силе по итогам 2018 года (в тыс. чел.)
[составлено авторами по данным Росстата]

Потребность сельского хозяйства в рабочей силе имеет тенденцию к увеличению. Как следует из отчетов по труду, размещенных на сайте Росреестра, в 2010 году значение данного показателя составляло 26,5 тыс. чел., в 2016 году – 22,4 тыс. чел., а в 2018 году – уже 30,5 тыс. чел. Хотя если сравнивать с кризисным 2008 годом, когда потребность в рабочей силе в отрасли сельского хозяйства составляла 34,1 тыс. чел., в настоящее время «кадровый голод» в сельском хозяйстве еще не достиг своего максимума.

Если рассматривать данный показатель в процентах к числу рабочих мест в отрасли, то можно сделать вывод, что для сельского хозяйства он составляет 3,2 %, что является достаточно большой величиной. Выше только потребность в кадрах в сфере здравоохранения – 4,2 % к численности занятых в отрасли.

Отметим, что в рамках выполнения данного исследования мы использовали официальные статистические данные, которые на момент написания работы охватывают 2018 год и по некоторым показателям – 2019 год.

Пятая особенность управления человеческими ресурсами в сельском хозяйстве – это высокая текучесть кадров. Несмотря на то, что общепризнанной нормы текучести кадров в теории и практике HR0-управления нет, большинство практиков в этой области сходятся во мнении, что естественной, или нормальной текучестью кадров является величина 4-5 %. При значении коэффициента до 10 % текучесть кадров считается удовлетворительной. Ее снижение возможно на основе корректирующих мероприятий в системе управления персоналом и не требует осуществления глобальных стратегических изменений.

На рис. 4 мы представили динамику коэффициента текучести кадров в сельском хозяйстве в сравнении с другими отраслями экономики за 2017-2018 гг.

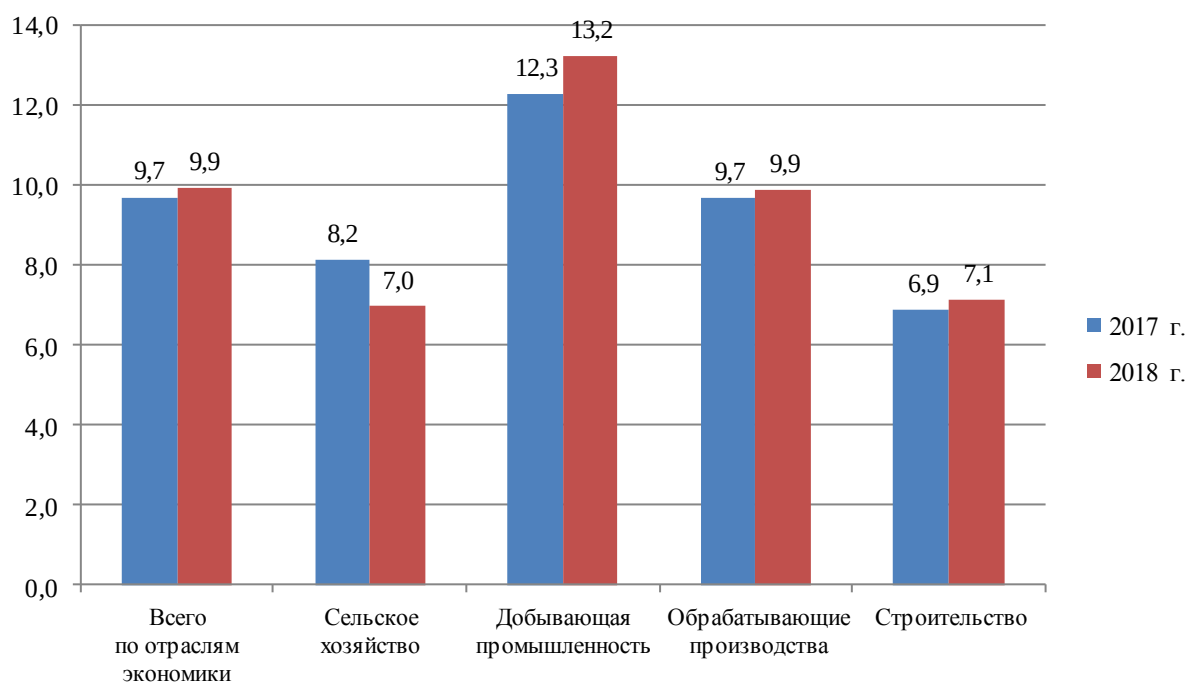

Рис. 4. Динамика коэффициента текучести кадров в отраслях экономики
[составлено авторами по данным Росстата]

Мы можем видеть, что значение коэффициента текучести кадров в сельском хозяйстве не является критическим, хотя значительно выше нормы. Ввиду этого в сельхозпредприятиях целесообразно пересмотреть систему управления персоналом, обратив внимание на известные технологии преемственности, внутреннего обучения, адаптации кадров.

Важную роль в оценке эффективности управления трудовыми ресурсами выполняет оценка такого показателя, как производительность труда. Однако сравнение производительности труда в различных отраслях экономики будет некорректным ввиду различной ценности их валового продукта. Поэтому в данном исследовании мы проанализировали динамику темпа роста производительности труда в основных отраслях экономики с целью сравнения полученных значений с отраслью сельского хозяйства (рис. 5).

По результатам проведенного анализа можем сделать вывод, что темп роста производительности труда в сельском хозяйстве ниже темпа роста данного показателя в целом по экономике РФ (99,8 % и 102,3 % соответственно).

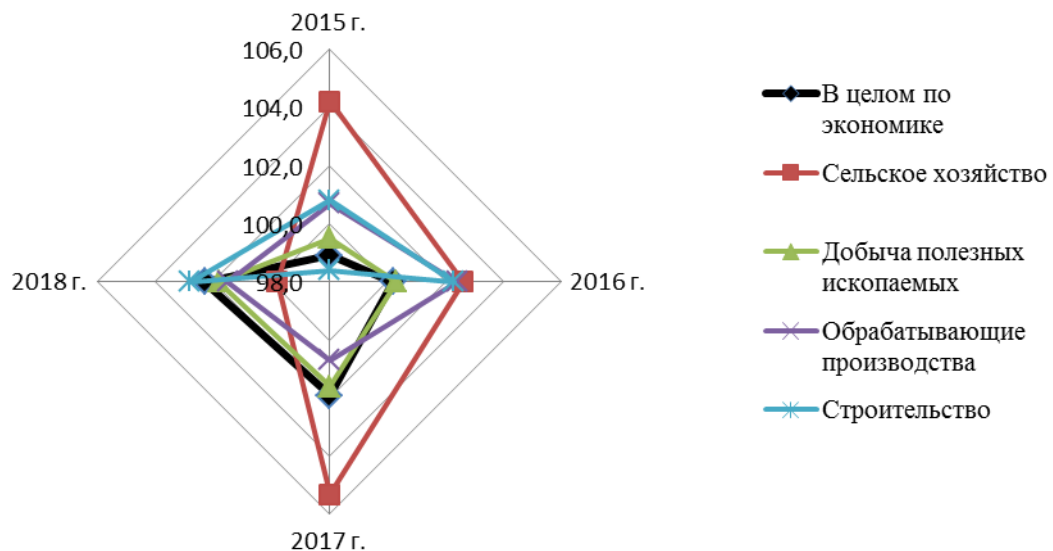

Рис. 5. Динамика темпа роста производительности труда работников отраслей народного хозяйства в 2015-2018 гг. [составлено авторами по данным Росстата]

Управление трудовым потенциалом сельскохозяйственных предприятий на микро- и макроуровнях

Никакая государственная поддержка в области повышения эффективности функционирования сельскохозяйственной отрасли не будет эффективной, если менеджмент самих предприятий не будет заинтересован во внедрении различных технологий управления персоналом. Анализируя результаты обследований функционирования сельскохозяйственных предприятий [6], а также основываясь на личных наблюдениях процедуры управления персоналом и опроса топ-менеджеров сельскохозяйственных предприятий Орловской области, мы выделили наиболее распространенные проблемы в системах управления персоналом сельскохозяйственных предприятий:

- отсутствие четкой организационной структуры служб управления персоналом;
- неразвитость косвенных методов управления персоналом;
- соподчиненность уровней управления предприятиями;
- нехватка высококвалифицированных кадров;
- отсутствие автоматизированных систем управления.

В этой связи разумным выходом из сложившейся сложной ситуации является внедрение автоматизированных систем управления, а также развитие и расширение технологии обучения кадров.

Необходимо понимать, что перед управленцем стоит задача не только извлечения выгоды от использования персонала, но и удовлетворения потребностей наёмных работников. Значительная нехватка кадров, готовых работать в сфере сельского хозяйства, замедляет развитие исследуемого сектора экономики. Кадровая политика внутри конкретного предприятия создаётся лишь с одной целью: для решения проблем, как связанных с комплектацией кадров внутри предприятия, так и связанных с постановкой целей, которые могут быть выполнены данным коллективом в зависимости от направления деятельности самого предприятия. Кадровая политика занимается подбором необходимого персонала, укомплектованием кадрового состава, целью которого будет являться выполнение определенных задач, поставленных предприятием. Ошибки при наборе работников позволяет избежать кадровая стратегия, которая определяет методы, с помощью которых организация сможет протестировать будущего наёмного работника. В данном исследовании мы систематизировали наиболее эффективные методы для тестирования будущего работника сельскохозяйственного предприятия:

- метод анкетирования;
- метод оценки по решающей ситуации;
- метод «АВС - анализ персонала»;
- метод оценки на основе моделей компетентности;
- метод функционально-стоимостной оценки.

В ходе выполнения данного исследования мы проанализировали деятельность ряда сельскохозяйственных предприятий Орловской области, среди них: ООО «Знаменский СГЦ», ОАО Агрофирма «Ливенское мясо», ОАО «Агрофирма «Мценская», ООО «Маслово» и др. В частности, нами были рассмотрены организационные структуры управления сельскохозяйственными предприятиями. В результате был получен обобщенный вывод, согласно которому все предприятия АПК имеют в своей структуре отделы кадров, однако эти отделы не наделены управленческими функциями и занимаются, как правило, кадровым делопроизводством, отслеживанием за соблюдением работниками трудовой дисциплины, кадровой статистикой. С учетом выявленных недостатков в деятельности отрасли сельского хозяйства и ряда конкретных предприятий считаем целесообразным порекомендовать менеджерам пересмотреть сложившийся традиционный подход к управлению персоналом и формированию служб управления персоналом. Наглядно предлагаемый нами подход представлен на рис. 6. Предлагаемый нами механизм основан на широко известном системном подходе.

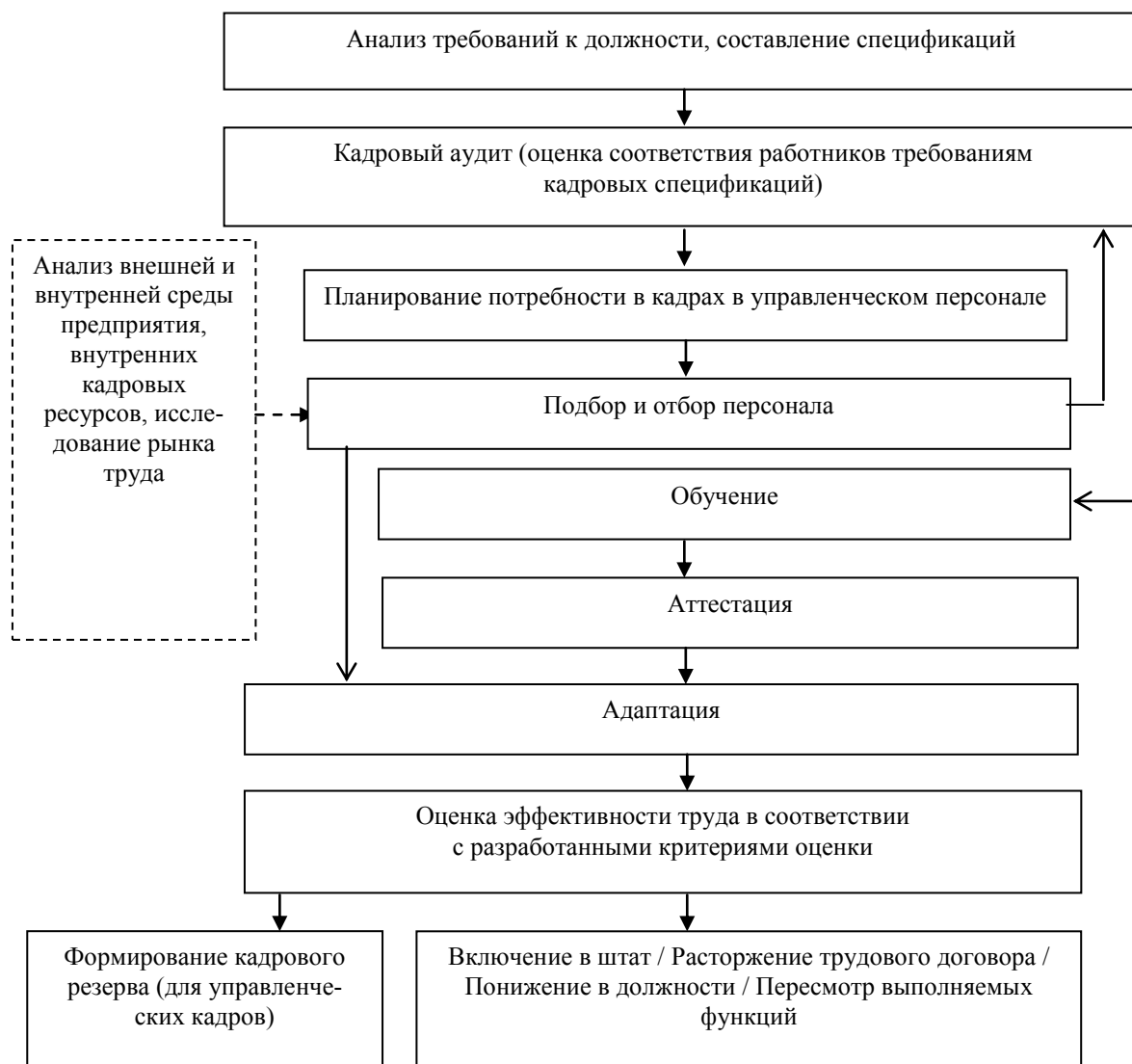

Рис. 6. Система управления формированием и развитием человеческими ресурсами сельскохозяйственного предприятия

Реализация предложенного в данном исследовании механизма формирования и развития персонала сельскохозяйственных предприятий должна осуществляться комплексно на систематической основе. Службы управления персоналом сельскохозяйственных предприятий должны расширить выполняемые ими функции, что позволит предприятиям иметь квалифицированных менеджеров и рабочих.

Важная особенность предлагаемой нами схемы состоит в том, что она предполагает по итогам проведения кадрового аудита направление работника на обучение. Данная технология

не нова, давно известна менеджменту, однако, как следует из оценки деятельности сельскохозяйственных предприятий, она не используется ими. Также мы в обязательном порядке предлагаем использовать технологию адаптации персонала. Одновременное внедрение обучения и адаптации позволит сократить текучесть кадров, особенно квалифицированной, но не имеющей опыта молодежи. Также будет решена проблема недостаточного роста производительности труда работников. Отдельным блоком на схеме мы включили формирование кадрового резерва для менеджеров высшего и среднего звена. В настоящее время технология формирования кадрового резерва обязательна только для государственных и муниципальных организаций. Вместе с тем, в случае выбытия управленческого персонала она позволит в кратчайшие сроки назначить нового управленца, имеющего необходимые для выполнения работы компетенции.

На макроуровне управление трудовым потенциалом сельскохозяйственных предприятий должна заключаться в выработке активной государственной политики, направленной на воспроизводство трудовых ресурсов и эффективное их использование [7]. Реализовывать кадровую политику в предприятиях АПК достаточно сложно, поскольку для её развития необходимо присутствие специалистов, однако из-за сильной зависимости агропромышленного комплекса от государственной поддержки и субсидий до 2018 года сельхозпредприятия не могли себе этого позволить. С 2018 года благодаря государственной программе «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» финансовые потоки на предприятия АПК со стороны государства увеличились, а именно: инвестиции в основной капитал в 2019 году возросли на 7,5% по отношению к предыдущему году, а субсидии продолжают показывать ежегодный рост в среднем на 12% и по итогу на 2019 год составляют 870 млрд. рублей. По данным ЦСР, 70% прибыли компаний было сформировано благодаря субсидиям, полученным от государства. Основной целью является поддержка работоспособности АПК согласно новейшим цифровым нововведениям¹. На рис. 7 мы представили схему взаимосвязи основных элементов рынка, обеспечивающих эффективное управление человеческими ресурсами сельскохозяйственных предприятий.

Рис. 7. Элементы комплексной системы формирования и развития кадров сельскохозяйственных предприятий в регионе

¹ Управление сельским хозяйством в условиях муниципальной реформы – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vniiesh.ru/documents/document_20645_%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_%D0%9D%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%20%D0%93.%D0%92._2015.pdf.

Предложенная нами совокупность элементов системы формирования и развития кадрового потенциала сельскохозяйственных предприятий включает в себя государственную поддержку на региональном уровне, субъекты хозяйствования в отрасли АПК и учреждения образования. Каждый из этих элементов должен реализовывать определенный набор функций с тем, чтобы поддержка развития персонала сельхозпредприятий была комплексной.

Из изложенного следует, что активная государственная политика в области управления человеческими ресурсами сельского хозяйства позволит привлечь потенциальных занятых к сельскому труду и удержать их.

Таким образом, исходя из результатов проведенного исследования, можем сделать следующие выводы:

1. Система формирования и развития человеческого капитала в сельском хозяйстве несовершенная и требует вмешательства, в том числе со стороны региональных органов власти. В связи с этим должен быть разработан эффективный механизм по взаимодействию между собой регионального органа власти, сельскохозяйственных производителей и учреждений образования.

2. Система управления персоналом также должна быть пересмотрена и на уровне предприятий. Целесообразно обратить внимание на такие технологии, как обучение и адаптация персонала.

Реализация предлагаемых механизмов управления человеческими ресурсами в сельском хозяйстве позволит решить ряд проблем, выявленных нами в данной отрасли.

Литература

1. *Авдеев Е.В.* Воспроизводство человеческого капитала в сельском хозяйстве: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук [Электронный ресурс]. – Воронеж, 2016. – Режим доступа: http://ds.vsau.ru/wp-content/uploads/2016/03/%D0%90%D0%B2%D0%B4%D0%B5%D0%B5%D0%B2-%D0%95%D0%92_%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf.
2. *Игнатова Т.В., Змияк С.С.* Управление рынком труда. Монография. Ростов-на-Дону: ЮРИУ РАН-ХиГС, 2017. 136 с.
3. *Кибанов А.Я., Дуракова И.Б., Кибанова Л.Н.* Управление персоналом организации: актуальные технологии найма, адаптации и аттестации [Электронный ресурс]: учебное пособие. М.: КноРус, 2021. 358 с. – Режим доступа: <https://book.ru/book/936609>.
4. *Соболева Ю.П., Кузнецова Л.М.* Трудовые ресурсы в сфере предпринимательства: оценка, перспективы развития // Вестник ОрелГИЭТ. 2018. № 1 (43). С. 32–36.
5. Проблемы развития российского рынка труда и кадровый потенциал экономических систем: монография / под общ. ред. О.В. Рудаковой. Тверь: ООО «Издательство «Триада», 2017. 128 с.
6. *Игнатова Т.В., Полянин А.В.* Управление факторами «труд» и «предпринимательство» в целях повышения конкурентоспособности муниципалитетов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88). С. 24–28.
7. *Конобеева Е.Е., Конобеева О.Е., Соболева Ю.П.* Оценка факторов стратегического развития и выявление резервов эффективного управления предприятием // Актуальные аспекты фундаментальных и прикладных исследований: сборник научных трудов / Под общ. ред. И.Г. Паршутинной. Орёл: Изд-во ОрелГУЭТ, 2016. С. 324–330.

Matveev Vladimir Vladimirovich, doctor of economic science, Professor, Orel branch of Financial University under the Government of the Russian Federation (2, Gostinaya St., Orel, 302001, Russian Federation). E-mail: vvmatveev@fa.ru

Soboleva Yuliya Pavlovna, PhD in Economics, Associate Professor, Central Russian Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5A, Victory Blvd, Orel, 302028, Russian Federation). E-mail: soboleva-yp@mail.ru

HUMAN RESOURCE MANAGEMENT IN AGRICULTURE

Abstract

The purpose of this study is to develop theoretical and practical recommendations for improving the efficiency of human resource management in agriculture. The scientific novelty of the research lies in the fact that as part of the work we proposed a system of interaction of the main elements of human resource management in the industry under study. From a practical point of view, the significance of scientific work is to systematize

the features of human resource management of agricultural enterprises in the country, as well as to develop a mechanism for the formation and development of agricultural personnel. In the course of scientific work, we used statistical and retrospective methods of information analysis, as well as survey and observation.

Keyword: management, human resources, personnel, agriculture, digitalization of life, professional competencies, innovation, wage index, labor resources.

References

1. Avdeev E.V. Vosproizvodstvo chelovecheskogo kapitala v sel'skom hozyajstve: dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata ekonomicheskikh nauk [Elektronnyj resurs]. – Voronezh, 2016. – Rezhim dostupa: http://ds.vsau.ru/wp-content/uploads/2016/03/%D0%90%D0%B2%D0%B4%D0%B5%D0%B5%D0%B2-%D0%95.%D0%92._%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F.pdf.
2. Ignatova T.V., Zmiyak S.S. Upravlenie rynkom truda. Monografiya. Rostov-na-Donu: YURIU RANHiGS, 2017. 136 p.
3. Kibanov A.YA., Durakova I.B., Kibanova L.N. Upravlenie personalom organizatsii: aktual'nye tekhnologii najma, adaptatsii i attestatsii [Elektronnyj resurs]: uchebnoe posobie. M.: KnoRus, 2021. 358 s. – Rezhim dostupa: <https://book.ru/book/936609>.
4. Soboleva YU.P., Kuznecova L.M. Trudovye resursy v sfere predprinimatel'stva: ocenka, perspektivy razvitiya // Vestnik OrelGIET. 2018. № 1 (43). P. 32–36.
5. Problemy razvitiya rossijskogo rynka truda i kadrovyy potencial ekonomicheskikh sistem: monografiya / pod obshch. red. O.V. Rudakovej. Tver': OOO «Izdatel'stvo «Triada», 2017. 128 p.
6. Ignatova T.V., Polyanin A.V. Upravlenie faktorami «trud» i «predprinimatel'stvo» v celyah povysheniya konkurentosposobnosti municipalitetov // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2017. № 9 (88). P. 24–28.
7. Konobeeva E.E., Konobeeva O.E., Soboleva YU.P. Ocenka faktorov strategicheskogo razvitiya i vyyavlenie rezervov effektivnogo upravleniya predpriyatiem // Aktual'nye aspekty fundamental'nyh i prikladnyh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov / Pod obshch. red. I.G. Parshutinoj. Oryol: Izd-vo OrelGUET, 2016. P. 324–330.

УДК 338

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-91-97

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТНИКОВ ТЕПЛОСНАБЖАЮЩЕГО ИННОВАЦИОННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ

Фоменко Наталья Михайловна	доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента и инноваций, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (129337, Россия, г. Москва, Ярославское ш., 26). E-mail: fnata77@mail.ru
Глазкова Валерия Викторовна	кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и инноваций, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (129337, Россия, г. Москва, Ярославское ш., 26). E-mail: leram86@mail.ru
Максимова Дарья Анатольевна	преподаватель кафедры менеджмента и инноваций, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (129337, Россия, г. Москва, Ярославское ш., 26). E-mail: kosti4eva.daria@yandex.ru

Аннотация

В статье обоснована необходимость создания инновационного объединения со стратегическими партнерами единой теплоснабжающей организации. Большая степень изношенности основных фондов и начинающийся процесс децентрализации теплоснабжающей отрасли обусловили необходимость трансформации отрасли. В качестве решения данной проблемы предложено формирование объединения стратегических партнеров, что позволит повысить эффективность отрасли в целом и отдельных предприятий в частности.

Ключевые слова: инновации, единая теплоснабжающая организация, стратегические партнеры, инновационное объединение, цифровые технологии управления, функции обеспечения процесса теплоснабжения, экономическая стабильность, локальные рынки тепловой энергии, эксплуатационный ресурс.

В XXI веке теплоснабжение представляет собой отрасль, обеспечивающую рост национальной экономики, которая выступает гарантом обеспечения жизнедеятельности отраслей промышленности, а также экономической, политической и социальной стабильности общества. Эксперты констатируют, что отрасль находится в глубоком кризисе, который в случае своего обострения при отсутствии долгосрочного планирования может привести к краху коммунальной системы.

При этом в свободном доступе отсутствует официальная статистика аварий в осенне-зимний период, начиная с 2018 г. Минэнерго и Минстрой курируют сферу теплоснабжения (имеется лишь разрозненная информация Росстата и некоторых независимых источников), но в публичных источниках не раскрывают данные об этой одной из важнейших отраслей ЖКХ¹.

По данным Росстата, наблюдается значительное сокращение протяженности тепловых и паровых сетей в двухтрубном исчислении; увеличение износа объектов инфраструктуры (около 70% теплосетей работает с превышением нормативного срока службы, 20% котлов и турбин тепловых электростанций старше 50 лет)²; отмечается низкий уровень замены тепловых и паровых сетей (менее чем на 3%), а уровень потерь в теплосетях в некоторых округах достигает 15-20% (рис. 1)³, что практически в четыре раза выше, чем в европейских странах. Все это говорит о необходимости развития, трансформации и модернизации отрасли.

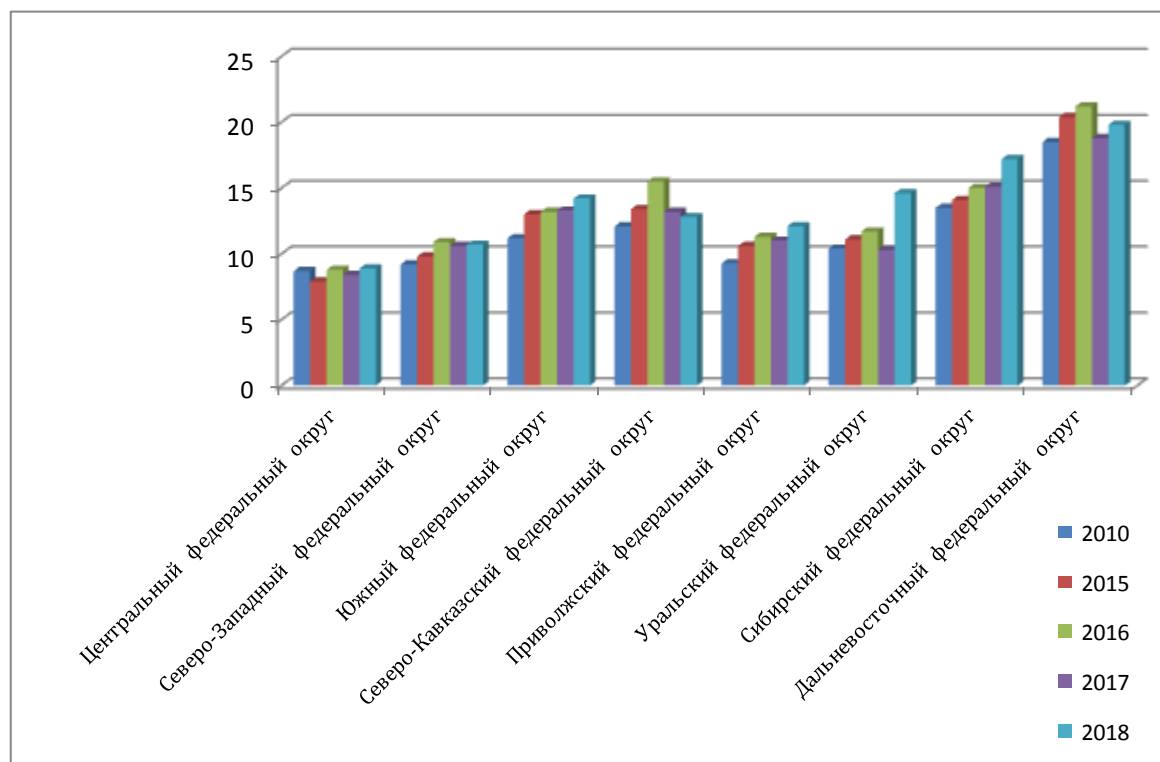

Рис. 1. Потери тепла в сетях (в процентах от подачи тепла)

Одним из ключевых направлений трансформационных преобразований станет формирование на локальных рынках тепловой энергии единых теплоснабжающих организаций (ЕТО) и ликвидация организационной разобщенности субъектов отрасли. В рамках своего функционирования ЕТО призвано нести ответственность за:

- надежное и на требуемом уровне качество теплоснабжение потребителей;
- оптимизацию загрузки тепловых мощностей;
- обеспечение эффективного стратегического развития и технического управления системой теплоснабжения.

Следует отметить, что современное состояние ЕТО характеризуется рядом нерешенных вопросов, главными из которых являются вопросы надежности эксплуатации оборудования и

¹ Тепло без хозяина: аварии происходят, реформа в России пробуксовывает. Официальный сайт РИА НОВОСТИ URL: <https://ria.ru/20190218/1551047795.html> (Дата обращения 20.12.2019)

² Текущее состояние отрасли теплоснабжения. Отчет Министерства энергетики РФ URL: https://ur.hse.ru/data/2016/03/28/1127797157/%D0%9A%D1%80%D0%B0%D0%B2%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE%20%D0%92.%D0%9C_%D0%A2%D0%B5%D0%BA%D1%83%D1%89%D0%B5%D0%B5%20%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%BE%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B8%20%D1%82%D0%B5%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D1%81%D0%BD%D0%B0%D0%B1%D0%B6%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf (Дата обращения 20.08.2020)

³ Потери тепловой энергии. Федеральная служба государственной статистики URL: <https://www.fedstat.ru/> (Дата обращения 15.08.2020)

безопасности работы тепловых сетей, а именно выработка основным оборудованием эксплуатационного ресурса, оптимизация производственных процессов, снижение издержек на строительство и модернизацию генерирующего оборудования с применением современных технологий, развитие собственных генерирующих источников промышленными потребителями для обеспечения собственных нужд.

В условиях перехода на целевой рынок тепловой энергии единые теплоснабжающие организации будут подвержены высоким рискам, если основным направлением стратегического управления будет ориентация не на технологическое совершенствование, а на монопольный доступ к ресурсной базе [1].

Структурное изменение ЕТО возможно за счет инновационного объединения (далее объединения) на основе стратегических связей с ее партнерами. Глобализация процессов функционирования предприятий переходит к кооперации в ее высших коллаборативных формах, когда происходит объединение действий всех участников производственного процесса, обеспечивая тем самым синергию коллективных усилий [2]. В состав участников такого объединения могут входить разнообразные субъекты рынка теплоснабжения. Роль инициатора объединения отводится самой ЕТО (рис. 2).

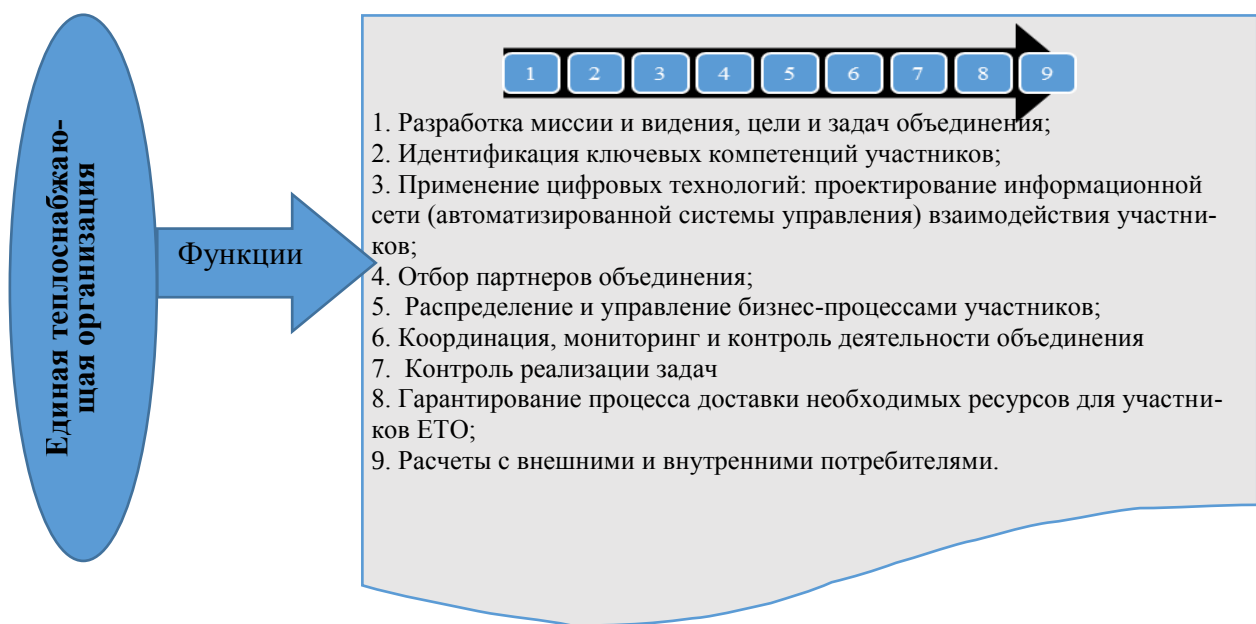

Рис. 2. Функции единой теплоснабжающей организации при формировании объединения

В функциональные обязанности ЕТО входит не только решение экономических и технических проблем, но и не свойственная ей роль – координатора процессов управления, движения ресурсов, определения состава участников. Применение цифровых технологий управления позволит оптимизировать структуру управления объединением как с технической, так и с организационно-экономической точек зрения.

Участниками объединения могут являться: научно-производственное объединение (научно-исследовательские институты, проектные лаборатории, технопарки), поставщики углеводородного сырья, поставщики комплектующих, поставщики теплообменного оборудования, поставщики когенерационных установок, генерирующие тепловую энергию организации, котельные малой мощности, индивидуальные тепловые пункты, консалтинговые (аналитические) агентства, образовательные учреждения и научно-исследовательские институты, организации, оказывающие транспортные услуги, организации, оказывающие услуги правового характера, поставщики расчетных и финансовых услуг, инвестиционные компании, организации, транспортирующие тепловую энергию, торговые предприятия и организации, оказывающие строительно-монтажные услуги.

Эффективность функционирования всего объединения напрямую зависит от качественного выполнения своих функций участниками. Рассмотрим более детально функции каждого, а также возможность их взаимодействие с учетом применения автоматизированной системы управления (табл. 1).

Укрупненный состав функций и взаимодействие участников объединения

Участники	Функции	Взаимодействие участников в ЕТО с применением АСУ
Научно-производственное объединение: научно-исследовательские институты, проектные лаборатории, технопарки	- Организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований	<i>Отправка данных в «модуль связи участника 1».</i> <i>Отправка данных в «модуль связи участника 2».</i> <i>Отправка данных по всем осуществляемым действиям в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>
Поставщики углеродного сырья, комплектующих, теплообменного оборудования, когенерационных установок и пр.	- Обеспечение бесперебойных поставок сырья - Поставка электрооборудования, трубопроводных систем, полимерных материалов и программного обеспечения - Поставка редукторов, кранового оборудования, грузоподъемного, электрощитового оборудования, низковольтные аппараты, насосы, кабельно-проводниковая продукция, фрикционные материалы, электромагниты, муфты, трансформаторы силовые и др. - Поставка турбин, электрических генераторов, теплообменника и системы управления и др.	<i>Отправка данных о поставках в «модуль связи участника 3».</i> <i>Отправка данных о поставках в «модуль связи участника 4».</i> <i>Отправка данных о поставках в «модуль связи участника 5».</i> <i>Отправка данных о поставках в «модуль связи участника 6».</i> <i>Отправка данных о поставках в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>
Генерирующие тепловую энергию организации	- Координация деятельности (загрузка мощностей, определение плановых объемов производства и т.д.) - Передача тепловой энергии для транспортировки - Координация путей и сроков транспортировки тепловой энергии - Предоставление заказов на строительно-монтажные и ремонтные работы тепловых сетей и оборудования - Предоставление заказов на работы технической эксплуатации - Обеспечение заказами на поставку произведенного сырья и материалов - Обеспечение заказами на поставку оборудования теплоснабжения - Заказы на оказание консалтинговых, расчетных и финансовых услуг - Внедрение фундаментальных и прикладных исследований	<i>Отправка данных о выработке в «модуль связи участника 7».</i> <i>Отправка данных о поставках в «модуль связи участника 7».</i> <i>Отправка данных о выработке и о поставках в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>
Котельные малой мощности и индивидуальные тепловые пункты	- Поставка тепловой энергии для застроек, жилых зданий, предприятий, расположенных в удалении от действующей схемы теплоснабжения - Передача тепловой энергии для транспортировки - Координация путей и сроков транспортировки тепловой энергии - Предоставление заказов на строительно-монтажные и ремонтные работы тепловых сетей и оборудования - Обеспечение заказами на поставку произведенного сырья и материалов - Обеспечение заказами на поставку оборудования и программного обеспечения - Заказы на оказание консалтинговых, расчетных и финансовых услуг - Внедрение фундаментальных и прикладных исследований	<i>Отправка данных о поставках до конечного потребителя в «модуль связи участника 8».</i> <i>Отправка данных о поставках до конечного потребителя в «модуль связи участника 9».</i> <i>Отправка данных о поставках в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>

Консалтинговые (аналитические) агентства	- Анализ текущей деятельности в организации (аудит различных видов документации – финансовой, кадровой, юридической и т.п.) - Разработка рекомендаций для повышения эффективности управленческой деятельности организаций - Предоставление консультационных услуг и поддержки ведения хозяйственной деятельности (правовой, финансовой, кадровой, юридической и т.п.)	<i>Отправка данных в «модуль связи участника 10».</i> <i>Отправка данных в «модуль связи участника 14».</i> <i>Отправка данных в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>
Образовательные организации и научно-исследовательские институты	- Подготовка и переподготовка кадров; - Организация и проведение фундаментальных и прикладных научных исследований	<i>Отправка данных о заключенных договорах в «модуль связи участника 11».</i> <i>Отправка данных в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>
Организации, оказывающие транспортные услуги	- Предоставление своевременных транспортных услуг по доставке потребителю сырья и материалов, комплектующих, оборудования и пр. - Заказы на оказание консалтинговых, расчетных и финансовых услуг	<i>Отправка данных в «модуль связи участника 13».</i> <i>Отправка данных в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>
Поставщики расчетных и финансовых услуг;	- Участие в формировании и ведение бухгалтерской и налоговой отчетности - Осуществление банковских операций (проверка счетов, обновление информации по счетам) - Заказы на оказание консалтинговых услуг	<i>Отправка данных в «модуль связи участника 15».</i> <i>Отправка данных в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>
Организации, транспортирующие тепловую энергию	- Транспортировка тепловой энергии потребителю - Диспетчеризация и установка параметров теплоносителя; - Планирование, организация и проведение текущих и капитальных ремонтов тепловых сетей и теплосетевой инфраструктуры, организация регулярного проведения регламентных работ по техническому обслуживанию тепловых сетей и оборудования	<i>Отправка данных в «модуль связи участника 16».</i> <i>Отправка данных в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>
Организации, оказывающие строительно-монтажные услуги	- Оказание ремонтных услуг: проведение текущих и капитальных ремонтов тепловых сетей и теплосетевой инфраструктуры - Прокладка трубопроводов и сетей теплоснабжения	<i>Отправка данных в «модуль связи участника 18».</i> <i>Отправка данных в «модуль Центрального ядра ЕТО».</i>

Систематизация материала о функциях потенциальных партнерах-участниках единой теплоснабжающей организации позволяет предложить функциональную схему процесса взаимодействия потенциальных участников объединения (рис. 3).

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно говорить о том, что применение такого объединения стратегических партнеров ЕТО в отрасли теплоснабжения позволит:

1. Участникам объединения опираться на свои возможности и осуществлять индивидуальную специализацию, усиливая тем самым общую систему организации.
2. Повысить эффективность функционирования организации за счет сосредоточения на выполнении определенных функций.
3. Сократить затраты на производство и транспортировку тепла потребителю.
4. Привлекать дополнительные инвестиции на развитие производственной и материальной базы, а также на внедрение инноваций.
5. Совершенствовать информационный поток между участниками.
6. Повысить качество предоставляемых услуг и способствует возможности обеспечения полного производственного цикла.

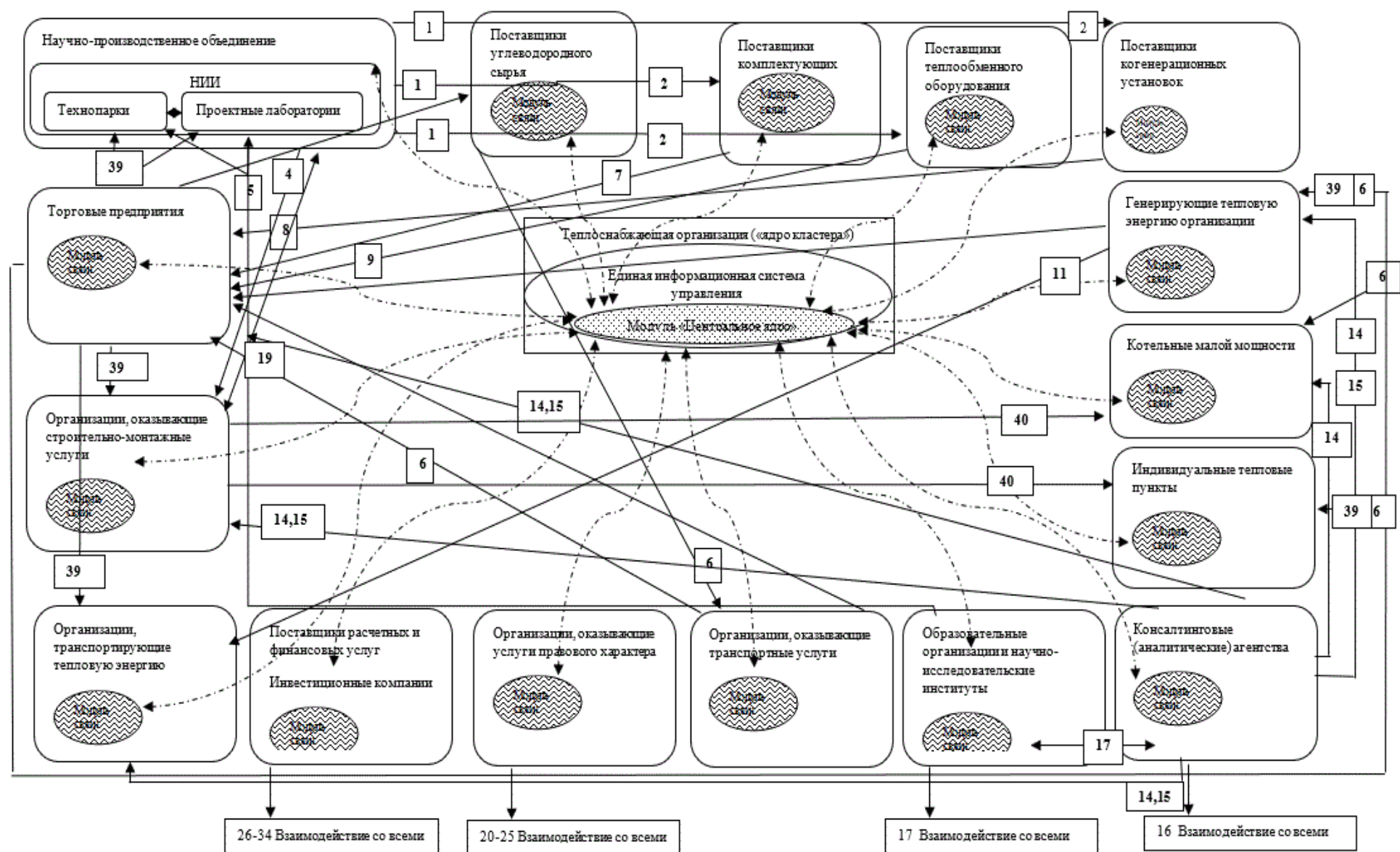

Рис. 3. Функциональная схема процесса взаимодействия потенциальных участников объединения

Стратегическое объединение позволит обобщить усилия участников для эффективного генерирования и транспортировки тепловой энергии, а также сформировать новые направления в отрасли: производство высокотехнологичного теплового оборудования, производство и внедрение инновационных технологий минимизации тепловых потерь [3], поддержания температурных режимов, выпуска измерительных датчиков и других инновационных приборов, осуществление образовательных и консультационных услуг.

Литература

1. Максимова Д.А. Современная система стратегического управления деятельности российских организаций топливно-энергетического комплекса РФ: государственные приоритеты и проблемные аспекты функционирования // Экономика и предпринимательство. № 12-3 (89). 2017. С. 51 – 55.
2. Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. Innovation Ecosystems vs. Innovation Systems in Terms of Collaboration and Co-creation of Value. Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences. 2017, pp. 5245-5254.
3. Верстина Н.Г., Евсеев Е.Г. Актуальные вопросы подготовки менеджмента теплоснабжающих организаций в условиях ориентации на новые управленческие механизмы // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 11-2. С. 51 – 58.

Fomenko Natalia Mikhailovna, Doctor of Economics, Professor, Department of Management and Innovation, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (26, Yaroslavl highway, Moscow, 129337, Russian Federation). E-mail: fnata77@mail.ru

Glazkova Valeria Viktorovna, Ph.D, Senior Lecturer, Department of Management and Innovation, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (26, Yaroslavl highway, Moscow, 129337, Russian Federation). E-mail: leram86@mail.ru

Maksimova Daria Anatolyevna, Lecturer, Department of Management and Innovation, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (26, Yaroslavl highway, Moscow, 129337, Russian Federation). E-mail: kosti4eva.daria@yandex.ru

FUNCTIONAL MODEL OF INTERACTION PROCESS OF PARTICIPANTS OF HEAT SUPPLY INNOVATION ASSOCIATION

Abstract

The article explains the need to create an innovative association with strategic partners of a single heat supply organization. The large degree of depreciation of fixed assets and the beginning process of decentralization of the heat supply industry determined the transformation of the industry. As a solution to this problem, the formation of a union of strategic partners is proposed, that will increase the efficiency of the industry in general and individual enterprises in particular.

Keywords: *innovation, unified heat supply organization, strategic partners, innovative association, digital management technologies, heat supply process support functions, economic stability, local thermal energy markets, operational resource.*

References

1. Maksimova D.A. Sovremennaya sistema strategicheskogo upravleniya deyatel'nosti rossijskih organizacij toplivno-energeticheskogo kompleksa RF: gosudarstvennye prioriteti i problemnye aspekty funkcionirovaniya // Ekonomika i predprinimatel'stvo. № 12-3 (89). 2017. P. 51 – 55.
2. Smorodinskaya N.V., Katukov D.D. Innovation Ecosystems vs. Innovation Systems in Terms of Collaboration and Cocreation of Value. Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences. 2017, pp. 5245-5254.
3. Verstina N.G., Evseev E.G. Aktual'nye voprosy podgotovki menedzhmenta teplosnabzhayushchih organizacij v usloviyah orientacii na novye upravlencheskie mekhanizmy // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. 2019. № 11-2. P. 51 – 58.

МОДЕЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

**Бабанов
Андрей
Борисович**

кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: babanov@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В статье изучается специфика модернизационных процессов в контексте задач реформирования российской социально-экономической модели. Рассматриваются теоретические подходы, используемые развитыми и развивающимися странами в рамках современных преобразований. Анализ проводится с учетом множества современных вызовов и необходимости сохранения исторической идентичности.

Ключевые слова: глобальная система, мировая экономика, модернизация, вестернизация, догоняющее развитие, идеология, современные научно-технологические тренды, глобализация, экономическая модернизация.

Потенциальное укрепление России, на мировой экономической арене сталкивается с глобальными вызовами, связанными с переходом на новые формы социально-экономического управления, базируемые на достижениях научно-технического прогресса, конструируемых на стыке перспективных научно-технологических трендов.

Догоняющая модель развития с попыткой воспроизводства институциональной Западной системы продемонстрировала пределы экономической модернизации в независимости от формы политического правления. Таким пределами выступают – анклавность развития, экономическая односторонность, социальная напряженность, потеря самобытности, культуры, имитация институционального каркаса т.д. Наука и история дает ответы на вопрос кого догонять, предлагает «образцы», но каждая страна выбирает самостоятельно инструментарий и понимание, в какую фазу модернизации мы хотим попасть, исходя из императивов обеспечения национальной безопасности [1-2; 4; 10]. Экономическая история предшествующих поколений в большинстве случаев показала невозможность перепрыгивания фаз исторического развития. Попытка такого рывка зачастую связана с большими факторными издержками, где самым крайне негативным вариантом является идеологическое обоснование и слепая вера в реалистичность поставленных целей. И здесь глобализация и модернизация выступают как антагонисты, ибо модернизировать значит догонять. Но при этом нельзя быть похожим, нужно быть уникальным, только тогда твоя капитализация повысится, и проект модернизировать можно считать успешным. Так, попытка модернизации социалистического государства, инкорпорируя западные образцы предпринимательской активности, демократических институтов, вкуче со стратегическими ошибками в итоге привели к исчезновению СССР с мировой карты [6]. Вместо СССР появились независимые государства, начавшие самостоятельные поиски модернизационных проектов, базисом которых явился «дикий капитализм» с перераспределением общественной собственности в пользу узкой прослойки населения. Так, «реформаторы» в начале 90-х годов, основывались на вере применимости теории в реальной экономической практики, и как правило не считались с ценой таких преобразований. Как отмечал Пригожин, «непосредственная экстраполяция прошлого опыта, неизбежно грозит застоєм и даже, через какое-то время катастрофой» [3, с. 75].

Выбранная в начале 90-х годов модель шокового реформирования привела к значительным структурным диспропорциям российской экономики и не позволила приблизиться к уровню жизни населения развитых стран. Остальные программы и стратегии развития российской экономики можно отнести к модели догоняющей модернизации, без самостоятельного конструирования будущего.

Радикальность преобразований без подготовительной работы вызывает непонимание широких слоев населения, возврат к архаичным формам хозяйствования, что приводит к демодернизации и даже феодализации. Так, сторонники неoinституционализма признают, что «в экономике существовали и существуют разные экономические системы, с разными отношениями собственности и разными способами экономического взаимодействия людей» [3, с. 101]. Современный мировой капитализм предлагает не только получение профита, но и приобретение определенных социально-экономических, политических, религиозных проблем. Попытка быстрой реализации западных институтов, следование международным рекомендациям, привели не только к вестернизации страны, но и значительному отторжению политики либерализма и ряда реформ. Перенос западных институтов, не означает реализацию догоняющего развития, так как неизвестна стадия, которую мы хотим догнать, да и западный мир не останавливается в своем развитии ни на минуту.

Т. Фридман в широко признанной книге «Лексус и Оливковое дерево. Культурная идентичность и глобальный процесс» рассматривал культурологические аспекты глобализации, которая состоит в том, что «общества раннего этапа развития по-разному приспосабливаются к глобализации. Если глобальный мир не способствует прорыву в него, происходит замыкание на своих задачах» [12, с. 17].

В данном ключе стоит вспомнить славянофилов (А. Шипов, Н.Я. Данилевский, А.Д. Нечволодов и Ю. Г. Жуковский), которые первыми в своих работах вскрыли механизм закрепощения России Западом, через проникновение иностранного капитала и завоевание им ведущих позиций. Главная цель иностранного капитала не развитие, а принуждение к отсталости. Отметим актуальность ряда высказываний и на сегодняшний день – «Внутренняя торговля – самый существенный источник благосостояния,...поэтому нужно развивать внутреннюю торговлю, оберегать русские рынки для собственной внутренней торговли, тогда как свободная торговля ведет к разорению России» [8]. Это не означает замкнутости или закрытости российского рынка, это призыв к продуманной экономической политики, с опорой на собственный рынок и национального производителя, национальная независимость на основе экономического суверенитета. На сегодня можно констатировать выпадение российской цивилизации из исторического процесса.

Прошедшие годы высоких нефтяных цен не были использованы для проведения масштабных преобразований, импортозамещению, трансформирования сложившихся диспропорций. На современном этапе социально-экономического развития актуальными стали демографические проблемы, и проблемы интеллектуальной эмиграции. Еще в 2008 году В.В. Путин отмечал необходимость развития человека как абсолютного национального приоритета, от которого зависит характер дальнейшего экономического роста и технологического развития России. «У нас нет другого выбора, другой альтернативы, если мы хотим обеспечить конкурентоспособность и востребованность нашего человеческого потенциала,... притока долгосрочных, так называемых «умных» инвестиций и передовых технологий» [9, с. 12].

Аналитики и эксперты все чаще отмечают, что в стране сложилась государственно-монополистическая система, характерная для докапиталистических обществ. Отсутствие экономических механизмов развития конкуренции внутри национальной экономики привело систему к неконкурентоспособности в глобальном масштабе.

Попытки в очередной раз совершить прыжок, догнать за короткий период лидеров, серьезным образом влияет на идеологию современных преобразований, где определенные архетипы управления входят в противоречие с желаемым модернизационным результатом. Получается, что неподготовленность, сыроватость реформ, идеологическая пустота, увязывается на аппарат управления индустриальной стадии, тогда как предполагаемые цели – постиндустриальные, информационные, цифровые.

Так, С. Хантингтон в своих работах анализировал три формы развития – вестернизация без модернизации, модернизация без вестернизации и догоняющее развитие, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы.

Попытка создания российского общества раннего капитализма в рамках логики глобальной системы по факту не способствовало эффективному встраиванию, что привело к череде международных конфликтов, взаимных обид, замыкании на собственных проектах. Идея дальнейшей интеграции в мировую экономику, должна адекватно дополняться конкретизацией

выбора модели, базируемой на эффективности национального развития, иначе модель дигитализма получит шанс на развитие. Стоит отметить, что Россия упустила временной промежуток, проведения догоняющей модернизации, как это сделали страны Юго-Восточной Азии. Естественно, что политическое решение о начале модернизационных преобразований должно напрямую коррелировать с экономическим состоянием экономики, отраслевым и субъектным анализом, международными трендами, при наличии реального (а не декларируемого) желания активизации инвестиционно-инновационной модели. Тем не менее, объективно необходима материализации новой модернизации развития экономики России, которая институализирована на сегодняшний момент в рамках двенадцати национальных проектов. Аутентичность переноса западных институтов в рамках адаптивных стратегий показала низкую эффективность, существенно снизила темпы и качество трансформаций, привела к росту влияния иннокультурных ценностей и стран-доноров на интеллектуальную и политическую элиту.

Современная же модель модернизации претерпевает серьезные, тектонические изменения, ориентированные на нелинейность развития, синергетические эффекты, прохождения точек бифуркации, нарастания конфликтности севера и юга (Дж. Несбит), столкновения цивилизаций (С. Хантингтон).

В научной литературе отмечается, что «универсалистские идеи сегодня находятся в постоянной конкуренции с контекстуалистскими. Универсальное разбивается, локализуется контекстами культур. Отсюда появляются такие оппозиции, как: коммунитаризм против либерализма, местная культура против общечеловеческой, локальное развитие вместо глобального, блага взамен свободы» [11, с. 56].

Процессы глобализации дали толчок развитию новых модернизационных теорий, где среди основных можно выделить транзитологию, считающая сложной задачу классической модернизации и туманной задачу постмодернизации. В своей основе транзитология ориентирована на достижение только двух параметров модернизации: демократизации и маркетинга.

В то же время складывающийся новый мировой институциональный порядок, постепенный отказ от «единственного арбитра», отмечен чертами многоукладности, несовершенства, экономического протекционизма, небывалого разрыва между богатыми и бедными, абсолютной уверенности ряда лидеров ведущих государств в собственной правоте принимаемых решений. Представление зарубежных классиков (Ю. Хабермас, Э. Гидденс, С. Лэш, У. Бек) о современной модели модернизации склоняется к незавершенности проекта модернизировать, где в то же время развивается новая реальность. Но и новая реальность, несмотря на достижения научно-технического прогресса, стала менее управляемым, буквально ускользая из рук.

«Воздействие некоторых факторов, призванных, как предполагалось, сделать нашу жизнь более определенной и предсказуемой, в том числе научно-технический прогресс, зачастую приводит к противоположному результату. Возникают факторы риска, с которыми еще никому и никогда не приходилось сталкиваться» [5, с. 19]. Глобализационное влияние корректирует национальные политические и экономические процессы, подталкивая к определенной последовательности шагов, как ответ на вызовы протекающих в логике глобальных социально-экономических и политических процессов. При этом необходимость модернизационных процессов только усиливается, где их отсутствие грозит потерей экономического суверенитета, а мировые экономические кризисы обозначаются как проявление глобализации в разрушительном аспекте. В то же время отрицательные последствия глобализации ощущают не только развивающиеся рынки, но и развитые государства, становясь подконтрольными, само воспроизводимым процессом.

Как показывает мировая практика, глобальные компании расставаться с перспективными технологиями не планируют, что лишний раз подчеркивает неразрывность интересов государства и международного бизнеса. Ярким примером являются предпринимаемые усилия американской администрации против китайских компаний в области владения и распоряжении объектами интеллектуальной собственности, программных средств, баз данных. Подобные решения подчеркивают патерналистское отношение к своим, национальным компаниям. З. Бауман в своей работе «Индивидуализированное общество» упоминает тезис, ставший лозунгом транснационального бизнеса – о глобальности стратегии и локальности действий.

Как показывают зарубежные и российские исследования, глобализация обеспечивает глобальное преимущество тем странам, которые первыми начали преобразования. Другими

словами, происходит фиксация постепенной глобальной победы капитала и технологий над национальными интересами.

Международная конкуренция, охватывая все регионы мира, идет между сотнями глобальных корпораций, обладающими мощнейшим финансовым, научно-техническим, кадровым и производственным потенциалом. Основная тенденция взаимодействия ТНК на мировом рынке это обмен готовой продукцией, где ведущие позиции занимают машины и оборудование, транспортные средства, офисное и телекоммуникационное оборудование. Доминируют в экспорте готовой продукции ТНК развитых стран, которые удерживают свое лидерство в острой конкурентной борьбе с компаниями из развивающихся стран. В развитых странах более половины объема финансов на фундаментальные и прикладные разработки выделяет частный сектор, тогда как в России ситуация обратная. Российский бизнес до сих пор слабо заинтересован в финансировании перспективных разработок вследствие повышенного риска потери инвестиций. В данной ситуации государству необходимо проявить инициативу по созданию условий, способствующих значительному снижению рисков, особенно на первоначальном этапе воплощения идеи в перспективный продукт, как в виде определенных гарантий, долевого участия, страховании рисков, выделении субсидий. Глобальные тренды (Дж. Несбит, Кастельс), предсказанные несколько десятилетий назад теоретически оформили переход к постиндустриальному и информационному обществу, активное использование сетевых информационно-экономических структур. Чертами нового порядка станут фактическое исчезновение суверенных национальных государств и переход к нерыночным экономическим отношениям.

Все большую актуальность приобретает идея о будущей технологической безопасности в стремительно ускоряющемся разрыве между технологически активными странами и остальным миром. Некоторые исследователи высказывают мнение о не восприимчивости экономики России к новым технологиям, а потому делается вывод – масштабное финансирование НИОКР не приведет к росту эффективности производства национальной экономики, но только к растрае бюджетных средств. Следовательно, необходимо усиление не инвестиционно-инновационной, а внедренческой составляющей институциональных преобразований. Отметим работы К. Перес и К. Фриман, подчеркивающие волнообразность инновационного развития, при этом отмечая, что каждая последующая волна делает предыдущую инфраструктуру неэффективной.

В заключение можно сделать следующие выводы: мировой капитал прежде всего озабочен извлечением прибыли, а не осуществлением модернизационных начинаний российского Правительства. Либеральная модель открытого рынка, реализованная в начале 90-х годов прошлого столетия в Российской Федерации, можно признать ошибочной, нанесшей серьезный урон национальной промышленности. Модернизационные преобразования носили всегда догоняющий, волновой характер, за которыми следовали контрреформы. Дальнейшая пролонгация словесной модернизации сводит к минимальным шансам возможность воспользоваться приближающейся новой волной научно-технологической революции, что окончательно может закрепить за Россией статус поставщика сырьевых ресурсов и интеллектуального капитала. Дальнейшее технологическое отставание уже сказывается на глобальном позиционировании Российской Федерации. Страна с архаичной структурой экономически, воспринимается ведущими странами как младший, зависимый партнер, которому можно корректно указывать на его роль в реализации глобального перестроения мирового порядка.

Литература

1. *Аверин А.В., Игнатова Т.В., Кюрджиев С.П., Шагошев Р.В.* Методология и институциональные рамки обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2019 № 7 (110). С. 128–131.
2. *Аверин А.В., Игнатова Т.В., Понедельков А.В., Голобородько А.Ю.* Национальная безопасность Российской Федерации в условиях введения санкций // *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление.* 2019 № 8 (111). С. 134–137.
3. *Бузгалин А.В., Колганов А.И.* Экономическое развитие как смена качественно разных систем социально-экономических отношений: к критике «панинституционализма» и «идеационного» подхода // *Вопросы экономики.* 2019. № 10. С. 99–114.
4. *Белых А.А., Мау В.А.* Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX – начала XX в // *Вопросы экономики.* 2020. № 1. С. 18 – 46.

5. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Пер. с англ. — М.: Издательство «Весь Мир», 2004. 120 с.
6. Григорьев Л.М., Макарова Е. А. Норма накопления и экономический рост: сдвиги после Великой рецессии // Вопросы экономики. 2019. № 12. С. 24 – 46.
7. Дерябина М.А. Теоретические и методологические основания самоорганизации социально-экономических систем // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 73 – 94.
8. Платонов О.А. Экономика русской цивилизации. М. Антонов. На защиту национального хозяйственного строя. Экономическое учение славянофилов. М: Институт русской цивилизации, 2008.
9. Путин В.В. О стратегии развития России до 2020 года. Выступление на расширенном заседании Государственного Совета. М.: Изд-во Европа, 2008.
10. Найденова Ю.Н., Леонтьева В.В. Влияние неопределенности экономической политики на инвестиции российских компаний // Вопросы экономики. 2020. № 2. С. 141 – 159.
11. Модернизация и глобализация: образы России в XX веке. М., 2002. 208 с.
12. Фридман Т. Lexus и олива. Понимая глобализацию: Пер. с англ. СПб.: ИД «ВЕСЬ», 2003. 448 с.

Babanov Andrey Borisovich, candidate of economic Sciences, associate Professor of the Department of international economic relations, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: babanov@uriu.ranepa.ru

MODEL OF RUSSIAN ECONOMY MODERNIZATION WITHIN THE CONTEXT OF GLOBAL CHALLENGES

Abstract

The article examines the specifics of modernization processes in the context of the tasks of reforming the Russian socio-economic model. Theoretical approaches used by developed and developing countries in the framework of modern transformations are considered. The analysis is carried out taking into account many modern challenges and the need to preserve historical identity.

Keywords: *global system, world economy, modernization, westernization, catch-up development, ideology, modern scientific and technological trends, globalization, economic modernization*

References

1. Averin A.V., Ignatova T.V., Kyurdzhiev S.P., SHkhagoshev R.V. Metodologiya i institucional'nye ramki obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019 № 7 (110). P. 128–131.
2. Averin A.V., Ignatova T.V., Ponedelkov A.V., Goloborod'ko A.YU. Nacional'naya bezopasnost' Rossijskoj Federacii v usloviyah vvedeniya sankcij // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2019 № 8 (111). P. 134–137.
3. Buzgalin A.V., Kolganov A.I. Ekonomicheskoe razvitie kak smena kachestvenno raznyh sistem social'no-ekonomicheskikh otnoshenij: k kritike «paninstitucionalizma» i «ideacionnogo» podhoda // Voprosy ekonomiki. 2019. № 10. P. 99–114.
4. Belyh A.A., May V.A. Ekonomicheskie reformy v Rossii: voprosy teorii i praktika XIX – nachala XX v // Voprosy ekonomiki. 2020. № 1. P. 18 – 46.
5. Giddens E. Uskol'zayushchij mir: kak globalizaciya menyaet nashu zhizn' / Per. s angl. — М.: Izdatel'stvo «Ves' Mir», 2004. 120 p.
6. Grigor'ev L.M., Makarova E. A. Norma nakopleniya i ekonomicheskij rost: sdvigi posle Velikoj recessii // Voprosy ekonomiki. 2019. № 12. P. 24 – 46.
7. Deryabina M.A. Teoreticheskie i metodologicheskie osnovaniya samoorganizacii social'no-ekonomicheskikh sistem // Voprosy ekonomiki. 2019. № 7. P. 73 – 94.
8. Platonov O.A. Ekonomika russkoj civilizacii. M. Antonov. Na zashchitu nacional'nogo hozyajstvennogo stroya. Ekonomicheskoe uchenie slavyanofilov. M: Institut russkoj civilizacii, 2008.
9. Putin V.V. O strategii razvitiya Rossii do 2020 goda. Vystuplenie na rasshirennom zasedanii Gosudarstvennogo Soveta. М.: Izd-vo Evropa, 2008.
10. Najdenova YU.N., Leont'eva V.V. Vliyanie neopredelennosti ekonomicheskoy politiki na investicii rossijskikh kompanij // Voprosy ekonomiki. 2020. № 2. P. 141 – 159.
11. Modernizaciya i globalizaciya: obrazy Rossii v HKH veke. М., 2002. 208 p.
12. Fridman T. Lexus i oliva. Ponimaya globalizaciyu: Per. s angl. SPb.: ID «VES'», 2003. 448 p.

ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В ПОСТПАНДЕМИЙНЫЙ ПЕРИОД В РАМКАХ РАЗНОСРОЧНЫХ СЦЕНАРИЕВ

Волков Геннадий Юрьевич кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: gwolkow061@rambler.ru

Аннотация

В статье анализируются проблемы восстановления мировой экономики в современных условиях. Рассматриваются основные природно-экономические, финансовые и другие факторы, определяющие развитие российской экономики в период преодоления последствий пандемии, вызванной коронавирусом инфекцией.

Ключевые слова: *российская экономика, мировая экономика, ВВП, процесс восстановления, внешняя задолженность, инвестиционная активность, потребительская активность, торгово-экономические санкции, процесс ослабления рубля.*

События в мировой экономике на протяжении 2020 года явились отражением целого ряда факторов экзогенного характера, среди которых лидирующие позиции занимают антироссийские торгово-экономические санкции, события на территории США и максимальные ограничения, введение которых обусловила пандемия, вызванная COVID-19.

Для большинства аналитиков максимально значимым является вопрос, в рамках каких схем будет развиваться мировая экономика в кратко- и среднесрочной перспективе. Попытка создания компьютерно-математических моделей экономико-политического развития человеческой цивилизации позволяет выделить ряд сценариев, определяющие характеристики которых начинаются от самых оптимистичных до наиболее негативных.

Одновременно необходимо особо подчеркнуть тот факт, что на фоне быстро развивающейся пандемии и ответных мер экономическое прогнозирование стало трудноосуществимым. Например, Организация экономического сотрудничества и развития отменила свой мартовский выпуск прогнозных индексов развития экономик [1, с. 157–198].

Для российского государства, находящегося под постоянно углубляющимся санкционным давлением с одной стороны, и хронической зависимостью экономики от спроса на мировом рынке сырья, с другой, проблематика перспективного развития представляет особую актуальность. Это объясняется, прежде всего, падением спроса на российские топливно-сырьевые позиции, вследствие сокращения объемов производственного потребления в условиях карантинно-профилактических мер и высоким риском введения новых ограничительных мер в условиях роста заболеваемости, вызванной COVID-19.

Согласно опубликованным данным агентства Bloomberg, ближайшие два года, пандемия COVID-19 лишит мировую экономику \$5,5 трлн.¹

Несмотря на тот факт, что согласно прогнозу, спад будет недолгим, как минимум до конца 2022 года, даже при условии сохранения беспрецедентного уровня монетарных и фискальных стимулов, ВВП вряд ли вернется к своему докризисному тренду.

Одновременно группа экспертов Института международных финансов (IIF) пришла к выводу, что в 2019 году размер общемирового долга вырос более чем на \$10 трлн и достиг рекордного уровня – \$255 трлн. Таким образом, этот показатель фактически эквивалентен 322% глобального ВВП².

Необходимо отметить, что проблема роста внешней долговой зависимости особенно актуальна для российского государства, которое вынуждено расширять объемы внешних и внутренних заимствований для компенсации экономико-социальных потерь, вызванных карантинными ограничениями, поддержания российской экономики на должном уровне при одновременном покрытии федерального бюджета. При принятии данного решения определяющим

¹ <https://www.rbc.ru/economics/09/04/2020/5e8ec97f9a79478537a44e47>

² Там же.

фактором явилось изначальное преобладание в структуре госдолга внутренних заимствований, при одновременной оценке объемов внешней задолженности на уровне 5,3 трлн рублей

В частности, по отчетам аналитиков Центробанка РФ по состоянию на 1.01.2020 года размер внешнего долга РФ составил \$490,8 млрд (по итогам 2019 года сумма долга увеличилась на \$35,8 млрд). Главной причиной динамических изменений аналитики считают явную отрицательную переоценку, обусловленную поступательным процессом ослабления рубля¹.

Специалисты считают, что объем госдолга в 2021 году достигнет 20,3% ВВП, в 2022 году - 20,8% ВВП, а к концу 2023 г. увеличится до 21,3% ВВП, или до 28,3 трлн руб. Расходы по его обслуживанию возрастут с 900 млрд руб. в 2020 году до суммы свыше 1,6 трлн руб. в 2023 году².

Согласно опубликованному отчету Счетной палаты, по итогам 2020 года объем привлечения внутренних госзаимствований для покрытия дефицита федерального бюджета, который согласно прогнозу, может достичь 5% ВВП (что в стоимостном выражении составит примерно 5 трлн руб.) и будет оцениваться в 4,1 трлн руб., достигнув максимальной отметки за 15 лет.

Помимо проблемы внешней задолженности, резко обостряется проблема сохранения сложившейся системы МРТ. Данные, опубликованные в докладе Международного торгового центра (МТЦ), говорят о том, что в 2020 году из-за глобального сбоя производственно-сбытовых цепочек в США, ЕС и Китая в связи с пандемией COVID-19 мировая экономика потеряла по меньшей мере 126 миллиардов долларов³.

Данные, содержащиеся в докладе, позволяют говорить о том, что, хотя остановка производственных циклов имели место в большинстве стран, наибольшее воздействие на торговлю оказали именно остановка производства в Китае, ЕС и США, на которые в совокупности приходится 63% мирового импорта и 64% экспорта производственно-сбытовых цепочек.

Пандемия, обусловленная влиянием COVID-19, спровоцировала резкое изменение отношений между Китаем, с одной стороны, и ЕС и США с другой. Суть изменений заключается в стремлении представителей крупнейших европейских и американских ТНК к выводу производственных цепочек, ранее вынесенных на территорию КНР, в национальные регионы.

Причиной такой реверсивной тенденции специалисты видят в возросшей степени уязвимости производственных цепочек, функционирование которых было существенно нарушено (или вообще разорвано) в результате активного использования политики карантинных ограничений. Перебои в работе цепочек объективно спровоцировали необходимость ускоренного поиска альтернативных поставщиков, прежде всего в фармакологическом сегменте и производстве медицинского оборудования.

Согласно прогнозным оценкам аналитиков Bank of America, вывод производственных мощностей из Китая на протяжении последующих 5 лет американским и европейским компаниям обойдется как минимум в триллион долларов.

В частности, в представленном отчете банка было отмечено, что с перебоями в цепочке поставок из-за коронавируса столкнулись более 80% глобальных секторов, а более 75% из них расширяют планы возвращения производства из-за рубежа⁴.

Анализ данной тенденции позволил большинству экспертов сделать вывод о том, что фактически наступил конец «эры глобализации», на смену которой приходит ярко выраженный поворот в сторону процессов локализации. В качестве решающей причины такого разворота специалисты выделяют активную фазу противостояния между США и КНР, когда с 2018 года фактически была начата торговая война между двумя державами. Поскольку ЕС находится в жесткой политической зависимости от США, фактически оказавшись неспособным на структурирование собственного курса, поддержка противостояния необратимо спровоцировала начало распада глобальной системы на политико-экономические блоки.

Одновременно аналитики особо выделяют тот факт, что уровень конкурентоспособности большинства американских и европейских ТНК был достигнут благодаря экономии на оплате труда, системе налоговых льгот и дешевых факторах производства. При возвращении производственных процессов на национальную территорию уровень конкурентоспособности резко снизится, а в некоторых сегментах может упасть до критических отметок.

¹ <https://www.rbc.ru/economics/13/04/2020/>

² Там же.

³ <https://ria.ru/20200622/1573320326.html>

⁴ <https://expert.ru/2020/08/21/proschaj-kitaji/>

Данное обстоятельство с новой силой актуализирует проблематику использования системы мер господдержки и госгарантий. Даже самый поверхностный анализ позволяет говорить о том, что практически у всех стран в пакете мер присутствует значительный объем госгарантий. Кроме того, большинство центральных банков снизили свои ключевые ставки и расширили программы ликвидности для коммерческих банков [2, с. 357].

Для России анализ последствия процессов торможения темпов экономического развития также представляет актуальность, особенно в разнорочной перспективе. По итогам расчетов, выполненных экспертами Российской академии народного хозяйства и госслужбы (РАНХиГС), во II квартале российский ВВП упал на 7,5% к уровню прошлого года (для сравнения: в I квартале снижение не превышало 0,5%). Особенно сильно пострадали семь секторов: оптовая и розничная торговля, транспорт, строительная отрасль, АПК, обрабатывающая промышленность и сфера услуг¹.

Оценка РАНХиГС оказалась оптимистичнее оценки Росстата, по данным которого ВВП во втором квартале сократился на 8% по сравнению с таким же периодом 2019 г. Согласно данным, опубликованным Росстатом, потери российской экономики от коронавирусной пандемии оцениваются минимум в 3,7 триллиона рублей, при этом показатель «прибыль минус общий убыток» составил 4,3 триллиона рублей². Аналитики пришли к выводам, что больше всего прибыльных фирм и организаций оказалось в отрасли трубопроводного транспорта (87,9%), меньше всего – в сфере железнодорожной логистики (21,4%).

Традиционно в качестве отправных моделей учитываются те, которые были разработаны на перспективу экспертами Банка России. Представленные прогнозы максимально учитывают определяющие риски, прежде всего экзогенного характера, для последующей разработки комплекса мер по их минимизации.

Однако у разработанного сценария имеется принципиальное отличие от предшествующих. Главной его особенностью можно считать исключение цены на нефть в качестве базисной предпосылки моделирования альтернативных вариантов развития. В рамках нового подхода показатели объемов нефтедобычи и прогнозные цены мирового нефтяного рынка включены в качестве одного из элементов в совокупность эпидемиологических рисков, изменений бюджетной консолидации, реальной скорости и времени восстановления оптимального уровня потребительского спроса и показателей инвестиционной активности.

Причиной перехода к новой прогнозно-расчетной методике можно считать объективную недооценку глубины последствий карантинно-профилактических ограничений, временной фактор и реальный объем совокупных потерь. На глобальном рынке имел место обвал показателей как совокупного спроса, так и совокупного предложения. Ситуацию усугубили фактор неопределенности применительно к любой прогнозной деятельности в условиях пандемического кризиса и фактическое отсутствие медикаментов, способных максимально снизить риск заболеваемости.

Используя методику компьютерно-математического моделирования, особое внимание было уделено вероятностным изменениям поведенческой потребительской и инвестиционной моделей [5, с. 35]. Именно риски неопределенности в данном секторе и вызывают особое опасение аналитиков, поскольку даже в рамках самого оптимистического сценария тренд на снижение неизбежен. В условиях снижения темпов развития экономики ключевые игроки будут стремительно переходить в режим строгой экономии, что будет отражаться на всех сферах мирового производственно-финансового комплекса.

За отправную точку базисного сценария был взят уровень спада показателей российского ВВП по состоянию на 2020 год, составляющий в среднем 4,5-5%. В рамках оптимистичного прогноза, учитывающего поэтапную реализацию основных направлений реализации единой государственной денежно-кредитной политики на протяжении 2021–2023 гг., возможность выхода на показатели докризисного периода проявится уже к концу 2022 г.

С другой стороны, наиболее пессимистичный сценарий предполагает существенно более долгий восстановительный период, который, согласно расчетам, может начаться не раньше конца 2024 г.

При разработке сценария специалисты стремились максимально учитывать важнейшие законы рыночной модели с соответствующей поправкой на реалии постиндустриального

¹ <https://sib.fm/news/2020/09/12/podschitany-poteri-rossijskoj-ekonomiki-ot-koronavirusa>

² <https://sib.fm/news/2020/09/12>

производственного процесса и глобальной трансформации. Согласно внутренним тенденциям рыночной экономики, в качестве драйвера выступит процесс восстановления потребительского спроса в условиях поэтапного снятия карантинно-профилактических мер и ограничений.

Для российской экономической модели такой подход представляет существенную значимость в силу специфики экономической модели – сохранения дисбаланса между сектором производства товаров и оказания услуг в сторону производственной деятельности. Тот факт, что наиболее уязвимым к введенным ограничениям оказался сектор услуг, в отношении которого и был введен максимальный набор ограничительных мер, позволил минимизировать негативные последствия пандемии для производственной сферы.

Учитывая данный факт, эксперты высказывают предположение относительно того, что уже по итогам 2021 г. можно ожидать реального восстановления поступательного роста российского ВВП примерно на 3,5-4,5%, с последующим сохранением этих показателей в краткосрочной перспективе. При этом, принимая в качестве отправного показателя уровень инфляции по итогам 2020 года на уровне 3,7-4,2%, высказывается осторожное предположение относительно того, что по итогам следующего, 2021 года, показатель роста потребительских цен может опуститься ниже отметки таргета примерно на 3,5 – 4,1%.

В качестве особой проблемы рядом экспертов выделяются прогнозные оценки показателя средневзвешенной цены мирового нефтяного рынка Urals на конец 2020 года, которая может составить примерно \$38 за баррель. Темп роста цены аналитики оценивают, как относительно низкий, и прогнозируют увеличение не более, чем до \$40 за баррель в 2021 году и \$45 за баррель в 2022 году. В среднесрочной перспективе прогнозируется дальнейший незначительный рост, обусловленный восстановлением производственных мощностей и ростом спроса в постпандемийный период. Принимая во внимание сохранение уровня воздействия экзогенных факторов и реалии развития российской экономики в рамках политики импортозамещения, аналитики выделяют вышеупомянутую перспективу в качестве базисного сценария развития для российской экономики.

Относительно медленные темпы создания действенных препаратов для борьбы с COVID-19, скорость мутации вируса и его адаптация к применяемым препаратам, позволяют говорить о возможности реализации другого сценария, основу которого составляет более медленные темпы восстановления потребительского спроса. На скорость восстановления решающее воздействие будут оказывать сохранение карантинных ограничений и темпы расширения пандемии в условиях поспешной отмены введенных ограничительных мер [6, с. 27].

При таком развитии спрос сырьевого рынка либо останется на настоящем низком уровне, либо продолжит падение. Неизбежным следствием этого станет продление соглашения стран ОПЕК+ о сокращении нефтедобычи, что, в свою очередь, обусловит дальнейшее снижение спроса. Показатель цены в данном случае не превысит отметки до \$35 за баррель вплоть до середины 2023 г., когда не исключен некоторый рост, который прогнозируется на уровне не выше \$48–\$50 за баррель.

При реализации данной модели российская экономика будет восстанавливаться достаточно медленно, что не позволит вернуться показателям потребительской активности к допандемийному уровню. Более того, сохраниться тенденция к сохранению ужесточению режима строгой экономии в условиях реального падения уровня доходов.

Особую тревогу в рамках реализации данного сценария вызывает крайне высокая вероятность снижения бизнес-активности при реализации любых инвестиционных проектов и «замораживание» на неопределенный срок проектов, находящихся на различной стадии реализации в силу сохранения высокого уровня общей политико-экономической неопределенности и усиления воздействия экзогенных рисков.

Учитывая уже отмеченные показатели спада в 4,5–5,5% по итогам 2020 г., показатель восстановительного роста национального ВВП в 2021 г. не превысит отметки в 1,5% (по самым оптимистичным прогнозам, максимум 2,5%). Небольшое ускорение возможно не раньше конца 2022 г., однако в рамках самого позитивного прогноза, этот показатель не превысит отметки в 3%. Иными словами, процесс восстановления до уровня показателей докризисного периода может ожидаться не раньше, чем через 3 года.

Третий сценарий исходит из предпосылки, что выделяемые объемы поддержки российской экономики используемыми мерами бюджетной политики, объективно начнут постепенно

снижаться, достигнув по итогам 2023 г. уровня расходов, полностью соответствующему параметрам бюджетного правила. Кроме того, необходимо одновременно предусмотреть снижение ключевой ставки до 5,5%, смягчение условий кредитования для торговых предприятий и другие меры [3, с. 107]. При этом данный сценарий рассматривается в качестве крайне негативно-го, поскольку потенциал российской экономики достигнет максимально низких показателей за минимально короткий срок.

В качестве позитивной составляющей принимается допущение о снижении темпов распространения эпидемии COVID-19 и совокупных эпидемиологических рисков. Цена на сырую нефть в рамках данного сценария должна остановиться на отметке в \$35 за баррель на конец 2021 года и поднимется до отметки в \$42 – \$43 за баррель не раньше конца 2023 г.

Особую проблему составит уровень инфляции. Для того, чтобы суметь зафиксировать и удержать его на уровне в 3,8-4%, ЦБ объективно придётся использовать инструменты жесткой политики, что позволит искусственно сдерживать заданный уровень не только потребительской, но и инвестиционной активности. Возврат к политике нейтралитета возможен не раньше конца 2023 года, при условии достижения намеченных результатов. Вполне понятно, что при реализации данного сценария темпы восстановления российской экономики будут крайне низкими, и по итогам 2022 года не превысят отметки в 1,5% (максимум 2,5%).

В рамках максимально пессимистичной модели специалисты исходят из того, что восстановление спроса может быть охарактеризовано как крайне слабое, при этом общее падение потенциала российской экономики будет оцениваться как максимальное. Поводом для такого прогноза является допущение крайне высокой вероятности глобального кредитного кризиса, спровоцированного «критической массой» госдолга ряда развитых стран [7, с. 27].

Вторым фактором, вызывающим максимальные опасения, выступает поступательный рост рисков геополитического характера, способных максимально дестабилизировать мировую экономику и обострить напряженность между ведущими странами вплоть до военного столкновения.

Третьим фактором выступает допущение о крайне высокой вероятности второй волны ограничений карантинно-профилактического характера, способных фактически уничтожить субъектов бизнеса, переживших первую волну.

Соответственно цена сырой нефти может обрушиться до уровня \$25 за баррель, восстановление будет проходить крайне медленно, и только к концу 2023 года может приблизиться к отметке в \$35 за баррель.

В качестве доминирующих негативных факторов, оказывающих деструктивное воздействие на процесс восстановления российской экономики, будут выступать факторы максимальной неопределенности и падения потребительской активности. При таком подходе, показатель роста национального ВВП не превысит отметки в 0,9% – 1%. Темпы роста будут крайне низкими и на конец 2023 г. не смогут преодолеть отметку в 2% (по самым оптимистичным оценкам – 2,5%). Особое внимание необходимо уделить проблематике реализации мер по стабилизации инфляции. Согласно прогнозным расчетам, относительная стабилизация инфляции на целевом уровне может быть достигнута не ранее конца 2023 – начала 2024 гг.

Отмеченные сценарии носят достаточно высокий вероятностный характер, однако не предполагают однозначной трактовки, поскольку при любом развитии событий определяющим останется фактор неопределенности в ситуации, когда помимо деструктивных факторов, связанных с пандемией, РФ придётся столкнуться с процессом расширения и усиления санкционного давления, а также ростом геополитической нестабильности.

Серьезную озабоченность специалистов вызывает скорость климатических изменений, вызванных процессами глобального потепления, оказывающих решающее воздействие на неизбежную трансформацию сложившейся агропромышленной модели.

В отличие от других стран, РФ смогла выйти из первой волны карантинных ограничений с меньшими потерями в силу неординарности экономической модели, которая практически не изменилась на протяжении переходного периода.

Специфичность структуры российской экономики проявляется в незначительной доле малого и среднего бизнеса, сохранении топливно-сырьевой ориентации экспорта и недостаточным объемом альтернативных товарных позиций, низким уровнем показателей производительности труда, конкуренции в условиях поступательного углубления монополизации.

При этом именно благодаря своевременно организованным мерам господдержки удалось смягчить негативное воздействие кризисного влияния.

Сохранение государства в качестве крупного собственника российской экономики позволило использовать принудительно-регламентирующие меры по контролю над развитием экономики. Речь идет о жестких требованиях государства к представителям крупного бизнеса по сохранению рабочих мест и выплаты зарплаты работникам, в качестве превентивной меры по сохранению необходимого уровня социальной стабильности. Однако одновременно в качестве поощрительных мер использовалась политика выделения финансовой господдержки, налоговых льгот, реструктуризация имеющихся долгов, целевые социальные выплаты и т.п., что не имело место ни в одной стране мира.

Однако, несмотря на относительную эффективность вышеуказанных мер, объемы господдержки начнут сокращаться в силу целого ряда обстоятельств, и, прежде всего, в силу необходимости наращивания объемов финансирования программы госвооружений. Рост угрозы военного конфликта, спровоцированного политикой США и НАТО, трансформируется в определяющий экзогенный фактор развития российской экономики. Следовательно, сохранение политики господдержки российского бизнеса в длительной перспективе представляется крайне маловероятным.

Кроме того, сохраняет свою актуальность и вся совокупность структурных ограничений и экзогенные риски, которые имели место в допандемийный период [8. С. 70]. Что касается предложенных сценариев развития, то в рамках наиболее пессимистического сценария, вторая волна заболеваемости в рамках распространения пандемии, вызванной COVID-19, продолжит оказывать разрушительное воздействие на субъектов малого и среднего бизнеса, а также обусловит дальнейшее падение мирового спроса на объемы российского топливно-сырьевой экспорта [9, с. 549].

Пандемия только на некоторое время отодвинула их на второй план, однако уже в краткосрочной перспективе они неизбежно проявятся с новой силой. Именно по этой причине, для перехода российской экономики в стадию роста с поступательным увеличением необходимых показателей объективно необходимы проведение радикальных структурных реформ, активное привлечение отечественных инвестиций, ускоренная модернизация реального сектора и одновременная адаптация аграрного сегмента к необратимым климатическим изменениям.

Литература

1. *Есин П.А.* Сценарий развития мирового рынка в условиях коронавирусного кризиса // Известия высших учебных заведений. Прикладная нелинейная динамика. 2020. № 28 (2). С. 158–167.
2. *Александрова В. А.* Влияние мер по борьбе с COVID-19 на мировую экономику // E-SCIO. 2020. № 4 (43). С. 353–360.
3. *Смирнов Е.Н.* Негативное воздействие пандемии коронавируса на процессы экономической глобализации // Актуальные вопросы современной экономики. 2020. № 6. С. 548–556.
4. *Волков Г.Ю.* Приоритетная роль экзогенного фактора при определении вектора внешнеэкономического развития внешнеэкономической деятельности национального государства в условиях глобализации // Социально-экономическое развитие в эпоху глобальных перемен. Т. 2. М.-Тверь: Тверской государственный университет, 2020. С. 217–224.
5. *Удалов Д.В.* Цифровая трансформация социально-экономического пространства // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 3 (82). С. 33–36.
6. *Бобылева А.З., Аньшин В.М., Птицын А.В.* Новые вызовы: сравнительный анализ международных реактивных антикризисных мер в связи с пандемией COVID-19 // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 81. С. 24–48.
7. *Тетерина Д.Ю.* Денежно-кредитная политика центральных банков мира и России в период пандемии коронавируса // Наука через призму времени. 2020. № 5 (38). С. 105–109.
8. *Андрюшин С.А.* Денежно-кредитная политика центральных банков в условиях и после COVID-19 // Актуальные проблемы экономики и права. 2020. № Т. 14. № 2. С. 223–234.
9. *Кириллов В.Н., Смирнов Е.Н.* Траектория устойчивого роста или очередная разбалансировка механизмов мировой экономики // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 5. С. 64–90.

Volkov Gennady Yurievich, PhD (Econ.), Associate Professor of the International Economic Relations Department, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: gwolkow061@rambler.ru

PROSPECTS FOR GLOBAL ECONOMIC RECOVERY IN THE POST-PANDEMIC PERIOD UNDER MULTI-TERM SCENARIOS

Abstract

The article analyzes the problems of global economic recovery in modern conditions. The main natural-economic, financial and other factors that determine the development of the Russian economy during the period of overcoming the consequences of the pandemic caused by coronavirus infection are considered.

Keywords: Russian economy, world economy, recovery process, external debt, investment activity, consumer activity, trade and economic sanctions, ruble weakening process.

References

1. Esin P.A. Scenarij razvitiya mirovogo rynka v usloviyah koronavirusnogo krizisa // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Prikladnaya nelinejnaya dinamika. 2020. № 28 (2). P. 158–167.
2. Aleksandrova V. A. Vliyanie mer po bor'be s COVID-19 na mirovuyu ekonomiku // E-SCIO. 2020. № 4 (43). P. 353–360.
3. Smirnov E.N. Negativnoe vozdejstvie pandemii koronavirusa na processy ekonomicheskoy globalizacii // Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki. 2020. № 6. P. 548–556.
4. Volkov G.YU. Prioritetnaya rol' ekzogenogo faktora pri opredelenii vektora vneshneekonomicheskogo razvitiya vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti nacional'nogo gosudarstva v usloviyah globalizacii // Social'no-ekonomicheskoe razvitie v epohu global'nyh peremen. T. 2. M.-Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2020. P. 217–224.
5. Udalov D.V. Cifrovaya transformaciya social'no-ekonomicheskogo prostranstva // Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta. 2020. № 3 (82). P. 33–36.
6. Bobyleva A.Z., An'shin V.M., Pticyan A.V. Novye vyzovy: sravnitel'nyj analiz mezhdunarodnyh reaktivnyh anti-krizisnyh mer v svyazi s pandemiej COVID-19 // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2020. № 81. P. 24–48.
7. Teterina D.YU. Denezhno-kreditnaya politika central'nyh bankov mira i Rossii v period pandemii koronavirusa // Nauka cherez prizmu vremeni. 2020. № 5 (38). P. 105–109.
8. Andryushin S.A. Denezhno-kreditnaya politika central'nyh bankov v usloviyah i posle COVID-19 // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. 2020. № T. 14. № 2. P. 223–234.
9. Kirillov V.N., Smirnov E.N. Traektoriya ustojchivogo rosta ili ocherednaya razbalansirovka mekhanizmov mirovoj ekonomiki // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2019. № 5. P. 64–90.

УДК 330.342.2

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-109-115

О СОДЕРЖАНИИ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В СФЕРЕ ЭЛЕКТРОННОГО БАНКИНГА: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Ипатова	кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории,
Анна	Южный федеральный университет (344006, Россия,
Владимировна	г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88). E-mail: ipatova_a_v@mail.ru
Кобелева	студент, бакалавриат, направление «Экономика»,
Диана	Южный федеральный университет (344006, Россия,
Андреевна	г. Ростов-на-Дону, ул. Горького, 88). E-mail: kobeleva.diana14@yandex.ru

Аннотация

Статья актуализирует необходимость рассмотрения влияния институциональных факторов на формирование цифровой экономики в Российской Федерации. Основной акцент сделан на взаимосвязи происходящих изменений, сопровождающих трансформацию бизнес-процессов и роли государства, позволяющего нивелировать негативные условия глобальных изменений. На примере электронного банкинга проиллюстрировано наличие позитивных и негативных тенденций, способствующих направленности государственной экономической политики на использование модели «институционального проектирования».

Ключевые слова: институциональное проектирование, электронный банкинг, цифровая трансформация, банковское обслуживание, банковские процессы, бесконтактные платежи, блокчейн технологии, бизнес-модели, взаимодействие с потребителями.

Актуальность темы. Построение цифрового банковского института неизбежно требует оптимизации банковских процессов, новой организационной культуры, эффективных ИТ-решений, способных быстро адаптироваться к высокой скорости внедрения новых продуктов. Поэтому современные процессы цифровой трансформации системы финансовых институтов, направлены на формирование качественного изменения во взаимодействии между банками и их клиентами, а также на необходимость новых форм взаимодействия с потребителями. В частности, это связано с усилением конкуренции в сфере банковского обслуживания, ростом применения мировых технологических систем, развитием цифровизации, изменением формата потребления.

Цифровизация требует усовершенствования имеющихся бизнес-моделей банков, находящихся в процессе трансформации. Кроме того, этот процесс приводит к ускоренному развитию мобильных и бесконтактных платежей, широкому использованию блокчейн технологий, цифровых валют и пр.

Персонализация предложения, гибкость, мобильность являются основными элементами концепции цифрового банка. Более того, в новых условиях для создания функциональной, эффективной системы обслуживания клиентов, позволяющей использовать возможность самообслуживания клиентов дистанционно, недостаточно использования традиционных методов оказания банковских услуг. Необходимо создание и использование современных цифровых продуктов, телекоммуникационных технологий, составляющих основу электронного банкинга. Все вышеперечисленные факты предопределяют актуальность настоящей статьи.

Цифровая трансформация и роль институциональных факторов

В настоящее время использование цифровых технологий является неотъемлемым элементом деятельности любого экономического субъекта, дает ему конкурентные преимущества. В научной литературе широко изучается ускоренное внедрение технологий цифровизации и рассматриваются возможные последствия этого процесса. Такие отечественные ученые, как Авдеева И.Л., Полянин А.В., Головина Т.А., Гохберг Л.М., Игнатова Т.В., Черкасова Т.П. и др., исследуют влияние цифровизации на экономику [1-3].

Цифровая экономика имеет ряд преимуществ, но в то же время имеет проблемы, связанные с ее внедрением. Для применения цифровых технологий необходимо усовершенствовать государственно-правовое регулирование, модифицировать традиционную систему управления экономикой, оказывать помощь экономическим субъектам в освоении технологий посредством реализации программ в форме инвестиций, грантов, налоговых льгот, переквалификации персонала.

Содержание «электронного банкинга»

Под электронным банкингом в экономической теории понимается цифровой рынок, осуществляющий предоставление банковских услуг удаленно при помощи информационно-телекоммуникационных систем [4, с. 15]. Тенденция активного внедрения новейших технологий в банковский сектор позволит повысить доступность банковских услуг для клиентов в любое время из любого места, понизить до минимума издержки банков, а также достичь высоких качественных и количественных показателей посредством усиления межбанковской конкуренции. В связи с этим цель настоящего исследования состоит в том, чтобы на основе анализа содержательной интерпретации электронного банкинга, выявить его особенности, состояние на сегодняшний день, проблемы и возможные варианты их решения.

Необходимость развития и распространения электронного банкинга подтверждается экономическими исследованиями, имеющими длительную историю в экономической науке. Постепенно электронный банкинг стал развиваться с начала восьмидесятых годов в США, поскольку именно в этот период была сформирована система Home Banking [5, с. 20-22], позволяющая получать информацию о состоянии счета клиента на его мобильный телефон через специальное мобильное приложение.

Первым банком в России, внесшим немалый вклад в появление и развитие отечественного интернет-банкинга, стал «Автобанк», в 1998 г. он создал систему «Домашний банк» [6, с. 77-78]. Она была предназначена для оказания услуг только физическим лицам и ее функции совпадали с мировыми финансовыми тенденциями в развитии электронного банкинга того времени. Однако реализация системы на рынке не принесла успехов из-за возникновения экономического кризиса, усугубившего состояние как российского электронного банкинга, так и банковской системы России в целом.

В настоящее время ежедневно увеличивается число людей, желающих осуществлять наличные платежи, переводить деньги, оплачивать счета через Интернет. Эта тенденция говорит о необходимости внедрения электронных технологий в сферу банковского обслуживания. Иностранные и российские банковские учреждения посредством мобильных приложений или сети Интернет внедряют новейшие услуги, для осуществления которых недостаточно традиционных форм обслуживания. В отличие от традиционного банковского обслуживания электронный банкинг имеет ряд преимуществ [7, с. 96-99]:

- не имеет географической и временной привязки, то есть оказывается в любом месте в любое время, что существенно экономит время пользователя и минимизирует издержки банка;

- предоставляет услуги за низкую плату, а зачастую бесплатно, в то время как традиционное обслуживание предполагает высокую плату за обслуживание, поскольку в нее включаются затраты банковских учреждений на содержание штата сотрудников и отделений;

- распространяется на большую территорию независимо от месторасположения банка, предоставляет услуги большой аудитории пользователей и увеличивает объемы сбыта;

- предоставление услуг при электронном обслуживании осуществляется мгновенно и является свидетельством оперативности данного вида обслуживания, в то время как при традиционном оказании услуг скорость процесса напрямую зависит от профессионализма и уровня квалификации персонала.

Таким образом, рассмотренные преимущества объясняют причины популярности электронного банкинга и подтверждают, что удаленное обслуживание в целом более эффективно и функционально, чем традиционное.

Многие страны мира переходят от традиционного к электронному банковскому обслуживанию. На сегодняшний день рынок интернет-банкинга достиг наиболее высокого уровня развития в США [8, с. 85-86]. Это объясняется множеством причин. Например, система имеет широкий спектр предоставляемых услуг: особенностью американского интернет-банкинга является возможность страхования депозитов, оформления кредитов, получения личных финансовых данных, входа пользователей некоторых банковских учреждений в интернет-банк при помощи введения данных пластиковой карты.

Авторами был проведен анализ наиболее успешных практик мобильного банкинга 53-х банков стран западной и северной Европы на основе исследования консалтингового агентства Markswebb «MobilebankingreviewEurope»: было выяснено, что в 2018 г. около 80% реализуются в Великобритании, Германии, Дании, Испании (рис. 1). Наиболее популярные из них - подробная инструкция «Showmehowto» (обеспечивает максимальную понятность услуг, в ней разработаны подробные руководства), чат-бот с функцией распознавания голоса (консультирует пользователя по любому вопросу даже без регистрации клиента, предоставляет нужную информацию), перевод находящемуся рядом пользователю (возможно нахождение пользователей поблизости при помощи геолокации).

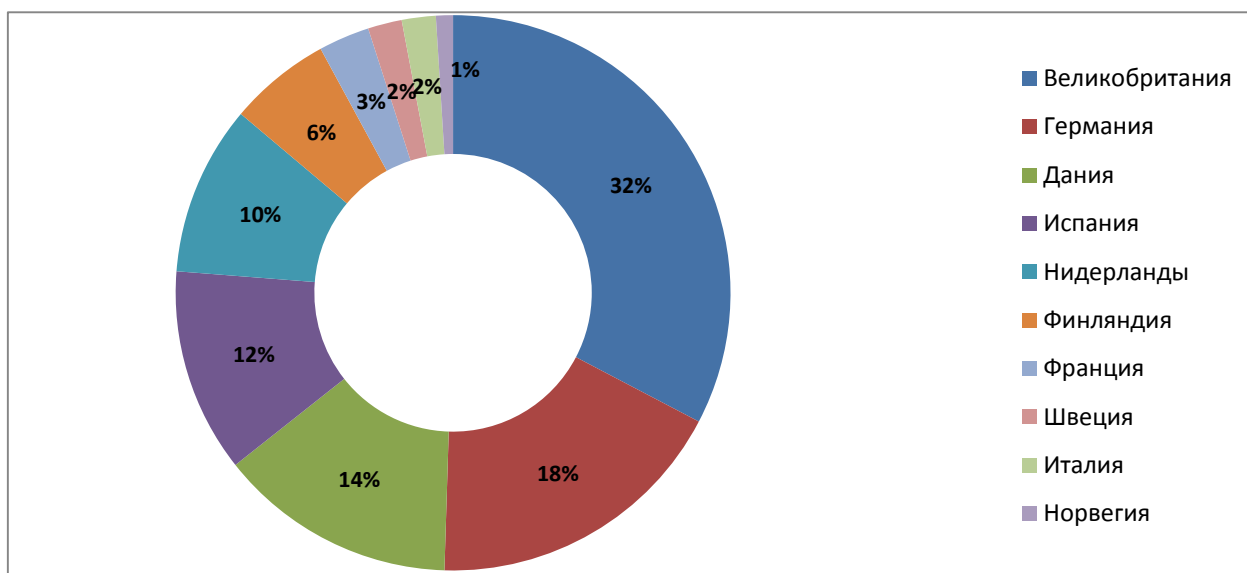

Рис. 1. Распределение лучших практик мобильного банкинга в 2018 г.¹

В России с 2008 года отмечена устойчивая тенденция увеличения предоставления электронных услуг. Согласно данным Банка России, с 2008 по 2019 г. общее количество счетов физических лиц выросло на 214 267, количество счетов юридических лиц – на 5 418, количеству счетов с доступом в Интернет – на 211244².

¹ MobileBankigReviewEurope 2018 / IntroReport [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.marksw Webb.ru>. (Дата обращения: 26.05.2020)

² Официальный сайт ЦБ РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cbr.ru/statistics/psrf/sheet009>. (Дата обращения: 27.2020)

По данным агентства Marksw Webb «Mobile Banking Rank 2018», которое изучает эффективность российских сервисов мобильного банкинга физических лиц, их функциональность и удобство пользования на основе опроса более 3000 российских интернет-пользователей, в настоящее время в России большинство людей (37%) активно используют мобильные приложения банков, т.е. около нескольких раз в неделю. Около 8% опрошенных пользуются услугами каждый день, 16% – один раз в неделю, 33% – 1-2 раза в месяц и 6% не пользовались в течение месяца. Также можно отметить, что около половины пользователей электронных банковских услуг используют для удовлетворения своих потребностей два и более интернет-банков, это дает возможность сопоставлять и выявлять банки, предоставляющие наиболее качественные услуги. В ходе исследования было выяснено, на каких гаджетах клиенты наиболее часто осуществляют использование мобильного банкинга: смартфон – самое популярное устройство (около 84 %), а планшеты пользователи используют в 4 раза реже. Самым же непопулярным гаджетом для осуществления операций являются умные часы (0,3%).

По информации, представленной ЦБ РФ, доля платежей частных лиц по количеству, осуществляемых через Интернет, составляет от 8% до 46% от общего количества платежей частных лиц¹. Помимо этого, доля платежей частных лиц по объему в 2,5 раза меньше традиционных. Данные факты говорят об увеличении и количества пользователей интернет-банков, и количества платежей через Интернет, однако крупные платежи частные лица чаще совершают непосредственно в банках. Следовательно, необходимо разработать программу по повышению привлекательности для пользователей совершения крупных платежей через интернет-банкинг.

В ходе исследования авторами был проведен анализ эффективности работы мобильных банков в России в период с 2015 г. по 2019 г. на основе исследования аналитического агентства Marksw Webb Rank & Report с целью определения состояния отечественного электронного банковского обслуживания и качества предоставляемых услуг (табл. 1). Эффективность интернет-банков в данном исследовании определяется на основе нескольких факторов: удобства использования и анализа функциональности банков.

Таблица 1

Рейтинг эффективности мобильных банков в 2015-2019 г.²

	2015 год		2016 год		2017 год		2018 год		2019 год	
	Банк	Оценка	Банк	Оценка	Банк	Оценка	Банк	Оценка	Банк	Оценка
1	Тинькофф Банк	70,8	Тинькофф Банк	67,3	Тинькофф Банк	74,1	Тинькофф Банк	77	Тинькофф Банк	78,7
2	Банк УралСиб	60,2	Альфа-Банк	60,2	Бинбанк	72,5	Ак Барс Банк	75	Ак Барс Банк	76,1
3	Связной Банк	59,8	Сбербанк России	59,2	Альфа-Банк	69,5	Бинбанк	74	Альфа-Банк	71,1
4	Сбербанк России	59	МДМ Банк	58,9	Почта Банк	68,5	Почта Банк	67,7	БКС Банк	70
5	Промсвязьбанк	58,5	Почта Банк	58,3	Сбербанк	62,9	Банк Левобережный	67,1	Банк Левобережный	69,5
6	МДМ Банк	58,1	МИНБанк	55,3	Промсвязьбанк	62,5	Банк Русский Стандарт	67	Почта Банк	69,1
7	Альфа-Банк	57,9	Райффайзенбанк	54,3	Банк Восточный	62,3	ВТБ	66,5	Банк Русский Стандарт	69
8	ВТБ24	57	ЮниКредит Банк	53,9	ВТБ24	61,6	Альфа-Банк	65,5	Росбанк	69
9	Банк Авангард	57	Промсвязьбанк	52,8	ЮниКредит Банк	61,6	Карта Билайн	65,6	ВТБ	66,1
10	Райффайзенбанк	55,8	Банк Санкт-Петербург	52,3	СКБ-Банк	61,4	Промсвязьбанк	65,1	Карта Билайн	65,5

¹ Официальный сайт ЦБ РФ [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cbr.ru/statistics/psrf/sheet009>. (Дата обращения: 27.2020)

² Там же.

В течение исследуемого периода бесспорным лидером является «Тинькофф Банк», ежегодно оцениваемый как наиболее эффективный мобильный банк. Остальные банки из года в год неоднозначно меняли свои позиции в рейтинге: «Почта Банк» с 2016 по 2018 г. входил в пятерку лидеров, а затем опустился на 6 место; «Альфа-Банк» также нестабильно находился в рейтинге, став в итоге к 2019 г. третьим в списке лидеров.

Выводы и рекомендации. Таким образом, на основе проведенных исследований можно сделать вывод, что в настоящее время в России главной тенденцией в сфере электронного банкинга является всё большее распространение и использование мобильного банкинга: с 2013 до 2018 года доля пользования мобильными банками выросла на 56% [9, с. 9].

Несмотря на активное внедрение технологий в сферу банковских услуг, на пути этого процесса стоит ряд проблем, требующих скорейшего решения.

Во-первых, электронный банкинг не охватывает все виды банковских услуг. Достаточно большое количество мобильных банков не может предложить клиентам классические функции отделений банка, наибольшая доля приходится на оформление заявок на получение кредита (50%) [10, с. 513-514]. Хотя в кредитовании и есть некоторые формы, не требующие оценки платежеспособности (например, с помощью выдачи кредитной карты), но они доступны только для проверенных лояльных клиентов.

Вторая проблема состоит в обеспечении безопасности осуществления электронных услуг, которая может быть связана с недостаточной защищенностью данных, неполадками системы, угрозой мошенничества, хакерскими атаками.

Таблица 2

Оценка российского рынка высокотехнологичных преступлений за 2014-2017 г.¹

Факторы	Целевые атаки на банки	Хищения в интернет-банкинге у юр.л. с использованием вредоносных программ	Хищения у физ.л. с Android-троянами	Хищения в интернет-банкинге у физ.л. с использованием вредоносных программ
2014 г.				
<i>Вклад фактора, руб.</i>	1 360 000 000,00	81 270 000 000,00	106 000 000,00	214 000 000,00
<i>Доля фактора, %</i>	13,87	82,87	1,08	2,18
2015 г.				
<i>Вклад фактора, руб.</i>	637 999 974,00	1 912 320 018,00	61 004 991,00	38 096 976,00
<i>Доля фактора, %</i>	24,08	72,18	2,30	1,44
2016 г.				
<i>Вклад фактора, руб.</i>	2 500 000 000,00	956 160 000,00	348 600 000,00	6 424 200,00
<i>Доля фактора, %</i>	65,60	25,09	9,15	0,17
2017 г.				
<i>Вклад фактора, руб.</i>	1 630 000 000,00	622 500 000,00	821 700 000,00	15 687 000,00
<i>Доля фактора, %</i>	52,75	20,15	26,59	0,51

Анализ данных табл. 2 показывает, что за период с 2014 по 2015 гг. наибольшие хищения со счетов юридических лиц были осуществлены посредством использования специальных программ, а в 2016-2017 г. лидирующее место занимают целенаправленные атаки на банки. В 2017 г. также увеличились хищения у физических лиц с Android-троянами (на 17,44%). Возможный вариант решения - использование блокчейн-технологий, с помощью которых безопасность электронных услуг будет обеспечена необходимыми условиями и надежными программными продуктами, а также введение жесткой системы штрафов, обязывающей мошенников выплачивать сумму, намного большую чем размер кражи или убытков.

¹ Group-IB [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://www.groupib.ru/media/gib-report-2019-20>. (Дата обращения: 23.05.2020)

Эффективность развития электронных услуг в банках подрывает и несовершенство законодательства. Например, в статье 9 «Порядок использования электронных средств платежа» федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», вступившей в силу с 1 января 2014 года, присутствует ряд допущений: для пользователей не установлена ответственность за передачу ложной информации, а для операторов – за несвоевременное отправление SMS-сообщений [11, с. 54-56]. Такие неточности в законодательстве способны привести к увеличению мошенничества и к судебным разбирательствам. Для решения данной проблемы требуется восполнение пробелов в законодательстве путем создания недостающих норм права, принятия новых точных законов.

Следующая недостатком электронных услуг в России является отсутствие в системе интернет-банка подробных и понятных руководств пользователя, подсказок, справок [11, с. 37]. Спектр функций электронного банкинга постоянно растет, и новым пользователям особо тяжело использовать систему. Для устранения этого недостатка необходима техническая доработка сервисов интернет-банков, создание и использование роботов-консультантов.

Другой проблемой электронного банкинга является финансовая неграмотность пользователей. Многим людям тяжело найти нужную информацию на сайте, не разбираются в сущности предлагаемых им электронных услуг, пожилым людям с трудом дается освоение технологий. Чтобы устранить эту проблему, нужно организовывать бесплатные консультации, предлагать услуги, знакомые большинству пользователей, проводить тренинги по использованию системы [11, с. 114-115].

Еще одна существенная проблема – кадровая обеспеченность. Зачастую у работников отсутствует должная квалификация, от которой зависит качество предоставляемых электронных банковских услуг. Данную проблему можно решить путем проведения профессиональной подготовки, повышения квалификации [11, с. 101-102].

В настоящее время, когда на мировую экономику влияют негативные последствия пандемии коронавируса, увеличился спрос потребителей на мобильные приложения банков. На 20 апреля 2020 г. количество их скачиваний возросло на 32 % (на 316 млн)¹. В соответствии с этими фактами, авторами представлены рекомендации банкам в период пандемии. Банкам следует разработать эффективные модели удаленной работы, выбрать цифровые технологии для совместной организации деятельности персонала. Также важно позаботиться об удобстве и простоте мобильных приложений для пользователей, предоставить им сервис по оказанию бесплатной помощи в осуществлении операций удаленно, активно поощрять за выполнение мер безопасности скидками. Кроме того, банкам необходимо быть готовыми к техническим неполадкам: увеличить пропускную способность каналов, выявить и устранить недостатки приложения.

Таким образом, в настоящее время в секторе банковского обслуживания активно используются современные цифровые технологии, но несмотря на успешное развитие, электронный банкинг имеет ряд проблем. Поэтому, этот вид обслуживания требует совершенствования своей деятельности, проведения ряда мероприятий по решению накопившихся проблем для эффективного и качественного оказания услуг. Усовершенствованный, качественно функционирующий электронный банкинг - основа существования рынка банковских услуг.

В заключение следует отметить, что цифровизация может привести к таким последствиям, как недостаточная защищенность данных, угроза мошенничества, исчезновение профессий и традиционных рынков из-за автоматизации. Для того, чтобы справиться с этими проблемами, необходимо определить способы регулирования цифровой экономики, направленные на формирование на использование модели институционального проектирования [12], ориентированной на учет интересов всех экономических субъектов макросистемы. Финансовая сфера также подвержена перечисленным угрозам в силу перераспределительного характера экономических отношений.

Литература

1. Авдеева И.Л., Полянин А.В., Головина Т.А. Цифровизация промышленных экономических систем: проблемы и последствия цифровых технологий // Известия Саратовского университета. Сер. Экономика. Управление. Право. Т. 19. Вып. 3. С. 238–245.

¹ Econs.online [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://econs.online/articles/techno/ekonomika-koronavirusa-uskoritel-dlya-fintekha> (Дата обращения: 16.05.2020)

2. Абдурахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение. Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 82 с.
3. Игнатова Т.В., Черкасова Т.П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2. С. 5-14.
4. Лямин Л.В. Применение технологий электронного банкинга: рискоориентированный подход. М.: КНОРУС, ЦИПСИР, 2011. 25 с.
5. Горчакова М.Е. Дистанционное банковское обслуживание: Учеб. пособие. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. 65 с.
6. Аксенов В.С., Обухов В.В. Электронный банкинг в системе банковских услуг // Экономический журнал. 2013. № 3 (31). С. 75-83.
7. Шалагина Т.С. Развитие дистанционных банковских услуг как показатель модернизации элементов национальной банковской системы // Вестник банковского дела. 2017. № 2 (29). С. 95-99.
8. Назаренко В.А., Бочкова Е.В. Интернет-банкинг за рубежом: история и современное состояние // Экономика, управление, финансы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2015 г.). Пермь: Зебра, 2015. С. 84-87.
9. Оношко О.Ю., Пешкова О.В., Пешкова Э.А. Проблемы и перспективы развития интернет-банкинга в условиях цифровой 32 экономики // Дискурс. Экономические науки. 2018. № 7 (21).
10. Климин С.А. Интернет-банкинг: современное состояние и перспективы развития // Молодой ученый. 2016. № 2. С. 512-514.
11. Таращенко Л.С. Основы дистанционного банковского обслуживания в РФ. М.: Издательство Свобода, 2013. 370 с.
12. Ипатова А.В. О направлениях неоиндустриализации в условиях цифровой экономики: контекстно-содержательный аспект // Вопросы регулирования экономики. 2019. Т. 10. № 2. С. 28-40.

Ipatova Anna Vladimirovna, PhD in Economics, Associate Professor, Department of Economic Theory, Southern Federal University (88, Gorky St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: ipatova_a_v@mail.ru

Kobeleva Diana Andreevna, Undergraduate Student in Economics, Southern Federal University (88, Gorky St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation). E-mail: kobeleva.diana14@yandex.ru

ON THE CONTENT OF DIGITAL TRANSFORMATION IN THE FIELD OF ELECTRONIC BANKING: INSTITUTIONAL CONTEXT

Abstract

The article actualizes the need to consider the influence of institutional factors on the formation of the digital economy in the Russian Federation. The main emphasis is placed on the relationship of the changes that accompany the transformation of business processes and the role of the state, which makes it possible to level the negative conditions of global changes. The example of electronic banking illustrates the presence of positive and negative trends that contribute to the focus of state economic policy on the use of the model of "institutional design".

Keywords: institutional design, electronic banking, digital transformation, bank service, bank processes, contactless payments, blockchain technology, business models, interaction with consumers.

References

1. Avdeeva I.L., Polyatin A.V., Golovina T.A. Cifrovizatsiya promyshlennykh ekonomicheskikh sistem: problemy i posledstviya cifrovyykh tekhnologiy // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. Ekonomika. Upravlenie. Pravo. T. 19. Vyp. 3. P. 238-245.
2. Abdurahmanova G.I., Vishnevskiy K.O., Gohberg L.M. CHto takoe cifrovaya ekonomika? Trendy, kompetencii, izmerenie. Nac. issled. un-t «Vysshaya shkola ekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2019. 82 p.
3. Ignatova T.V., Cherkasova T.P. Instituty i tekhnologii cifrovoj ekonomiki kak faktory innovatsionnogo rosta Rossii // Drukerovskij vestnik. 2020. № 2. P. 5-14.
4. Lyamin L.V. Primenenie tekhnologiy elektronnoy bankinga: riskorientirovannyj podhod. M.: KNORUS, CIPSIR, 2011. 25 p.
5. Gorchakova M.E. Distantsionnoe bankovskoe obsluzhivanie: Ucheb. posobie. Irkutsk: Izd-vo BGUEP, 2009. 65 p.
6. Aksenov V.S., Obuhov V.V. Elektronnyj banking v sisteme bankovskikh uslug // Ekonomicheskij zhurnal. 2013. № 3 (31). P. 75-83.
7. Shalagina T.S. Razvitiye distantsionnykh bankovskikh uslug kak pokazatel' modernizatsii elementov nacional'noj bankovskoy sistemy // Vestnik bankovskogo dela. 2017. № 2 (29). P. 95-99.
8. Nazarenko V.A., Bochkova E.V. Internet-banking za rubezhom: istoriya i sovremennoe sostoyanie // Ekonomika, upravlenie, finansy: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', aprel' 2015 g.). Perm': Zebra, 2015. P. 84-87.
9. Onoshko O.YU., Peshkova O.V., Peshkova E.A. Problemy i perspektivy razvitiya internet-bankinga v usloviyakh cifrovoj 32 ekonomiki // Diskurs. Ekonomicheskie nauki. 2018. № 7 (21).
10. Klimin S.A. Internet-banking: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya // Molodoj uchenyj. 2016. № 2. P. 512-514.
11. Tarashchenko L.S. Osnovy distantsionnogo bankovskogo obsluzhivaniya v RF. M.: Izdatel'stvo Svoboda, 2013. 370 p.
12. Ipatova A.V. O napravleniyah neoindustrializatsii v usloviyakh cifrovoj ekonomiki: kontekstno-soderzhatel'nyj aspekt // Voprosy regulirovaniya ekonomiki. 2019. T. 10. № 2. P. 28-40.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТОВ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
В УСЛОВИЯХ ДОЛГОСРОЧНОЙ ВИРУСНОЙ ПАНДЕМИИ**

Ищенко-Падукова Оксана Александровна кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и экономической политики, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88).
E-mail: ishchenko-oa@mail.ru

Мовчан Ирина Викторовна кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономики и экономической политики, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88).
E-mail: movchani@mail.ru

Аннотация

Долгосрочность и масштабность институциональных изменений, связанных с ситуацией вирусной пандемии, по сути трансформировала весь спектр традиционных устоявшихся социально-экономических отношений в области функционирования сфер, отраслей и регионов национальной экономики, обозначив новый вектор развития системы государственного управления, включая меры социальной поддержки и экономического регулирования происходящих процессов. В статье дан анализ проблемы трансформации институтов социально-экономической политики в условиях долгосрочной эпидемиологической ситуации, которая сохраняет свою актуальность и требует фундаментальной разработки как методологического обоснования и концептуальных подходов, так и форм, направлений и инструментов постпандемического регулирования сфер и отраслей национального хозяйственного комплекса.

Ключевые слова: социально-экономическая политика, институциональная трансформация, пандемия коронавируса, «карантинная экономика», постпандемическое социально-экономическое развитие, экономический кризис, социально-экономические процессы, социально-экономическое регулирование.

В современных условиях функционирование национальной экономики обусловлено шоковой трансформацией социально-экономических процессов, вызванных пандемией коронавируса, которая со всей очевидностью продемонстрировала изменение социально-экономических отношений на всех уровнях общественного развития, как в мировом, так и в национальном масштабе и обусловила необходимость фундаментального реформирования методов, форм и принципов социально-экономической политики в долгосрочном периоде, повышения гибкости и оперативности регулирующих мер и определения критериев эффективности регионального и отраслевого регулирования национальной хозяйственной системы.

Современные исследования зарубежных и отечественных ученых, связанные с изучением социально-экономических последствий пандемии коронавируса [1], становлением «постпандемической глобальной экономики» [2], а также оценки пандемии как драйвера современного экономического кризиса как новой великой депрессии [3], имеют значительный исследовательский потенциал для выработки эффективных методологических обоснований социально-экономического регулирования национальных хозяйственных систем в долгосрочной перспективе.

В исследовательской практике российской экономической науки уже зафиксированы как проблемы обеспечения экономической безопасности в условиях долгосрочного характера вирусных пандемий [4-6], вопросы государственной политики, направленной на минимизацию негативных последствий пандемий [7, 8], а также влияние вирусной пандемии на процессы цифровизации и прямых иностранных инвестиций [9].

Однако при этом, проблема трансформации институтов социально-экономической политики в условиях долгосрочной эпидемиологической ситуации, сохраняет свою актуальность и требует фундаментальных подходов к анализу мер, направлений и инструментов эффективного государственного регулирования сфер и отраслей национального хозяйственного комплекса, как в условиях сохраняющихся ограничений, так и в постпандемическом периоде.

Кроме того, ввиду исключительной новизны проблемы трансформации институтов социально-экономической политики в условиях пролонгированного характера пандемии

коронавируса, преждевременно говорить о всеобъемлемости и фундаментальности научного обоснования обозначенной проблемы.

Экономика, функционирующая в глобальном режиме самоизоляции, обнаружила широкий спектр нерыночных процессов, последствия которых самым негативным образом сказались на темпах экономического развития регионов и отраслей национальной и мировой экономики, нарастанием рисков и угроз долгосрочных рецессивных процессов, усилением тенденций разрывов воспроизводственных связей, и как следствие, нарушением целостности хозяйственной системы и механизма ее регулирования.

Период самоизоляции связан с переориентацией основных направлений социально-экономической политики в оперативный режим реагирования, гибкое принятие регулирующих и контролирующих решений, обусловил приоритетность преимущественно тактического характера мер и инструментов воздействия на региональные и отраслевые процессы.

В условиях «карантинной» экономики обнаружились как сужение бизнес-процессов с целью оптимизации затрат, так и недобросовестные практики некоторых хозяйствующих субъектов, нарастание нерациональных ожиданий как со стороны малого и среднего бизнеса, так и со стороны населения, что в значительной мере требует усиления роли института контроля со стороны государства данных негативных последствий пандемии коронавируса.

При этом необходимо учитывать пролонгированное падение совокупного спроса в период самоизоляции, которое неизбежным следствием имеет спад деловой и инвестиционной активности в среднесрочной, а в некоторых отраслях и регионах – долгосрочной перспективе, что обуславливает необходимость не только тактических решений, но и стратегических концепций развития институтов социально-экономической политики в условиях вирусных пандемий.

Социально-экономическая политика в долгосрочной перспективе должна обеспечивать устойчивость национальной хозяйственной системы к внешним угрозам и вызовам неэкономического происхождения, таким как, вирусная пандемия и связанные с ней ограничения экономической деятельности. В данном аспекте основным направлением научного поиска становится комплексный анализ трансформации институтов социально-экономической политики и связанных с ней форм, методов и инструментов антикризисного регулирования национальной экономики в условиях долгосрочного характера вирусной пандемии.

Учитывая риски «второй волны», а также глобальные риски и прогнозируемую продолжительность вирусной пандемии [10], необходимость методологического обоснования трансформации институтов социально-экономической политики и критериев ее эффективности выступает, как фундаментальной исследовательской задачей, требующей научного обоснования, так и основой разработки прикладного инструментария для реализации мер социально-экономической политики, адекватных тенденциям карантинного периода и постпандемического развития.

Основными тенденциями, обозначившимися в период пандемии и имеющими стратегический характер, являются, по нашему мнению, следующие:

- ускорение процессов диджитализации и потенциала удаленной работы в ряде сфер и отраслей (государственного управления, образовании, офисной работы и др.), к которым, однако, многие другие отрасли и сферы (сфера бытовых услуг, транспортные перевозки, досуг, туризм и др.) оказались не готовы, что привело как к стагнирующим внутриотраслевым процессам (имеющим в ряде отраслей и сфер долгосрочный характер), так и к необходимости усиления мер социально-экономического реагирования и регулирования со стороны государства;
- повышение рисков безработицы в отраслях и сферах не готовых к режимам самоизоляции и не способных функционировать в условиях карантинной экономики [11], что потребовало как усиления контрольных мер, так и дополнительной социальной поддержки со стороны государства, которая также имеет и постпандемический пролонгированный характер; именно эти сферы в условиях долгосрочных вирусных пандемий станут объектом непосредственного государственного регулирования, контроля и поддержки;
- сужение сегмента малого бизнеса в ряде отраслей и сфер, наиболее подверженного рецессии в условиях падения потребительского спроса, связанного с уменьшением доходов населения в условиях вынужденных карантинных и самоизоляционных мер, неизбежных для экономики пандемии [12];
- снижение инвестиционной емкости и инвестиционного потенциала экономики вследствие возрастающих коммерческих и финансовых рисков, что требует усиления партнерства

бизнеса и государства, а также увеличения потоков инвестиционных ресурсов из всех источников, включая государственные;

- неизбежное углубление дифференциации в региональном и отраслевом разрезах, уровне жизни населения, вызванное «очаговым» характером распространения вирусных инфекций и необходимость социально-экономического выравнивания в целях преодоления разрывов депрессивности регионов и отраслей.

В свете обозначившихся тенденций основными компонентами институциональной трансформации социально-экономической политики в условиях долгосрочных вирусных пандемий являются следующие.

1. Обоснование специфических характеристик механизма формирования краткосрочной «шоковой» модели социально-экономической политики в области реализации тактических мероприятий, направленных на противодействие негативным социально-экономическим и рецессивным эффектам в условиях вирусной пандемии и связанных с ней режимов самоизоляции и карантинных мер, путем качественной оценки эффективности инструментов и методов социально-экономической политики, для чего необходим комплексный анализ мер поддержки национальной экономики и определение степени их влияния на внутрирегиональные и межрегиональные социально-экономические процессы как в условиях пандемии, так и в постпандемическом периоде.

2. Перспективная оценка трансформации института государственно-частного партнерства в системе реализации постпандемической модели социально-экономической политики, предусматривающая как анализ действующих форм взаимодействия государства и бизнеса, так и потенциальные возможности повышения их эффективности в условиях долгосрочных вирусных пандемий.

3. Выявление и научная оценка неэкономической специфики природы функционирования всех экономических явлений и процессов в условиях пандемии, нарушающих базовые принципы формирования рыночной среды на конкурентной основе и разработка методов и инструментов социально-экономической политики, направленных на восстановление баланса рыночных сил как основы эффективного развития экономики в постпандемическом периоде, что предполагает как внедрение форм рыночного регулирования, так и обеспечение рыночных принципов взаимодействия для всех хозяйствующих субъектов национальной экономики.

В целях повышения эффективности социально-экономической политики, вызванной необходимостью трансформации всех ее институтов, включая институты государственного регулирования и контроля, институты социально-экономической поддержки, стратегического развития и укрепления частно-государственного партнерства в условиях долгосрочного характера вирусных пандемий, необходимо:

- теоретико-методологическое обоснование новой модели «карантинной экономики» и обобщение эффективных практик социально-экономической политики, адаптированных для функционирования национальной экономики в условиях пролонгированной эпидемиологической ситуации;

- выявление наиболее эффективных форм и методов социально-экономической политики, обеспечивающих сохранение воспроизводственного потенциала в отраслях и регионах национальной экономики даже в условиях затяжного характера вирусной пандемии и связанных с ней ограничений;

- определение системных мер целевой государственной поддержки отдельных экономических субъектов (включая отрасли, регионы, группы населения) в условиях возрастающих рисков глобальной экономической рецессии, вызванной пандемией коронавируса;

- повышение гибкости и оперативности мер и инструментов государственного управления экономическими процессами в свете нарастающих тенденций цифровизации экономики [13];

- определение стратегических векторов и критериев эффективности института частно-государственного партнерства как в режиме вынужденных ограничений, так и в период постпандемического восстановления национальной экономики.

Трансформация институтов социально-экономической политики в условиях долгосрочной вирусной пандемии должна способствовать разрешению сложившегося противоречия между вынужденным антирыночным характером функционирования национальной экономики

в период пандемии коронавируса и мерами экономически эффективной системы управления хозяйственными процессами как в условиях ограничений, так и в постпандемическом периоде развития в целях минимизации негативных последствий и снижения рисков рецессии для регионов, сфер и отраслей экономики.

Литература

1. Maria Nicola, Zaid Alsafi, Catrin Sohrabi, Ahmed Kerwan, Ahmed Al-Jabir, Christos Iosifidis, Maliha Agha and Riaz Agha. The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): A review. // *Int J Surg*. 2020 Jun; 78: 185–193. DOI: 10.1016/j.ijsu.2020.04.018. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7162753/>. (Доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. англ.
2. Bhaskar Chakravorti. Exit from coronavirus lockdowns - lessons from 6 countries // *The conversation*. May 6, 2020. <https://theconversation.com/exit-from-coronavirus-lockdowns-lessons-from-6-countries-136223>. (Доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. англ.
3. Щеголева Н.Г., Сибирякова Я.В. Промежуточные итоги пандемии 2020 года: новая великая депрессия и банковская система // *Банковские услуги*. 2020. № 6. С. 2–11.
4. Сперанский С.Н., Лебедева В.А., Барова Т.А. Влияние пандемии коронавируса на экономическую безопасность России // *Будущее науки – 2020: сборник научных статей 8-й Международной молодежной научной конференции: в 5 томах*, 2020. С. 401–404.
5. Цветков В.А., Дудин М.Н. Пандемия COVID-19 как угроза продовольственной и экономической безопасности страны // *Экономика и управление*. 2020. Т. 26. № 4 (174). С. 334–344.
6. Вякина И.В. Безопасность развития бизнеса и национальной экономики в условиях пандемии и мирового кризиса // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность*. 2020. Т. 16. № 6 (387). С. 1182–1198.
7. Ершов М.В. О провалах глобальных и российских финансовых рынков и о мерах поддержки экономики и населения в условиях пандемии // *Российский экономический журнал*. 2020. № 3. С. 41–49.
8. Сергиенко Н.С. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса в условиях пандемии коронавируса: опыт развитых стран // *Экономика и предпринимательство*. 2020. № 5 (118). С. 752–755.
9. Кузнецова Г.В. Пандемия, цифровизация и прямые иностранные инвестиции // *Финансы, деньги, инвестиции*. 2020. № 1 (73). С. 3–9.
10. Бодрунов С.Д. Глобальные риски в пространстве пандемии: практика подтверждает теорию ноономики // *Экономическое возрождение России*. 2020. № 2 (64). С. 4–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-4-14.
11. Докторович А.Б. Социально-трудовая сфера и роль труда в экономике России в условиях пандемии коронавируса COVID-19 // *Труд и социальные отношения*. 2020. № 3. С. 5–15.
12. Минакир П.А. Экономика пандемии: российский путь // *Пространственная экономика*. 2020. Т. 16. № 2. С. 7–18. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.007-018>
13. Печаткин В.В. Формирование и развитие цифровой экономики в России как стратегический приоритет развития территорий в условиях пандемий // *Вопросы инновационной экономики*. 2020. Т. 10. № 2. С. 837–848.

Ishchenko-Padukova Oksana Aleksandrovna, Candidate of Economic Science, associate professor of political economy and economic policy, Southern Federal University (88, Gorky St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ishchenko-oa@mail.ru

Movchan Irina Viktorovna, Candidate of Economic Science, associate professor of political economy and economic policy, Southern Federal University (88, Gorky St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: movchani@mail.ru

TRANSFORMATION OF INSTITUTIONS OF SOCIO-ECONOMIC POLICY IN THE CONTEXT OF A LONG-TERM VIRAL PANDEMIC

Abstract

The long-term and large-scale institutional changes associated with the situation of a viral pandemic, in fact, transformed the entire spectrum of traditional well-established socio-economic relations in the field of functioning of spheres, industries and regions of the national economy, indicating a new vector of development of

the public administration system, including measures of social support and economic regulation of the ongoing processes. The article analyzes the problem of transformation of institutions of socio-economic policy in the context of a long-term epidemiological situation, which remains relevant and requires fundamental development of both methodological substantiation and conceptual approaches, as well as forms, directions and tools of anti-crisis post-pandemic regulation of spheres and branches of the national economic complex.

Keywords: *socio-economic policy, institutional transformation, coronavirus pandemic, "quarantine economy," post-pandemic socio-economic development, economic crisis, socio-economic processes, socio-economic regulation.*

References

1. Maria Nicola, Zaid Alsafi, Catrin Sohrabi, Ahmed Kerwan, Ahmed Al-Jabir, Christos Iosifidis, Maliha Agha and Riaz Agha. The socio-economic implications of the coronavirus pandemic (COVID-19): A review. // *Int J Surg*. 2020 Jun; 78: 185–193. DOI: 10.1016/j.ijsu.2020.04.018. <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC7162753/>. (Dostup svobodnyj). Zagl. s ekrana. YAz. angl.
2. Bhaskar Chakravorti. Exit from coronavirus lockdowns - lessons from 6 countries // *The conversation*. May 6, 2020. <https://theconversation.com/exit-from-coronavirus-lockdowns-lessons-from-6-countries-136223>. (Dostup svobodnyj). Zagl. s ekrana. YAz. angl.
3. SHCHegoleva N.G., Sibiryakova YA.V. Promezhutochnye itogi pandemii 2020 goda: novaya velikaya depres-siya i bankovskaya sistema // *Bankovskie uslugi*. 2020. № 6. P. 2–11.
4. Speranskij S.N., Lebedeva V.A., Barova T.A. Vliyanie pandemii koronavirusa na ekonomicheskuyu bezopasnost' Rossii // *Budushchee nauki – 2020: sbornik nauchnyh statej 8-j Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchnoj konferencii: v 5 tomah*, 2020. P. 401–404.
5. Cvetkov V.A., Dudin M.N. Pandemiya COVID-19 kak ugroza prodovol'stvennoj i ekonomicheskoy bezopasnosti strany // *Ekonomika i upravlenie*. 2020. T. 26. № 4 (174). P. 334–344.
6. Vyakina I.V. Bezopasnost' razvitiya biznesa i nacional'noj ekonomiki v usloviyah pandemii i mi-rovogo krizisa // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. 2020. T. 16. № 6 (387). P. 1182–1198.
7. Ershov M.V. O provalah global'nyh i rossijskih finansovyh rynkov i o merah podderzhki eko-nomiki i naseleniya v usloviyah pandemii // *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal*. 2020. № 3. P. 41–49.
8. Sergienko N.S. Gosudarstvennaya podderzhka malogo i srednego biznesa v usloviyah pandemii koronavirusa: opyt razvityh stran // *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2020. № 5 (118). P. 752–755.
9. Kuznecova G.V. Pandemiya, cifrovizaciya i pryamye inostrannye investicii // *Finansy, den'gi, investicii*. 2020. № 1 (73). P. 3–9.
10. Bodrunov S.D. Global'nye riski v prostranstve pandemii: praktika podtverzhdaet teoriyu no-onomiki // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*. 2020. № 2 (64). S. 4–14. DOI: 10.37930/1990-9780-2020-2-64-4-14.
11. Doktorovich A.B. Social'no-trudovaya sfera i rol' truda v ekonomike Rossii v usloviyah pande-mii koronavirusa COVID-19 // *Trud i social'nye otnosheniya*. 2020. № 3. P. 5–15.
12. Minakir P.A. Ekonomika pandemii: rossijskij put' // *Prostranstvennaya ekonomika*. 2020. T. 16. № 2. P. 7–18. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2020.2.007-018>
13. Pechatkin V.V. Formirovanie i razvitie cifrovoj ekonomiki v Rossii kak strategicheskij prioritet razvitiya territorij v usloviyah pandemij // *Voprosy innovacionnoj ekonomiki*. 2020. T. 10. № 2. P. 837–848.

СОСТОЯНИЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ*

Кайль Яков Яковлевич	доктор экономических наук, профессор кафедры управления персоналом и экономики в сфере образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (400066, Россия, г. Волгоград, пр. им. Ленина, 27). E-mail: kailjakow@mail.ru
Епинина Вероника Сергеевна	кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, Волгоградский государственный университет (400062, Россия, г. Волгоград, пр. Университетский, 100). E-mail: v.epinina@rambler.ru
Ламзин Роман Михайлович	старший преподаватель кафедры управления персоналом и экономики в сфере образования, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (400066, Россия, г. Волгоград, пр. им. Ленина, 27). E-mail: rom.lamzin@yandex.ru

Аннотация

В статье обоснована роль цифровой трансформации в изменении способа функционирования бизнеса и организация производства посредством развития новых цифровых технологий: Интернета вещей, беспроводных сетей нового поколения, облачных вычислений, больших данных, искусственного интеллекта, блокчейна. Каждая из них становится возможной благодаря резкому увеличению вычислительной мощности и одновременному снижению их стоимости. Авторами сделан вывод, что цифровые технологии радикально меняют способы проведения исследований и инноваций, что создает больше возможностей для роста количества стартапов и их масштабирования. Для российской экономики ключевым источником экономического роста и драйвером цифровой трансформации выступает высокотехнологичный бизнес.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, цифровая экономика, цифровая трансформация, предпринимательство, инновации, социально-экономическая трансформация, промышленная революция, электронная торговля.

За последнее десятилетие появление разнообразного набора новых и мощных цифровых технологий, цифровых платформ и цифровых инфраструктур значительно изменило как инновации, так и предпринимательство. Действительно, фраза «цифровая трансформация» широко используется в современных деловых СМИ для обозначения трансформирующих последствий цифровых технологий для бизнеса (новые бизнес-модели, новые типы продуктов / услуг, новые типы клиентского опыта) и в более широком смысле – чтобы показать, как существующим компаниям может потребоваться радикальная трансформация, чтобы добиться успеха в развивающемся цифровом мире.

В широком смысле процесс «цифровизации» понимается как социально-экономическая трансформация, инициированная массовым внедрением и освоением цифровых технологий. В настоящее время термин «третья промышленная революция», предложенный американскими исследователями Рифкином [13] и Курцвейлом [10], очень популярен среди зарубежных исследователей. В то же время существует альтернативное понятие – «четвертая промышленная революция» или «Индустрия 4.0».

Представление о направлениях цифровой трансформации экономики начало формироваться в середине 1990-х гг. В понимание роли информационных и коммуникационных технологий в развитии общества и условий для цифровизации предпринимательства значительный вклад внесли Кастельс [8], Кац [9], Масуда [11], Найсбитт [12] и др.

В 2015 г. Всемирный экономический форум объявил о запуске долгосрочной программы «Digital Transformation Initiative», которая стала отправной точкой для выявления новых возможностей и направлений цифровизации бизнеса и общества¹. Сегодня данная программа позиционируется как важная часть более широкой программы четвертой промышленной революции.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-010-00103.

¹ World economic forum, digital transformation initiative unlocking \$100 trillion for business and society from digital transformation. Executive Summary, (In collaboration with Accenture). – Режим доступа: https://www.accenture.com/_acnmedia/Accenture/Conversion-Assets/WEF/PDF/Accenture-DTI-executive-summary.pdf.

На сегодняшний день в десятках стран разработаны и реализуются государственные программы и стратегии развития цифровых технологий или цифровизации национальных экономик. Так, в целях реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы, утвержденной Указом Президента РФ от 09.05.2017 №203, была принята Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (рассчитана на реализацию до 2024 г.). На законодательном уровне применение цифровых и инновационных технологий является одной из ключевых задач национального развития, что отражено в Указе Президента РФ от 07.05.2018 №204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Цифровизация проникает во все сферы жизни человека, формируя специализированную среду для открытого взаимодействия потребительских сообществ в связанных и скоординированных экосистемах («умные» пространства, «умные» города, «умные» дома и т.д.).

Представленная в государственной программе РФ модель развития цифровой экономики основана на трех ключевых элементах:

1. Рынки и отрасли экономики, в первую очередь подверженные цифровизации. В него входят такие сферы, как публичное управление, цифровое здравоохранение и образование, «умный город».

2. Платформы и технологии. Он призван обеспечить своего рода цифровую основу, на основе которой будет происходить дальнейший процесс цифровой трансформации.

3. Среда, в которой будут поощряться инновационные процессы и инвестиции в инновации, т.е. технологическая революция. В этот элемент входит создание законодательной среды, инфраструктуры, информационной безопасности и т.д.

При этом аналитики считают, что в правительственной программе развития цифровой экономики отсутствуют четкие приоритеты. И если программа останется в нынешнем виде, деньги, выделенные на ее реализацию, будут потрачены зря. Несомненно, наличие долгосрочных инвестиций и создание спроса на инновации и цифровые технологии – ключевые элементы, которые государство должно обеспечить для стимулирования процессов создания инновационных технологий, конкурентоспособных на мировом рынке, и формирования основы для цифровой трансформации.

Именно отсутствие долгосрочных инвестиций в регионы тормозит развитие технологий, которые могут стать основой цифровой экономики. В настоящее время в России практически нет инструментов для массового инвестирования в инновационные проекты. Аналитики считают, что сокращение рынка венчурных инвестиций вызвано нестабильностью общей экономической ситуации в стране, неопределенностью прогнозов ключевых макроэкономических показателей, отсутствием устойчивого интереса к инновациям со стороны российского бизнеса.

Следует отметить, что программа цифровой экономики также предполагает реализацию мер по формированию спроса и предложения на цифровые инновации на конкретных отраслевых продуктовых и региональных рынках. По мнению специалистов, IT-бизнес может стать локомотивом для освоения новых технологических рынков.

Цифровизация экономики потребует большого количества ресурсов. Но как показывает зарубежный опыт, все затраты многократно окупаются в долгосрочной перспективе. Ярким примером является развитие малого и среднего предпринимательства в КНР и влияние на него цифровизации. Китай по праву считается мировым лидером в электронной торговле, основу которой составляют субъекты малого и среднего предпринимательства. Цифровизация в Китае значительно снизила барьеры входа во многие секторы, особенно в сфере потребительских товаров и услуг, что привело к росту числа мелких игроков на рынке. Сегодня это ведет к переходу рынка от доминирования крупных компаний к росту влияния мелких фирм [5]. Тенденция такова, что малые предприятия, инновационные компании, стартапы получают максимальные преимущества от применения цифровых технологий. Вместе с тем крупный бизнес вынужден оперативно адаптироваться в динамичном мире постоянных цифровых инноваций [7, с. 120].

Использование новых технологий, совершенствование бизнес-процессов и создание институциональных условий для инвестирования в промышленность и новые технологии должны вывести российские промышленные предприятия и регионы на новый уровень функционирования и развития, повысить их конкурентоспособность. В настоящее время цифровая трансформация меняет традиционные модели предпринимательства. Это ставит перед российским обществом

новые задачи, связанные с сокращением производственных и управленческих затрат с использованием платформ цифровой экономики, с радикальным повышением эффективности компаний, отраслей, учебных заведений для противостояния глобальным технологическим, экономическим и социальным вызовам.

Следует отметить, что цифровая трансформация относится к экономическим и социальным эффектам цифровизации. Ключевые технологии, способствующие цифровой трансформации, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Ключевые технологии, способствующие цифровой трансформации

№ п/п	Технологии	Краткое содержание
1	Интернет вещей	Расширение возможности подключения к Интернету на устройства и объекты, позволяющее удаленно контролировать их. Это создает условия для создания новых бизнес-моделей, приложений и услуг на основе данных, собранных с устройств и объектов
2	Беспроводные сети нового поколения (5G и выше)	Улучшения в беспроводных сетях предполагают более высокие скорости (в 200 раз быстрее, чем 4G) и сети, которые лучше поддерживают разнообразные приложения за счет виртуализации физических уровней. Это улучшит связь между устройствами и объектами и имеет решающее значение для таких приложений, как беспилотные автомобили
3	Облачные вычисления	Услуга, которая предполагает гибкий доступ по запросу к ряду онлайн-вычислительных ресурсов (например, программных приложений, емкости хранения, сети и вычислительной мощности). Эти ресурсы можно использовать адаптируемым образом, чтобы клиенты могли лучше удовлетворять свои потребности, а также преобразовывать постоянные затраты в более низкие
4	Система больших данных (аналитика)	Данные, характеризующиеся большим объемом, скоростью и разнообразием, часто получаемые из Интернета вещей. Большие данные можно использовать для разработки новых продуктов и услуг, процессов, организационных методов и рынков, а также для создания инноваций на основе данных
5	Искусственный интеллект	Способность машин и систем приобретать и применять знания, включая выполнение различных когнитивных задач, таких как восприятие, обработка языка, распознавание образов, обучение, а также принятие решений и разработка прогнозов. Искусственный интеллект сейчас уже является частью повседневной жизни и в дальнейшем все больше будет стимулировать появление новых видов программного обеспечения и автономных роботов, которые смогут принимать и выполнять решения без участия человека.
6	Блокчейн	Бухгалтерская книга или электронная таблица, которая поддерживается и хранится в сети компьютеров. Сеть регулярно обновляет базу данных во всех местах наличия, так что все копии всегда идентичны, что позволяет всем пользователям видеть и проверять записи. Если кто-то попытается изменить информацию, хранящуюся в блоке, «цепочка» разорвется, и все узлы в сети узнают об этом. Приложения технологии блокчейн включают смарт-контракты, криптовалюты и управление цепочками поставок

Источник: сост. авт. с использованием: [1, с.13; 2, с.12-13; 3, с. 7-8; 4, с.19; 6, с.105-108].

Изменения в мировой экономике за последние десять лет показали, что появление новых мощных цифровых технологий, цифровых платформ и цифровых инфраструктур существенно изменило инновации и предпринимательство. Цифровые технологии открыли новые возможности для новаторов и предпринимателей, создав не только дополнительные стимулирующие условия для начала предпринимательской деятельности, но и инструменты для динамичного роста компаний, тиражирования продуктов, масштабирования и выхода на международные рынки.

Цифровая трансформация улучшила доступ к научным публикациям и информации с помощью новых инструментов и платформ, расширила доступ к данным исследований и укрепила взаимодействие с более широким кругом заинтересованных сторон, что можно проиллюстрировать четырьмя ключевыми тенденциями:

1. Данные становятся ключевым вкладом в инновации, поскольку они дают представление о рыночных тенденциях, позволяют оптимизировать процессы производства и распределения, облегчают адаптацию продуктов и услуг к рыночному спросу.

2. Данные позволяют создавать инновационные услуги, поскольку новые услуги необходимы, например Интернет вещей сделал возможным профилактическое обслуживание.

3. Цифровые инновации, такие как 3D-печать, увеличивают скорость инновационных циклов, поскольку можно ускорить разработку продукта, прототипы и испытания.

4. Инновации становятся все более совместными, что помогает разделить расходы и снижает риски цифровых инноваций.

Эти тенденции создают больше возможностей для роста количества стартапов и их масштабирования. Государственная политика может сыграть важную роль в максимальном увеличении данного потенциала, обеспечивая предпринимателям цифровые навыки для внедрения этих инноваций и инвестирования в соответствующие инфраструктуры (например, 5G).

Цифровая трансформация предлагает множество возможностей для предпринимательства, в том числе для самозанятых, но только около 2% в полной мере используют преимущества цифровой экономики [14, с. 5]. Поэтому существует большой разрыв в темпах внедрения цифровых инструментов между малыми и средними предприятиями и крупными компаниями. Выгоды в целом делятся на две категории: создание возможностей для выхода на новые рынки (например, в других регионах или странах, разработка и продажа новых продуктов и услуг) и повышение производительности за счет снижения операционных расходов бизнеса. Так, ожидаемыми преимуществами цифрового предпринимательства для предпринимателей и самозанятых выступают:

- улучшенный доступ к исследованиям рынка, бизнес-данным и сетям;
- более широкий охват и более низкая стоимость операционных функций для клиентов, например реклама, коммуникации и распространение;
- улучшение отношений с клиентами через социальные сети;
- улучшенный доступ к существующим каналам продаж;
- создание новых каналов продаж;
- разработка новой платформы, трансформация существующей платформы;
- лучшая способность находить, контактировать и развивать репутацию компании у инвесторов;
- создание эффекта масштаба.

Такое сочетание новых возможностей и снижения затрат потенциально открывает возможности для предпринимательской деятельности большему количеству людей. Более низкие затраты на открытие и ведение бизнеса делают более доступным цифровое предпринимательство для людей с более низким уровнем сбережений и капитала. Сюда входит, например, возможность ведения цифрового бизнеса без физического местонахождения и относительно небольшого количества оборудования. Однако ожидается, что эти более низкие барьеры для входа приведут к увеличению числа участников, что в свою очередь приведет к усилению конкуренции. Это важное обстоятельство, поскольку усиление конкуренции, вероятно, отрицательно скажется на выживаемости бизнеса. Поэтому со стороны органов публичной власти неэффективно и нерационально направлять имеющиеся государственные ресурсы на поддержку предпринимателей с небольшими шансами на успех в высококонкурентных отраслях, которые уже могут характеризоваться избыточным предложением товаров и / или услуг.

На макроуровне цифровая трансформация может улучшить рост производительности за счет внедрения инноваций и снижения затрат на ряд бизнес-процессов. Хотя совокупный рост производительности замедлился за последнее десятилетие, есть свидетельства того, что цифровая трансформация влияет на производительность на уровне компаний. Ожидается, что большее влияние на экономику будет оказано по мере развития цифровой трансформации и внедрения цифровых технологий, бизнес-моделей и практик во все большее число фирм и отраслей, а также по мере увеличения доли рынка цифровыми фирмами. Государственная политика может сыграть свою роль в раскрытии этого потенциального роста производительности, обеспечивая дополнительные инвестиции в цифровые навыки, технологические инновации и новые бизнес-модели.

В настоящее время в России активно обсуждают осуществленный переход к цифровой экономике. Он предполагает внедрение и развитие цифровых технологий во всех сферах жизни, от курсов обучения домашнему хозяйству и предпринимательству до ведущих секторов экономики и регионов. Это требует создания благоприятных условий и стимулов для российского высокотехнологичного бизнеса, который выступает ключевым источником экономического роста и драйвером цифровой трансформации.

По прогнозам потенциальный экономический эффект от цифровизации экономики в России должен составить к 2025 г. 4,1-8,9 трлн руб. (в ценах 2015 г.), что составит 19-34 % общего ожидаемого роста ВВП¹. Приоритетные задачи развития цифровой экономики в России представлены на рис. 1.

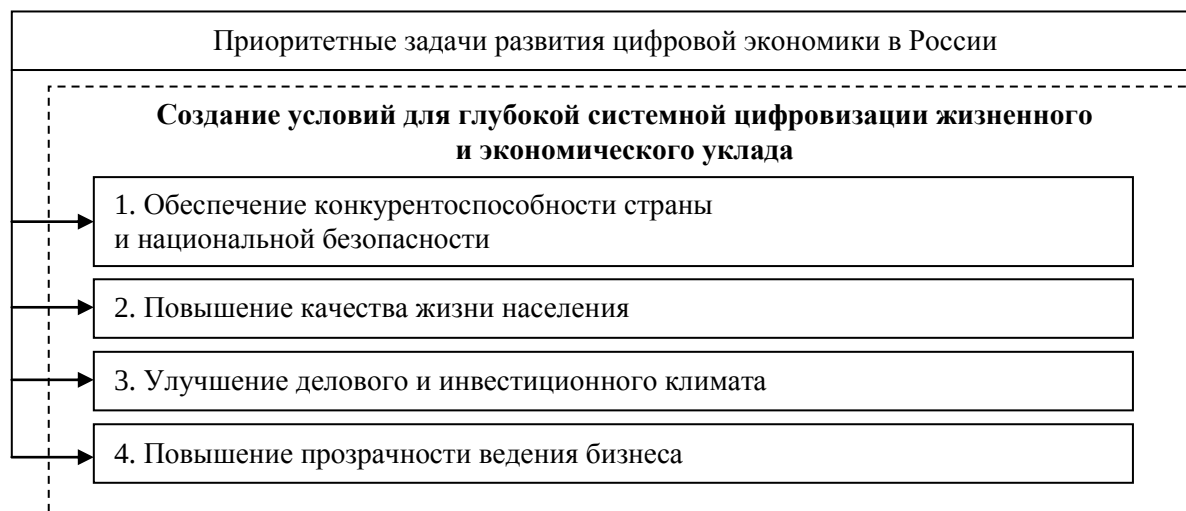

Рис. 1. Приоритетные задачи развития цифровой экономики в России

Таким образом, начало XXI в. ознаменовало развитие цифровых технологий на основе информационной революции и процессов глобализации экономики. Переход экономики к цифровой эре определил возникновение типа предпринимательства, основанного на факторах и особенностях, совершенно отличных от установленных правил игры. Эти изменения открыли ряд возможностей для тех субъектов предпринимательства, которые могут адаптироваться к новым параметрам и функциям, связанным с распространением цифровых технологий. Беспрецедентная цифровая революция существенно изменила формы деловой активности и дала дополнительные возможности для реализации новых бизнес-идей, заложивших основу для инвестиционного климата. Новые формы деловой активности имеют разную динамику распространения и в большинстве случаев порождают совершенно разные модели роста и развития. В целом, в условиях цифровой трансформации предпринимательских структур, государство выступает в роли катализатора экосистемы, способного генерировать, адаптировать и внедрять в производство инновации.

Литература

1. Авдеева И.Л., Головина Т.А., Полянин А.В. Государственное регулирование приоритетных направлений предпринимательства в условиях цифровой экономики // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2018. №4. С. 13-21.
2. Бабкин А.В., Буркальцева Д.Д., Костень Д.Г. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. №3. С. 9-25.
3. Игнатова Т.В., Черкасова Т.П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2. С. 5-14.
4. Кайль Я.Я., Ламзин Р.М., Епина В.С. Эффективность и результативность применения инновационных технологий в государственном управлении: отечественный и зарубежный опыт // Региональная экономика. Юг России. 2016. №3. С. 15-24.
5. Теркина Д. Влияние цифровизации на развитие малого и среднего бизнеса в КНР. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/vliyanie-tsifrovizatsii-na-razvitie-malogo-i-srednego-biznesa-v-kr/#short>.
6. Цифровая трансформация экономики и промышленности: проблемы и перспективы / Под ред. А.М. Бабкина. СПб.: Изд-во ФГАОУ ВО «СПбПУ Петра Великого», 2017. 807 с.
7. Шваб К. Четвертая промышленная революция: пер. с англ. М.: Эксмо, 2017. 208 с.
8. Castells M. The information age: Economy, society and culture: The rise of the network society. Malden. Oxford: Blackwell Publication, 1996. 406 p.
9. Katz R.L. The information society: An international perspective. New York: Praeger, 1988. 168 p.

¹ Цифровая Россия: новая реальность. Mckinsey. – Режим доступа: <http://www.mckinsey.com>.

10. Kurzweil R. The age of intelligent machines. Cambridge, Mass: MIT Press, 1990. 594 p.
11. Masuda Y. The Information Society as Post-industrial Society. – World Future Society, 1981. 172 p.
12. Naisbitt J. Megatrends: Ten new directions transforming our lives. – Grand Central Publishing, 1988. 380 p.
13. Rifkin J. The third industrial revolution: How lateral power is transforming energy, the economy, and the world. N.Y.: St. Martin's Press, 2011. 304 p.
14. Sugandini D., Feriyanto N., Muafi U.I. The influence of novelty seeking behavior and autonomy toward new product trial in the context of E-business learning: The role of mediation of perceived behavioral control // Journal of Entrepreneurship Education. 2018. № 21. P. 1-9.

Kail Iakov Iakovlevich, Doctor of Economics, Professor of Personnel Management and Economics in Education, Volgograd State Social and Pedagogical University (27, Lenin Ave., Volgograd, 400066, Russian Federation). E-mail: kailjakow@mail.ru

Epinina Veronica Sergeevna, candidate of economic sciences, assistant professor of the department of management, Volgograd State University (100, pr. University, Volgograd, 400062, Russian Federation). E-mail: v.epinina@rambler.ru

Lamzin Roman Mikhailovich, senior lecturer of the Department of Personnel Management and Economics in Education, Volgograd State Social and Pedagogical University (27, Lenin Ave., Volgograd, 400066, Russian Federation). E-mail: rom.lamzin@yandex.ru

STATE AND TRENDS OF DEVELOPMENT OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN ENTREPRENEURSHIP

Abstract

The article substantiates the role of digital transformation in changing the way a business operates and organizing production through the development of new digital technologies: the Internet of things, new generation wireless networks, cloud computing, big data, artificial intelligence, blockchain. Each of them becomes possible due to a sharp increase in computing power and a simultaneous decrease in their cost. The authors concluded that digital technology is radically changing the way research and innovation is conducted, which creates more opportunities for the growth and scaling of startups. For the Russian economy, high-tech business is a key source of economic growth and a driver of digital transformation.

Keywords: digitalization, digital technology, digital economy, digital transformation, entrepreneurship, innovation, socio-economic transformation, industrial revolution, e-commerce.

References

1. Avdeeva I.L., Golovina T.A., Polyanin A.V. Gosudarstvennoe regulirovanie prioritetnykh napravlenij predprinimatel'stva v usloviyah cifrovoj ekonomiki // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2018. №4. P. 13-21.
2. Babkin A.V., Burkal'ceva D.D., Kosten' D.G. Formirovanie cifrovoj ekonomiki v Rossii: sushchnost', osobennosti, tekhnicheskaya normalizatsiya, problemy razvitiya // Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskoe nauki. 2017. № 3. P. 9-25.
3. Ignatova T.V., CHERKASOVA T.P. Instituty i tekhnologii cifrovoj ekonomiki kak faktory innovatsionnogo rosta Rossii // Drukerovskij vestnik. 2020. № 2. P. 5-14.
4. Kajl' YA.YA., Lamzin R.M., Epinina V.S. Effektivnost' i rezul'tativnost' primeneniya innovatsionnykh tekhnologiy v gosudarstvennom upravlenii: otechestvennyj i zarubezhnyj opyt // Regional'naya ekonomika. YUg Rossii. 2016. №3. P. 15-24.
5. Terkina D. Vliyanie cifrovizatsii na razvitie malogo i srednego biznesa v KNR. – Rezhim dostupa: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/vliyanie-tsifrovizatsii-na-razvitie-malogo-i-srednego-biznesa-v-knr/#short>.
6. Cifrovaya transformatsiya ekonomiki i promyshlennosti: problemy i perspektivy / Pod red. A.M. Babkina. SPb.: Izd-vo FGAOU VO «SPbPU Petra Velikogo», 2017. 807 p.
7. SHVAB K. CHetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: per. s angl. M.: Eksmo, 2017. 208 p.
8. Castells M. The information age: Economy, society and culture: The rise of the network society. Malden. Oxford: Blackwell Publication, 1996. 406 p.
9. Katz R.L. The information society: An international perspective. New York: Praeger, 1988. 168 p.
10. Kurzweil R. The age of intelligent machines. Cambridge, Mass: MIT Press, 1990. 594 p.
11. Masuda Y. The Information Society as Post-industrial Society. – World Future Society, 1981. 172 p.
12. Naisbitt J. Megatrends: Ten new directions transforming our lives. – Grand Central Publishing, 1988. 380 p.
13. Rifkin J. The third industrial revolution: How lateral power is transforming energy, the economy, and the world. N.Y.: St. Martin's Press, 2011. 304 p.
14. Sugandini D., Feriyanto N., Muafi U.I. The influence of novelty seeking behavior and autonomy toward new product trial in the context of E-business learning: The role of mediation of perceived behavioral control // Journal of Entrepreneurship Education. 2018. № 21. P. 1-9.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И КЛАССИФИКАЦИЯ ТЕОРИЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Кашникова Татьяна Васильевна кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории, экономический факультет, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88).
E-mail: kashnikova@live.ru

Аннотация

В статье проводится сравнительный анализ теорий предпринимательства на основе историко-генетического метода. Подчеркивается необходимость исследования теоретических основ предпринимательства для эффективной его реализации в практической деятельности с целью максимизации прибыли. Утверждается, что актуальность изучения истоков предпринимательства определена условиями экономического развития, процессами глобальной экономической интеграции и потребностями людей в знаниях, способных обосновать принятие того или иного управленческого решения. Необходимость в систематизации экономико-теоретического знания о предпринимательстве связана с повышенным интересом современного общества к данной форме экономической деятельности.

Ключевые слова: предпринимательство, теории предпринимательства, предпринимательская функция, неопределенность, риск, экономические решения, основа управления, рынок, рыночная экономика.

Теории предпринимательства – важная тема для исследования в современных условиях. Это связано с тем, что оно играет основную роль в странах с рыночным типом экономической системы. Поэтому понимание механизмов работы этого вида деятельности выступает главной задачей для экономистов. Исследовав теоретические аспекты этого вопроса, практические результаты будут успешнее. Важно понимание основ данного вида деятельности и тех критериев, которые были выделены у родоначальников предпринимательской теории. Анализ теорий предпринимательства приведет к его пониманию от истоков его генезиса до современного функционирования, что в дальнейшем сможет стать базой для принятия эффективных экономических решений. Традиционное представление о предпринимателе состоит в том, что он новационно комбинирует факторы производства и организует производственную деятельность. В этой связи традиционные модели рассматривают предпринимательскую функцию как основу управления.

Экономическая теория предпринимательства впервые была определена в трудах французского экономиста Р. Кантильона в начале XVIII века, который проводит различие между теми, кто является «наемными работниками с фиксированным доходом», и теми, кто становится «наемными работниками с нефиксированным доходом» [3, с. 126]. В данном случае предприниматели относятся ко второй категории. В 1755 году в «Очерке о природе торговли вообще» Р. Кантильон ввел понятие «предприниматель», под которым понимал экономического агента, находящегося в условиях риска, возникающего в результате неустойчивого функционирования рынка. Этот риск связан с тем, что человек, покупающий товар по известной цене, в будущем не знает, по какой цене этот товар он реализует на рынке, следовательно, существует риск понести убытки [3, с. 262]. К предпринимательской деятельности Р. Кантильон относил людей, занятых в ремесленной и купеческой сферах. К этой категории лиц относились фермерские работники, которые могли понести риски в случае неурожайности и иных факторов, влияющих на цену продукта, что ограничивало предпринимателя в заблаговременном определении цены на их продукт. Р. Кантильон считал предпринимателями людей, которые не имели постоянного заработка. К ним он относил нищих или воров [3, с. 163]. Однако Р. Кантильон не делал различия между риском и неопределенностью.

Примерно столетие спустя Ж.-Б. Сэй определил предпринимателя как посредника между ученым, производящим знания, и рабочим, применяющим их в промышленности [10, с. 68]. Таким образом, Ж.-Б. Сэй вводит узловый элемент в определение предпринимателя: инновация. Будучи вовлеченным в рыночную экономику (в силу ее неопределенности), предприниматель по определению принимает на себя риск. Предпринимательская функция тесно связана с риском, принимаемым в ситуации сомнения или неопределенности. Именно в стремлении избежать или уменьшить риски предприниматель играет роль новатора. Таким образом, инновация действует как относительный редуктор неопределенности, поскольку она наделяет предпринимателя временной монопольной властью; своими инновациями предприниматель вносит вклад в трансформацию рынка. Однако в этом постоянном движении неопределенности не может быть

никакого окончательного результата в постоянно окутывающем тумане делового мира [10, с. 38]. Именно с помощью этих ключевых положений функция предпринимателя постепенно и более точно определялась, начиная с XVIII века, на заре индустриализации. С тех пор теория предпринимательства обогатилась, но дуэт неопределенность-риск все еще остается в ее основе.

Адам Смит, в отличие от Р. Кантильона, был не предпринимателем, а ученым. Он много путешествовал по Европе и симпатизировал философам эпохи Просвещения. Однако он мало интересовался предпринимателем как таковым. Его основополагающее мнение состояло в том, что только рынок способен принести богатство и процветание, не затмевая государство, как редуктор неопределенности, чья роль заключалась в создании условий, благоприятствующих развитию бизнеса. Его анализ содержится в известной концепции «невидимой руки», согласно которой сумма индивидуальных интересов равна общему интересу [9, с. 49]. Жан-Батист Сэй, как и Р. Кантильон, отводит предпринимателю центральную роль. В свое время он был самым известным из всех французских экономистов. Адаптируя идеи Адама Смита, которые он пытался популяризировать во Франции, опубликовал в 1803 году трактат по политической экономии, где определил преимущества свободного предпринимательства и рынка [10, с. 54].

Известный экономист и философ XIX века, Карл Маркс, редко использует термин «предприниматель», предпочитая слово «капиталист». Он не отказывается от термина «предприниматель», которому всегда приписывает место и точную роль в динамике накопления: движение социального накопления, таким образом, представляя, с одной стороны, растущую концентрацию в руках частных предпринимателей, репродуктивные элементы богатства, а с другой - рассредоточение и умножение точек накопления и относительной концентрации, которые отталкивают друг друга от своих особых орбит [5, с. 401]. Капиталистический предприниматель находится в бесконечной спирали. Его способность к инициативе (действиям) ограничена принудительным законом рынка. Кроме того, он отчужден от работника, которого эксплуатирует. Хотя К. Маркс и квалифицировал капитализм как революционный на технологическом уровне, он не смог установить четкую связь между инновациями и предпринимателем. Изобретение становится «отраслью бизнеса», и применение науки к непосредственному производству определяет изобретения в то же самое время, когда оно привлекает их. К. Маркс концентрирует свой анализ на общей динамике процесса накопления. Капитализм захвачен некой динамикой, которая его настигает, но которую он также стремится освоить. В условиях жесткой конкуренции и высокой неопределенности крупные компании поглощают малые, поэтому бизнес должен либо расширяться, либо исчезать. Конкуренция, которая является квинтэссенцией капитализма, приспосабливается [5, с. 407].

Появляются крупные фирмы (исполнители в международном масштабе), которые стремятся все более жестко контролировать неопределенность рынка. Продуктивная деятельность становится все более социализированной. Капитализм меняет свою природу. К. Маркс развивает теорию конца истории (также рассматриваемой Й. Шумпетером), напоминая о возможности новой формы организации экономики, при которой исчезнет рынок и частная собственность. В отсутствие рынка неопределенность и риск устраняются, и, следовательно, предприниматель может принудительно открыть рынок без сопротивления. Однако предприниматель не воспринимается К. Марксом как автономный экономический агент, мастер собственного принятия решений. Капитализм, основанный на принципах конкуренции и, следовательно, на риске, постепенно развивается в направлении управляемой экономической системы, где риск и неопределенность исчезнут так же, как и все другие экономические принципы, присущие капитализму, будь то рынок, цены или валюта [6, с. 384].

Прибыль, полученная предпринимателем, является для Фрэнка Найта справедливым вознаграждением, поскольку она есть продукт неопределенности и принятого риска. Неопределенность на самом деле занимает большое место в его анализе. Автор противопоставляет два типа общества [8, с. 68]. Первое – это воображаемое общество, которое он пытается описать как можно более реалистично, которое характеризуется отсутствием неопределенности. Все экономические субъекты имеют в своем распоряжении одни и те же знания и одну и ту же информацию. Это общество радикально меняется с введением неопределенности, чтобы образовать второй тип общества. Две основные проблемы вытекают из введения неопределенности [8, с. 74]:

1. Прежде всего, предприниматели должны прогнозировать потребности потребителей. Эта задача, наряду с технологическим управлением и контролем производства, оказывается сосредоточенной в пределах одной конкретной категории лиц - предпринимателя.

2. Далее, в этом контексте неопределенности, концептуальная работа преимущественно фокусируется на двух основных блоках производства и организации. Предприниматель и иерархическая организация фирмы - это последствия введения неопределенности в рыночную экономику. Предприниматель берет на себя риски, которые, по мнению Ф. Найта, не поддаются измерению из-за непредсказуемого характера рынка.

Ф. Найт приближается к почти оригинальному определению предпринимателя – определению Р. Кантильона, поскольку предприниматель определяется только его способностью принимать риск.

Маржиналистская теория, инициированная Леоном Вальрасом, выделяется тем, что, основываясь на либеральной рыночной экономике, она заметно продвигает гипотезу прозрачности рынка и, следовательно, отсутствия неопределенности. Экономические агенты, которые считаются разумными существами (возможно, лучше сформулировать как существа, которых нет оснований не считать рациональными), принимают решения (например, предприниматель, который принимает решение о вложении средств на основе рационального анализа затрат-выгод [15, р. 12]. Почти в тот же самый момент австрийский экономист Карл Менгер оказывается в маржиналистской парадигме, не соглашаясь, однако, с тем же определением рациональности. Для Менгера рациональность экономических агентов ограничена [16, р. 138]. Исходя из постулатов этой австрийской школы, экономический анализ предпринимателя смог плодотворно развиваться на протяжении всего XX века (Й. Шумпетер [12], Р. Коуз [14], Ф. Хайек [11], Л. Мизес [7], И. Кирцнер [4], которые ставят неопределенность и риск в центр своей экономической модели, предоставив место формирующейся концепции предпринимателя).

В дальнейшем именитый представитель неоклассического направления и кембриджской школы экономики Альфред Маршалл вместе с последователями выделяет важность связующей роли предпринимателя в своей отрасли, словно он должен обладать знаниями каждого своего рабочего в совокупности, и руководящей функцией, что заключается в рабочей дисциплине и контроле. С такой особенностью деятельности нелегко совладать, из-за чего «не каждый желающий может стать предпринимателем» [6]. Так он выделяет идею об особой экономической активности, от которой зависит прибыльность и которая имеет собственные формы вознаграждения. Й. Шумпетер наряду с Р. Кантильоном и Ж.-Б. Сэем, составляет отца-основателя теории предпринимателя. И Й. Шумпетер, и Ж.-Б. Сэй, в отличие от Р. Кантильона, делали упор на внедрение новизны (а значит, и инноваций) в экономику. В 1934 году теорию инноваций выдвинул Й. Шумпетер. По его мнению, предприниматель – это, в основном, новатор, а новатор - это тот, кто вводит новые комбинации [13, с. 47].

Предпринимательство как инновационный фактор развития, кроме Й. Шумпетера, рассматривали П. Друкер [1, с. 89], И. Кирцнер [4, с. 26], Л. Мизес [7, с. 235] и др. П. Друкер рассматривал предпринимателя как уникального агента перемен. Автор пишет, что «предприниматель всегда ищет перемены, реагирует на них и использует их как возможность» [2, с. 214]. П. Друкер дает рекомендации для тех, кто хочет стать инновационным предпринимателем. Автор утверждает, что успешная инновационная практика является результатом систематической кропотливой работы. П. Друкер вводит систематические инновации в качестве основы для использования инновационных возможностей, считая что предпринимательское общество является результатом инновационного предпринимательства в сочетании с государственным содействием.

Несмотря на то, что используется один и тот же лингвистический термин – «предприниматель», его трактовка может отличаться от мнения авторов и рассматриваемых периодов, принимая различные значения. В сущности, различаются два великих периода. Первый период охватывает первую промышленную революцию, когда экономика прогрессивно шла дальше от феодализма, чтобы способствовать развитию капитализма (капитализм героических времен Й. Шумпетера). Второй период характеризуется ростом размеров фирм, развитием разделения труда внутри предприятия и между предприятиями, а также разделением собственности и управления капиталом. Этот второй период ознаменовался значительным прогрессом в деле социализации экономики.

Таким образом, эволюция теорий предпринимательства Р. Кантильона, Ж.-Б. Сэя, А. Смита, К. Маркса, Р. Коуза, Ф. Хайека, Л. Мизеса, И. Кирцнера, Й. Шумпетера и др. сформировала фундаментальную основу для раскрытия сущности, свойств и функций предпринимательства. При этом методологические проблемы в теории предпринимательства являются предметом научных дискуссий и объектом исследования для современных экономистов.

Литература

1. Друкер П. Энциклопедия менеджмента: Пер. с англ. - М.: Издательский дом «Вильямс», 2004.
2. Друкер П. Эффективное управление. Экономические задачи и оптимальные решения. - М.: ФАИР-Пресс, 2002.
3. Кантильон Р. Эссе о природе торговли в общем плане. Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков. М.: Мысль, 2004. Т. 1.
4. Кирцнер И.М. Конкуренция и предпринимательство. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
5. Маркс К. Капитал. Том 3. - М.: Попурри, 2010.
6. Маршалл А. Принцип политической экономии. – URL: <https://vas-s-al.livejournal.com/715415.html> (Дата обращения: 21.04.2020).
7. Мизес Л. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / 2-е испр. изд. Челябинск: Социум, 2005.
8. Найт Ф.Х. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. - М.: Эксмо, 2007.
10. Сэй Ж.-Б. Трактат по политической экономии. М.: Дело: Акад. нар. хоз-ва при Правительстве РФ, 2000.
11. Хайек Ф. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
12. Шумпетер И.А. История экономического анализа. СПб: Экономическая школа, 2001.
13. Шумпетер И.А. Теория экономического развития. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008.
14. Coase R. The Institutional Structure of Production // The American Economic Review. 1992. Vol. 82. № 4.
15. Jaffe W. Walras' theory of tatonnement: a critique of recent interpretations // Journal of Political Economy. 1967. Vol. 75. № 1.
16. Menger C. In Menger K. (Ed.) Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 2nd ed., Holder, Vienna, (originally published in 1871). - 1923.

Kashnikova Tatyana Vasilievna, Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economic Theory», Economics Department; Southern Federal University (88, st. of Gorky, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: kashnikova@live.ru

COMPARATIVE ANALYSIS AND CLASSIFICATION OF THEORY OF ENTREPRENEURSHIP

Abstract

The article provides a comparative analysis of entrepreneurship theories based on the historical and genetic method. The need to study the theoretical foundations of entrepreneurship for its effective implementation in practice in order to maximize profits is emphasized. It is argued that the relevance of studying the origins of entrepreneurship is determined by the conditions of economic development, the processes of global economic integration and the needs of people for knowledge that can justify the adoption of a particular managerial decision. The need to systematize the economic and theoretical knowledge about entrepreneurship is associated with the increased interest of modern society in this form of economic activity.

Keywords: business, theories of business, entrepreneurial function, uncertainty, risk, economic solutions, basis of management, market, market economy.

References

1. Druker P. Enciklopediya menedzhmenta: Per. s angl. - M.: Izdatel'skiy dom «Vil'yame», 2004.
2. Druker P. Effektivnoe upravlenie. Ekonomicheskie zadachi i optimal'nye resheniya. M.: FAIR-Press, 2002.
3. Kantil'on R. Esse o prirode trgovli v obshchem plane. Mirovaya ekonomicheskaya mysl'. Skvoz' prizmu vekov. M.: Mysl', 2004. T. 1.
4. Kircner I.M. Konkurenciya i predprinimatel'stvo. M.: YUNITI-DANA, 2001.
5. Marks K. Kapital. Tom 3. M.: Popurri, 2010.
6. Marshall A. Princip politicheskoy ekonomii. – URL: <https://vas-s-al.livejournal.com/715415.html> (Data obrashcheniya: 21.04.2020).
7. Mizes L. Chelovecheskaya deyatel'nost': Traktat po ekonomicheskoy teorii / 2-e ispr. izd. Chelyabinsk: Socium, 2005.
8. Najt F.H. Risk, neopredelennost' i pribyl'. M.: Delo, 2003.
9. Smit A. Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov. - M.: Eksmo, 2007.
10. Sej ZH.-B. Traktat po politicheskoy ekonomii. - M.: Delo: Akad. nar. hoz-va pri Pravitel'-stve RF, 2000.
11. Hajek F. Konkurenciya kak procedura otkrytiya // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 1989. № 12.
12. SHumpeter I.A. Istoriya ekonomicheskogo analiza. SPb: Ekonomicheskaya shkola, 2001.
13. SHumpeter J.A. Teoriya ekonomicheskogo razvitiya. M.: Direktmedia Publishing, 2008.
14. Coase R. The Institutional Structure of Production // The American Economic Review. 1992. Vol. 82. № 4.
15. Jaffe W. Walras' theory of tatonnement: a critique of recent interpretations // Journal of Political Economy. 1967. Vol. 75. № 1.
16. Menger C. In Menger K. (Ed.) Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, 2nd ed., Holder, Vienna, (originally published in 1871). - 1923.

ИМПЕРАТИВЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СУБЪЕКТА ПРИ СИСТЕМНОМ ПЕРЕУСТРОЙСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

**Козлов
Андрей
Николаевич**

кандидат экономических наук, старший преподаватель кафедры политической экономии и экономической политики, Южный федеральный университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 88). Email: ko-an-14@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются современные проблемы предпринимательского субъекта в условиях переустройства социально-экономической политики. Экономический императив как фактор трансформации нового социально-экономического развития дает возможность предпринимательскому субъекту быстрого взаимодействия с другими участниками хозяйственного сотрудничества решать проблемы социально-экономического характера. Функциональное изменение субъекта предпринимательской деятельности в структуре государственной социально-экономической политики определяется развитием взаимосвязей организационно-хозяйственного вектора. Показано усиление социально-экономического влияния государственных структур на деятельность предпринимательского субъекта в специфике отечественного социально-экономического преобразования общества.

Ключевые слова: социально-экономические отношения, предпринимательский субъект, социализация предпринимательства, социально-экономическая политика, государственная структура, предпринимательское сообщество, социальная ответственность, социально-экономические интересы, бизнес-среда.

Возможности предпринимательского субъекта в условиях преобразования социально-экономической политики формируют хозяйственные приоритеты трансформационного характера в структуре ответственного поведения предпринимательского сообщества при реформировании современного социально-экономического взаимодействия. Императивное влияние предпринимательского субъекта на системное изменение социально-экономического развития отечественного экономического потенциала рассматривает взаимосвязь между субъектами предпринимательской деятельности и хозяйственными формами социально-экономического сотрудничества. Реакция предпринимательского субъекта на системное переустройство социально-экономической политики показывает отношения хозяйственного взаимодействия государственных органов управления и структур экономического развития предпринимательского класса. При формировании экономических возможностей предпринимательского субъекта, а это индивидуальные предприниматели, некоммерческие организации, коммерческие организации, хозяйственные товарищества, хозяйственные общества, акционерные общества, рассматривается стратегия социально-экономического характера, при которой осуществляются программы социального направления современного предпринимательского сообщества.

В современных условиях социально-экономическая индивидуализация предпринимательского субъекта разрабатывает экономическую стратегию в условиях антикризисной приоритетной программы социально-экономического направления предпринимательского сообщества с четким видением формулы развития и ведения предпринимательской деятельности в нынешнем положении социальных, экономических, политических изменений в нашей стране. Существенные теоретические воззрения на проблемы предпринимательского класса показывают характерные экономические условия в ситуации транзитивного направления и тем самым формируют методологические основы социально-экономические преобладания в концептуальном векторе развития предпринимательского класса. Сами же условия императивного характера социально-экономического преобразования показывают специфику отечественного переустройства социализации общественных отношений, в которых реализуются экономические возможности индивидуума предпринимательского сообщества в ситуации современной социально-экономической политики [1, с. 154].

Экономические императивы предпринимательского субъекта реализуются в контексте проблем социально-экономического развития, которые разрабатываются для решения новых задач предпринимательского класса, что выводит их за рамки функционирования положительного образцового понимания хозяйственной деятельности индивидуальных и коллективных

предпринимательских структур. Переустройство социально-экономических возможностей бизнес-сообщества рассматривается в информационно-технологическом аспекте как характерная степень идеологии развития предпринимательских идей, предпринимательских процессов, а также реформирование институтов предпринимательского класса [2, с. 83]. Социально-экономические изменения в условиях информационного и технологического преобразования требуют от экономического сообщества новые структурные предпринимательские сдвиги, а это: 1) становление различного рода информационно-технологических взаимодействий; 2) формирование индивидуумов и коллективных предпринимателей социально-информационного направления; 3) преобразование коммерческих предложений в области информационного развития; 4) функционирование социально-экономических приоритетов технологического характера.

Осуществление интеллектуальных наработок предпринимательского субъекта в специфике социально-экономической трансформации предопределяет новизну социально-экономической политики государственного управления, при которой создание, владение и использование этих интеллектуальных наработок в социально-экономическом подходе к проблеме ноу-хау, приносит предпринимателям высокую степень доходности в ситуации механизма социально-экономических взаимоотношений. Предпринимательское сообщество в таком социальном переустройстве рассматривает современное развитие интеллектуального социального преобразования в: 1) векторе высоко социально-ориентированного предпринимательского сообщества; 2) специфике нового социально-информационного развития; 3) функционировании социально-инновационного проекта; 4) формировании социально-технологического и социально-производственного аспекта предпринимательского класса; 5) создании новейших предприятий социально-экономического направления; 6) условиях предпринимательской деятельности социально-экономического характера.

Механизмы современных социально-экономических интересов предпринимательского сообщества раскрываются в специфике постиндустриального преобразования экономических отношений, при которых субъектам предпринимательской деятельности предоставляется возможность перехода от одного неэффективного производства к более прогрессивному, социально-эффективному производственному процессу [3, с. 129]. Эти условия реализуются в направлении высококонкурентного реформирования и закрепления материального, финансового, производственного, организационного, инвестиционного, инновационного, технического и информационного приоритета предпринимательского субъекта, где усилия социально-экономических взаимоотношений раскрываются в механизмах рыночного формирования конечного результата при производстве товаров, продукции и услуг. Сложность такого становления и закрепления заключается в умении предпринимательского субъекта быстро реагировать на глубинные изменения и большие колебания рыночной конъюнктуры, при которой качественный современный базис социально-экономического характера показывает движение в сторону стратегического структурного формирования предпринимательского сообщества.

Преобладание в новой среде предпринимательского класса постиндустриального изменения показывает необходимость социально-экономического взаимодействия внутри бизнес-сообщества в контексте частных социально-экономических интересов, где ситуация хозяйственного преобразования показывает требовательность к: 1) получению высококачественных трудовых ресурсов; 2) формированию новых компетенций у специалистов высокого уровня; 3) становлению эффективного действующего коллектива; 4) организации условий труда. Социальный вектор современного предпринимательского класса осуществляет совершенно новые тенденции социально-экономических интересов, которые рассматриваются в деятельности бизнес-сообщества в социально-рыночном реформировании отечественных компаний [4, с. 96]. Поэтому в таких случаях компании раскрывают возможность для социально-экономических отношений, которые превращаются в современные социализированные факторы, а это: 1) качественное повышение производимого товара, продукции и услуг социального характера; 2) изменение и распределение прибыльности компании в сторону социально-экономического направления; 3) развитие предметов труда и специфики производства в контексте социализации хозяйственного процесса.

Функционирование современных общественных социально-экономических интересов отражается в условиях рыночного свободного преобразования и вариативного конкурирующего начала для предпринимательского сообщества, при котором создаются предпосылки для

появления социально-органической системы взаимосвязанных и взаимообусловленных социально-экономических интересов [5, с. 115]. Эволюционный подход к основе социально-экономического влияния на предпринимательский субъект создает условия для гармонического формирования и развития системы социально-экономических интересов в виде: 1) становлении и формировании современной социализированной компании; 2) разработки корпоративных социальных программ; 3) выработки социально-экономических интересов руководителями компаний для недопущения теневого и криминального влияния; 4) согласования общественных социально-экономических интересов. Степень проникновения в предпринимательское сообщество специфических социально-экономических интересов дает им возможность раскрываться в полной мере через: 1) исследование социально-рыночного взаимодействия предпринимательского субъекта в структуре общественных отношений; 2) разработку программ социально-экономического сотрудничества между всеми субъектами экономической деятельности.

Деятельность предпринимательского субъекта в условиях новейшего изменения социально-экономической политики базируется на формировании эффективного взаимодействия и заинтересованности собственников компаний в социально-экономической ответственности за управление и руководство предпринимательской деятельностью, при которой осуществляется комплекс мер качественных принимаемых решений для обеспечения устойчивости реализации своих социально-хозяйственных и социально-производственных программ [6, с. 17]. Императивом современного изменения социально-экономической ответственности предпринимательского сообщества (требовательность к другим субъектам экономической деятельности) становится: 1) приоритет социально-экономического развития в положении социальной ответственности бизнеса; 2) повышение качества и уровня жизни населения страны; 3) взаимосвязь предпринимательского сообщества и государственных структур в ситуации незапланированного события, катастрофы, пандемии и т.д. Необходимость помощи субъектов предпринимательской деятельности органам социально-экономического управления характеризует современное качество бизнес-среды в векторе социальной ответственности, при которой активные действия в целях институционального изменения предпринимательского сообщества нашей страны показывает направление на социализацию экономических отношений и обеспечение эффективной социально-экономической политики [7, с. 85].

Решение проблематики предпринимательского субъекта в крайне важном и существенном направлении социальной ответственности малого, среднего и крупного бизнеса показывает, что трансформация современного экономического взаимодействия невозможна без поддержания государством равновесных экономических возможностей. Специфика такого взаимодействия осуществляется через: 1) интересы управленцев в структуре социальной бизнес-среды; 2) возможности крупных инвесторов для осуществления проектов социальной направленности; 3) помощь в контексте социально-экономического приоритета работникам компаний; 4) участие предпринимательского сообщества в разнонаправленных социальных проектах; 5) преобразование института социального предпринимательства. Переустройство бизнес-среды для осуществления социальных значимых проектов рассматривает поведение малого, среднего и крупного субъекта предпринимательской деятельности как фактор хозяйственного изменения при осуществлении социально-экономических программ отечественного экономического приоритета социально-хозяйственного и социально-производственного формата, который реализует свой хозяйственный потенциал в структуре современной бизнес-среды [8, с. 267].

Исследование парадигмы социальной ответственности предпринимательского сообщества позволяет выделить некоторые группы, рассматривающие проблемы социальной ответственности в контексте реформирования отечественного взаимопроникновения и взаимосвязей предпринимательского сообщества и государственных органов управления социально-экономической политикой. К таким групповым взаимоотношениям можно отнести: 1) проблемы административно-правового характера бизнес-среды; 2) взаимодействие административно-организационного характера малого, среднего и крупного предпринимательства с государственными структурами; 3) специфику отношений предпринимательского сообщества с криминальными и теневыми элементами; 4) проблемы финансового характера социально-экономического сотрудничества; 5) сложности финансово-кредитной поддержки социального предпринимательства. Особенности парадигмы социально-экономического изменения формируются в направлении развития и реформирования некоторых моментов социализации предпринима-

тельского сообщества, а это: 1) долгосрочное изменение неразвитости механизмов самофинансирования, общества взаимного социально-экономического страхования; 2) изменение финансирования программ поддержки малого, среднего и крупного предпринимательства в векторе социально-экономической политики; 3) изменение банковских кредитных ресурсов для социализации предпринимательского сообщества.

Системное переустройство социально-экономической политики в трансформации государственного подхода к эффективности использования программ социального воздействия на уровень предпринимательского развития показывает, что все необходимые мероприятия, принимаемые государственными органами управления и предпринимательским сообществом, реализуются в их содружестве экономического и политического функционирования [9, с. 214]. Проблемы такого рода рассматриваются в организационной, правовой, культурной, политической, социальной доктрине социально-экономического характера, при которой в направлении социализации производственного процесса показываются весьма существенные предпочтения экономического развития предпринимательского субъекта. Особенность государственного взаимодействия с предпринимательским объединением в условиях переходной социально-экономической политики заключается в том, что специфика инфраструктурных проектов показывает необходимость еще большего сотрудничества государственных органов управления социально-экономической структурой и предпринимательского субъекта в векторе социально-экономического развития [10, с. 56]. Сложность отечественной хозяйственной действительности показывает усиленное воздействие регулирования механизмов социально-рыночного влияния на предпринимательские субъекты, что приводит иногда к столкновению социально-экономических интересов бизнес-структур с государственными органами управления в производственной, коммерческой, инвестиционной, инновационной деятельности.

Разрабатывая и реализуя социально-экономические программы, государственные структуры сталкиваются с некоторой неспособностью предпринимательского сообщества к принятию и системному переустройству социально-экономического развития, это возникает иногда при функционировании рыночного механизма у множества участников предпринимательского сообщества, а также под воздействием рыночной конъюнктуры и изменением сегментации рынка у отдельных субъектов предпринимательской деятельности. В таких условиях проводится реформирование социально-экономического направления, при котором осуществляется: 1) снижение барьеров для ведения социально-экономической деятельности; 2) установление налоговых предпочтений предпринимательскому сообществу в контексте социализации; 3) выделение субсидий участникам социально-экономического взаимного сотрудничества; 4) стимулирование предпринимательского субъекта, который участвует и реализует социально-экономические программы. Экономическое поведение предпринимательского сообщества в условиях реализации программ социально-экономического характера является стратегией современного выживания компании в условиях мирового кризисного явления, связанного с эпидемиологической ситуацией в нашей стране и других государствах [11, с. 54].

Императивы предпринимательского субъекта в структурном переустройстве государственного влияния на социально-экономическую политику функционируют как необходимое действие организационно-хозяйственного, социально-экономического, системно-производственного аспекта, при котором даются все необходимые для сотрудничества элементы взаимосвязей и взаимодействия государственного управления социально-экономическим развитием и предпринимательского субъекта. Такие элементы связываются современным взаимоотношением и взаимопроникновением государственных компаний и частных предпринимательских структур в социально-хозяйственном переустройстве экономической действительности, при которой осуществляется соединение социальных, организационных, гуманитарных, информационных, технических, экологических и институциональных факторов развития социально-экономической политики в направлении поддержки предпринимательского субъекта [12, с. 89]. Особенность такого взаимодействия имеет некоторые моменты, которые необходимо изменить для переустройства социально-экономического развития страны, а это: 1) повысить уровень информированности предпринимательского субъекта; 2) расширить уровень методической поддержки бизнес-сообщества в направлении социальной активности; 3) снизить неэффективность системы учета квалифицированных кадров в структуре предпринимательского субъекта; 4) повысить уровень коммуникации предпринимательского сообщества.

Степень формирования социально-экономической устойчивости государственного взаимодействия с предпринимательским субъектом отражается в соединении всех элементов социально-хозяйственного преобразования, где условия дальнейшего функционирования приоритетных направлений социализации производственного, промышленного, инвестиционного, инновационного, технологического фактора находятся в зависимости от степени сотрудничества государственных органов управления социально-экономического развития и предпринимательского субъекта [13].

Специфика хозяйственных возможностей для дальнейшего реформирования социально-экономического вектора отражает состояние и тенденции приоритетных системных разработок, при которых государственные и частные компании в трансформационных условиях показывают важность социально-экономического потенциала тех устойчивых позиций, которые сформировались на сегодняшний момент в социально-экономическом развитии предпринимательского сообщества и государственных структур управления.

Таким образом, экономические императивы создают существенные изменения в сторону социально-экономического преобразования, которые предоставляют для предпринимательского субъекта весьма устойчивые предпочтения в своем функционировании как хозяйственного элемента в современной государственной социально-экономической политике. Это определяет деятельность предпринимательского субъекта в его траектории будущего планирования, экономической целесообразности, организационно-производственных требований, при которых он реализует свои стратегические намерения по внедрению и осуществлению своих планов в сфере предпринимательской деятельности.

Литература

1. Гельцер Ю.Г. Основы предсказуемой экономики: Экономика в свете общей теории систем. М.: Ленанд, 2018. 352 с.
2. Управление в социальной сфере: состояние, проблемы и тенденции развития. Монография / под ред. Т.В. Игнатовой, С.П. Кюрджиева. Ростов н/Д: ЮРИУ РАНХиГС, 2018. 200 с.
3. Мязков П. Теоретические основы трудовой политической экономики. М.: ИПЦ Маска, 2015. 368 с.
4. Афанасьев К.С., Казеннов А.С., Попов М.В. Государственное регулирование экономики как средство экономической политики. М.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. 148 с.
5. Козлов А.Н. Устойчивость предпринимательского объединения в направлении развития системных приоритетов // Вестник Института дружбы народов Кавказа. Теория экономики и управления народным хозяйством. 2019. № 4 (52). С. 112 – 118.
6. Иванов П.Н. Сущностные характеристики трансформационных процессов в экономической системе // Социально-экономические явления и процессы. 2011. № 10. С.14 – 18.
7. Самошкова Л.Д. Революционный характер институциональных изменений в переходной экономике на примере России и их последствия для общества // Проблемы региональной экономики. 2015. № 31. С. 81 – 89.
8. Геец В.М. Общество, государство, экономика: феноменология взаимодействия и развития. 2-е изд., перераб., и доп. М: Экономика, 2014. 630 с.
9. Коршунова Е., Попова О., Дорожкин И. Экономика, организация и управление промышленным предприятием. М.: Инфра-М. 2017. 272 с.
10. Абдулкеримов К.К. Формирование и реализация государственной социальной политики в условиях современной России // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 55 – 58.
11. Герасимов П.П. К вопросу об экономической сущности и содержании предпринимательства // Альманах современной науки и образования. 2013. № 8 (75). С. 53 – 56.
12. Брыль И.В. Особенности формирования нематериальных активов и их управление в рыночной экономике // Стратегия и механизмы регулирования промышленного развития. 2013. № 5. С. 80 – 94.
13. Игнатова Т.В., Келарев В.В., Гончарова О.Ю., Кармизов А.Е. Система государственного управления развитием предпринимательства в России: Учебное пособие. Ростов н/Д.: Изд-во Альтаир, 2014. 324 с.

Kozlov Andrey Nikolaevich, Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer of the Department of Political Economy and Economic policy, Southern Federal University (88, M. Gorky St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ko-an-14@mail.ru

IMPERATIVES OF THE BUSINESS ENTITY IN THE SYSTEMIC RESTRUCTURING OF SOCIO-ECONOMIC POLICY

Abstract

The article deals with modern problems of the business entity in the conditions of restructuring of socio-economic policy. The economic imperative as a factor of transformation of the new socio-economic development makes it possible for the business entity to quickly interact with other participants in economic cooperation to solve problems of a socio-economic nature. The functional change of the business entity in the structure of the state socio-economic policy is determined by the development of interrelations of the organizational and economic vector. It shows the strengthening of the socio-economic influence of state structures on the activities of an entrepreneurial entity in the specifics of the domestic socio-economic transformation of society.

Keywords: socio-economic relations, business entity, socialization of entrepreneurship, socio-economic policy, state structure, business community, social responsibility, socio-economic interests, business environment.

References

1. Gel'cer YU.G. Osnovy predskazuemoj ekonomiki: Ekonomika v svete obshchej teorii sistem. M.: Lenand, 2018. 352 p.
2. Upravlenie v social'noj sfere: sostoyanie, problemy i tendencii razvitiya. Monografiya / pod red. T.V. Ignatovoj, S.P. Kyurdzhieva. Rostov n/D: YURIU RANHiGS, 2018. 200 p.
3. Myagkov P. Teoreticheskie osnovy trudovoj politicheskoy ekonomiki. M.: IPC Maska, 2015. 368 p.
4. Afanas'ev K.S., Kazennov A.S., Popov M.V. Gosudarstvennoe regulirovanie ekonomiki kak sredstvo ekonomicheskoy politiki. M.: Izd-vo LGU im. A. S. Pushkina, 2015. 148 p.
5. Kozlov A.N. Ustojchivost' predprinimatel'skogo ob"edineniya v napravlenii razvitiya sistemnyh prioritetov // Vestnik Instituta druzhby narodov Kavkaza. Teoriya ekonomiki i upravleniya narodnym hozyajstvom. 2019. № 4 (52). P. 112 – 118.
6. Ivanov P.N. Sushchnostnye harakteristiki transformacionnyh processov v ekonomicheskoy sisteme // Social'no-ekonomicheskie yavleniya i processy. 2011. № 10. P.14 – 18.
7. Samoshkova L.D. Revolyucionnyj harakter institucional'nyh izmenenij v perekhodnoj ekonomike na primere Rossii i ih posledstviya dlya obshchestva // Problemy regional'noj ekonomiki. 2015. № 31. P. 81 – 89.
8. Geec V.M. Obshchestvo, gosudarstvo, ekonomika: fenomenologiya vzaimodejstviya i razvitiya. 2-e izd., pererab., i dop. M: Ekonomika, 2014. 630 p.
9. Korshunova E., Popova O., Dorozhkin I. Ekonomika, organizaciya i upravlenie promyshlennym predpriyatiem. M.: Infra-M. 2017. 272 p.
10. Abdulkherimov K.K. Formirovanie i realizaciya gosudarstvennoj social'noj politiki v usloviyah sovremennoj Rossii // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2012. № 6. P. 55 – 58.
11. Gerasimov P.P. K voprosu ob ekonomicheskoy sushchnosti i soderzhanii predprinimatel'stva // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. 2013. № 8 (75). P. 53 – 56.
12. Bryl' I.V. Osobennosti formirovaniya nematerial'nyh aktivov i ih upravlenie v ry-nochnoj ekonomike // Strategiya i mekhanizmy regulirovaniya promyshlennogo razvitiya. 2013. № 5. P. 80 – 94.
13. Ignatova T.V., Kelarev V.V., Goncharova O.YU., Karmizov A.E. Sistema gosudarstvennogo upravleniya razvitiem predprinimatel'stva v Rossii: Uchebnoe posobie. Rostov n/D.: Izd-vo Al'tair, 2014. 324 p.

ПЛАН ГОЭЛРО-2 – ОСНОВНОЕ ЗВЕНО УСПЕШНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ВТОРОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ РОССИИ

Потехин Виктор Николаевич кандидат экономических наук, руководитель СМИ
«Вторая индустриализация России» (620014, Россия, г. Екатеринбург,
ул. Горького, 39). E-mail: vnp1@ya.ru

Аннотация

Переход экономики страны на инновационный тип общественного воспроизводства предполагает использование качественно новой научной базы, теории, системно-целостной междисциплинарной методологии и соответствующей практики. Такая задача может быть разрешена в виде разработки плана ГОЭЛРО-2, как составной части Второй индустриализации России (более широкой программы). Как и предыдущий план ГОЭЛРО, реализованный молодой советской Россией в 1920-е гг., новый план ГОЭЛРО-2 представляет собой «основное звено, потянув за которое можно вытянуть успешно отечественную экономику и общество из всей постоянно усиливающейся совокупности системных и иных проблем». План ГОЭЛРО-2 охватывает наиболее передовые супертехнологии, созданные на новых физических и социально-экономических принципах, имеющих межотраслевой характер, пронизывающие все отрасли и сферы жизнедеятельности каждого человека и общества, является важнейшим инструментом привлечения неограниченного объема внешней энергии на службу каждому человеку-обществу-производству для повышения производительности труда и роста благосостояния всего населения страны, не нарушая экологию и не нанося вреда человеку и всему живому в природе. План ГОЭЛРО-2 основан на учете качественно новых всеобщих и социально-экономических законов развития, а именно: сохранения полной мощности; основного закона социально-экономического развития человека-общества в природе при любом строе, синергии – объединения объектов живой и неживой природы; развития социально-экономических систем на основе постоянного увеличения полезной мощности общества С.А. Подолинского; «золотого сечения» Фибоначчи; воспроизводимости природных ресурсов; сохранения энергоинформационного потенциала; циклического развития – эволюции социально-экономических систем; экономии времени и пр. В своей технологической основе план ГОЭЛРО-2 имеет закон сохранения кинетронного импульса, который позволит на принципиально новой научной основе создавать устройства и комплексы по преобразованию неограниченной, возобновляемой, экологически чистой энергии кинетронов (мельчайших движущихся частиц) в иные формы энергии, используемые человечеством. В будущем это обеспечит цивилизацию бесплатной экологически чистой энергией, бесплатной и безвредной КСТ-связью, биомедицинскими КСТ-приборами для дистанционной диагностики и эффективного лечения практически любых заболеваний и пр. супертехнологиями.

Ключевые слова: инновационный тип общественного воспроизводства, системно-целостная междисциплинарная методология, ГОЭЛРО-2, всеобщие и социально-экономические законы развития человека-общества в природе, закон сохранения кинетронного импульса, Вторая индустриализация России, системные кризисы, производственные отношения, организационные решения.

Введение

Одним из ключевых всеобщих законов развития человека и общества является объективная потребность в постоянном увеличении привлекаемых внешних источников энергии для сохранения и дальнейшего развития человечества как вида в природе [8]. Сложившиеся комплексные неблагоприятные условия в России, сопровождаемые постоянным усилением внутренних и внешних системных кризисов, непрерывным ухудшением качества жизни 96% всего населения страны, превращением отечественной экономики в сырьевой, финансовый и управленческий придаток развитых государств, свидетельствуют о нарушении названного закона. Это обуславливает незамедлительную необходимость кардинального переосмысления используемых экономических теорий, методологий, систем управления и выбор рационального направления, путей, форм и методов дальнейшего полезного общественного воспроизводства на качественно новой научной базе. Такой объективной всеобщей национальной идеей является форсированное осуществление Второй индустриализации России [4; 14]. В свое время в молодой советской России подобным решением и ключевым звеном в качественном развитии и успешном осуществлении позитивных комплексных преобразований в стране явился план ГОЭЛРО – государственный план электрификации страны¹.

¹ История ГОЭЛРО [Электронный ресурс] - URL: <https://minenergo.gov.ru/node/3039>; см. также: [26].

На современном этапе его аналогом служит – государственный план повсеместного внедрения на новых физических и социально-экономических принципах прорывных и супер-технологий в производство, в рациональную организацию жизнедеятельности по уровням хозяйствования, обеспечивающих в совокупности: постоянный и многократный рост общественной производительности труда; непрерывное повышение качества жизни всего населения России; многократное сокращение бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов и увеличение полезных затрат-результатов; экологически чистое производство; постоянную гуманизацию условий труда и жизни, производственных и надстроечных отношений в обществе.

Для разработки и реализации такого плана – ГОЭЛРО-2 – необходимо учитывать в первую очередь совокупность объективных исходных ключевых предпосылок:

- как обеспечить выполнение всеобщего закона С.А. Подолинского, предопределяющего сохранение цивилизации на Земле, согласно которому «рост полезной мощности общества не должен убывать во времени» [8];

- как увеличить поток привлекаемой в потребление всего общества внешней энергии [5, 6];

- как обеспечить реализацию главного социально-экономического закона развития человека-общества в природе, предопределяющего объективный смысл и основную цель развития каждого человека и общества в природе при любом строе, который отражает необходимость постоянного увеличения доли полезных затрат-результатов и уменьшение доли бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов в структуре бюджета социального рабочего и свободного времени по уровням хозяйствования [13];

- как снизить негативное антропогенное воздействие на окружающую среду и обеспечить сохранение цивилизации.

Обобщение отечественной истории дает нам такой опыт в развитии молодой советской России на примере плана ГОЭЛРО – Государственный план электрификации России. Его особенностью было то, что это была программа выхода советской России на новый уровень развития в ходе восстановления народного хозяйства, разрушенного за долгие 7 лет Первой мировой и Гражданской войн. Она послужила исходным звеном последующей комплексной программы на 10-15 лет (воплощенных в первых пятилетних планах) по осуществлению первой индустриализации в СССР.

После Великой Октябрьской социалистической революции и годы гражданской войны народное хозяйство молодой советской России находилась в состоянии тяжелейшей разрухи: промышленное производство сократилось по сравнению с 1913 г. в 7 раз, выработка электроэнергии в 4 раза, объем сельскохозяйственной продукции составлял 2/3 довоенного уровня. Поэтому восстановление экономики серьезным образом стояло на повестке дня. От этого зависела судьба России, судьба страны – быть самостоятельным государством или стать протекторатом.

В ходе непрекращающейся перестройки в 1991-2020-х гг. разрушения и потери в экономике и обществе России наблюдаются больше, чем в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. [15; 16; 17]. В результате страна превратилась в сырьевой, финансовый и управленческий придаток развитых зарубежных государств. Поэтому в настоящее время необходим такой же план, но ГОЭЛРО-2 – на принципиально новой научно-технологической базе, кадровой и организационной основе для решения проблемы выхода из постоянно усиливающихся внутренних и внешних системных кризисов и всякой зависимости России от зарубежных стран.

Литературный обзор

Надо отдать должное руководителям молодой советской России, которые в короткие сроки нашли «основное звено, потянув за которое, вытащили всю цепь решения комплекса проблем» и в относительно короткий срок сделали СССР могучей экономической, политической, социально-культурной державой в мире, повысившей кардинально качество жизни всего народа на основе нового уровня научно-технологической, социально-экономической и управленческой базы. Сегодня возрождение Отечества и государства остается актуальным, но не на основе «либерально-демократических» субъективно-договорных преобразованиях по лекалам Великобритании и США, наносимых постоянные невосполнимые потери экономике, всему населению, культуре, государству и природным ресурсам страны. Решение этой проблемы в России может осуществляться лишь на принципиально новой отечественной научно-технологической базе, инновационных кадрах всех категорий, бескровным, гуманным, духовно-нравственным путем, с использованием экологически чистых производств, на основе учета действия совокупности объективных

всеобщих и социально-экономических законов. Это исключит полностью волюнтаризм, авантюризм, дискриминационно-деструктивные направления, пути, формы, методы перестройки общества-экономики-государства, характерных для современной отечественной государственно-монополистической «либерально-демократической» внутренней и внешней социально-экономической, научно-технологической политики и принятой стратегии дальнейшего развития.

Сущность ГОЭЛРО характеризуется комплексным подходом разработчиков к решению проблемы. Председатель комиссии ГОЭЛРО (а в будущем председатель Госплана СССР) Г.М. Кржижановский, характеризуя план ГОЭЛРО, твердо сказал «за 10 лет мы осуществим не только те задачи, которые намечены трудами ГОЭЛРО, но и работы значительно более обширного характера» [23; 24; 26]. Он оказался прав: через 10 лет ему пришлось выслушивать упреки обратного характера – в недостаточности темпов развития электроэнергетики по плану ГОЭЛРО [23; 24; 26].

План ГОЭЛРО предусматривал:

- развитие восьми экономических районов: Северного, Центрально-промышленного, Южного, Приволжского, Уральского, Кавказского, Западно-Сибирского и Туркменского;
- строительство предприятий, электрических станций и сетей, обеспечивающих реализацию плана;
- комплексность развития отраслей народного хозяйства: промышленности, сельского хозяйства, транспорта, в единой связке с развитием энергетической базы – единого энергетического фундамента;
- удвоение выпуска промышленной продукции по сравнению с 1913 г.,
- увеличение мощности электростанций в 10 раз по сравнению с 1913 г.

План ГОЭЛРО, рассчитанный на 10-15 лет, который в условиях разрухи, голода, эпидемий казался просто фантастическим и в реальность которого не верили не только за рубежом, но и российские специалисты, в основном, был перевыполнен к 1931 г. Выработка электроэнергии в 1932 году по сравнению с 1913 годом увеличилась не в 4,5 раза, как планировалось, а почти в 7 раз: с 2,0 до 13,5 млрд кВт·ч.

Повсеместная электрификация послужила основой будущей сталинской индустриализации [20; 21; 22].

Сегодня снова возникает необходимость восстановления экономики, пострадавшей в результате деструктивной перестроечной политики, постоянно усиливающихся системных внутренних и внешних кризисов и пандемии. Президент РФ В.В. Путин неоднократно в средствах массовой информации говорил о необходимости разработки и реализации плана развития России. Исходя из обобщения имеющихся отечественных наработок с позиций системно-целостной междисциплинарной методологии в выделенном направлении, таким амбициозным и в меру «фантастичным», по нашему мнению, является план с аналогичным названием «ГОЭЛРО-2», рассматриваемый как «основное звено осуществления Второй индустриализации России, потянув за которое можно вытянуть успешно отечественную экономику и общество из всей постоянно усиливающейся совокупности системных и иных проблем». ГОЭЛРО-2 охватывает наиболее передовые супертехнологии, созданные на новых физических и социально-экономических принципах, имеющих межотраслевой характер, пронизывающие все отрасли и сферы жизнедеятельности каждого человека и общества, является важнейшим инструментом привлечения неограниченного объема внешней энергии на службу каждому человеку-обществу-производству для повышения производительности труда и роста благосостояния всего населения страны, не нарушая экологию и не нанося вреда человеку и всему живому в природе.

Экономические основы плана ГОЭЛРО-2 обуславливаются качественно новой научно-технологической базой, объективной новой экономической теорией, системно-целостной междисциплинарной методологией, межотраслевыми прорывными и супертехнологиями, фундаментально подготовленными инновационными кадрами и населением страны всех категорий, овладевшими рациональным социально-экономическим мировоззрением, действием совокупности всеобщих и социально-экономических законов развития общества в природе, знающими пути рационального кардинального, бескровного и гуманного преобразования всей экономики и общества на основе форсированного осуществления комплексной всеобщей национальной идеи – «Второй индустриализации России», обеспечивающей переход на инновационный тип общественного воспроизводства; многократный рост производительности труда и повышение

качества жизни всего населения страны; выход из всех внутренних и внешних системных кризисов; освобождение от всякой внешней научной, технологической, финансовой и иной зависимости от зарубежных стран; достижение в ближайшей перспективе 5-7 лет мирового лидерства по качеству жизни, экологически чистым производствам и иным направлениям, сохранив приоритеты в экономике и условиях жизнедеятельности на 50-75 лет, а затем навсегда.

Осуществление грандиозных преобразований всегда требует тщательной теоретической, методологической, методической, организационной проработки решаемых задач и вопросов. Экономической основой плана ГОЭЛРО служили труды К. Маркса и В.И. Ленина, возведенные в классово-политические догмы. Такой экономической основой, по определению классиков марксизма-ленинизма и их последователей является совокупность экономических законов:

- закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства,
- закон соответствия производственных отношений характеру производительных сил,
- основной закон социализма, т.е. закон «обеспечение максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества путём непрерывного роста и совершенствования социалистического производства на базе высшей техники» [19],
- закон роста производительности труда,
- закон экономии времени,
- и прочие.

Это позволило строителям социализма успешно создать и апробировать на примере электрификации России модель экстенсивного расширенного воспроизводства за счет повсеместного внедрения энергетики в народное хозяйство, которая явилась межотраслевым ключевым звеном развития всех иных производств. В последующем данная модель была положена в основу осуществления форсированной индустриализации за счет ускоренного развития системы образования, науки, металлургической, тяжелой, добывающей, машиностроительной и иных отраслей промышленности и сельского хозяйства.

К сожалению, названные законы и основанные на них модели, как показала практика, имеют ряд существенных теоретических, методологических и практических недостатков, связанных с тем, что не были раскрыты объективный механизм действия и механизм учета их действия в жизнедеятельности общества и управлении, измеряемый в объективных единицах измерения. Также вся марксистско-ленинская экономическая теория и методология того периода имели в большинстве своем идейно-политические, классовые и иные субъективные начала, обуславливающие ручное управление, частичное познание в условиях высокой степени неопределенности и т.п. Например, оценка состояния осуществлялась преимущественно в деньгах, т.е. косвенных субъективно-договорных величинах, искажающих общее представление о реальном состоянии дел в производстве, отрасли, регионе, стране. Отмеченное положение является препятствием для включения названных законов и их действия в программу составления плана развития России на современном этапе [4; 12; 13; 14].

Вместе с тем, как показывает опыт СССР, примененные в конкретных исторических условиях и при конструктивной социально-экономической идеологии и политике государства, предложенная руководством молодой советской Россией модель ускоренного развития на базе энергетики сыграли решающую и позитивную роль в комплексном развитии страны. Общеизвестно, что энергия является исходным звеном сохранения и развития любой жизнедеятельности, в т.ч. человека-общества в природе.

Что касается современных субъективно-договорных теорий, концепций, методологий, подходов и практик, основанных на «либерально-демократических» моделях, не имеющих ничего общего с наукой, то их также нельзя использовать при составлении плана ГОЭЛРО-2, т.к. они основаны на субъективно-договорных показателях оценки труда, товара, соответствующего расчета трех сценариев, установленной системе ложных целей, интересов, потребностей, возможностей дальнейшего роста преимущественно национальной и международной элиты. Все они, как показывает практика, лишь способствуют разрушению стабилизирующих институтов в обществе, экономике и ухудшению качества жизни 96% населения России.

Разработка и последующая реализация плана ГОЭЛРО-2 на современном этапе предполагает качественно новую научную базу, знание объективного механизма действия и механизма рационального учета действия законов природы и общества, исключающих всякие религиозные, классовые, идеологические, политические и иные субъективно-договорные начала их действия

и учета в практике. На основе обобщения накопленного опыта в данном направлении с нашим участием была выделена расширенная совокупность всеобщих и социально-экономических законов природы и общества; раскрыт объективный механизм действия и механизм учета действия законов в жизнедеятельности общества и управлении по уровням хозяйствования; выделена совокупность необходимых и достаточных междисциплинарных методологических инструментов – системно-целостная междисциплинарная методология, обеспечивающая целостное познание социально-экономических явлений в режиме определенности – полного знания структуры, содержания и т.д. любого социально-экономического явления; сформулированы объективные показатели и подходы использования в измерении и расчетах любой деятельности всех участников в кВт/час и иных единицах размерности физических величин.

Ключевое место в разработке ГОЭЛРО-2 занимает учет расширенной совокупности всеобщих и социально-экономических законов. Следует отметить, что по мере развития наук о природе и обществе были выделены, но не введены в научно-практический оборот физические законы второго и т.д. рода, которые углубляют знания и представления об окружающем человека-общества пространстве и природной среде¹. На основе обобщения этих исследований к расширенной совокупности всеобщих и социально-экономических законов, на наш взгляд, относятся:

- сохранения полной мощности [4; 12; 14];
- основного закона социально-экономического развития человека-общества в природе при любом строе [13];
- синергии – объединения объектов живой и неживой природы [14];
- развития социально-экономических систем на основе постоянного увеличения полезной мощности общества С.А. Подолинского [8];
- «золотого сечения» Фибоначчи;
- воспроизводимости природных ресурсов;
- сохранения кинетронного импульса [25];
- сохранения энергоинформационного потенциала [18];
- цикличного развития – эволюции социально-экономических систем [10; 12; 14].
- экономии времени,
- и иных².

В отличие от ранее названных законов, перечисленная нами расширенная совокупность всеобщих и социально-экономических законов характеризует условия обеспечения, сохранения и прогрессивного развития человечества, как биологического вида. Все они имеют объективные источники, органически взаимосвязаны и постоянно взаимодействуют друг с другом и в совокупности, характеризуют действие познанных и непознанных до сих пор законов природы и человека, физические, химические, биологические и иные процессы, их действие измеряется непосредственно в кВт/час и иных единицах размерности физических величин. Здесь следует помнить, что человек-общество являются частью природы, в которой действует совокупность законов природы и взаимосвязанных с ней законов общества. Причем, всеобщие законы предопределяют и конкретизируют формы, методы действия социально-экономических законов, а также характеризуют коридор благоприятных, неблагоприятных, деградиционных и иных тенденций и перспектив в жизнедеятельности человека-общества в природе.

Поясним некоторые названные нами законы.

1. Всеобщий закон сохранения мощности. Этот закон был открыт в 1873 г. Д. Максвеллом. Затем в 1935 г. этот закон был дополнен и сформулирован Э.С. Бауэром как закон устойчивой неравновесности биологических систем [1].

Во второй половине XX века П.Г. Кузнецов раскрыл действие закона сохранения мощности применительно к общественному воспроизводству, как формы затрат труда общества, измеряемой в кВт/час, дополнив его выделением общественно необходимого и свободного

¹ См. подробнее: [9]. К таким физическим законам второго и т.д. рода относятся: сохранения мощности, кинетронного импульса, «золотого сечения», сохранения энергоинформационного потенциала и иных. Эти законы были известны и открыты давно, но не использовались в экономических и общественных науках.

² В настоящее время также в науках стали выделять законы рационального формообразования, связанных с открытием фуллереновых конструкций живых и неживых систем. Подобное направление также связано с социально-экономическими и духовно-нравственными формами развития человека-общества в природе.

временем человека и общества, как измеряемой физической величины [5]. Одновременно он дал физическую трактовку закону сохранения мощности.

По мнению П.Г. Кузнецова, «согласно закону сохранения поток мощности между системой и средой всегда находится под контролем следующего соотношения:

$$P_1 = P_2 + P_3 \quad (1),$$

где P_1 – мощность (или поток) на входе в систему из среды; P_2 – активный поток на выходе (или поглощенный системой); P_3 – пассивный поток на выходе.

Это соотношение утверждает инвариантность мощности. В силу того, что все системы реального мира находятся в непрерывном движении, происходит изменение потоков как из среды в систему, так и из системы в среду. Но как бы не изменялись эти потоки, они удовлетворяют условию (1), т. е. во все времена сохраняется равенство, утверждающее неизменность размерности мощности» [5].

Впоследствии Н.А. Потехин дал социально-экономическую трактовку данного закона: **«Никакая работа (деятельность) человека, общества не пропадает зря – она наряду с положительными результатами и формами приобретает и отрицательные результаты и формы, причем изменения положительных результатов этой деятельности компенсируются изменениями отрицательных результатов, и наоборот»** [4; 14].

Всеобщий закон сохранения мощности (выполненной работы) имеет определенную структуру и социально-экономические формы проявления. Рассматривая выполненную работу с точки зрения полезности для человека-общества, иное не имеет смысла, Н.А. Потехиным выделены и введены в научный и практический оборот совокупность следующих социально-экономических форм проявления всеобщего закона сохранения мощности в общественном производстве:

- 1) полезные затраты-результаты;
- 2) бесполезные затраты-результаты;
- 3) вредные затраты-результаты;
- 4) потери затрат-результатов;

5) резервы затрат-результатов, отражающие также полезные, бесполезные, вредные, потери затрат-результатов в жизнедеятельности каждого человека, уровней хозяйствования и общества в целом. Иных социально-экономических форм проявления закона сохранения мощности нет.

Исчисления каждой доли совокупной части затрат-результатов осуществляются в объективных единицах размерности физических величин – в единицах мощности (в кВт/ч и подобных).

По мере развития общественного воспроизводства соотношения между долями затрат-результатов в выделенных социально-экономических формах изменяются. Увеличение доли полезных затрат-результатов и уменьшение доли негативных (бесполезных, вредных, потерь) свидетельствуют об объективных позитивных тенденциях, об эволюционном развитии общественного производства, общества и каждого человека. В этом смысл жизнедеятельности общества в природе.

Постоянное увеличение доли полезных затрат-результатов и уменьшение доли бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов в структуре бюджета социального рабочего и свободного времени в жизнедеятельности человека-общества в природе является основным социально-экономическим законом развития человечества при любом строе [13]. Например, в СССР (по состоянию на 1985 г.) доля полезных затрат-результатов составляла не более 9%, резервов – 38%, доля потерь, бесполезных и вредных затрат-результатов – 53%. Структура затрат-результатов современного российского общества выглядит весьма плачевно: полезные затраты-результаты составляют не более 3,5-4%, доля резервов – 38%, на остальные затраты-результаты приходится 58,5-58%. Практика свидетельствует о том, что принимаемые в ходе перестройки управленческие решения, направлены преимущественно в негативном аспекте для 96% населения России.

Зная действие всеобщего закона сохранения мощности, можно сознательно его учитывать в определении рациональных решений, обеспечивая:

- сокращение доли бесполезных, вредных затрат-результатов, потерь затрат-результатов человека и всего общества, увеличивая, тем самым, долю полезных затрат-результатов и резервов по той же структуре,
- либо путем увеличения доли полезных затрат-результатов и рационального использования резервов, сокращая, тем самым, долю бесполезных, вредных, потерь затрат-результатов

каждого человека и всего общества. По существу, всеобщий закон сохранения мощности и его социально-экономическое проявление – отражает смысл жизнедеятельности и главную цель развития человека-общества при любом строе. На этой основе нами был уточнен основной социально-экономический закон развития человечества при любом строе [13].

Выделенные формы проявления основного социально-экономического закона наглядно показывают смысл и цель жизнедеятельности каждому нормальному человеку и обществу – увеличение доли полезных затрат-результатов и уменьшение бесполезных, вредных и потерь в своем бюджете социального рабочего и свободного времени, есть важнейший источник, мобилизующий каждого человека на конструктивное саморазвитие и развитие всего общества по уровням хозяйствования высокими темпами.

Квалиметрический показатель увеличения доли полезных затрат-результатов и резервов для полезного развития, измеряемый в кВт/час, означает рост производительности труда, эффективности производства, организации и управления, отражает реальное повышение качества жизни каждого человека, по уровням хозяйствования и всего общества. Рассматривая действие этого закона в обратном направлении (различными путями увеличивая бесполезные, вредные затраты-результаты и их потери, сокращая полезные затраты-результаты и резервы по той же структуре) – усиливаются разрушительные тенденции и процессы в обществе и экономике.

2. Закон синергии (объединения объектов живой и неживой природы). Сформулирован С.А. Подолинским, В.И. Вернадским, П.Г. Кузнецовым [3; 4; 5; 6; 8; 14] и уточнен авторами [14] на основе использования уточненных характеристик выделенных всеобщих и социально-экономических законов.

Общеизвестно, что причиной различных проблем, конфликтов, кризисных ситуаций является рассогласованность развития частей единого целого. Эта рассогласованность или неравномерность развития частей и целого приводит к противоречиям между производительными силами, производственными и надстроечными отношениями, в обществе, производстве, государстве, управлении и т.д. Со временем пришло понимание, что природа и общество – также единое целое, но развитие частей этого целого до сих пор не имеет рациональной согласованности. Возникло осознание исторической необходимости согласовать все части социальной и природной системы в единый социально-экономический и природный процесс. Такое организационное решение создает предпосылки для многократного полезного эффекта для общества и для природы.

Закон синергии имеет следующую формулировку: **«При рациональном объединении потоков движения объектов живой и неживой природы (социально-экономических систем – человека, групп людей, общества, а также средств производства, предметов труда и пр.) в разы увеличивается полезная мощность каждого объекта и их совокупная полезная мощность (положительный синергетический эффект). При нерациональном объединении потоков, в т.ч. конкуренции, коррупции, необоснованном принятии управленческих решений и т.д., наблюдается распыление свободной энергии в пространство, формируется синергия со знаком минус».**

Под рациональным объединением понимается такое объединение, которое соответствует действию всеобщих и социально-экономических законов развития общества в природе, согласовано во времени, пространстве, конкретному месту, ресурсам и другим аспектам, направленное на обеспечение устойчивого воспроизводства единой системы: природа-общество-человек-производство.

Простой пример: чтобы пчелы давали меда в 2 раза больше и урожай гречки собрать в 2 раза больше, надо поставить улья с пчелами на гречишное поле. Потоки полета пчел и опыления цветков взаимно усиливают друг друга. И в конечном итоге увеличивается суммарная мощность и мощность каждой системы в 2 раза.

3. Закон развития социально-экономических систем на основе постоянного увеличения полезной мощности общества (или иными словами, закон накопления свободной энергии для развития общества). Сформулирован С.А. Подолинским в 1880 г. [8].

Он звучит следующим образом: **«Темпы роста полезной мощности человека, группы людей, общества не должны убывать во времени».** Этот закон означает, что эволюционное развитие социально-экономических систем (человека, группы людей, общества) предполагает непрерывное увеличение во времени темпов роста полезных затрат-результатов в структуре затрат-результатов человека, группы людей и общества.

Иное приведет к самоуничтожению цивилизации. По мнению Э. Бауэра, «все и только живые системы никогда не бывают в равновесии и исполняют за счет своей свободной энергии постоянную работу против равновесия» [1].

4. Закон золотого сечения. Сформулирован Л. Фибоначчи в XIII веке. Широко известный закон. Представляет собой универсальный закон пропорций в живой природе.

Он имеет следующую формулировку: **«Соотношение воспроизводства частей целого любого объекта живой природы находится в пропорциях: 62% и 38%».**

В любой социально-экономической системе (у любого человека, группы людей, общества) 62% ресурсов (мощности) расходуется на простое воспроизводство и всегда имеются резервы для развития (расширенного воспроизводства), составляющие 38% от ее мощности, которые, как и первая часть, могут быть использованы в форме полезных, бесполезных, вредных и потерь затрат-результатов.

Величина резервов для развития в любой социально-экономической системе и каждого человека составляет 38% и является неизменной!

Снижение доли воспроизводства мощности ниже 62% приводит к деградации человека, группы людей и общества» [14].

Отсюда следует важное правило экономического развития (роста): **«Сокращение вредных, бесполезных затрат-результатов и потерь в 2 раза в деятельности человека, группы людей и общества приводит к увеличению полезных затрат-результатов в 8 и более раз. При этом не требуется, как обычно, многократных дополнительных финансовых и материальных затрат и инвестиций!».** В этом объективном методологическом положении заложен очень глубокий позитивный смысл для необходимости обеспечения полезной организации использования рабочего и свободного времени каждого человека и общества по уровням хозяйствования, связанные с формированием рационального социально-экономического мировоззрения и основанного на нем воспитания с детства, фундаментального и гармоничного общего, профессионального, научно-технологического, экологического образования, адекватной духовно-нравственной, идеологической и политической подготовкой [14; 27].

В настоящее время для вывода России из внутренних и внешних системных кризисов объективно необходимо увеличить долю полезных затрат-результатов в 3-4 раза.

5. Закон циклического развития – эволюции социально-экономических систем. Сформулирован классиками политэкономии, уточнен К. Марксом, Н.Д. Кондратьевым, П.Г. Кузнецовым и др. экономистами. В 1987 г. этот закон был дополнен системой циклов по уровням хозяйствования, сформулирован и введен в научно-практический оборот Н.А. Потехиным в новой трактовке [4; 10; 14]: **«Объекты живой природы развиваются циклически. В основе эволюции социально-экономических систем (человека, групп людей, общества) лежит цикл обновления научно-технической, организационной, социально-экономической, социально-культурной, духовно-нравственной, энергоинформационной, экологической и иной идеи и практики развития».**

6. Закон воспроизводимости природных ресурсов вытекает из предшествующих законов. В настоящее время очень много говорят об экологии, об усилении вредной нагрузки на природу, но ни наука, ни государственные руководители не говорят о наличии такого объективного закона. Впервые в науке проблематика воспроизводства природных ресурсов была поставлена отечественными авторами П.Г. Кузнецовым и его последователями как форма устойчивого развития единой системы: природа-общество-человек [2; 6]. Нам представляется более точный вывод о том, что существует объективный закон воспроизводимости используемых человеком природных ресурсов. Это есть материальная основа сохранения человечества. Иные взгляды и политика государств характеризуют воплощение идей Мальтуса, концепции «золотого миллиарда» в античеловеческую и антиприродную практику. Он (закон) означает следующее: **«Для сохранения и развития своего существования человечество должно обеспечить 100-процентную воспроизводимость используемых им природных ресурсов».** Такой подход предполагает адекватную технологию, организацию жизнедеятельности в природе, обеспечивающую экологически чистое воспроизводство природных ресурсов.

Учет действия приведенных законов можно осуществлять через использование обобщающих коэффициентов социально-экономической и природной деятельности: коэффициент эффективности деятельности общества в природе (КЭД), коэффициент воспроизводимости природных ресурсов (КВПР) и коэффициент полезного действия техники и технических систем

(КПД) [2; 3]. Однако их показатели свидетельствуют о том, что по большому счету, научно-инженерный и экономический разум человечества пока еще не касался этой проблематики. Они (коэффициенты) составляют минусовые показатели и в промежутке 0,000001 и до 0,3 от единицы. Хотя известные в сельском хозяйстве технологии – акцепторы (например, усвоение листьями растений солнечной энергии и усвоении растений энергии почвы) имеют КПД, равный 5000 и более единицам. Это есть практический ориентир всех других технологий в своем развитии.

Материалы и методы

Технологической основой плана ГОЭЛРО-2 является повсеместное использование новых физических и социально-экономических принципов в создании и повсеместном внедрении прорывных и супертехнологий в общественное воспроизводство по уровням хозяйствования.

Первый план ГОЭЛРО в своей основе имел технологии на принципах электромагнетизма, превращения тепловой, водной, ветровой энергии в электрическую энергию. В связи с этим было развернуто грандиозное строительство тепловых и гидроэлектростанций, широкое освещение в массах этих технологий. Сегодня Россия обладает широкой сетью различных электростанций и линий электропередач. В тоже время они значительно оказывают негативное воздействие на окружающую среду и имеют незначительный КЭД. Поэтому предстоящий план ГОЭЛРО-2 должен исходить из необходимости соблюдения (сохранения) теплового баланса в природе, увеличения доли восполняемых и сокращение доли невосполняемых энергетических ресурсов, используемых в общественном производстве, как меры инновационности техники, технологии и мероприятий, на первом этапе – 1,5-3 лет – до 62 % и 38 %, а на втором – 3-5 лет – до 100 % и 0 % [11].

Попытки решить экологические проблемы за счет «зеленой энергетики» при сохранении тенденции увеличения потребления электроэнергии мировыми державами (от 2 до 4 % в год) до настоящего времени не увенчались успехом. Так, в 2019 г. доля выработки электроэнергии за счет сжигания угля в общей выработке электроэнергии составила 36,4 %, за счет сжигания природного газа – 23,3 %, за счет сжигания нефти и нефтепродуктов – 3,1 %, а доля возобновляемых источников энергии (в т.ч. ветрогенераторами и солнечными батареями) только 10,4 % (см. табл. 1). В России выработка «зеленой энергетики» в 2019 г. составила еще меньше – 1,8 тераватт-час или 0,16 % от общей выработки электроэнергии¹.

Таблица 1

Выработка электроэнергии в мире по видам топлива

	2018 г.		2019 г.	
	Тераватт-час	%%	Тераватт-час	%%
Нефть и нефтепродукты	890,4	3,34	825,3	3,06
Природный газ	6082,5	22,82	6297,9	23,32
Уголь	10091,3	37,86	9824,1	36,38
Атомная энергия	2700,4	10,13	2796,0	10,35
Гидроэлектростанции	4171,4	15,65	4222,2	15,64
Возобновляемые источники энергии	2468,0	9,26	2805,5	10,39
Прочие источники энергии	248,9	0,93	233,6	0,87
Итого	26652,7	100,00	27004,7	100,00

Примечание: Отчет BP Statistical Review of World Energy.

Таким образом, для решения указанных энергетических проблем необходимы принципиально новые технологии, основанные на иных физических и социально-экономических принципах. К ним относятся межотраслевые кинетронные супертехнологии, которые можно и нужно повсеместно использовать, как системообразующую технологию. В будущем они составят технологическую базу предстоящего плана ГОЭЛРО-2 и Второй индустриализации России. Кинетронные супертехнологии – это научные разработки российских ученых (И.А. Янушевского и С.С. Ласточкина и др.) в области альтернативных источников энергии, которые не ограничиваются только лишь сферой получения энергии. Они охватывают также сферу транспорта, связи, медицины, образования и другие [25]. В отличие от традиционных технологий получения энергии, основанных на электромагнетизме, кинетронные супертехнологии обладают 100 % экологической чистотой и не оказывают вредного воздействия на природную среду и человека.

¹ Отчет BP Statistical Review of World Energy [Электронный ресурс] - URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/downloads.html>

Поясним, что это за технологии. Базовыми и самыми элементарными, мельчайшими, неделимыми, минимальными по размеру и массе, по мнению И.А. Янушевского и С.С. Ласточкина [25] являются частицы, именуемые кинематические частицы или сокращенно – кинетроны (с греч. «кинемос» – движение, «трон» – базовая частица, основа). По их мнению, в нашем трёхмерном физическом мире кинетроны являются очень маленькими сверхплотными и упругими трёхмерными частицами, имеющие форму шара, которые в принципе не могут делиться на более мелкие элементы. При этом внутренняя структура кинетронов недоступна для физического наблюдения, как обывателю, так и ученому. В Древние времена в качестве кинетрона рассматривался атом, как базовая, неделимая частица. Впоследствии оказалось, что атом все таки делимая частица. Были открыты электрон (1897 г.), протон (1919 г.), нейтрон (1932 г.) и пр. частицы. Всего в настоящее время насчитывается порядка более 350 «элементарных частиц». Поэтому учеными (И.А. Янушевским и С.С. Ласточкиным) и было введено понятие кинетрона для обозначения истинно неделимых и базовых элементарных частиц - "инварианта" броуновского Хаоса.

Определённый вклад в развитие «кинетронных» представлений о мире и истинно элементарных частиц внёс Д.И. Менделеев, который считал, что «мировой эфир» состоит из неделимых частиц – «невесомых ньютониев», а такой «ньютоний» формально рассматривался великим химиком как нулевой элемент Таблицы химических элементов. По оценкам Д.И. Менделеева, масса ньютония (кинетрона – в терминологии И.А. Янушевского и С.С. Ласточкина) составляет порядка 10^{-6} от массы атома водорода или в абсолютном выражении порядка 10^{-33} кг. Этими кинетронами заполнено все пространство Вселенной, из него состоят все физические тела и живые организмы. Все физические объекты более высокого уровня иерархии представляют собой лишь сборки из кинетронов. Размер кинетрона имеет величину порядка планковской длины 10^{-35} м, а его масса, по оценкам И.А. Янушевского и С.С. Ласточкина составляет величину около 10^{-70} кг. Для сравнения: масса электрона составляет $9,10938356(11) \cdot 10^{-31}$ кг. Кинетроны находятся в постоянном движении. В масштабах Вселенной вся совокупность движущихся кинетронов образует «мировую кинетронную среду». По выражению И.А. Янушевского и С.С. Ласточкина, эфир, в привычном нам понимании, который в первом приближении можно рассматривать как плотный «броуновский кинетронный газ». Такой «броуновский кинетронный газ» - «мировая кинетронная среда» имеет волновой характер и распространяет свои кинетронные волны по всей Вселенной. **С помощью кинетронных потоков-волн кинетронная среда передаёт кинематический импульс и неограниченную энергию.**

Кинетрон в нашем физическом мире подчиняется действию всего только двух всеобщих законов природы – закону сохранения энергии и закону сохранения импульса. Другим физическим законам, действующим в этом конкретном физическом мире, кинетроны не подчиняются. Поэтому кинетрон не имеет ни электрического заряда, ни магнитного поля, не «гравитирует» и т.д.

Закон сохранения энергии – всеобщий закон, которому подчиняются все физические тела макро- мезо- и микромира. Существует множество определений данного закона. Приведем одно из них: «В замкнутой системе, в которой действуют консервативные силы, энергия ни откуда не возникает и ни куда не исчезает, а переходит из одного вида в другой». Для кинетронной среды он описывается известной формулой из курса школьной программы по физике:

$$\sum_{i=1}^n \frac{M_0 V_{1i}^2}{2} = \sum_{i=1}^n \frac{M_0 V_{2i}^2}{2},$$

где M_0 – масса кинетрона, V_{1i} – скорость кинетрона до взаимодействия, V_{2i} – скорость кинетрона после взаимодействия.

По оценочным расчётам И.А. Янушевского и С.С. Ласточкина, средняя энергия кинетрона составляет не менее 10^{-70} Дж. По их же расчетам в 1 м^3 пространства находится $1,4 \cdot 10^{103}$ кинетронов. Тогда энергия всех кинетронов в 1 м^3 броуновского кинетронного газа (в 1 м^3 кинетронной среды) будет оцениваться колоссальной величиной – не менее 10^{33} Дж/м³. Для сравнения: удельная энергия термоядерного взрыва составляет порядка 10^{18} Дж/м³. Сразу же возникает вопрос: как извлечь и использовать эту колоссальную энергию? Ответ: за счет импульса.

Импульсом в физике называют произведение массы тела на его скорость – $m \cdot v$. Он (импульс) имеет размерность кг·м/с. Импульс, с одной стороны, – это векторная величина, показывающая направление движения, направление скорости, а с другой – это количественная

мера механического движения тела. Последнее понятие импульса применяется, если речь идет о теле, имеющем конечный размер. Если же речь идет о частицах, то импульсом называется векторная величина, равная сумме произведений масс материальных точек (частиц) на их скорости.

Импульс замкнутой системы, т.е. системы, на которую не действуют никакие внешние силы (или они скомпенсированы), сохраняется во времени. Это есть известный закон сохранения импульса, являющийся следствием второго и третьего закона Ньютона.

Впервые закон сохранения импульса был сформулирован Р. Декартом. В одном из своих писем он написал: *«Я принимаю, что во Вселенной, во всей созданной материи есть известное количество движения, которое никогда не увеличивается, не уменьшается, и, таким образом, если одно тело приводит в движение другое, то теряет столько своего движения, сколько его сообщает»*. Современная трактовка закона сохранения импульса звучит следующим образом: *«Векторная сумма импульсов всех тел, входящих в замкнутую систему, остается постоянной при любых взаимодействиях этих тел между собой внутри системы»*.

Как было сказано выше, этот всеобщий закон сохранения импульса действует и в микромире – на уровне кинетронов – движущихся базовых частиц и описывается формулой:

$$\sum_{i=1}^n M_0 V_{1i} = \sum_{i=1}^n M_0 V_{2i}$$

где M_0 – масса кинетрона, V_{1i} – скорость кинетрона до взаимодействия, V_{2i} – скорость кинетрона после взаимодействия.

Таким образом, определение закона сохранения кинетронного импульса будет звучать следующим образом: **«Векторная сумма импульсов всех кинетронов, входящих в замкнутую систему (в ограниченное пространство или в ограниченную кинетронную среду), остается постоянной при любых взаимодействиях этих кинетронов между собой внутри этой системы (пространства, кинетронной среды)»**.

В 1988 г. советским ученым С.М. Поляковым в НИИ «Исток» впервые была экспериментально измерена скорость кинетронных волн, которая оценивалась величиной 10^{21} м/с, что в триллионы раз больше скорости света. Стало быть, применение категории «замкнутого пространства» для кинетронной среды весьма условно, это во-первых. А во-вторых, это означает, что **кинетронная среда** благодаря огромной скорости движения кинетронов и кинетронных потоков-волн **практически мгновенно возобновляет свою энергию**.

Поэтому получается, что кинетронная среда сама по себе является неисчерпаемым и возобновляемым экологически чистым источником энергии, принципы извлечения и применения которой могут использоваться в межотраслевом аспекте. Если часть этой энергии, заключенной в броуновском кинетронном газе извлечь, т.е. передать часть кинематического импульса физическим телам и тем самым создать управляемый вектор тяги, то это навсегда решит энергетическую проблему бестопливных систем на планете Земля и многократно повысит полезную деятельность общества во всех сферах жизнедеятельности, не нарушая природную среду. Это позволит создать не только ранее неизвестные науке – бестопливные энергетические (а затем и транспортные) системы на их основе, которые будут функционировать в любом месте мирового пространства, но и создать массу иных супертехнологий и систем на их основе. Такие КСТ-технологии и системы обеспечат каждого жителя планеты практически бесплатной экологически чистой энергией, бесплатной и безвредной КСТ-связью, дальность которой не зависит от мощности передатчика, биомедицинскими КСТ-приборами для дистанционной диагностики и эффективного лечения практически любых заболеваний и пр.

Выводы

Таким образом, необходимость разработки и реализации в последующем плана инновационного типа развития экономики России, как формы выхода из системных кризисов и всякой зависимости от зарубежных стран, предполагает использование качественно новой научной базы, системно-целостной междисциплинарной методологии, обеспечивающей полное познание законов природы-общества и их учет в практике рационального управления общественным воспроизводством по уровням хозяйствования на основе повсеместного внедрения прорывных и супертехнологий. Такая задача может быть разрешена в виде разработки плана ГОЭЛО-2 как составной части Второй индустриализации России (более широкой программы), основанной на новых физических и социально-экономических принципах и учете совокупности всеобщих и

социально-экономических законов развития человека-общества в природе, исключаящих волюнтаризм и авантюризм, дискриминационно-деградационные направления, пути, формы и методы в управлении, вредное воздействие на общество и окружающую среду, обеспечивающих ускоренное инновационное развитие всех отраслей общественного производства. Несмотря на кажущуюся «амбициозность», он в совокупности с осуществлением Второй индустриализации России обеспечит мировое лидерство страны на долгие годы.

Литература

1. Бауэр Э.С. Теоретическая биология. М.: Изд. ВИЭМ, 1935. 150 с.
2. Бугровский В.В. и др. «Экологические корни культуры» Сб. статей в 3х томах. М.: «Слово», 2002.
3. Вернадский В.И. Биосфера и ноосфера. М.: Айрис-пресс, 2012. 576 с.
4. Вторая индустриализация России. Настольная книга руководителя государства (основы теории и практики осуществления) / под ред. д.э.н., проф. Н.А. Потехина. Екатеринбург: ОАО «ИПП «Уральский рабочий», 2011.
5. Гвардейцев М.И., Кузнецов П.Г., Розенберг В.Я. Математическое обеспечение управления. Меры развития общества / под ред. М.И. Гвардейцева. М.: Радио и связь, 1996. 222 с.
6. Кузнецов О.Л., Кузнецов П.Г., Большаков Б.Е. Система природа-общество-человек: Устойчивое развитие. Дубна: Государственный научный центр Российской Федерации ВНИИгеосистем, Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 2000.
7. Кузнецов П.Г. Его действительное открытие. Предисловие к книге: Подолинский Сергей Андреевич. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: «Ноосфера», 1991.
8. Подолинский С.А. Труд человека и его отношение к распределению энергии. М.: «Ноосфера», 1991. 90 с.
9. Потапов Ю.С., Фоминский Л.С. Вихревая энергетика и холодный ядерный синтез с позиций теории движения. Кишинев-Черкассы: "ОКО Плюс", 2000. 387 с.
10. Потехин Н.А. Совокупный работник: интенсивное производство, управление. Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1987. 198 с.
11. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Концепция инновационного развития общественного производства – осуществления Второй индустриализации России на период 2017-2022 гг. Екатеринбург: Спутник, 2017. 35 с.
12. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Методология осуществления Второй индустриализации России. Настольная книга руководителя государства. Екатеринбург: СВРО МААО, 2018. 256 с.
13. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Новая общественно-экономическая формация – инновационный способ воспроизводства. Настольная книга руководителя государства. (Преодоление всеобщего кризиса на основе Второй индустриализации России). М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019. 456 с.
14. Потехин Н.А., Потехин В.Н. Основной социально-экономический закон объективного развития общества – источник мирового лидерства России // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Вып. 3. Ч. 1. Материалы XIX Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». Ч. 2 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; Отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2020. С. 81-87.
15. Примаков Е.М. Не просто работать, а знать во имя чего // Российская газета. 2015. №6574 (3). 13 янв.
16. Примаков Е.М. Современная Россия и либерализм // Российская газета. 2012. № 5964 (291). 9 декабря.
17. Примаков Е.М. 2013: тяжелые проблемы России. Почему сегодня нельзя согласиться с политикой неоллибералов // Российская газета. 2014. №6277 (5). 14 января.
18. Рогожкин В.Ю. Эниология: Энергоинформ. обмен. М.: Пантори, 2000. 528 с.
19. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1951.
20. Струмилин С.Г. Планирование в СССР. – 1-е изд. М.: Госполитиздат, 1957. 98 с.
21. Струмилин С.Г. Проблемы планирования в СССР. – 1-е изд. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1932. 541 с.
22. Струмилин С.Г. На плановом фронте. – 1-е изд. М.: Госполитиздат, 1958. 624 с.
23. Труды 8-го Всероссийского электротехнического съезда. – М., 1922. Т. I.
24. Шателен М.А. Знаменательная дата в развитии электрификации СССР. К 25-летию VIII Всероссийского электротехнического съезда // Электричество. 1946. № 10.
25. Янушевский И.А., Ласточкин С.С. Кинетронные супертехнологии. М., 2009. 212 с.
26. X лет ГОЭЛРО. Сборник статей. М., Госиздат, 1930.
27. Semin A.N., Potekhin N.A., Potekhin V.N. Formation of the Rational Socio-Economic Worldview Based on the Laws of Nature and Society // Talent Development & Excellence. V ol.12, No.3s, 2020, 3234 – 3244.

Potekhin Victor Nikolaevich, Candidate of Economic Sciences, Head of the Media "Second industrialization of Russia" (39, st. Gorky, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation). E-mail: vnp1@ya.ru

GOELRO-2 PLAN – THE MAIN LINK IN THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF THE SECOND INDUSTRIALIZATION OF RUSSIA

Abstract

The transition of the country's economy to an innovative type of social reproduction involves the use of a qualitatively new scientific base, theory, system-integrated interdisciplinary methodology and appropriate

practice. This task can be resolved in the form of the development of the GOELO-2 plan, as part of the Second industrialization of Russia (a broader program). Like the previous GOELRO plan implemented by the young Soviet Russia in the 1920s, the new GOELRO-2 plan represents "the main link that can be pulled successfully by the domestic economy and society out of the ever-increasing set of systemic and other problems". The GOELRO-2 plan covers the most advanced supertechnologies created on new physical and socio-economic principles that have an intersectoral nature, permeating all sectors and spheres of life of each person and society. It is the most important tool for attracting an unlimited amount of external energy to serve each person-society-production to increase labor productivity and increase the welfare of the entire population of the country, without violating the environment and without harming people and all living things in nature. The GOELRO-2 is based on a qualitatively new and universal socio-economic laws of development, namely: the maintenance of full power; the basic law socio-economic development of human society in nature, in any system, synergy – combining objects of animate and inanimate nature; development of socio-economic systems based on constant increase of the net power of the society, S. A. Podolynsky; "the Golden section" Fibonacci; reproducibility of natural resources; conservation of energy-informational potential; cyclical development in the evolution of socio-economic systems; saving time, etc. In its technological basis, the GOELRO-2 plan has the law of conservation of the kinetron pulse, which will allow creating devices and complexes on a fundamentally new scientific basis for converting unlimited, renewable, environmentally friendly energy of kinetrons (the smallest moving particles) into other forms of energy used by mankind. In the future, this will provide civilization with free clean energy, free and harmless CST communication, biomedical CST devices for remote diagnosis and effective treatment of almost any diseases, and other supertechnologies.

Keywords: innovative type of social reproduction, system-integrated interdisciplinary methodology, GOELRO-2, universal and socio-economic laws of human-society development in nature, the law of conservation of the kinetron impulse, the Second industrialization of Russia, system crises, production relationships, organizational solutions.

References

1. Bauer E.S. Teoreticheskaya biologiya. M.: Izd. VIEM, 1935. 150 p.
2. Bugrovskij V.V. i dr. «Ekologicheskie korni kul'tury» Sb. statej v 3h tomah. M.: «Slovo», 2002.
3. Vernadskij V.I. Biosfera i noosfera. M.: Ajris-press, 2012. 576 p.
4. Vtoraya industrializaciya Rossii. Nastol'naya kniga rukovoditelya gosudarstva (osnovy teorii i praktiki osushchestvleniya) / pod red. d.e.n., prof. N.A. Potekhin. Ekaterinburg: OAO «IPP «Ural'skij rabochij», 2011.
5. Gvardejcev M.I., Kuznecov P.G., Rozenberg V.YA. Matematicheskoe obespechenie upravleniya. Mery razvitiya obshchestva / pod red. M.I. Gvardejceva. M.: Radio i svyaz', 1996. 222 p.
6. Kuznecov O.L., Kuznecov P.G., Bol'shakov B.E. Sistema priroda-obshchestvo-chelovek: Ustojchivoe razvitie. Dubna: Gosudarstvennyj nauchnyj centr Rossijskoj Federacii VNIIGeosistem, Mezhdunarodnyj universitet prirody, obshchestva i cheloveka «Dubna», 2000.
7. Kuznecov P.G. Ego dejstvitel'noe otkrytie. Predislovie k knige: Podolinskij Sergej Andreevich. Trud cheloveka i ego otnoshenie k raspredeleniyu energii. – M.: «Noosfera», 1991.
8. Podolinskij S.A. Trud cheloveka i ego otnoshenie k raspredeleniyu energii. M.: «Noosfera», 1991. 90 p.
9. Potapov YU.S., Fominskij L.S. Vihrevaya energetika i holodnyj yadernyj sintez s pozicij teorii dvizheniya. Kishinev-CHerkassy: "OKO Plyus", 2000. 387 p.
10. Potekhin N.A. Sovokupnyj rabotnik: intensivnoe proizvodstvo, upravlenie. Sverdlovsk, 1987. 198 p.
11. Potekhin N.A., Potekhin V.N. Konceptiya innovacionnogo razvitiya obshchestvennogo proizvodstva – osushchestvleniya Vtoroj industrializacii Rossii na period 2017-2022 gg. Ekaterinburg: Sputnik, 2017. 35 p.
12. Potekhin N.A., Potekhin V.N. Metodologiya osushchestvleniya Vtoroj industrializacii Rossii. Nastol'naya kniga rukovoditelya gosudarstva. Ekaterinburg: SvRO MAAO, 2018. 256 p.
13. Potekhin N.A., Potekhin V.N. Novaya obshchestvenno-ekonomicheskaya formaciya – innovacionnyj sposob vosproizvodstva. Nastol'naya kniga rukovoditelya gosudarstva. (Preodolenie vseobshchego krizisa na osnove Vtoroj industrializacii Rossii). M.: Fond «Kadrovyy rezerv», 2019. 456 p.
14. Potekhin N.A., Potekhin V.N. Osnovnoj social'no-ekonomicheskij zakon ob"ektivnogo razvitiya obshchestva – istochnik mirovogo liderstva Rossii // Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. Ezhegodnik. Vyp. 3. CH. 1. Materialy XIX Nacional'noj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem «Modernizaciya Rossii: priority, problemy, resheniya». CH. 2 / RAN. INION. Otd. nauch. sotrudnichestva; Otv. red. V.I. Gerasimov. M., 2020. P. 81-87.
15. Primakov E.M. Ne prosto rabotat', a znat' vo imya chego // Rossijskaya gazeta. 2015. №6574 (3). 13 yanvarya.
16. Primakov E.M. Sovremennaya Rossiya i liberalizm // Rossijskaya gazeta. 2012. № 5964 (291). 9 dekabrya.
17. Primakov E.M. 2013: tyazhelye problemy Rossii. Pochemu segodnya nel'zya soglasit'sya s politikoj neoliberalov // Rossijskaya gazeta. 2014. №6277 (5). 14 yanvarya.
18. Rogozhkin V.YU. Eniologiya: Energoinform. obmen. M.: Pantori, 2000. 528 p.
19. Stalin I.V. Ekonomicheskie problemy socializma v SSSR. M., 1951.
20. Strumilin S.G. Planirovanie v SSSR. – 1-e izd. M.: Gospolitizdat, 1957. 98 p.
21. Strumilin S.G. Problemy planirovaniya v SSSR. – 1-e izd. M.: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1932. 541 c.
22. Strumilin S.G. Na planovom fronte. – 1-e izd. M.: Gospolitizdat, 1958. 624 p.
23. Trudy 8-go Vserossijskogo elektrotekhnicheskogo s"ezda. – M., 1922. T. I.
24. SHatelen M.A. Znamenatel'naya data v razvitii elektrifikacii SSSR. K 25-letiyu VIII Vserossijskogo elektrotekhnicheskogo s"ezda // Elektrichestvo. 1946. № 10.
25. YAnushevskij I.A., Lastochkin S.S. Kinetronnye supertekhnologii. M., 2009. 212 p.
26. X let GOELRO. Sbornik statej. M., Gosizdat, 1930.
27. Semin A.N., Potekhin N.A., Potekhin V.N. Formation of the Rational Socio-Economic Worldview Based on the Laws of Nature and Society // Talent Development & Excellence. V ol.12, No.3s, 2020, 3234 – 3244.

ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ В МИРОВОЙ РЫНОК ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Рубинская Этери Дависовна кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных экономических отношений, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

Аннотация

Под влиянием глобализации и научно-технологического развития формируется мировой рынок высококвалифицированной рабочей силы, участником которого Россия в полной мере стала только в начале 90-х годов прошлого века. Динамика российского сегмента мирового рынка высококвалифицированных специалистов не отвечает потребностям экономики в инновационном развитии. В статье на основе анализа профессионально-квалификационной структуры трудовой миграции, проведения сопоставления данных отечественной и зарубежной статистики определено положение Российской Федерации, как страны-получателя и страны-донора, на мировом рынке высококвалифицированных специалистов, выявлены особенности эмиграционного и иммиграционного потока, обозначены ключевые проблемы, предложены пути решения.

Ключевые слова: трудовая миграция, мировой рынок высококвалифицированных специалистов, учет мигрантов, миграционная политика, привлечение специалистов, «утечка умов», «циркуляция умов», инновационная экономика, экономический рост.

Одним из приоритетов стратегического вектора развития России является формирование новой экономики – экономики знаний и высоких технологий, включающей сферы профессионального образования, высокотехнологичной медицинской помощи, науки и опытно-конструкторских разработок, связи и телекоммуникаций, наукоемкие подотрасли химии и машиностроения. Инновационная экономика невозможна без превращения интеллекта, творческого потенциала человека в ведущий фактор экономического роста и национальной конкурентоспособности. Однако реализация данной задачи только за счет внутренних ресурсов невозможна. Опыт развитых стран подтверждает, что привлечение иностранных специалистов способствует активному развитию новейших отраслей в принимающих странах. В свою очередь, перед Россией становится важнейшая задача трансформировать свою миграционную и социально-экономическую политику в сторону создания условий не только для привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов, но и для предотвращения «утечки умов».

Объективной основой международной миграции профессионалов являются потребности мирового производства в специалистах определенной квалификации и их отсутствие в данное время на национальном рынке труда. Территориальная мобильность рабочей силы из разных стран мира позволяет удовлетворять потребности развивающегося производства в рабочей силе, обладающей новыми образовательными, профессиональными и иными компетенциями. Важнейшим фактором, приводящим к качественным изменениям в потребностях мирового рынка труда, выступает научно-техническая революция, и, как результат, значительное увеличение в потоках мигрантов доли лиц с высшим образованием и необходимой профессиональной квалификацией.

Анализ состояния исследований, проводимых в области международной трудовой миграции и мирового рынка труда, показывает, что различные аспекты и проблемы взаимосвязанности этих двух явлений, а также воздействия миграции на функционирование рынка труда квалифицированных кадров в контексте глобализации интенсивно и результативно разрабатываются зарубежными (Р. Билсборроу, Дж. Бхагвати, Д. Коулмана, Д. Массея, О. Старка, М. Тодаро, Р. Эпплеярда) [1, с. 16; 2, с. 162] и отечественными (В.А. Ионцевым, Р.И. Цвылев, С.В. Рязанцевым, А.В.Топилиным, И.Г. Ушкаловым, Б.С. Хоревым, И.П. Цапенко) [3, с. 106; 4, с. 16-22] учеными.

На современном этапе экономического развития под воздействием растущей значимости и влияния глобализации формируется мировой рынок высококвалифицированной рабочей силы, участником которого Россия стала только в начале 90-х годов. Предпосылки выхода России на мировой рынок труда были положены социально-экономической трансформацией и формированием рыночной экономики. Поэтому весь комплекс вопросов, связанных с воздействием международной миграции на рынок труда высококвалифицированных специалистов имеет для нашей страны важное теоретическое и практическое значение.

На мировом рынке труда Российская Федерация выступает одновременно как экспортер и импортер иностранной рабочей силы. Сложнейшая проблема мирового рынка труда в России, как, впрочем, и в других странах мира, - это профессионально-квалификационная структура трудовых мигрантов.

Россия является страной масштабного притока трудовых мигрантов с постсоветского пространства. При этом доля стран дальнего зарубежья в общих потоках иностранной рабочей силы сократилась с 50 % в 2000 году до 5 % в 2018 году. На отечественном рынке труда среди иностранных работников стали преобладать представители стран Средней Азии. Наблюдается тенденция увеличения трудовых мигрантов из Таджикистана, Узбекистана, которые в совокупности являются основными поставщиками внешних трудовых ресурсов для России. Если в 2000 г. на долю представителей этих стран приходилось 13,2 % всех трудовых мигрантов, то к 2018 г. - более 80%. В основном это массовый приток неквалифицированной рабочей силы.

Существующая структура иностранной рабочей силы на отечественном рынке труда не способствует обновлению производственных мощностей и инновационной активности бизнеса, поскольку предпринимателям дешевле использовать дешевую неквалифицированную рабочую силу, чем повышать производительность труда и комплексно модернизировать производство. Тем самым технологический разрыв России от западных стран только увеличивается.

Российская Федерация идет по пути упрощения процедуры порядка привлечения на работу высококвалифицированных специалистов из-за рубежа. Это нашло отражение в изменении миграционного законодательства, в которое в 2010 году были внесены поправки, направленные на создание преференциального режима для иностранных высококвалифицированных специалистов¹.

Квалифицированные мигранты и иностранные высококвалифицированные специалисты составляют совсем небольшую часть иностранной рабочей силы на отечественном рынке труда (см. табл. 1). Представление о численности этой категории трудовых мигрантов дают следующие статистические данные:

1. выданные разрешения на работу для высококвалифицированных специалистов (ВКС) (критерии отнесения иностранного гражданина к категории «высококвалифицированный специалист» определены в 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан РФ»);
2. разрешения на работу для квалифицированных специалистов (КС), чьи специальности соответствуют Перечню дефицитных профессий, ежегодно утверждаемому Правительством РФ.

Таблица 1

Число оформленных разрешений на работу для иностранных квалифицированных и высококвалифицированных специалистов за ряд лет, тыс.чел.²

Годы	Число оформленных разрешений для КС	Число оформленных разрешений для ВКС	Всего
2011	43,6	11,3	54,9
2012	44,0	11,8	55,8
2013	129,4	26,3	155,7
2014	158,6	34,2	192,8
2015	22,1	41,8	63,9
2016	14,2	25,5	39,7
2017	18,0	26,5	44,5
2018	20,1	28,2	48,2
2019	17,9	34,3	52,2

Данные Росстата, касающиеся численности иностранных высококвалифицированных специалистов в России, отличаются от данных МВД, поскольку в них отражается численность иностранных граждан, имеющих разрешение на работу на конец текущего года (рис. 1). Так, согласно данным Росстата, в 2018 г. численность оформленных разрешений на работу для высококвалифицированных специалистов в России составила 46 649 человек, по сравнению с 2017 гг. она увеличилась совсем незначительно. Более 90% ВКС приехали из стран дальнего зарубежья (42 767 человек). Наибольшее количество разрешений пришлось на Китай (10 408),

¹ Федеральный Закон № 86-ФЗ от 19 мая 2010 г., вносящий изменения в Федеральный Закон № 115-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации».

² Составлено автором на основе данных ФМС РФ и ГУВМ МВД РФ

Турцию (6 960), Вьетнам (3 011), Германию (1 570), Францию (1 544). Отметим, что среди стран постсоветского пространства более 50% разрешений для ВКС выдано гражданам Украины¹.

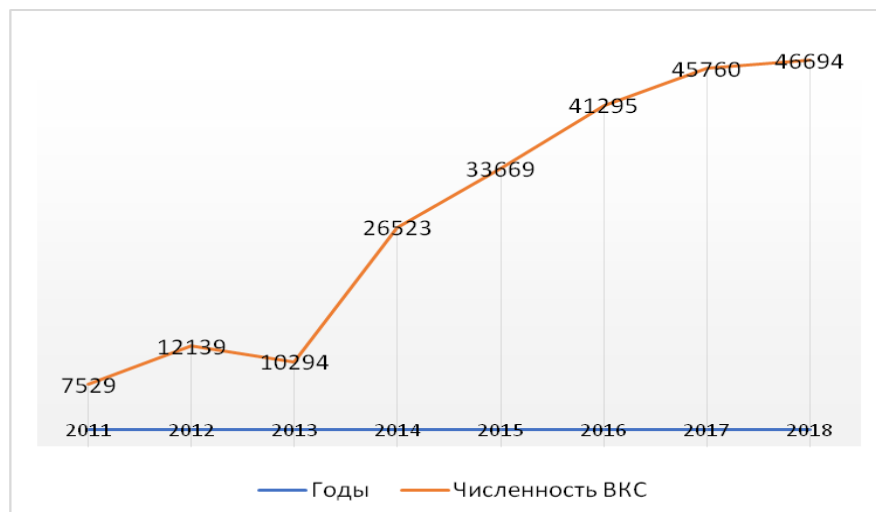

Рис. 1. Численность иностранных высококвалифицированных специалистов, работающих в России²

Несмотря на ежегодный рост, численность иностранных высококвалифицированных специалистов в России незначительна. В то же время, рост потребности в иностранных высококвалифицированных специалистах увеличивается. Так, по заявлению представителя Министерства труда, привлечение иностранных специалистов будет способствовать удовлетворению спроса работодателей на квалифицированных работников для реализации крупных инвестиционных проектов³. Наиболее востребованы в России конструкторы, технологи, инженеры-механики, инженеры-электрики, специалисты в сфере информационных технологий, программисты, системные администраторы, специалисты по маркетингу и рекламе.

Среди иностранных высококвалифицированных специалистов доля стран СНГ составляет менее 10 %, при этом, что в общих потоках мигрантов в России доля выходцев из стран постсоветского пространства достигает почти 90 %. Это данные корреспондируются с цифрами, приведенными в отчете РУССОФТ, согласно которым, если до 2016 г. миграция разработчиков программного обеспечения из Казахстана, Украины и Белоруссии обеспечивала до 20% прироста совокупного штата российских софтверных компаний, то в последние годы этот показатель не превышает 5% [5, с. 228]. С учетом роста спроса рынка труда информационных технологий, во многом такое сокращение связано с развитием аутсорсинга и «облачных» технологий, позволяющих специалистам работать удаленно.

По мнению председателя комитета Госдумы РФ по образованию и науке Вячеслава Никонова, для реализации федеральной программы «Цифровая экономика» России необходимо подготавливать в год 500 тыс. IT-специалистов, сейчас их ежегодно готовится около 50 тыс. [5, с. 230]. Причем из этих 50 тысяч часть уезжает работать за рубеж, что связано с увеличением дефицита квалифицированных кадров в развитых странах и ростом конкуренции между компаниями, как результат – рост спроса на специалистов в IT-области.

В интервью ТАСС 25 февраля 2020 г. Президент Путин В.В. заявил⁴, что государство должно создавать условия для привлечения высококвалифицированных специалистов, которые ищут места наилучшего применения своих знаний, способностей, умений. Согласно Индексу глобальной конкурентоспособности талантов⁵, по показателям, формирующим общую конкурентоспособность страны в данном направлении позиции России весьма слабые. Так, по показателю «нормативная база» Россия занимает 103-е место, привлечение талантов – 109, доступ

¹ Труд и занятость в России 2019. Статистический сборник. М, 2019.

² Составлено автором на основе: Труд и занятость в России 2015. Статистический сб. М, 2016; Труд и занятость в России 2017. Статистический сборник. М, 2018; Труд и занятость в России 2018. Статистический сб. М, 2019.

³ Минтруд России. Итоги года: занятость населения и трудовая миграция
<https://rosmintrud.ru/employment/employment/778>

⁴ <https://putin.tass.ru/ru/ob-utechke-mozgov/#translation>

⁵ <https://www.insead.edu/sites/default/files/assets/dept/globalindices/docs/GTCI-2019-Report.pdf>

к возможностям роста – 91 место, внешняя открытость – 96 место из 125 стран, представленных в исследовании. Таким образом, несмотря на предпринимаемые меры, говорить о создании условий для привлечения высококвалифицированных специалистов в Россию рано.

Рассмотрим положение России на мировом рынке высококвалифицированных специалистов как экспортера рабочей силы.

В 2018 г. численность российских граждан, выехавших на работу за границу составила 58044 чел., среди которых, согласно авторским расчетам, доля руководителей и специалистов – 61,7%. Как наглядно демонстрируют данные таблицы 2, с 2000 по 2010 год этот показатель колебалась в пределах 47% и начиная с 2010 года ежегодно увеличивалась.

Таблица 2

**Доля руководителей и специалистов в общей численности граждан РФ,
выехавших на работу за границу, %¹**

Группы	2000	2005	2010	2011	2012	2014	2015	2016	2017	2018
Всего	48,1	45,1	47,2	49,7	53,4	57	61,7	60,8	62,8	61,7
в том числе:										
руководители	18,2	17,6	18,6	23,3	22,6	22,5	25,2	25,8	27,1	29,3
Специалисты	29,9	27,5	28,6	26,4	30,8	34,5	36,5	35,0	35,7	32,4

Отметим, что общая численность выезжающих на работу за рубеж граждан России из года в год практически неизменна, что не отражает реального положения дел, поскольку в статистику попадают лишь те граждане, которые при трудоустройстве за рубеж воспользовались услугами специализированных лицензированных рекрутинговых организаций или заключивших договоры подряда с иностранными юридическими лицами. Однако, в условиях информатизации, свободного доступа к интернету и знания иностранного языка человеку, желающему применить свои знания за рубежом, не обязательно обращаться в фирму по трудоустройству. На официальных веб-страницах компаний, международных организаций, университетов и научно-исследовательских институтов почти всегда представлен список вакансий с квалификационными требованиями к соискателям.

Таким образом, можно говорить о занижении численности граждан России, работающих за рубежом в несколько раз. Данный тезис подтверждает анализ иммиграционной статистики США, согласно которой в 2018 году из России в Соединенные Штаты прибыло 15 742 временных работников с семьями (см. табл. 3).

Таблица 3

Сопоставление данных статистик США и России по временным трудовым мигрантам²

Временные трудовые мигранты	2016	2017	2018
Данные иммиграционной статистики США, Всего (с учетом членов семьи)	14 995	15659	15742
В том числе:			
Квалифицированные специалисты (H1B виза)	2 300	2086	1759
Специалисты, обладающие экстраординарными способностями (O1,O2 визы)	1 556	1875	2078
Атлеты, артисты (P1-P3 визы)	2 009	2161	2438
Внутрикорпоративные переводы (L1)	4 120	4355	4565
Инвесторы/коммерсанты (E1, E2)	173		213
Другие	4 837	4979	4689
Данные Росстат	2311	1129	1164

Полагаем, что члены семьи в статистике учитываются, как «другие», тем самым численность трудовых мигрантов без членов семьи составляет 11 053 человек. В то время, как, исходя из данных статистического сборника «Труд и Занятость»³, в 2018 году из России в США с целью

¹ Составлено и рассчитано автором на основе: Труд и занятость в России 2015. Статистический сборник. М, 2016; Труд и занятость в России 2017. Статистический сборник. М, 2018; Труд и занятость в России 2018. Статистический сборник. М, 2019.

² Таблица составлена автором на основе 1. отчетов Yearbook of Immigration Statistics: 2016, 2017, 2018. Адрес сайта <https://www.dhs.gov/immigration-statistics/yearbook> 2. Росстат Труд и занятость в России. 2018 Стат.сб./Росстат М., 2019.

³ Труд и занятость в России. 2019: Стат.сб. М., 2019. С. 163.

трудоустройства въехало 1164 человека. Разница между данными российской статистики и США составляет почти 10 раз. Кроме того, анализ типов виз, по которым российские граждане работают в США, демонстрирует их высокий профессионально-квалификационный уровень.

Уровень образования россиян, уезжающих на работу в зарубежные страны существенно выше, чем граждан России, работающих на национальном рынке труда. Кроме того, отметим, что доля лиц, выезжающих на работу за рубеж и имеющих высшее образование, ежегодно увеличивается, так, если в 2005 году в численности российских граждан, выехавших на работу за границу, доля лиц, имеющих высшее образование составляла 34,3%, то к 2018 году она увеличилась до 55,1%. Тем самым, даже на основе анализа официальных статистических данных, можно говорить об утечке человеческого капитала высокого качества.

Квалификационная асимметричность трудовой эмиграции и иммиграции отрицательно сказывается на развитии российской экономики. Также не способствует экономическими росту «утечка умов», характерная для эмиграционного потока, а именно: людей, выезжающих на постоянное место жительства, а не для занятия трудовой деятельностью.

- Согласно данным официальной статистики из Российской Федерации ежегодно в страны дальнего зарубежья уезжает не более 60 тысяч человек. Однако, для постоянной эмиграции характерны те же особенности, что и для временной трудовой: во-первых, существенный статистический недоучет и, во-вторых, высокий образовательный уровень выезжающих. Реальная эмиграция значительно больше, чем официальные цифры. Эмигранты часто не регистрируют свой переезд из страны на постоянное место жительства, так что статистические данные об эмиграции существенно занижены [6, с. 45].

- Тезис о занижении численности эмиграционного потока подтверждают и исследования российских ученых. По подсчетам Воробьевой О.Д. и Гребенюк А.А., проанализировавших данные миграционной статистики ОЭСР, расхождение между численностью приведенной Росстатом и зарубежной статистикой составляет, в зависимости от страны от трех до двадцати раз [7, стр.46]. Ученые считают, что число россиян, проживающих в зарубежных странах, составляет от 1,5 по 3 миллионов человек.

- Типичными представителями российских эмигрантов по-прежнему являются физики, математики, программисты, инженеры, генетики, биохимики, вирусологи, то есть специалисты, от которых во многом зависит социальный и технологический прорыв [8, с. 504]. Отметим, что удельный вес в объеме ВВП внутренних затрат на НИОКР в России по-прежнему весьма скромнен и не стимулирует ученых и специалистов проводить свои исследования в России: в 2017 г. он составил 1,11%. Для сравнения: в Израиле значение данного показателя в 2016 г. было 4,25%, в Южной Корее – 4,23%, Германии – 2,93%, США – 2,74% [9, с. 11]. В свою очередь отсутствие высококвалифицированных специалистов, скорее всего, будет сдерживать внедрение новшеств и новых технологий.

- В условиях глобализации, когда границы «размываются», мобильность ученых и квалифицированных специалистов является объективным и естественным процессом, ведущим к обмену знаниями, повышению квалификации, приобретению дополнительных профессиональных компетенций, и, как результат, интенсивному развитию экономики.

- В то же время, если мобильность оборачивается «утечкой умов», то этот процесс имеет крайне негативные последствия, проявляющиеся в отставании страны, снижении ее конкурентоспособности и замедлении экономического роста [10, с. 115]. Фактически, многие ученые и специалисты, покидают свою страну не потому, что на национальном рынке нет спроса, а потому что в другой стране находят большие возможности для самовыражения, лучшее лабораторное оборудование, более комфортные бытовые условия, возможности дать лучшее образование детям и др. [11, с. 54]. Кроме того, определяющим фактором миграции высококвалифицированных специалистов, больше, чем других категорий мигрантов, является политическая и правовая ситуация, количественным выражением которой могут служить показатели, так называемого, качества государственного правления, разработанные Всемирным банком, а также качество жизни в той или иной стране. К сожалению, эти обстоятельства «выталкивают» из России и «не притягивают» в нее высококвалифицированных специалистов.

- Таким образом, динамика российского сегмента мирового рынка высококвалифицированных специалистов не отвечает потребностям отечественной экономики в инновационном развитии [12, с. 1100]. Качественные потери от эмиграции, которые несет отечественный

человеческий капитал, значительны и не восполняются за счет внешних ресурсов. Рассматривая процесс миграции ученых и специалистов в России, необходимо констатировать, что ни о каком обмене кадрами или циркуляции речь не идет.

- Необходимо трансформировать «утечку умов» в ее «циркуляцию» возможно путем расширения стажировок ученых, проведения совместных исследований [13, с. 28]. Взаимодействие с представителями русской научной диаспоры должно стать одним из приоритетных направлений в привлечении высококвалифицированных специалистов для решения проблем модернизации экономики.

- Ни в Концепции государственной миграционной политики на период 2012–2025 гг., ни в новой Концепции государственной миграционной политики на период 2019–2025 гг. не уделено должного внимания привлечению в РФ высококвалифицированных кадров, а также, эмиграции, в том числе высококвалифицированных специалистов. Высказанная в новой концепции (2019-2025) мысль о ежегодном оттоке граждан, выезжающих за рубеж, в дальнейшем по тексту не получила развитие.

- Важно признать на государственном уровне, что Россия является не только страной-получателем мигрантов, но и страной-донором, причем в первую очередь образованных людей [14, с. 77]. Сотни тысяч российских граждан живут и работают за рубежом, и годовой отток трудовых мигрантов из России растет. Предпосылкой для эффективной миграционной политики является надежная объективная информация о миграционной ситуации и тенденциях ее развития. Текущая статистика миграции в России не отражает ни масштабов миграционных потоков, ни их структуры [15 с. 42]. Неудовлетворительное состояние статистики международной миграции является серьезной проблемой в объективном видении сферы и структуры миграционных потоков и, следовательно, в возможности принимать обоснованные решения в области миграционной политики.

- В государственной миграционной политике должна быть отражена потребность рынка в квалифицированных и высококвалифицированных специалистах, дан инструментарий оценки состояния рынка труда. Кроме того, в отношении квалифицированных трудящихся мигрантов должен действовать тот же режим преференций, что и для высококвалифицированных специалистов. Сейчас единственное их преимущество перед гастарбайтерами – это возможность прибывать в Российскую Федерацию вне квоты в рамках установленного перечня профессий (специальностей, должностей). В остальном – сроки нахождения на территории РФ, порядок оформления разрешения на работу и др. – на квалифицированных специалистов распространяются те же требования, что и в отношении неквалифицированной иностранной рабочей силы.

- Таким образом, при решении поставленных задач необходим новый системный подход к привлечению и использованию иностранных специалистов, пересмотр стратегических ориентиров миграционной политики в отношении них и инструментов управления с учетом национальных интересов и инновационного вектора развития, а также международного опыта (с целью эффективного встраивания России в международный рынок высококвалифицированных специалистов), переход от урывочных действий к целостной стратегии привлечения иностранных специалистов и предотвращения «утечки умов».

Литература

1. *Эпплеярд Р.* Миграция квалифицированных кадров в глобализованном мире // Мир в зеркале международной миграции: / гл. ред. В.А. Ионцев. Вып. 10. М.: МАКС-Пресс, 2002. С. 8–19.
2. *Массей Д.* Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции: / гл. ред. В.А. Ионцев. Вып. 10. М.: МАКС-Пресс, 2002. С. 161–175.
3. *Ионцев В.А.* Международная миграция населения: теория и история изучения Вып. 3. М.: Диалог-МГУ, 1999. 370 с. (Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир).
4. *Рязанцев С.В., Ткаченко М.Ф.* Мировой рынок труда и международная миграция: учебное пособие. М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2010. 303 с.
5. Российская софтверная отрасль. 16-е ежегодное исследование. 2019 https://russoft.org/wp-content/uploads/2019/11/RUSSOFT_Survey_2019_rus-1.pdf.
6. *Воробьева О. Д., Гребенюк А.А.* Эмиграция из России по данным отечественного статистического учета // Вопросы статистики. 2017. № 11. С. 44–53.
7. *Воробьева О.Д., Гребенюк А.А.* Аналитический доклад: «Эмиграция из России в конце XX начале XXI века». М., 2016. 74 с.
8. *Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.В.* Новые тенденции и формы эмиграции из России. Экономика региона, 2016. Т. 12. Вып. 2. С. 499–509.

9. Статистика науки и образования. Вып. 6. Затраты и источники финансирования научных исследований и разработок. Инф.-стат. мат. – М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018;
10. Ушкалов И.Г., Малаха И.А. «Утечка умов» как глобальный феномен и его особенности в России // Социологические исследования. 2000. № 3. С. 110–117.
11. Рубинская Э.Д. Роль мирового рынка высококвалифицированных специалистов в постиндустриальной экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. №3. С. 53–64.
12. Рубинская Э.Д. Трансформация государственной миграционной политики России в условиях глобализации // Экономика и предпринимательство. 2017. № 8-3 (85). С. 1096–1102.
13. Рязанцев С.В., Письменная Е.Е. Эмиграция ученых из России: «циркуляция» или «утечка» умов // Социологические исследования. 2013. № 4. С. 24–35.
14. Байков А.А., Лукьянец А.С. и др. Эмиграция молодежи из России: масштабы, каналы, последствия // Социологические исследования. 2018. № 11. С. 75–84.
15. Чудиновских О.С. Административная статистика международной миграции: источники, проблемы и ситуация в России // Вопросы статистики. 2016. № 2. С. 32–46.

Rubinskaya Eteri Devisovna, Candidate of Economic Sciences, Docent of the Department of international economic relations, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).
E-mail: eteri-rubinskaya@mail.ru

RUSSIA'S INTEGRATION INTO THE WORLD MARKET OF HIGHLY QUALIFIED SPECIALISTS IN THE STRATEGIC DIMENSION

Abstract

Under the influence of globalization and scientific and technological development, a world market for highly qualified labor is being formed, in which Russia fully became a participant in only in the early 90s of the last century. The dynamics of the Russian segment of the world market of highly qualified specialists does not fulfill the needs of the economy in innovative development. Based on the analysis of the professional and qualification structure of labor migration, comparing the data of domestic and foreign statistics, the position of the Russian Federation, as a recipient and a donor country, in the world market of highly qualified specialists is determined, the features of the emigration and immigration flow are identified, key problems are defined, solutions are proposed.

Keywords: labor migration, world market of highly qualified specialists, registration of migrants, migration policy, attraction of specialists, "brain drain", "brain circulation", innovative economy, economic growth.

References

1. Eppleyard R. Migraciya kvalificirovannyh kadrov v globalizirovannom mire // Mir v zerkale mezhdunarodnoj migracii: / gl. red. V.A. Ioncev. Vyp. 10. М.: MAKSPress, 2002. P. 8–19.
2. Massej D. Sinteticheskaya teoriya mezhdunarodnoj migracii // Mir v zerkale mezhdunarodnoj migracii: / gl. red. V.A. Ioncev. Vyp. 10. М.: MAKSPress, 2002. P. 161–175.
3. Ioncev V.A. Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: teoriya i istoriya izucheniya Vyp. 3. М.: Dialog-MGU, 1999. 370 s. (Nauchnaya seriya: Mezhdunarodnaya migraciya naseleniya: Rossiya i so-vremennyy mir).
4. Ryazancev S.V., Tkachenko M.F. Mirovoj rynek truda i mezhdunarodnaya migraciya: uchebnoe posobie. М.: ЗАО «Izdatel'stvo «Ekonomika», 2010. 303 p.
5. Rossijskaya softvernaya otrasl'. 16-e ezhegodnoe issledovanie. 2019 https://russoft.org/wp-content/uploads/2019/11/RUSSOFT_Survey_2019_rus-1.pdf.
6. Vorob'eva O. D., Grebenyuk A.A. Emigraciya iz Rossii po dannym otechestvennogo statisticheskogo ucheta // Voprosy statistiki. 2017. № 11. P. 44–53.
7. Vorob'eva O.D., Grebenyuk A.A. Analiticheskij doklad: «Emigraciya iz Rossii v konce HKH nachale HKHI veka». М., 2016. 74 p.
8. Ioncev V.A., Ryazancev S.V., Ionceva S.V. Novye tendencii i formy emigracii iz Rossii. Ekonomika regiona, 2016. T. 12. Vyp. 2. P. 499–509.
9. Statistika nauki i obrazovaniya. Vyp. 6. Zatraty i istochniki finansirovaniya nauchnyh issledovaniy i razrabotok. Inf.-stat. mat. – М.: FGBNU NII RINKCE, 2018.
10. Ushkalov I.G., Malaha I.A. «Utechka umov» kak global'nyj fenomen i ego osobennosti v Rossii // Sociologicheskie issledovaniya. 2000. № 3. P. 110–117.
11. Rubinskaya E.D. Rol' mirovogo rynka vysokokvalificirovannyh specialistov v postindustrial'noj ekonomike // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2011. №3. P. 53–64.
12. Rubinskaya E.D. Transformaciya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossii v usloviyah globalizacii // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2017. № 8-3 (85). P. 1096–1102.
13. Ryazancev S.V., Pis'mennaya E.E. Emigraciya uchenykh iz Rossii: «cirkulyaciya» ili «utechka» umov // Sociologicheskie issledovaniya. 2013. № 4. P. 24–35.
14. Bajkov A.A., Luk'yanec A.S. i dr. Emigraciya molodezhi iz Rossii: masshtaby, kanaly, posledstviya // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. № 11. P. 75–84.
15. CHudinovskih O.S. Administrativnaya statistika mezhdunarodnoj migracii: istochniki, problemy i situaciya v Rossii // Voprosy statistiki. 2016. № 2. P. 32–46.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОРОДСКОЙ БИЗНЕС-СРЕДЫ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ГОРОДОВ: ПРАКТИКИ ГОРОДА ДЕРБЕНТА

Тагиров Казиахмед Тагирович	кандидат экономических наук, доцент, филиал Дагестанского государственного университета в г. Дербенте (368600, Россия, Республика Дагестан, г. Дербент, ул. Г. Алиева, 6). E-mail: tagir57.05@mail.ru
Игнатова Татьяна Владимировна	доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: tignatova@aaanet.ru

Аннотация

В данной статье затрагивается вопрос о важнейших факторах развития города Дербента на современном этапе – городской экономике и среде развития бизнеса. Дана оценка эффективности использования ресурсов и экономики города в целом. Проведен анализ структуры городской экономики, состояния малого бизнеса и условий для его развития, а также состояния городских финансов. В ходе исследования определено, что для экономики города характерно недостаточно эффективное использование городской территории, проявляющееся в относительно низком показателе доходов бюджета города от использования городской территории, а также более высокой долей безвозмездных поступлений в структуре доходов бюджета города по сравнению с усредненным показателем по малым и средним городам Российской Федерации.

Ключевые слова: городская экономика, малый бизнес, бюджет города, сектора экономики города, историко-культурный потенциал города, институциональные условия для малого бизнеса, малые города, туристический сектор, обрабатывающий сектор.

Состояние социально-экономической сферы города – городская экономика и среда для развития бизнеса — являются важнейшими факторами развития малых и средних городов России на современном этапе.

В рамках исследования экономики города Дербента анализ обозначенных факторов проведен по следующему плану:

1. Оценка эффективности городской экономики городского округа города Дербент в целом.
2. Анализ структуры городской экономики городского округа «город Дербент».
3. Оценка эффективности использования ресурсов экономики городского округа «город Дербент».
4. Анализ состояния малого бизнеса и условий для его развития в городском округе «город Дербент».
5. Анализ состояния городских финансов городского округа «город Дербент».

1. Оценка эффективности городской экономики городского округа «город Дербент»

Средние ежегодные доходы бюджета города Дербента соответствуют указанной на рис. 1 величине и в сопоставлении с некоторыми городами России говорят о низкой их величине. В качестве референтной группы проанализированы малые города и исторические поселения Российской Федерации, расположенные в комфортных природно-климатических условиях, с численностью населения от 80 до 150 тыс. чел., имеющие активно функционирующий туристический сектор в экономике или потенциал для его развития, обрабатывающий сектор экономики и характеризующиеся показателем расходов муниципального бюджета на душу населения в диапазоне 20–60 тыс. руб.

Доходы местного бюджета от использования территориальных ресурсов города в расчете на 1 км² его площади (земельный налог, налог на имущество физических лиц, доходы от сдачи в аренду и продажи муниципального имущества) значительно ниже аналогичного показателя для релевантной группы городов.

Территориальные ресурсы города требуют более эффективного использования. Неэффективное использование имеющихся территориальных ресурсов приводит к потерям бюджета в размере порядка 180 млн. руб. в год и препятствует развитию как крупного и среднего, так и малого бизнеса.

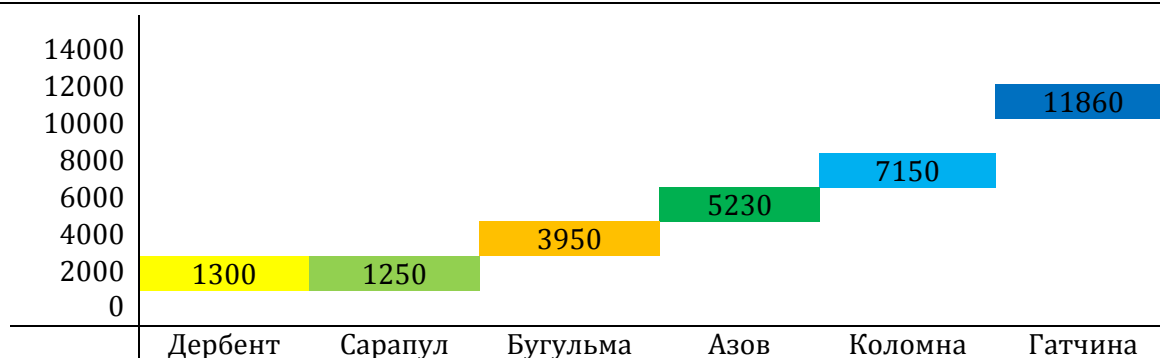

Рис. 1. Доходы бюджета от использования 1 м², тыс. руб.
(по референтной группе городов)¹

Более эффективное использование внутригородских территорий может способствовать росту доходов бюджета не менее чем на 10 %.

Недополученные бюджетные доходы вследствие неэффективного использования территории приводят к недоинвестированию социальной инфраструктуры города, что неизбежно отражается на качестве жизни.

2. Анализ структуры городской экономики городского округа «город Дербент»

Анализ структуры городской экономики городского округа «город Дербент» проведен по следующему алгоритму:

а) анализ соотношения между государственным и негосударственным (коммерческим) сектором экономики городского округа «город Дербент» по показателю доли сектора в численности занятого населения городского округа «город Дербент»;

б) анализ соотношения между «торгуемыми» и «неторгуемыми» секторами экономики городского округа «город Дербент» по показателю доли сектора в численности занятого населения городского округа «город Дербент».

Под «торгуемыми» секторами экономики подразумеваются сектора экономики, выпускающие «торгуемые» товары, то есть товары, которые могут перемещаться между границами городов и стран. Соответственно, под «неторгуемыми» секторами экономики подразумеваются сектора экономики, выпускающие «неторгуемые» товары, то есть товары, которые не могут перемещаться между границами городов и стран;

в) анализ соотношения между различными отраслями в «торгуемом» секторе экономики городского округа «город Дербент» по показателю выручки предприятий соответствующей отрасли.

Распределение работников организаций в городе Дербенте по отраслям показано на рис. 2.

В структуре занятости населения города отрасли бюджетного сектора экономики составляют 67 %, соответственно в коммерческом секторе официально трудоустроена порядка 33 % жителей.

При активизации негосударственного сектора экономики за счет эффекта низкой базы у экономики города есть возможность достижения положительных эффектов. Однако при уменьшении наполняемости местного и республиканского бюджета возможен высокий риск снижения устойчивости экономики городского округа «город Дербент».

О соотношении между «торгуемыми» и «неторгуемыми» секторами экономики городского округа «город Дербент» по показателю доли сектора в численности занятого населения городского округа «город Дербент» можно судить по рис. 3.

¹ «Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым»: подготовлено Центром городской экономики ООО «КБ Стрелка». URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/>

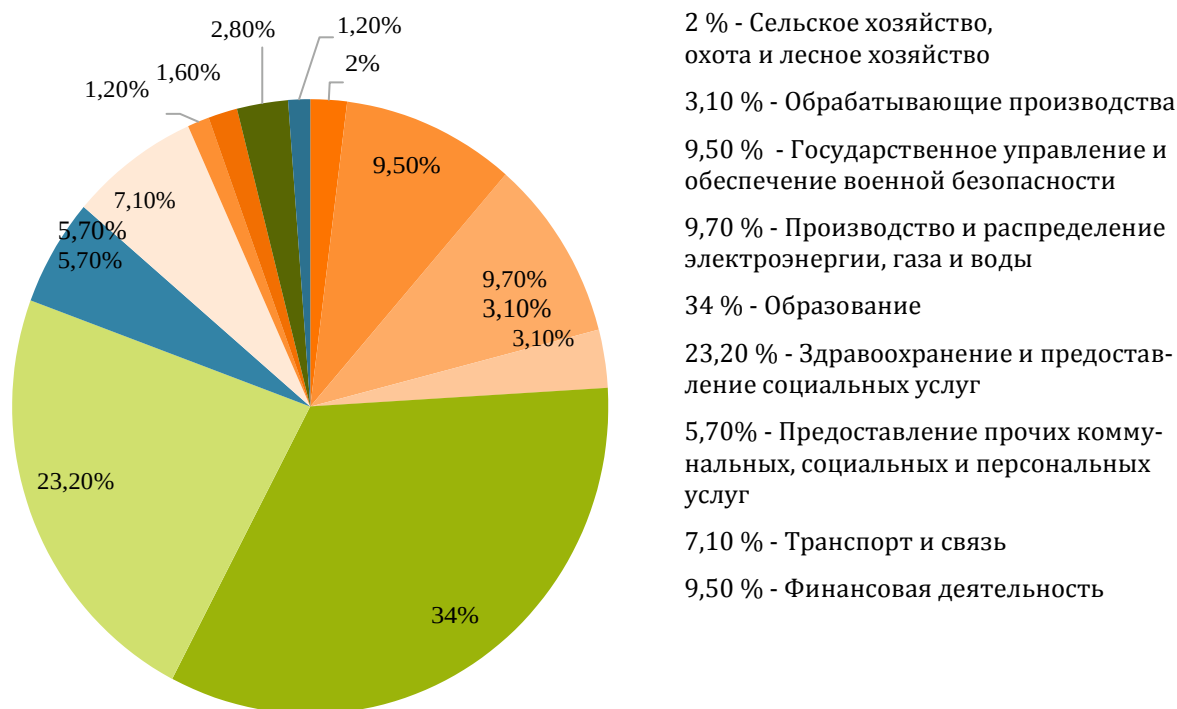

Рис. 2. Распределение работников организаций в городе Дербенте по отраслям¹

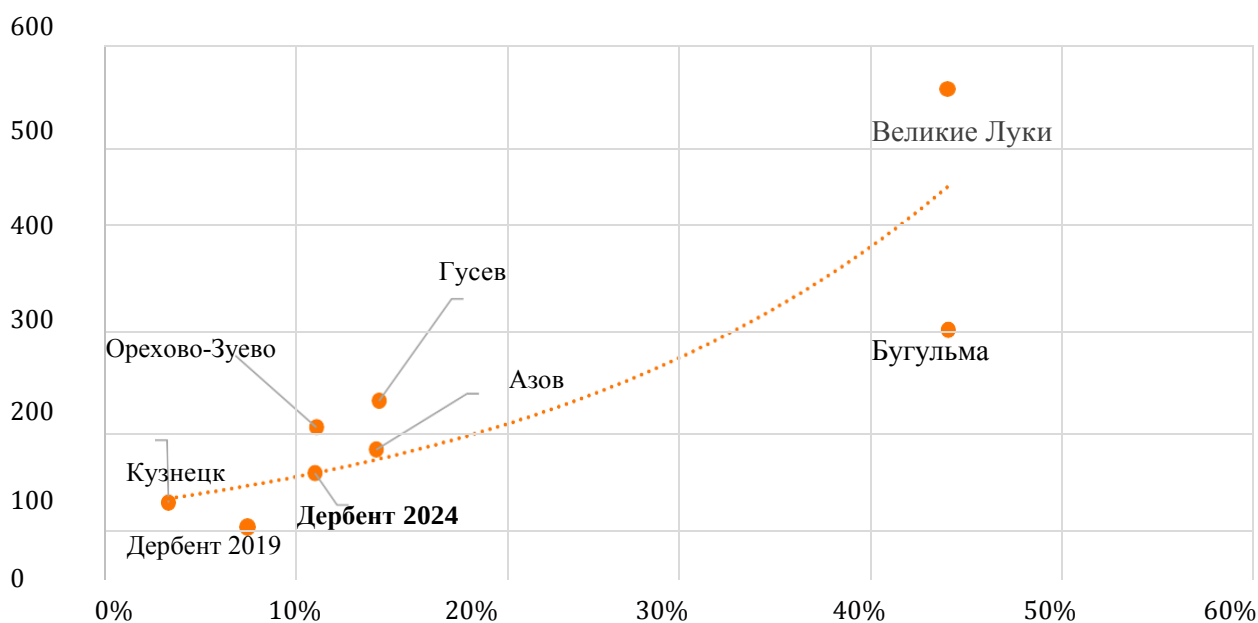

Рис. 3. Зависимость между объемом отгруженной продукции на душу населения и долей занятых в «торгуемых отраслях» по референтной группе городов²

Для города характерен низкий уровень занятости населения в «торгуемых» отраслях экономики в сравнении с референтной группой городов.

Подобный низкий уровень занятости негативно отражается на объеме отгруженных товаров и услуг и бюджетной обеспеченности города. Одним из приоритетов развития экономики городского округа «город Дербент» должно стать увеличение доли «торгуемых» отраслей. Рост

¹ Сведения о численности и движении работников в неформальном секторе экономики по Республике Дагестан (январь—март 2018 г.) URL: <https://www.dagmintrud.ru>

² «Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым»: подготовлено Центром городской экономики ООО «КБ Стрелка». URL: <http://citybudget.strelka-kb.com/>

доли занятых в «торгуемом» секторе экономики до 15 % от числа работников организаций может привести к росту объема произведенных товаров и услуг на душу населения с 44 тыс. руб. до 70–100 тыс. руб.

Низкая доля «торгуемого» сектора, характеризующегося более высоким уровнем заработной платы и количеством высокопроизводительных рабочих мест, в структуре городской экономики приводит к потерям доходов городского бюджета не менее 125 млн. руб. ежегодно по статье НДФЛ.

Соотношение между различными отраслями в «торгуемом» секторе экономики городского округа «город Дербент» (в данном подразделе к торгуемым отраслям также отнесены отрасли услуг, которые могут оказывать услуги на иные рынки, кроме рынка города Дербента, — это оптовая торговля, туризм и рекреация и логистика) можно представить в виде следующей диаграммы, изображенной на рис. 4.

Рис. 4. Структура выручки, полученной наиболее крупными организациями городского округа «город Дербент» по отраслям

Организации, специализирующиеся на производстве напитков, занимают долю порядка 78 % в общей выручке, получаемой организациями «торгуемых» секторов экономики, что свидетельствует о структуре «торгуемого» сектора, близкой к моноотраслевой.

В целом для «торгуемого сектора» экономики городского округа «город Дербент» характерна достаточно низкая доля убыточных предприятий в различных отраслях, что свидетельствует об относительно устойчивой сложившейся структуре отраслей экономики (см. рис. 5).

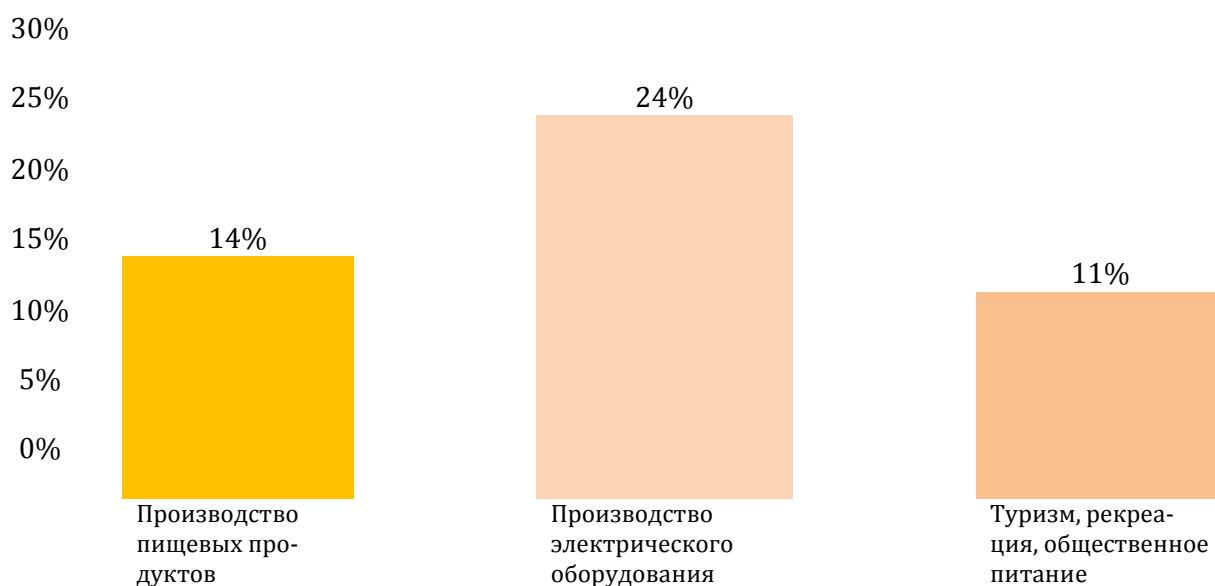

Рис. 5. Доля убыточных предприятий в наиболее значимых отраслях

Такое положение, с одной стороны, означает, что в перспективе имеется потенциал для роста «торгуемого» сектора экономики без радикальных изменений его структуры, но, с другой – что существует риск нарастания зависимости от отрасли экономики по производству напитков.

3. Оценка эффективности использования ресурсов экономики городского округа «город Дербент»

В целях выявления резервов для повышения эффективности использования городской экономики городского округа «город Дербент» проведем оценку эффективности использования следующих видов ресурсов:

- территориальных;
- историко-культурных;
- человеческого капитала.

Об эффективности использования территориальных ресурсов в средних и малых городах и в Дербенте можно судить по рисунку 6, на котором в левом столбике – данные по средним и малым городам референтной группы, в правом – Дербента.

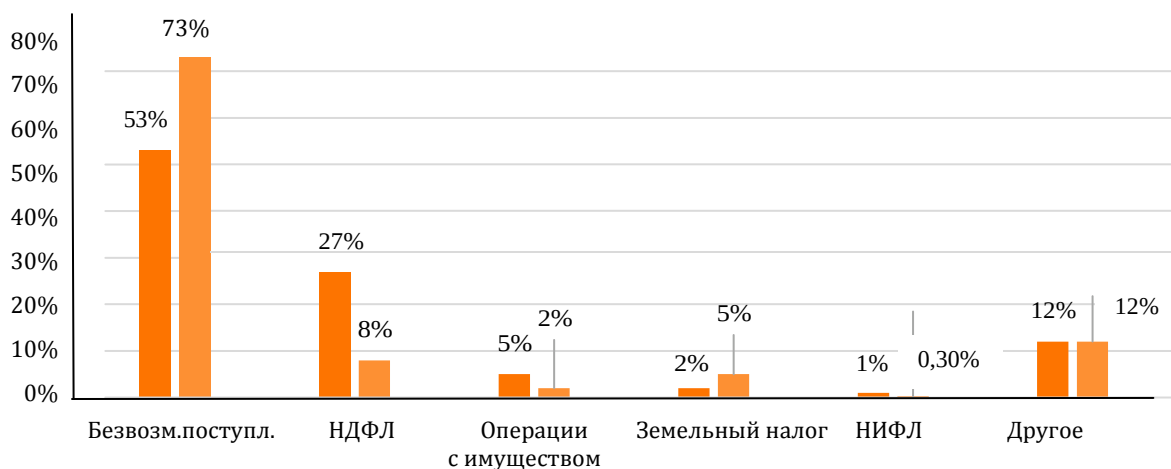

Рис. 6. Сравнительная структура доходов местных бюджетов

Доходы от операций с имуществом, земельного налога и налога на имущество физических лиц занимают на 10 % меньшую долю, чем в среднем по средним и малым городам РФ [1; 2].

Территориальные ресурсы города требуют более эффективного использования. Более эффективное использование внутригородских территорий может способствовать увеличению доли земельного налога и НИФЛ до 7 % от бюджета, доли доходов от операций с имуществом – до 5 % от бюджета, росту доходов бюджета в целом – на 10 %. Неэффективное использование имеющихся территориальных ресурсов приводит к потерям бюджета в размере не менее 180 млн. руб. в год.

На территории города расположено 25 объектов культурного наследия федерального значения и 37 – регионального. Наиболее знаковые из них находятся в сфере ведения ГБУ «Дербентский историко-культурный и архитектурный музей-заповедник на территории городского округа» (далее ГБУ ДИКиАМЗ)¹. При этом историко-культурный потенциал города, с точки зрения экономики, реализован крайне незначительно. Так, ГБУ ДИКиАМЗ, занимая территорию, сопоставимую с 2,6 % площади городских территорий городского округа «город Дербент», обеспечивает только 1 % доходов бюджета, а количество туристов более чем в два раза ниже потенциально достижимых показателей. Историко-культурные ресурсы города не ограничены территориями под управлением ГБУ ДИКиАМЗ и могут использоваться более эффективно за счет наращивания и таргетирования туристического потока.

Анализ эффективности использования историко-культурных ресурсов в настоящее время показывает низкий ее уровень (см. рис. 7).

¹ Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 18 декабря 2016 г. № 3133 «Об утверждении требований к осуществлению деятельности и градостроительным регламентам в границах территории объекта культурного наследия федерального значения - достопримечательное место "Цитадель и исторический город в крепостных стенах Дербента", расположенного в г. Дербент, Республика Дагестан».

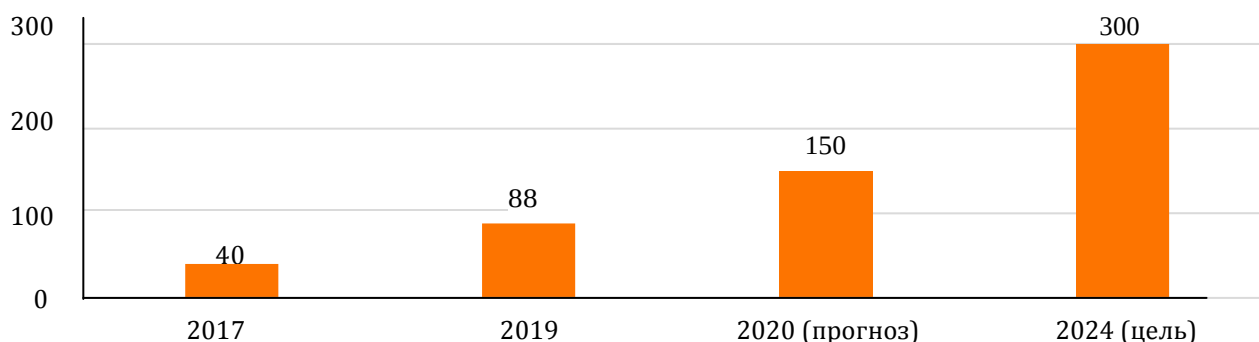

Рис. 7. Фактические, прогнозные и целевые показатели развития туристического сектора, тыс. чел.

Для эффективности развития города недостаточно лишь туристического потока, привлекаемого объектами в ведении ГБУ ДИКиАМЗ. Это ограничивает возможности территориального ресурса для создания новых туристических аттракторов. У города есть потенциал для роста как величины туристического потока, так и среднего чека туриста за счет создания новых туристических аттракторов за пределами территорий ГБУ ДИКиАМЗ.

4. Анализ состояния малого бизнеса и условий для его развития в городском округе «город Дербент»

В целях анализа состояния малого бизнеса и выявления ключевых ограничений его развития необходимо затронуть следующие факторы, характеризующие обозначенный сектор экономики:

- бизнес-активность малого бизнеса;
- институциональные условия для развития малого бизнеса.

Дербент находится в лидерах среди городов Республики Дагестан по количеству индивидуальных предпринимателей на 1 000 чел. населения. При этом в городе не оказывается финансовая поддержка малому бизнесу, а республиканская поддержка по итогам 2019 г. была получена только одним субъектом и имела малозначительный характер.

Предпринимательская активность является самостоятельным и важнейшим ресурсом развития города. Однако ее потенциал пока не реализован из-за фактически отсутствующей поддержки и наличия барьеров для развития малого бизнеса¹.

Для развития малого бизнеса в городе имеется возможность для роста числа субъектов в «торгуемых» отраслях экономики и, в том числе, в отраслях более современного технологического уклада. Для ее использования необходимо создать условия и стимулы для перетока предпринимательской активности из «неторгуемых» отраслей экономики в «торгуемые».

Анализ институциональных условий для развития малого бизнеса [3] показывает, что для его развития в городе существуют определенные препятствия.

Наиболее критичными из них являются:

- отсутствие льгот по патентному налогообложению для малых предпринимателей;
- низкая обеспеченность офисными помещениями с низкой арендной ставкой;
- отсутствие качественных офисных помещений;
- низкий уровень бизнес-грамотности населения;
- низкая обеспеченность информационно-коммуникационной инфраструктурой;
- для города характерно наличие разнообразных административных барьеров для развития малого бизнеса как административного, так и институционального и инфраструктурного характера (в т.ч. стоимость патента на предпринимательскую деятельность, стоимость аренды multifunctional помещений).

В среднесрочной перспективе большая часть имеющихся барьеров для развития бизнеса может быть устранена, что без значительных временных лагов отразится на оборотах малого бизнеса [4]. Однако принимаемые финансовые меры по поддержке малого бизнеса в краткосрочной перспективе будут иметь низкую эффективность.

¹ Постановление администрации городского округа «город Дербент» «Об утверждении программы развития малого и среднего предпринимательства в городском округе "город Дербент" на 2017-2019 годы. URL: <http://www.derbent.ru/deyatelnost/upravlenie-ekonomiki-i-investitsiy/maloe-i-srednee-predprinimatelstvo/7794/>

5. Анализ состояния городских финансов городского округа «город Дербент»

Анализ городских финансов охватывает следующие задачи:

- анализ динамики фактических доходов, расходов и бюджетного сальдо городского округа «город Дербент»;
- сравнение структуры доходов городского бюджета с другими малыми и средними городами Российской Федерации;
- оценка структуры налоговых поступлений в бюджет городского округа «город Дербент» в разрезе наиболее крупных и иных организаций города Дербента.

В целом анализ динамики фактических доходов, расходов и бюджетного сальдо городского округа «город Дербент» показывает, что в 2016-2018 гг. бюджет города Дербента характеризовался незначительным сальдо (не более 2 % расходов), отклоняющимся в положительную или отрицательную сторону.

В 2017-2018 гг. в городе наблюдался профицитный бюджет, однако достигнуто это было за счет сокращения расходов, а не роста доходов, что сложно назвать положительной тенденцией. По сравнению с 2016 г. отмечен рост собственных налоговых и неналоговых доходов бюджета на 12 % при снижении трансфертов на 27 %. В целом это свидетельствовало о наличии у города потенциала для привлечения федерального финансирования при сохранении тенденции роста собственных доходов бюджета. С 2019 года город получает существенное федеральное и республиканское финансирование под реализацию крупнейших проектов и программ.

В 2019-2020 гг. бюджет уже дефицитный. На 2020 год бюджет принят в размере 5 148 596,122 тыс. руб., в том числе 625 421,6 тыс. руб. собственных доходов и 4 523 174,522 тыс. руб. межбюджетных трансфертов. Расходная часть бюджета с учетом предполагаемых остатков составляет 5 783 272,452 тыс. рублей [3].

Бюджетные инвестиции в последние годы занимают значительную по меркам бюджетов российских городов долю (см. рис. 8).

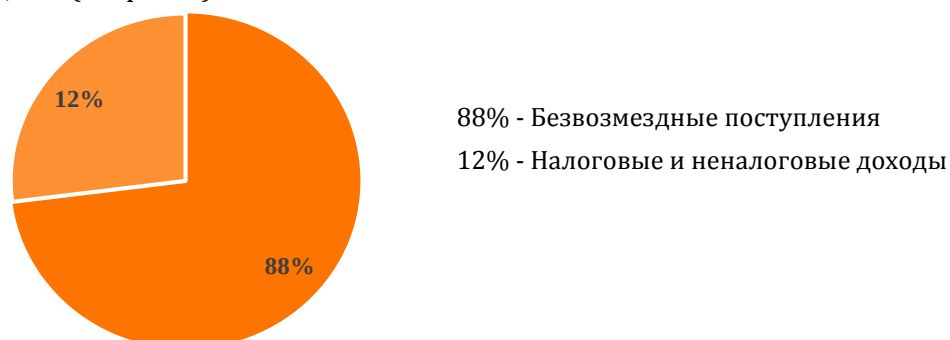

Рис. 8. Сравнительная структура доходов местных бюджетов в разрезе безвозмездных поступлений, налоговых и неналоговых доходов в городском округе «город Дербент» в 2019-2020 гг.¹

Наличие финансовых возможностей (кредитной емкости) для привлечения внешнего финансирования в местный бюджет на создание инфраструктуры для бизнеса делает гарантированным успешное развитие города. Но нельзя исключить наличие риска (ограничения), связанного с необходимостью наработки компетенций по привлечению и эффективному использованию внешнего финансирования для создания инфраструктуры для бизнеса.

Доля безвозмездных поступлений в бюджете городского округа «город Дербент» значительно превышает долю аналогичных доходов, наблюдающуюся в среднем в малых и средних городах Российской Федерации. Потенциал/возможность для развития города по итогам анализа данного аспекта трудно определить, но следует отметить как проблему/риск значительную зависимость от внешних источников финансирования, что может привести к потере финансовой устойчивости города при ухудшении внешних условий финансирования.

Экспресс-оценку структуры налоговых поступлений в бюджет городского округа «город Дербент» в разрезе наиболее крупных и иных организаций города Дербента можно представить следующим образом (табл.1).

¹ Решение Соборания депутатов городского округа «город Дербент» от 19.12.2019 г., № 12-1 «О бюджете городского округа «город Дербент» на 2020 год и на плановый период 2021-2022 годов».

Структура налоговых поступлений в бюджет городского округа «город Дербент» в 2018 г.¹

№ п/п	Налог	Наиболее крупные организации коммерческого сектора	Иные организации
1.	Земельный налог	20%	80%
2.	НДФЛ	10%	90%
3.	Единый налог по УСНО	12%	88%

Исходя из подобной ситуации, можно сделать вывод, что имеется возможность пополнения доходов бюджета за счет улучшения условий для ведения бизнеса микропредприятий.

Однако высокая концентрация микропредприятий в сегменте «неторгуемых отраслей» и, соответственно, ограниченные возможности для их дальнейшего роста могут представить серьезную проблему/риск для развития экономики города.

Аналитические выводы

Для экономики городского округа «город Дербент» характерно недостаточно эффективное использование городской территории, проявляющееся в относительно низком показателе доходов бюджета города от использования территории (земельный налог, налог на имущество физических лиц, доходы от сдачи в аренду и продажи муниципального имущества) на 1 кв.км городской территории, а также более высокой долей безвозмездных поступлений в структуре доходов бюджета города по сравнению с усредненным показателем по малым и средним городам Российской Федерации. Обозначенная негативная ситуация, согласно результатам проведенного исследования, обусловлена следующими факторами:

- высокая доля некоммерческого сектора в структуре городской экономики городского округа «город Дербент»;
- высокая доля «неторгуемых» отраслей среди негосударственного сектора экономики;
- отсутствие эффективной системы вовлечения в хозяйственный оборот историко-культурных и природно-рекреационных ресурсов [5; 6];
- близкая к моноотраслевой структура «торгуемого» сектора экономики, где предприятия, специализирующиеся на производстве напитков, занимают долю порядка 78 % в общей выручке, получаемой предприятиями «торгуемых» секторов экономики [7; 8];
- отсутствие явных точек роста экономики среди субъектов малого предпринимательства, несмотря на относительно высокий уровень предпринимательской активности в городе. Важность последнего фактора усиливается еще и значительной долей налоговых поступлений от микропредприятий и индивидуальных предпринимателей в общей сумме земельного налога и налога на доходы физических лиц, приходящихся на бюджет городского округа «город Дербент».

Потенциал для решения этих проблем может быть найден по следующим направлениям:

- привлечение на территорию городского округа «город Дербент» бизнес-резидентов в сфере торгуемых отраслей;
- создание эффективной системы вовлечения в хозяйственный оборот историко-культурных и природно-рекреационных ресурсов²;
- стимулирование развития малого бизнеса особенно (преимущественно в сегменте микропредприятий и индивидуальных предпринимателей) за счет создания возможностей для получения современных профессиональных навыков;
- введение льготных налоговых режимов для микропредприятий и индивидуальных предпринимателей в приоритетных отраслях экономики;
- повышение доступности арендных помещений для микропредприятий и индивидуальных предпринимателей;
- использование потенциала привлечения заемного федерального финансирования в целях создания инфраструктуры для бизнеса.

¹ Справка об исполнении бюджета городского округа «город Дербент» на 2018 год.

URL: derbent.ru/deyatelnost/finansovoe-upravlenie

² Постановление Правительства Республики Дагестан от 11 апреля 2019 года № 78 «Об утверждении государственной программы РД «Комплексное территориальное развитие муниципального образования городской округ «город Дербент» на период до 2024 года». URL: <http://docs.cntd.ru/document/553238731>

Литература

1. Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Республики Дагестан за 2017 г. Махачкала, 2018.
2. Социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов Республики Дагестан за 2018 г. Махачкала, 2019.
3. Вахтина М.А., Игнатова Т.В. Институциональные ограничения на пути комплексного развития российских моногородов // Вестник Академии знаний. 2020. № 36(1). С. 43–48.
4. Игнатова Т.В., Полянин А.В. Управление факторами «труд» и «предпринимательство» в целях повышения конкурентоспособности муниципалитетов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2017. № 9 (88). С. 24–28.
5. Индекс креативного капитала российских городов (2016) М.: ООО «Рослинк-Нет», 135 с.
6. Пономарева А.М., Игнатова Т.В. Разработка матрицы инновационно-креативного развития города на основе индексного метода // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9. № 3. С. 37–47.
7. Неганова О.А. Моногорода в региональной экономике РФ: понятие моногород, градообразующее предприятие, классификация моногородов // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2015. № 25. С. 115–119.
8. Сабанчева М.В., Мосина Л.А. Проблема моногородов России: теоретические и практические аспекты решения // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 12. С. 23–27.

Tagirov Kaziahmed Tagirovich, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, branch of Dagestan state University in Derbent (6, G. Aliyev str., Derbent, RD, 368600, Russian Federation).

E-mail: tagir57.05@mail.ru

Ignatova Tatyana Vladimirovna, Doctor of Economic Science, Professor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: tignatova@aaanet.ru

COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF EFFICIENCY OF CITY'S BUSINESS ENVIRONMENT OF SMALL AND MEDIUM-SIZE CITIES IN RUSSIA: CASE OF THE CITY OF DERBENT

Abstract

This article addresses the issue of the most important factors in the development of the city of Derbent at the present stage – the urban economy and the business development environment. The efficiency of the economy of the city of Derbent as a whole and the efficiency of using its resources are evaluated. The analysis of the structure of the urban economy, the state of small business and conditions for its development, as well as the state of urban Finance. The study determined that the city economy is characterized by insufficiently efficient use of urban territory, which is manifested in a relatively low indicator of city budget revenues from the use of urban territory, as well as a higher share of gratuitous receipts in the structure of city budget revenues compared to the average indicator for small and medium-sized cities of the Russian Federation.

Keywords: urban economy, small business, city budget, city economy sector, historical and cultural potential of the city, institutional conditions for small business, small towns, tourism, manufacturing.

References

1. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov Respubliki Dagestan za 2017g. Mahachkala, 2018.
2. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie gorodskih okrugov i municipal'nyh rajonov Respubliki Dagestan za 2018 g. Mahachkala, 2019.
3. Vahtina M.A., Ignatova T.V. Institucional'nye ogranicheniya na puti kompleksnogo razvitiya rossijskih monogorodov // Vestnik Akademii znaniy. 2020. № 36(1). P. 43–48.
4. Ignatova T.V., Polyannin A.V. Upravlenie faktorami «trud» i «predprinimatel'stvo» v celyah povysheniya konkurentosposobnosti municipalitetov // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2017. № 9 (88). P. 24–28.
5. Indeks kreativnogo kapitala rossijskih gorodov (2016) M.: ООО «Roslink-Net», 135 p.
6. Ponomareva A.M., Ignatova T.V. Razrabotka matricy innovacionno-kreativnogo razvitiya goroda na osnove indeksnogo metoda // Journal of economic regulation (Voprosy regulirovaniya ekonomiki). 2018. T. 9. № 3. P. 37–47.
7. Neganova O.A. Monogoroda v regional'noj ekonomike RF: ponyatie monogorod, gradoobrazuyushchee predpriyatie, klassifikaciya monogorodov // Ekonomika i upravlenie v XXI veke: tendencii razvitiya. 2015. № 25. P. 115–119.
8. Sabancheva M.V., Mosina L.A. Problema monogorodov Rossii: teoreticheskie i prakticheskie aspekty resheniya // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2015. № 12. P. 23–27.

**«РАССЛОЕНИЕ» ВИДОВ СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ
(ОБ ОДНОМ ПРЕДВИДЕНИИ А.А. ЮГОВА)**

**Акопов
Леонид
Владимирович**

доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой
«Основы правоведения», Донской государственной технической
университет (344010, Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1).
E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

Аннотация

В настоящей статье проанализирована и представлена авторская концепция системы публичной власти в России, исходящая из внесенных в 2020 году поправок в Конституцию Российской Федерации. В статье показана условная аналогия с введенным в научный оборот А.А. Юговым термином «мутовки» по отношению к подвидам публичной власти в стране в соответствии со спрогнозированной им схемой единой системы публичной власти. Приводится сравнительный анализ количества федеральных, региональных и муниципальных органов публичной власти, а также связанных с ними проблем усиления президентских полномочий по руководству указанной системой.

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, единая система публичной власти, ветви государственной власти, органы местного самоуправления, глава государства, конституционные поправки, демократия, государственное управление, президентские полномочия, политические права и свободы, социальное государство, ответственность органов публичной власти.

Посвятивший проблематике публичной власти в ее конституционно-правовом измерении не один десяток лет своего научного творчества известный ученый из Уральского государственного юридического университета Анатолий Александрович Югов выделил четыре этапа системного осуществления публичной власти в Российской Федерации, а именно: «первый этап – размежевание (преобразование) публичной власти на базовые (основные) категории демократии; второй этап – разграничение («расстволение») публичной власти на формы («стволы»); третий этап – разделение («разветвление») форм публичной власти на виды («ветви»); четвертый этап – расслоение («мутирование») видов публичной власти на подвиговые состояния («мутовки»)»¹.

Обратим внимание на то, что это писалось задолго до включения в текст Конституции Российской Федерации дефиниции «публичная власть» в различных ее сочетаниях, включая и конструкт «единая система публичной власти», что было сделано, как известно, после общероссийского голосования первого июля 2020 года и официального опубликования соответствующих конституционных поправок².

Анализ новых положений Конституции России, относящихся к организации публичной власти в стране, позволяет провести некую, хотя бы и условную, аналогию с вышеприведенной характеристикой этого процесса, которую предложил А.А.Югов в определении «четвертого этапа – расслоения («мутирования») видов публичной власти на их подвиговые состояния, названные им «мутовками». Используя ботанический термин «мутовка», означающий группу из трех или более расположенных листьев и ветвей, отходящих на одном уровне от осевого органа, А.А.Югов (вольно или невольно) предсказал нынешнее явление такого рода «мутовки» в контексте модернизации российской публичной власти, так как по своей сути все конституционные новеллы направлены на то, чтобы возросшее по определению число видов и подвигов публично-властных органов императивным образом поставить в прямую зависимость и подчиненность верховному (к тому же бесконтрольному) органу государственной власти в лице Президента Российской Федерации.

¹ См.: [1]. (Подробнее об организации публичной власти в его же работах: [2-3] и др.).

² Российская газета, 2020.4 июля, №144 (8198). С. 2-5 (федеральный выпуск).

Причем парадоксальным образом наряду с «ботанической» трактовкой т.н. «мутовки» по отношению к новой организации отечественной публичной власти одновременно вполне можно провести аналогию и с ролью «мутовки» в кулинарном искусстве, где она в качестве предмета кухонной утвари представляет собой палочку (лопаточку) с кружком или спиралью для взбалтывания (интенсивного перемешивания) жидкостей и прочих смесей типа «гоголь-моголь» и т.п.(сегодня эта функция отошла различного рода миксерам). Подобная функция гипотетически может быть сравнима с «динамикой» руководства обновленной схемой осуществления публичной власти со стороны Главы государства в ближайшей перспективе. Во избежание упреков в дилетантском «каламбурении» обратимся непосредственно к конституционно-юридической материи, связанной с беспрецедентным регулированием организации российской публичной власти поправками, внесенными в Основной закон.

В соответствии с новой редакцией Статьи 71 (пункт «г») Конституции организация публичной власти отнесена к исключительному ведению Российской Федерации, а по статье 80 (часть 2-я) именно Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти. Исходя из того, что в статье 132 (часть 3) Конституции закреплено включение в единую систему публичной власти органов местного самоуправления вкупе с органами государственной власти, можно утверждать, что теперь именно Глава государства призван обеспечивать согласованное функционирование и взаимодействие как всех видов органов государственной власти, так и органов муниципальной власти, что само по себе представляется сверхсложной задачей (по-сильной, пожалуй, суперкомпьютеру или «искусственному интеллекту»). Для того, чтобы оценить масштабы обеспечения названного суперполномочия Президента страны, рассмотрим картину (схему) состава единой системы публичной власти (рис. 1).

Рис. 1. Состав единой системы публичной власти Российской Федерации

В этой связи отметим, что одних только федеральных органов государственной власти с учетом разветвленной структуры органов исполнительной власти федерального статуса и так называемого «расстворения» федеральной судебной системы количественно насчитывается около десяти тысяч. Если прибавить к ним не одну тысячу органов государственной власти 85 субъектов Российской Федерации и несколько десятков тысяч органов местного самоуправления в муниципальных образованиях, то получается весьма впечатляющее множество публично-властных структур, согласованное функционирование и взаимодействие которых должен обеспечивать Президент страны.

Поневоле вспоминается известный эпитаф к книге А.Н.Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», как то:

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй».

Этот аллегорический образ (по версии Тредиаковского) А.Н. Радищев использовал для характеристики современного ему самодержавно-крепостнического строя в России.

Следует обратить пристальное внимание и на легализованное поправками в Конституцию России включение в единую систему публичной власти Прокуратуры Российской Федерации и Государственного Совета Российской Федерации, на который (так же как и на Главу государства) возлагается роль обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти вкупе с определением основных направлений внутренней и внешней политики (Статья 83, пункт «е5»). Тем самым после установления отдельным федеральным законом статуса Государственного Совета мы вполне можем получить «бицефальную» верховную власть в государстве даже с учетом того, что именно Президент уполномочен формировать этот новоявленный федеральный орган публичной власти.

Теперь следует поставить и окончательную точку в многолетней научной дискуссии по вопросу соотношения президентской и правительственной (федеральной исполнительной ветви) власти, так как статья 83 (пункт «б») Конституции четко закрепила норму об общем руководстве Правительством Российской Федерации, осуществляемом Президентом Российской Федерации, что предопределило и формулировку статьи 110 (часть1) об осуществлении исполнительной власти Правительством под общим руководством Главы государства. Таким образом, Президент провозглашен *«ipso jure»*, а также *«ipso facto»* главой исполнительной ветви власти, что (вообще-то говоря) влечет за собой непосредственную конституционную ответственность Главы государства за деятельность Правительства в целом, включая и ответственность за назначаемого Президентом Председателя Правительства (после утверждения его кандидатуры Государственной Думой).

Наделение Президента полномочием назначать на должность Генерального прокурора и его заместителей (хотя бы и после проведения консультаций с Советом Федерации), а также и освобождать их же от должности (но уже без консультаций) еще больше замыкает на Главу государства единую федеральную централизованную систему надзорных органов, которые по сути также относятся к публично-властным структурам, ибо невозможен надзор без полномочий властно-принудительного свойства.

Даже такой краткий общий формально-юридический обзор конституционных нововведений, существенным образом усиливающих и расширяющих круг президентских прерогатив, ставит под серьезное сомнение тезисы Д.А.Кузина о том, что: «Именно народ является субъектом публичной власти в Российской Федерации... Именно народ прямо или косвенно осуществляет формирование остальных субъектов публичной власти – государственных органов и органов местного самоуправления» [4, с. 319]. Некорректно и соответствующее утверждение Н.В. Малявкиной, как то: «Представляется, что органом публичной власти Российской Федерации является народ, обладающий правом осуществлять свою власть путем непосредственной и представительной демократии...» [5, с. 129].

Как вытекает из конституционных новелл 2020 года верховным субъектом и высшим органом публичной власти в современной России признан Президент Российской Федерации. В качестве высшего федерального органа государственной власти и одновременно лица, замещающего верховную государственную должность Российской Федерации, Глава государства концентрирует в своих руках все бразды правления единой системой публичной власти в стране. Обратим внимание в этой связи на ошибочный тезис, содержащийся в основательном и интересном учебном пособии А.Н. Писарева, посвященном конституционным основам системы

органов публичной власти, а именно: «Согласно ст.7 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», – пишет А.Н. Писарев, – Президент РФ является государственным гражданским служащим, занимающим высшую должность гражданской службы, устанавливаемую Конституцией РФ для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов»¹. В этом суждении два неверных посыла: во-первых, Глава государства не относится согласно Конституции и соответствующего федерального законодательства (включая Федеральный закон «О системе государственной службы Российской Федерации») к гражданским служащим, а является лицом, замещающим наивысшую государственную должность Российской Федерации (образно говоря, не он служит, а ему служат); во-вторых, должность Президента учреждена как раз для непосредственного исполнения полномочий Главы Российского государства, а в связи с внесенными теперь поправками в Конституцию еще и для обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия всех органов, входящих в единую систему публичной власти, а также для общего руководства Правительством России, однако, как и прежде речь не идет о непосредственном исполнении им полномочий каких-либо иных федеральных государственных органов.

Как верно отмечено М.В. Емельяновым, фактически «в России сложилась вождистская модель», в которой «президентские структуры не только заняты координацией ветвей оперативной власти с точки зрения их деятельности в рамках стратегического курса, но, к сожалению, формально, а чаще неформально вмешиваются в их непосредственную деятельность» [7, с. 96-97]. Он же не без оснований полагает, что: «Президент должен быть направляющим, координирующим и контролирующим центром, а оперативные вопросы остаются в компетенции исполнительной власти. Правительство должна формировать победившая на выборах в Государственную Думу партия» [7, с. 100]. «Признание президентской власти верховной, – пишет М.В. Емельянов, – все расставляет по своим местам и устраняет все логические противоречия статуса Президента, которые не дают покоя многим авторам» [7, 89]. К тому же он акцентирует внимание на особую роль Главы Российского государства в качестве «Центра Верховной Власти (ЦВВ)» [7, с. 89]. На наш взгляд, в связи внесенными в Конституцию поправками вполне можно говорить о Президенте России как верховном центре единой системы публичной власти, формируемой в стране. При этом крайне важно, чтобы в федеральном законодательстве, конкретизирующем регуляторные механизмы функционирования как вновь создаваемых, так и преобразуемых федеральных органов публичной власти (соответствующих региональных и муниципальных властей), были непременно предусмотрены и закреплены элементы сбалансирования (необходимые сдержки и противовесы) и должного взаимодействия ветвей и подвидов («мутовок») публичной власти, которые бы не допускали «скатывания» к «тоталитаризму» и «абсолютному вождизму» в управлении государством и гражданским обществом.

Как и прежде весьма злободневен и требует своего реального, а не виртуального, воплощения конституционный императив утверждения подлинно демократического федеративного правового с республиканской формой правления Российского государства, отвечающего историческим критериям свободы, равенства и братства.

Литература

1. Югов А.А. Единство и дифференциация публичной власти: система разделения властей // Российская юстиция. 2017. № 9. С. 5–8.
2. Югов А.А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации. Монография. Екатеринбург: Издательство УрГЮА, 1999. 121 с.
3. Югов А.А. Теория публичной власти: конституционно-правовые аспекты. Казань, 2019.
4. Кузин Д.А. Публичная власть в Российской Федерации: понятие, принципы // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 1(57). С. 317–320.
5. Малявкина Н.В. Теоретико-правовые аспекты органа публичной власти в Российской Федерации // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 4. С. 124–130.
6. Писарев А.Н. Конституционно-правовые основы системы органов публичной власти в Российской Федерации: Учебное пособие. М.: РГУП, 2018. 300 с.
7. Емельянов М.В. Тектоника власти. М.: Изд-во «Весь Мир», 2019. 256 с.

¹ Воспроизводится по [6, с. 58-59].

Akopov Leonid Vladimirovich, Doctor of jurisprudence, professor, the head of the department "Fundamentals of jurisprudence", Don state technical university (1. Gagarin square. Rostov-on-Don. 344010. Russian Federation). E-mail: norin.gospravo@yandex.ru

"SLICING" OF CONTEMPORARY PUBLIC POWERS IN RUSSIA (ABOUT ONE PREVENTION BY A.A. YUGOV)

Abstract

In this article the author analysis and represents the modern conception of united system of Russian public powers, which included the federal and regional state powers also the municipal authorities. Such of system is connected with correlations of constitutional norms in 2020 year. Also the author provides comparative analysis of A.A. Yugovs prevention about branches of state powers which departments he named as "mutovki". In article is given the resumes about connections between the public state departments and municipal public authorities.

Keywords: Constitution of Russian Federation, united system of public authorities, the branches of state power, the implementation of constitutional novels, head of the state, the presidential prerogatives, democracy, municipal departments, public authorities, constitutional correlations, current legal regulation, political rights and freedoms, social state.

References

1. YUgov A.A. Edinstvo i differenciatsiya publichnoy vlasti: sistema razdeleniya vlastej // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 9. P. 5–8.
2. YUgov A.A. Pravovye osnovy publichnoy vlasti v Rossijskoj Federacii. Monografiya. Ekaterinburg: Izdatel'stvo UrGYUA, 1999. 121 p.
3. YUgov A.A. Teoriya publichnoy vlasti: konstitucionno-pravovye aspekty. Kazan', 2019.
4. Kuzin D.A. Publichnaya vlast' v Rossijskoj Federacii: ponyatie, principy // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 1(57). P. 317–320.
5. Malyavkina N.V. Teoretiko-pravovye aspekty organa publichnoy vlasti v Rossijskoj Federacii // Srednerusskij vestnik obshchestvennyh nauk. 2011. № 4. P. 124–130.
6. Pisarev A.N. Konstitucionno-pravovye osnovy sistemy organov publichnoy vlasti v Rossijskoj Federacii: Uchebnoe posobie. M.: RGUP, 2018. 300 p.
7. Emel'yanov M.V. Tektonika vlasti. M.: Izd-vo «Ves' Mir», 2019. 256 p.

УДК 327.5:327.56

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-170-175

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ЭЛИТЫ В ГРУЗИНО-АБХАЗСКОМ КОНФЛИКТЕ

**Григорян
Давид
Кромвелович**

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: davo-davo23@mail.ru

**Кондратенко
Евгения
Николаевна**

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: zen2710@yandex.ru

**Фарапонова
Татьяна
Константиновна**

магистрант, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: t.faraponova@mail.ru

Аннотация

Актуальность данной статьи обусловлена дестабилизацией политической обстановки в Южно-Кавказском регионе. Грузино-абхазский конфликт один из этнополитических конфликтов, который находится в статусе неразрешенного конфликта. Для России Южно-Кавказский регион является сферой распространения собственного влияния, поэтому политические процессы данного региона напрямую затрагивают интересы России. Россия представляет сильное государство на постсоветском пространстве, поэтому она принимает участие в урегулировании грузино-абхазского конфликта. В данной статье рассмотрено воздействие российской политической элиты на грузино-абхазские отношения.

Ключевые слова: грузино-абхазский конфликт, Кодорское ущелье, этнополитический процесс, российская политическая элита, дипломатические отношения, Южный Кавказ, мирный процесс, независимость Абхазии, переговоры.

Грузино-абхазские отношения относятся к неразрешенному этнополитическому конфликту, дестабилизирующему политическую обстановку на постсоветском пространстве.

Грузино-абхазские отношения насчитывают ни одно столетие. В VIII веке существовало Абхазское царство, которое достигло своего расцвета. Благодаря успешной завоевательной

политике под властью абхазского царства объединились разобщенные западно- и восточно-грузинские земли. Данное объединение стало ядром будущего Грузинского Царства. После того как в Абхазском царстве пресеклась абхазская династия, к власти пришла грузинская династия Багратиони. Монголо-татарский период так же оставил след в истории Грузинского царства, и привел к его распаду. Затем Турция утвердила свои позиции на Кавказе, вследствие чего грузины и абхазы попали под турецкое влияние. В XVIII веке главную роль в этнополитических процессах грузинской и абхазской групп стала играть Российская Империя. В 1723 г. Россия и Иран заключили Петербургский мирный договор, по которому Россия получила западный и южный берег Каспия с городами Дербент, Решт, Астрабад. Так же на кавказском направлении Россия имела успехи в отношении грузинских территорий. На грузинские территории претендовали Иран и Турция, но т.к. грузинский народ был православным, а Турция и Иран представляли исламскую религию, Грузия больше тяготела к Российской империи. В 1783 г. по просьбе Картли-Кахетии Ираклия II между Россией и Картли-Кахетинским царством был заключен Георгиевский трактат, по которому Восточная Грузия перешла под протекторат России [1, с. 151-153].

Увидев такие позиции России на Кавказе, в правящей абхазской среде начинается борьба прорусской и протурецкой группировок. Побеждает прорусская ориентация, князь Абхазии Георгий Чачба-Шервашидзе обращается к Александру I с просьбой о вхождении в состав Российской империи. Манифестом 17 февраля 1810 г. Александр I объявил о присоединении Абхазии к России.

В 1801 г. грузинские территории полностью вошли в состав Российской империи.

До присоединения грузинских и абхазских территорий к Российской империи грузино-абхазские отношения не находились в остром конфликтом состоянии. Как Грузия, так и Абхазия не представляли стабильные государственные образования, и перед ними постоянно нависала угроза поглощения более сильным противником. В Кавказском регионе среди таких противников было три государства – Турция, Иран и Россия. Наиболее сильной державой Южно-кавказского региона оказалась Российская империя.[2, с 123-125]

Новый этап в грузино-абхазских отношениях начался при участии российской политической элиты в период российской революции 1917 г. Именно в этот период сформировалась основная проблема в грузино-абхазских отношениях «Признание территориальной и политической независимости Абхазии».

В период гражданской войны грузино-абхазские отношения стали сферой интересов враждующих группировок. Большевики поддерживали Абхазов в их борьбе за независимость, по их инициативе был сформирован Абхазский Национальный Совет, на котором была принята Декларация и Конституция Абхазского народа.

После падения меньшевиков, в 1921 г. большевики следовали популярной политике в Абхазии, признав ее Советской Социалистической Республикой. Такая политика советской политической элиты в отношении абхазов продлилась не долго, уже в феврале 1931 г. Абхазскую ССР преобразовали в автономную ССР в рамках Грузинской ССР, тем самым Абхазия полностью лишилась своей государственной независимости.

В 1930-е гг. в Абхазии в основном была сельская местность, и превалировал крестьянский уклад жизни. В период сталинской коллективизации такой уклад не сочетался с провозглашенной идеологией, в связи с чем советская политическая элита большую поддержку оказывала Грузинской ССР. Грузия представляла собой более развитую социально-экономическую структуру, чем Абхазия, и советское правительство считало, что Абхазия не сможет существовать отдельно от Грузии [3,с 232-235].

После того, как Абхазия стала частью Грузинской ССР, Грузия вела политику притеснения в отношении абхазов. В 1936 г. столицу Абхазии Сухум переименовали в Сухуми. Совсем скоро после этого, и другие названия абхазских географических объектов были переименованы на грузинский манер. В 1945 г. принимается постановление «О мероприятиях по улучшению качества учебно-воспитательной работы в школах Абхазской АССР». В абхазских учебных заведениях основным становится грузинский язык, что приводит к резкому ухудшению образования в Абхазии, потому что дети просто не понимали грузинский язык, а педагогов, знающих грузинский язык было слишком мало, поэтому многие педагоги были приглашены из Грузии, но им было слишком тяжело работать, т.к. они не знали абхазского языка [4, с. 8-35].

После смерти Сталина и ухода с политической арены Берия советская правящая элита обратила внимания на притеснение Абхазской автономии со стороны Грузинской ССР

В 1978 г. в СССР изменяется конституция, в связи с чем снова обостряется вопрос о праве свободного выхода Абхазской ССР из состава Грузинской ССР. Снова Грузия начинает притеснять абхазское население. В конце 1980-х гг. в Грузии увеличивается количество приверженцев идеи отделиться от СССР и стать независимой демократической республикой. Абхазы в свою очередь все активнее настаивали на возвращении статуса суверенной республики. Абхазы направили письмо в июне 1988 г. в адрес XIX Всесоюзной конференции КПСС, в котором они требовали вернуть Абхазии статус, утвержденный абхазским народом в марте 1921 г. Абхазия рассчитывала на поддержку центральных органов власти СССР, но в данный период времени в органах центральной власти СССР консервативно настроенная политическая элита боролась с реформаторскими кругами, и удержать стабильную обстановку во всем государстве была не способна. По этой причине, Абхазы остались в одиночестве со своей проблемой, а Грузия продолжала оказывать давление на абхазское население. В 1989 г. между Грузией и Абхазией произошло военное столкновение, причиной которого стало учреждение филиала Тбилисского университета в Сухуми в мае, затем была двухдневная война 15–16 июля. Все эти события способствовали разжиганию национальной неприязни среди грузинского и абхазского населения.

Начало перестройки и распад СССР наложил свой отпечаток на грузино-абхазские отношения. В 1990-е гг. российская политическая элита была занята переделом власти, поэтому этнополитический конфликт между грузинами и абхазами разгорелся с новой силой.

В 1992 г. конфликт между Грузией и Абхазией достиг своего предела, военное столкновение 1992–1993 гг. является самым кровопролитным в истории грузино-абхазских отношений. Абхазия несанкционированно восстановила действие Конституции Абхазской ССР 1925 года, по которой Абхазия объявлялась независимым государством в составе Грузинской ССР, что стало причиной введения грузинских войск на территорию Абхазии 10 августа 1992 г. В июле 1993 г. грузинская и абхазская политические элиты начали движение в сторону мирного процесса. 27 июля между Грузией и Абхазией в Сочи было подписано соглашение, по которому обе стороны были обязаны временно прекратить огонь. Россия выступала гарантом соблюдения режима прекращения огня [5, с. 3–7].

Временное перемирие продлилось недолго, уже 16–27 сентября 1993 г. состоялось сражение, которое вошло в историю как «Битва за Сухуми», в котором абхазы проявили свою военную мощь, и смогли взять Сухуми. Эдуарду Шеварднадзе пришлось попросить помощи у России.

14 мая 1994 года при посредничестве России было заключено Соглашение о прекращении огня и разделении сил¹.

В 1990-е гг. раздираемая внутренними проблемами Россия не могла оказать сильного влияния на грузино-абхазский конфликт. Грузия постоянно обвиняла Россию в помощи абхазским войскам и называла эту помощь основной причиной победы Абхазии в данном столкновении. Все-таки Россия выступила в качестве миротворца и заставила обе стороны прекратить на время боевые действия.

Весь XX век СССР сдерживал грузино-абхазские противоречия и не давал им стать причиной военного конфликта. С распадом Советского Союза у Грузии и Абхазии появилось больше проблем, а точки соприкосновения для дальнейшего сотрудничества так и не сформировались.

В новом тысячелетии грузино-абхазские отношения по-прежнему находятся в состоянии конфликта, и с каждым десятилетием возникает все больше проблем, а урегулирование данного конфликта становится все более невозможным.

В XXI веке Грузия переориентировала свои интересы в сторону запада, который является катализатором обострения грузино-абхазского конфликта. Первой проблемой грузино-абхазских отношений является неопределенность правового статуса Абхазии. Абхазия в международном пространстве является непризнанным государством, что ставит данное государственное образование в очень затруднительное положение в экономической и политической сферах. Так же остается нерешенной проблема беженцев [6, с. 95–98].

В начале XXI века между Грузией и Абхазией обострилась проблема контроля Кодорского ущелья. Грузия, как и Абхазия, стремились получить контроль над Кодорским ущельем. В этом военном столкновении принимают участие Российская Федерация и ООН.

¹ Война в Абхазии 1992–1993 гг. // URL: <http://war-in-abkhazia.ru/history.html> (дата обращения: 02.05.2020 г.)

2 апреля 2002 г. между Грузией и Абхазией был подписан протокол, по которому миротворцы Российской Федерации и наблюдатели ООН должны были патрулировать верхнюю часть Кодорского ущелья (территория Абхазии, контролируемая Грузией). В 2003 г. патрулирование прекратилось, т.к. были похищены несколько сотрудников миссии ООН.

В 2006 г. обстановка в Кодорском ущелье обострилась. В этот период Кодорское ущелье представляло собой территорию, которой фактически управлял Эмзар Квициани, лидер военизированного отряда «монадире», который оказывал помощь Э. Шеварднадзе в 1990-е гг., а после прихода к власти Саакашвили попал в черный список нового правительства.

Под предлогом борьбы с военизированным отрядом в Кодорском ущелье Саакашвили ввел войска. В верхней части Кодорского ущелья было размещено Абхазское правительство в изгнании. Правительством Грузии были произведены чистки Кодорского ущелья.

Данные события не остались незамеченными международным сообществом, поэтому 13 октября 2006 г. Советом Безопасности ООН была принята резолюция №1716, которая призвала обе стороны воздержаться от действий, препятствующих мирному процессу.

Российская сторона также не могла остаться в стороне, т.к. любой военный конфликт, происходящий на Кавказе, напрямую затрагивает интересы Российской Федерации. 8 октября 2006 г. Народное собрание Абхазии обратилось к Российской Федерации с просьбой признать политическую независимость Абхазии, что в свою очередь повлекло за собой обвинения со стороны Грузии в сторону России,

С этих пор Грузия постоянно обвиняет Россию в ведении совместных боевых действий с Абхазией. 2008 г. в период президентства Михаила Саакашвили с 2004 по 2013 г. российско-грузинские отношения характеризуются высоким уровнем напряженности. Политика М. Саакашвили была ориентирована на сотрудничество с Западом, о чем свидетельствует желание грузинской политической элиты официально присоединиться к североатлантическому альянсу.

В 2008 г. обострился конфликт между Грузией и Южной Осетией. Грузинское руководство большую часть своих сил направило на проведение военной операции в Цхинвали, что привело к ослаблению верхней Абхазии (верхняя часть Кодорского ущелья). В данном военном столкновении Россия оказала содействие Южной Осетии, когда основные действия разворачивались в Цхинвали, 12 августа Абхазские войска вошли в верхнюю часть Кодорского ущелья и окружили грузинскую армию, итогом военной операции стало восстановление контроля над всей территорией бывшей Абхазской АССР¹.

После прекращения огня в Цхинвали, Российская Федерация одновременно признала суверенитет Южной Осетии и Абхазии. После признания Россией независимости Абхазии, наступил новый этап в российско-абхазских отношениях. Они перешли в правовое поле [7, с. 132-136].

В 2009 году были заключены соглашения о совместной охране границ, соглашение о сотрудничестве в военной сфере. В 2015 г. было подписано соглашение об объединенной группировке военных сил Абхазии и РФ. Россия является главным торговым партнером Абхазской республике, оказывает содействие в социально-экономическом развитии, организует безвозмездную финансовую помощь.

24 ноября 2014 г. между Россией и Абхазией был заключен договор о союзничестве и стратегическом партнерстве. Ключевым условием данного договора является пункт о взаимной помощи при агрессии третьих государств².

После военного конфликта в 2008 г. Россия и Грузия прекратили дипломатические отношения.

Россия и Грузия ведут диалог в рамках Женевских дискуссий по безопасности и стабильности в Закавказье и регулярных встреч специального представителя премьер-министра Грузии Зураба Абашидзе и заместителя министра иностранных дел РФ Григория Карасина.

Несмотря на сложность дипломатических российско-грузинских отношений, взаимодействие в торгово-экономической сфере осуществляется. В 2012 г. Грузией был отменен визовый режим с Россией в одностороннем порядке, а в 2015 г. Россия упростила процедуру получения виз для грузинских граждан. Также снова появилось автобусное и авиационное сообщение.

¹ Хроника грузино-абхазского конфликта 1989-2008 гг. // РИА Новости URL: https://ria.ru/osetia_spravki/20080812/150313916.html (дата обращения 04.05.2020 г.)

² Межгосударственные отношения России и Абхазии // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20200730/1575163222.html> (дата обращения: 07.09.2020 г.)

На сегодняшний день, Россия является вторым внешнеторговым партнером после Турции. Несмотря на положительные тенденции в торгово-экономической сфере российско-грузинского взаимодействия, дипломатические отношения не восстанавливаются. В июне 2019 г. российско-грузинские отношения снова обострились, когда в Тбилиси начались митинги против участия российских делегатов в сессии Межпарламентской ассамблеи православия. В свете событий президент Грузии обвинил Россию в создании раскола в грузинском обществе. Результатом таких действий стало прекращение авиасообщения между Россией и Грузией¹.

Сначала СССР, а потом Россия постоянно оказывали прямое воздействие на грузино-абхазское взаимодействие. На современном этапе, с учетом ориентации Грузии на сотрудничество с Западом в ущерб российско-грузинским отношениям, Россия оказывает поддержку Абхазии, так как она является буферной зоной, между Россией и Южным Кавказом. Для России невыгодно усиление Грузии, так как она представляет одно из сильнейших государств Южного Кавказа. Перспектива присоединения Абхазии к Грузии не устраивает российскую политическую элиту, такая ситуация приведет к усилению Грузии, и может спровоцировать вторжение западных держав в регион Южного Кавказа, который для них привлекателен запасом природных ресурсов, в особенности энергетическими ресурсами.

В рамках грузино-абхазского конфликта Российская Федерация принимает сторону абхазов, и при условии эскалации конфликта Российская сторона по-прежнему будет оказывать помощь Абхазской Республике.

Литература

1. История России. 3-е изд., перераб. и доп. / А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М.: ТК Велби, Изд-во: Проспект, 2006. 680 с.
2. Григорян Д.К. Межэтнические конфликты: типы, содержания и пути преодоления // Философия права. 2018. № 3 (86). С. 123–127.
3. Литвинчук В.И. Историко-политологический анализ специфики грузино-абхазских отношений // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 5. С. 232–235.
4. Казенин К.И. Грузино-абхазский конфликт: 1917-1992. Сборник. М.: Европа, 2013. 100 с.
5. Гицба Х.Д. Война в Абхазии 1992-1993 гг. и политика России // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 5. С. 1–11.
6. Мараян К.П. Современная политика России на Южном Кавказе // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 4 (37). С. 92–100.
7. Платонова М.А. Трансформация национальных интересов Грузии в контексте признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1 (19). С. 132–139.

Grigoryan David Kromvelovich, Associate Professor at the Department of Politology and EthnoPolicy, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: davodavo23@mail.ru

Kondratenko Evgeniya Nikolaevna - Associate Professor at the Department of Politology and EthnoPolicy, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: zen2710@yandex.ru

Faraponova Tatyana Konstantinovna, undergraduate, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: t.faraponova@mail.ru

ROLE OF THE RUSSIAN ELITE IN THE GEORGIA-ABKHAZ CONFLICT

Abstract

The relevance of this article is due to the destabilization of the political situation in the South Caucasus region. The Georgian-Abkhaz conflict is one of the ethno-political conflicts in the South Caucasus, which is in the status of an unresolved conflict. The Russian Federation is a strong player in this region, therefore it takes part in the settlement of the Georgian-Abkhaz conflict. This article examines the impact of the Russian political elite on Georgian-Abkhaz relations.

¹ Отношения России и Грузии // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20190708/1556327121.html> (дата обращения 07.09.2020 г.)

Keywords: *Georgian-Abkhazian conflict, Kodori Gorge, ethnopolitical process, Russian political elite, diplomatic relations, South Caucasus, peace process, independence of Abkhazia.*

References

1. Istoriya Rossii. 3-e izd., pererab. i dop. /A. S. Orlov, V. A. Georgiev, N. G. Georgieva, T. A. Si-vohina. M.: TK Velbi, Izd-vo: Prospekt, 2006. 680 p.
2. Grigoryan D.K. Mezhetnicheskie konflikty: tipy, sodержaniya i puti preodoleniya // Filo-sofiya prava. 2018. № 3 (86). P. 123–127.
3. Litvinchuk V.I. Istoriko-politologicheskij analiz specifiky gruzino-abhazskih otnoshenij // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2008. № 5. P. 232–235.
4. Kazenin K.I. Gruzino-abhazskij konflikt: 1917-1992. Sbornik. M.: Evropa, 2013. 100 p.
5. Gicba H.D. Vojna v Abhazii 1992-1993 gg. i politika Rossii // Istoricheskij zhurnal: nauch-nye issledovaniya. 2017. № 5. P. 1–11.
6. Marabyan K.P. Sovremennaya politika Rossii na YUzhnom Kavkaze // Vestnik MGIMO Univer-siteta. 2014. № 4 (37). P. 92–100.
7. Platonova M.A. Transformaciya nacional'nyh interesov Gruzii v kontekste priznaniya Rossiej nezavisimosti Abhazii i YUzhnoj Osetii // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2011. № 1 (19). P. 132–139.

УДК 343.326:327.8

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-175-181

ВЫЯВЛЕНИЕ УГРОЗ ТЕРРОРИЗМА КАК ИНСТРУМЕНТА СОВРЕМЕННОЙ ГЕОПОЛИТИКИ НА ОСНОВЕ КОГНИТИВНОГО КАРТИРОВАНИЯ

Громакова Виктория Георгиевна кандидат биологических наук, доцент кафедры региональной социологии и моделирования социальных процессов, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: victoriagromakova@yandex.ru

Варданян Вардан Норайрович магистрант, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: lusinn7@gmail.com

Аннотация

В данной статье обосновывается актуальность исследования терроризма как инструмента достижения геополитических целей. Тезисно приводятся результаты анализа научных публикаций по проблемам, связанным с терроризмом. Делается заключение о том, что основным вектором исследовательских интересов в данном проблемном поле, являются социальные, экономические и культурно-исторические предпосылки готовности социальных субъектов к участию в террористической деятельности, а не потенциальные механизмы использования терроризма в интересах макрополитических субъектов. Приводятся когнитивные модели, представляющие авторское видение таких механизмов. В качестве методологической базы логических построений, отраженных в структуре когнитивных карт использованы основные идеи и принципы таких геополитических концепций, как неонатлантизм и неомондиализм, а также мир-системная теория И.Валлерстайна.

Ключевые слова: *терроризм, террористические организации, геополитика, геополитические интересы, военная геополитическая стратегия, экономическая геополитическая стратегия, цивилизационная экспансия, когнитивное моделирование, когнитивная карта, контур обратных связей.*

Терроризм, понимаемый как «преступные акты, направленные или рассчитанные на создание обстановки террора среди широкой общественности»¹, практически единогласно называется авторами научных публикаций в числе глобальных угроз мировому сообществу и порядку [1, 2]. Подчеркивается широкое распространение террористической угрозы, рост числа терактов и их жертв, использование террористами все более разрушительных средств достижения целей [3, 4].

Исследователи проблемы терроризма отмечают также высокую степень организации современных террористических структур, их техническую и оснащенность, наличие развитых каналов коммуникации и постоянных потоков финансирования как от нелегальных («Хавалла»), так и от официально зарегистрированных (например, международная исламская организация

¹ Документ ООН. А/RES/49/60. Меры по ликвидации международного терроризма. 17 февраля 1995 г.

«Спасение» (штаб-квартира в США) [2]. Также подчеркивается, что и сам терроризм в настоящее время помимо прочего представляет собой весьма «прибыльный бизнес глобального масштаба с развитым «рынком труда» (наемники и прочие) и приложением капитала (поставки оружия, наркоторговля и др.)» [3] с оборотом, исчисляемым миллиардами долларов [5]. Упоминается эффективность терроризма как средства политической и геополитической борьбы, а в некоторых работах указывается на связи террористических организаций с правительственными структурами некоторых государств [6, 7]. Авторы справедливо замечают, что «любая акция международных террористических структур может в одно и то же время нанести вред одним и определенным образом сыграть в пользу интересов других государств» и видят в этом причину двойных стандартов в оценках однотипных насильственных действий, которые в одном случае классифицируются как терроризм, а в другом как национально-освободительная борьба [7]. Но при этом большая часть исследований сосредоточена на изучении факторов и предпосылок возникновения террористических группировок и практик.

Терроризм рассматривается прежде всего как реакция некоторых национальных, региональных, этнических или конфессиональных сообществ на «длительное затягивание решения назревших политических, этнических и социальных проблем» [3]. Исследователи практически единодушно называют в качестве причин возникновения и распространения террористических практик: падение уровня жизни населения в ряде регионов, увеличение разрыва по данному показателю между богатыми и бедными странами, между различными стратами внутри национальных сообществ; правовой нигилизм; безграмотную или преступную политику в решении межэтнических конфликтов, создающую предпосылки для роста этнонациональной и религиозной нетерпимости на долгие годы вперед; уязвимость демократических институтов перед распространением радикальной идеологии; научно-технический прогресс и урбанизацию [3, 8, 9].

Даже поверхностного взгляда на приведенный перечень достаточно, чтобы заметить, что практически в любом обществе имеются предпосылки для разжигания вражды и ненависти, которые движут рядовыми членами террористических организаций. Соответственно, есть основания предполагать, что терроризм может стать или уже стал одним из наиболее действенных инструментов современной геополитики, однако данная сторона проблемы лишь обозначена, но не проанализирована в научном дискурсе. С учетом вышесказанного **целью** исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, стала разработка когнитивных моделей, иллюстрирующих вероятную логику использования терроризма как инструмента современной геополитики. Соответственно, терроризм как социально-политическое явление представляет собой **объект** настоящего исследования. А собственно механизмы использования терроризма как инструмента геополитики стали **предметом** исследования.

В настоящей статье под геополитикой понимается система целей, установок и действий в направлении контроля государства над пространством. Известно несколько основных форм контроля над пространством: военный, политический, экономический, демографический, коммуникационный, информационно-идеологический (к последнему можно отнести также религиозный). По поводу доминирования на определенных территориях возникают геополитические отношения между странами. И поскольку усиление контроля одной страны означает ослабление позиций другой, то единственным неперменным признаком геополитических отношений является борьба.

Для представления потенциала терроризма как инструмента старой (военной), новой (экономической) и новейшей (символической) геополитических стратегий был использован **метод** моделирования – методика построения когнитивных карт.

В основе построения моделей социальной структуры в форме когнитивных карт лежит теория графов. Социальная система в соответствии с данной методикой представляется в виде:

- 1) непустого множества свойств (признаков) динамической системы;
- 2) непустого множества причинно-следственных связей между свойствами рассматриваемой социальной системы;
- 3) обозначения каждой связи как позитивной или негативной.

В результате когнитивная карта представляет собой знаковый, ориентированный, граф или диграф. Диграф $D = (X, Y)$ – структура, состоящая из конечного множества различных точек (вершин) $X = \{A, B, C, \dots\}$ и множества векторных (направленных) дуг (линий связи) $Y = \{AB, BA, AC, \dots\}$.

В вершинах располагаются значимые для исследователя свойства (параметры) системы. Дуги обозначают причинно-следственные связи между параметрами. Все дуги имеют знак

в соответствии с характером связи. Положительной связью считается такие отношения между параметрами, когда усиление (увеличение) или ослабление (снижение) одного параметра вызывает такие же изменения другого параметра. Отрицательной связью считается, если вследствие изменений первого параметра возникают противоположные изменения второго параметра.

В диграфе различают циклы и полуциклы. «Принципиальное отличие цикла от полуцикла, интерпретируемое графически, состоит в том, что, двигаясь по его линиям от любой точки (вершины), мы всегда через некоторое число линий к ней же и вернемся». Таким образом, циклы в когнитивной карте представляют собой петли (контуры) обратной связи.

Знак контура обратной связи равен произведению знаков составляющих его дуг. Соответственно, если контур содержит четное или нулевое количество отрицательных дуг, то он является положительным и иллюстрирует положительную обратную связь. Если контур содержит нечетное количество отрицательных линий, то в целом является отрицательным.

В ходе выполнения исследования были разработаны когнитивные карты, представляющие варианты решения геополитических задач.

Рассмотрим главный метод старой геополитической стратегии – военное решение (рис. 1).

Для военного решения необходим повод для начала войны. Изначально поводом могут быть национальные интересы расширяющегося государства – оно было обозначено как государство-Субъект (S).

Наличие повода приводит к получению внутреннего одобрения и служит началом военных действий. Внешнее – международное – одобрение на данном этапе желательно, но не всегда обязательно. Обладающее военной мощью государство может начать войну и без одобрения других макрополитических субъектов. Активные военные действия в большинстве случаев приводят к некоторому успеху – захвату части территории другого государства, чье пространство оказалось в сфере геополитических интересов государства-Субъекта. Оно было обозначено как государство-Объект (O). Успех повышает внутреннее одобрение и появляется первый развивающийся – положительный контур обратных связей (1-2-1). Значительное превосходство над силами Объекта и молниеносная победа означают успех военной стратегии.

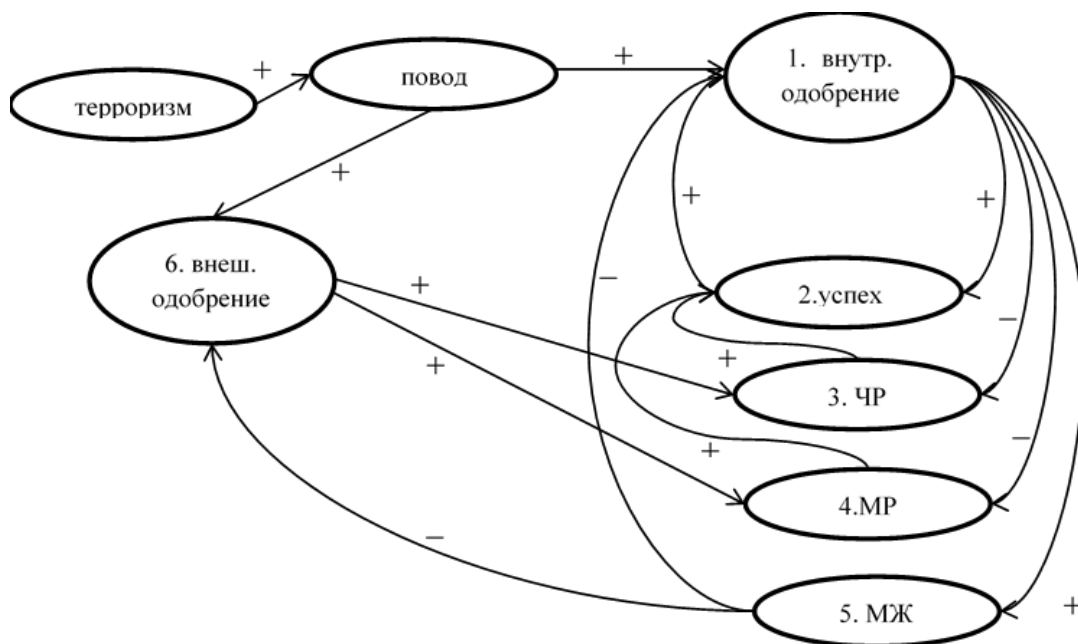
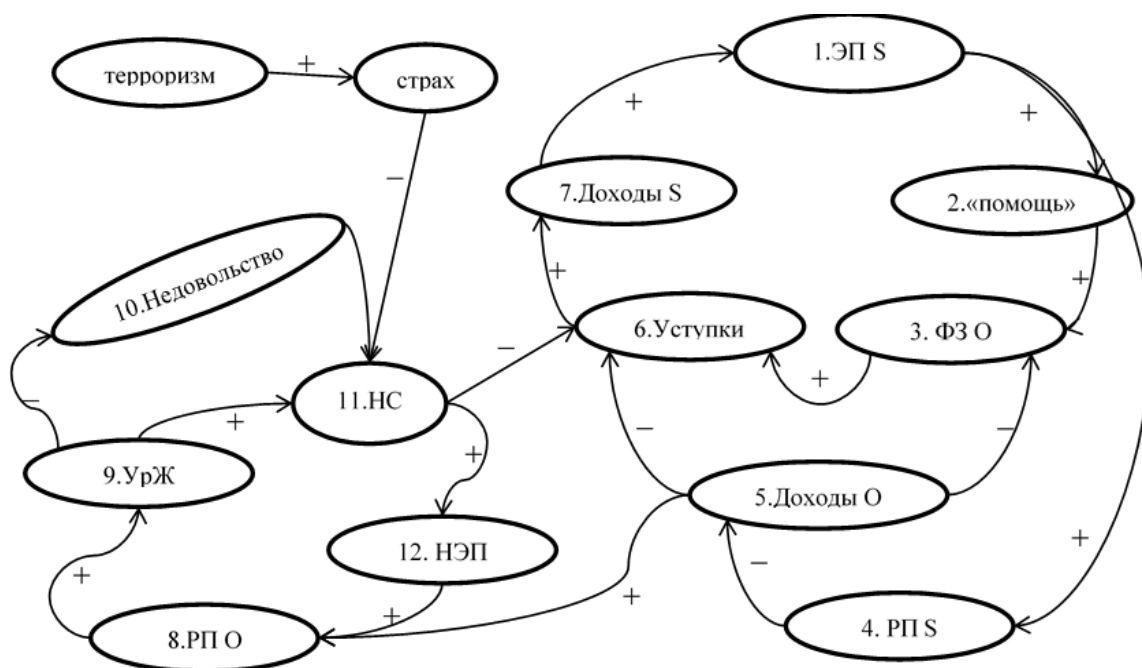

Рис. 1. Когнитивная карта использования терроризма в реализации военной стратегии достижения геополитических целей

Но так бывает далеко не всегда. Даже относительно слабое государство может оказать сопротивление и тогда Субъект «увязнет» в войне. А это потери человеческих ресурсов (ЧР), материальных ресурсов (МР), которые снижают ощущение успеха и внутреннюю поддержку. В такой ситуации становится крайне важным появление союзников – внешнее одобрение. Они могут помочь человеческими и материальными ресурсами. Но другие страны не всегда спешат оказывать помощь. Кроме того, увеличение жертв среди мирного населения (МЖ) снижает

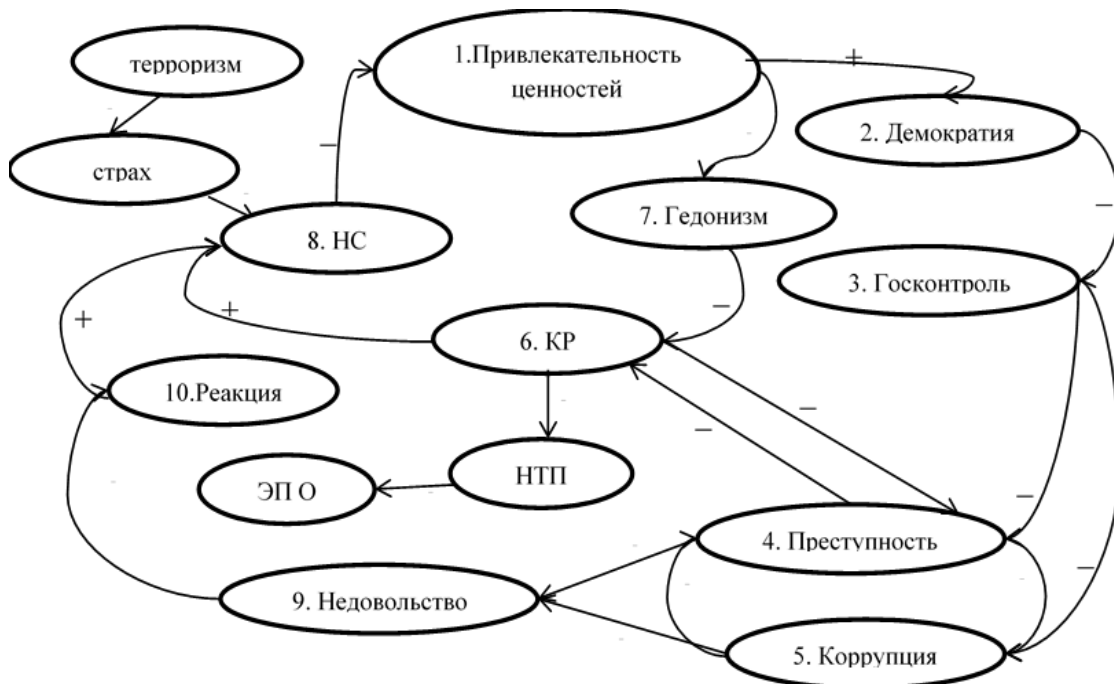
Экономическая геополитическая стратегия выбирается в том случае, если государство-Объект имеет проблемы в экономике, а государство-Субъект обладает большим экономическим потенциалом (ЭП S). В таком случае Субъект может предложить Объекту, иногда подкупая при этом его правительство, финансовую «помощь» на определенных условиях, выполняя которые Объект попадает в финансовую зависимость (ФЗ O) от Субъекта. Одновременно, как правило, Субъект размещает собственные предприятия (РП S) на территории Объекта и получает дешевую рабочую силу и доступ к природным богатствам Объекта. Доходы государства-Объекта при этом снижаются, что усиливает его финансовую зависимость [10].

Финансовая зависимость и отсутствие достаточных собственных доходов вынуждают Объекта идти на новые уступки Субъекту. Доходы Субъекта растут, и растет его экономический потенциал. Возникают два контура положительных обратных связей, демонстрирующих усиление экономической мощи государства-Субъекта и прогрессирующую зависимость государства Объект (1-2-3-6-7 и 1-4-5-6-7). Соответственно, Субъект получает контроль над пространством Объекта (рис. 2).

Препятствием на пути реализации геополитических интересов Субъекта в некоторых случаях становятся следующие взаимосвязанные процессы (рис. 2.) Падение доходов Объекта закономерно снижает возможность для развития собственных предприятий (РП О). Это приводит к снижению уровня жизни населения (УрЖ), что вызывает рост народного недовольства. В результате, хотя и не во всех случаях, возникает обострение чувства национального самосознания (НС) народа Объекта. Это меняет политический настроения в государстве-Объекте, вследствие чего его правительство может отказаться от дальнейших уступок Субъекту и взять курс на защиту собственной экономики. Новая экономическая политика (НЭП) иногда достигает цели и вызывает развитие производства (РП О), повышает уровень жизни и усиление на фоне достигаемых успехов национального самосознания народа Объекта. Эти контуры обратных

Началом реализации цивилизационной геополитической стратегии является пропаганда (через фильмы, музыку, фестивали, демонстрацию собственного благополучия) собственных культурных ценностей, что делает их привлекательными. В таком случае, государство Объект начинает изменять свою внутреннюю политику в направлении заимствования ценностей и принципов жизни Субъекта. Поскольку в современном мире наибольших успехов в этом добилась западная талассократическая цивилизация, то рассмотрим этот процесс на примере ее культурной экспансии. При этом, заимствования таких позитивных качеств человека талассократической цивилизации, как предприимчивость, самостоятельность, финансовая грамотность и ответственность, обычно не происходит, так как это не просто. Эти качества проявляются в социальных практиках. А социальным практикам на словах не научишь. Они должны «врасти» в личность в процессе социализации, в ходе участия в соответствующих формах социальных отношений [11]. Соответственно, процесс подражания выражается в поверхностной демократизации и гедонизме.

Поверхностная демократизация в понимании авторов данной работы – это снижение государственного контроля за сферой бизнеса, а также сокращение полномочий органов правопорядка при отсутствии глубокого усвоения демократических ценностей и социальных практик (ответственность, самостоятельность, правовая грамотность, уважение и доверие к закону). Результатом становится рост преступности – в целом, и коррупции – в частности. Эти два процесса разделены на карте, чтобы подчеркнуть наличие положительных обратных связей между уровнем коррумпированности чиновников и общим уровнем преступности – силой криминальных структур. Чиновник ради наживы включается в коррупционные схемы и приобретает все больше связей с криминалом. В итоге, чиновничий аппарат зависим от криминала, разделяет общие с криминалом ценности, передает их следующим поколениям чиновников и способствует приходу к легальной власти криминальных авторитетов.

Между ростом преступности и культурным развитием (КР) существуют обоюдные отрицательные связи: повышение уровня преступности снижает культурный уровень, падение уровня культуры приводит к росту преступности – еще один положительный контур, развивающий ситуацию по порочному кругу.

Снижение культурного уровня происходит и вследствие принятия гедонистических ценностей, которое проходит под лозунгами: «Бери от жизни все!», «Жить надо ярко», «Живи в удовольствие», и заключается в распространении мнения о том, что главное в жизни – удовольствие, веселье. Пропагандируется беззаботность, демонстрационное потребление, клубная жизнь, алкоголь, наркотики, беспорядочные половые связи.

Падение уровня культуры постепенно снижает уровень образования, а это в свою очередь ведет к снижению научно-технологического потенциала (НТП) и экономического потенциала Объекта (ЭП О). Последнее открывает путь экономической геополитике Субъекта (рис. 2).

Кроме того, снижение уровня культурного развития (КР) снизит национальное самосознание и делает чужие ценности еще более привлекательными. Так, замыкаются два развивающих контура, описывающих постепенное разрушение культурных основ консолидации народа Объекта: через поверхностную демократизацию (1-2-3-4-6-8-1) и через гедонизм (1-7-6-8-1).

Однако в обществе Объекта в такой ситуации наряду с теми, кто принимает новые ценностные ориентации, бывают и недовольные переменами. Причем вследствие роста преступности и коррупции недовольство возрастает. Чем больше становится недовольных, тем сильнее в общественном мнении, а иногда и в политике государства Объекта, наблюдается реакционный откат (Реакция) к собственным ценностям и образу жизни. Это ведет к росту национального самосознания (НС) и снижению привлекательности ценностей, предлагаемых Субъектом. Соответственно, появляется контур отрицательной обратной связи (1-2-3-4-5-9-10-1) – стабилизирующий, останавливающий процесс культурной трансформации Объекта.

Торможение культурной экспансии Субъекта не в его геополитических интересах. Блокировать стабилизирующую петлю обратных связей и дать дополнительный импульс развивающему в направлении вестернизации контуру можно, снизив национальное самосознание. Как уже было показано, эта задача эффективно решается посредством терроризма, вызывающего страх и дезориентирующего.

Таким образом, разработанные когнитивные модели реализации трех известных на сегодняшний день стратегий геополитики показывают, что при осуществлении любой из этих стратегий внутри государства-Объекта могут возникнуть силы противодействия, способные резко снижать или вовсе сводить к нулю темпы экспансии государства-Субъекта. И во всех случаях тайное привлечение к реализации геополитических целей Субъекта террористов позволяет эффективно преодолевать сопротивление Объекта. Терракты на территории Объекта деморализуют общество, блокируют процессы консолидации и делают невозможным противостояние экономической и культурной экспансии. В случае военной стратегии теракты «от имени Объекта» эффективнее проводить на территории других стран, т.к. население Объекта, во-первых уже научилось жить в условиях постоянной смертельной опасности, а во-вторых теракты могут быть связаны с интересами Субъекта, что послужит консолидации его противника. В то же время гибель людей от рук террористов в других странах и обвинение в этом государства-Объекта служит оправданием дальнейшей военной агрессии Субъекта, невзирая на массовую гибель мирного населения государства-Объекта (это, кстати, тоже можно списать на террористов). С учетом вышесказанного можно предполагать появление в современной геополитике еще одной стратегии – террористической, объединяющей преимущества трех ранее известных. У этой стратегии есть один существенный минус – обретя силу, террористы могут выйти из-под контроля, вырастившего их геополитического Субъекта, и заявить о собственных интересах. В таком случае терроризм становится угрозой всему миропорядку. Однако наличие подобных рисков не обязательно должно стать причиной отказа современных геополитических акторов от использования терроризма в качестве инструмента достижения собственных целей.

Литература

1. Пинчук А.Ю. К проблеме понимания сущности и специфика международного терроризма в современном мире // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2018. Т. 7. № 2(23). С. 396 – 399.
2. Коробов А.А. О некоторых детерминантах современной эскалации терроризма // Теория и история государства и права. 2019. № 2. С. 4 – 9.

3. Алексеев О.Н. Причины, предпосылки, условия возникновения и распространения международного терроризма // Право и общество. 2012. № 2 (036). С. 134 – 141.
4. Антипенко В.Ф. Современный терроризм: состояние и пути его предупреждения в Украине. Дисс. ... канд. юрид. наук. – К., 1999. 178 с.
5. Добаев И.П., Добаев А.И., Игнатова Т.В. Криминологические особенности финансовых операций посредством системы «хавала» / Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень /РАН, ИНИОН, Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. М., 2019. № 4(314). С.102-118.
6. Машекуашева М.Х. Историко-методологический анализ возникновения экстремизма и терроризма // Общество: философия, история, культура. 2014. № 3. С. 31 – 33.
7. Альсаеди А.Д. Факторы и элементы международного терроризма как комплекса целенаправленных действий // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 2(19). С. 204 – 208.
8. Петрищев В.Е. Роль национализма в воспроизводстве терроризма // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.
9. Джумаева Р.Х. Причины и условия, способствующие распространению террористической идеологии в России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 17. С. 66 – 68.
10. Вальерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / Пер с англ. П.М. Кудюкина под общей ред. Б.Ю. Кагарлицкого. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
11. Громакова В.Г., Осяк А.Н., Сапунова Т.Г. Российское общество и государство в условиях институциональной трансформации // Философия права. 2019. №3. С. 161 – 167.

Gromakova Victoria Georgievna, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor, Department of Regional Sociology and Modeling of Social Processes, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation).

E-mail: victoriagromakova@yandex.ru

Vardanyan Vardan Norayrovich, Master Student, Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University (344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: lusinn7@gmail.com

IDENTIFYING THREATS OF TERRORISM AS A TOOL OF MODERN GEOPOLITICS BASED ON COGNITIVE MAPPING

Abstract

This article substantiates the relevance of the study of terrorism as a tool for achieving geopolitical goals. The article presents the results of the analysis of scientific publications on issues related to terrorism. It is concluded that the main vector of research interests in this problem field is the social, economic, cultural and historical prerequisites for the readiness of social actors to participate in terrorist activities, and not the potential mechanisms for using terrorism in the interests of macro-political actors. Cognitive models representing the author's vision of such mechanisms are presented. The main ideas and principles of such geopolitical concepts as neoatlanticism and neomondialism, as well as I. Wallerstein's world-system theory, are used as a methodological basis for logical constructions reflected in the structure of cognitive maps.

Keywords: terrorism, terrorist organizations, geopolitics, geopolitical interests, military geopolitical strategy, economic geopolitical strategy, civilizational expansion, cognitive modeling, cognitive map, feedback loop.

References

1. Pinchuk A.YU. K probleme ponimaniya sushchnosti i specifika mezhdunarodnogo terrorizma v sovremennom mire // Azimut nauchnyh issledovaniy: ekonomika i upravlenie. 2018. Т. 7. № 2(23). P. 396 – 399.
2. Korobov A.A. O nekotoryh determinantah sovremennoj eskalacii terrorizma // Teoriya i istoriya gosudarstva i prava. 2019. № 2. P. 4 – 9.
3. Alekseev O.N. Prichiny, predposylki, usloviya vozniknoveniya i rasprostraneniya mezhdunarodnogo terrorizma // Pravo i obshchestvo. 2012. № 2 (036). P. 134 – 141.
4. Antipenko V.F. Sovremennyy terrorizm: sostoyanie i puti ego preduprezhdeniya v Ukraine. Diss. ... kand. yurid. nauk. – K., 1999. 178 p.
5. Dobaev I.P., Dobaev A.I., Ignatova T.V. Kriminologicheskie osobennosti finansovyh operacij posredstvom sistemy «havala» / Rossiya i musul'manskij mir: Nauchno-informacionnyj byulle-ten' /РАН, ИНИОН, Centr nauch.-inform. issled. global'nyh i regional'nyh problem. М., 2019. № 4(314). P. 102-118.
6. Mashekuasheva M.H. Istoriko-metodologicheskij analiz vozniknoveniya ekstremizma i terrorizma // Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura. 2014. № 3. P. 31 – 33.
7. Al'saedi A.D. Faktory i elementy mezhdunarodnogo terrorizma kak kompleksa celenapravlennyh dejstvij // Baltijskij gumanitarnyj zhurnal. 2017. Т. 6. № 2(19). P. 204 – 208.
8. Petrishchev V.E. Rol' nacionalizma v vosproizvodstve terrorizma // Sovremennyy terrorizm: sostoyanie i perspektivy. М., 2000.
9. Dzhumaeva R.H. Prichiny i usloviya, sposobstvuyushchie rasprostraneniyu terroristicheskoy ideologii v Rossii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2014. № 17. P. 66 – 68.
10. Vallerstajn I. Analiz mirovyh sistem i situaciya v sovremennom mire / Per s angl. P.M. Kudyukina pod obshchej red. B.YU. Kagarlickogo. SPb.: Universitetskaya kniga, 2001. 416 p.
11. Gromakova V.G., Osyak A.N., Sapunova T.G. Rossijskoe obshchestvo i gosudarstvo v usloviyah institucional'noj transformacii // Filosofiya prava. 2019. №3. P. 161 – 167.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

**Лупандин
Виталий
Николаевич**

кандидат политических наук, доцент кафедры истории, теологии и международных отношений, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (302028, Россия, г. Орел, бул. Победы, 5 а).
E-mail: vit183@yandex.ru

**Белов
Вячеслав
Владимирович
Кулаженкова
Наталья
Васильевна**

старший преподаватель кафедры административного и уголовного права, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (302028, Россия, г. Орел, бул. Победы, 5 а). E-mail: domolink_belov@mail.ru
старший преподаватель кафедры административного и уголовного права, Среднерусский институт управления – филиал РАНХиГС (302028, Россия, г. Орел, бул. Победы, 5 а). E-mail: natalia_kyl@mail.ru

Аннотация

В условиях развития современного общества терроризм – это явление, действующее в рамках хорошо отлаженной системы, в которой сконцентрированы значительные материальные и духовные ресурсы, направленные на осуществление силового или психологического воздействия на население. Как явление терроризм многоаспектен, имеет различные формы проявления, гибок и легко приспособляется к изменяющейся ситуации, прикрывается различной идеологией, зачастую имеет религиозную составляющую. Ни одно из государств на современном этапе развития должным образом не защищено от террористической угрозы, а Российская Федерация в этом отношении не является исключением. Поэтому противодействие терроризму на территории России за её пределами – это одна из наиболее актуальных задач Российского государства. Противодействие террористическим угрозам предполагает их профилактику. Профилактика терроризма – это не только задача государства (и в первую очередь, Национального антитеррористического комитета РФ и антитеррористических комиссий в субъектах РФ), но в немалой степени, это задача и представителей гражданского общества. Эта работа зависит от четкой позиции общественных и религиозных объединений, отдельных граждан. В нашей стране профилактика террористических проявлений должна рассматриваться как инструмент установления гражданского мира и объединения усилий граждан России в восстановлении и укреплении экономического и политического потенциала нашей страны. В статье предпринята попытка анализа основных направлений взаимодействия Национального антитеррористического комитета РФ с некоторыми институтами гражданского общества.

Ключевые слова: Национальный антитеррористический комитет РФ, антитеррористическая комиссия, институты гражданского общества, государство, терроризм, противодействие терроризму, террористические угрозы, профилактика террористической деятельности, антитеррористическая деятельность государства.

В своем развитии любое современное общество сталкивается с проблемой глобализации всех аспектов жизнедеятельности, начиная с общемирового рынка ресурсов, товаров и услуг и заканчивая становлением и развитием общемировых тенденций в массовой культуре. В глобальные мировые процессы вовлечены люди, проживающие на разных территориях, имеющие различное гражданство, представляющие различные нации и национальности, исповедующие различные религии, характеризующиеся различным мировоззрением и уровнем культурного развития. Зачастую глобальные мировые процессы способствуют возникновению значительного числа социальных связей и отношений, которые в их хаотическом проявлении могут способствовать дестабилизации существования и развития того или иного общества. Для того, чтобы свести к минимуму негативные последствия глобализации, на уровне отдельно взятого государства или на уровне межгосударственных союзов (экономических, политических, геополитических), необходимо создание государственной или межгосударственной (если речь идёт о союзах) системы безопасности. Сказанное особенно актуально, если речь идёт об одной из самых опасных мировых угроз современности – угрозе терроризма.

В современных условиях терроризм – это явление, действующее в рамках хорошо отлаженной системы, в которой сконцентрированы значительные материальные и духовные ресурсы, направленные на осуществление силового или психологического воздействия на население. Как явление терроризм многоаспектен, имеет различные формы проявления, гибок и легко

приспосабливается к изменяющейся ситуации, прикрывается различной идеологией, зачастую имеет религиозную составляющую. Терроризм опасен тем, что: *во-первых*, террористические акции сопровождаются человеческими жертвами, наносятся невосполнимые потери людским и материальным ресурсам; *во-вторых*, последователи террористических организаций и движений, вербуя новых сторонников, воздействуют на их сознание, коренным образом меняя их мировоззрение, ценностные установки и мотивацию, нанося невосполнимые потери духовным ресурсам.

Как показывает действительность, ни одно из государств на современном этапе развития должным образом не защищено от террористической угрозы, а Российская Федерация в этом отношении не является исключением. Поэтому, противодействие терроризму на территории Российской Федерации и за её пределами (если того требует национальная безопасность) – это одна из наиболее актуальных задач российского государства. Следует отметить, что противодействие террористическим угрозам предполагает их профилактику, а проведение профилактических мероприятий может осуществляться не только силами государства, но и силами институтов гражданского общества. В отношении профилактики террористических угроз активность гражданского общества должна проявляться в своевременном раскрытии сущности определённых видов деятельности, маскирующих и скрывающих террористические угрозы.

Исходя из этого, задачи институтов гражданского общества в сфере профилактики террористических угроз многоплановы: *во-первых*, на основе контроля за правомерностью и обоснованностью ограничения прав и свобод человека институты гражданского общества могут выделить предпосылки возникновения террористических угроз; *во-вторых*, институты гражданского общества могут осуществлять посильную помощь силовым структурам Российской Федерации в деле профилактики террористических угроз; *в-третьих*, институты гражданского общества могут пресекать возможное злоупотребление своими полномочиями со стороны силовых структур во время контртеррористических операций; *в-четвёртых*, институты гражданского общества могут сыграть значимую роль в профилактике террористических угроз, формируя негативное отношение к терроризму как явлению.

Говоря о задачах институтов гражданского общества Российской Федерации по профилактике террористических угроз, следует отметить, что их своевременное решение может стать не только основой защиты прав и свобод отдельного человека, но и основой стабильного развития общества [1]. Предсказуемо, что в одиночку гражданскому обществу решить поставленные задачи будет вряд ли по силам, поэтому следует искать пути и способы интеграции усилий государства и гражданского общества в аспекте противодействия терроризму, профилактики его возможных проявлений [2, с. 38]. На наш взгляд, в современной России уровень защищенности от угроз террористического характера во многом зависит от того, как взаимодействуют институты гражданского общества, органы государственной и муниципальной власти. В то же время вопрос о сущности, содержании и механизмах взаимодействия между органами государственной и муниципальной власти с одной стороны и институтами гражданского общества с другой стороны в аспекте противодействия терроризму, до настоящего времени актуален, поскольку до сих пор ещё не стал предметом комплексных политологических исследований.

Формирование общих принципов и механизмов диалога государства и гражданского общества в современной России сопровождается определёнными трудностями. Одна из них обусловлена тем, что гражданское общество в Российской Федерации до сих пор находится в стадии становления, несмотря на определённые успехи и достижения в своем развитии. Как следствие, состав и структура российского гражданского общества отличаются неопределённостью, также как и критерии, определяющие эффективность деятельности его институтов.

Другая трудность обусловлена ростом социального расслоения и социально-политической поляризации российского общества. Зачастую представление об основных аспектах жизнедеятельности общества у официальной власти, политической оппозиции, элитных групп и гражданских институтов не совпадают. В совокупности это снижает эффективность диалога между обществом и государством, способствует их конфронтации, мешает достижению согласия, порождает в общественном сознании настроение радикально-экстремистского и террористического характера.

Для эффективного противостояния террористическим угрозам и профилактики террористической деятельности необходим продуктивный диалог между государством и гражданским обществом, а значит, указанные трудности следует преодолевать всеми доступными им средствами. Если участники такого диалога со стороны государства известны и вполне определены,

то в силу неопределённости структуры гражданского общества в России актуализируется необходимость выявления акторов со стороны гражданского общества. Ранее, в соответствии с российским законодательством, такими акторами признавались коммерческие или некоммерческие негосударственные организации, общественные объединения и сами граждане. В последней редакции Федерального закона «О безопасности»¹ говорится, что вышеперечисленные акторы могут осуществлять содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления при защите национальных интересов, то есть самостоятельных действий в отношении противодействия террористическим угрозам институты гражданского общества осуществлять не могут. На территории современной России действует множество общероссийских, региональных, межрегиональных и международных общественных организаций, образующих структуру гражданского общества и возникших благодаря инициативам граждан. В то же время, при всем их многообразии, далеко не каждая общественная организация может стать дееспособным актором государственно-гражданского диалога, а тем более оказывать противодействие терроризму.

Изучение и анализ российского опыта свидетельствует о том, что наиболее продуктивны в установлении контактов с органами государственной власти и местного самоуправления общественные организации и объединения, консолидирующие социальные группы, артикулирующие и агрегирующие индивидуальные и корпоративные интересы [3 - 6]. Согласно экспертным оценкам, потенциально они способны осуществлять физическую, юридическую или интеллектуальную защиту индивидов, социальных сообществ и групп. Исходя из этого, можно выделить ключевые направления взаимодействия государственных и общественных институтов по противодействию вызовам и угрозам терроризма, а именно:

- совместное планирование мер по предотвращению террористических проявлений;
- совместные проверки поступающей информации о вероятности террористических угроз;
- согласование совместного применения сил и средств борьбы с терроризмом;
- совместная разработка и внедрение рекомендаций по совершенствованию законодательства по противодействию террористическим угрозам.

Если говорить о системном противодействии террористической угрозе, то одним из наиболее предпочтительных институтов гражданского общества следует считать общественные объединения по содействию обеспечения безопасности. Зачастую, такие объединения состоят из участников и ветеранов военных действий, сотрудников и ветеранов правоохранительных органов и органов государственной безопасности, представителей возрождающегося казачества.

Подобные общественные объединения имеют достаточно сложную структуру, включающую в себя следующие основные компоненты: обучающе-воспитательный, силовой, общественно-политический, социально-экономический.

На долгосрочную перспективу взаимодействие органов государственной и муниципальной власти с институтами гражданского общества должно выстраиваться в единстве с долгосрочной стратегией развития Российской Федерации, которая предполагает интеграцию значительного числа разрозненных общественных организаций и объединений, определение эффективных ответственных субъектов, формировании органов управления и их координация со стороны государственной и муниципальной власти. Данная стратегия призвана преодолеть неконструктивную стратегию взаимодействия государственных институтов с общественными организациями и объединениями, а также стихийность и ситуативность данного аспекта.

Выстроить долгосрочную стратегию государственно-гражданского взаимодействия в аспекте невозможно, если граждане государства плохо информированы по проблемам безопасности, не понимают смысла мер снижения террористической угрозы, предпринимаемых государством, а главное, не осознают необходимость гражданского содействия силовым структурам. Для лучшей информированности российских граждан по вопросам противодействия террористическим угрозам и решения комплекса антитеррористических задач в России 15 февраля 2006 год был создан коллегиальный орган - Национальный Антитеррористический Комитет (далее – НАК РФ)², координирующий и организующий антитеррористическую деятельность

¹ Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 05.10.2015) «О безопасности» // СЗ РФ. 2011. № 1. Ст. 2; СЗ РФ. 2015. № 41 (часть II). Ст. 5639.

² Указ Президента РФ от 15.02.2006 N 116 (ред. от 25.11.2019) «О мерах по противодействию терроризму» (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете») // СЗ РФ. 2006. № 8. Ст. 897; СЗ РФ. 2019. № 48. Ст. 6826.

государственных органов на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Выполняя свои непосредственные задачи по противодействию террористическим угрозам, представители НАК размещают в русскоязычном секторе сети Интернет информацию, связанную с историей, природой, истоками и динамикой развития террористических угроз. На основе этого, представители НАК на страницах своего информационно-аналитического портала излагают правила безопасного поведения в случае возникновения террористической угрозы, представляют контактную информацию для связи с местными антитеррористическими комиссиями (далее - АТК) и оперативными штабами (далее - ОШ).

Осуществлённый нами в рамках исследования анализ официальных государственных сайтов, связанных с проблемой противодействия террористической угрозе, позволяет говорить об активном взаимодействии НАК Российской Федерации и АТК субъектов РФ с институтами гражданского общества. В частности, 28 февраля 2018 г. Министерством иностранных дел Российской Федерации была организована и проведена пресс-конференция первого заместителя руководителя аппарата НАК России И.В. Кулягина и официального представителя НАК, руководителя Информационного центра НАК А.С. Пржездомского по теме: «НАК: противодействие террористической угрозе – актуальная задача государства и общества»¹. Присутствующие на конференции журналисты и представители общественных организаций были ознакомлены с результатами противодействия террористическим угрозам на территории России в 2017 году. Кроме того, внимание присутствующих на конференции было обращено на специфику проявления террористических угроз, на совершенствование деятельности представителей террористических организаций, что в современных условиях требует своевременной и адекватной реакции. При этом И.В. Кулягин акцентировал внимание журналистов и представителей общественности на необходимости активизации взаимодействия органов государственной власти, институтов гражданского общества и СМИ [7].

В свою очередь, официальный представитель НАК РФ А.С. Пржездомский в своем выступлении акцентировал внимание присутствующих на том, что в настоящее время увеличивается число граждан РФ, вовлекаемых в террористические организации с помощью сети Интернет, представив конкретные примеры и данные статистики. В контексте сказанного А.С. Пржездомский напомнил, что предотвратить явление легче, чем впоследствии его искоренить. Поэтому в профилактике террористических угроз гражданскому обществу следует занять активную и непримиримую позицию.

Аналогичная пресс-конференция в пресс-центре МИД Российской Федерации состоялась 27 марта 2019 года, но тема конференции была более конкретизированной: «Профилактика терроризма – эффективное средство нейтрализации террористических угроз» [8, 9]. На этой пресс-конференции И.В. Кулягин акцентировал внимание журналистов и представителей общественных организаций на деятельности, носящей скоординированный, последовательный и системный характер, всех субъектов противодействия терроризму. Благодаря именно этой деятельности в России уровень преступлений террористической направленности снижается [10, с. 70-71]. В связи с этим представляется целесообразным привести данные Генеральной Прокуратуры в РФ: в 2017 г. в РФ выявлено лиц, совершивших преступления террористического характера 873 (33,7%), в 2018 – 753 (-13,7%), 2019 – 718 (-4,6%), январь-март 2020 г. – 157 (0,0%)².

Выступая перед журналистами и представителями общественных объединений И.В. Кулягин особо подчеркнул, возрастающую роль превентивных мероприятий, направленных на недопущения вовлечения населения, в первую очередь молодого поколения, в деятельность террористического характера. Особенно это актуально в современных условиях пропаганды террористически-экстремистских идей. Кроме того, необходимо подчеркнуть, что разработка и утверждение Президентом РФ Плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы преследовала именно эти цели³.

¹ В Пресс-центре МИД России состоялась пресс-конференция представителей Национального антитеррористического комитета [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nac.gov.ru/press-konferencii-i-brifingi/vpress-centre-mid-rossii-sostoyalas-press.html>

² Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart

³ Пресс-конференция «Профилактика терроризма – эффективное средство нейтрализации террористических угроз» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orel-region.ru/antiterror/index.php?head=1&sheet=1&unit=142>

23 мая 2019 г. в Красноярске под эгидой НАК РФ прошла конференция, на которой бывшие со всей страны специалисты, обладающие соответствующей компетенцией, обменялись опытом работы в сфере профилактики терроризма и определили эффективные пути реализации «Комплексного плана противодействия идеологии терроризма на 2019 – 2023 годы». В ходе пленарного заседания и работы тематических секций обсуждались приоритетные направления противодействия идеологии терроризма, а также некоторые практические аспекты этой деятельности, в частности, профилактическая работа с лицами, которые отбывают наказание за совершение преступлений террористической направленности, наработанный опыт ресоциализации лиц, уже отбывших наказание, и совершенствование мер индивидуальной профилактики в отношении членов семей лиц, причастных к террористической деятельности¹.

Исходя из выше изложенного, следует подчеркнуть, что на региональном уровне АТК субъектов РФ регулярно проводят различные мероприятия в сфере противодействия террористической деятельности. Так, в Орловской области были проведены: с представителями органов местного самоуправления семинар-совещание, посвященный вопросам профилактики терроризма и экстремизма²; с представителями конфессий и силовых ведомств мероприятие по вопросам проведения обследования, категорирования объектов религиозных организации и составления на них паспортов безопасности в 2020 году³; заседание рабочей группы АТК в Орловской области, посвященное реализации в регионе Комплексного плана противодействия идеологии терроризма⁴ и др. Более того, представители АТК Орловской области активно взаимодействуют с образовательными учреждениями г. Орла среднего и высшего образования. Приведем лишь некоторые из примеров: проведение в Среднерусском институте управления - филиале РАНХиГС ряда дискуссионных студенческих круглых столов и конференций с международным участием на темы «Терроризм и экстремизм как реальные угрозы национальной безопасности современной России»⁵, «Повышение эффективности реализации государственной политики противодействия терроризму в современной России»⁶ и др.; проведение в БПОУ ОО «Мезенский педагогический колледж» учёбы студенческого актива «Территория антитеррористической безопасности»⁷ и др.

Все перечисленные мероприятия, проведённые со студенческим активом, направлены на формирование активной гражданской позиции, устойчивую систему смысловых и нравственных установок личности, которые позволят противостоять идеологии терроризма, посредством участия студентов в социально-значимой деятельности.

Обобщая всё вышеизложенное, мы можем акцентировать внимание на следующих основных направлениях возможного взаимодействия НАК РФ и институтов гражданского общества в России:

- совершенствование законодательных и подзаконных актов в составе рабочих групп при органах законодательной (представительной) власти федерального, регионального и муниципального уровней;
- работа инициативных групп для проведения экспертиз материалов СМИ на предмет выявления экстремистско-террористического контента;

¹ В Красноярске завершилась Всероссийская конференция по вопросам противодействия идеологии терроризма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://nac.gov.ru/konferencii-i-kruglye-stoly/v-krasnoyarske-zavershilas-vserossiyskaya.html>

² 20 мая 2019 г. в администрации области состоялся семинар-совещание с представителями органов местного самоуправления муниципальных образований Орловской области по вопросам профилактики терроризма и экстремизма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orel-region.ru/antiterror/index.php?head=1&sheet=1&unit=149>

³ В Орле прошел семинар по вопросу проведения обследования, категорирования объектов религиозных организации и составления на них паспортов безопасности в 2020 году [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orel-region.ru/antiterror/index.php?head=1&sheet=1&unit=172>

⁴ Рабочая группа Антитеррористической комиссии в Орловской области обсудила реализацию в регионе Комплексного плана противодействия идеологии терроризма [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orel-region.ru/antiterror/index.php?head=1&sheet=1&unit=175>

⁵ Круглый стол «Терроризм и экстремизм как реальные угрозы национальной безопасности современной России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orel-region.ru/antiterror/index.php?head=1&sheet=2&unit=169>

⁶ В Орле обсудили актуальные вопросы борьбы с терроризмом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://orel-region.ru/antiterror/index.php?head=1&sheet=1&unit=143>

⁷ В БПОУ ОО «Мезенский педагогический колледж» состоялась учёба студенческого актива «Территория антитеррористической безопасности» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mezpk.ru/newspage32>

- активное привлечение представителей различных конфессий, научного сообщества для работы в региональных экспертных советах в сфере усовершенствования информационной политики в сфере противодействия террористической деятельности, а также оценки качества разрабатываемых контрпропагандистских материалов;

- реализация комплекса мероприятий по психологической и социальной поддержке и реабилитации лиц, которые осуждены за участие в деятельности террористического и экстремистского характера;

- организация просветительской деятельности, которая подразумевает и формирование спецгрупп пропагандистов при региональных АТК по проведению мероприятий, носящих адресный характер, с использованием специально подготовленной видео- и печатной продукции среди молодежи;

- пресечение деятельности зарубежных центров религиозной направленности и неправительственных фондов по созданию в субъектах РФ идеологически ориентированных на них групп населения [11].

Также мы можем проанализировать основные векторы возможного взаимодействия НАК РФ и бизнес-сообщества в сфере профилактике терроризма:

- в сфере финансов: необходимо выявлять механизмы финансирования терроризма, а также предотвращать использования структур бизнеса в террористических целях;

- в сфере информационной безопасности: от нападений террористов в электронной среде необходимо снижать уровень уязвимости критически важных инфосистем;

- в сфере туризма и рекреации: следует предотвращать теракты на объектах туризма как местах массового сосредоточения людей, а также пресекать использование туринфраструктуры и коммуникаций для террористической деятельности;

- в производственной сфере: рекомендуется защищать от угрозы терроризма объекты, «нарушение или прекращение функционирования которых приведет к потере управления экономикой Российской Федерации, субъекта Российской Федерации или административно-территориальной единицы субъекта Российской Федерации, ее необратимому негативному изменению (разрушению) либо существенному снижению безопасности жизнедеятельности населения»¹, т.е. критически важные объекты инфраструктуры;

- в транспортной сфере: обеспечивать безопасность на объектах транспорта, а также предотвращать использование транспортной инфраструктуры в интересах обеспечения деятельности экстремистского или террористического характера;

- в торговой сфере: предотвращать использования каналов торговли для перемещения средств осуществления террористической деятельности, а также защищать от террористической угрозы места массового сосредоточения людей (как объекты торговли), предприятия торговли (как источник средств для финансирования террористической деятельности);

- в сфере ликвидации последствий актов террористической направленности: разрабатывать и производить эффективные средства спасения людей, механизмы оказания помощи, носящей адресный характер, пострадавшим от террористических актов и их семьям;

- в благотворительной сфере: оказывать поддержку и помощь пострадавшим от террористических актов и их семьям;

- в спортивной и досуговой сфере: пресекать каналы вовлечения молодежи в экстремистскую и террористическую деятельность [11].

На наш взгляд высоки возможности такой формы информационно-пропагандистского взаимодействия между НАК РФ и институтами гражданского общества как круглый стол. В условиях стремительного развития современных информационных технологий возможно проведение данного мероприятия в форме телеконференции или телемоста, а демократичный формат проведения позволит встретиться на одной площадке участникам с различными, даже противоположными взглядами по той или иной позиции. Представляется, что такой формат общения откроет качественно новые возможности, как в эстетическом и эмоциональном плане проведения мероприятия, так и позволит существенно расширить географию участников. Кроме того, видится целесообразным и использование в деятельности НАК РФ и АТК различных форм информационно-пропагандистского воздействия на молодежную аудиторию –

¹ Критически важный объект (КВО) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fireman.club/inseklodepia/kriticheski-vazhnyiy-obekt-kvo/>

организация и проведение спартакиад по различным видам спорта, молодежных форумов, фестивалей национальных культур, региональных и межрегиональных летних (каникулярные) слетов, лагерей и пр. Что, на наш взгляд, позволит обеспечить максимальный воспитательный и информационно-пропагандистский эффект в сфере противодействия терроризму.

Резюмируя выше изложенное, подчеркнем, что взаимодействие НАК РФ с институтами гражданского общества в сфере противодействия терроризму довольно обширно. Как правило, в большинстве случаев данное взаимодействие носит превентивный характер, поскольку в условиях развития современного общества первоочередной задачей является привлечение к активному участию указанных институтов (в том числе образовательного, научного, бизнес-сообществ, СМИ) в антитеррористической деятельности государства и внести свой значимый вклад в дело защиты нашего населения от террористических посягательств и не допущения нарушений прав и интересов граждан нашего многонационального государства.

Литература

1. Акопян О.А. Противодействие терроризму как общая задача властей и граждан. Зарубежный опыт. М: НИРСИ, 2010. 22 с.
2. Мельников А.В., Меркулов С.С. Взаимодействие гражданского общества и государственной власти в деле противодействия политическому экстремизму в современной России: содержание и приоритеты // Управленческое консультирование. 2017. № 7. С. 37 – 42.
3. Метелев С.Е. Современный терроризм и методы антитеррористической деятельности: Монография. Омск, 2008 332 с.
4. Этнорелигиозный терроризм / Ю.М. Антонян, Г.И. Белокуров, А.К. Боковиков и др.; Под ред. Ю.М. Антоняна. М.: Аспект-Пресс, 2006. 318 с.
5. Актуальные проблемы противодействия терроризму и экстремизму: тематический сборник / Под ред. доктора юрид. наук, доцента, полковника В.В. Красинского. М., 2017. 222 с.
6. Терроризм в современном мире / под ред. А. П. Кошкина. Вып. 5. Москва: ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2015. 108 с.
7. Выступление первого заместителя руководителя аппарата НАК И. В. Кулягина о результатах деятельности общегосударственной системы противодействия терроризму в 2017 году // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2018. № 1 (18). С. 6 – 11.
8. Выступление официального представителя Национального антитеррористического комитета, руководителя Информационного центра НАК А. С. Пржездомского // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 1 (20). С. 47 – 55.
9. Выступление первого заместителя руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета И.В. Кулягина // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2019. № 1 (20). С. 41 – 46.
10. Сидненко Г.Ф. Информационное противодействие терроризму: политологический аспект. М.: Изд-во Триумф, Лучшие книги, 2019. 220 с.
11. Рекомендации о взаимодействии СМИ, институтов гражданского общества с государственными органами в профилактике терроризма и экстремизма, формах и методах их пропагандистской деятельности. М.: Университетская книга, 2010. 16 с.

Lupandin Vitaliy Nikolaevich, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of History, Theology and International Relations, Central Russian Institute of Management - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5 a, Victory Blvd., Orel, 302028, Russian Federation). E-mail: vit183@yandex.ru

Belov Vyacheslav Vladimirovich, Senior Lecturer, Department of Administrative and Criminal Law, Central Russian Institute of Management - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5 a, Victory Blvd., Orel, 302028, Russian Federation). E-mail: domolink_belov@mail.ru

Kulazhenkova Natalia Vasilievna, Senior Lecturer, Department of Administrative and Criminal Law, Central Russian Institute of Management - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5 a, Victory Blvd., Orel, 302028, Russian Federation). E-mail: natalia_kyl@mail.ru

INTERACTION OF THE NATIONAL ANTI-TERRORIST COMMITTEE OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH THE INSTITUTES OF CIVIL SOCIETY

Abstract

In the conditions of the development of modern society, terrorism is a phenomenon that operates within the framework of a well-functioning system, in which significant material and spiritual resources are concentrated, aimed at exercising force or psychological influence on the population. As a phenomenon, terrorism is multidimensional, has

various forms of manifestation, is flexible and easily adapts to a changing situation, hides behind a different ideology, and often has a religious component. None of the states at the present stage of development is properly protected from the terrorist threat, and the Russian Federation is no exception in this regard. Therefore, countering terrorism on the territory of Russia beyond its borders is one of the most urgent tasks of the Russian state. Countering terrorist threats involves their prevention. Prevention of terrorism is not only the task of the state (and, first of all, the National Anti-Terrorism Committee of the Russian Federation and the anti-terrorism commissions in the constituent entities of the Russian Federation), but to a large extent, this is the task of representatives of civil society. This work depends on the clear position of public and religious associations, individual citizens. In our country, the prevention of terrorist manifestations should be considered as an instrument for establishing civil peace and combining the efforts of Russian citizens in restoring and strengthening the economic and political potential of our country. The article attempts to analyze the main areas of interaction between the National Anti-Terrorism Committee of the Russian Federation and some civil society institutions.

Keywords: The National Anti-Terrorism Committee of the Russian Federation, the Anti-Terrorism Commission, civil society institutions, the state, terrorism, counter-terrorism, terrorist threats, the prevention of terrorist activities, the antiterrorist activities of the state.

References

1. Akopyan O.A. Protivodejstvie terrorizmu kak obshchaya zadacha vlastej i grazhdan. Zarubezhnyj opyt. M.: NIRSI, 2010. 22 p.
2. Mel'nikov A.V., Merkulov S.S. Vzaimodejstvie grazhdanskogo obshchestva i gosudarstvennoj vlasti v dele protivodejstviya politicheskomu ekstremizmu v sovremennoj Rossii: sodержanie i prio-ritety // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2017. № 7. P. 37 – 42.
3. Metelev S.E. Sovremennyy terrorizm i metody antiterroristicheskoy deyatel'nosti: Monogra-fiya. Omsk, 2008 332 p.
4. Etnooreligioznyj terrorizm / YU.M. Antonyan, G.I. Belokurov, A.K. Bokovikov i dr.; Pod red. YU.M. Antonyana. M.: Aspekt-Press, 2006. 318 p.
5. Aktual'nye problemy protivodejstviya terrorizmu i ekstremizmu: tematicheskij sbornik / Pod red. doktora yurid. nauk, docenta, polkovnika V.V. Krasinskogo. M., 2017. 222 p.
6. Terrorizm v sovremennom mire / pod red. A. P. Koshkina. Vyp. 5. Moskva: FGBOU VO «REU im. G. V. Plekhanova», 2015. 108 p.
7. Vystuplenie pervogo zamestitelya rukovoditelya apparata NAK I. V. Kulyagina o rezul'tatah deya-tel'nosti obshchegosudarstvennoj sistemy protivodejstviya terrorizmu v 2017 godu // Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2018. № 1 (18). P. 6 – 11.
8. Vystuplenie oficial'nogo predstavitelya Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta, rukovoditelya Informacionnogo centra NAK A. S. Przhedzdomskogo // Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2019. № 1 (20). P. 47 – 55.
9. Vystuplenie pervogo zamestitelya rukovoditelya apparata Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta I.V. Kulyagina // Vestnik Nacional'nogo antiterroristicheskogo komiteta. 2019. № 1 (20). P. 41 – 46.
10. Sidnenko G.F. Informacionnoe protivodejstvie terrorizmu: politologicheskij aspekt. M.: Izd-vo Triumf, Luchshie knigi, 2019. 220 p.
11. Rekomendacii o vzaimodejstvii SMI, institutov grazhdanskogo obshchestva s gosudarstvennymi organami v profilaktike terrorizma i ekstremizma, formah i metodah ih propagandistskoj deyatel'nosti. M.: Universitetskaya kniga, 2010. 16 p.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛЯРИЗАЦИЯ И ГИБРИДИЗАЦИЯ – ДВА ИЗМЕРЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Медведев

доктор философских наук, профессор (г. Ставрополь).

Николай

E-mail: mednp@bk.ru

Петрович

Васильев

доктор политических наук, профессор, директор,

Юрий

Ставропольский филиал Российской академии народного хозяйства

Владимирович

и государственной службы при Президенте РФ (355002, Россия,
г. Ставрополь, ул. Лермонтова, 189). E-mail: vasilev-yv@anepa.ru

Аннотация

В статье предпринимается попытка рассмотрения современного политического процесса через призму столкновения двух тенденций политического развития: в направлении однополярного и многополярного мироустройства. Такое раздвоение, по мнению авторов, составляет содержание современного этапа политической поляризации, которая (поляризация) сама по себе представляет планетарный процесс, связанный с разделением мира на зоны влияния, с возникновением и сменой мировых стран-лидеров, с переходами от одной модели мироустройства к другой. В целях обоснования исторической необходимости происходящего перехода к многополярности, авторы вводят концепт культурно-духовной доминанты. Феномен политики как своеобразного мировидения, в основе которого лежат отношения власти и борьба за власть, рассматривается как доминанта современности, имеющая непосредственное отношение к международной безопасности. Делается вывод о возможности в современных условиях замены империалистической политики силы политикой безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права и общечеловеческой нравственности. Показывается также, что гибридизация есть порождение политики силы, не способное, однако, остановить объективный процесс утверждения многополярного мироустройства. Путь к недопущению агрессивного гегемонизма авторы усматривают в создании полюса силы, способного исполнять роль сдерживающего начала в ситуации противостояния с консолидированным “Западом”. По мнению авторов, такое развитие будет означать начало перехода к эпохе нравственного, гуманистического по своему духу пробуждения, к эпохе, в рамках которой мораль и международное право совместно будут наполнять содержание международной политики в реализации её функции как современной социокультурной доминанты.

Ключевые слова: политическая поляризация, мироустройство, многополярный мир, духовно-культурная доминанта, гибридизация, гибридная война, политический процесс, центры силы, полицентричность.

Современный мировой политический процесс в своём сущностном содержании предстает как противостояние различных политических сил по вопросам мирового порядка, нынешнего и будущего мироустройства. Реально проблема мироустройства – это проблема справедливости мироустройства [1], увязки экономических и политических интересов, правовых и духовно-нравственных установлений различных стран мира, а также предотвращения угроз человеческой цивилизации в результате нарастания глобальных проблем современности.

Нынешнее политическое противостояние по поводу мироустройства составляет основное содержание современной стадии широкого исторического процесса, в ходе которого возникают и исчезают мировые центры силы, происходят переходы от одной конфигурации мироустройства к другой. Этот процесс можно обозначить термином “политическая поляризация”, использование которого позволяет подойти к историческому процессу со стороны происходящих в сфере мирового порядка изменений. Такие изменения обусловлены многообразием форм государственного устройства, различием уровней развития государств, столкновением интересов ведущих стран мира.

Если взглянуть на период новейшей истории под этим углом зрения, то можно заметить, что с тех пор, когда в современной науке была осознана проблема глобального управления [2], мир столкнулся с двумя последовательно произошедшими планетарными процессами в сфере мироустройства. Первый из них состоял в переходе от неуправляемой полицентричности (простого конгломерата государств) к образованию двух мировых систем (социалистической и капиталистической). Результатом этого стало биполярное мироустройство, которое сопровождалось острым экономическим соревнованием двух систем, «холодной войной», гонкой вооружений и острой идеологической борьбой.

Второй переход – это начавшийся после распада СССР и лагеря социализма процесс изменения конфигурации мироустройства, получивший выражение в двух тенденциях (линиях) развития. С одной стороны, это линия массивированного раскручивания (навязывания) современным Западом во главе с США тренда однополярности (в сущности – доминирования и гегемонизма). С другой же стороны – линия объективно происходящего роста числа новых мировых центров силы – реального складывания многополярности.

По какому пути пойти мировому сообществу, как проявит себя объективная логика истории – это один из главных вопросов современной международной политики. Науке предстоит исследовать подступы к исследованию всех обстоятельств этого нового этапа политической поляризации, этапа продвижения от сегодняшней неопределённости в отношении мироустройства – к какой-то новой определённости. В любом случае ясно, что и однополярность и многополярность – это формы мироустройства, отвечающие (соответствующие) интересам определённых политических сил, исторически оказавшихся “по разные стороны баррикад” в борьбе за или против доминирования и гегемонизма. Здесь нужно заметить, что хотя многополярность сама по себе ещё не снимает противоречий между государствами мира, не решает коренным образом вопросы равенства и справедливости в сфере международных отношений, однако в сложившихся условиях она представляется более предпочтительной формой мироустройства, поскольку открывает реальный путь в направлении цивилизованного развития, выступает фактором глобального сдерживания, способом “принуждения к справедливости” в международных отношениях, является реальным препятствием для гегемонизма. В этом состоит мощный нравственный потенциал идеи многополярного мироустройства.

Однако нельзя сбрасывать со счётов то обстоятельство, что современная политика остаётся политикой силы. Игру делают страны-лидеры, обладающие для этого достаточным экономическим и военным потенциалом. Это относится, прежде всего, к странам, стремящимся к доминированию в мире. Но и они, эти страны в условиях широкого распространения ядерных вооружений, роста связанных с этим опасностей и угроз, не могут рассчитывать на безоговорочную поддержку этих своих устремлений. Поэтому они вынуждены прибегать к иным (невоенным) способам и средствам достижения своих агрессивных целей, к средствам «мягкой силы». Данный вопрос относится к другой обозначенной в названии статьи проблеме – проблеме гибридизации противостояния, которая также требует рассмотрения в связи с нынешним этапом политической поляризации.

Остановимся на этом аспекте несколько подробнее. Прежде всего, это сами понятия “гибридизация” и “гибридная война” и соотношение между ними. По-видимому, это их соотношение аналогично тому, как обстоит дело и в отношении политической поляризации с конкретными формами мироустройства – биполярной, однополярной и многополярной. По-видимому, это, так же, как и там – явления разного уровня общности. Термин “гибридизация” в его политическом смысле – это обозначение современной тенденции изменения средств и методов противостояния между государствами, расширения диапазона способов достижения агрессивных целей. Гибридная же война – это конкретное выражение этой тенденции, связанное с использованием средств, призванных оправдать реальную агрессию в глазах мирового сообщества. Существующее множество дефиниций гибридной войны обусловлено её рассмотрением с позиций разных наук: истории, военной науки, информатики, социальной психологии, политологии и т.д. В терминах политологии гибридная война – это, главным образом, способ воздействия на общество страны-объекта агрессии с целью подрыва устоев государственности этой страны.

Здесь нужно отметить одно обстоятельство. Дело в том, что зачастую нынешняя ситуация в отношениях между США и Россией обозначается как гибридная война между ними. Тем самым уравнивается ответственность за использование гибридных методов обеими сторонами противостояния. На самом деле следует говорить об использовании гибридных методов ведения войны стороной-агрессором. Противоположная же сторона оказывается вынужденной искать способы защиты своей безопасности, нейтрализации гибридного воздействия на свою территорию. Поэтому термин «гибридная война» следует относить к стране-агрессору. В таком её понимании гибридная война должна оцениваться как нарушение суверенитета, вмешательство в дела иностранного государства и осуждаться с позиций международного права.

Гибридная агрессия США и их союзников против России – это фактически не прекращающаяся ни на минуту война, в которой страны «евроатлантического содружества», возросшие на грабеже и подавлении стран “третьего мира”, задействуют огромные материальные и

интеллектуальные ресурсы, самые современные технические и информационные средства, новейшие технологии, достойные лучшего применения, в целях измора, изнурения и сокрушения¹ современной России - главного препятствия достижению своих гегемонистских целей.

Успешно противостоять такому гибриднему воздействию можно только путём создания широкого фронта антигегемонистских сил, формирования полюса силы, опирающегося на принципы справедливости и законности в сфере международных отношений. Этого-то и боятся США со своими сателлитами, которые видят в многополярности главное препятствие для достижения своих гегемонистских целей.

Завершая это небольшое введение в проблему, можно отметить, что гегемонизм и гибридизация, как характерные черты внешней политики США связаны между собой как её цель и средство достижения. Эта их связь обуславливает формы и содержание предпринимаемых США и их сателлитами действий на мировой арене, характер их гибридной стратегии и тактики, направленных на удержание и сохранение однополярного мироустройства.

Подступаясь далее к исследованию современного этапа политической поляризации, необходимо коснуться некоторых общеметодологических аспектов этой проблемы, с тем, чтобы определиться с подходами к рассмотрению перспектив мироустройства. И прежде всего, следует для этого обратиться к истории и историческому методу, к вопросу о роли субъективного фактора в истории.

Субъективный фактор в современном мире - в решающей степени, фактор политический. Сама политика как социальное явление есть выражение интересов различных социальных общностей, в международной политике – интересов стран и государств, поле столкновения этих интересов. Это азбучная истина. Всё дело в том, в чём состоят эти их интересы, какими методами и средствами они достигаются, в чём состоят источники их силы. С этими вопросами и необходимо разобраться.

Что касается политики современного гегемонизма, источником её силы выступает корпоративная консолидация, целью которой является безраздельное господство в мире одного центра силы, образуемого США и их сателлитами, то есть однополярное мироустройство. Объективно такая политическая линия угрожает интересам многих стран мира, порождает угрозу их национальной безопасности. Поэтому в целях оправдания в глазах мировой общественности своей политики силы и действий, направленных на выстраивание послушного для себя мира, идеологи гегемонизма привлекают самые разные способы оправдания присваемого себе права решения судеб всего мира.

Для сторонников же антигегемонизма основой силы их политики может и должна стать солидарность тех субъектов политики, которых не устраивает перспектива оказаться в полной зависимости от страны-гегемона. Эта линия получает импульсы силы от процесса умножения числа новых центров мирового развития, выражается в становлении многополярности, которая предполагает равноправие и справедливость в сфере международных отношений. Предметом такой политики выступают вопросы обеспечения свободного развития всех стран, интересы достижения равной и неделимой безопасности [3].

Противостояние линий однополярности и многополярности и определяет сегодня характер международных отношений. Что и как будет происходить в этом отношении в дальнейшем? Здесь всё зависит от того, насколько удастся повернуть мировое сообщество к проблемам справедливости и законности в международных делах, как могут быть использованы в целях достижения всеобщей безопасности, выработанные человечеством средства воздействия на окружающую действительность, такие как исторический опыт поколений, научные знания, философская рефлексия, моральное и религиозное санкционирование человеческого поведения, государственно-правовое регулирование, политическая деятельность.

По большому счёту мобилизация названных планетарных ресурсов на обеспечение международной безопасности должно быть заботой (делом) международной политики. Однако сама эта политика сегодня не является чем-то однородным. Реально имеет место её раздвоение, и это раздвоение проходит в настоящий момент как раз по линии того, как субъектами политики решается вопрос о том, каким должно быть мироустройства: однополярным или многополярным, строиться на принципах господства и подчинения или добрососедства и взаимопомощи.

¹ Бартош А.А. (2019) «Гибридная война – новый вызов национальной безопасности России» // Национальная оборона. № 9. - URL: <http://oborona.ru/pages/mainpage/index.shtml> (дата обращения 15.11. 2019).

Сегодняшний расклад сил такой. Однополярность устраивает страны так называемого евроатлантического содружества, к которому относятся США, Англия, Канада, Австралия и Новая Зеландия, и в какой-то мере те страны «Старого Света», Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока, которые по разным причинам готовы мириться с гегемонизмом США. Этот исторически и ментально сформировавшийся альянс (так называемый «Вашингтонский консенсус») [4] позволяет сегодня стратегам однополярного мира добиваться своих целей через ангажированные международные организации. Многополярность же отвечает интересам стран, которые заинтересованы в противодействии монополярности. У них ещё нет сформировавшихся организационных форм консолидации, вернее сказать, только-только появляются их признаки. Эти страны пока действуют преимущественно разобщённо, не представляют организованной оппозиции сторонникам однополярного развития, хотя выстраивание многополярности – полностью в интересах подавляющего большинства стран мира, которых не устраивает отведённая им роль второстепенных или третьестепенных держав – поставщиков природных ресурсов и рабочей силы для стран-лидеров.

Как долго будет продолжаться это противостояние, в каких формах оно будет протекать и чем закончится, сегодня сказать трудно. Здесь важно то, что обозначилась нарастающая тенденция противодействия линии однополярности и гегемонизма и зреет понимание того, что успешно противостоять гегемонизму можно только коллективными усилиями на мировой арене.

Возможен ли какой-то третий путь – путь встречного или даже параллельного движения – этот вопрос пока даже не рассматривается ни в политических дискуссиях, ни в политической науке. Слишком различаются интересы сторон и непомерны амбиции гегемонистов. Какие из этих установок имеют шансы на победу – это вопрос со многими неизвестными.

В связи с этим, следует остановиться на роли политики и политической науки в современном мире вообще, и в частности – в процессе выстраивания многополярности. Как представляется, переход к многополярному мироустройству не является сугубо стихийным процессом, нуждается в осознанном подходе, в концепции такого перехода. В частности, необходима концептуализация процесса консолидации сил антигегемонизма, прояснение проблемы лидеров такой консолидации, способных и готовых возглавить этот процесс, не претендуя при этом на доминирование. Требуется рассмотрения также проблема формирования заинтересованности в такой консолидации со стороны уже существующих и потенциальных новых мировых центров. Очень сложная проблема – это способы адаптации к условиям многополярности стран, оказавшихся в орбите американского гегемонизма. Требуется своего решения и вопрос об организационных формах взаимодействия и принятия решений в ходе такой консолидации. Ведь на этом пути приверженцы многополярности будут наталкиваться на жёсткое противодействие сторонников однополярной системы мироустройства, вооружённых уже отработанными методами достижения своих гегемонистских целей.

Важно также убедительно показать, что гибридная война, развязанная против России, является порождением политики силы и выполняет двуединую задачу: удержание американского гегемонизма на планете и разрушение российской государственности как главного препятствия этому гегемонизму.

Особое значение для концептуализации происходящего перехода имеет прояснение вопроса об исторической обусловленности политического противостояния сил однополярности и многополярности на современном этапе, а также о возможности политическими методами разрешить проблему справедливого мироустройства. Это предполагает своеобразную саморефлексию политической науки, означает переход политологии на уровень метатеории.

Сегодня трудно представить человеческое общество, свободное от политики. Однако насколько реальная политика соответствует таким вещам как общечеловеческие ценности и интересы? Насколько аргумент силы и методы насилия отвечают принципам добра и справедливости? Возможна ли в принципе такая политика, которая может подняться над субъективными интересами, преодолеть их столкновение? Как случилось, что воинствующая политика сегодня затмила другие способы санкционирования человеческой активности? Является ли сложившееся положение совершенно неизбежным и неразрешимым?

Получение ответов на эти вопросы требует не одного теоретического исследования. Здесь мы лишь эскизно остановимся на роли политики в разные исторические этапы (эпохи) с тем, чтобы более или менее обоснованно судить о тенденциях изменения этой её роли и сделать предположения о её будущем. С этой целью позволим себе одно теоретическое

допущение. Имеется в виду введение в ткань исследования концепта духовно-культурной доминанты в качестве конструктивного принципа для характеристики той или иной исторической эпохи и для раскрытия механизмов перехода от одной эпохи к другой.

Дело в том, что в каждой исторической эпохе в той или иной степени присутствуют элементы всех основных видов духовности – и религии, и морали, и философии, и науки, и политических взглядов, и связанного с политикой права. Различаются же времена между собой, помимо экономических факторов также тем, какой вид духовности в них доминирует, определяет сам дух этих крупных исторических периодов, обуславливает основной вклад той или иной исторической эпохи в общий процесс развития человеческой цивилизации. Одновременно каждая такая духовная доминанта формирует специфические формы и способы освоения окружающей действительности, выступая своеобразным основанием для перехода к другой доминанте, предлагающей новые возможности для прогрессивного развития общества.

Так, придерживаясь этой схемы, можно сказать, что в доцивилизационный период в условиях первобытного синкретизма, средством объяснения окружающего мира выступали первобытные культы с их примитивным духовным содержанием. Естественной же и, пожалуй, единственно возможной формой миропонимания человека была первобытная мифология. При этом первые политические отношения (отношения господства и подчинения) получали выражение в особой роли жрецов и вождей, закреплялись в родовых традициях и обычаях.

По мере развития общества росли производительные силы, человек постепенно начал осознавать себя существом надприродным. В эпоху античности человеческое стремление к осознанию окружающего мира стало предметом профессиональной философии. И хотя это была преимущественно философия, построенная на умозрительном, логическом выведении знания о мире, всё же выход философии на уровень духовной доминанты стал крупным прорывом, связанным с поворотом познания от мифологического миропонимания к логике, к разуму.

Философия утвердила рационалистическую парадигму познания, и тем самым объективно оказалась исходным пунктом современной цивилизации. Открывались пути для развития математики, механики, астрономии, искусства, оформления этики, эстетики. Политические вопросы: господства и подчинения, управления общественными делами решались в античных городах-полисах под сильным влиянием рационалистической философии и осуществлялись в форме различных политических режимов: от диктаторских режимов до демократического управления, зачатков республиканского строя. Но вместе с тем философия поставила множество мировоззренческих вопросов, в том числе об основаниях власти (господства и подчинения), убедительных ответов на которые она предложить не смогла и передала их решение другой эпохе.

В Средние века на передний план духовной эволюции выступает религия, предлагающая свои ответы на все поставленные философией вопросы, ответы, формулируемые через сакральные смыслы теоцентризма, креационизма, провиденциализма. В общественное сознание вносятся догматы божественной предопределённости, загробного воздаяния, бессмертия души. Эта универсальная парадигма удовлетворяла возросшие духовные запросы всех слоёв населения. При этом философия оттесняется на задний план, выступает прибежищем интеллектуалов и вынужденно уступает роль духовной доминанты богословию, которое с этих пор безраздельно господствует в духовной жизни феодального общества. Само знание о мире, в том числе политическое сознание начинает исполнять сугубо утилитарные функции, назначением которых стало утверждение власти церкви, выразились в сакрализации земной власти вообще. Политика “находит убежище под куполами церковных храмов”. Догматы предопределённости и загробного воздаяния примиряли народные массы с миром зависимости и неравенства.

Однако тотальная сакрализация духовности в Средние века в какой-то момент вступила в противоречие с естественным процессом дальнейшего развития, выразившегося в переходе к эпохе Нового времени в Европе, вмещающей в себя периоды Возрождения, Научной революции и Просвещения. Эта эпоха стала прорывом в направлении к современной цивилизации, стала действительно Новым временем. На основе воспринятой ещё из античности рационалистической парадигмы доминирующей формой духовности становится экспериментальная наука. Религия превращается в декоративный элемент человеческой культуры, занимая нишу личного субъективного бытия. Философия сосредоточивается на проблемах эпистемологии, приобретает научно-познавательное содержание. Возникает и укрепляется позитивистская методология, отказывающаяся от решения мировоззренческих вопросов.

Одновременно на передний план выходит международная политика как способ проведения интересов национальных государств. В этих целях в ход пускаются связанные с политическими интересами разнообразные идеологии, разводящие человечество “по разным квартирам”, получает развитие блоковая дипломатия (создание союзов и альянсов). По-существу, начинается эпоха политического противоборства и доминирования политики как определяющего начала общественной жизни.

Важно отметить то, что на этом историческом этапе происходит не просто замена (вытеснение) одной культурно-духовной доминанты – другой, а трансформация самого феномена духовно-культурного доминирования (лидерства), коренное изменение самой его сущности. В основу такой доминанты помещается уже не какая-то определённая форма духовности, как это было в прежние времена, а особое социальное «мировидение», признающее решающую роль в жизни общества отношений власти, господства и подчинения – этих мало духовных вещей.

Здесь можно отметить также, что, начиная с эпохи Античности и вплоть до Нового времени духовный прогресс был налицо. Человечество, медленно, но неуклонно, наращивая опыт и знания, осваивало новые формы окружающей действительности. Политические взгляды во все эти периоды не выходили в своём влиянии за рамки собственно политических проблем, почти никак не влияли на содержание всех других форм духовной жизни общества.

Положение коренным образом меняется вместе с выходом на мировую арену политических идеологий, выражающих интересы новых общественных классов и прежде всего класса буржуазии. Начиная с XIX века, политика распространяет своё влияние на все сферы жизни общества. При этом на международном уровне она приобретает преимущественно негативный оттенок, выполняя служебную роль по отношению к интересам сильных игроков, выступает орудием в руках международных монополий, транснациональных компаний, предстает в своих проявлениях как политика силы.

Лишь в начале XX века появляется оппозиция империалистической политике – политика, направленная на защиту принципов социализма и борьбу с буржуазной идеологией. В сфере международных отношений такая политика выражалась в поддержке коммунистического и национально-освободительных движений. С этих пор мировая политика становится биполярной, между её двумя полюсами разворачивается острая идеологическая борьба, которая вылилась в “холодную войну” и гонку вооружений, поставивших мир на грань выживания.

В дальнейшем, в результате распада социалистического лагеря, а затем и СССР снова единственной доминантой в международных отношениях становится империалистическая политика силы, методом достижения политических целей – насилие. Однако такой откат в сфере международных отношений всё больше наталкивается на сопротивление со стороны тех стран, которых не устраивают гегемонистские устремления “западного консенсуса”. Всё больше стран встают на путь независимого развития. И вот здесь-то выясняется, что нынешняя бездуховная политика силы, стоящая на службе гегемонизма, не способна по самой своей природе служить основанием для продвижения общества в направлении социального прогресса, не может предложить пути разрешения обостряющихся планетарных проблем. В мире зреет осознание необходимости альтернативной политики, способной обеспечить продвижение к сотрудничеству и согласию государств на принципах международного права и общечеловеческой нравственности, возникает проблема перехода к такой политике.

Позволим себе в связи с этим высказать ещё одну гипотезу, относящуюся к происходящим между эпохами переходам, сопровождающимся сменой духовно-культурных форм. Это потребует нам для того, чтобы ответить на вопрос о том, почему на смену империалистической политике в будущем должна прийти новая политика, более отвечающая главной задаче, стоящей сегодня перед человечеством – задаче сохранения самой человеческой цивилизации. Гипотеза касается механизмов перехода от одной эпохи к другой и состоит в том, что такие переходы происходят по причине истощаемости конструктивного потенциала старой эпохи с её духовно-культурной доминантой и реализуются в моменты, когда появляются какие-то новые ориентиры развития, создаются условия для выдвижения в качестве доминанты новой культурно-духовной формы. Процесс непрерывного наращивания объёма и содержания положительного знания, умножения (расширения и углубления) сфер познания, обогащения методов (способов) практического освоения окружающего мира, появление новых социальных ориентиров приводит к «смещению с престола» (вытеснению) старой доминанты. Влияют на этот процесс и закономерная

тенденция социального и научно-технического прогресса, и сдвиги, происходящие в мировой экономике, в сфере политических отношений. Сама прежняя духовно-культурная форма, конечно, не исчезает, но она постепенно утрачивает статус доминирующей, теряет рычаги влияния на все сферы общественной жизни, концентрируется преимущественно на собственных проблемах.

В рассматриваемом нами случае как раз обнаружилось истощение конструктивного потенциала политики в её империалистической форме, и возникла необходимость её замены другой доминантой, содержащей такой конструктивный потенциал. Вопрос же состоит в том, какой должна быть эта доминанта. Идеальным вариантом был бы выход на доминирующие позиции морали и права, дефицит которых как раз обнаружился в современной политике силы. Однако по многим причинам такой переход пока представляется утопическим как в плане его содержания, так и реализации.

По-видимому, политика как доминирующая форма воздействия на мировые дела ещё не исчерпала своих возможностей. Политику не следует сводить к её империалистической форме. Не следует и демонизировать политику вообще, представлять её как нечто, противоречащее самим устоям человеческого общества. Как представляется, политика должна оставаться если не доминантой, то, по крайней мере, важнейшим инструментом перехода к новому качеству глобального управления, основанному на общечеловеческой морали и международном праве. То есть сегодня нужно ставить вопрос не об отказе от политики, а только об изменениях внутри политики, о её трансформации, о переходе к политике более высокого уровня.

Ещё одно замечание, имеющее отношение к преобразованию политики. Речь о том, что в отличие от прежних эпох, когда переходы от одной доминанты к другой происходили стихийно, почти не осознавались, современная политика силы в руках заинтересованных акторов, образно говоря, «осознаёт» угрозу своей власти, «не желает» отказываться от своих прерогатив. Ради этого она готова на всё. Это явно проявилось в действиях нынешнего «западного консенсуса» во главе с США по выстраиванию послушного для себя мира. В своих гегемонистских устремлениях США прибегают к деэтизации международной политики, к нарушениям международного права, к отходу от правды и справедливости в отношениях между государствами. Нынешние западные теоретики - стратеги гибридных войн стараются вообще не касаться проблемы отношения политики и морали, как они не проявляют заинтересованности и в раскрытии истины, исторической правды. Предпочитают, так сказать, втихую вести своё дело, не акцентируя внимания на таких «неблагоприятных» вещах как справедливость и законность - этих антиподах агрессивного гегемонизма.

И совсем не случайно то, что доминирование политики силы в современном мире (после распада СССР) не ознаменовалось ни одним гуманистическим прорывом и не обещает ничего хорошего и в будущем. Менее всего современная политика в её западном варианте занимается вопросами выстраивания мира, основанного на принципах гуманизма. Сами понятия прогресса, гуманности, справедливости, равенства изгоняются из политического лексикона, превращаются в музейные экспонаты. Перед нынешней политикой Запада стоят совсем другие задачи. Судьбы цивилизации не вписываются в её рамки. Получается, что нынешняя политика вся в целом вращается исключительно вокруг агрессии, реально сводится или к оправданию агрессии, или к сопротивлению этой агрессии.

Конечно, переход от политики силы к новой политике – дело не простое. Эта работа может быть выполнена только сознательными усилиями политических акторов, посредством действий, направленных на выстраивание нового миропорядка (многополярного мироустройства). Главный же вопрос в том, как повернуть человечество к этим вещам. Как реализовать соответствующие изменения в субъектной сфере политики? Христианская мораль вселенской любви и всепрощения, многочисленные социальные утопии, категорический императив И. Канта, коммунистический манифест К. Маркса и Ф. Энгельса, наконец, моральный кодекс строителей коммунизма – всё это вехи продвижения человеческой мысли в направлении гуманизма. Не вина этих проектов, что люди никак не могут добиться их осуществления. Дальше проектов дело не идёт.

Вряд ли помогут делу высокие лозунги и призывы и сегодня. Нужны реальные действия, направленные на изменение общего политического климата на планете, конкретные меры по созданию единого антигегемонистского фронта. Что же в таком случае нужно делать, чтобы стимулировать движение к разумно и справедливо устроенному обществу? По-видимому, необходима альтернативная линия в политике, исходящая из принципов справедливости и законности, новое политическое мышление как мышление политического реализма, которое

должно опираться на силу сотрудничества и неприятия гегемонизма и черпать эту силу из движения к многополярности. Это должна быть политика, соответствующая современному этапу политической поляризации, приходящему на смену доминированию политики силы.

Однако это не должна быть линия односторонней капитуляции, как это фактически произошло с провозглашённым М.С. Горбачёвым «новым мышлением» [5]. По существу, это была самонадеянная утопическая попытка сблизить два мира путём конвергенции, попытка, вылившаяся в односторонний отказ от национальных интересов страны в пользу доминирования интересов Запада. Этот сценарий привёл нашу страну к исторической катастрофе, чуть ли не к исчезновению её с карты мира. Новое политическое мышление не должно отрываться от реальности.

Посмотрим теперь на то, как происходил процесс политической поляризации в Новейшее время, а также какие намечаются тенденции в отношении будущего мироустройства. Но сначала – одно «лирическое отступление», или, лучше сказать, один существенный вопрос: а возможны ли в условиях господства капиталистических отношений в экономике отношения безопасности и сотрудничества в принципе? То есть, можно ли исключить в международных отношениях импульсы гегемонизма. Способно ли вообще человечество сопротивляться несправедливости, до каких пор оно готово поступаться совестью и мириться с принуждением? Не хочется думать, что это – неизбежный жребий, предусмотренный творцом для несовершенного человека. Так, например, как уже отмечалось выше, после окончания Второй мировой войны мир сразу превратился в биполярный при доминировании двух мировых держав: СССР и США. Биполярный мир при всех своих недостатках («холодная война», гонка вооружений т.д.) обладал одним важным достоинством: в условиях сложившегося паритета сил он обеспечивал взаимное сдерживание. Исчезновение же одного из этих полюсов привело к безудержной экспансии США по всей планете, в которой США совместно с НАТО и сателлитами из Евросоюза не стеснялись использовать все средства для устранения неугодных режимов.

Наиболее явным выражением империалистической политики после распада СССР стала практика американского гегемонизма, стремление США выстроить послушный для себя мир. На этом пути США почти не встречали препятствий до тех пор, пока дело не дошло до России, когда её Президент В.В. Путин подверг резкой критике внешнюю политику США за неоправданное применение силы к ряду неугодных им государств, за навязывание другим странам своих «ценностей»¹. Мир как-то сразу всколыхнулся, как будто давно ожидал такого поворота. Забрезжила какая-то надежда – и теперь уже многие страны не устраивают амбиции гегемонизма и навязывание миру модели однополярного мироустройства. Стало ясно, что реально складывающуюся многополярность уже нельзя отменить, запретить, или даже просто закрыть глаза на этот факт.

Главное же то, что этот, сам по себе крупнейший планетарный поворот к многополярности, сопровождается процессом ещё более крупного масштаба. Дело в том, что умножение числа новых мировых центров неизбежно порождает возможность их консолидации в целях отвержения однополярности и неприятия западного гегемонизма. Такая консолидация ведёт к возникновению нового глобального полюса, объективно противостоящего вашингтонскому консенсусу. Тем самым воспроизводится биполярность, но уже в иной её форме. Такая новая биполярность [6] уже не будет сугубо идеологическим противостоянием (как было в бытность Советского Союза), а станет цивилизационным сосуществованием стран «условного Запада» и «условного Не-Запада» [7], которые должны были, по мнению С. Хантингтона, прийти к неизбежному столкновению между собой.

Как показали дальнейшие события, такое столкновение – это маловероятный сценарий, хотя бы в силу его катастрофичности, хотя опасность его далеко не снята. В нём объективно не заинтересованы ни «Запад», ни «Восток». Отсутствуют и признаки консолидации стран мира по этому принципу. Более вероятен и набирает силу сценарий развития, который связан с созданием полюса силы, способного противостоять консолидированному «Западу» с его гегемонистской политикой и тем самым способствовать переходу к установлению цивилизованных международных отношений. Конечно, страны создающегося нового полюса силы пока не достигли такого уровня взаимодействия как это характерно для нынешнего «Вашингтонского консенсуса», далеко не всегда выступают с единых позиций при принятии решений в ООН и других международных

¹ Путин В.В. Полный текст выступления президента РФ Владимира Путина на пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке 28 сентября 2015 года, предоставленный пресс-службой главы государства [Электронный ресурс] - Режим доступа: - <https://regnum.ru/news/1980377.html> - (Дата обращения 26 февраля 2018).

организациях. Однако – это лишь вопрос времени, и никто не может гарантировать, что так будет всегда. Достаточно вспомнить, как проявил себя этот консенсус в условиях COVID-19.

Таким образом, получается, что фактически мир сегодня имеет дело с наложением двух процессов, которые оба объективно направлены против однополярности: процесса складывания планетарной политической многополярности и процесса формирования цивилизационной bipolarности (постбиполярности) [8]. И тот, и другой процессы, подпитывая друг друга, по своей направленности объективно противостоят гегемонизму “Запада”, выражают общественную потребность в замене политических принципов господства и подчинения принципами безопасности и сотрудничества. Такой поворот событий позволяет трактовать сам нынешний этап эволюционного продвижения как начало перехода к эпохе нравственного, гуманистического по своему духу пробуждения, эпохе, в рамках которой общечеловеческая мораль и международное право совместно будут насыщать международную политику в её функции новой социальной доминанты.

В этих условиях мировому сообществу стоит задуматься о мерах по противодействию импульсам доминирования и гегемонизма, исходящим, к примеру, со стороны ангажированных международных судов, допускающих применение “двойных стандартов”, выносящих свои постановления в зависимости от того, какая страна выступает “ответчиком по делу”, а не в интересах истины и справедливости.

Что здесь можно сделать? Может быть, следует уже сегодня добиваться создания альтернативных судов, выражающих консолидированное мнение стран, образующих новый полюс складывающейся цивилизационной bipolarности? Вполне может быть и так. Могло бы сыграть положительную роль вынесение на обсуждение в Совете Безопасности ООН коллективного предложения группы стран о мерах ответственности за нарушение принципов международного права и общественной морали со стороны органов и организаций (тех же судов), наделённых полномочиями принятия обязывающих решений.

Можно пойти на изменение принципов организации Совета безопасности ООН путём введения консенсусной системы его формирования. В любом случае в основу действий ООН должна быть положена последовательная политика безопасности и сотрудничества, способная реагировать на все случаи нарушений международного права и принципов морали и нравственности.

Главная же проблема состоит сегодня в том, как в ходе противостояния сил гегемонизма и многополярности избежать трагического их столкновения, как преодолеть импульсы гегемонизма и монополярности в условиях сохраняющейся в современном мире политической установки, исходящей из права силы, применяемой в ущерб силе права и силе морали [9]. Дело в том, что, как уже говорилось выше, и многополярность сама по себе ещё не исключает расхождений между акторами международных отношений и не гарантирует искоренения импульсов гегемонизма. Неравенство и несправедливость могут присутствовать и в условиях многополярного мироустройства. Их искоренение – это дело (и задача) будущего развития. Многополярность лишь открывает путь для такого искоренения, ставит определённые ограничения империалистической политике. На это обращает внимание А.В. КОРТУНОВ, предлагая ориентироваться на такое мироустройство, в котором будут учитываться интересы не только сильных, но и слабых “игроков”. Он называет такой мир многосторонним. Если «многополярный мир развивается посредством периодических коррекций баланса сил», то «многосторонний – путем накопления элементов взаимозависимости и выхода на новые уровни интеграции»¹ [10].

Кстати проблема многосторонности в мировой дипломатии затрагивалась во время встречи министра иностранных дел РФ С.В. Лаврова с Генеральным Секретарём ООН Антониу Гутеррешем 20-21 июня 2018 г., на которой стороны согласились с тем, что «осуществление принципа многосторонности, в глобальном масштабе, сталкивается с проблемами..., которые, тем не менее, не являются несовместимыми с более широкими многосторонними договорами». С тем, что США, «в послевоенный период обратились к односторонним действиям и двусторонней конфронтации..., к попыткам продавить односторонние подходы к урегулированию различных международных проблем в ущерб поиску коллективных ответов на вызовы современности»². По-видимому, такое признание необходимости восстановления принципа много-

¹ КОРТУНОВ А.В. Почему мир не становится многополярным // Лента: Политика. 27.06.2018. - URL: <http://www.rodon.org/polit-180627102326> (Дата обращения: 21 апреля 2019).

² Россия и ООН в поисках выхода из кризиса «многосторонности» - URL: <https://moscow-baku.ru/news/politics/v-moskve-nachalis-peregovory-lavrova-i-genseka-oon-guterresha> - (Дата обращения: 21 апреля 2019)

сторонности в мировой дипломатии со стороны Генсека ООН и министра иностранных дел РФ – это, на самом деле, - косвенное подтверждение необходимости устранения односторонних подходов в международных отношениях. И это также реальность, которую нужно учитывать при определении конкретных шагов в борьбе против гегемонизма.

В качестве заключения ещё несколько замечаний. Проводимая США политика гегемонизма, имеющая целью навязывание однополярного мира, столкнулась с процессом возникновения практически на всех континентах новых центров силы, экономического развития и политического влияния. Россия успешно возвращает себе утраченный международный авторитет, превращается в мощную евразийскую державу, проводит политику, направленную на сотрудничество с другими странами во всех сферах жизни, активно работает в форматах ШОС, ЕВРАЗЭС, БРИКС, ОДКБ, успешно решающих проблемы защиты суверенитета и независимого развития своих стран. Такая интеграция – свидетельство и признак начавшегося процесса консолидации сил антигегемонизма.

Развязанная против России гибридная война имеет целью не только наказать Россию за открытое неприятие политики гегемонизма, но также воспрепятствовать процессу складывания многополярного мира, запугать все страны, вставшие на путь суверенного развития. Именно на достижение этой цели направлена «Стратегия национальной обороны США»¹, в основу которой фактически положена гибридизация, которая позволяет перенести акцент с исключительно военных операций, проведение которых становится всё более опасным (одиозным) делом, вызывающим критику и неприятие во всём мире, на «невоенные» враждебные действия. Главный упор в ней делается на использование информационного оружия в целях воздействия на сознание населения страны-противника, на беззастенчивую ложь и клевету, на «прокси-войны», использование медиафейков, на нескончаемые экономические санкции, в которые настойчиво втягиваются ассоциированные союзники США. Все эти средства сегодня активно используются в отношении России, и рассчитаны на её международную изоляцию и разрушение социально-политической стабильности внутри страны.

Но дело, отнюдь, не замыкается на России. Дело в том, что подобные методы угрожают стать нормой международных отношений, разрушают остатки с таким трудом созданной системы международной безопасности и международного права. И совсем не случайна нынешняя риторика США, направленная на дискредитацию международного права. "Большая ошибка - придавать какое-либо значение международному праву, - заявил бывший помощник президента США Д. Трампа по национальной безопасности, бывший постоянный представитель США при ООН Джон Болтон в интервью американскому журналу Insight ещё 2 августа 1999 года, - даже если это может показаться соответствующим нашим краткосрочным интересам. В длительной перспективе на международное право ставят те, кто хочет сдержать Соединенные Штаты»².

Что ж, как говорится, сказано предельно откровенно. Это свидетельствует о том, что США вовсе не заботят ни международная безопасность, ни международное право – этот единственный оставшийся инструмент регулирования международных отношений на основе Устава ООН и международных соглашений, и что они не стесняются это открыто заявлять. А сформулированные ещё в 1945 г. в специальной Декларации ООН "Положения о принципах международного права" уже не отражают современных реальностей, именно тех, которые связаны с противостоянием тенденций однополярности и многополярности³. Не обеспечивают они и выполнение продекларированного принципа, согласно которому государства должны воздерживаться в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения. Не прописаны эти вопросы и в мерах ответственности государств за нарушение этих принципов. То есть, по существу, Устав ООН в его сегодняшнем виде не исключает возможность безнаказанного применения силы в международных отношениях и поэтому нуждается в существенных изменениях.

В интересах международной безопасности было бы целесообразно создание в структуре ООН специального органа (комитета) по вопросам многополярности, наделить его функциями

¹ Стратегия национальной обороны США - URL: www.rbc.ru/politics/19/01/2018/5a61ccc09a7947061eb2ed36 - (Дата обращения 18 сентября 2019).

² Болтон Джон. Интервью американскому журналу Insight 2 августа 1999 года - URL: <https://tass.ru/info/6871534> – (Дата обращения 18 сентября 2019).

³ Декларация ООН "Положения о принципах международного права" Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlawprinciples.shtml (дата обращения: 17 января 2020).

по недопущению гегемонистских проявлений во внешней политике государств, других нарушений международного права. Это позволило бы ООН обрести “новое дыхание” и реально решать самые острые проблемы международных отношений. От ООН надо не отказываться, а выводить её из-под диктата США.

Что же касается России, то в сложившейся ситуации ей ничего не остаётся другого, кроме как последовательно придерживаться политики международной безопасности и не забывать о своих национальных интересах. Надеяться лишь на собственные силы, на национальное самосознание собственного народа и на способность российского общества мобилизоваться в случае такой необходимости, как это неоднократно происходило в истории страны. Страна должна позиционироваться как один из центров многополярного мира, активно противостоять совместно с другими странами импульсам однополярности, а на современном переходном этапе поддерживать консолидацию стран, избравших путь самостоятельного, независимого развития.

Как представляется, использование США и их союзниками гибридной стратегии, направленной на утверждение и удержание своего гегемонизма, всё же не способно остановить складывание многополярного мироустройства – этой современной стадии политической поляризации. При этом необходимо исходить из того, что движение в сторону многополярности и даже её достижение не является конечной целью развития. Финализм – не наша идеология. На каком-то этапе многополярность должна будет смениться внеполярностью (бесполярностью, надполярностью, многосторонностью). Но это уже – тема для другой статьи.

Наша же задача состояла в том, чтобы отметить признаки конца империалистической политики, приблизиться к прояснению путей перехода от политики господства и подчинения к политике безопасности и сотрудничества, показать, что условием и средством достижения этой цели является переход к многополярному мироустройству. Предполагалось также определить масштабы этой проблемы, обозначить некоторые черты современного этапа политического противостояния – и всё! В какой-то мере эти задачи в статье были затронуты и получили определённое выражение.

Всё же остальное – дело истории, которая, так или иначе, всегда находит пути выхода из создавшегося положения, и, конечно же, найдёт своих авторов и комментаторов.

Литература

1. Кузнецова А.В. Справедливое мироустройство: Становление российской политики формирующегося незападного справедливого мироустройства XXI века через культуру патриотизма. М.: Книга и бизнес, 2011. 407 с.
2. Чумаков А.Н. Глобальный мир: проблема управления. // Век глобализации. №2(6), 2010. - URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130853>. - (Дата обращения 25 января 2020).
3. Архитектура евроатлантической безопасности / Под общей редакцией проф. Юргенса И.Ю., акад. Дынкина А.А., чл.- корр. Барановского В.Г. М.: Экон-Информ, 2009. 124 с.
4. Ананьин О., Хаиткулов Р., Шестаков Р. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв // Мировая экономика и международные отношения, № 12. 2010. С. 15–27.
5. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М.: Политиздат, 1987.
6. Антонович И.И. Новая биполярность мира: взаимозависимость вместо противостояния // Пространство и время, № 1(7). 2012. С. 18–26. - URL: <http://www.oborona.ru/pages/mainpage/index.shtml> (дата обращения: 23 ноября 2019).
7. Хантингтон Самюэль. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ; пер. с англ. Т. Велимеева, 2016. 640 с.
8. Лукин А.В. Постбиполярный мир: мирное сосуществование или хаос // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 1. С. 17–29.
9. Зорькин В.Д. Право силы и сила права // Журнал конституционного правосудия. 2015. № 5. С. 1–12. - URL: <https://library.ru/item.asp?id=23920279> (дата обращения: 13.01.2018).
10. Медведев Н.П., Васильев Ю.В. Реформирование федерализма – императив политического развития Российской Федерации: монография / Под общей ред. А.В. Понеделкова. Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2018. 216 с.

Medvedev Nikolai Petrovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (Russian Federation, Stavropol). E-mail: mednp@bk.ru

Vasilyev Yuriy Vladimirovich, Doctor of Political Sciences, Professor, Director, Stavropol branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (189, Lermontova St., Stavropol, 355002, Russian Federation). E-mail: vasilyev-yv@ranepa.ru

POLITICAL POLARIZATION AND HYBRIDIZATION – TWO DIMENSIONS OF THE CONTEMPORARY POLITICAL PROCESS

Abstract

Authors try to prepare the modern political processes and investigate the trends, which articulate two main positions: unipolar and multipolar world order. Their co-existence is the main subject of economic and political essence and construct the zones of influence. These zones balance between each other and their positions are not constant. To justify the historical necessity of the ongoing transition to multipolarity, the authors introduce the concept of cultural and spiritual dominance. The phenomenon of politics as a kind of worldview, based on the relationship of power and the struggle for power, is regarded as the dominant of modernity, which has a direct relation to international security. It is concluded that it is possible, in the current context, to replace the imperialist policy of force with a policy of security and cooperation based on the principles of international law and universal morality. It is also shown that hybridization is the product of a policy of force, but it is not able to stop the objective process of approving a multipolar world order. The authors see the path to preventing aggressive hegemony in the creation of a pole of power capable of acting as a deterrent in the situation of confrontation with the consolidated "West". According to the authors' mind of view, such development will mark the beginning of the transition to an era of moral, humanistic in its spirit of awakening, to an era in which morality and international law will jointly saturate international politics in its function as a modern social dominant.

Keywords: *political polarization, world order, multipolar world, spiritual and cultural dominant, hybridization, hybrid war, political process, centers of power, polycentricity.*

References

1. Kuznecova A.V. Spravedlivoe miroustrojstvo: Stanovlenie rossijskoj politiki formiruyushchegosya nezapadnogo spravedlivogo miroustrojstva XXI veka cherez kul'turu patriotizma. M.: Kniga i biznes, 2011. 407 p.
2. CHumakov A.N. Global'nyj mir: problema upravleniya. // Vek globalizacii. №2(6), 2010. - URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/130853>. - (Data obrashcheniya 25 yanvarya 2020).
3. Arhitektura evroatlanticheskoy bezopasnosti / Pod obshchej redakciej prof. YUrgensa I.YU., akad. Dynkina A.A., chl.- korr. Baranovskogo V.G. M.: Ekon-Inform, 2009. 124 p.
4. Anan'in O., Haitkulov R., SHestakov R. Vashingtonskij konsensus: pejzazh posle bitv // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya, № 12. 2010. P. 15–27.
5. Gorbachev M.S. Perestrojka i novoe myshlenie dlya nashej strany i dlya vsego mira. M.: Politizdat, 1987.
6. Antonovich I.I. Novaya bipolyarnost' mira: vzaimozavisimost' vmesto protivostoyaniya // Prostranstvo i vremya, № 1(7). 2012. P. 18-26. - URL: <http://www.oborona.ru/pages/mainpage/index.shtml> (data obrashcheniya: 23 noyabrya 2019).
7. Hantington Samyuel'. Stolknovenie civilizacij. M.: Izd-vo AST; per. s angl. T. Velimeeva, 2016. 640 p.
8. Lukin A.V. Postbipolyarnyj mir: mirnoe sosushchestvovanie ili haos // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. T. 60. № 1. P. 17-29.
9. Zor'kin V.D. Pravo sily i sila prava // ZHurnal konstitucionnogo pravosudiya. 2015. № 5. P. 1-12. - URL: <https://library.ru/item.asp?id=23920279> (data obrashcheniya: 13.01.2018).
10. Medvedev N.P., Vasil'ev YU.V. Reformirovanie federalizma – imperativ politicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii: monografiya / Pod obshchej red. A.V. Ponedelkova. Stavropol': Izdatel'sko-informacionnyj centr «Fabula», 2018. 216 p.

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Попова Екатерина Александровна	доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета управления, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: popova@uriu.ranepa.ru
Мартемьянова Златаслава Сергеевна	аспирант кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: zlataslava@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается формирование политического пространства в условиях цифровых изменений. Цифровые технологии оказывают влияние на социальные процессы, тем самым формируя цифровое государство и цифровое общество. Проанализированы технологические центры, занимающиеся развитием цифровых технологий России и зарубежных странах. Описывается опыт технологических парков разных стран. Представляется, что для успешного развития политического пространства в условиях цифровой трансформации необходимо формирование цифровой экосистемы, как информационно-технологической инфраструктуры взаимодействия политических элит и институтов гражданского общества.

Ключевые слова: политическое пространство, цифровая экосистема, цифровое общество, технопарк, Кремниевая долина, цифровая конкуренция, цифровая зрелость, гражданское общество, цифровое государство.

Развитие сетевого общества оказало влияние на многие общественные отношения в социуме. Использование цифровых технологий трансформировало институты гражданского общества и вывело их на новый уровень взаимодействия. Влияние сетевого общества и цифрового взаимодействия отразилось на участниках политических отношений, тем самым трансформируя политическое пространство. Политическое пространство определяют 2 его концепции:

- формирование геополитического аспекта, который включает описание признаков государства, его местоположение, экологические ресурсы, суверенитет;
- определения политического пространства как сферы взаимоотношений его субъектов, отношения власти и общества, взаимодействие в больших и малых институтах гражданского общества [4].

В настоящее время социокультурные условия жизни общества претерпевают этап неопределенности ввиду активного использования цифровых технологий, таким образом, возникает необходимость концептуализации политического пространства в условиях цифровой трансформации государства.

Формирование цифрового государства представляет собой совокупность его взаимодействующих компонентов. Важно отметить взаимовлияние следующих аспектов: кадровый, правовой, технический, стратегический, экономический. Поиск механизма наиболее эффективного осуществления политической власти, результативного взаимодействия власти и общества является одной из актуальных проблем политического пространства в цифровой трансформации [5]. Можно отметить, что цифровизация политического пространства становится таким естественным условием развития, что все цифровые процессы, которые происходят в пространстве, становятся политизированными. Политический смысл заключается в том, что цифровой аспект имеет двойственное значение, включая в себя реальное и виртуальное, живое и не живое, искусственное и естественное [6]. Цифровое влияние на сетевое общество, обусловлено инновационностью, совершенствованием политического пространства в рамках развития «Индустрии 4.0» [7]. Технологические изменения и развитие социальных форм и процессов цифрового общества, оказывают влияние на формирование политического пространства [8]. Таким образом, необходимо сформировать цифровую политическую экосистему, которая представляет собой сетевой ландшафт взаимоотношений субъектов политического пространства. Главной задачей цифровой политической экосистемы является создание информационно-коммуникативной инфраструктуры взаимодействия власти и общества. Принципы построения

взаимодействия политических элит и гражданского общества должны основываться на принципах открытости, достоверности, актуальности, оперативности, доступности. Важно отметить, что технологии играют важную роль в формировании цифровой политической экосистемы и являются условием взаимодействия власти и общества в виртуальном пространстве.

Технологический детерминизм определяется историей формирования производственных технологий и выпуска высокотехнологичных товаров. Инновационная активность политического пространства является важным показателем его развития и конкурентоспособности [12].

Цифровая конкуренция в политическом пространстве понимается как стремление создать уникальные цифровые технологии и эффективное применение их в рамках политического управления и взаимодействия политических элит с институтами гражданского общества. Важность цифровой конкуренции обуславливается укреплением национальной безопасности и лидерства на мировом рынке развития цифровых технологий и внедрения их в процессы политического пространства.

В большинстве развитых государств формирование технопарков является важным инструментом инновационного развития политического пространства.

Одним из образцовых технологических центров, сохраняющий статус акселератора прорывных технологий много лет, является Кремниевая (Силиконовая) долина в США. Кремниевая долина представляет собой технополис, созданный для производства высокотехнологичных продуктов на базе взаимодействия технологических компаний и научно-исследовательских центров, на территории которого функционирует своя инфраструктура, обеспечивающая условия труда и отдыха. Впервые о Кремниевой долине было написано в статье издания Electronic News журналиста Дона Хофлера в 1971 г. Основателем Силиконовой долины в США считается американский ученый, профессор, выходец Стэнфордского университета Фредерик Эммонс Терман. Одно время в Стэнфорде были финансовые трудности, в связи с чем было принято решение сдавать часть земли университета высокотехнологичным компаниям в аренду. Компании бурно развивались, выполняли государственные заказы, трудоустраивали выпускников Стендфорда. Через несколько десятков лет Кремниевая долина получила свое название и существующую славу [3].

Тренд на развитие технополисов в Европе возник в 70-е годы 20-го столетия, после успешного опыта Стэнфордского университета. Был построен университет Лувен-ла-Нёв в Бельгии, технологический парк София-Антиполис в Ницце, зона научных и технических нововведений и производства в Гренобле [10]. В Кембридже образовался научный парк Тринити. В настоящее время в Кембриджский научный парк включает более 130 компаний, где предприниматели изобретают различные технологии, которые способствуют улучшению медицины и жизнедеятельности в целом.¹ В Шотландии, Эдинбурге на базе Университета Хэриот-Уатт был построен исследовательский институт. В настоящее время Университет имеет несколько кампусов, рассчитанных на развитие инновационных продуктов².

Важно отметить, что успешное технологическое производство развивается более эффективно благодаря привлечению инвестиций, реализации государственных заданий, формированию наукоемкого производства, реализуемых на территории технологического парка [10].

Одной из приоритетных задач, которые стоят перед политическими элитами Германии – создание благоприятных условий для развития стартап-инкубаторов. В Берлине стремительно набирает темпы роста стартап-экосистема, демонстрируя успешный рост акселерационных программ. Мюнхен также является привлекательным для технологического развития компаний, благодаря наличию штаб-квартир многих крупных корпораций: BMW, Bosch, Siemens и Festo; Bavaria Israel Partnership Accelerator. Мюнхенский университет содержит на территории Кампус высоких технологий, который способствует развитию инновационного потенциала для производства высокотехнологичных продуктов [9].

В Китае самым технологически развитым технопарком считается Чжунгуаньцунь. На территории технополиса расположен университет Цинхуа и Пекинский университет, национальные центры по инженерным и техническим исследованиям, научно-исследовательские институты Китайской академии наук. Предпосылкой развития технопарков послужила государственная программа «Факел», разработанная в 1988 г. В стране появились технопарковые

¹ <https://www.cambridgesciencepark.co.uk/>

² <https://www.hw.ac.uk/>

зоны, которые привлекали иностранные инвестиции и выполняли государственные заказы. Первыми инвесторами технопарка в развитие высокотехнологичных продуктов являются такие крупные компании Samsung, Sony Ericsson, Motorola. Важно отметить, что на территории главного технопарка страны появилась первая ЭВМ, китайский вакуумный цилиндр и др. [2]

Центром высокотехнологичной промышленности в Индии является город Бангалор. Правительство Индии создало Агентство, курирующее вопросы по формированию научно-технологических парков и поддержки науки и технологий. Разработка программного обеспечения и IT-аутсорсинг являются приоритетным направлением технопарков Индии. Особенностью Бангалора, в отличие от других технопарков, занимающихся стартапами, заключается в его ориентированности на развития крупного бизнеса. В Индии отсутствует запрет на привлечение иностранных инвестиций, однако могут возникать проблемы с коммерциализацией цифровых продуктов [1].

В России развитие инновационно-технологического потенциала началось с создания научного центра в Новосибирске в 60-х годах 20-го века. Академгородок включает в себя десятки научно-исследовательских институтов, государственный институт, физико-математическую школу. На его базе получили развитие многие крупные технологические компании страны. Первым технопарком на территории России считается Томский научно-технологический парк, построенный на базе Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники научно-технологического парка.

В 2006 году была утверждена государственная программа «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий», коротая открыла этап развития научно-промышленных центров.

Согласно поправкам в Конституцию РФ 2020 г. (ст. 114 Конституции РФ), Правительство страны должно обеспечивать государственную поддержку научно-технологического развития страны, сохранение и развитие ее научного потенциала. В настоящее время вопросами развития технопарков занимается Департамент развития высоких технологий Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации».

Постановление Правительства Российской Федерации об отборе субъектов Российской Федерации для получения субсидий на развитие технологических парков №1119 от 30 октября 2014 года способствовало формированию государственной поддержки для обеспечения технологической оснащенности инфраструктуры технопарков.

Одним из главных инновационно-технологических научных центров является «Сколково». Считается первым наукоградом в стране. Благодаря высоким темпам развития научно-технологической отрасли является ведущим технопарком страны¹.

Важно отметить развивающийся Университет Иннополис в Республике Татарстан. Иннополис является небольшим городом, наукоградом, на территории которого расположен технологический университет с одноименным названием, является обустроенной экономической зоной для развития высокотехнологичных компаний². Ключевым показателем эффективности комплексной программы «Создание в Российской Федерации технопарков в сфере высоких технологий» является развитие 12 технопарков в сфере высоких технологий, общей площадью более 450 тыс. кв. метров, является создание в общей сложности десятки тысяч высокопроизводительных рабочих мест³. В настоящее время ведется активная работа по созданию технопарков во многих регионах России.

Способность политического пространства оперативно создавать условия для изобретения необходимых политическому пространству диджитал технологий проявляется в уровне его цифровой зрелости. Можно выделить несколько степеней зрелости в политическом пространстве: высокая, средняя, низкая. Высокая степень характеризуется тотальным использованием электронного документооборота, оперативностью использования, внедрения цифровых технологий, в каждом регионе полностью функционирует высокотехнологический центр. Средняя степень не исключает возможности использования бумажного носителя, развиваются высокотехнологичные центры по созданию цифровых продуктов, 95% населения успешно пользуется цифровыми продуктами. Низкая степень обязывает использование и электронного

¹ <https://sk.ru/>

² <https://innopolis.university/>

³ <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/445/#section-stages>

документооборота, и бумажного носителя, высокотехнологичные центры находятся не в каждом регионе, институты гражданского общества нуждаются в цифровом обучении.

Учитывая уровни влияния, цифровую зрелость политического пространства можно условно разделить на: федеральную, региональную, местную.

Критериями оценки цифровой зрелости политического пространства выступают:

- Приток инвестиций в IT отрасли;
- Уровень функционирования технологических парков;
- Качество научно-исследовательских институтов, вузов;
- Наличие программ высшего, среднего профессионального, дополнительного образования в сфере информационных технологий, цифровой грамотности в регионе;
- Количество организаций на всех уровнях использующие или не использующие документооборот, цифровые технологии;
- Уровень образования населения цифровой грамотности;
- Наличие разработанных программ по использованию искусственного интеллекта, квантовых технологий в политическом управлении.

Важно отметить, что высокий уровень цифровой зрелости политического пространства способствует оперативному реагированию на конкурентную среду.

Проанализировав мировой опыт развития технологических парков в соответствии с целями стран в определенный период времени, важно отметить цели развития технопарков в условиях цифровой трансформации политического пространства:

- формирование цифровой зрелости политического пространства, создание технологической инфраструктуры, способствующей развитию высокотехнологичных производств;
- развитие цифровой конкуренции, обеспечение национальной безопасности политического пространства в условиях глобализационной цифровой трансформации.

Цифровое общество создает новую реальность взаимодействия его участников, поэтому в политическом пространстве необходимо создать информационно-технологическую инфраструктуру, которая позволит эффективному взаимодействию власти и общества.

Формирование цифровой экосистемы политического пространства является инструментом, направленным на развитие эффективного взаимодействия политических элит и институтов гражданского общества в политическом пространстве в условиях цифровой трансформации и развития цифрового общества.

Важно отметить, что цифровая экосистема способствует оперативному взаимодействию власти и общества, что влияет на принятие политических решений элитами. Таким образом, можно выделить аспекты формирования цифровой политической экосистемы:

- Оперативное получение информации для принятия политических решений;
- Отсутствие зависимости от физического местоположения;
- Возможность быстрой обратной связи;
- Возможность сохранения достоверной информации на долгое время, в огромном количестве.

В зависимости от добросовестности использования политической информации данные аспекты могут приобретать как положительный, так и отрицательный характер. Таким образом, политическим элитам необходимо учитывать достоверность, адресность получаемой информации, осуществлять качественный контроль информации в цифровой политической экосистеме, сформировать эффективную политическую культуру, цифровую этику взаимодействия власти и общества в цифровой политической экосистеме.

Литература

1. Аничкин Е.С., Серебряков А.А. Правовое регулирование технопарков в отдельных странах шанхайской организации сотрудничества: опыт России, Китая, Индии и Казахстана // Правовая культура. 2019. № 2 (37). С. 85–100.
2. Вэй В. Силиконовая долина Китая Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. 2013. № 2 (6). С. 18–21.
3. Громов Г.Р. История Кремниевой долины – кратко о главном //От гиперкниги к гипермозгу: информационные технологии эпохи Интернета. Эссе, диалоги, очерки. М.: Радио и связь, 2004.
4. Гурарий Е.М. Концептуализация политического пространства в информационном обществе // Вопросы управления. 2016. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-politicheskogo-prostranstva-v-informatsionnom-obschestve>

5. Дармилов А.Ф., Понявина М.Б. Электронное правительство и цифровое государство // Вести научных достижений. Экономика и право. 2020. № 3. С. 82 – 85.
6. Зеленко Б.И., Шиманская Э.С. О специфике политического в российском цифровом пространстве // Власть. 2020. Том. 28. № 3. С. 24-30. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i3.7291>
7. Игнатова Т.В., Черкасова Т.П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2. С. 5–14.
8. Кастельс М. Становление общества сетевых структур / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология (под ред. В.Л. Иноземцева). М., 1999.
9. Кирсанова Е.Г. Создание кластеров как механизм реализации инновационной политики в европейском союзе (на примере инновационных кластеров Германии) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 26. № 1. С. 93–100.
10. Кирюшина М. Технопарки: откуда и зачем? // Технополис «Москва» 2019 г. <https://technomoscow.ru/article/2019-04-05-technoparki>
11. Технопарки стран мира : организация деятельности и сравнение / Под ред. В.А. Бариновой. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2012. 182 с. (Инновационная экономика : опыт).
12. Шапкина К.А. Факторы успеха кремниевой долины // Научная палитра. 2018. № 4 (22).

Popova Ekaterina Aleksandrovna, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of State and Municipal Administration, Faculty of management, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: popova@uriu.ranepa.ru

Martemyanova Zlataslava Sergeevna, Graduate Student of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: 3lataslava@mail.ru

DIGITAL TOOLS FOR POLITICAL SPACE FORMATION: FOREIGN EXPERIENCE AND RUSSIAN PRACTICE

Abstract

The article discusses the formation of political space in the context of digital changes. Digital technologies influence social processes, thereby shaping the digital state and digital society. Technology centers involved in the development of digital technologies in Russia and foreign countries were analyzed. The experience of technological parks of different countries is described. It seems that the successful development of the political space in the context of digital transformation requires the formation of a digital ecosystem, as an information and technology infrastructure for the interaction of political elites and civil society institutions.

Keywords: *political space, digital ecosystem, digital society, technopark, Silicon valley, digital competition, digital maturity, civil society, digital state.*

References

1. Anichkin E.S., Serebryakov A.A. Pravovoe regulirovanie tekhnoparkov v otdel'nykh stranah shanhajskoj organizatsii sotrudnichestva: opyt Rossii, Kitaya, Indii i Kazahstana // Pravovaya kul'tura. 2019. № 2 (37). P. 85–100.
2. Vej V. Silikonovaya dolina Kitaya Modeli, sistemy, seti v ekonomike, tekhnike, prirode i obshchestve. 2013. № 2 (6). P. 18–21.
3. Gromov G.R. Istoriya Kremnievoj doliny – kratko o glavnom // Ot giperknigi k gipermozgu: informacionnye tekhnologii epohi Interneta. Esse, dialogi, ocherki. M.: Radio i svyaz', 2004.
4. Gurarij E.M. Konceptualizatsiya politicheskogo prostranstva v informacionnom obshchestve // Voprosy upravleniya. 2016. № 2 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-politicheskogo-prostranstva-v-informatsionnom-obshchestve>
5. Darmilov A.F., Ponyavina M.B. Elektronnoe pravitel'stvo i cifrovoe gosudarstvo // Vesti nauchnykh dostizhenij. Ekonomika i pravo. 2020. № 3. P. 82 – 85.
6. Zelenko B.I., SHimanskaya E.S. O specifike politicheskogo v rossijskom cifrosetevom prostranstve // Vlast'. 2020. Том. 28. № 3. С. 24-30. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v28i3.7291>
7. Ignatova T.V., CHerkasova T.P. Instituty i tekhnologii cifrovoj ekonomiki kak faktory innovacionnogo rosta Rossii // Drukerovskij vestnik. 2020. № 2. P. 5–14.
8. Kastel's M. Stanovlenie obshchestva setevykh struktur / Novaya postindustrial'naya volna na Zapade. Antologiya (pod red. V.L. Inozemceva). M., 1999.
9. Kirsanova E.G. Sozdanie klasterov kak mekhanizm realizatsii innovacionnoj politiki v Evropejskom soyuze (na primere innovacionnykh klasterov Germanii) // Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. Т. 26. № 1. P. 93–100.
10. Kiryushina M. Tekhnoparki: otкуда i zacheм? // Tekhnopolis «Moskva» 2019 g. <https://technomoscow.ru/article/2019-04-05-technoparki>
11. Tekhnoparki stran mira : organizatsiya deyatel'nosti i sravnenie / Pod red. V.A. Barinovej. M.: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2012. 182 s. (Innovacionnaya ekonomika : opyt).
12. SHapkina K.A. Faktory uspekha kremnievoj doliny // Nauchnaya palitra. 2018. № 4 (22).

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ СОТРУДНИЧЕСТВА ЕС В СФЕРЕ ОБОРОНЫ И БЕЗОПАСНОСТИ

Синдеев Алексей Александрович доктор исторических наук, профессор Российской академии наук, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН (125009, Россия, г. Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3). E-mail: a_sin74@mail.ru.

Аннотация

В статье проанализированы проблемы, которые в настоящее время решают ведущие страны Евросоюза при формировании политики обороны и безопасности на национальном, межгосударственном и наднациональном уровне. Благодаря данному анализу были выделены перспективные тенденции и высказаны рекомендации, касающиеся возможного российского ответа на проводимую участниками коллективного Запада содержательную настройку будущей стратегии взаимодействия. Использование материала и выводов статьи позволит эффективнее выстраивать соответствующие управленческие процессы, направленные на сдерживание и реформирование нежелательных явлений, отслеживать эволюцию государственных моделей в странах Европейского союза и определять пределы сотрудничества европейских партнеров друг с другом.

Ключевые слова: Европейский союз, оборона, безопасность, борьба за мировое лидерство, сотрудничество в сфере обороны и безопасности, франко-германское сотрудничество, военно-промышленный комплекс, постоянное структурированное сотрудничество.

Основные претенденты на мировое лидерство в XXI в. уже определились [Ср.: 1]. В современных условиях большинство стран Запада будет укреплять военную мощь и стремиться уменьшить зависимость партнеров и потенциальных союзников в других частях мира от Китая, что обуславливает разработку и постепенное согласование стратегии сдерживания последнего [2; см. также: 3, с. 327-344].

Соединенные Штаты, противодействуя КНР¹, сделали ставку на сохранение западного сегмента рынка оборонной продукции в прежнем виде [Ср.: 4, с. 419-444]. С их точки зрения, подобная стратегия продолжит обеспечивать долгосрочное лидерство Америки в производстве высокотехнологического оружия и обезопасит фундамент этого лидерства – американский ВПК. Неслучайно американцы разработали европейскую программу стимулирования рекапитализации (*European Recapitalization Incentive Programm*)² со 276,9 млн долларов капитала, призванную финансировать замену советского вооружения на американское вооружение³. Программа появилась летом 2018 г. Однако СМИ узнали о ней спустя год, что объясняется, по всей видимости, прямой конкуренцией данной программы с ПЕСКО, Постоянным структурированным сотрудничеством по вопросам

¹ Китай не скрывает намерений играть глобальную роль в военной сфере. В течение последних десять лет расходы на оборону выросли в стране на более чем 80%. На XIX съезде партии генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Китая Си Цзиньпин заявил, что «[с]огласно процессу продвижения модернизации страны требуется всесторонне модернизировать военную теорию, армейские организационные формы, подготовку военных кадров, а также вооружение и военную технику. Будем стремиться к тому, – сказал он, – чтобы к 2035 году в основном осуществить модернизацию национальной обороны и армии, а к середине нынешнего века (имеется в виду 100-летие КНР. – А.С.) полностью превратить народную армию Китая в вооруженные силы передового мирового уровня» (Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на XIX-м съезде КПК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm; дата обращения 30.03. 2020). К достижениям Китая в оборонной сфере среди прочего относятся производство дронов, истребителя-невидимки Чэнду J-20 (*Chengdu J-20*), строительство третьего авианосца.

² Официальная позиция Госдепа США и краткая информация о программе на 17 марта 2020 г. представлена на сайте американского внешнеполитического ведомства (*European Recapitalization Incentive Program (ERIP)*). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.state.gov/european-recapitalization-incentive-program-erip/>; дата обращения 21.03.2020). Участники программы – Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Греция, Литва, Северная Македония, Словакия, Хорватия.

³ См. подробнее: Kroatien will das Europäische Neufinanzierungs-Anreiz-Programm nutzen, um seine alten Schützenpanzer aus Sowjetproduktion durch das US-Modell Bradley zu ersetzen. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esut.de/2019/08/fachbeitraege/industrie-fachbeitraege/14863/dominanz-im-globalen-ruestungsmarkt-absichern/attachment/bradley-fighting-vehicles-at-national-training-center/> (дата обращения: 11.03.2020); Хроленко объяснил цель новой военной программы Госдепартамента США. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lv.sputniknews.ru/radio/20190531/11700512/Khrolenko.html> (дата обращения: 15.03.2020); Обмен с доплатой: как США стимулируют страны Восточной и Южной Европы отказаться от советского вооружения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/729913-sovetskoe-oruzhie-ssha-vostochnaya-evropa> (дата обращения 22.03.2020).

безопасности и обороны ЕС (*Permanent Structured Cooperation*), а также нежеланием США раньше запланированного ими срока демонстрировать эту конкуренцию общественности.

Представители министерств обороны ведущих стран Евросоюза стараются не нагнетать ситуацию и высказываются крайне осторожно¹. Минобороны ФРГ, к примеру, «оценивает... американскую инициативу продажи собственного оружия Хорватии и другим странам как не имеющую большого значения в военно-стратегическом плане». Более того, Германия «принципиально приветствует инициативы, предназначенные для расширения доступа европейских стран-партнеров к современному оружию западной сборки. Это касается и отдельных случаев, в которых приобретение американской оборонной продукции пока не укрепляет общие подходы по... европейски[м] структур[ам], к примеру в отношении цели сокращения разнообразия типов оборонной продукции».

Эксперты указывают на то, что США хотят сдержать самостоятельное развитие ПЕСКО, которое, как утверждается в восточноевропейских странах, является в первую очередь помощью крупным западноевропейским оборонным концернам и практически не учитывает интересы малых и средних стран ЦВЕ [5]. В свою очередь сторонники ПЕСКО и Европейского оборонного фонда напоминают о прежних призывах американцев усилить европейский взнос на оборону Запада, что, по их мнению, и будет сделано с помощью возможного выделения Фонду тринадцати миллиардов евро с 2021 по 2027 г. на оборонные исследования и проекты².

Исходя из этого, Евросоюзу принципиально, аргументируют сторонники интеграции в военной сфере, понять и согласовать необходимые шаги для максимально возможного сохранения и защиты прежних лидерских позиций, повышения эффективности индивидуальных и коллективных действий. Ведь численность армий всех членов ЕС в настоящее время выше американской, а совокупный взнос на оборону не превышает 60% от средств, выделяемых США. Что касается боеспособности армий государств-членов, то многие эксперты оценивают ее только в 10% по сравнению с американскими вооруженными силами. Логично, что в общественно-политическом дискурсе постоянно ставятся вопросы об оснащении современной техникой и критикуется множество параллельных стандартов.

Промежуточный результат ПЕСКО пока не столь оптимистичен, хотя речь идет о финансировании на условии соучастия не менее трех государств ЕС уже 47 проектов в сфере обороны³. К значимым следует отнести создание европейского беспилотника, патрульного корабля и кооперацию в отражении кибер-атак. Благодаря эпидемии коронавируса чрезвычайно актуальной стала немецкая инициатива о Европейском медицинском командовании в Кобленце⁴.

В связи с этим эксперты пока довольно сдержанно пишут о ПЕСКО⁵. С одной стороны, подчеркивается верность выбранного направления; с другой – имеются сомнения, касаемые скорости и незначительного объема финансирования. Не стоит забывать, что после создания ПЕСКО и учреждения Европейского оборонного фонда споры на политическом уровне продолжились.

¹ Особенно в контексте участия в ПЕСКО государств, не входящих в ЕС. Последнее обстоятельство стало актуальным из-за Брексита. Кстати, Бельгия, Нидерланды и Люксембург оказались наиболее заинтересованными сторонами в допуске Великобритании к партнерству в ПЕСКО (Beer J. Machen 34 Projekte die EU verteidigungsfähig? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/pesco-machen-34-projekte-die-eu-verteidigungsfahig-16083341.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2; дата обращения 12.03.2020), хотя одновременно с этим появилось опасение столкнуться с дополнительным давлением США, полное исключение которых из проектов ПЕСКО не представлялось возможным.

² Предложение Еврокомиссии прозвучало в июне 2018 г. и касалось следующего бюджетного периода: Verteidigung: Europäische Kommission ebnet den Weg für erste gemeinsame Industrieprojekte im Rahmen des EU-Haushalts, Straßburg, 12. Februar 2019 (Europäische Kommission – Pressemitteilung). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/de/IP_19_1050 (дата обращения 10.04.2020).

³ Mergener H.-U. PESCO – Nun 47 Projekte. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esut.de/2019/11/fachbeitraege/politik-fachbeitraege/16720/pesco-nun-47-projekte/> (дата обращения 02.04.2020).

⁴ К задачам *European Medical Command* относятся мониторинг количества имеющихся койко-мест и «лабораторий для диагностики высоко инфекционных микробов» в каждой из стран-участниц проекта, разработка логистики перенаправления пациентов в кризисных ситуациях, а также схем взаимодействия медицинского персонала. Число специалистов, задействованных в проекте, пока составляет 14 человек. В конце 2021 г. оно должно быть увеличено до 30.

⁵ Béraud-Sudreau L., Efstathiou Y.-S., Hannigan C. Keeping the momentum in European defence collaboration: an early assessment of PESCO implementation (May 2019, The International Institute for Strategic Studies). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iiss.org (дата обращения 15.02.2020).

Финляндия, к примеру, настаивала на сокращении финансового наполнения Фонда до 6 млрд евро¹. Представители левых в Европарламенте засомневались в законности Фонда, поскольку тот, по их мнению, противоречит Лиссабонскому договору, в котором, утверждают они, содержится прямой запрет направлять денежные средства из бюджета ЕС на военные расходы. Официальную позицию Комиссии, согласно которой Фонд содействует исследовательским проектам и развитию новых систем вооружений, укрепляет Внутренний рынок, левые, при необходимости, могут попытаться оспорить в судебном порядке.

Остается и обвинение в «новом раунде самообслуживания оборонного лобби», озвученное «зелеными». Тем более типичная французская аргументация, согласно которой благодаря ПЕСКО сохраняются рабочие места, организуется эффективный технологический трансфер из военной в гражданскую сферу, из-за мероприятий, предпринимаемых официальным Парижем, заставляет партнеров обращать внимание французов на то, что именно они активно поддерживают собственный ВПК и поэтому препятствуют расширению числа участников т.н. значимых проектов.

Не ясны и границы использования новой техники, без чего ее теперешняя модернизация остается не до конца продуманной. У. фон дер Лайен еще в бытность министром обороны Германии предполагала, что у ЕС получится ограничиться ближайшим европейским окружением², но такая позиция едва ли учитывает конкурентную борьбу за лидерство и вызванные ею будущие тренды.

Наряду с попытками координировать сотрудничество на европейском уровне нужно помнить и о том, что проходят национальные реформы [6; 7]. В программных документах, посвященным им, поставлены очень амбициозные задачи: например, в рамках новой «Стратегии космической обороны» Франция выстраивает объединенное космическое командование, с помощью которой она намеревается осуществлять не позднее 2030 г. «активную оборону»³. При этом у страны только 12 военных спутников. В то время как США располагают около 170 военными спутниками, а Россия – около 80. Несмотря на это, министр обороны Франции Ф. Парли заявила о сути «активной обороны»: «Если наши спутники будут подвергаться угрозе, мы можем принять решение об ослеплении спутников наших противников... Это может означать применение мощных лазеров, которые будут направлены либо с наших спутников, либо с наших патрульных наноспутников»⁴.

Эксперты возражают: лазеры и высокоэнергетические системы можно размещать и на земле⁵. Не стоит забывать, подчеркивают они, что потенциальные противники будут совершенствовать маневренность и защитные функции спутников. Однако точка зрения экспертов, по всей видимости, мало интересует официальный Париж.

В этих условиях на декабрьском саммите НАТО в 2019 г. принято решение объявить «космос оперативной областью» Альянса⁶. Естественно, речь идет лишь об обмене информацией, а не о размещении соответствующих натовских систем в космосе, потому что США самостоятельно работают над лучевым оружием.

¹ Less money for the European Defence Fund. Is it serious? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bruxelles2.eu/2019/12/less-money-for-the-european-defence-fund-is-it-serious/?lang=en> (дата обращения 01.03.2020).

² 13 ноября 2017 г. У. фон дер Лайен в интервью ARD, первому каналу немецкого телевидения, заметила: «Мы должны намного лучше взять в собственные руки безопасность и оборону, поскольку проблемы, которые Европа имеет в своем окружении, никто нам не решит. За них нам придется приниматься самостоятельно и находить решения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tagesschau.de/ausland/vonderleyen-pesco-101.html> (дата обращения 12.02.2020).

³ Florence Parly dévoile la stratégie spatiale française de défense // <https://www.defense.gouv.fr/actualites/articles/florence-parly-devoile-la-strategie-spatiale-francaise-de-defense> (дата обращения: 15.01.2020). Текст стратегии см.: Stratégie spatiale de défense 2019 (Rapport du groupe de travail «Espace». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.defense.gouv.fr/content/download/563618/9727385/Strate%CC%81gie%20spatiale%20de%20de%CC%81fense%202019.pdf> (дата обращения 15.01.2020).

⁴ Déclaration de Mme Florence Parly, ministre des armées, sur la stratégie spatiale de défense, à la Base aérienne 942 de Lyon le 25 juillet 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vie-publique.fr/discours/268578-florence-parly-25072019-strategie-spatiale-de-defense> (дата обращения: 18.03.2020).

⁵ Известно, что в конце марта 2019 г. Индия ликвидировала один из своих спутников запущенной с земли ракетой. Не является тайной и то, что системами уничтожения спутников располагают Россия, США и Китай.

⁶ London Declaration. Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London 3-4 December 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (дата обращения 17.03.2020).

Интересно и другое: страны, принципиально готовые выступить против милитаризации космоса, вынуждены, следуя союзническим обязательствам, поддерживать противоположные позиции. Германия в Совбезе ООН проголосовала в ноябре 2019 г. против резолюции, внесенной Россией и Китаем¹, о запрете размещения вооружения в космосе. Что касается оборонных систем с искусственным интеллектом, то ситуация схожая: министр иностранных дел ФРГ Х. Маас выступает против их применения, но, поскольку французы не собираются отказываться от разработок в этой сфере, Федеративная Республика во имя франко-германской солидарности воздерживается от публичного выражения своего мнения.

В связи с этим надежды экспертов на международные соглашения по космосу, по использованию искусственного интеллекта в военных целях вряд ли оправдаются. Подобные соглашения появляются, как правило, только после овладения ведущими акторами технологиями.

Ситуация еще больше усложнится, если вспомнить о текущих модернизационных работах, к примеру о предстоящей модернизации построенного в 2001 г. авианосца «Шарль де Голль», срок использования которого истекает в конце 30-х гг. XXI в. Проблема кроме высокой стоимости (от 1,5 до 4,5 млрд евро без учета самолетов) заключается в том, что каждые семь лет авианосец должен около 1,5 лет находиться на профилактическом ремонте, что сокращает его совокупную боеспособность до 60%. Получается, что в силу различных причин Франция не может обойтись без авианосца, но в то же время не способна из-за финансовых трудностей построить и эксплуатировать два корабля данного класса, чтобы полностью гарантировать национальные интересы. Подобные примеры наблюдаются в той или иной конфигурации практически во всех странах Евросоюза.

Помимо вышеотмеченного существуют трудности в производственной кооперации. Известно, что Германия и Франция конструируют боевой танк (проект «*Main Ground Combat System*»²), который согласно их планам должен стать стандартной моделью в Евросоюзе и заменить существующие 17 моделей. В свою очередь поляки хотят получить доступ к технологиям³ и готовы также участвовать во франко-германском проекте, против чего, по всей видимости, из-за американской роли в Польше и политики Варшавы, выступают французы. Если же учитывать конкуренцию на рынке вооружения, то дать системный анализ будет еще сложнее.

Подведем некоторые промежуточные итоги, осознавая, что реформы производства и рынка вооружений в ЕС далеки от завершения.

¹ Еще в 2008 г. Россия и Китай выступили с совместной инициативой заключить договор о запрете размещения вооружений в космосе, запрете угрозы и применения силы против космических объектов. См. дополнительно: РФ и Китай озаботят ООН вопросом недопустимости размещения американского оружия в космосе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newsru.com/world/12feb2008/kosmos.html> (дата обращения 28.01.2020); Гаврилов Ю., Петров И. Космос военным не игрушка. Желание США разместить оружие в космическом пространстве приведет к новой гонке вооружений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2015/11/06/kosmos.html> (дата обращения 28.01.2020); Литвинова М. «Главные соперники»: в США заявили о «планах» России и Китая использовать космос в военных операциях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian.rt.com/world/article/556876-ssha-militarizaciya-kosmos-rossiya> (дата обращения 28.01.2020); Россия и Китай выступили за предотвращение гонки вооружений в космосе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20190605/1555299443.html> (дата обращения 28.01.2020).

² «Специфический риск в контексте программы *MGCS*, – подчеркивает К. Рябов, – связан с взаимодействием стран-разработчиков. Необходимо напомнить, что это уже не первая попытка создать совместный проект основного танка для нескольких стран. Предыдущий подобный проект провалился, в результате чего Франции пришлось создавать свой «Леклерк», а Германия разработала «Леопард-2». Пока нет никаких гарантий, что компания *KNDS* сможет довести очередную идею «международного» танка до желаемых результатов» (Рябов К. *KNDS Main Ground Combat System*: новая попытка создания «международного» танка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://topwar.ru/149551-knds-main-ground-combat-system-novaya-popytka-sozdaniya-mezhdunarodnogo-tank.html>; дата обращения 30.01.2020).

³ О переструктурировании оборонной промышленности Польской Республики свидетельствует создание подконтрольного Минобороны страны и состоящего из более чем 60 предприятий государственного холдинга «Польская группа вооружений» (*Polska Grupa Zbrojeniowa*). Цель холдинга – техническое оснащение собственной армии и продвижение польской продукции на международный рынок вооружений. О трудностях кооперации см.: Müller B. Die Hürden für Europas gemeinsamen Kampfpanzer. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/ruesten-fuer-europa-huerden-fuer-den-gemeinsamen-kampfpanzer-16439321.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2 (дата обращения 3.04.2020).

Во-первых, ни ЕС, ни входящие в него государства уже многое не определяют и едва ли будут определять в мире, «[е]сли политическая элита... [не] начнет работать над согласованной программой первоочередных реформ в Евросоюзе» и не будет «выработан новый консенсус относительно того, что является социальным стандартом в XXI в., что государство может и должно делать, чтобы этот стандарт гарантировать, при каких условиях оно имеет право изменять стандарт, увеличивая или уменьшая его, где границы солидарности общества и какова роль в этом различных общественных сил, а также где государство может управлять солидарностью, где и почему ему должно быть запрещено в этом участвовать, когда должна происходить передача национальных полномочий в этом проблемном комплексе в Брюссель, и должна ли эта передача носить постоянный характер» [8, с. 86-87]. Без нового социального консенсуса, основы всех остальных реформ, государства ЕС не смогут действовать в оборонной сфере свободно и планомерно. Им придется периодически сталкиваться с трудностями в финансировании и реагировать ситуативно, что, конечно, увеличит влияние военных концернов, но снизит ценность конечного результата.

Во-вторых, реформы национальных армий, модернизация военной техники, налаживание кооперации в рамках ЕС и с государствами-партнерами, согласование будущего НАТО, выстраивание по-новому отношений с США происходят параллельно и довольно бессистемно, следствием чего являются слабо предсказуемый конечный результат и сознательное принижение рисков, поскольку в неравномерном течении большинства процессов оценить верно и непредвзято вызываемые реформами проблемы и опасности не представляется возможным. Именно поэтому многие предостережения экспертов не находят отклика у политиков.

В-третьих, несмотря на то, что направления и области модернизации военной техники определены, многие государства не пойдут на сотрудничество по самым перспективным вооружениям и технологиям¹. Национальный эгоизм и конкуренция продолжают оказывать свое влияние в ЕС. Сотрудничество, таким образом, возможно либо в традиционной сфере, например по обычным видам вооружений, о чем свидетельствует франко-германский танковый проект, либо там, где для автономной работы не будет хватать финансирования. Равноправная кооперация с большим количеством участников будет скорее исключением из правил, а партнеры с менее милитаризированной политической культурой и (или) меньшим политическим весом будут вынуждены отказываться от самостоятельности. Впрочем, последнее не означает, что национальный ВПК лишится рычагов давления на правительства². В ситуации бессистемного реформирования ВПК, наоборот, имеет неплохие шансы на успех при лоббировании своих интересов³.

В-четвертых, существует реальная угроза гонки вооружений, обосновываемая якобы имевшим место отставанием в оснащении национальных армий, декларируемой необходимостью европейской кооперации, защитой западных ценностей и достижений. Особенность этого этапа гонки вооружений будет, по всей видимости, заключена среди прочего в том, что накопление

¹ От нежелательной конкуренции любую страну в ЕС защищает ст. 346b Договора о функционировании Евросоюза, согласно которой «каждое государство-член имеет право принять необходимые, по его мнению, меры, для сохранения своих существенных интересов в сфере безопасности в той степени, в какой они касаются производства оружия, боеприпасов, военных материалов или торговли ими» (Amtsblatt der Europäischen Union, C 326/194, 26.10.2012). Очевидно, что ст. 346b и разрешаемое ею объявление производства определенных видов вооружения «ключевыми отраслями» затрудняет сотрудничество в оборонной сфере.

² Неслучайно Нидерланды объявили кораблестроение ключевой отраслью промышленности. Об образовании франко-итальянского объединения верфей см.: Stx, Italia e Francia con il 50% a testa. Ma Fincantieri in maggioranza per dodici anni. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.repubblica.it/economia/2017/09/27/news/cantieri_naval_telecomunicazioni_tv_e_spazio_tra_francia_e_italia_un_intesa_su_4_punti-176616852/ (дата обращения 05.04.2020).

³ При этом могут возникать довольно парадоксальные прецеденты. Бундесвер, например, не устроило качество немецкого автомата *HK416*, французы же закупили эту модель и сделали ее стандартной: Frankreichs Armee kauft deutsche Gewehre. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.n-tv.de/politik/Frankreichs-Armee-kauft-deutsche-Gewehre-article18714841.html> (дата обращения 10.04.2020); Sturmgewehr HK 416: Französische Soldaten schießen jetzt mit deutschen Gewehren. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rp-online.de/panorama/ausland/sturmgewehr-hk-416-franzoesische-soldaten-schiessen-jetzt-mit-deutschen-gewehren_aid-17753509 (дата обращения 10.04.2020); Weisswange J.-P., Geiger W. System Sturmgewehr Bundeswehr – Entscheidung 2020 erwartet. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://esut.de/2019/10/meldungen/ruestung2/15992/system-sturmgewehr-bundeswehr-entscheidung-2020-erwartet/> (дата обращения 10.04.2020).

и совершенствование вооружений не станет (за редким исключением) обосновываться всеми участниками коллективного Запада наличием какого-то конкретного противника¹.

В-пятых, любая гонка вооружений увеличивает опасность малых войн и военных конфликтов. Ведь число вызовов и угроз в мире не ослабевает. Пополненные арсеналы, лоббирование со стороны ВПК могут подтолкнуть к участию в большем количестве военных и миротворческих операциях.

В-шестых, России в этих условиях требуется не только действовать на опережение и выдвигать соответствующие дипломатические инициативы, о чем граждане страны неоднократно могли слышать, но и активнее присутствовать в интеллектуальном дискурсе западных стран, участвуя на экспертном уровне и на открытых площадках в обсуждении имеющихся на Западе и предназначенных для собственной общественности предложений и идей, поскольку просветительская сторона (информация о российской позиции) – это только половина необходимой работы. Новый вариант будущего проекта коллективного Запада, в том числе и в отношении безопасности, не должен созреть в тепличных условиях.

Литература

1. Bach O. Ein Ende der Geschichte? Entstehung, Strukturveränderungen und die Temporalität der Globalisierungssemantik seit dem Zweiten Weltkrieg // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2020. Heft 1. S. 128-154.
2. Приходько О.В. США – Европа: китайский фактор и пределы трансатлантической солидарности // США & Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 4. С. 5-30.
3. Wead D. Donald Trump: die wahre Geschichte seiner Präsidentschaft – mit bisher noch nie da gewesenem Zugang zum Präsidenten, seiner Familie und seinen engsten Beratern. München: Finanz Buch Verlag, 2020. 489 S.
4. Мак-Нил У. В погоне за мощью: Технология, вооруженная сила и общество в XI – XX веках М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008. 456 с.
5. Strauß L., Lux N. Europäische Verteidigungspolitik – Diskurse in und über Polen und Frankreich: Think-Tank-Publikationen 2017-2018 // SWP-Zeitschriftenschau- 2019. Nr. 1. S. 2-4.
6. Синдеев А.А. Национальный уровень европейской безопасности // Европа между трех океанов: монография / Под общ. ред. Ал.А. Громыко и В.П. Федорова. М.: ИЕ РАН; С.-Пб.: Нестор-История, 2019. С. 528-545.
7. Чихачев А.Ю. Военная политика Франции при Эммануэле Макроне: основные тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 8. С. 82-90.
8. Синдеев А.А. Германия и будущая модель европейского государства // Вестник ЗабГУ. 2020. Т. 26. № 2. С. 82-89.
9. Арбатов А.Г. Грядет ли гонка без правил? (Ядерное сдерживание в отсутствие контроля над вооружениями) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 5. С. 24-35.
10. Батюк В.И. Новая российско-американская гонка ядерных вооружений // США & Канада: экономика, политика, культура. 2020. № 2. С. 78-96.
11. Громыко Ал.А. Мир вокруг Европы // Европа между трех океанов: монография / Под общ. ред. Ал.А. Громыко и В.П. Федорова. М.: ИЕ РАН; С.-Пб.: Нестор-История, 2019. С. 49-71.

Sindeev Alexei Aleksandrovich, Doc. Sci. (History), Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (11-3в, Mohovaya Str., Moscow, 125993, Russian Federation). E-mail: a_sin74@mail.ru.

ON SOME PROBLEMS OF COOPERATION OF THE EU IN THE FIELD OF DEFENSE AND SECURITY

Abstract

The article analyzes the problems that are currently being solved by the leading countries of the European Union in the formation of defense and security policies at the national, interstate and supranational levels. Thanks to this analysis, promising trends were highlighted and recommendations were made regarding a possible Russian response to the meaningful setting of a future interaction strategy by the participants of the collective West. Using the material and conclusions of the article will allow us to more efficiently build appropriate management processes

¹ «США и Россия, – пишет академик А.Г. Арбатов, – стоят на пороге новой масштабной гонки вооружений, причем, в отличие от периода холодной войны, эта ракетноядерная гонка будет дополнена соперничеством по наступательным и оборонительным стратегическим вооружениям и ракетам средней дальности в неядерном оснащении, а также развитием космического оружия и средств кибервойны. К тому же, гонка вооружений станет многосторонней, вовлекая, помимо США и РФ, также КНР, страны НАТО, Индию и Пакистан, Северную и Южную Корею, Японию и др.» [9, с. 28]. См. также: [10; 11].

aimed at containing and reformatting undesirable phenomena, track the evolution of state models in the countries of the European Union and determine the limits of cooperation between European partners with each other.

Keywords: *European Union, defense, security, struggle for world leadership, cooperation in the field of defense and security, Franco-German cooperation, military-industrial complex, permanent structured cooperation.*

References

1. Bach O. Ein Ende der Geschichte? Entstehung, Strukturveränderungen und die Temporalität der Globalisierungsssemantik seit dem Zweiten Weltkrieg // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2020. Heft 1. P. 128-154.
2. Prikhod'ko O.V. SShA – Evropa: kitaiskii faktor i predely transatlanticheskoi solidarnosti // SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2019. № 4. P. 5-30.
3. Wead D. Donald Trump: die wahre Geschichte seiner Präsidentschaft – mit bisher noch nie da gewesenem Zugang zum Präsidenten, seiner Familie und seinen engsten Beratern. München: Finanz Buch Verlag, 2020. 489 p.
4. Mak-Nil U. V pogone za moshch'yu: Tekhnologiya, vooruzhennaya sila i obshchestvo v XI – XX vekakh M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2008. 456 p.
5. Strauß L., Lux N. Europäische Verteidigungspolitik – Diskurse in und über Polen und Frankreich: Think-Tank-Publikationen 2017-2018 // SWP-Zeitschriftensschau- 2019. Nr. 1. P. 2-4.
6. Sindeev A.A. Natsional'nyi uroven' evropeiskoi bezopasnosti // Evropa mezhdru trekh okeanov: monografiya / Pod obshch. red. Al.A. Gromyko i V.P. Fedorova. M.: IE RAN; S.-Pb.: Nestor-Istoriya, 2019. P. 528-545.
7. Chikhachev A.Yu. Voennaya politika Frantsii pri Emmanuele Makrone: osnovnye tendentsii // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. № 8. P. 82-90.
8. Sindeev A.A. Germaniya i budushchaya model' evropeiskogo gosudarstva // Vestnik ZabGU. 2020. T. 26. № 2. P. 82-89.
9. Arbatov A.G. Gryadet li gonka bez pravil? (Yadernoe sderzhivanie v otsutstvie kontrolya nad vooruzheniyami) // Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2019. № 5. P. 24-35.
10. Batyuk V.I. Novaya rossiisko-amerikanskaya gonka yadernykh vooruzhenii // SShA & Kanada: ekonomika, politika, kul'tura. 2020. № 2. P. 78-96.
11. Gromyko Al.A. Mir vokrug Evropy // Evropa mezhdru trekh okeanov: monografiya / Pod obshch. red. Al.A. Gromyko i V.P. Fedorova. M.: IE RAN; S.-Pb.: Nestor-Istoriya, 2019. P. 49-71.

УДК 323:327

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-213-218

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ СПЕЦСЛУЖБ РОССИИ СОВРЕМЕННЫМ ФОРМАМ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

**Тишкин
Дмитрий
Николаевич**

зам. начальника кафедры тактико-специальной подготовки,
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД РФ
(347340, Россия, г. Волгодонск, ул. Степная, 40). E-mail: dntishkin@list.ru

**Крицкая
Анна
Александровна**

кандидат политических наук, доцент кафедры политологии
и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская,
70/54). E-mail: enigmaann@bk.ru

**Солдатов
Николай
Федорович**

начальник кафедры тактико-специальной подготовки,
Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД РФ
(347340, Россия, г. Волгодонск, ул. Степная, 40). E-mail: slatvn3@mail.ru

Аннотация

В статье анализируются взаимосвязь гибридной войны, сочетаемой с различными формами организованной преступности, с такими понятиями как элита, «пятая колонна», «цветная революция», экстремизм, терроризм, дезинформация, политические и экономические санкции. Авторами предлагаются определенные политико-правовые решения, направленные на эффективное противодействие современным формам организованной преступности, в целях обеспечения национальной безопасности.

Ключевые слова: *национальная безопасность, власть, элита, организованная преступность, экстремизм, терроризм, война, гибридная война, «пятая колонна», цветная революция.*

Достоверным и исторически доказанным со времен Древнего Рима представляется факт наличия таких форм организованного насилия как преступность и война в их различных проявлениях, свойственных той эпохе. В свою очередь, методология экстремизма и терроризма тоже формировалась на протяжении множества веков, а история человеческой цивилизации тесно закрепила и связала различные формы этих негативных явлений с такими понятиями как ужас, насилие, война, убийства, разрушение, преступность, шантаж, устрашение и другими.

При этом, неизменная на протяжении столетий сущность войны сводится, прежде всего, как к «пути обмана» (Сунь-Цзы) и «продолжения политических отношений ... иными средствами» (К. Клаузевиц). Если на начальной стадии генезиса войны боевые действия сопровождались ожесточением, проявляющимся в виде террора, то уже в I веке н.э. зафиксировано применение террористических методов в качестве ее альтернативы, продолжающееся и по сей день.

Многими экспертами и учеными отмечена тесная взаимосвязь экстремизма, характеризующегося экстремальными (крайними) политическими мерами и взглядами, подпитываемыми «терроризм идейно и духовно», и дающими возможность перерасти в своей крайней «точке» (форме) в терроризм [1]. Соответственно рассматривая генезис организованной преступности, исследователи в настоящее время выделяют экстремизм и терроризм как разновидность ее форм [2].

Руководитель военной разведки России системно и объективно оценил политический вектор глобального Запада и США в качестве «генератора» мировых проблем, пронизавших и симбиотично скрепивших наркоторговлю, терроризм и экстремизм, трансформировавших «международный терроризм в разновидность транснациональной организованной преступности» (далее – ТОП), завуалированно используя «знамя» борьбы за «чистый ислам»¹.

Профессором С.И. Кузиной отмечается неизбежность «эскалации международного терроризма» при продолжении западными странами и США (во главе с Великобританией) своей агрессивной политики, а самое понятие терроризма ей определено как «нелегальное политическое насилие, несимметричный ответ меньшинства на угрозу большинства», выделив в качестве его приоритетного направления «устрашение гражданского населения» [3], при этом выбрав основной внутренней «горячей точкой» для России – Северный Кавказ [4].

Профессор С.А. Воронцов, опираясь на оценки Национального антитеррористического комитета России (далее – НАК) констатирует, что «вероятность проявлений террористической угрозы в мировом пространстве не уменьшается» [5, с. 109], отмечая сохранение сложной ситуации на территории Юга России.

Профессор И.П. Добаев, являющийся экспертом по радикальному исламу, в своих исследованиях подчеркивает проблему существования молодого поколения Северного Кавказа в качестве питательной среды для «распространения и воплощения экстремистских идей», а как приоритетные направления государственной политики противодействия выделяет необходимость следующих мероприятий: «разработки молодежной политики», учитывающей «синтез молодежных и исламистских проблем», построенной на «идейном фундаменте российского патриотизма» [6]; эффективное противодействие в первую очередь «коррупции, казнокрадству и клановости»; «формирование основ современной национальной идеологии»; «сведению на нет внешнего влияния» [6], усиливающего и подпитывающего экстремистские и террористические проявления. По мнению эксперта, при сочетании всего комплекса указанных мер и «совместных усилий власти и гражданского общества» возможно достижение реального положительного результата в укреплении «фронта борьбы с терроризмом», иначе «антитеррористическая деятельность будет буксовать» [6].

Изучая проблемы, связанные с экстремизмом (особенно религиозным), экспертами объективно отмечается целесообразность использования для прогнозирования связанных с ним деструктивных процессов метода индикаторов, а также повышенная опасность его сращивания с государственной властью и ТОП [7].

Группой исследователей для минимизации факторов эскалации этнополитической напряженности на Юге страны выдвинуты следующие предложения: госконтроль за СМИ, препятствующий этнизации преступных деяний и бытовых проблем; государственное регулирование миграционных процессов (особенно внешних) с одновременным снижением их коррупционной составляющей [8].

Представители ростовской элитологической школы профессора А.В. Понеделков и С.И. Кузина в своем исследовании указывают на «процесс эволюции общественного сознания», особенно выделяя возрастание следующих факторов: «опасность социального взрыва и

¹ Тезисы выступления начальника Главного управления Генерального штаба И.Д. Сергуна на 4-й Московской конференции по международной безопасности на тему: «Глобальная безопасность: коренная трансформация или создание новых правил игры?» 16.04.2015. Тема выступления: «Горячие точки» глобальной борьбы с терроризмом». // URL: <https://aftershock.news/?q=node/310028&full> (дата обращения: 02.09.2020).

обоюдного насилия»; негативного отношения социума к «вседозволенности элит»; «продолжение политики купирования социальных лифтов»; «недостаточное освещение характеризующих нашу страну позитивных событий»[9].

Экспертами ЮРИУ РАНХиГС в 2019 году на базе социологического исследования[10, с. 5-28] обозначено ряд уязвимостей для российского государства и общества перед террористической угрозой, из которых ярко обусловлены такие как «либеральные взгляды», «отсутствие единой государственной платформы (идеологии)», «социальное неравенство и расслоение общества», «применение террористами новых информационных технологий», скрытное внешнее финансирование «разного рода правозащитных организаций», «попытки инспирирования цветных революций», деятельность радикально-религиозных группировок и зарубежных спецслужб[11], деструктивно влияющая на внутренние и внешние политических процессы. По результатам ранее проведенного исследования в 22 регионах РФ (фактически оценка российской элиты с позиций меритократического подхода), выявлены определенные тенденции, указывающие на несоответствие истеблишмента как должным параметрам профессиональных компетенций, так и духовно-нравственным идеалам, а, самое важное, отсутствие «нацеленности на национальные интересы» [12].

Военный специалист Ф. Хоффман (США), трактует комплексное понятие «гибридная война» как активные действия «любого противника, использующего одновременно сочетание обычных вооружений, эпизодической тактики, терроризма и преступного поведения в секторе боевых действий»¹, а, главное, как политический инструмент. Позиция, выработанная российским высшим военным руководством, сводится к возможности нейтрализации действий наших геополитических «партнеров», пытающихся масштабно и системно использовать дезинформационные механизмы, гуманитарные, экономические, политические и иные меры (без боевого применения), «сочетая их с протестным потенциалом (радикально и враждебно настроенного) населения»². При этом в попытках осуществления «цветных революций» глобальные акторы используют любые информационные платформы, начиная от «ручных» средств массовой информации, заканчивая келейным потенциалом «пятой колонны», скрытно воздействуя на психологическую сферу населения, а особенно на лиц, находящихся во властной вертикали (истеблишмент)³.

В этой связи, академик А.И. Фурсов, методологически верно вводит термин «психоисторическая война» – «целенаправленное, систематическое и долгосрочное воздействие на общественное сознание и подсознание определённой группы (властной и интеллектуальной элиты) общества-мишени или общества в целом с целью провести классовое и/или цивилизационное перекодирование»[13, с. 18-19]. По мнению эксперта в условиях нарастающей неопределённости, необходимым (но недостаточным) условием победы в этой войне будет «создание нового комплекса дисциплин о человеке и обществе», так как «духовные факторы становятся главными производственными»[13, с. 22-23], выводя при этом вероятностную формулу — «победителем в XXI в. будет тот, кто упадёт последним»[13, с. 22-23].

Таким образом, понятие «гибридной агрессии/войны» «высвечивает» скрытые взаимосвязи, включающих в него терминов, таких как дезинформация, элита, «пятая колонна», экстремизм, терроризм, «цветная революция», достижение политических целей, организованная преступность, санкции политического и экономического характера [14, с. 142].

Многообразный спектр негативных процессов, продуцируемых различными формами организованной преступности (включая экстремизм и терроризм), находится под постоянным контролем Президента России В.В. Путина, в этой связи, с учетом геополитической компоненты и указанных факторов в 2015 скорректирована Стратегия национальной безопасности⁴, обозначившая реальные источники угроз, на встрече с лидерами БРИКС заявлено о неизменной позиции РФ по осуждению и недопустимости при противодействии «международным террористическим группировкам двойных стандартов ... заигрывания с использованием их для достижения

¹ MCIS-2019: «Цветные» революции и «гибридные» войны. 27.04.2019 // URL: <http://veche-info.ru/main-themes/6009> (дата обращения: 02.09.2020).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. Федеральный выпуск. 31.12.2015.

геополитических целей»¹, утвержден «Комплексный план противодействия идеологии терроризма на 2019-2023 гг.»² и Стратегия противодействия экстремизму до 2025 года³ и другое.

20.02.2020 Президентом РФ отмечена позитивная тенденция в борьбе ФСБ с террористическими проявлениями (статистика преступных действий террористической направленности 2018 год – 9, 2019 год – 4, при этом предотвращено 2018 год – 36, 2019 год – 57, включая 34 теракта), одновременно акцентируя внимание на положительных сдвигах по таким направлениям как сотрудничество с зарубежными коллегами, пресечение каналов финансирования террористических группировок, выявление и ликвидация «спящих ячеек» террористов⁴.

Более глубокий анализ преступлений террористического характера можно сделать, основываясь на статистических данных Генеральной прокуратуры РФ за последнее десятилетие: зарегистрировано преступлений (2018 год – 1679, 2019 год – 1806, по состоянию на июль 2020 года – 1419 (+28,1%), учитывая пиковое значение 2016 год – 2227); выявлено лиц (2018 год – 753, 2019 год – 718, по состоянию на июль 2020 года – 362 (+0,8%), учитывая пиковое значение 2017 год – 873); предварительно расследовано (2018 год – 748, 2019 год – 844, по состоянию на июль 2020 года – 542 (+11,8%), учитывая пиковое значение 2019 год – 844); не раскрыто (2018 год – 791, 2019 год – 871, по состоянию на июль 2020 года – 584 (+37,7%), учитывая пиковое значение 2016 год – 1349); направлено в суд (2018 год – 567, 2019 год – 629, по состоянию на июль 2020 года – 447 (+28,8%), учитывая пиковое значение 2019 год – 629)⁵.

Сведения по преступлениям экстремистского характера за последнее десятилетие из того же источника представлены следующим образом: зарегистрировано преступлений (2018 год – 1265, 2019 год – 585, по состоянию на июль 2020 года – 524 (+41,2%), учитывая пиковое значение 2017 год – 1521); выявлено лиц (2018 год – 894, 2019 год – 445, по состоянию на июль 2020 года – 305 (+19,1%), учитывая пиковое значение 2017 год – 972); предварительно расследовано (2018 год – 1188, 2019 год – 454, по состоянию на июль 2020 года – 322 (+33,6%), учитывая пиковое значение 2017 год – 1294); не раскрыто (2018 год – 123, 2019 год – 58, по состоянию на июль 2020 года – 108 (+248,4%), учитывая пиковое значение 2015 год – 815); направлено в суд (2018 год – 958, 2019 год – 370, по состоянию на июль 2020 года – 280 (+37,9%), учитывая пиковое значение 2017 год – 1109)⁶. Статистика в своих «сухих» цифрах свидетельствует о сохраняющемся уровне угроз национальной безопасности России, создаваемых функционированием организованного криминала, в различных его проявлениях.

У представителей экспертного сообщества зафиксирована неизменная позиция о необходимости непримиримой борьбы с любыми формами организованного криминала, однако как справедливо отмечает профессор С.А. Воронцов главным проблемным аспектом «отечественной безопасности и правопорядка» (ФСБ, МВД, Следственного комитета, Генеральной прокуратуры и др.) является «независимость от граждан и их защищенности» и использование «формальных показателей, придуманных ими же» [15, с. 431-432] в качестве целеполагания. Проблемы, связанные с объективной и комплексной оценкой эффективности функционирования спецслужб и иных государственных органов, остаются актуальными и по сей день.

Эксперт, имеющий опыт практической деятельности в нескольких спецслужбах (КГБ, ФСБ, МВД и ФСКН), А.Г. Михайлов (генерал-майор ФСБ и генерал-лейтенант МВД) давая объективную оценку реформирования «силового блока» за последние десятилетия констатирует, что «реформы 90-х в армии и в органах безопасности и в МВД взрывали системы обеспечения

¹ Путин В. Выступление на встрече лидеров БРИКС. – Президент России. Официальный сайт. 30.11.2018 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/59272> (дата обращения: 02.09.2020).

² Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019 – 2023 годы (утвержден Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 г. № Пр-2665) // URL: nac.gov.ru/print/zakonodatelstvo/ukazy-prezidenta/kompleksnyy-plan-protivodeystviya-ideologii.html (дата обращения: 02.09.2020).

³ Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/62660.html/> (дата обращения: 02.09.2020).

⁴ Тезисы выступления В.В. Путина 20.02.2020 на заседании коллегии ФСБ по итогам 2019 года // Официальный сайт Президента России // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62834> (дата обращения: 25.08.2020).

⁵ Показатели преступности России // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики // URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 02.09.2020).

⁶ Там же.

безопасности и правопорядка изнутри и потом приходилось собирать структуры по кусочкам» [15, с. 432], одновременно актуализируя необходимость «революционных изменений» не только в МВД и ФСБ, но и в судебной системе и прокуратуре, сопровождаемое восстановлением институтов общественного контроля за деятельностью указанных систем¹.

В целом, учитывая факты использования глобальными акторами (США и Великобритания) различных форм организованной преступности при решении геополитических задач в формате «гибридной войны», представляются целесообразными следующие политико-правовые решения: спланировать общество на платформе государственной (национальной) идеи, воссоздавая «суверенную денежную систему» и следуя заявленной Президентом РФ стратегии «рывка», развитие национальной промышленности [16, с. 163], устраняя тем самым социальное неравенство и расслоение общества; реформирование госорганов и спецслужб, основанное на общественном контроле; разработка на базе ведомственных (с учетом наличия сведений, составляющих гостайну) и гражданских научно-исследовательских институтов, а также с привлечением ветеранов спецслужб и гражданского общества, объективной «оценочной шкалы» эффективности функционирования «силового блока», сопровождаемая созданием госструктур, комплексно противодействующих гибридной агрессии.

Литература

1. Воронцов С.А. О слабых звеньях в системе предупреждения экстремизма и терроризма // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 9(100). С. 108-114.
2. Богданов А.В., Ильинский И.И., Хазов Е.Н. Терроризм и экстремизм как одна из форм организованной преступности // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 136-141.
3. Кузина С.И. Террор и терроризм: общее и особенное // Философия права. 2010. № 4(41). С. 36-40.
4. Понеделков А.В., Кузина С.И. Система внешних и внутренних угроз национальной безопасности России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 3. С. 106-113.
5. Воронцов С.А. Терроризм 2016: новые вызовы и угрозы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. №3. С.108-113.
6. Добаев И.П. Основные направления усиления противодействия терроризму в молодежной среде России в идеологической сфере // Россия и мусульманский мир. 2018. № 3(309). С. 5-14.
7. Шувалов А.П., Тишкин Д.Н. Актуальные вопросы применения метода индикаторов в оперативно-розыскном прогнозировании в сфере противодействия религиозному экстремизму // Юристъ-Правоведъ. 2019. № 1(88). С. 167-174.
8. Shakhbanova M.M., Velikorodnaya I.V., Starostin A.M., Tishkin D.N., Samygin S.I. THE FACTORS OF ESCALATION OF ETHNO-POLITICAL TENSION IN THE SOUTH OF RUSSIA // В книге: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Сер. "Contributions to Economics" Switzerland, 2020. С. 405-415.
9. Понеделков А.В., Кузина С.И. Перспективы элит в условиях развития культурной глобализации // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4(33). С. 221-226.
10. Воронцов С.А., Понеделков А.В. Противодействие идеологии терроризма: по материалам социологических (полевых) исследований в Ростовской области. // Противодействие идеологии терроризма: информационно-аналитические материалы круглого стола с международным участием. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 2019. 352 с.
11. Воронцов С.А., Понеделков А.В. О возможных направлениях повышения эффективности противодействия идеологии терроризма // Власть. 2020. Т. 28. № 2. С. 183-189.
12. Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира. Информационно-аналитические материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием / Локота О.В., Шутов А.Ю., Еремеев С.Г., Понеделков А.В. и др. Ростов н/Д: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2019. 288 с.
13. Фурсов А.И. Психоисторическая война, реальная картина мира и новая сетка обществоведческих дисциплин // В сб.: Высшее образование для XXI века: роль гуманитарного образования в контексте технологических и социокультурных изменений XV Международная научная конференция. Доклады и материалы. В 2-х частях. Под общей редакцией И.М. Ильинского. 2019. С. 18-23.
14. Тишкин Д.Н., Бобровнич А.А., Караваев Е.С. Симбиоз элитологических аспектов организованной преступности и гибридной войны // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 8(123). С. 140-143.

¹ Генерал ФСБ: коррупционеров в спецслужбах надо судить как за измену Родине // Еженедельник «Аргументы и Факты» № 32 07.08.2019. URL: https://aif.ru/society/safety/general_fsb_korruptionеров_v_specsluzhbah_nado_sudit_kak_za_izmenu_rodine (дата обращения 25.08.2020).

15. Воронцов С.А. Спецслужбы России: учебник. 3-е изд., доп. и пер. Ростов н/Д, 2012. 443 с.
16. Тишкин Д.Н., Артюхин О.А., Крицкая А.А. К вопросу о технологии гибридной войны: проблемы организованной преступности // Философия права. 2020. №1(92). С. 157-164.

Tishkin Dmitriy Nikolayevich, Deputy Head of the Department of Tactical and Special Training of the Volgograd Branch of Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation (40, st. Stepnaya, Volgograd, 347340, Russian Federation). E-mail: dntishkin@list.ru

Kritskaya Anna Aleksandrovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics, South Russian Institute of Management - branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, st. Pushkinskaya, Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: enigmaann@bk.ru

Soldatov Nikolay Fedorovich, Head of the Department of Tactical and Special Training, Volgograd Branch of Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation (40, st. Stepnaya, Volgograd, 347340, Russian Federation). E-mail: sldatvn3@mail.ru

POLITICAL ASPECTS OF COUNTERING THE SPECIAL SERVICES OF RUSSIA TO MODERN FORMS OF ORGANIZED CRIME

Abstract

The article analyzes the relationship of hybrid warfare, combined with various forms of organized crime, with such concepts as elite, "fifth column", "color revolution", extremism, terrorism, disinformation, political and economic sanctions. The authors propose certain political and legal solutions aimed at effectively countering modern forms of organized crime in order to ensure national security.

Keywords: national security, power, elite, organized crime, extremism, terrorism, war, hybrid warfare, "fifth column", color revolution.

References

1. Voroncov S.A. O slabyh zven'yah v sisteme preduprezhdeniya ekstremizma i terrorizma // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2018. № 9(100). P. 108-114.
2. Bogdanov A.V., Il'inskiy I.I., Hazov E.N. Terrorizm i ekstremizm kak odna iz form organizovanoj prestupnosti // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 3. P. 136-141.
3. Kuzina S.I. Terror i terrorizm: obshchee i osobennoe // Filosofiya prava. 2010. № 4(41). P. 36-40.
4. Ponedelkov A.V., Kuzina S.I. Sistema vneshnih i vnutrennih ugroz nacional'noj bezopasnosti Rossii // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS. 2011. № 3. P. 106-113.
5. Voroncov S.A. Terrorizm 2016: novye vyzovy i ugrozy // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. 2016. №3. P. 108-113.
6. Dobaev I.P. Osnovnye napravleniya usileniya protivodejstviya terrorizmu v molodezhnoj srede Rossii v ideologicheskoy sfere // Rossiya i musul'manskij mir. 2018. № 3(309). P. 5-14.
7. Shuvalov A.P., Tishkin D.N. Aktual'nye voprosy primeneniya metoda indikatorov v operativno-rozysknom prognozirovanii v sfere protivodejstviya religioznomu ekstremizmu // Yurist"-Pravoved". 2019. № 1(88). P. 167-174.
8. Shakhbanova M.M., Velikorodnaya I.V., Starostin A.M., Tishkin D.N., Samygin S.I. THE FACTORS OF ESCALATION OF ETHNO-POLITICAL TENSION IN THE SOUTH OF RUSSIA // V knige: Public Administration and Regional Management in Russia. Challenges and Prospects in a Multicultural Region. Ser. "Contributions to Economics" Switzerland, 2020. P. 405-415.
9. Ponedelkov A.V., Kuzina S.I. Perspektivy elit v usloviyah razvitiya kul'turnoj globalizacii // Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura. 2012. № 4(33). P. 221-226.
10. Voroncov S.A., Ponedelkov A.V. Protivodejstvie ideologii terrorizma: po materialam sociologicheskikh (polevyh) issledovanij v Rostovskoj oblasti. // Protivodejstvie ideologii terrorizma: informacionno-analiticheskie materialy kruglogo stola s mezhdunarodnym uchastiem. Rostov n/D: Izd-vo YURIU RANHiGS. 2019. 352 p.
11. Voroncov S.A., Ponedelkov A.V. O vozmozhnyh napravleniyah povysheniya effektivnosti protivodejstviya ideologii terrorizma // Vlast'. 2020. T. 28. № 2. P. 183-189.
12. Rossijskaya elitologiya: innovacionnye otvety na vyzovy sovremennogo mira. Informacionno-analiticheskie materialy Tret'ego Vserossijskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiem / Lokota O.V., Shutov A.YU., Ereemeev S.G., Ponedelkov A.V. i dr. Rostov n/D: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2019. 288 p.
13. Fursov A.I. Psihoistoricheskaya vojna, real'naya kartina mira i novaya setka obshchestvovedcheskikh disciplin // V sb.: Vysshee obrazovanie dlya XXI veka: rol' gumanitarnogo obrazovaniya v kontekste tekhnologicheskikh i sociokul'turnykh izmenenij XV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya. Doklady i materialy. V 2-h chastyah. Pod obshchej redakciej I.M. Il'inskogo. 2019. P. 18-23.
14. Tishkin D.N., Bobrovnich A.A., Karavaev E.S. Simbioz elitologicheskikh aspektov organizovannoj prestupnosti i gibridnoj vojny // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2020. № 8(123). P. 140-143.
15. Voroncov S.A. Specsluzhby Rossii: uchebnik. 3-e izd., dop. i per. Rostov n/D, 2012. 443 p.
16. Tishkin D.N., Artyuhin O.A., Krickaya A.A. K voprosu o tekhnologii gibridnoj vojny: problemy organizovannoj prestupnosti // Filosofiya prava. 2020. №1(92). P. 157-164.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ ПОДДЕРЖКИ СРЕДНЕГО И МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

**Черкасова
Татьяна
Павловна**

доктор экономических наук, профессор, декан факультета политологии, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: tcherkasova@uriu.ranepa.ru

**Шубина
Любовь
Викторовна**

преподаватель кафедры политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54);
директор по развитию Ростовского областного отделения Общероссийской общественной организации малого и среднего предпринимательства «Опора России» (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, 143-145, оф. 34). E-mail: lshubina@uriu.ranepa.ru

Аннотация

В статье представлен анализ категориальной определенности понятия публичная политика, позволивший уточнить ее сущность с точки зрения политической науки. На основе систематизации концептуальных подходов к анализу публичной политики через призму роли общественных организаций в ее разработке выделены три ключевых теории: - научно-обоснованной бюрократии; - концепция организации; - теоретический концепт школы публичного управления. Данные теории публичной политики позволили определить эффективные модели и инструментарий ее реализации для практики политического управления и регулирования современных национальных обществ. В качестве примера был проанализирован американский опыт использования общественных организаций поддержки малого и среднего предпринимательства, который позволяет США занимать лидирующие позиции в мировых рейтингах. Исследование российской практики участия общественных организаций (на примере РОО «Опора России») в разработке и реализации публичной политики, позволило выявить слабые места и определить направления совершенствования с учетом адаптации американского опыта к национальным условиям.

Ключевые слова: публичная политика, общественные организации, гражданское общество, предпринимательство, институты, поддержка малого и среднего бизнеса, «Опора России», органы власти, политическая сфера.

Современные глобальные тренды мировой политики демонстрируют, что основным вектором развития национальных держав является демократизация политических процессов, ориентированная на развития гражданского общества. Данное обстоятельство обуславливает необходимость пересмотра сущностной составляющей механизма разработки и реализации государственной политики в направлении повышения степени ее транспарентности и публичности.

Политическая практика прошлого XX века характеризуется революционной вехой, которая состоит в переосмыслении роли органов власти и их целевой функции в общественном развитии гражданского общества. Революция в политической науке и практике состояла в признании необходимости государственного вмешательства в рыночную экономику, посредством государственного управления, администрирования и регулирования, а также увеличении средств (способов) и возможностей государственного воздействия на все сферы жизни общества.

С конца XX века западноевропейские державы научились бороться с кризисами и минимизировать их последствия как для социально-экономической, так и политической сфер общества. Рубежной вехой в усилении роли органов власти в регулировании общественного развития национальных держав стала Великая депрессия 1929 – 1933 гг., которая продемонстрировала неготовность политического руководства всех стран мира реализовывать антикризисные программы и использовать инструментарий государственной политики для его преодоления.

Сегодня ситуация изменилась коренным образом. Политические элиты передовых держав располагают обширным прямым и косвенным инструментарием воздействия и контроля над политическим, экономическим, социальным и культурным кризисом. Данный факт обусловлен тем, что современные общества являются управляемые и регулируемые со стороны

государственной политики, основная цель которой как раз и состоит в сглаживании циклов общественного развития, вызванных факторами различной природы. Доказывает данный тезис, например, мировой финансово-экономический кризис 2008-2010 гг., который обладал не только экономическими, но и политическими последствиями, которые не удалось преодолеть до сегодняшнего дня. При этом следует отметить, что последствия могли быть более тяжелыми и болезненными для национальных держав и мировой системы в целом, если бы не меры государственной антикризисной политики.

Важно отметить, что для передовых западноевропейских держав корректнее говорить не о государственной, а о публичной политике, поскольку субъектом ее разработки является не только государство в лице органов власти всех уровней, но и институты гражданского общества. От степени развития в рамках страны гражданского общества, зависит степень публичности разрабатываемой и реализуемой государственной политики.

Концептуальной основой теории публичной политики традиционной считаются три подхода [1]:

- научно-обоснованная теория бюрократии;
- концепция организации;
- теоретический концепт школы публичного управления.

Прикладное использование моделей публичной политики и ее инструментария реализуемое в рамках трех концептуальных подходов определило потенциал сущностного определения категории публичной политики и практики политического управления и регулирования современных национальных обществ.

Выявлено, что сущностная составляющая англоязычной и русской версией публичной политики не позволяет использовать дословный перевод. Так категорию «public» традиционно переводят как государственный, общественный, социальный. На наш взгляд, не один из переводов не отражает политической сущности. Следует пользоваться категорией публичный, понимая совместное использование усилий, ресурсов возможностей государства и политически активно части общества (социально активных групп).

В этой связи термин «public policy» важно переводить именно как публичную политику, а не социальную. Традиционный перевод социальная политика имеет с политической точки зрения значительно более узкий контекст, т.е. рассматривается как один из множества видов государственной или публично политики в одной социальной сфере, затрагивающей медицину, культуру, образование и т.д. Использование в качестве перевода «public policy» словосочетания государственная политика также не корректно, в силу того, что в этом случае мы рассматриваем в качестве субъекта разработки и реализации политики только органы власти федерального, регионального и муниципального уровня. Перевод общественная политика не в полной мере отражает категориальную сущность «public policy», поскольку акцентирует внимание на политике общественного развития или с участием общества, в то время как публичная политика предполагает вовлечение отдельных групп политических интересов, имеющих институциональное оформление и определенный интеллектуальный и экспертный потенциал для принятия решений по разработке и реализации политики в конкретной сфере общественного развития, например поддержке малого и среднего предпринимательства. Термин общественный явно шире чем публичный и не отражает политических реалий привлечения общества к управлению государством через выработку политики.

Важно также отметить, что в английской политической терминологии понятие «политика» так же не является единым, и может быть использовано в трех формах [2]:

1. Polity – политическая сфера, разграничивающая политику и непосредственно гражданское общество. Понимая условность и динамичность границы между данными сферами, детерминированной временем, местом, традициями.
2. Politics – политическая деятельность, которая, прежде всего, предполагает политическую конкуренцию и состязательность.
3. Policies – публичное действие, что означает процесс разработки и принятия определенной программы политических действий.

Следует подчеркнуть тот факт, что ученые-исследователи и политики-практики по-разному подходят к трактовке понятия «публичная политика». Политики-практики трактуют ее уже, акцентируя внимание на ее результативности.

Необходимо учитывать при разработке публичной политики и выборе инструментария ее реализации конкретные политические характеристики страны, среди которых [3]:

- особенности социально-экономического и политического развития, в том числе с учетом исторической специфики;
- тип политического режима, господствующего в стране;
- сформированность и тип политической культуры;
- обеспеченность собственными ресурсами: кадровыми,
- финансовыми, природными и иными;
- сложившаяся политическая ситуация и наличие проблем
- политического характера.

Систематизация и критический анализ существующих концепций публичной политик позволяет определить ее как собой систему взаимосвязанных и взаимодействующих акторов национальной политико-административной элиты, включающей как органы власти всех уровней, так и общественные институты гражданского общества, деятельность которых направлена на выработку и реализацию политических решений общественно значимых национальных проблем и конфликтов с учетом выбранных на данном историческом этапе приоритетов развития с учетом глобальных трендов мировой политики и ресурсно-экономической составляющей национальных возможностей страны. Данное системное определение позволяет акцентировать внимание на публичности акторов, ответственных за разработку политики, которая достигается включением в их число на равноправной основе институтов гражданского общества, при сохранении доминанты органов власти при принятии политических решений. Кроме того, подчеркивается публичность решаемых по средством политики вопросов – это обязательно общественно значимые вопросы, связанные с приоритетами национального развития и национальной безопасности.

Можно выделить следующие отличительные признаки-характеристики национальной публичной: демократичность, транспарентность, общественный характер, ориентация на реализацию национально-общественных интересов, привлечение общественных организаций, как институтов гражданского общества, к разработке политических решений относительно общественного развития.

На сегодняшний день, опираясь на уже существующие исследования феномена публичной политики, справедливо заметить, что не существует четкого понимания инструментов публичной политики. С одной стороны, это связано с многообразием подходов к определению самой публичной политики, а с другой – с отсутствием четких границ реализации публичной политики, что в свою очередь, дает право предполагать о незавершенности процесса изучения феномена, а, следовательно, и о невозможности структурировать инструменты.

Механизмы публичной политики принято классифицировать на: организационные, нормативно-правовые, социальные, институциональные, политические, судебные, экономические, информационные и др.

Когда мы говорим о группах интересов, то мы понимаем, что обычные граждане, почувствовавшие, что с их объединением решаются масса задач, как раз-таки и составляют гражданское общество. В своем стремлении решить важные проблемы, в нежелании замалчивать сложности они являются яркими представителями активного политического участия.

Общественные организации, являясь носителями интересов политически активной части общества, выступают институтами гражданского общества, которые готовы включаться в разработку и реализацию публичной политики. В результате публичная политика приобретает такие характеристики, как транспарентность, открытость, гласность, обсуждаемость, последовательность, реализуемость, общественная подконтрольность.

Считаем целесообразным, обращаясь к мировому опыту участия общественных организаций в разработке и реализации публичной политики, рассмотреть в качестве примера Соединенные Штаты Америки (США). Подобный выбор обусловлен тем, что США на протяжении длительного исторического периода и по сей день занимает лидирующие места в мировых рейтингах инновационности и конкурентоспособности, демонстрируя тем самым результативность своей публичной политики в сфере национального развития. Отличительной особенностью американской экономики является высокая доля участия малого и среднего бизнеса в создании ВВП [4, с. 31]. Именно эта особенность обеспечивает инновационность национальной экономики и соответствующие топовые позиции в мировых рейтингах.

В этой связи американский опыт публичной политики поддержки малых и средних предприятий особенно значим для российской политики.

Соединенные Штаты, как на уровне Федерального Правительства, так и на уровне правительств штатов реализуют активные меры публичной поддержки бизнеса через программы льготных государственных и коммерческих кредитов, займов и субсидий для инфраструктурных проектов, а также снижения налоговой нагрузки для приобретения нового оборудования, земельных участков и объектов недвижимости для малого и среднего бизнеса. С целью выработки эффективных мер публичной политики в США созданы общественные организации поддержки бизнес-структур как объединения политически активных предпринимателей. Одной из мер поддержки, которую удалось лоббировать подобным объединениям предпринимателей стали экспортно-импортные льготы в ряде приоритетных сфер.

Общественные организации поддержки малого и среднего предпринимательства имеют многовековую историю развития. Например, Национальная ассоциация промышленников (англ. National Association of Manufacturers) – крупнейшая общественная организация, объединяющая (в основном крупные) компании-производители США.

Исторически первой американской общественной организацией, ориентированной на поддержку малого и среднего бизнеса страны, в том числе посредством активного политического участия в разработке национальной публичной политики стала образованная в 1895 г. Национальная ассоциация промышленников. Основной задачей ассоциации стало лоббирование интересов бизнес-структур в Конгрессе США при принятии важных законопроектов и выработке публичной политики, затрагивающей интересы крупных промышленных корпораций. Ассоциация имеет разветвленную сеть, представленную ее отделениями во всех штатах. Сегодня в структуре ассоциации насчитывается более двадцати тысяч фирм.

Значимым моментом в развитии механизма разработки публичной политики в сфере поддержки предпринимательства является 1953 г., когда была сформирована американская Ассоциация малого бизнеса (Small Business Administration, SBA).

Традиционно в США используется две программы поддержки малого и среднего бизнеса:

- программы общего направления;
- программы целевого характера.

В рамках программ целевого характера активно используется система грантов. Грантодателем выступает по большей части Федеральное Правительство. Основными информационными источниками по грантовой поддержке малого и среднего предпринимательства выступают официальные сайты правительственных структур такие, как Grants.gov и USA.gov.

Особым вектором американской поддержки малого и среднего бизнеса стало инновационное предпринимательство. Подобный приоритет выделяется в публичной политике всех развитых стран мира, что обусловлено прохождением ими постиндустриального этапа, характеризующегося цифровыми технологиями в экономике, праве и политике. Особенности американской модели является способ организации поддержки малого инновационного предпринимательства путем формирования зон инновационно-внедренческих кластеров.

Ярким примером успешной региональной кластеризации США в инновационной сфере является «Силиконовая долина» (штат Калифорния) как сотрудничество венчурного капитала и научно-исследовательских центров и малых инновационных предприятий. Эта агломерация представляет собой совокупность 87 тысяч различных малых и средних компаний, взаимодействующих более чем с 50 научно-исследовательскими организациями и университетами, а также с около 200 венчурными фондами и 800 коммерческими банками [5, с. 108].

В рамках публичной кластерной политики с целью поддержки малого и среднего инновационного бизнеса предусмотрено два направления [6]:

1) Программа инновационных исследований малого бизнеса (Small business innovation research program – SBIR), реализуемая в рамках институтов гражданского общества, в частности, Администрацией малого бизнеса на условиях софинансирования с крупными федеральными агентствами поддержки малого инновационного бизнеса, имеющими бюджет более 100 млн. долларов. Поддержка распространяется на национальные коммерческие предприятия, находящиеся на стадии стартапов, в сфере высоких технологий, экспорто-ориентированных производств и в ряде приоритетных отраслей американского развития, обеспечивающих конкурентоспособность и инновационность позиций США в международных рейтингах. Финансирование

не распространяется на стадии коммерциализации производства, а также вывода и продвижения новой продукции на рынок;

2) Государственная программа передачи технологий малому бизнесу (Small business technology transfer program – STTR), ориентирована на помощь малым бизнес-структурам, вовлеченным в научно-исследовательские и опытно-технологические процессы в рамках кластерных структур совместно с национальными вузами. Суть программы состоит в том, что государство финансирует научно-исследовательские проекты, а интеллектуальная собственность по их результатам закрепляется за университетами и малыми инновационными предприятиями, которые должны вывести новые изобретения на стадию коммерциализации и тиражирования.

Можно выделить несколько этапов в становлении и развитии публичной политики поддержки малого и среднего предпринимательства в США.

1. Этап становления и первых проб датируется 1980-м г. В этот момент была образована американская сеть центров развития малого и среднего бизнеса (SBDC), целевой функцией, которой стала организация инфраструктурной поддержки и сопровождения бизнес-структур в части консалтингового сервиса. Энергетический кризис со своей стороны модернизировал публичную политику, сместив приоритет в сферу поддержки инновационного бизнеса, способствующего решению проблемы энергезависимости. Нормативно-правовой базой публичной политики в сфере поддержки инноваций стал принятый в 1982 г. закон «О развитии малого инновационного предпринимательства».

2. Этапом развития публичной политики поддержки малого и среднего предпринимательства в США можно считать период, начиная с 1996 г., когда Администрацией малого бизнеса принимается новый концепт поддержки бизнес-структур, доминантами которого были приняты минимизация регулятивного воздействия на бизнес и устранение институционально-административных барьеров. Принимаемые нормативно-правовые акты органами власти всех уровней должны проходить общественную экспертизу.

Что касается инструментария поддержки, то он тоже трансформируется вместе с концептом, выдвигая на передний план косвенные способы, ориентированные на приоритет кредитования над безвозмездной финансовой помощью, с одной стороны, и смещение акцента в сферу экспорто-ориентированных бизнес-структур, с другой.

Второй этап также характеризуется формированием новых институтов поддержки, в частности появляется институт национального омбудсмана (Office of National Ombudsman) при Администрации малого бизнеса¹.

3. Этап цифровой трансформации публичной политики поддержки малого и среднего предпринимательства в США датируется 2004 г., когда на базе электронного правительства создается специализированный портал в сети интернет SBA-Net. Аналогов данному портальному решению в мировой практике организации он-лайн диалога органов власти с бизнес-сообществом не было.

Портальное решение SBA-Net является цифровой моделью, позволяющей моментально, эффективно и бесплатно решать ряд вопросов малого и среднего бизнеса.

Современная российская практика демонстрирует, что двумя основными российскими общественными организациями поддержки малого и среднего бизнеса стали «ОПОРА России» и «Российский союз промышленников и предпринимателей». Их успешная деятельность в течение почти 20 лет доказала значимость и роль для развития страны.

Общероссийскую общественную организацию малого и среднего предпринимательства «ОПОРА России» сформировали представители национального бизнеса 18 сентября 2002 г.

Цели общественной организации «ОПОРА России» состоят в²:

- формировании благоприятных политических, экономических, правовых и иных условий развития предпринимательской деятельности в РФ;
- формировании в РФ полноценного «среднего класса» как элемента гражданского общества;
- обеспечении прав и законных интересов малого и среднего предпринимательства;

¹ An Official Website of the United States Government [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sba.gov/content/small-business-innovation-research-program-sbir-0. – (Дата обращения: 29.01.2019).

² Направления деятельности РОО «ОПОРА России» Официальный интернет-портал правовой информации <https://opora.ru/about/napravleniya-deyatelnosti/>

- формирование позитивного общественного отношения к предпринимательству как виду человеческой активности, представителям малого и среднего предпринимательства как субъектам экономической деятельности и общественной группе;
- конструктивном взаимодействии малого и среднего предпринимательства с органами государственной власти РФ;
- налаживании сотрудничества между предпринимательскими организациями во всем мире;
- инновационное развитие национальной экономической системы.

Реализуя уставные цели, Организация действует, прежде всего, в интересах своих членов, в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации решает, в частности, следующие задачи:

- осуществляет деятельность по защите прав и свобод человека и гражданина, правовому просвещению, повышению экономической и финансовой грамотности;
- осуществляет разработку и общественную экспертизу проектов нормативных правовых актов, в области предпринимательской деятельности и экономики;
- оказывает организационную, информационную и консультативную помощь членам Организации;
- оказывает безвозмездно или на льготных условиях юридическую помощь членам Организации, при наличии возможности – также иным гражданам, индивидуальным предпринимателям, коммерческим и некоммерческим организациям;
- проводит научно-исследовательские работы, социологические, политологические и исторические исследования;
- осуществляет общественную аккредитацию образовательных программ;
- участвует в конкурсах на получение средств государственной поддержки, в том числе социально-ориентированных проектов, организует их реализацию.

Таким образом, «ОПОРА России» и «Российский союз промышленников и предпринимателей» являются основными российскими общественными организациями, реализующими комплекс мер системного характера, стимулирующих малое и среднее предпринимательство в России. Данные российские общественные организации способствуют развитию малого и среднего бизнеса, созданию наиболее благоприятных условий для фирм.

Деятельность РОО «ОПОРА России» направлена на решение острых актуальных вопросов из самых разных сфер, с которыми сталкиваются российские предприниматели в своей повседневной практике ведения бизнеса: правовая защита, привлечение финансирования, получение государственной поддержки, налаживание деловых контактов внутри предпринимательского сообщества и многие другие.

РОО «ОПОРА России» является площадкой для эффективного профессионального диалога владельцев и руководителей предприятий малого и среднего бизнеса и представителей федеральных органов исполнительной власти, региональной власти и муниципалитетов, контролирующих органов, инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства, а также представителей экспертного сообщества.

При непосредственном участии РОО «ОПОРЫ России» был разработан и принят ряд федеральных законов: о защите конкуренции, о развитии малого и среднего предпринимательства, о льготной приватизации для малых предпринимателей, о введении добровольности ЕНВД, о введении моратория на плановые проверки в отношении малого бизнеса, о замене административного штрафа предупреждением при первичном выявлении правонарушения, для ИП в отдельных сферах введены «налоговые каникулы», создан реестр субъектов малого и среднего предпринимательства и др.

Экспертная и аналитическая деятельность РОО «ОПОРЫ России» нашла свое отражение в ряде правительственных решений: создана Правительственная комиссия по развитию малого и среднего предпринимательства, введена процедура оценки регулирующего воздействия, принята Стратегия развития МСП до 2030 г., малый бизнес признан приоритетным национальным проектом, и др. Результатом деятельности «ОПОРЫ России» становится прямая и косвенная поддержка малого и среднего предпринимательства в России.

В современных условиях все сильнее возрастает роль предпринимательства в национальной системе. И роль эта двояка, с одной стороны – в обеспечении устойчивого развития

страны и формировании достаточной финансово-экономической базы для реализации органами власти своих функций, с другой стороны – в активном участии в разработке и реализации публичной политики, путем формирования общественных организаций, союзов и ассоциаций бизнес-структур и предпринимателей [7].

Данные институты гражданского общества принимают активное участие в политической жизни общества, участвуют в осуществлении общественного контроля и организации публичных слушаний [8].

В настоящее время ведущие державы мира реализовали переход на инновационный тип развития, особенностью которого стали специализация на инновационных (наукоемких) товарах и услугах, передовых ресурсосберегающих технологиях, а также повсеместное внедрение инноваций как организационного характера (новая мотивация и цифровизация), так и производственного (новые роботизированные установки и оборудование, наноматериалы обладающие особыми качествами). Для реализации инновационного развития необходима сложившаяся система институтов, формирование которой остается ключевой функцией публичной политики.

Если обратиться к мировым рейтингам, то по ряду критериев России удалось достичь значений выше средних. Так, согласно данным ВЭФ по 4-м критериям из 12 наша страна в 2019 г. продемонстрировала достойный результат, в их числе «Размер рынка» (6-е место), «Высшее образование и профессиональная подготовка» (32-е место) «Инфраструктура» (35-е место) и «Инновационный потенциал» (49-е место). Оставшиеся 8 критериев национальной конкурентоспособности пока имеют значения ниже средних, так «Макроэкономическая стабильность» (53-е место), «Здравоохранение и начальное образование» (54-е место), «Технологизация» (57-е место), «Эффективность рынка труда» (60-е место), «Конкурентоспособность бизнеса» (71-е место), «Эффективность рынка товаров и услуг» (80-е место), «Публичные институты» (83-е место) и «Развитость финансового рынка» (107-е место)¹.

Данные рейтинга отражают неспособность национальной экономики инициализировать инновационный тип развития, что обусловлено сложившимся внутренним противоречием наличия достаточного инновационного потенциала и отсутствием его востребованности со стороны бизнеса.

Фактически Российское государство демонстрирует исчерпанность источников посткризисного восстановления на основе дозагрузки существующих мощностей, в связи с чем, возникает необходимость пересмотра публичной политики экономического развития России и ее трансформации с целью повышения национальной конкурентоспособности.

Такой подход предполагает переоценку имеющихся ресурсов и факторных ограничений российского развития, а также поиск новых институциональных образований, способных нивелировать последние и обеспечить перевод страны на инновационный вектор развития. Данные обстоятельства актуализируется значимость использования нового стимуляционного инструментария публичной политики как федеральным центром, так и региональными властями.

Модернизацию публичной политики необходимо реализовать по двум направлениям: 1) повышение инновационности системы органов власти через внедрение инноваций (в т.ч. цифровых технологий); 2) включение объектов публичной политики (бизнес, общественные организации и гражданские инициативы) в разработку институциональных реформ и условий по формированию инновационной – цифровой экономики [9].

Возникает необходимость анализа факторов и условий институциональной среды национального бизнеса (пока только 83 позиция по критерию качества институтов у России из 137 рейтингуемых стран) и переоценка используемых мер публичной политики. Отрицательное влияние современной публичной политики России на возможности инновационного развития, связаны с бюрократическим застоем и доминированием олигархического лобби на этапе ее разработки, что особенно ярко проявляется на региональном уровне.

В этой связи могут быть предложены следующие приоритеты публичной политики России:

1) наращивание российской конкурентоспособности в глобальном измерении в рамках ресурсосберегающих и экологизированных технологий «зеленой экономики», особенно для перерабатывающих отраслей, а также энергетического, транспортного и аграрного сектора;

¹ Составлено по: The Global Competitiveness Report. <https://www.weforum.org/reports/the-global-competitiveness-report>, 2018-2019; Global Innovation Index 2019. Energizing the World with Innovation <https://www.globalinnovationindex.org/gii-2019-report>.

2) обеспечение лидирующих внешнеэкономических позиций, повышение эффективности участия российской экономики в мировом разделении труда, развитие «синей экономики» в районах с водной акваторией;

3) внедрение модели инновационного развития новой для отечественной экономики, базирующейся на апробированном мировом опыте региональной кластеризации по типу «Силиконовой долины»;

4) создание условий наращивания человеческого потенциала в инновационной сфере;

5) развитие фундаментальной и отраслевой науки по пути цифровизации с целью внедрения для модернизации бизнес процессов;

6) создание и обновление инфраструктуры, и прежде всего в научно-технологической сфере, такой как информационно-коммуникационная, транспортно-логистическая, консалтинговая инфраструктура, посредством создания и государственной поддержки научно-технических центров, бизнес-инкубаторов, технопарков и региональных кластерных структур.

Таким образом, общественные организации должны обеспечивать разработку и реализацию публичной политики по формированию благоприятной институциональной среды для развития малого и среднего инновационного предпринимательства, что обеспечить вывод России на инновационный вектор развития, позволив встроиться в мировую политическую систему на равноправных переговорных условиях и обеспечить достаточность финансовых ресурсов для выполнения основных политических обещаний, ориентированных, в том числе на рост благосостояния населения страны.

Литература

1. Гурылина М.В. Факторы и эффективность политического участия граждан в условиях демократизации современной России // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 1. С. 69-77.
2. Мирошниченко И.В. Публичная политика как зонтичная концепция политической науки // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 62. С. 354-361. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/16426168> – (Дата обращения: 18.09.2020).
3. Heidenheimer A., Hecla H., Adams C. Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan. – New York: St. Martin Press, 1990. 416 p.
4. Уолтерс Дж.С. Качественная эволюция малого бизнеса. 4 ключа к успеху без необходимости расширения компании. М.: Баланс Бизнес Букс, 2018. 296 с.
5. Версоцкий Р.Р. Зарубежный опыт поддержки малого и среднего предпринимательства и возможности его применения в современной России // Управленческое консультирование. 2019. № 7. С. 108-115.
6. Solvell O., Lindqvist G., Ketels Ch. The Cluster Initiative Greenbook. Stockholm, 2003 // <https://www.hhs.se/contentassets/f51b706e1d644e9fa6c4d232abd09e63/greenbooksep03.pdf> (дата обращения: 21.09.2020).
7. Кайль Я.Я., Епинин В.С., Ламзин Р.М. Влияние бизнеса на процесс выработки органами публичной власти управленческих решений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. № 1. С. 43-48.
8. Вахтина М.А., Игнатова Т.В., Полянин А.В. Институциональный статус общественного обсуждения законопроектов в системе публичного управления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2018. № 6. С. 237-245.
9. Игнатова Т.В., Черкасова Т.П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2 (34). С. 5-14.

Cherkasova Tatiana Pavlovna, Doctor of Economic Science, Professor, Dean of the Faculty of Political Science, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: tcherkasova@uriu.ranepa.ru

Shubina Lyubov Viktorovna, Lecturer of the Department of Political Science and Ethnopolitics South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation); Development Director of the Rostov Regional Branch of all-russian non-governmental organization of small and medium business "OPORA Russia" (143-145, M. Gorky St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: lshubina@uriu.ranepa.ru

PUBLIC ORGANIZATIONS AS AN INSTITUTIONAL TOOL OF PUBLIC POLICY TO SUPPORT SMALL AND MEDIUM BUSINESSES IN RUSSIA

Abstract

The article presents an analysis of the categorical definition of the concept of public policy, which made it possible to clarify its essence from the point of view of political science. Based on the systematization of conceptual approaches to the analysis of public policy through the prism of the role of public organizations in its development, three key theories have been identified: - evidence-based bureaucracy; - the concept of the organization; - theoretical concept of the school of public administration. These theories of public policy have made it possible to determine effective models and tools for its implementation for the practice of political management and regulation of modern national societies. As an example, the American experience of using public organizations to support small and medium businesses was analyzed, which allows the United States to occupy a leading position in world rankings. The study of the Russian practice of participation of public organizations (on the example of the RPO "OPORA Russia") in the development and implementation of public policy made it possible to identify weak points and identify areas for improvement, taking into account the adaptation of the American experience to national conditions.

Keywords: public policy, public organizations, civil society, entrepreneurship, institutions, support for small and medium businesses, "OPORA Russia", authorities, political sphere.

References

1. Gurylina M.V. Faktory i effektivnost' politicheskogo uchastiya grazhdan v usloviyah demokratizatsii sovremennoj Rossii // Kontury global'nyh transformacij: politika, ekonomika, pravo. 2015. № 1. P. 69-77.
2. Miroshnichenko I.V. Publichnaya politika kak zontichnaya koncepciya politicheskoy nauki // Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik. 2017. № 62. S. 354-361. [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <https://cyberleninka.ru/article/n/16426168> – (Data obrashcheniya: 18.09.2020).
3. Heidenheimer A., Hecl H., Adams C. Comparative Public Policy: The Politics of Social Choice in America, Europe and Japan. – New York: St. Martin Press, 1990. 416 p.
4. Uolters Dzh.S. Kachestvennaya evolyuciya malogo biznesa. 4 klyucha k uspekhu bez neobhodimosti rasshireniya kompanii. M.: Balans Biznes Buks, 2018. 296 p.
5. Versockij R.R. Zarubezhnyj opyt podderzhki malogo i srednego predprinimatel'stva i vozmozhnosti ego primeneniya v sovremennoj Rossii // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. 2019. № 7. P. 108-115.
6. Solvell O., Lindqvist G., Ketels Ch. The Cluster Initiative Greenbook. Stockholm, 2003
// <https://www.hhs.se/contentassets/f51b706e1d644e9fa6c4d232abd09e63/greenbooksep03.pdf>
(data obrashcheniya: 21.09.2020).
7. Kajl' YA.YA., Epinin V.S., Lamzin R.M. Vliyanie biznesa na process vyrabotki organami publichnoj vlasti upravlencheskih reshenij // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2019. № 1. P. 43-48.
8. Vahtina M.A., Ignatova T.V., Polyanin A.V. Institucional'nyj status obshchestvennogo obsuzhdeniya zakonoproektov v sisteme publichnogo upravleniya // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. 2018. № 6. P. 237-245.
9. Ignatova T.V., CHERkasova T.P. Instituty i tekhnologii cifrovoj ekonomiki kak faktory innovacionnogo rosta Rossii // Drukerovskij vestnik. 2020. № 2 (34). P. 5-14.

**СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ В ПОВСЕДНЕВНОСТИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ,
САМОЗАНЯТЫХ И НАЁМНЫХ РАБОТНИКОВ**

**Бондарева
Ирина
Юрьевна**

докторант, философский факультет, Университет в Нови Саде
(Сербия, г. Нови Сад). E-mail: ibond.rs@gmail.com

Лобойко

независимый исследователь,

Дмитрий

директор Центра «Региональные исследования» (Россия, г. Москва).

Александрович

E-mail: d.loboyko@gmail.com

Аннотация

В статье изучены понятие, история социального времени, его особенности в повседневности современного общества. Также проанализированы иностранные источники, в которых исследуют повседневную жизнь людей разных профессий: предпринимателей, наемных работников, самозанятых и фрилансеров. Рассмотрены особенности самозанятых, влияющие на использование, восприятие времени и особенности фиксации этих особенностей и их рефлексии. В ходе исследования были выявлены принципы приоритетного планирования времени самозанятыми.

Ключевые слова: социальное время, работа, самозанятость, регулярная занятость, фриланс, свободное время, наемный работник, прекариат, труд.

В повседневной жизни пространство и время воображаются как что-то обыденное, явное и уже давно известное, не требующее рефлексии. Нас интересует не естественнонаучное, а так называемое «социальное время», которое в одном и том же месте и в одно и то же объективное время у разных людей может различаться. С точки зрения социологии повседневности – это рассмотрение особенно важно, так как касается обыденного, будто не замечаемого и не осознанного восприятия и использования времени – позволяет понять особенности социальной группы через то, что с точки зрения веберовской социологии, опирающейся на понятие социального действия, невозможно вычленишь, выявить и, тем более, изучать.

Время: линейное, циклическое, иное

Полагание времени как циклического движения почти убирает вопрос о его направлении, указывает В.Б. Касевич; так как при движении по кругу о начале возможно говорить только с известной долей условности.

Циклическое время, по формулировке В.Б. Касевича, «периодичность, воссоздание определенных структур, признаков, явлений». Для любого человека время его существования линейно. Для общества в целом жизненный путь человека «рождение – инициация – свадьба – похороны» суть такие же регулярно повторяющиеся события [8].

В сознании нынешнего городского жителя, который только опосредованно сопряжен с природой, преобладает линейное представление о времени, хотя сохраняется и циклическое. Время начинает восприниматься как... страница делового ежедневника.

Сформированная идея линейного времени хорошо совместима с индустриальным обществом, где сформировано ощущение истории, технологические и общественные перемены быстры и в определенных взаимоотношениях кумулятивны, заявляет Кирни. Данная идея тесно интегрирована с современными тенденциями, направленных на стремление к прогрессу и развитию человечества. Люди и общество осознают следующую вещь: то, что было сегодня, завтра может быть совсем иным [9].

Линейность времени сейчас тоже под сомнением. Настоящее время общества складывается из времени субъектов и процессов, которые принадлежат разным зонам и хроносам [2], пишут Гибсон и Конгк, опираясь на предложенное Жилем Делёзом разделение между вещами и бестелесными событиями и две модальности (образа) времени «глубинного» и «поверхностного», которые одновременно и дополняют, и исключают друг друга [1].

Теория осевого времени, внедренная Ясперсом, является концепцией осмысления цельности и единства истории. Осовое время описывает промежуток в истории человечества, в период которого мировоззрение людей в сторону мифологических сущностей изменилось на рациональное, осмысленное и философское мышление, позволяющих быть такими, какими есть сегодня [14].

С возникновением человека время обретает особенную форму – делается социальным. Социальное время (а не физическое научное) – понятие разнородное, измеряемое с точки зрения индивида, семьи, того или иного социума. Его отличительными особенностями считаются синхронизация и институализация, вызванные потребностью координировать совместные действия большого количества людей.

Формирование технологий ускоряет время, но кроме того делает его наиболее «плотным», насыщенным. Основным катализатором ускорения темпа жизни на сегодняшний день признается постоянно нарастающий процесс информатизации [14].

Тем самым, временные ресурсы крайне важны для людей. Их управление – острая задача каждого индивидуума. Наилучшим инструментом распределения временных ресурсов является бюджет времени, концепция которого была разработана и описана в исследовательской работе российского ученого В.Д. Патрушева [10].

В.Д. Патрушев подчеркнул «значимость учета того, что разделение времени в взаимоотношении оплачиваемой работы и занятий в беспрепятственное время в расчете на одного трудящегося в конкретной степени отображает уровень формирования производительных сил в стране и организации труда» [10].

Исходя из его теории, можно прийти к выводам о том, что использование свободного времени также должно быть эффективным. На сегодняшний день, во многих развитых странах мира средняя часовая неделя работы большинства людей составляет менее, чем 50 часов. Это примерно треть всего времени. Большая часть временных ресурсов остаются под контролем самих людей, которые могут его использовать для своего развития.

Поколения, безработица и время

Время – невосполнимый ресурс. Карл Маркс писал, что рабочие в производственных взаимоотношениях продают собственный труд. На сегодняшний день наемные работники зачастую реализуют не только собственный труд, но и собственное время.

Рассматривая прогресс производства при капитализме, Маркс предположил, что производительность труда рабочих должна приводить к прогрессу, а не упадку общества. Если бы рост производительности труда высвобождал трудовые ресурсы, то тогда бы большое число людей остались бы без работы. Это привело бы к революционным настроениям внутри общества. А чтобы их не было, необходима максимальная трудная занятость рабочего класса [12].

Джон Кейнс акцентирует внимание на таком виде безработицы, как технологическая, которая, по его мнению, «образовывается благодаря открытию средств экономить применяемый труд» [13].

Для него неоспорима вероятность сочетать повышение выпуска общественного продукта и экономии, высвобождение труда из производства.

Экономия труда рассматривается Кейнсом как источник безработицы и это перекликается с мыслью Маркса о возникновении излишнего населения в следствии технического прогресса. По мнению американского экономиста, освобождение рабочего времени может привести к кардинальным изменениям способа жизнедеятельности человека. Людям необходимо принимать решения о том, как использовать свой временный ресурс, который ранее был недоступен из-за более длительного периода рабочего времени. Необходимо научиться рационально и логично формировать свой свободный быт и использовать такую возможность [13].

По-разному распоряжаются временем люди разных поколений. Это возможно изучить через призму теории поколений Н. Хоуа и В. Штрауса. В ее основе – мнение о повторяющейся смене поколений с циклическими ценностями.

Они полагают, что «общественное поколение – это некая совокупность людей, рожденных в один двадцатилетний период и обладающих тремя общими аспектами: возрастное положение в истории, что предполагает под собою переживание одних и тех же исторических происшествий, единые верования и модели поведения и чувство причастности к данному поколению» [9].

«История формируется циклами, продолжительность каковых приблизительно одинакова длительности человеческой жизни, то есть примерно 80-90 лет. При этом один цикл состоит из четырех этапов, для любого из каковых свойственны какие-то конкретные установленные в мире ценности и традиции» [11].

Они выделяют несколько типов поколений:

- «строители» либо «победители»;
- «молчаливое поколение»;
- «беби-бумеры»;
- поколение X;
- юное поколение Y либо «миллениумы»;
- формирующееся поколение Z.

Авторы выделили четыре архетипа [3]:

- «идеалистов»;
- «реагирующих»;
- «гражданских»;
- «приспосаблиющихся».

Поколения, относящиеся к одному архетипу, имеют не только похожий возраст, но и несколько базисных установок по отношению к культуре, семье, времени и так далее. Их модель показывает различие в цене и ценности времени, как ресурса, для различных поколений.

Новые социальные классы, время и свобода

Ряд исследователей характеристику «креативный» чаще всего используют, добавляя слова «экономика» и «город» [2]. В обоих случаях базовым является утверждение о социальном феномене креативного класса – людей, обустривающих под себя новый «креативный мир» [3].

Само внедрение Р. Флорида данного термина является творческим и нетривиальным. Даже оппоненты этого концепта не предлагают особых понятийных альтернатив и критикуют аргументацию, но никак не тезисы-принципы Р. Флориды [7]. Одним из необходимых условий «креативности» является свобода. В том числе наличие времени, которым представители данного «класса» могут свободно распоряжаться. И речь в том числе о времени занятости.

Сам подход выделения прогрессивного социального слоя не является новым. В 60-х годах XIX века американец П. Друкер ввел термин «работник познания», а в 1973 г. Даниэль Белл заявил, что теоретическое знание становится все более важным фактором в экономике и потому формируется класс работников познания из ученых и инженеров [5].

В начале 90-х XIX века Р. Рейч утверждал, что экономическое будущее США зависит от «аналитиков-символистов», а не от прибыльности корпораций [4].

Но качества, которые выделяли все эти умы, не требуют особенных отношений со временем, в отличие от концепта Р. Флориды.

Экономист Гай Стэндинг описывает классовые взаимоотношения в XXI веке и процесс формирования новейшего трудового класса, занимающего предпоследнюю позицию перед нищими. Стэндинг называет его «прекариат» [6] – это социально-экономическая группа с тремя отличительными чертами:

- ее представители не обеспечены стабильными рабочими местами;
- кроме оплаты труда, они не приобретают дополнительных социальных гарантий;
- нередко лишены части гражданских прав, что есть у иных членов общества.

Факторами, ведущих к появлению прекариата, Стэндинг называет переход к гибким трудовым отношениям. Разрешение «взрывоопасной» ситуации он видит в так называемой «политике рая». Он фиксирует ответ на вышеупомянутый вопрос Маркса о «лишних людях», которые появляются в связи с высвобождением времени.

Явление самозанятых характерно не только для западного общества, где отношение к труду и занятости отличается от восточного. Так, в Японии получило распространение социальное явление неполной занятости – так называемые «фурита». Данный термин используется для того, чтобы определить категорию людей молодого возраста, которые имеют непостоянный доход. Часто, данное определение используется к выпускникам высших учебных заведений, которые в начале своей профессиональной карьеры не проявляют желание на официальное трудоустройство. В дальнейшем, данный термин переходит к другому своему аналогу – фриланс.

Явление упоминает Юкико М. Кацумата в своей статье «Японские меры социального обеспечения в поддержку вышедших на пенсию» [15].

Не полным, но аналогом фурита на Западе является так называемое поколение NEET или поколение ни-ни. Это сокращение от Not in Education, Employment or Training. Речь идёт о молодых людях, в возрасте 15-29 лет, которые в силу различных факторов экономического, социального или политического характера не работают и не учатся, которых британская Independent называет «потерянным поколением» экономического спада.

Время как ресурс, товар и проблема

У людей с разной организацией работы, понимание времени также различается. Проанализируем на примере предпринимателей, наемных работников, а также фрилансеров.

Предпринимательство – это самостоятельная, исполняемая на собственный риск работа, нацеленная на регулярное получение дохода, то есть на формирование и развитие своего бизнеса. Предприниматели, как никто иной, обязаны наиболее результативно распоряжаться собственным временем, и чем более усилий в данной сфере они делают, тем больше это идет на пользу их предприятию, точно также как и их индивидуальной жизни [8]. Время неповторимая субстанция – его невозможно копить, отдать, взять в аренду, купить. Для предпринимателей время – главный ресурс.

Наемный труд – наиболее массовый вариант занятости. Такого рода вариант наиболее стабильный, так как обещает социальные гарантии, однако в случае наемной работы, у людей минимальные возможности на использование своего свободного времени. Исходя из этого, фактически, каждый человек, выступающий наемным сотрудником, продает себя как товар/ресурс – трудовой, помимо профессиональных компетенций и навыков чего относится еще и их временной ресурс, находящийся в полном распоряжении работодателя/предприятия.

Термин «фрилансер» происходит от средневекового английского термина, дословно означающего «свободное копье». Ключевое преимущество данного рода занятости – это свободный график и полное управление своим свободным временем. Каждый человек имеет полное право на то, работать или нет. Он может брать разный объем работы и лишь после взятого заказа/обязанности проводить свою трудовую деятельность. Однако, фриланс имеет и ряд недостатков. Например, это отсутствие каких-либо социальных гарантий и защиты государства от безработицы и потери возможности трудоустройства. Также, это неравномерное распределение рабочего времени, но для многих индивидуумов это, наоборот, преимущество. Для фрилансеров время – это, конечно, и ресурс, и товар, но в большей степени это проблема.

Результативное управление временем уменьшает волнения и беспокойства, разрешая тем самым осуществлять оптимальные решения в краткие сроки. Выявлено, что определенные самозанятые работают более эффективно утром, прочие – днем, некоторые – по ночам.

В рамках нашего исследования был проведён качественный опрос 21 информанта (по семь предпринимателей, самозанятых и наемных работников) методом глубинного лейтмотивного интервью, показавший, что самозанятые в большей степени стремятся к восприятию времени как цикличного. А предприниматели ориентированы на его линейное восприятие. В отличие от наемных работников, самозанятые в большей степени акцентируют ценность времени и стараются управлять им.

Литература

1. *De Beistegui, Miguel*. The Deleuzian reversal of Platonism // The Cambridge companion to Deleuze / Daniel Smith, Henry Somers-Hall (eds.). Cambridge: University Press, 2012. P. 67.
2. *Gibson C., Kong L.* Cultural economy: a critical review // Progress in Human Geography, 2005.
3. *Florida R.* The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent. HarperBusiness, 2007. 210 p.
4. *Peck J.* Struggling with the creative class // International Journal of Urban and Regional Research. 2005. № 29 (4).
5. *Pratt A.C.* Creative cities: The cultural industries and the creative class // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2008. № 90 (2).
6. *Standing G.* A Precariat Charter, From Denizens to Citizens. London: Bloomsbury Academic, 2014. P. 320.
7. *Wilson D., Roger K.* The real creative class // Social & Cultural Geography. 2008. № 3.
8. *Абульханнова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.

9. Асташева Ю.В. Теория поколений в маркетинге // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2014. Т. 8. № 1. С. 108-114.
10. Золотов А. Развитие производительных сил и закон экономии рабочего времени // Экономист. 2013. № 4. С. 50-59.
11. Исаева М. Поколения кризиса и подъема в теории В. Штрауса и Н. Хоува // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 290-295.
12. Калинин С.И. Тайм-менеджмент: Практикум по управлению временем. СПб: Речь, 2006. 371 с.
13. Keynes J.M. Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. Macmillan and Co. Limited. 1931. P. 358-374.
14. Малявина И.Ю., Логинова Т.П., Титова Н.Г. Современные тенденции соотношения рабочего и свободного времени в России // Экономика и предпринимательство. 2014. № 9 (50). С. 782-787.
15. Katsumata Y.M. Japanese social security measures to support the retiring aged: From employment insurance and public pension. Helsinki: ISSA, 2000.

Bondareva Irina Yuryevna, doctoral student, University of Novi Sad, Faculty of Philosophy (Novi Sad, Serbia). E-mail: ibond.rs@gmail.com,

Loboiko Dmitry Alexandrovich, Independent Researcher, Director, Center of Regional Studies (Moscow, Russia). E-mail: d.loboyko@gmail.com

SOCIAL TIME IN IN EVERYDAY LIFE OF ENTREPRENEURS, SELF-EMPLOYED AND EMPLOYEES

Abstract

The article studies the concept and history of social time, its features in the everyday life of modern society. Foreign sources are also analyzed in which they study the daily life of people of various professions: entrepreneurs, employees, self-employed and freelancers. The features of the self-employed, affecting the use, perception of time and the features of fixing these features and their reflection, are considered. During the study, the principles of priority time planning were identified by the self-employed.

Keywords: social time, work, self-employment, regular employment, freelance, free time, hired employee, precariat, labor.

References

1. De Beistegui, Miguel. The Deleuzian reversal of Platonism // The Cambridge companion to Deleuze / Daniel Smith, Henry Somers-Hall (eds.). Cambridge: University Press, 2012. P. 67.
2. Gibson S., Kong L. Cultural economy: a critical review // Progress in Human Geography, 2005.
3. Florida R. The Flight of the Creative Class: The New Global Competition for Talent. HarperBusiness, 2007. 210 p.
4. Peck J. Struggling with the creative class // International Journal of Urban and Regional Research. 2005. № 29 (4).
5. Pratt A.C. Creative cities: The cultural industries and the creative class // Geografiska Annaler: Series B, Human Geography. 2008. № 90 (2).
6. Standing G. A Precariat Charter, From Denizens to Citizens. London: Bloomsbury Academic, 2014. P. 320.
7. Wilson D., Roger K. The real creative class // Social & Cultural Geography. 2008. № 3.
8. Abul'hannova K.A., Berezina T.N. Vremya lichnosti i vremya zhizni. SPb.: Aletejya, 2001. 304 p.
9. Astasheva YU.V. Teoriya pokolenij v marketinge // Vestnik YUUrGU. Seriya: Ekonomika i menedzhment. 2014. T. 8. № 1. P. 108-114.
10. Zolotov A. Razvitie proizvoditel'nyh sil i zakon ekonomii rabocheho vremeni // Ekonomist. 2013. № 4. P. 50-59.
11. Isaeva M. Pokoleniya krizisa i pod"ema v teorii V. SHtrausa i N. Houva // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2011. № 3. P. 290-295.
12. Kalinin S.I. Tajm-menedzhment: Praktikum po upravleniyu vremenem. SPb: Rech', 2006. 371 p.
13. Keynes J.M. Possibilities for our Grandchildren // Essays in Persuasion. Macmillan and Co. Limited. 1931. P. 358-374.
14. Malyavina I.YU., Loginova T.P., Titova N.G. Sovremennye tendencii sootnosheniya rabocheho i svobodnogo vremeni v Rossii // Ekonomika i predprinimatel'stvo. 2014. № 9 (50). P. 782-787.
15. Katsumata Y.M. Japanese social security measures to support the retiring aged: From employment insurance and public pension. Helsinki: ISSA, 2000.

ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГРАЖДАНСКОЙ СФЕРЕ*

Верецагина Анна Владимировна	доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: anrietta25@mail.ru
Зайцева Анастасия Андреевна	аспирант кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета (344022, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160). E-mail: nas89043419793@mail.ru

Аннотация

Российское общество испытывает острый дефицит гражданской ответственности и гражданской активности среди всех социальных групп и слоев населения. И наибольшие надежды в плане «гражданского авангарда» страны, фундамента развития и распространения подлинно гражданских практик возлагаются на студенческую молодежь как будущую интеллектуальную элиту государства. Именно среди студентов установки на гражданскую активность в ее различном проявлении (сетевом, протестном, волонтерском и т.д.) проявляются в более значительной степени, нежели среди остальной части молодежи и российского населения в целом. В этой связи социологической верификации предположенной в данной статье методологической модели исследования на основе теории ментальных программ подвергается социальное поведение студенческой молодежи вузов Ростовской области. Результаты исследования позволили выявить у студентов три типа ментальных программ социального поведения в гражданской сфере: гражданственный, конформистский и гибридный. Каждая из них определяет специфику поведения студентов в гражданской сфере и отношение к гражданским практикам.

Ключевые слова: студенческая молодежь, социальное поведение, гражданственность, гражданская сфера, ментальные программы, гражданские практики, гражданская активность, Ростовская область, институциональная среда.

Среди ключевых задач Российского государства на современном этапе приоритетные позиции занимают те, которые связаны с формированием гражданской ответственности у молодежи, которой по праву отводится ведущая роль в воспроизводстве социокультурного потенциала общества, в его переходе в режим социально эффективного и благополучного развития. Запрос на гражданственность, пусть с трудом, но формируется в молодежной среде российского общества, в том числе на Юге России [1, с. 54–64], однако, данный процесс отличается противоречивостью ввиду трансформации самой гражданской сферы социума. На примере студенческой молодежи эти противоречия проявляются наиболее ярко. С одной стороны, властью активно поддерживаются молодежные проекты, связанные с волонтерством, лидерством в студенческой среде и другими социальными проектами. С другой стороны, в студенческой среде все чаще проявляется «низовая субъектность», хотя она и носит пока ситуативный, непостоянный характер. В связи с этим, представляется необходимым выяснить, какие факторы влияют на изменения в социальном поведении студентов в гражданской сфере.

В фокусе нашего исследовательского внимания оказалась студенческая молодежь Ростовской области, и необходимо отметить, что ученые уже уделяли внимание изучению факторов социального поведения студентов в Ростовской области в гражданской сфере. В качестве внутренних факторов, влияющих на социальное поведение студентов, ученые рассматривали возраст, гендерные характеристики, академическую успеваемость [2, с. 61–69], установки как готовность к участию в общественных мероприятиях и мотивы участия [3], гражданскую идентичность [4, с. 206–214]. В качестве внешних факторов социального поведения студентов исследователи выделяли вуз [5, с. 44–45], учебное заведение [6, с. 96–103], которое закончил студент до вуза, и семейное окружение [2, с. 61–69].

Таким образом, в научной литературе пока нет работ, связанных с изучением новой институциональной среды в качестве внешнего фактора и ментальных программ как внутреннего

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90090 «Ментальные программы и институциональные практики социального поведения студенческой молодежи в региональных сообществах на Юге России (Ростовская область и Республика Крым)».

фактора социального поведения студентов вузов Ростовской области, что определяет проблемное поле настоящей статьи.

В качестве методологических основ изучения внешних факторов социального поведения студентов вузов Ростовской области используется сочетание социально-детерминистского и неoinституционального подходов [7]. При этом институциональная среда рассматривается как совокупность устойчивых норм и правил, сложившихся в условиях трансформаций и реформ в российском обществе и регулирующих социальное поведение студентов в условиях взаимодействия между ними.

Для изучения внутренних факторов социального поведения студентов высших учебных заведений Ростовской области в гражданской сфере используется теория ментальных программ [8]. Ментальные программы представляют собой такие структуры в сознании индивидов, которые определяют предрасположенность индивида к социальному поведению. В содержательном плане они представляют собой совокупность структур: представлений, ценностей, установок и мотивов в той или иной сфере общественной жизни.

Эмпирической основой настоящего исследования стали результаты авторского анкетного опроса, проведенного в январе 2020 года. Всего в социологическом опросе приняло участие 382 студента из 8 вузов Ростовской области. Репрезентативность выборки исследования обеспечивалась за счет реализации многоступенчатой стратифицированной пропорциональной выборки по трем критериям, таким как: пол, уровень обучения, тип вуза.

Предваряя результаты проведенного нами социологического опроса, следует заметить, что гражданственность в российском обществе всегда имела свою специфику. Одни исследователи рассматривали ее в контексте патерналистских представлений, так как отношения власти и общества традиционно строились по принципу подданства граждан [9, с. 167]. Другие изучали ее в контексте формирования институтов гражданского общества и проявления субъектности граждан в процессе обеспечения диалога между властью и обществом [10, с. 128–140]. По мнению некоторых исследователей, демократизация пройдет только тогда, когда пройдут «изменения в менталитете как политической элиты, так и населения, в их системе ценностей, установок и поведении» [11, с. 35].

Под влиянием консервативной волны в российском обществе на рубеже XX–XXI веков, связанной с разочарованием в либеральных реформах, сложилось противоречивое представление о гражданственности. С одной стороны, исторически у значительной части населения доминировала гражданственность официальная, верноподданническая, лояльная, характерная для конформистской личности. С другой стороны, возникла гражданственность оппозиционная, критическая, бунтующая, свойственная протестной личности. Кроме того, последние годы исследователи отмечают формирование еще одного типа гражданственности – активной, ответственной, характерной для морально-правовой личности [12].

Формирование общественных настроений оказывает значительное влияние на социальное поведение студентов, проживающих в Ростовской области. У большинства из них представления о гражданственности носят консервативный характер. Под гражданственностью они понимают, скорее, свои права как гражданина (26%) и выполнение обязанностей гражданина перед обществом и государством (18,2%). В итоге, студенты также абстрагируются от общественно-политической жизни, участия в ней, так как, по их мнению, улучшения в стране связаны с действиями государства, а не с собственными усилиями¹.

С формальной точки зрения в Ростовской области все условия для участия студентов в гражданско-социальных практиках созданы. Существуют четыре областных закона: № 309-ЗС от 25.12.2014 «О государственной молодежной политике в Ростовской области»; № 584-ЗС от 28.04.2011 «О поддержке деятельности студенческих отрядов в Ростовской области»; № 895-ЗС от 27.06.2012 «О поддержке добровольческой деятельности в Ростовской области»; № 528-ЗС от 06.05.2016 «О патриотическом воспитании граждан в Ростовской области». Существует специальная государственная программа, целевыми показателями которой являются, в том числе доля студентов, вовлеченных в деятельность студенческих отрядов. Для реализации государственной программы существуют специальные органы: Комитет по молодежной политике Ростовской области,

¹ Молодые ростовчане не интересуются политикой: слишком долго надо добиваться результата // Ростовская область сегодня. Информационно-аналитический портал URL: <https://ro.today/2058-molodye-rostovchane-ne-interesujutsja-politikoj-slishkom-dolgo-nado-dobivatsja-rezultata.html>

«Агентство развития молодежных инициатив», «Центр патриотического воспитания молодежи Ростовской области», «Донской волонтерский центр», а также специалисты и координаторы по делам молодежи в муниципальных образованиях. В области существуют молодежные органы местного самоуправления: в том числе советы молодежи при администрации города, молодежный парламент, членами которых также являются студенты вузов. Но эти структуры зачастую критически оцениваются исследователями, которые подчеркивают, что они носят декоративный характер, отражая интересы партии власти и минимизируя участие в своей деятельности представителей оппозиционных политических организаций и общественных объединений [13, с. 61].

Реализуется множество проектов различного уровня: добровольческой, патриотической, творческой, спортивной направленности. Из областного бюджета ежегодно финансируются около 1000 молодых людей для участия в разнообразных международных, всероссийских, межрегиональных, окружных мероприятиях. Таким образом, согласно официальным данным, в общей сложности во всех мероприятиях ежегодно принимают участие порядка 250 тысяч молодых людей, то есть примерно треть всей молодежи Ростовской области в возрасте от 18 до 30 лет¹. При этом социологические исследования показывают, что реально вовлеченными оказываются не больше 10% молодых людей [12]. И в действительности, только малая часть молодежи участвует в гражданских практиках, а статистически получаемая сумма участвующих во всех общественных мероприятиях включает одних и тех же молодых людей.

Формальные гражданско-социальные практики реализуются в большинстве вузов Ростовской области в качестве внеучебной деятельности. В рамках вуза уделяется внимание гражданско-патриотическому направлению, формированию нравственности и морали, профилактике негативных явлений в молодежной среде, возрождению традиции студенческих отрядов, развитию студенческого самоуправления. В вузах также формируется волонтерское движение в основном направленное на подготовку студентов-волонтеров для крупных мероприятий типа Чемпионата мира по футболу, Универсиады. Волонтерские центры создают условия для реализации проектов, в том числе экологического и благотворительного характера: помощи пожилым людям, нуждающимся, инвалидам, детям из детских домов. Однако в отчетах вузов за 2018 год указана только небольшая часть внеучебных мероприятий, посвященных благотворительности и экологическим практикам².

Для развития гражданско-политических практик студентов Ростовской области еще не созданы благополучные условия. В некоторых региональных отделениях политических партий предполагается вовлечение молодежи в ряды сторонников. Однако студенты не стремятся к участию в политических процессах, что связано с низким уровнем доверия политическим партиям [14], ритуальным характером участия в политических выборах. Отстраненность студентов от партий, обусловлена тем, что большинство не связывают надежды с возможностью представительства своих интересов и веры в какие-либо изменения. С одной стороны, это связано с патерналистско-этатистским взглядом на власть в России в целом, с другой стороны, существующая «политическая система с ее несбалансированностью, крайне неравномерным распределением властных полномочий между основными институтами, зачастую имитационным характером избирательных процедур является причиной политической пассивности студенчества и способствует развитию политического отчуждения в молодежной среде» [15].

Для тех студентов, которые стремятся работать в политике и хотели бы сделать карьеру в существующих эшелонах власти, есть возможности участия в молодежных подразделениях политических партий, как, например, «Молодая гвардия Единой России» [13, с. 61]. Однако даже в таких политических проектах молодежь не столько вовлекают для диалога, сколько для достижения целевых показателей и отчетности.

Одной из причин пассивного поведения студентов является то, что после принятия закона об «иностранных агентах» в российском обществе, оказались способны существовать только

¹ Официальный портал правительства Ростовской области. Молодежная политика <https://www.donland.ru/activity/219>

² Отчет о самообследовании ЮФУ 2018 // https://www.sfedu.ru/www/stat_pages22.show?p=GOV%2FN11521%2FB; Отчет о результатах самообследования ДГТУ 2019 // <https://donstu.ru/sveden/document/>; Отчет о результатах самообследования ЮРГПУ (НПИ) <https://www.npi-tu.ru/sveden/document/>; Отчет о самообследовании НИМИ ДГАУ https://ngma.su/sveden/document/files/%D0%9E%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82-%D1%81%D0%B0%D0%BC%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5_%D0%9D%D0%98%D0%9C%D0%98_%D0%94%D0%93%D0%90%D0%A3_2019.pdf

общественные организации, лояльные власти. Например, в список 54 общественных организаций, подписавших соглашение о сотрудничестве и взаимодействии с партией «Единая Россия», входят в том числе «Донской Союз молодежи», «Содружество детей и молодежи Дона», «Добровольцы Ростова», одни из наиболее многочисленных общественных молодежных организаций¹. А поскольку даже неполитические организации связаны с властью, это вызывает отчуждение у молодежи или двойственное отношение к некоммерческим гражданским организациям, проявляющееся в недоверии к ним: «это промывание мозгов для выгоды власти», «это не только бесполезно, но и вредно, т.к. это отнимает массу свободного времени, и вводит молодежь в заблуждение» [16, с. 400].

У большинства студентов принудительное участие со стороны школьной или вузовской администрации в гражданско-политических практиках вызывает отторжение. И даже в случае стремления к легальным формам участия в политических процессах участие в политических мероприятиях оказывается связанным с долгими согласованиями, отсутствием интереса со стороны городских администраций об одобрении условий проведения публичных мероприятий, вынужденным переносом мероприятий в удаленные от центра районы города, что негативно сказывается на значимости таких акций и снижает количество участников. Протестный потенциал в итоге может находить отражение в митингах и протестах, которые жестко пресекаются и ограничиваются административными структурами. В связи с этим большинство студентов выбирает тактику абсентеизма, невовлеченности в политические проблемы, погружаясь в решение своих насущных вопросов, замыкаясь на собственных микромирах.

Низкая включенность студентов в сферу гражданской активности обусловлена различными факторами. Во-первых, информированность молодежи о возможном участии в общественной жизни с точки зрения проявления гражданской активности и позиции находятся на низком уровне, потому что органами власти гражданские практики зачастую реализуются для отчетности, а не с целью реального вовлечения. Во-вторых, большинство гражданских практик носит формальный и ангажированный характер, что отталкивает студентов от перспектив участия в них. В-третьих, многие студенты активно вовлечены во внутривузовские мероприятия, и у них не остается времени и желания на реализацию вневузовских социальных практик.

Таким образом, условия для участия в формальных гражданских практиках существуют. Ограничение состоит в том, что поскольку гражданские практики носят формальный характер, они тесно связаны с властными структурами и определяются формальными индикаторами: ограниченной численностью участников, целевыми показателями, специальной отчетностью и низкой информатизацией. Поэтому, достигнув целевых показателей, организаторы, реализаторы молодежной политики, не ставят перед собой цели более широкого вовлечения молодежи в те или иные общественные мероприятия. В вузах Ростовской области также в большей степени реализуются формальные гражданские практики, организованные администрацией вуза, и в меньшей степени неформальные (волонтерские, благотворительные, экологические), организованные по инициативе самих студентов.

В основе формирования неформальных практик лежит социальное доверие между гражданами. Чем выше степень доверия, тем выше число неформальных гражданских практик, так как они строятся на собственной инициативе организаторов, на доверительных отношениях в группе, которая участвует в организации неформальных практик, на доверии тому, на кого они направлены. В науке не существует единого представления о социальном доверии в российском обществе. Согласно данным исследования ИС РАН, около половины россиян (от 42 до 47%) считают, что людям в целом можно доверять, в то время как друзьям и семье доверяют более 90% российских граждан [17]. В другом общероссийском исследовании Левада-центра указывается, что индекс уровня доверия в России гораздо ниже, чем во многих европейских странах, включая Германию, Австрию, Финляндию, Францию и т.д. О том, что людям почти всегда следует доверять, можно доверять ответили 27%, а о том, что с большинством людей нужно быть осторожными, ответили 60% [18]. Исследователи подчеркивают, что люди в странах в более высоком уровнем доверия чаще включены в общественную и публичную жизнь, чаще участвуют в благотворительности. В результате, условия низкого социального доверия в российском обществе не способствуют развитию гражданских практик и гражданственного поведения

¹ Список общественных организаций, подписавших соглашение о сотрудничестве и взаимодействии с РРО Партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» // Ростовское региональное отделение политической партии «Единая Россия» <https://rostov.er.ru/party/unions/>

студентов. В то же время, внутри студенческой среды имеются ресурсы формирования такой платформы, которая могла бы стать базой для неформальных гражданских практик при соответствующей политике администрации вуза и молодежной политике государства в целом.

На социальное поведение студентов оказывает социально-территориальное происхождение студента. Сельская среда зачастую слабо насыщена гражданскими мероприятиями: отсутствуют отделения молодежных и политических организаций. Реализация многих направлений государственной молодежной политики в сельской местности не представляется возможной, так как эта деятельность реализуется ограниченным числом специалистов [18]. В результате, сельское происхождение студентов накладывает свой отпечаток на представление о гражданственности, которое несет консервативный характер, в том числе в силу отсутствия какого-либо опыта гражданского и политического участия, в то время как проживание в стремительно развивающихся городах способствует экономической и социальной активности населения [19].

Влияние материальной обеспеченности на социальное поведение студентов в гражданской сфере также довольно значительно. Согласно представлениям некоторых исследователей, в благополучных городах, где высокая средняя номинальная начисленная заработная плата, выше и доля заинтересованных в гражданском участии [19]. Кроме того, социальная неустроенность, низкие доходы, экономическая нестабильность порождают у молодежи в целом, у студентов в частности, негативное отношение и недоверие к муниципальным и региональным властям, которые могут проявляться вместо ответственных гражданско-социальных практик в гражданско-политических протестных практиках.

Согласно исследованию ментальных программ населения Юга России (2017 г.) [8], респонденты из высокодоходной и низкодоходной групп значительно чаще демонстрируют установку к участию в общественно-политической деятельности, готовность выразить свое несогласие с действующим политическим курсом, помогать политической активности других людей деньгами или другими ресурсами, вступить в политическую партию оппозиционного типа. Поскольку основная часть студентов средне оценивают свое материальное положение – как скорее хорошее и скорее плохое, этот аспект оказывает влияние на социальное поведение в только для богатых и бедных студентов, которых, согласно результатам проведенного нами исследования в Ростовской области, всего 13%.

Внутренними факторами, оказывающим влияние на социальное поведение студентов Ростовской области, являются их ментальные программы социального поведения в гражданской сфере. Результаты проведенного нами исследования среди студенчества Ростовской области позволили выявить следующие типы ментальных программ данной социальной группы: гражданственный (26%), конформистский (37%) и гибридный (47%).

Для гражданственного типа ментальной программы гражданственность представляет собой терминальную ценность, которая заключается в желании участвовать в общественных делах. Согласно результатам, полученным при анализе нашего анкетного опроса, студентов с таким типом ментальной программы около 26%. Участие в гражданско-социальных практиках для них означает: возможность помогать людям, городу, обществу, вузу, участие в гражданско-политических практиках – способ отстоять свои права и интересы, повлиять на государственные решения. Для них характерны высокие установки для участия в общественных инициативах – 64%, а так же в деятельности общественных организаций – 52%. У таких студентов формируются наиболее высокие установки к участию в волонтерских (41,7%) и благотворительных практиках (44,1%). Среди студентов с гражданственным типом ментальной программы больше женщин (34,9% против 20,9%). Это связано с их большей склонностью к заботе, помощи, состраданию.

Относительно установок на гражданско-политические практики у студентов с гражданственным типом ментальной программы отмечается самая высокая готовность к участию в политических протестах в сравнении с другими типами ментальных программ. Это означает, что те студенты, которые готовы стать участниками протеста, хотят прежде всего отстоять свои интересы, права, повлиять на государственные решения. В студенческой среде с гражданственным типом ментальной программы ярко выражена сознательная установка на голосование в политических выборах – поддержать определенного кандидата или партию, а не просто выполнить гражданский долг. Часть студентов этого типа готовы к участию в деятельности политических организаций, приветствуют подписание петиций, в которых они видят возможность повлиять на государственные решения.

Необходимо также отметить, что, согласно эмпирическим данным, полученным в ходе исследования, студенты, обладающие гражданственным типом ментальной программы, чаще оценивают свое материальное положение как очень хорошее или плохое. Это подтверждает тот факт, что чаще в политических мероприятиях участвуют материально благополучные граждане, которые стремятся продвинуть свои интересы, или бедные, которые хотят улучшить свое материальное состояние или заявить о себе путем вовлечения в политические структуры или участия в политических протестах. Для студентов с конформистским типом ментальной программы социального поведения гражданственность в деятельностном смысле не представляет ценности. У студентов с таким типом ментальной программы практически нет установок на гражданское участие: им редко интересна деятельность общественных организаций или общественные инициативы. Единственный способ их активности – онлайн-практики: обсуждение вопросов в интернет-сообществах, подписании петиции.

Основной причиной отказа от общественного участия, как следует из результатов нашего социологического опроса, является отсутствие времени (51%). У 49% просто нет желания для участия в гражданских практиках, 17% не знают, где и как можно принять участие, что указывает на эту часть молодежи как потенциальную группу участников гражданских практик. Около 23% не верят в эффективность гражданских мероприятий, не доверяют общественным организациям и людям, которые организуют мероприятия. Необходимо отметить, что недоверие гражданским практикам распространено преимущественно среди мужской части опрошенных нами студентов (74,1%). Отсутствие желания участвовать в подобных практиках также характерно для значительной части мужского состава студенчества Ростовской области (49,3%).

Таким образом, у студентов с конформистским типом ментальной программы доминирует формальный характер отношений между гражданином и государством, основанный на политико-правовых знаниях о своих правах и обязанностях. Они практически не обладают установками для участия в гражданских практиках, так как у них нет времени, желания принять участие, веры в эффективность подобных мероприятий.

Гибридный тип ментальной программы социального поведения студентов в гражданской сфере представляет собой смешение представлений о гражданственности. Такой тип ментальной программы является самым сложным для интерпретации, так как здесь встречаются и гражданственные, и конформистские черты. Таких студентов, согласно данным нашего социологического опроса в Ростовской области, около половины – 47%. Студенты с таким типом ментальной программы проявляют интерес к гражданским практикам, однако гражданственность для них представляет инструментальную ценность. Участие в гражданских практиках значимо для них с точки зрения того, чтобы интересно провести время, пообщаться с друзьями, а для некоторых – реализовать способности и построить карьеру. У таких студентов установки на участие в деятельности общественных организаций и общественных инициативах ниже, чем у студентов с гражданственным типом ментальной программы.

Среди студентов с гибридным типом ментальной программы наиболее часто встречаются те, кто участвует в гражданских практиках ради общения – 52%. Столь высокий процент связан, вероятно, с недостатком общения у студентов в «реальной жизни». Современное общение молодых людей часто сводится к перепискам в социальных сетях, которое не может стать альтернативой «живому» общению, а гражданские практики могут стать отличной площадкой для этого. Такие студенты часто становятся участниками случайно, за компанию с друзьями. Зачастую волонтерские практики позволяют таким студентам не только проявить свою гражданскую инициативу, но и дают возможность пообщаться. Часть студентов, принадлежащих к гибриднему типу ментальной программы, участвуют в гражданских практиках, чтобы реализовать свои способности.

Таким образом, в результате исследования было выявлено, что реформы в России и формирование гражданского общества обусловили появление новых поведенческих сценариев в студенческой среде. Трансформации были связаны с формированием новой институциональной среды для реализации формальных гражданских практик. Некоторые студенты активно вовлекаются в формальные практики, так как в них студенты могут реализовать свои способности, однако для многих осознание того, что даже неполитические организации оказываются связаны с властью, вызывает отчуждение или двойственное отношение, проявляющееся в недоверии к ним и, в целом, гражданским практикам. Интерес в участии в вузовских гражданских практиках основывается, как правило, на возможности получить повышенную стипендию или лояльность администрации вуза.

В силу трансформационных преобразований и исторически устойчивых ментальных структур (этатизм и патернализм), вписанных в культурную матрицу российского общества, у студентов сформировались три типа ментальных программ социального поведения в гражданской сфере, которые являются внутренними факторами формирования социального поведения: гражданственный, конформистский и гибридный. Различные типы ментальных программ определяют склонность российских студентов к тем или иным гражданским практикам. Их дальнейший анализ с учетом значительных перемен, происходящих в современном цифровом мире, развивающемся стихийно, с непрогнозируемыми рисками и глобальными кризисами типа пандемии коронавируса, представляется весьма перспективным и социально значимым направлением социологических исследований.

Литература

1. *Верещагина А.В.* Почему патриотизму на Юге России не хватает гражданственности (по результатам социологического исследования)? // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5-2. С. 54-64.
2. *Мосиенко О.С., Штомпель Л.А., Завгородняя Ю.Э., Понеделков А.В.* Студенческое самоуправление в современном российском вузе: тенденции развития // Власть. 2017. №11. С. 61–69.
3. Портрет студентов Южного федерального университета. Исследование №4: коллективная монография / Отв. ред. Я.А. Асланов. Ростов-на-Дону. 2019. 100 с.
4. *Ткачев М.В.* Особенности электорального поведения протестной студенческой молодежи в контексте предстоящих выборов Президента РФ в марте 2018 г. (результаты онлайн-анкетирования студенчества Ростова-на-Дону и Ростовской области в ноябре-декабре 2017 г.) // Гражданско-патриотическое воспитание молодежи – вопрос национальной безопасности: материалы Всероссийской национальной научно-практической конференции. Ростов н/Д, Таганрог: ЮФУ, 2018. С. 206–214.
5. *Магранов А.С.* Социально-политическая активность студенческой молодежи // Студенческая молодежь России: гражданская позиция и социокультурные предпочтения (по материалам межрегиональных социологических исследований) : монография / Южный федеральный университет ; под общ. ред. В.И. Филоненко ; [редкол.: О.А. Габриелян и др.]. Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного Федерального университета, 2018. 220 с.
6. *Филоненко В.И., Мосиенко О.С., Магранов А.С.* Роль школы в формировании гражданской активности студенческой молодежи вузов Дона // Власть, 2019. Том. 27. № 1. С. 96–103.
7. *Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.* Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011. 480 с.
8. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России : монография / отв. ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 452 с.
9. *Трунова Т.А.* Трансформация идеалов гражданственности и механизмов ее формирования в российской политической культуре: дис. ... канд. полит. наук. Пермь, 2008. 200 с.
10. *Ягодка Н.Н.* Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник РУДН. Политология. 2015. № 4. С. 128–140.
11. *Шестопал Е.Б.* Представления, образы и ценности демократии в российском обществе // Политика. 2011. №3 (62). С. 34–47.
12. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России : коллективная монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский, [и др.] ; отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д : Фонд науки и образования, 2018. 412 с.
13. *Толмачева М.В.* Современная молодежная политика: опыт и проблемы (на материале Ростовской области) // Социум и власть. № 3 (27). 2010. С. 58–63.
14. Социологический портрет студентов Южного федерального университета: коллективная монография / Отв. ред. А.В. Сериков. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростиздат. 2013. 288 с.
15. *Трошкова Е.А.* Политическая вовлеченность студенчества в преддверии парламентских выборов // Общество, экономика, управление. 2017. № 1. С. 142–145.
16. *Волков Ю.Г., Барков Ф.А., Сериков А.В., Черноус В.В.* Общественно-политические настроения молодежи в Южном регионе: потенциал общественной и протестной активности // Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России. М., 2015. 624 с.
17. Межнациональное согласие в общероссийском и региональном измерении. Социокультурный и религиозный контексты : [монография] / Отв. ред. Л.М. Дробизева. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 552 с.
18. *Гудков Л.Д.* Доверие в России: смысл, функции, структура // Вестник Общественного мнения. 2012. № 2 (112). С. 8–47.
19. *Касьянов В.В., Щербакова Л.И., Самыгин С.И.* Эффективность управления региональной молодежной политикой: проблема детерминации критериев // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2019. №3. С. 230–234.
20. *Климова С.Г., Щербакова И.В.* Опыт изучения территориального контекста гражданского участия // Мониторинг. 2015. № 3(127). С. 13–28.

Vereshchagina Anna Vladimirovna, Doctor of Sociological Sciences, professor, Department of theoretical sociology and methodology of regional researches, Institute of Sociology and Regional studies, Southern Federal University (160, st. Pushkinskaya, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: anrietta25@mail.ru

Zaytseva Anastasiya Andreevna, Post-Graduate Student, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Researches, Institute of Sociology and Regional studies, Southern Federal University (160, st. Pushkinskaya, Rostov-on-Don, 344022, Russian Federation). E-mail: nas89043419793@mail.ru

FACTORS OF SOCIAL BEHAVIOR OF UNIVERSITY STUDENTS IN THE CIVIC SPHERE IN THE ROSTOV REGION

Abstract

Russian society is experiencing an acute lack of civic consciousness and activity among all social groups of the population. And the greatest hopes in terms of the civic forefront of the country, the foundation for the development and distribution of authentic civic practices are placed on the student youth as the future intellectual elite of the state. Civic attitudes in various (network, protest, volunteer, etc.) actions are especially manifested among students than among the rest of the youth and the Russian population as a whole. In this regard, on base of the methodological model of the theory of mental programs the social behavior of students of higher education institutions of the Rostov region is examined. The results of the study revealed three types of mental programs of social behavior in the civic sphere: civic, conformist and hybrid. Each of them defines the specifics of students' behavior in the civic sphere and their attitude to civic practices.

Keywords: student youth, social behavior, citizenship, civic sphere, mental programs, civic practices, civic activity, Rostov region, institutional environment.

References

1. Vereshchagina A.V. Pochemu patriotizmu na YUge Rossii ne hvataet grazhdanstvennosti (po rezul'ta-tam sociologicheskogo issledovaniya)? // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2018. T. 10. № 5-2. P. 54-64.
2. Mosienko O.S., SHtompel' L.A., Zavgorodnyaya YU.E., Ponedelkov A.V. Studencheskoe samoupravlenie v sovremen-nom rossijskom vuze: tendencii razvitiya // Vlast'. 2017. №11. P. 61-69.
3. Portret studentov YUzhnogo federal'nogo universiteta. Issledovanie №4: kollektivnaya mono-grafiya / Otv. red. YA.A. Aslanov. Rostov-na-Donu. 2019. 100 p.
4. Tkachev M.V. Osobennosti elektoral'nogo povedeniya protestnoj studencheskoj molodezhi v kontekste pred-stoyashchih vyborov Prezidenta RF v marte 2018 goda (rezul'taty onlajn-anketirovaniya studenchestva Rostova-na-Donu i Rostovskoj oblasti v noyabre-dekabe 2017 goda) // Grazhdansko-patrioticheskoe vospitanie mo-lodezhi – vopros nacional'noj bezopasnosti: materialy Vserossijskoj nacional'noj nauchno-prakticheskoy konfer-encii. Rostov-na-Donu. Taganrog: Izd-vo YUFU, 2018. P. 206-214.
5. Magranov A.S. Social'no-politicheskaya aktivnost' studencheskoj molodezhi // Studencheskaya mo-lodezh' Rossii: grazhdanskaya poziciya i sociokul'turnye predpochteniya (po materialam mezhdre-gional'nyh sociologicheskikh is-sledovaniy) : monografiya / YUzhnyj federal'nyj universitet ; pod obshch. red. V.I. Filonenko ; [redkol.: O.A. Gabrielyan i dr.]. Rostov-na-Donu ; Taganrog : Izda-tel'stvo YUzhnogo Federal'nogo universiteta, 2018. 220 p.
6. Filonenko V.I., Mosienko O.S., Magranov A.S. Rol' shkoly v formirovanii grazhdanskoj aktivno-sti studencheskoj molodezhi vuzov Dona // Vlast', 2019. Tom. 27. № 1. P. 96-103.
7. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya in-terpretacii pis'mennoj is-torii chelovechestva. M., 2011. 480 p.
8. Mental'nye programmy i modal'nye modeli social'nogo povedeniya na YUge Rossii : monogra-fiya / otv. red. A.V. Lubskij. M.: Social'no-gumanitarnye znaniya, 2017. 452 p.
9. Trunova T.A. Transformaciya idealov grazhdanstvennosti i mekhanizmov ee formirovaniya v ros-sijskoj politich-eskoj kul'ture: dis. ... kand. polit. nauk. Perm', 2008. 200 p.
10. YAGodka N.N. Grazhdanskije iniciativy kak instrument dialoga mezhdru vlast'yu i grazhdan-skim obshchestvom v Rossii // Vestnik RUDN. Politologiya. 2015. № 4. P. 128-140.
11. SHestopal E.B. Predstavleniya, obrazy i cennosti demokratii v rossijskom obshchestve // Politika. 2011. №3 (62). P. 34-47.
12. Patriotizm, grazhdanstvennost' i solidarnost' v regional'nyh soobshchestvah na YUge Rossii : kollektivnaya mono-grafiya / YU.G. Volkov, A.V. Lubskij, [i dr.] ; otv. red. YU.G. Volkov. Rostov n/D: Fond nauki i obrazovaniya, 2018. 412 p.
13. Tolmacheva M.V. Sovremennaya molodezhnaya politika: opyt i problemy (na materiale Ro-stovskoj oblasti) // Socium i vlast'. № 3 (27). 2010. P. 58-63.
14. Sociologicheskij portret studentov YUzhnogo federal'nogo universiteta: kollektivnaya monografiya / Otv. red. A.V. Serikov. Izd-vo: Rostizdat. Rostov-na-Donu, 2013. 288 p.
15. Troshkova E.A. Politicheskaya vovlechennost' studenchestva v preddverii parlamentskih vy-borov // Obshchestvo, ekonomika, upravlenie. 2017. № 1. P. 142-145.
16. Volkov YU.G., Barkov F.A., Serikov A.V., CHernous V.V. Obshchestvenno-politicheskie nastroyeniya molodezhi v YU-zhnom regione: potencial obshchestvennoj i protestnoj aktivnosti // Regional'naya sociologiya: problemy konsoli-dacii social'nogo prostranstva Rossii. M., 2015. 624 p.
17. Mezhnacional'noe soglasie v obshcherossijskom i regional'nom izmerenii. Sociokul'turnyj i religioznyj konteksty : [monografiya] / Otv. red. L.M. Drobizheva. M.: FNIS RAN, 2018. 552 p.
18. Gudkov L.D. Doverie v Rossii: smysl, funkci, struktura // Vestnik Obshchestvennogo mneniya. 2012. № 2 (112). P. 8-47.
19. Kas'yanov V.V., SHCHerbakova L.I., Samygin S.I. Effektivnost' upravleniya regional'noj molodezhnoj politikoj: prob-lema determinacii kriteriev // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. 2019. №3. P. 230-234.
20. Klimova S.G., SHCHerbakova I.V. Opyt izucheniya territorial'nogo konteksta grazhdanskogo uchastiya // Monitor-ing. 2015. № 3(127). P. 13-28.

**КОЛЛЕКТИВИСТСКИЕ И ИНДИВИДУАЛИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ:
ОБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ РОССИЯН**

Грищенко Михаил Александрович директор колледжа, Ростовский институт защиты предпринимателя
(344029, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Сержантова, 2/104).
E-mail: mihaile_ag@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме исследования коллективистских и индивидуалистических ценностей в контексте формирования жизненных стратегий россиян. Исходя из понимания жизненных стратегий, как поведенческих практик, направленных на реализацию жизненных целей, приоритетов личности на основе ценностных ориентаций, автор статьи подчеркивает необходимость определения объективных факторов, ограничивающих или стимулирующих влияние коллективистских и индивидуалистических ценностей в качестве смыслов построения и реализации жизненных стратегий. Основной вывод состоит в том, что структурные и институциональные факторы в жизненных стратегиях россиян определяют действия модели успеха, отражающей социоструктурные различия в российском обществе и фиксируют слабость институциональных акторов в актуализации коллективистских ценностей как следствие неравного доступа к институциональным ресурсам. Социальная диспозиция личности содержит социально фиксированные установки, ориентированные на воспроизведение инструменталистского активизма.

Ключевые слова: *жизненные стратегии, социальная диспозиция, структурные ограничители, институциональные акторы, коллективистские и индивидуалистические ценности, социоструктурные различия, жизненные цели, социальные изменения, индивидуальная свобода.*

Актуальность темы исследования. Жизненные стратегии в российском обществе являются предметом изучения социально-гуманитарной мысли в рамках системного анализа социальных изменений в российском обществе. Примечательно, что обращение к данной теме зафиксировано в работе К.А. Абульхановой-Славской позднестроительного периода [1]. Возникшая социальная действительность сформировала запрос на осмысление сдвигов в жизненных целях и жизненных приоритетах россиян. Привычная схема жизненной траектории «советского человека» опровергалась на «глазах» и нормой становится «разнодействие» и «разномыслие» построения жизненных стратегий. Обращение к ценностям не являлось случайным выбором автора, так как проявилась тенденция к утверждению приватного пространства, ухода от стандартов поведения и восприятия, жизненные стратегии стали трактоваться как сфера индивидуальной свободы и частного выбора.

Подводя определенные итоги прошедшему пути критической рефлексии жизненных стратегий россиян, в «сухом остатке» можно говорить о двух результатах: первый связан с признанием многообразной конфликтности жизненных стратегий в российском обществе и перехода на исследования «полилогического» характера, во-вторых – поиска социальных факторов и механизмов, способствующих или препятствующих реализации жизненных стратегий конкретных социальных групп и слоев.

Так как российское общество является социально дифференцированным, социальные и культурные различия обретают качества социокультурных расколов и диспропорций, трудность исследовательской задачи заключается в том, возможно ли определение доминант в построении жизненных стратегий россиян и являются ли избранные исследовательские схемы достаточными для того, чтобы быть не только объяснительными в период социальной неопределенности, но и содержать аналитический потенциал.

Актуальность рефлексии жизненных стратегий выходит за пределы теоретико-концептуального осмысления. Работы российских исследователей выдержаны в рамках структурно-институциональных схем показали важность определения рамок аксиологического (ценностного) аспекта, выявление объективных факторов ценностной детерминации жизненных стратегий, так как ценности, являясь социально-значимыми смыслами человеческой деятельности, влияют не только на обоснование конечных, идеальных целей, но и определяет векторы развития общества, делают ценностную сферу интересной с точки зрения изучения взаимосвязанных социальных факторов, как базовые ценности, социальные установки, поведенческие модели [2]. С опорой на отмеченные условия, есть смысл обратиться к актуализации объективных факторов ценностной детерминации жизненных стратегий в российском обществе.

Методология исследования. В рамках реализуемого исследования вполне обоснованным является выбор методологии, определяемой дискурсом обсуждения ценностей в российском гуманитарном сообществе. Есть сложность проекции ценностей на социально-мировоззренческие и идеологические координаты социальных групп и слоев, но не прослеживается взаимосвязь между выбором жизненных стратегий и идеологической ориентации по схеме «левые – коллективисты», «правые – индивидуалисты».

Очевидно, что объективные факторы ценностной детерминации жизненных стратегий требуют анализа и осмысления структурных и институциональных возможностей и ограничений, актуализирующих и определяющих объем влияния на жизненные стратегии набора ценностей. Разработанная в советский период в работах М.С. Кагана, Л.М. Архангельского, Л.Н. Столовича, О.Н. Дробницкого [3, 4, 5] методология опиралась на марксистский классовый анализ, что объективно сужало возможности рефлексии жизненных стратегий вне социально-классовых детерминант, привязки ценностей к базовым идеологическим смыслам. Хотя следует признать, что в работах М.С. Кагана и В.К. Шохина достижением являлось включение дискурса деятельности, понимание автономности ценностной детерминации как фактора социального саморазвития, выстраивание ценностной иерархии на основании индивидуальной значимости.

Постсоветский период показал тенденцию поворота к субъекту в осмыслении ценностной детерминации, поиску духовной целостности и духовной наполненности в определении человеческой индивидуальности как субъекта ценностной детерминации. Индивидуалистические и коллективистские ценности рассматриваются как последовательные и непрерывные этапы детерминации жизненных стратегий в рамках социализации личности, где индивидуалистические ценности характеризуют становление личности, коллективистские – ее вхождение в «большое общество».

Предлагаемая методология исследования определяется трактовкой коллективистских и индивидуалистических ценностей как смыслов практического действия, связанных с логикой самоутверждения и расширения сферы приватной свободы или запросом на социальную интеграцию, социальную идентичность, социальное самоопределение на коллективном уровне [6]. Отсюда актуальными становятся социально-феноменологические, социально-биографические, социально-интеракционистские процедуры.

Позитивным результатом можно считать деобъективацию социальных ценностей (коллективистских и индивидуалистических), ограничение влияния «реактивности», включение ценностей в качестве детерминант, эталонов социальности. Неполнота анализируемой методологии обнаруживается в том, что ценностные детерминанты характеризуются вне понимания жизненных стратегий связи с ценностями – образцами, определяющими систему правил и установок личности в реализации ее жизненных приоритетов и целей.

Диспозиционная концепция, направленная на анализ регуляции и саморегуляции социального поведения личности, как пишет В.А. Ядов, становится «шагом» на пути ограничения нормативности в поведении личности, предписываемой социально-статусными и социально-ролевыми комплексами. Ценностные детерминанты жизненных стратегий актуализируют анализ поведения личности как социальной индивидуальности и для избавления от статуса актора, движимого конкретными социальными обстоятельствами, операционализируются взаимосвязи конкретных социальных условий деятельности индивида и его субъективного отношения к ним в виде предрасположенностей (диспозиций) к оценке избранных жизненных стратегий [7].

В соответствии с такой формулировкой проблемы объективные факторы ценностной детерминации концентрируются на выявлении интерактивных взаимосвязей действующего субъекта, установок к совершению определенной деятельности, направленной на удовлетворение актуальной потребности. Интегративным объективным фактором является ценностно-нормативная сфера жизненных стратегий, в которой структура является системой норм и правил, институты определяются выбором ценностей.

Включение ценностных ориентаций в структуру личности является определением обще-социальных регулятивных механизмов, где ценности выступают выполняющими нормативные функции, то есть объективны по отношению к субъективному восприятию, к субъективному опыту, как имеющие универсальный смысл. Диспозиционная концепция, таким образом, определяет объективные факторы ценностной детерминации, как совокупность ценностей – регуляторов удовлетворяющих как цели повседневной жизнедеятельности людей, так

и высшие социальные запросы. Сложной является проблема адаптации индивидуальных социальных диспозиций к групповым интересам. Не устраняются методологические основания разногласий, вытекающих из влияния ценностей на смысловое упорядочение жизненных стратегий, особенно, если учесть, что детерминанты жизненных стратегий различаются по принятию социальных диспозиций (установок), реактивных, социально-фиксированных, фундаментальных [8].

Ценности становятся социальными регуляторами в рамках актуализации высших (фундаментальных) установок, что делает трудным исследование жизненных стратегий, формируемых «логикой повседневности». Субъектно-деятельностная парадигма, развиваемая в работах Л.Г. Ионина, А.И. Шендрика, О.Н. Наумовой [9,10,11], является обладающей объяснительным и аналитическим потенциалом. Объяснительным – в контексте аморфности и противоречивости ценностных ориентаций, содержащих когнитивный диссонанс в разрыве декларируемых ценностных позиций и выборе жизненных стратегий, где определяющим становится инструменталистский активизм, «безценностный» выбор.

Аналитическим – содержащим возможности актуализации критериев полезности, адаптивности, социальной ресурсности, символического капитала. В соответствии с методологическими процедурами объективные факторы ценностной детерминации жизненных стратегий определяются по направленности влияния на структурные и институциональные. Структурные фиксируют социальные различия (уровень доходов, профессиональная занятость, социально-имущественный критерий) как стимулы или барьеры на пути принятия социальных установок (диспозиций), направленных на конкретный ценностный выбор. Институциональные фиксируют различия в доступе к институциональным ресурсам, определяющим выбор ценностей для реализации жизненных приоритетов и целей, нормативной модели жизненного успеха.

В условиях социальной поляризованности российского общества структурные различия, как показывают результаты социологических исследований, приводят к тому, что изменяется конфигурация коллективистских/индивидуалистических ценностей. Дело в том, что социоструктурные факторы (ограничения) на принятие набора ценностей фиксируются в выборе ценности успеха, имеющего инструментальный смысл и не содержащий высших фундаментальных значений. Модель успеха предполагает ценностную нейтральность, которая выражается в том, что россияне используют алгоритм накопления ресурсов (образование, профессиональная переподготовка, информационная грамотность) [12]. Социоструктурные ограничения, действующие в контексте ценностной детерминации жизненных стратегий россиян, выражаются двояко: с одной стороны поведенческие установки определяются ситуативным выбором ценностей, что понятно в рамках ослабления интеграционного потенциала коллективистских ценностей, традиционно воспринимаемых как консолидационные, и с другой стороны – ориентированность на коллективистские ценности как признание невозможности реализовать чрезмерные социальные амбиции на основе формулы «власть и богатство».

Надежды на актуализацию среднего российского класса как носителя гражданских (медиа-торных) ценностей, выступающих субститутутом коллективистских (традиционных) не оправдались, так как средний класс в российском варианте сформировался на основе привязанности к государственной службе или занятости в сфере мелкого и среднего бизнеса. Поэтому жизненные стратегии российского среднего класса не обосновывают принятие таких гражданских ценностей как уважение к закону, гражданский патриотизм, социальная эмпатия, ответственный индивидуализм. Причина в том, что есть различия между «нормативным» средним классом и реальными социально-профессиональными слоями, которые причисляются к «обобщенному» среднему классу [13].

Существует ценностный парадокс, который заключается в том, что «обобщенный» средний класс ориентирован на субъективные критерии (социальная самооценка) и принимает гражданские ценности декларативно. В реальности руководствуется, в качестве интегративных профессиональными ценностями. Внутри «обобщенного» среднего класса структурные различия характеризуются несовпадением критериев доходности и не формируют общепринятую модель успеха, но являются основанием для того, что проводить раздел с «элитой» и низкодоходными социальными слоями.

Коллективистские ценности отрицаются в качестве пережитка «прошлого», уравнительности, зависти, неприятия индивидуального успеха. Профессиональные ценности являются спо-

собом легитимации жизненного успеха и детерминируют жизненные стратегии через принятие социально-фиксированных установок (диспозиций личности). Можно предположить, что структурные ограничения ставят пределы актуализации профессионализма не как групповой, а универсальной ценностью. Профессионализм в условиях избыточных социальных неравенств является инструментальной ценностью, не претендующей на смысл альтруистического профессионализма с элементами общественного долга и общественной ответственности.

Таким образом, структурные ограничения способствуют амбивалентности интегративных ценностей, что создает ситуацию периферийности, ближе к «ядру», мотивирующему социальное поведение личности, находятся ценности – маркеры, реализующие способы достижения жизненных целей в соответствии с моделью успеха [14]. То, что можно было бы объяснить когнитивным диссонансом, разрывом между декларируемыми ценностными ориентациями и реализацией жизненных стратегий, нуждается в понимании структурных ограничений как определяющих ценностный выбор, предпочтение конкретного набора ценностей, исходя из референтных критериев успеха, что способствует уходу от схемы «коллективистские – индивидуалистические ценности» к ценностям, которые можно интерпретировать как достиженческие, имеющие индивидуалистическую ориентированность, но вместе с тем поддерживающую жизненную стратегию для того, чтобы не подвергнуться риску социальной маргинализации или в радикальном варианте социальной эксклюзии.

Согласно принятой методологии исследования институциональные ограничения (факторы) ценностной детерминации жизненных стратегий в российском обществе, определяют «силу» влияния ценностей как социально-регулятивных. Очевидно, что в условиях институциональных деформаций, неравного доступа к институциональным ресурсам и доминирования неформальных институциональных механизмов, в обществе сложно достичь ценностный консенсус на основе базовых интегративных ценностей.

Институциональные акторы, социальные группы и слои, реализующие конкретные поведенческие модели, ориентированы на критерии функциональности в оценке эффективности институциональной системы. Здесь важным является критерий институционального доверия, который выражается в отношении к институтам власти и порядка и минимизируют влияние регулятивного потенциала ценностей тем фактом, что церковь является институтом «символического порядка», точнее, субститутотом с миссией «нравственно-духовного» возрождения общества.

Как следствие институциональных деформаций, перекоса в институциональной иерархии в пользу «порядка», интегративные ценности не встроены в институциональные механизмы, и это обнаруживается в том, что по признанию Л.Н. Гудкова институты нуждаются в «морали» [15]. Другими словами, институциональные акторы действуют по схеме индивидуализации ценностей, создавая ситуацию конфликтности ценностных интерпретаций. Россияне поддерживают идею общего блага и доверяют институтам деятельность, воспринимается заботой об общественном и коллективном благе [16].

Но интегративность в рамках институциональных ограничений, связывается с аморфностью ценностного восприятия, с тем, что признавая реальность порядка, как ценности, определяемой «упорядоченностью жизни» и возможностью реализовать жизненные стратегии, как ни парадоксально звучит, 50% доверяющих православной церкви определяется ее «образом», традицией, но не реальным влиянием на утверждение духовных ценностей в российском обществе.

Можно предположить, что конфигурация ценностей в институциональной системе российского общества не актуализирует потребность в аксиологическом предназначении институтов. Институциональная среда характеризуется привязанностью к властным институтам, реализующим распределительную функцию, и доминирующая ценность порядка связана с запросом на «справедливость власти», правовое равенство, но не включает аксиологические ожидания, связанные с ценностями – идеалами. Восприятие институтов по критерию общего блага основывается на детерминации жизненных стратегий через «правильные» социальные установки, содержащие лоялизм по отношению к власти как гаранту стабильности и порядка.

Реально ситуация выражается в том, что институциональные ограничения нейтрализуют символические высшие ценности и способствуют снижению аттрактивности коллективистских ценностей, которые, согласно позиции респондентов, не являются социальными регуляторами, не ориентированы на социально фиксированные установки. Отсюда, ценность как высший смысл, переносится в сферу личностного выбора, приватной сферы, как общая формула

«жить в ладу с собой». Иными словами, социальная регулятивность ценностей (коллективистских и индивидуалистических) нуждается в морально-нравственных авторитетах в том, что можно охарактеризовать как ориентированность институциональных акторов на включение в институциональные механизмы процедур ценностной легитимации.

Результируя выводы по проблеме структурных институциональных ограничений (факторов) детерминаций жизненных стратегий россиян можно говорить о внутреннем ценностном конфликте между социальными сегментами общества, порождаемом влиянием социальной диспропорцией и институциональной деформацией. В нынешней российской ситуации ценностные детерминанты формируются по модели успеха, что является следствием социоструктурных различий и ценностей консолидационного характера под влиянием дифференциаций по социально-профессиональным и социально-имущественным критериям воспринимается как декларативные, альтернативным вариантом являются ситуативные ценности, разнородные по своему характеру, чтобы претендовать на статус интегративного [17].

Коллективные ценности утратили мобилизационный потенциал. Однако было упрощением считать, что доминируют индивидуалистические ценности. Модель индивидуального успеха не актуализирует запросу на ответственный индивидуализм, основывается на социально-фиксированных установках, подчиняющихся логике повседневности. Таким образом, ценностные детерминанты размываются и воспринимаются в контексте личностных и групповых интерпретаций.

Институциональные ограничения ценностных детерминаций жизненных стратегий выявляют слабость институциональных акторов формировать ценностные паттерны образцы для реализации институциональных механизмов. Если по логике «должного» положение сменяется в пользу социально-регулятивного потенциала ценностей, институциональная среда фиксирует тенденцию рационализации в рамках индивидуализации институциональных механизмов. Вместе с тем фиксирует воспроизводство формальных и неформальных норм, связанных с ценностями на уровне традиции или символического порядка. Восстановление разорванности ценностей и институциональных отношений содержит рациональное и прагматическое обоснование, но не подчеркивает мобилизующее значение ценностей для обновления общественной жизни.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 299 с.
2. Базовые ценности россиян. Социальные установки. Жизненные стратегии. Символы. Мифы. М., 2003. 448 с.
3. Каган М.С. Философская теория ценности. СПб., 1997.
4. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М., 1994. 464 с.
5. Дробницкий О.Г. Понятие морали. М., 1974. 386 с.
6. Grishchenko M.A., Serikov A.V., Skudnova T.D. Structural determinants of life strategies: actualization of collectivist and individualistic values // Opcion. 2019. T. 35. № Special Issue 22. С. 1152-1168.
7. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. М., 2013. 376 с.
8. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на юге России. Ростов-на-Дону, 2017. 452 с.
9. Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М.: Логос, 2000. 430 с.
10. Шендрик А.И. Культура в мире: драма бытия: Избранные работы по теории и методологии культуры, социологии культуры, социальной философии. М., 2007. 702 с.
11. Наумова Н.Ф. Социологические аспекты целенаправленного поведения. М., 1988. 200 с.
12. Горшков М.К. Российское общество как оно есть. Т. 2. М., 2016. 672 с.
13. Волков Ю.Г., Бинеева Н.К., Посухова О.Ю., Сериков А.В. Социальные настроения и адаптивные практики жителей Ростовской области в контексте российской повседневности в условиях кризиса // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 2 (21). С. 71-95.
14. Ментальные программы и модели социального поведения в российском обществе. Ростов-на-Дону, 2016. 366 с.
15. Гудков Л.Н. Негативная идентичность. М., 2004. 816 с.
16. Российское общество и вызовы времени. Кн. 2. М., 2015. 432 с.
17. Чигрин В.А., Городецкая Е.Г. Идентичность: особенности социологического дискурса // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1. № 2 (2). С. 71-78.

Grishchenko Mikhail Aleksandrovich, Director of the College, Rostov Institute for the Protection of Entrepreneurs (2/104, Sergantova St., Rostov-on-Don, 344029, Russian Federation). E-mail: mihail_ag@mail.ru

COLLECTIVIST AND INDIVIDUALISTIC VALUES: OBJECTIVE FACTORS IN SHAPING THE LIFE STRATEGIES OF RUSSIANS

Abstract

Article is devoted to the actual problem of research of collectivist and individualistic values in the context of formation of life strategies of Russians. Based on the understanding of life strategies as behavioral practices aimed at the realization of life goals and priorities of the individual based on value orientations, the author of the article emphasizes the need to identify objective factors that limit or stimulate the influence of collectivist and individualistic values as the meanings of building and implementing life strategies. The main conclusion is that structural and institutional factors in the life strategies of Russians determine the actions of the success model that reflects sociostructural differences in Russian society and fix the weakness of institutional actors in the actualization of collectivist values as a result of unequal access to institutional resources. The social disposition of the individual contains socially fixed attitudes focused on reproducing instrumentalist activism.

Keywords: *life strategies, social disposition, structural restraints, institutional actors, collectivist and individualistic values, sociostructural differences, life goals, social change, individual freedom.*

References

1. Abul'hanova-Slavskaya K.A. Strategiya zhizni. M.: Mysl', 1991. 299 p.
2. Bazovye cennosti rossiyan. Social'nye ustanovki. ZHiznennye strategii. Simvol. Mify. M., 2003. 448 p.
3. Kagan M.S. Filosofskaya teoriya cennosti. SPb., 1997.
4. Stolovich L.N. Krasota. Dobro. Istina. Ocherk istorii esteticheskoy aksiologii. M., 1994. 464 p.
5. Drobniy O.G. Ponyatie morali. M., 1974. 386 p.
6. Grishchenko M.A., Serikov A.V., Skudnova T.D. Structural determinants of life strategies: actualization of collectivist and individualistic values // Opcion. 2019. T. 35. № Special Issue 22. P. 1152-1168.
7. Samoregulyaciya i prognozirovaniye social'nogo povedeniya lichnosti: dispozitsionnaya koncepciya. M., 2013. 376 p.
8. Mental'nye programmy i modal'nye modeli social'nogo povedeniya na yuge Rossii. Rostov-na-Donu, 2017. 452 p.
9. Ionin L.G. Sociologiya kul'tury: put' v novoe tysyacheletie. M.: Logos, 2000. 430 p.
10. SHendrik A.I. Kul'tura v mire: drama bytiya: Izbrannyye raboty po teorii i metodologii kul'tury, sociologii kul'tury, social'noj filosofii. M., 2007. 702 p.
11. Naumova N.F. Sociologicheskie aspekty celenapravlennoy povedeniya. M., 1988. 200 p.
12. Gorshkov M.K. Rossiyskoye obshchestvo kak ono est'. T. 2. M., 2016. 672 p.
13. Volkov YU.G., Bineeva N.K., Posuhova O.YU., Serikov A.V. Social'nye nastroyeniya i adaptivnyye praktiki zhitelej Rostovskoy oblasti v kontekste rossiyskoy povsednevnosti v usloviyakh krizisa // Vestnik Instituta sociologii. 2017. T. 8. № 2 (21). P. 71-95.
14. Mental'nye programmy i modeli social'nogo povedeniya v rossiyskom obshchestve. Rostov-na-Donu, 2016. 366 p.
15. Gudkov L.N. Negativnaya identichnost'. M., 2004. 816 p.
16. Rossiyskoye obshchestvo i vyzovy vremeni. Kn. 2. M., 2015. 432 p.
17. CHigrin V.A., Gorodeckaya E.G. Identichnost': osobennosti sociologicheskogo diskursa // Caucasian Science Bridge. 2018. T. 1. № 2 (2). P. 71-78.

УСТАНОВКА НА ДОЛЖНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Духновский Сергей Витальевич доктор психологических наук, профессор Гуманитарного института североведения, Югорский государственный университет (628012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16). E-mail: dukhnovskysv@mail.ru

Мищенко Владимир Александрович доктор педагогических наук, профессор Гуманитарного института североведения, Югорский государственный университет (628012, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Чехова, 16). E-mail: vam7405@mail.ru

Аннотация

В статье с привлечением эмпирического материала раскрываются личностные особенности государственных гражданских служащих с разной выраженностью установки на должностное развитие. В исследовании установка рассматривается как один из атрибутов профессионального самоотношения служащих. Эмпирические данные были получены с использованием авторских психодиагностических разработок: методики «Отношение к себе как профессионалу» и опросника «Субъективная оценка классов опасности личности». Результаты показали, что у служащих с высоким уровнем установки на должностное развитие выражены «нарциссичный» и «циничный» личностные типы; у служащих с умеренно выраженной установкой преобладают характеристики «осторожно-бдительного» и «радикально-надменного» типов, тогда как у служащих с низким и пониженным уровнем установки на должностное развитие выражены «высоко-этичный» и «расчётливый» личностные типы. Установлены личностные детерминанты кадровых рисков, с разной готовностью к должностному развитию. Показано что формирование активно-позитивного отношения к себе как профессионалу с ориентацией на должностное развитие релевантного актуальному или возможному должностному статусу, а также развитие личностных качеств адекватных данной установке, и необходимых, в плане выполнения своих трудовых функций является условиями минимизирующими кадровые риски.

Ключевые слова: личность, установка, класс опасности, отношение к себе, должностное развитие, кадровый риск, государственный гражданский служащий, личностные качества, личностные типы.

Психологические особенности государственных гражданских служащих являются одним из важных условий, определяющих их карьерное и личностно-профессиональное развитие. Одной из таких особенностей выступает установка на должностное развитие, как атрибут профессионального самоотношения служащего. В этом контексте актуальным является вопрос о личностной детерминации готовности к должностному росту и развитию. Считаем, что личностные особенности с одной стороны являются условиями, способствующими этому, а с другой – могут быть источниками кадровых рисков, обусловленных личностно-типологическим компонентом психологической надежности служащих. Соответственно, сочетание данной установки с психологическими характеристиками служащих, образующих тот или иной их личностный тип (типы) возможно использовать для более гибкого построения профессиональной карьеры, минимизации кадровых рисков, и реализации своей уникальной траектории личностно-профессионального развития в системе государственной гражданской службы.

В научном плане, вопросы отношения к себе, в том числе и применительно к профессиональной сфере решались в исследованиях В.В. Столина [13], С.Р. Пантилеева [9], К.В. Карпинского, А.М. Колышко [7], М.Н. Дарижаповой [2], П.Е. Герасимова [1], С.В. Духновского [4] и др.; описание личностной детерминации видов карьерного развития, в том числе готовности вертикальной карьере, и, соответственно к должностному развитию рассматривалось в работах Э.Ф. Зеера, Э.Э. Сыманюк [5; 6], С.В. Духновского [3; 4], Л.М. Митиной [8], Ю.П. Поварёнова [10], Ю.В. Синягина [11], В.А. Толочка [14], И.Б. Шебуракова, О.Н. Шебураковой [15].

В нашем исследовании под *установкой на должностное развитие*, как одного из показателей отношения к себе – профессионалу, будем понимать готовность (субъективное её ощущение) занять высокую (или более высокую) позицию в должностной иерархии; стремление реализовать себя как профессионала на карьерных должностях, обладающих высоким социальным и / или экономическим статусом.

Отмеченные выше теоретические позиции и эмпирические данные, послужили кратким обоснованием проведения психологического исследования, цель которого, выявление личностных типов и описание кадровых рисков присущих государственным гражданским служащим с разным уровнем готовности к должностному развитию, как показателю профессионального

самоотношения. При проведении исследования исходили из предположения о том, что уровень выраженности готовности к должностному развитию будет различным в зависимости от доминирующего типа (типов) личности у служащих. Соответственно оценка установки на должностное развитие, даёт возможность выявить кадровые риски государственных гражданских служащих.

Методика исследования. Эмпирические данные получены на базе на базе ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Курганский филиал) и Гуманитарного института североведения ФГБОУ ВО «Югорский государственный университет» (г. Ханты-Мансийск). В обследовании приняли участие 137 государственных гражданских служащих, проходивших повышение квалификации в данных вузах.

Для выявления личностных особенностей государственных гражданских служащих использовали психодиагностическую методику «Субъективная оценка классов опасности личности» (СОКОЛ) [3], а для оценки выраженности установки на должностное развитие применяли опросник «Отношение к себе как профессионалу» (ОСП).

Описание основных результатов исследования

В ходе корреляционного анализа были установлены взаимозависимости показателя «установка на должностное развитие» (по методике «ОСП») с показателями по шкалам методики «СОКОЛ». Наиболее значимые результаты, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Матрица интеркорреляций показателей шкал методики «Субъективная оценка классов опасности личности» (методика СОКОЛ) с показателем по шкале «установка на должностное развитие» (методика ОСП)

Шкалы методики «СОКОЛ»	Установка на должностное развитие
Этичный	-0,31*
Циничный	0,33*
Нарцисс	0,38*
Расчетливый	-0,33

Примечание: коэффициенты корреляции на уровне $p \leq 0,05$

Из табл. 1 видим, что показатель «установка на должностное развитие» взаимосвязана с показателями личностных типов. В частности, с показателями «нарциссичный», «циничный», «радикально-надменный» и «осторожно-бдительный» типами личности установлены прямые корреляционные связи, тогда как с показателями «этичный», «расчетливый» типы личности – выявлены обратные взаимозависимости. Полученные результаты позволяют говорить о том, что данные личностные характеристики могут присутствовать у субъектов с готовностью к должностному развитию, которую возможно рассматривать в континууме «высокая – низкая».

Далее, нами установлено, что показатель «установка на должностное развитие», выражен на высоком и повышенном уровне у 23,1% обследованных служащих, на среднем уровне у 49,5%, и на низком и пониженном уровне у 27,3% обследованных. Используя данные, полученные по методике «Субъективная оценка классов опасности личности», результаты которой представлены в табл. 2, нами выявлены доминирующие личностные типы обследованных служащих с разным уровнем данной установки.

Таблица 2

Средние значения по методике «Субъективная оценка классов опасности личности» (СОКОЛ) у субъектов с разным уровнем установки на должностное развитие

Шкалы методики «СОКОЛ»	Средние значения		
	Повышенный и высокий	Средний	Пониженный и низкий
Этичный	34,3±6,3	32,5±6,0	41,5±6,0*
Циничный	41,3±5,9*	34,0±6,5	33,1±6,1
Нарцисс	42,1±6,2*	31,5±5,9	31,7±5,8
Расчетливый	35,2±6,7	35,3±6,4	40,7±6,4*
Радикально-надменный	36,1±6,2	41,1±5,7*	32,4±6,2
Осторожно-бдительный	37,6±6,9	46,4±6,2*	35,7±6,7

Примечание: * – различия достоверно выше на уровне $p \leq 0,05$

Эмпирические данные, представленные в табл. 2, показывают, что в группе субъектов с повышенным и высоким уровнем установки на должностное развитие выражены тип личности «нарциссичный» и «циничный». Ведущими характеристиками «нарциссов» являются рассуди-

тельность, активность, энергичность, честолюбие и предприимчивость, в сочетании с желанием быть на виду и стремлением занять ведущее положение, склонностью к риску и острым ощущениям, категоричностью и упрямством. Служащим с личностным типом «циничный» свойственны подозрительность, недоверчивость, осторожность, скрытность, критичность в оценках окружающих, сочетающиеся с чувствительностью, ранимостью к замечаниям и критике в свой адрес. Обращает на себя внимание выраженное у «циников» стремление к власти, не имея при этом лидерских качеств.

У обследованных с низким и пониженным уровнем установки на должностное развитие выражены «этичный» и «расчётливый» личностные типы. «Этичным» субъектам присущи ответственность, обязательность, стремление к соблюдению установленных правил и договоренностей, в сочетании с чрезмерной рассудительностью, медлительностью и нерешительностью, добротой и совестливостью. Для «расчётливых» субъектов свойственно упорство, настойчивость, самоуверенность и независимость, наличие широких интеллектуальных интересов, в сочетании с замкнутостью и отгороженностью.

Субъектам с умеренно выраженной установкой на должностное развитие свойственны «осторожно-бдительный» и «радикально-надменный» типы личности. Ведущими характеристиками «осторожно-бдительного» типа являются осознание своих сильных и слабых сторон, хорошее владение своими способностями, активность, но в тоже время недоверчивость, зависимость (покорность перед авторитетами), тревожность и фиксированность на неудачах в сочетании с проявляемым высокомерием и соперничеством. У субъектов с «радикально-надменным» типом также имеет место хорошее понимание и владение сильными сторонами своей личности, выраженной способностью к планированию. Но в отличие от «осторожных» субъектов, это может сочетаться с безразличием к решению повседневных (рутинных) дел и вопросов, честолюбием и желанием распространять свою власть на других.

Далее используя нашу концепцию психологической надежности кадровой безопасности [3], опишем возможные личностно-типологические кадровые риски, присущие служащим с различной выраженностью установки на должностное развитие (см. табл. 3).

Таблица 3

Соотношение «уровень установки на должностное развитие – личностный тип – кадровый риск» у государственных гражданских служащих

Уровень установки на должностное развитие	Доминирующий личностный тип	Кадровые риски
<i>Повышенный и высокий</i>	Нарцисс	манипулирование и формирование зависимости других от себя; конфликтность, обусловленная неспособностью калибровать состояние других людей, бесчувственность и эмоциональная холодность
	Циник	стремление к власти (с использованием различных интриг), зависть к успехам коллег; склонность жаловаться руководству «в поисках справедливости», критерием которой служат их собственные интересы и властолюбивые устремления
<i>Средний</i>	Осторожно-бдительный	агрессивность и непомерное властолюбие со стремлением проявлять его на других
	Радикально-надменный	конфликтность, если на пути реализации цели возникают препятствия (субъект считает, что другие мешают этому)
<i>Пониженный и низкий</i>	Этичный	морализаторство (стремление направлять коллег на «путь истинный»), в сочетании с болезненной тягой к справедливости, критериями которой выступают собственные убеждения, а также проявление конфликтности возникающей в связи с нарушением их собственных интересов или интересов коллег
	Расчетливый	замкнутость, переживание депрессивных и субдепрессивных состояний; стремление к деструкции, которое может проявляться в пренебрежении своими профессиональными обязанностями

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие заключения. Предположение о взаимосвязи личностных особенностей с готовностью к должностному развитию, как показателю профессионального самоотношения, нашло своё эмпирическое подтверждение. Анализ личностных типов, образованных глубинно-психологическими побуждениями (в терминологии Л. Зонди [12]), показал, что ведущими для данной установки в структуре отношения госслужащих к себе как профессионалу являются «пароксизмальное» побуждение, отвечающее за морально-этическую регуляцию поведения (типы «этичный» и «циник») и побуждение «Я», отвечающего за обеспечение целостности личности (типы «расчетливый», «осторожный», «нарцисс» и «радикально-надменный»).

Соответственно, установка на должностное развитие, её выраженность, может выступать мотивационной ориентацией личности, в том числе и при выборе карьерного развития. Так, субъекты с высоким и повышенным уровнем ориентации на должностной рост с большей долей вероятности будут предпочитать вертикальную карьеру, тогда как с низким и пониженным – горизонтальную. Кроме того, установка на должностное развитие может быть обусловлена осознанием наличия или отсутствия возможности карьерного роста, стажем трудовой деятельности в организации, социально-экономическими возможностями актуального, возможного и желаемого должностного статуса, а также гендерными и возрастными особенностями субъекта труда.

Готовность занять более высокую должностную позицию, являясь показателем поведенческого компонента отношения к себе как профессионалу, определяет активность личности (совместно с уровнем притязаний и установкой на профессиональное саморазвитие). А сочетаясь с личностными типами, позволяет прогнозировать кадровые риски, обусловленные психологической надежностью государственных гражданских служащих. Минимизация кадровых рисков может идти с одной стороны, по пути формирования активно-позитивного профессионального самоотношения с установкой на должностное развитие релевантной актуальному или возможному должностному статусу. С другой – по пути развития личностных качеств адекватных данной установке, и необходимых, для выполнения своих трудовых функций.

Литература

1. Герасимов П.Е. Теоретические аспекты проблемы «самоотношения» // Ученые записки. 2010. Т. 3. Сер. Психология. Педагогика. № 4 (12). С. 80-84.
2. Дарижапова М.Н. Акмеологические особенности самоотношения государственных служащих. Автореф. дисс. ...канд психол. наук. М., 2008. 26 с.
3. Духновский С.В. Психологическая надежность и кадровая безопасность (на примере государственной гражданской и муниципальной службы): Монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2018. 314 с.
4. Духновский С.В. Профессиональная мотивация государственных гражданских служащих с разным уровнем притязаний // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2020. № 1. С. 27-32.
5. Зеер Э.Ф., Сыманюк Э.Э. Психология профессиональных деструкций: Учебное пособие. Академический проект, Деловая книга, 2005. 240 с.
6. Карпинский К.В., Колышко А.М. Профессиональное самоотношение личности и методика его психологической диагностики: монография. Гродно: ГрГУ, 2010. 140 с.
7. Крук В.М. Актуальные проблемы обеспечения надежности профессиональной деятельности личного состава ОВД // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. №1 (56). С. 100-105.
8. Митина Л.М. Психология профессионально-карьерного развития личности. М.; СПб.: Нестор-История, 2019. 396 с.
9. Пантилеев С.Р. Методика исследования самоотношения. М.: Смысл, 1993. 32 с.
10. Поварёнков Ю.П. Уточнённая характеристика типов и видов деятельности профессионала // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2018. Т. 3. № 2. С. 4-26.
11. Синягин Ю.В. Личностно-профессиональные факторы успешности карьеры современных государственных служащих // Мир психологии. 2010. №4. С. 226-240.
12. Смирнов А.В. Екатеринбургские лекции по экспериментальной диагностики побуждений Леопольда Зонди: учебное пособие. Екатеринбург: Университет, 2005. 256 с.
13. Столин В.В. Самосознание личности. М.: МГУ, 1983. 284 с.

14. Толочек В.А. Профессиональная карьера как социально-психологический феномен. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 262 с.
15. Шебураков И.Б., Шебуракова О.Н. Мотивация государственных гражданских служащих: необходимость системного подхода // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Т. 5. № 3. С. 295–304.

Dukhnovsky Sergey Vitalievich, Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Humanitarian Institute, Northern Studies of Ugra State University (16, Chekhov St., Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation). E-mail: dukhnovskysv@mail.ru

Mishchenko Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Humanitarian Institute, Northern Studies of Ugra State University (16, Chekhov St., Khanty-Mansiysk, 628012, Russian Federation). E-mail: vam7405@mail.ru

SETTING FOR CARRIER DEVELOPMENT OF PUBLIC CIVIL SERVANTS: EMPIRICAL RESEARCH

Abstract

The article with the involvement of empirical material reveals the personal characteristics of state civil servants with different severity of the attitude to official development. In the study, the installation is considered as one of the attributes of professional self-attitude of employees. Empirical data were obtained using copyright psychodiagnostic developments: the methodology "Treating yourself as a professional" and the questionnaire "Subjective assessment of personality hazard classes." The results showed that employees with a high level of attitude to official development expressed "narcissistic" and "cynical" personal types; employees with a moderately pronounced setting are dominated by the characteristics of the "cautious" and "radical-arrogant" types, while employees with a low and reduced level of setting for official development are expressed as "high-ethical" and "calculated" personal types. Personal determinants of personnel risks have been established, with different readiness for official development. It has been shown that the formation of an active-positive attitude towards oneself as a professional with an orientation towards the official development of relevant to current or possible job status, as well as the development of personal qualities adequate for this installation, and necessary, in terms of fulfilling their labor functions, are conditions that minimize personnel risks.

Keywords: *personality, establishment, hazard class, self-attitude, job development, personnel risk, civil servant, personal qualities, personality types.*

References

1. Gerasimov P.E. Teoreticheskie aspekty problemy «samootnosheniya» // Uchenye zapiski. 2010. T. 3. Ser. Psihologiya. Pedagogika. № 4 (12). P. 80-84.
2. Darizhapova M.N. Akmeologicheskie osobennosti samootnosheniya gosudarstvennykh sluzhashchih. Avtoref. diss. ...kand psihol. nauk. M., 2008. 26 p.
3. Duhnovskij S.V. Psihologicheskaya nadezhnost' i kadrovaya bezopasnost' (na primere gosudarstvennoj grazhdanskoj i municipal'noj sluzhby): Monografiya. Kurgan: Izd-vo Kurganskogo gos. un-ta, 2018. 314 p.
4. Duhnovskij S.V. Professional'naya motivaciya gosudarstvennykh grazhdanskih sluzhashchih s raznym urovnem prityazanij // Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchyonye zapiski. 2020. № 1. P. 27-32.
5. Zeer E.F., Symanyuk E.E. Psihologiya professional'nyh destrukcij: Uchebnoe posobie. Akademicheskij proekt, Delovaya kniga, 2005. 240 p.
6. Karpinskij K.V., Kolyshko A.M. Professional'noe samootnoshenie lichnosti i metodika ego psihologicheskoy diagnostiki: monografiya. Grodno: GrGU, 2010. 140 p.
7. Kruk V.M. Aktual'nye problemy obespecheniya nadezhnosti professional'noj deyatel'nosti lichnogo sostava OVD // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2014. №1 (56). P. 100-105.
8. Mitina L.M. Psihologiya professional'no-kar'ernogo razvitiya lichnosti. M.; SPb.: Nestor-Istoriya, 2019. 396 p.
9. Pantileev S.R. Metodika issledovaniya samootnosheniya. M.: Smysl, 1993. 32 p.
10. Povaryonkov YU.P. Utochnyonnyaya harakteristika tipov i vidov deyatel'nosti professionala // Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaya psihologiya i psihologiya truda. 2018. T. 3. № 2. P. 4-26.
11. Sinyagin YU.V. Lichnostno-professional'nye faktory uspešnosti kar'ery sovremennykh gosudarstvennykh sluzhashchih // Mir psihologii. 2010. №4. P. 226-240.
12. Smirnov A.V. Ekaterinburgskie lekci po eksperimental'noj diagnostike pobuzhdenij Leopold'a Zondi: uchebnoe posobie. Ekaterinburg: Universitet, 2005. 256 p.
13. Stolin V.V. Samosoznanie lichnosti. M.: MGU, 1983. 284 p.
14. Tolochek V.A. Professional'naya kar'era kak social'no-psihologicheskij fenomen. M.: Izd-vo «Institut psihologii RAN», 2017. 262 p.
15. SHeburakov I.B., SHeburakova O.N. Motivaciya gosudarstvennykh grazhdanskih sluzhashchih: neobhodimost' sistemnogo podhoda // Vestnik RUDN. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. 2018. T. 5. № 3. P. 295–304.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИК КАРЕЛИИ И КОМИ ОБ ИТОГАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

- Ильин Александр Юрьевич** кандидат философских наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33). E-mail: iljin63@mail.ru
- Игнатова Татьяна Владимировна** доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой экономической теории и предпринимательства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: tignatova@aanet.ru
- Понеделков Александр Васильевич** доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru
- Воронцов Сергей Алексеевич** доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54). E-mail: raven_serg@mail.ru

Аннотация

Целью написания статьи стал анализ результатов социологического опроса учащейся молодежи Республик Карелия и Коми как объекта исследования о восприятии итогов Великой Отечественной войны, проведенного для определения задач молодежной политики и патриотического воспитания учащейся молодежи. Рассматривается структура источников информации, семейный опыт, особенности изучения и представления об итогах Великой Отечественной войны, используемые школьниками и студентами. Проведенный сравнительный анализ сопровождается экспертной рефлексией по вопросам проведения общественно-патриотических мероприятий, организации юбилейного празднования. Статья подготовлена на основании эмпирической информации межрегионального социологического исследования в пяти федеральных округах, десяти субъектах Федерации РФ.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, молодежь, историческая память, политическое восприятие, Республика Карелия, Республика Коми, социологический опрос, патриотические мероприятия, молодежная среда.

ВВЕДЕНИЕ. Историческая память народа – это память поколений, поэтому так важна преемственность передачи как фактической исторической информации, так и эмоционального коллективного восприятия исторически значимых событий, семейных историй, воспоминаний (письменных и устных) реальных участников решающих событий. В феврале 2020 г. учеными Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, Петрозаводского государственного университета, Коми республиканской академии государственной службы и управления и других вузов [1-2] был представлен на конференции анализ результатов социологического опроса молодых людей, школьников, учащихся колледжей и студентов в возрасте от 16 до 30 лет по вопросам восприятия ими итогов Великой Отечественной войны [3]. В Северо-Западном федеральном округе опрос проводился в двух субъектах РФ, как и в других федеральных округах.

28 – 29 февраля 2020 г. в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС состоялось разностороннее заинтересованное обсуждение данной проблемы в рамках проведения Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России» в г. Ростов-на-Дону, на которой обсуждались результаты аналитических исследований по итогам проведенного опроса [4]. Выступления участников конференции – представителей научного сообщества, Донского казачества, органов власти и управления – Администрации Ростовской области, Росмолодежи, общественных организаций – Ассоциации муниципальных образований, родственников героев войны – внуки известного борца за освобождение узников Собибора –

ростовчанина Александра Печерского представили различные срезы анализа молодежного восприятия итогов Великой отечественной войны в целом, действий ее героев, интерпретации итогов в зарубежных и отечественных СМИ, в резолюциях международных организаций.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье представлены некоторые итоги анализа результатов социологического опроса, проведенного в двух субъектах Федерации Северо-Западного федерального округа. В ноябре 2019 – январе 2020 г. в Республике Карелия опрошено 452 респондентов, в Республике Коми – 650. Формулировки вопросов и варианты ответов изложены в редакции, предложенной респондентам. Данные приведены в процентах от реального количества ответов [3].

Ответы на первый вопрос и их распределение (таблица 1) показывает, что молодежь в большинстве своем является хранителем исторической памяти – более 85 %.

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос 1: «Что для Вас значит Великая Отечественная война?» (%)

Варианты ответа	Республика Карелия	Республика Коми
1.1 Событие, которое во многом определило современную расстановку сил мирового сообщества.	28,14	26,38
1.2 Самое главное событие XX века для россиян и жителей бывших республик СССР.	22,51	26,69
1.3 Огромный жизненный и нравственный урок будущим поколениям.	35,28	32,69
1.4 Это история нашей семьи.	7,14	8,15
1.5 Для меня ВОВ – далёкое прошлое, события военной поры сейчас не актуальны.	4,33	2,56
1.6 Другое ✓ Огромные потери, не повлекшие за собой ничего хорошего для народа. ✓ Защита СССР своего государства. ✓ Главный для меня день! Ведь наша страна смогла победить немцев. ✓ Огромнейшая ошибка, стоящая миллионов людских жизней. ✓ Это событие, в котором было потеряно много жизней. ✓ Это главное событие как для людей XX века, так и для нынешнего времени. ✓ Память о наших родственниках, которые защищали свою страну. ✓ Уничтожение лучших представителей СССР, уничтожение архитектуры, важных исторических документов. ✓ Пример того, как из-за отсутствия умения договариваться страдают люди.	1,08	1,35
1.7 Затрудняюсь ответить	1,5	2,18

Личный интерес в изучении событий Великой Отечественной войны проявляют 83,41 % респондентов в Республике Карелия и 80,62 % – в Республике Коми (табл. 2).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос 2: «Интересуетесь ли Вы лично событиями Великой Отечественной войны?» (%)

Варианты ответа	Республика Карелия	Республика Коми
2.1 Да, интересуюсь.	25,97	34,85
2.2 Отчасти интересуюсь.	57,58	45,77
2.3 Нет, не интересуюсь.	14,94	14,69
2.4 Другое: ✓ Интересуюсь, но не всегда. ✓ Интересуюсь – это прошлое моей семьи, страны.	0,86	0,30
2.5 Затрудняюсь ответить	0,65	4,39

Учитывая, что респонденты могли выбрать до пяти вариантов ответов об источниках информации (табл. 3), можно сделать вывод, что количество вариантов ответов в среднем по респонденту в Республике Карелия было на треть больше от количества ответов в Республике Коми, т.е. карельская молодежь указывала большее число источников. При этом удельный вес упоминаний художественных и документальных фильмов также на треть больше, чем в Коми, а посещение музеев и мемориальных комплексов почти в два раза больше. Главным фактором является близость Карелии к Санкт-Петербургу и наличие мемориальных комплексов на месте боев в период Великой Отечественной войны на территории Карелии.

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос 3: «Из каких источников Вы узнаете о событиях Великой Отечественной войны? (разрешалось выбрать не более 5-ти вариантов)» (%)

Варианты ответа	Республика Карелия	Республика Коми
3.1 Школьного и университетского курсов отечественной и зарубежной истории.	74,46	52,15
3.2 Популярных курсов по телевидению и в интернете.	31,17	22,15
3.3 Дискуссий в социальных сетях.	17,32	15,38
3.4 Сюжетов компьютерных игр.	18,61	12,92
3.5 Художественных фильмов.	55,84	38,92
3.6 Документальных фильмов.	67,97	51,54
3.7 В результате посещения музеев и мемориальных комплексов.	51,30	28,00
3.8 Семейных историй.	40,69	27,69
3.9 В процессе общения с друзьями.	9,74	9,23
3.10 В результате участия в общественных тематических мероприятиях	20,01	23,85
3.11 Другое: ✓ Из книг. ✓ Истории деда. ✓ Чтение книг, изучение архивных данных ВОВ. ✓ Чтение книг, архивных материалов.	1,42	1,80
3.12. Затрудняюсь ответить	0,00	1,82

Современная учащаяся молодежь считает в большинстве своем, что знание истинных фактов и результатов Великой Отечественной войны необходимо для нее – более половины безусловно положительных ответов.

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос 12: «Считаете ли Вы знание истинных фактов и результатов Великой Отечественной войны необходимым для современной молодежи?» (%)

Варианты ответа	Республика Карелия	Республика Коми
12.1 Да, безусловно. Почитание и уважение своей истории и её героев необходимо для успешного формирования исторического сознания молодого поколения.	51,11	53,23
12.2 Да. Оно может благоприятно влиять на развитие политического, научного и творческого потенциала молодежи.	23,16	25,46
12.3 Да, но не в значительной степени. Уважать прошлое нужно, но в современное время это не актуально.	14,88	9,85
12.4 Нет, не обеспечивает никакого полезного эффекта сейчас. Что было, то прошло.	2,38	3,54
12.5 Можно рассматривать уместным как инструмент манипулирования, воздействия на сознание и формирование «удобного» мнения.	4,98	3,38
12.6 Другое: ✓ Да, мы должны знать свою историю и наших героев, чтить их поступки. Плюс ко всему мы формируем понимание о том, что такое война, на основе прошлого опыта. ✓ В случае, если присутствует интерес, то знание истинных фактов играет важную роль.	1,76	1,35
12.7 Затрудняюсь ответить	1,73	3,19

В вопросе о существовании проблем в преподавании истории Великой Отечественной войны в современных образовательных учреждениях (таблица 5) мнения респондентов в Республике Коми разделились почти поровну: 44,77 % считают, что такой проблемы нет, а 46,46 % полагают, что проблема отчасти существует или учащиеся почти не получали знаний о Великой Отечественной войне в рамках образовательного процесса. Вызывает беспокойство, что только 37,23 % респондентов из учебных заведений Республики Карелия считают, что информация о Великой Отечественной войне в рамках основных образовательных программ общеобразовательных учреждений преподается качественно и в полном объеме, а подавляющее большинство на эту проблему указывает, либо вообще затрудняется ответить (58,23 %). Возможно, это объясняется тем, что 74 % карельских респондентов находятся в возрасте 16-18 лет, и их опыт изучения истории России ограничен, в основном, средним, а не высшим образованием.

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос 16: «Существуют ли, на Ваш взгляд, проблемы в преподавании истории Великой Отечественной войны в современных образовательных учреждениях?»

Варианты ответа	Республика Карелия	Республика Коми
16.1 Нет, такой проблемы нет. Информация о Великой Отечественной войне в рамках основных образовательных программ общеобразовательных учреждений преподается качественно и в полном объеме.	37,23	44,77
16.2 Проблема отчасти существует. Это событие недостаточно полно рассматривается в стенах учебных заведений.	47,19	35,31
16.4 Да, существует. Я почти не получаю знаний о Великой Отечественной войне в рамках образовательного процесса.	7,58	11,15
16.5 Другое:	1,30	1,50
16.6 Затрудняюсь ответить	3,46	7,27

При выборе вариантов ответа о главных итогах Второй мировой войны (табл. 6) карельские респонденты дали в 2,4 раза меньше ответов, причем для них, как и для представителей всех остальных регионов России, кроме Республики Коми, на первое место вышла Победа над фашизмом. Для Республики Коми этот вариант ответа отметили только 29,67 % респондентов, а например, в г. Москва – 64 %. Фактически первое место делят варианты – рост международного авторитета СССР и создание системы международной безопасности, получившие каждый более 50 %, чего не наблюдалось ни в одном другом регионе опроса.

Таблица 6

Ответы респондентов на вопрос 20: «Каковы главные итоги Второй мировой войны? (разreshалось выбрать не более 3-х вариантов)» (%)

Варианты ответа	Республика Карелия	Республика Коми
20.1 Победа над фашизмом.	40,92	29,67
20.2 Рост международного авторитета СССР.	18,17	55,33
20.3 Рост международного авторитета США.	2,08	0,00
20.4 Создание системы международной безопасности.	11,54	52,33
20.5 Создание ООН.	9,77	59,33
20.6 Восстановление национальной независимости и суверенности стран Европы.	9,15	37,33
20.7 Создание ядерного оружия.	5,08	18,33
20.8 Другое: ✓ Разруха и смерть со слезами. ✓ Победа СССР над Германией и её союзниками. ✓ Победа над нацизмом. ✓ Создание государства Израиль. ✓ Огромные потери людей и ресурсов всеми сторонами. ✓ Очень много пролито крови. На сегодняшний день мы, к сожалению, не видим никаких положительных результатов Победы. Они были, безусловно, но все это, к сожалению, было зря, я считаю. ✓ Миллионы скелетов на земле.	1,05	0,33
20.9 Затрудняюсь ответить	2,24	0,00

Следует учитывать, что опрос проводился до введения мер защиты от коронавируса, и молодежь искренне и массово собиралась участвовать в коллективных памятных мероприятиях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Студенты вузов и колледжей Республик Карелия и Коми проявляют достаточно высокий уровень гражданской зрелости, налицо восприятие методов патриотического воспитания, применяемых в учебных заведениях. Учащаяся молодежь Северо-Запада имеет значительный потенциал по вхождению в политическую, научную, культурную элиту России.

Социологический опрос и интерпретация его результатов показывают существование запроса на осознанное восприятие итогов Великой Отечественной войны, что является основой для проведения дальнейших мультидисциплинарных историко-социологических и политологических исследований учеными различных регионов России.

Литература

1. Батанина И.А., Понеделков А.В., Игнатова Т.В., Воронцов С.А. Итоги Великой Отечественной войны в политическом восприятии молодежи: по материалам социологического опроса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 1. С. 3-11.
2. Воронцов С.А., Игнатова Т.В., Понеделков А.В., Колядин А.П. Восприятие Великой Отечественной войны в молодежной среде Ставропольского края и РСО-Алания: вызовы для государственной молодежной политики // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 1. С. 169-173.
3. Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России. Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 28-29 февраля 2020 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2020. 160 с.
4. Восприятие итогов Великой Отечественной войны в молодежной среде современной России. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 28-29 февраля 2020 г. Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2020. 352 с.

Ilyin Alexander Yuryevich, Candidate of Philosophy Science, Associate Professor of Foreign History, Political Science and International Relations, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University (33, Lenin ave., Petrozavodsk, Republic of Karelia, 185910, Russian Federation). E-mail: iljin63@mail.ru

Ignatova Tatyana Vladimirovna, Doctor of Economic Science, Professor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: tignatova@aaanet.ru

Ponedelkov Alexander Vasilievich, Doctor of Political Science, Professor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Vorontsov Sergey Alekseevich, Doctor of Legal Science, professor, South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: raven_serg@mail.ru

HISTORICAL MEMORY OF THE YOUTH OF KARELIA AND KOMI REPUBLICS ON THE RESULTS OF THE GREAT PATRIOTIC: ON THE MATERIALS OF THE SOCIOLOGICAL REVIEW

Abstract

The purpose of the article is to represent an analysis of the results of the sociological review of studying youth of Karelia and Komi Republics about the results of the Great Patriotic war, held with aim of setting the tasks of the youth policy and the patriotic learning of the youth. The structure of sources of information, family experience, results of study in educational organizations about the results of the Great Patriotic war used by schoolchildren and students is considered. The comparative analysis carried out is accompanied by expert reflection onto the problems of social patriotic actions, organization of jubilee festivities. The article was prepared on the basis of empirical information of interregional sociological research held in five federal districts, ten regions.

Keywords: Great Patriotic war, youth, historical memory, political perception, Republic of Karelia, Republic of Komi, sociological review, patriotic events, youth environment.

References

1. Batanina I.A., Ponedelkov A.V., Ignatova T.V., Voroncov S.A. Itogi Velikoj Otechestvennoj vojny v politicheskom vospriyatii molodezhi: po materialam sociologicheskogo oprosa // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2020. № 1. P. 3-11.
2. Voroncov S.A., Ignatova T.V., Ponedelkov A.V., Kolyadin A.P. Vospriyatie Velikoj Otechestvennoj vojny v molodezhnoj srede Stavropol'skogo kraja i RSO-Alaniya: vyzovy dlya gosudarstvennoj molodezhnoj politiki // Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 1. P. 169-173.
3. Vospriyatie itogov Velikoj Otechestvennoj vojny v molodezhnoj srede sovremennoj Rossii. Informacionno-analiticheskie materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem 28-29 fevralya 2020 g. Rostov n/D.: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2020. 160 p.
4. Vospriyatie itogov Velikoj Otechestvennoj vojny v molodezhnoj srede sovremennoj Rossii. Materialy Vse-rossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem 28-29 fevralya 2020 g. Rostov n/D.: Izd-vo YURIU RANHiGS, 2020. 352 p.

СТРУКТУРА СОБСТВЕННОСТИ СИСТЕМНО ЗНАЧИМЫХ БАНКОВ РФ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ УЯЗВИМОСТИ К РИСКУ ОТМЫВАНИЯ ДЕНЕГ И РЕКОМЕНДАЦИИ ПО ИХ МОНИТОРИНГУ

Ильин аспирант кафедры финансового мониторинга и финансовых рынков,
Артур Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (344002,
Владимирович Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69). E-mail: fnauka@bk.ru

Аннотация

Статья посвящена определению потенциальных уязвимостей системно значимых банков РФ к риску отмыывания денег, обусловленных их структурой собственности и бенефициарного владения. Использованы методы логического и сравнительного анализа. По результатам анализа структуры собственности и бенефициарного владения российские системно значимые банки сгруппированы автором в зависимости от вида собственника. Для каждой группы банков автором выявлены потенциальные уязвимости к риску отмыывания денег, а также разработаны рекомендации по их мониторингу. Автором подтверждено, что структура собственности российских системно значимых банков может являться источником уязвимостей к риску отмыывания денег, однако в наибольшей степени это касается банков, основным собственником которых являются иностранные структуры либо российские юридические и физические лица.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, бенефициарный владелец, дочерняя компания, холдинг, финансовые риски, номинальные юридические лица, отмыывание денег, кредитно-финансовая сфера, кредитные организации.

Эффективность российского финансового мониторинга, включая управление рисками отмыывания денег и финансирования терроризма, была высоко оценена международными организациями. По результатам взаимной оценки 2019 г. РФ получила наилучший из возможных по действующим процедурам результат. Вместе с тем, результаты взаимных оценок показали, что в российской экономике существуют области с наибольшей концентрацией рисков ОД/ФТ, к числу которых относится кредитно-финансовая сфера. В свою очередь, по размеру и концентрации активов ядром российской кредитно-финансовой сферы являются системно значимые банки.

Как показывают исследования, для «российских системообразующих кредитных организаций характерны уязвимости к глобальным рискам (работа на международном финансовом рынке и повышенные страновые риски) и основным банковским рискам» [1], включая увеличенные операционные риски [2], риски ликвидности [3], риски кибербезопасности, кредитные риски [4].

Малоисследованной областью является структура собственности системно значимых банков. В существующих работах основное внимание уделено влиянию государственного участия на деятельность системно значимых банков (например, [5], [6], [7]).

Однако, проблемам прозрачности и бенефициарной собственности юридических лиц, в том числе кредитных организаций, особое внимание уделяет Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыыванием денег (ФАТФ). Этим проблемам посвящен отдельный раздел Рекомендаций ФАТФ, а также ряд типологических исследований¹. Акцентуация внимания ФАТФ и национальных регуляторов на проблемах собственности юридических лиц обусловлена тем, что «отсутствие или недостаток прозрачности; сложная, нередко избыточная структура собственности; неэффективные меры контроля за деятельностью юридических лиц; упрощенность процедур создания юридических лиц, способствующая созданию фирм-однодневок; возможность подмены либо сокрытия фактических владельцев компаний» [8, с.5] и другие факторы существенно увеличивают национальный риск ОД/ФТ.

Проблема вовлеченности собственников и бенефициарных владельцев кредитных организаций в процессы ОД/ФТ отмечена в отчете «Национальная оценка рисков легализации (отмыывания) преступных доходов 2017-2018 гг.» (НОР ОД РФ), а также в некоторых научных

¹ Например, Отчет ЕАГ «Типологии неправомерного вывода активов из кредитных организаций и отмыывание преступных доходов» (2016).

исследованиях [9]. Поэтому целью нашей статьи является выявление потенциальных уязвимостей российских системно значимых банков к риску отмывания денег на основе анализа структуры их собственности и бенефициарного владения, а также разработка соответствующих рекомендаций по мониторингу.

В России к системообразующим кредитным организациям относятся банки, отвечающие критериям системной значимости, установленным нормативным актом Банка России.¹ По состоянию на 01.07.2020 г. это 11 кредитных организаций.

Согласно Федеральному закону 115-ФЗ «бенефициарный владелец - ... физическое лицо, которое в конечном счете прямо или косвенно (через третьих лиц) владеет (имеет преобладающее участие более 25 процентов в капитале) клиентом - юридическим лицом либо имеет возможность контролировать действия клиента»².

Для анализа мы использовали данные, размещенные на официальном сайте ЦБ РФ «Лица, под контролем либо значительным влиянием которых находится кредитная организация».

Обобщенные нами данные о собственниках и бенефициарных владельцах системно значимых банков РФ представлены в табл. 1.

Таблица 1

Структура собственности российских системно значимых банков

№ п/п	Системно значимые банки	Основные собственники и бенефициарные владельцы
1	АО ЮниКредит банк	100% - ЮниКредит С.п.А. (UniCredit S.p.A.) Местонахождение: Италия, Милан Входит в UniCredit Group, которая включена в число глобальных системно значимых банков
2	Банк ГПБ (АО)	29,76% - ПАО Газпром, остальные лица – каждое менее 25%
3	Банк ВТБ (ПАО)	60,93% - Росимущество, остальные лица – каждое менее 25%
4	АО «Альфа-банк»	ABN HOLDINGS S. A. (ЭЙ-БИ-ЭЙЧ ХОЛДИНГЗ С.А.) является лицом, под контролем которого в соответствии с критериями МСФО (IFRS) 10 находится банк. Признак контроля – ABN HOLDINGS S.A. (ЭЙ-БИ-ЭЙЧ ХОЛДИНГЗ С.А.) является конечной материнской компанией банка.
5	ПАО Сбербанк	52,32% – РФ в лице Минфина 47,68% - акции в публичном обращении
6	ПАО Банк «ФК Открытие»	99,9% - Банк России
7	ПАО РОСБАНК	99,97% - Societe Generale S.A. (Сосьете Женераль С.А.) Местонахождение: Франция, Париж Входит в число глобальных системно значимых банков
8	ПАО «Промсвязьбанк»	100% - Росимущество
9	АО «Райффайзенбанк»	100% - Райффайзен Банк Интернациональ АГ Местонахождение: Австрия, Вена Конечными собственниками Райффайзен Банк Интернациональ АГ, являются около 1 700 000 пайщиков – не связанных между собой физических лиц, каждый из которых не владеет прямо или косвенно более 20% уставного капитала Райффайзен Банк Интернациональ АГ Входит в число национальных системно значимых банков Австрии
10	АО «Россельхозбанк»	100% - Росимущество
11	ПАО "Московский кредитный банк"	56% - ООО «Концерн «РОССИУМ», остальные лица – каждое менее 25%

Источник: составлено автором на основе «Лица, под контролем либо значительным влиянием которых находится кредитная организация» // www.cbr.ru

На основе данных табл. 1 нами сделаны следующие выводы.

Во-первых, в 6 из 11 системно значимых банков основным собственником является государство (ГПБ, ВТБ, Сбербанк, ФК Открытие, Промсвязьбанк, Россельхозбанк).

¹ Указание Банка России от 22.07.2015 № 3737-У «О методике определения системно значимых кредитных организаций».

² Федеральный закон №115-ФЗ от 07.08.2001 «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Во-вторых, в 4 из 11 системно значимых банков основными собственниками являются иностранные юридические лица (Юникредит, Росбанк, Райффайзенбанк, Альфа-банк), зарегистрированные в европейских странах (Австрия, Италия, Люксембург, Франция).

В-третьих, в одном системно значимом банке основным собственником является российское юридическое лицо (Московский кредитный банк).

Соответственно, идентификацию потенциальных уязвимостей к риску отмыывания денег целесообразно провести по каждой группе системно значимых банков.

Так, у группы банков, основным собственником которых является государство, потенциальные уязвимости к риску отмыывания денег, проистекающие из структуры собственности и/или особенностей бенефициарного владения, можно считать относительно небольшими.

В отношении группы банков, основными собственниками которых являются иностранные юридические лица, выделим два аспекта.

Во-первых, Юникредит, Росбанк, Райффайзенбанк являются дочерними компаниями европейских банков. В Рекомендации ФАТФ №18 указано, что «Финансовые учреждения должны быть обязаны обеспечить применение мер ПОД/ФТ через групповые программы по борьбе с отмыыванием денег и финансированием терроризма зарубежными филиалами и дочерними компаниями с их контролирующим участием в соответствии с требованиями страны расположения по применению Рекомендаций ФАТФ»¹. Таким образом, в данных российских системно значимых банках системы внутреннего контроля в целях ПОД/ФТ, с одной стороны, организованы и осуществляются в рамках групповых программ по ПОД/ФТ европейских материнских банков, а с другой стороны, в рамках российского законодательства по ПОД/ФТ.

Отметим, что об эффективности мероприятий европейских материнских банков, связанных с применением мер в сфере ПОД/ФТ и доступностью компетентным органам информации о бенефициарном владении, можно судить по оценкам эффективности европейских систем ПОД/ФТ², проанализированным нами в отдельной статье [10]. В Австрии рейтинги непосредственного результата 4 («финансовые учреждения должным образом применяют превентивные меры в сфере ПОД/ФТ соразмерно их рискам»³) и непосредственного результата 5 («информация касательно бенефициарного владения беспрепятственно доступна компетентным органам»⁴) находятся на умеренном уровне, требующем существенных улучшений. В Италии непосредственный результат 4 имеет умеренный уровень, а непосредственный результат 5 показывает значительную степень эффективности с возможностью отдельных улучшений. В целом, мы делаем вывод о том, что существование потенциальных уязвимостей в российских банках, основными собственниками которых являются европейские банки, возможно.

Во-вторых, отдельного внимания заслуживает Альфа-банк, материнской компанией которого является иностранный холдинг, принадлежащий российским физическим лицам (рис. 1).

Группа бенефициаров, имеющих двойные гражданства, холдинговая структура собственности, регистрация банка в европейском оффшоре (Люксембург) позволяет нам предположить, что в данном системно значимом банке возможно существование потенциальных уязвимостей, связанных с особенностями структуры собственности.

В отношении системно значимого банка (Московский кредитный банк), основным собственником которого является российское юридическое лицо (ООО «Россиум»), отметим следующее. Согласно данным системы СПАРК-Интерфакс бенефициарным владельцем ООО «Россиум» является российское физическое лицо. Таким образом, ПАО «Московский кредитный банк» находится под контролем и значительным влиянием этого физического лица. Для идентификации потенциальных уязвимостей, которые могут сопровождать такую структуру собственности, с помощью системы СПАРК-Интерфакс нами проанализированы уровни рисков других компаний, владельцем которых выступает данное физическое лицо.

¹ Рекомендации ФАТФ. Международные стандарты по противодействию отмыыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения / Пер. с англ. М.: МУМЦФМ, 2012. С. 25.

² На 30.04.2020 г. прошли раунд взаимных оценок только Австрия и Италия. Взаимные оценки Франции и Люксембурга запланированы на следующие годы.

³ Методология оценки технического соответствия Рекомендациям ФАТФ и эффективности систем ПОД/ФТ. Февраль 2013 г. URL: <http://www.fedsfm.ru/content/files/documents/fatf/rus%20fatf%20methodology%2022%20feb%202013.pdf> (дата обращения 08.08.2020)

⁴ Там же.

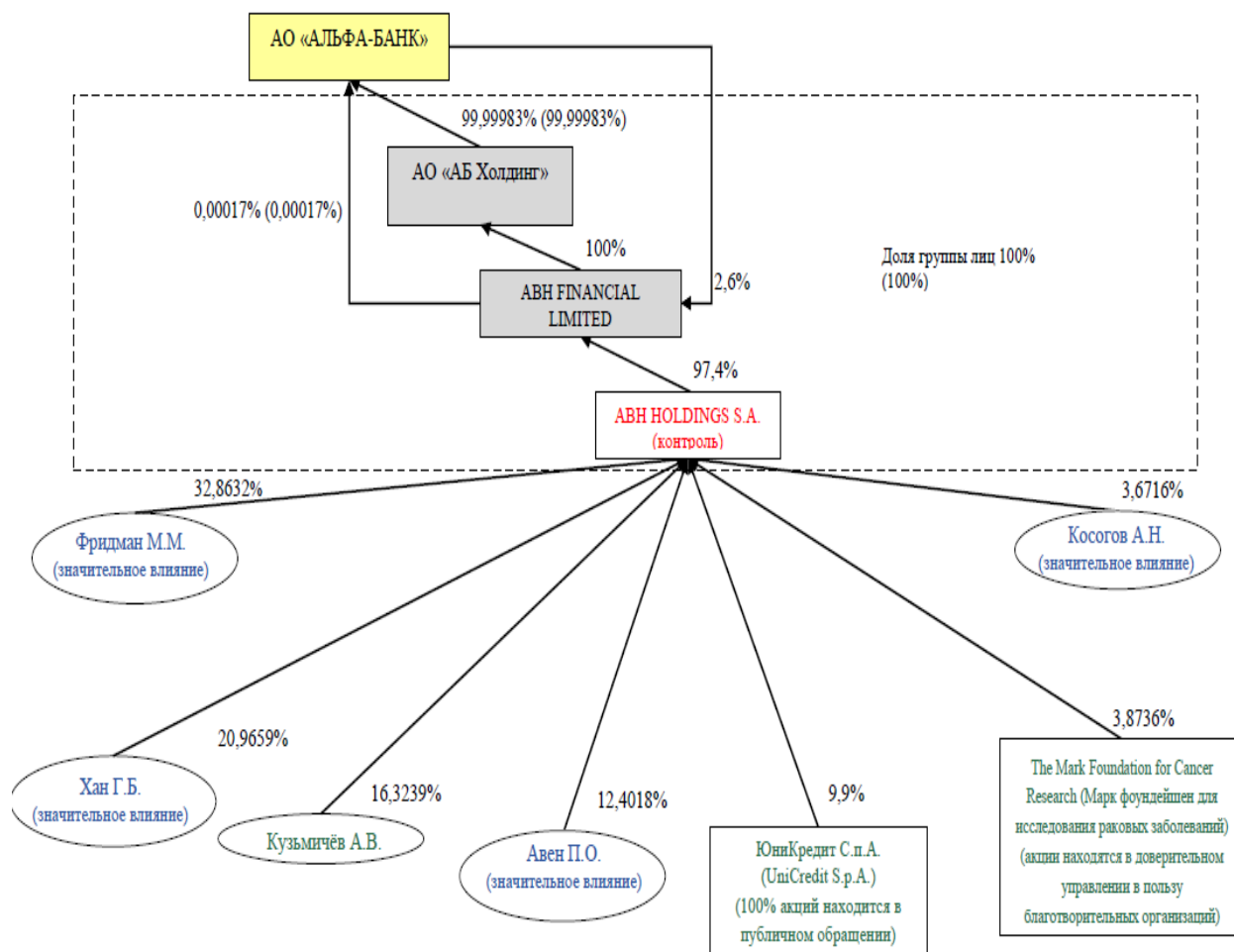

Рис. 1. Схема взаимосвязей Альфа-банка и лиц, под контролем либо значительным влиянием которых находится кредитная организация¹

В системе СПАРК-Интерфакс рассчитывается совокупный индикатор риска компании, включающий три вида «индексов:

- а) индекс должной осмотрительности (ИДО) – скоринг, показывающий вероятность того, что компания является «фирмой-однодневкой»;
- б) индекс финансового риска (ИФР) – оценка вероятности неплатежеспособности компании;
- в) индекс платежной дисциплины (ИПД) – показатель, учитывающий своевременность оплаты компанией счетов» [11].

Среди компаний, собственником которых является бенефициарный владелец ПАО «Московский кредитный банк», нами были обнаружены те, которые имеют высокий и средний уровень совокупного риска - ООО «Компания Вектор» и ООО «Регион Девелопмент».

ООО «Компания Вектор»: сводный индикатор показывает высокий риск, из-за того, что уровни индексов должной осмотрительности и индекса финансового риска находятся на среднем уровне.

ООО «Регион Девелопмент»: сводный индикатор показывает средний риск, из-за того, что уровень индекса должной осмотрительности низкий, а уровень индекса финансового риска высокий.

С точки зрения идентификации потенциальных уязвимостей наибольший интерес представляют компании со средним и высоким уровнем индекса должной осмотрительности, поскольку такие уровни данного индекса, как правило, свидетельствуют о том, что компания может быть «фирмой-однодневкой» (они же номинальные юридические лица). В свою очередь, номинальные юридические лица зачастую используются в схемах отмыкания денег.

Соответственное, владение бенефициарным владельцем системно значимого банка компаниями, имеющими повышенные риски, позволяет нам предположить, что в данном системно

¹ «Лица, под контролем либо значительным влиянием которых находится кредитная организация»// www.cbr.ru

значимом банке возможно существование потенциальных уязвимостей, связанных с особенностями бенефициарного владения.

Таким образом, анализ структуры собственности и бенефициарного владения российских системно значимых банков позволил выявить их уязвимости к риску отмыывания денег. Для банков, основным собственником которых является государство, потенциальные уязвимости к риску отмыывания денег, проистекающие из структуры собственности и/или особенностей бенефициарного владения, можно считать относительно небольшими, так как они, в отличие от частных банков, подвержены процедурам государственного финансового контроля. У всех остальных групп российских системно значимых банков наличие уязвимостей к риску отмыывания денег возможно. У российских банков, которые являются дочерними компаниями европейских банков, уязвимости к риску отмыывания денег могут возникать из-за состояния национальных систем ПОД/ФТ стран, где зарегистрированы материнские банки, а также динамики их эффективности.

У банка, материнской компанией которого являются иностранные холдинги, принадлежащие российским физическим лицам, потенциальной зоной уязвимости является особенности структуры собственности и резидентство в оффшорной стране. У банка, основным собственником которого является российское юрлицо, принадлежащее российским гражданам, уязвимости могут возникать из-за владения бенефициаром банка другими компаниями с повышенными рисками в их деятельности.

Исходя из природы потенциальных уязвимостей российских системно значимых банков, нами разработаны рекомендации по их мониторингу:

1) у системно значимых банков, основным собственником которых является государство, нет необходимости в применении дополнительных механизмов и инструментов мониторинга уязвимостей сверх тех, что установлены российским законодательством. По нашему мнению, существующих методов контроля государственного участия, мер регулирования системно значимых банков, а также стандартных процедур, предусмотренных «антиотмывочным» законодательством, достаточно для минимизации рисков отмыывания денег в данных банках.

2) мониторинг уязвимостей в банках, являющихся дочерними компаниями европейских банков, следует проводить с учетом состояния национальных систем ПОД/ФТ стран, где зарегистрированы материнские банки, а также прогресса в повышении их эффективности.

3) в мониторинг уязвимостей банка, материнской компанией которого являются иностранные холдинги, принадлежащие российским физическим лицам, следует включить анализ связей бенефициарных владельцев материнской компании.

4) мониторинг уязвимостей в случае банка, основным собственником которого является российское юрлицо, принадлежащее российским гражданам, следует дополнить анализом уровня индекса должной осмотрительности (или проверкой на «номинальность» юрлиц) у компаний, собственники которых также осуществляют владение системно значимыми банками.

Перечень системно значимых банков ежегодно пересматривается, поэтому особенности мониторинга уязвимостей в зависимости от структуры собственности и бенефициарного владения следует рассматривать не столько в привязке к конкретным банкам, сколько индуктивно (от частного к общему).

Таким образом, структура собственности российских системно значимых банков может являться источником уязвимостей к риску отмыывания денег. В наибольшей степени это касается банков, основным собственником которых являются иностранные структуры либо российские юридические и физические лица. По результатам анализа структуры собственности и бенефициарного владения российские системно значимые банки нами сгруппированы в зависимости от вида собственника. Для каждой группы банков нами выявлены потенциальные уязвимости к риску отмыывания денег, а исходя из природы потенциальных уязвимостей, разработаны рекомендации по их мониторингу.

Литература

1. Евлахова Ю.С., Алифанова Е.Н. Системно значимые кредитные организации как зона уязвимости к угрозам финансовой безопасности России // Финансы и кредит. 2019. Т. 25. № 8. С. 1712-1726.
2. Янкина И.А., Долгова Е.Е. Анализ подверженности операционному риску коммерческих банков в России // Финансы и кредит. 2016. № 3. С. 17-28.
3. Серякова Е.В. Оценка влияния крупнейших российских банков на распространение системного риска ликвидности банковского сектора // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2018. Т. 11. № 3. С. 326 – 341.

4. Биджоян Д.С., Богданова Т.К., Неклюдов Д.Ю. Стресс-тестирование кредитного риска кластера российских коммерческих банков // Бизнес-информатика. 2019. Т. 13. № 3. С. 35–51.
5. Биткина И.К., Скородумова Н.С. Направления развития ресурсной базы системно значимых банков в России // Финансы и кредит. 2017. Т. 23, № 29. С. 1708 – 1722.
6. Соколинская Н.Э., Вержбицкий И.В. Место банков с государственным участием в российском банковском секторе // Финансовые рынки и банки. 2020. №1. С. 63 – 68.
7. Терновская Е.П., Кумыков А.М. Основные направления повышения эффективности деятельности системно значимых российских банков // Финансовые рынки и банки. 2018. №2. С. 6 – 11.
8. Прозрачность юридических лиц и образований: пути снижения рисков ОД/ФТ: монография / [В.И. Лафистский, А.М. Цирин, Н.А. Поветкина, М.А. Цирин и др.; отв. ред. В.И. Лафистский, М.А. Цирин]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, МУМЦФМ, Москва : Изд-во ; Ярославль : Литера, 2014. 416 с.
9. Ушанов А.Е. Неправомерные действия собственников и руководителей кредитных организаций как причина банкротства и отзыва лицензий у банков // Финансовые рынки и банки. 2020. №1. С. 77–81.
10. Алифанова Е.Н., Евлахова Ю.С., Захарченко Е.С., Ильин А.В. Мета-анализ оценок эффективности систем ПОД/ФТ европейских стран: идентификация уязвимости на наднациональном уровне // Финансовые исследования. 2018. №4. С. 48 – 56.
11. Коптева Л.А. Оценка индекса благонадежности в обеспечении экономической безопасности предприятий // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2018. № 1 (65). С. 50 – 54.

Ilyin Artur Vladimirovich, Graduate Student of the Department of Financial Monitoring and Financial Markets, Rostov State Economic University (RINH) (69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: fnauka@bk.ru

THE OWNERSHIP STRUCTURE OF RUSSIAN SYSTEMICALLY IMPORTANT BANKS: THE POTENTIAL VULNERABILITIES TO MONEY LAUNDERING RISK AND IT MONITORING RECOMMENDATIONS

Abstract

The article is devoted to determining the potential vulnerabilities of systemically significant banks of the Russian Federation to the money laundering risk due to their ownership structure and beneficial ownership. Logical and comparative analysis methods were used. Based on the results of the ownership structure analysis and beneficial ownership, Russian systemically significant banks are grouped by the author depending on the type of owner. For each group of banks, the author identified potential vulnerabilities to the money laundering risk, as well as recommendations for their monitoring. The author confirmed that the ownership structure of Russian systemically important banks can be a source of vulnerabilities to the money laundering risk, but this most applies to banks whose main owner is foreign entities or Russian legal entities and individuals.

Keywords: financial monitoring, beneficial owner, subsidiary, holding, financial risks, nominal legal entities, money laundering, credit and financial sphere, credit organizations.

References

1. Evlahova YU.S., Alifanova E.N. Sistemno znachimye kreditnye organizacii kak zona uyazvimosti k ugrozam finansovoy bezopasnosti Rossii // Finansy i kredit. 2019. Т. 25. № 8. P. 1712-1726.
2. Yankina I.A., Dolgova E.E. Analiz podverzhennosti operacionnomu risku kommercheskih bankov v Rossii // Finansy i kredit. 2016. № 3. P. 17-28.
3. Seryakova E.V. Ocenka vliyaniya krupnejshih rossijskih bankov na rasprostranenie sistemnogo riska likvidnosti bankovskogo sektora // Finansovaya analitika: problemy i resheniya. 2018. Т. 11. № 3. P. 326 – 341.
4. Bidzhoyan D.S., Bogdanova T.K., Neklyudov D.YU. Stress-testirovanie kreditnogo riska klastera rossijskih kommercheskih bankov // Biznes-informatika. 2019. Т. 13. № 3. P. 35–51.
5. Bitkina I.K., Skorodumova N.S. Napravleniya razvitiya resursnoj bazy sistemno znachimyh bankov v Rossii // Finansy i kredit. 2017. Т. 23, № 29. P. 1708 – 1722.
6. Sokolinskaya N.E., Verzhbickij I.V. Mesto bankov s gosudarstvennym uchastiem v rossijskom bankovskom sektore // Finansovye rynki i banki. 2020. №1. P. 63 – 68.
7. Ternovskaya E.P., Kumykov A.M. Osnovnye napravleniya povysheniya effektivnosti deyatel'nosti sistemno znachimyh rossijskih bankov // Finansovye rynki i banki. 2018. №2. P. 6 – 11.
8. Prozhachnost' yuridicheskikh lic i obrazovanij: puti snizheniya riskov OD/FT: monografiya / [V.I. Lafitskij, A.M. Cirin, N.A. Povetkina, M.A. Cirina i dr.; отв. ред. V.I. Lafitskij, M.A. Cirina]. М.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii, MUMCFM, Moskva : Izd-vo ; Yaroslavl' : Litera, 2014. 416 p.
9. Ushanov A.E. Nepravomernye dejstviya sobstvennikov i rukovoditelej kreditnyh organizacij kak prichina bankrotstva i otzyva licenzij u bankov // Finansovye rynki i banki. 2020. №1. P. 77 – 81.
10. Alifanova E.N., Evlahova YU.S., Zaharchenko E.S., Il'in A.V. Meta-analiz ocenok effektivnosti sistem POD/FT evropejskih stran: identifikaciya uyazvimosti na nadnacional'nom urovne // Finansovye issledovaniya. 2018. №4. P. 48 – 56.
11. Kopteva L.A. Ocenka indeksa blagonadyozhnosti v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatij // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. 2018. № 1 (65). P. 50 – 54.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Караваяева Анна Александровна – специалист Управления документационного обеспечения, Правительство Ростовской области (344050, Ростов-на-Дону, ул. Социалистическая, 112). E-mail: karavaeva111@icloud.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию одного из современных инструментов решения социально-экономических проблем в условиях кризиса – государственно-частному партнерству (ГЧП). В данной работе автором приведено собственное понимание сущности партнерского взаимодействия власти и бизнеса. Сделан вывод о том, что при реализации совместных проектов должно, главным образом, обеспечиваться развитие общественно значимой инфраструктуры. Автор акцентирует внимание на проблематике сотрудничества публичного и частного секторов. В работе оценен ущерб для рынка ГЧП-проектов от мировой пандемии. В статье показаны противоречия ожиданий сторон от их взаимоотношений на принципах государственно-частного партнерства. Очевидно, корреляция интересов органов государственной власти и частнопредпринимательских структур – залог успеха их совместной работы. По мнению автора, особенно остро стоит вопрос профессионализма публично-го партнера в сфере ГЧП. Рассматриваются возможные пути совершенствования механизмов реализации ГЧП-проектов в современных условиях.

Ключевые слова: *государственно-частное партнерство, пандемия, риски, инфраструктурные проекты, общественные товары и услуги, частные инвестиции, соглашение о государственно-частном партнерстве, социальная инфраструктура, метод кейсов.*

Введение

В современных условиях актуализируется необходимость использования механизмов государственно-частного партнерства при реализации инфраструктурных проектов. Безусловно, снижение темпов роста крупнейших мировых экономик в условиях пандемии коронавирусной инфекции, а также нестабильная геополитическая обстановка создают дополнительные риски, в том числе и для рынка ГЧП-проектов. Однако, на наш взгляд, указанные кризисные явления в тоже время могут служить основой для консолидации усилий партнеров, а также позволить получить синергетический эффект от их взаимодействия.

В настоящее время российскими и зарубежными исследователями всесторонне изучены теоретические аспекты партнерского взаимодействия власти и бизнеса, в то время как в практическом применении данного механизма остается много проблем. Учитывая, что сегодня мы говорим о «сервисной» организации публичного управления в России, необходимо нивелировать «узкие места» и наращивать эффективность сотрудничества государственного и частного секторов в сфере производства общественных товаров и услуг для достойного жизнеобеспечения человека, его прав и свобод.

Результаты исследования

Под ГЧП предлагаем понимать механизм совместной деятельности публичного и частного партнеров, основной целью которого является производство общественных благ, повышение качества и доступности публичных товаров, работ и услуг, посредством привлечения частных инвестиций в традиционно «государственные» отрасли путем оформления соглашения, предусматривающего разделение рисков и выгод между партнерами [1, 2].

Согласно данным Информационной системы «Платформа поддержки инфраструктурных проектов «РОСИНФРА» по состоянию на начало 2019 г. в России реализуется 3 422 ГЧП-проекта с общим объемом частных инвестиций – 2 182 млрд руб.¹ Однако сложившаяся финансово-экономическая ситуация создала угрозы для реализации порядка 340 концессионных соглашений

¹ Просто и честно об инвестициях в инфраструктуру и государственно-частном партнерстве в России. Аналитический обзор [Электронный ресурс] / Информационная система «Платформа поддержки инфраструктурных проектов «РОСИНФРА». URL: <https://www.rosinfra.ru/files/analytic//document/5d5025ed02fdc0e92b70edfb6d297b4f.pdf> (дата обращения: 21.07.2020). Загл. с экрана.

и соглашений о государственно-частном, муниципально-частном партнерстве¹. Так, для частнопредпринимательских структур возникли риск «удорожания» объекта на инвестиционной стадии, а также риск недополучения прибыли на стадии эксплуатации объекта. В свою очередь, для органов государственной власти, местного самоуправления в конечном итоге возникает риск необеспечения обязательств перед населением.

В соответствии с прогнозом экспертов Автономной некоммерческой организации «Национальный Центр развития государственно-частного партнерства» (далее – АНО «Национальный Центр ГЧП») до конца 2020 года могут быть не реализованы 162 социально значимых инфраструктурных проекта, а наибольшими потерями обернутся проекты в транспортной и коммунально-энергетической сферах (рис. 1)².

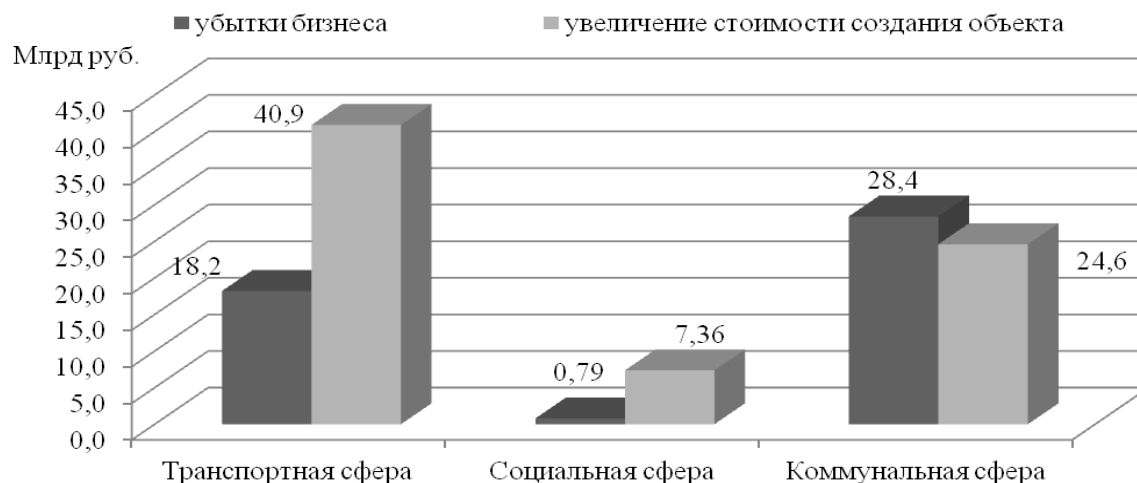

Рис. 1. Прогнозируемые потери рынка ГЧП-проектов по отраслям

Источник: составлено автором по материалам АНО «Национальный Центр ГЧП».

С целью минимизации указанных потерь у частного партнера наряду с финансовыми мерами государственной поддержки (освобождение от арендной платы, налоговые послабления, льготное кредитование и др.) возникает необходимость в упрощении административных процедур изменения условий действующих контрактов. Солидаризируясь с мнением ведущих экспертов в сфере ГЧП, полагаем целесообразным рассмотреть возможность включения в соглашения распространение коронавирусной инфекции в качестве обстоятельства непреодолимой силы. Данная мера позволит защитить бизнес от претензий контрольно-надзорных органов, в части нарушения сроков исполнения обязательств, и выработать типовую судебную арбитражную практику разрешения возникающих споров.

Об основных проблемах института ГЧП можно также рассуждать, основываясь на его названии. Партнерское взаимодействие власти и бизнеса находится на стыке двух диаметрально противоположных интересов: выполнение социальных обязательств и стремление к максимизации прибыли соответственно [3; 4]. Несовпадение ожиданий от сотрудничества двух сторон подтверждают и аналитические данные АНО «Национальный Центр ГЧП» (табл. 1). При небольшом количестве проектов в транспортной отрасли (4 %) на последнюю приходится больше всего частных инвестиций (59 %). В свою очередь, в социальной сфере реализуется 13 % проектов лишь при 11 % частных инвестиций. Как следствие, по итогам 2019 года ни у одного из субъектов Российской Федерации динамика развития социальной инфраструктуры не была положительной.

¹ Кризис и инфраструктура. Стоит ли сокращать расходы на инфраструктурные проекты? [Электронный ресурс] / Информационная система «Платформа поддержки инфраструктурных проектов «РОСИНФРА». URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic/105/document/0bb3d2bf3dc5a66ccb7e86e45758239e.pdf> (дата обращения: 20.07.2020). Загл. с экрана.

² Инвестиции в инфраструктуру: сколько потеряет отрасль после двух месяцев самоизоляции? [Электронный ресурс] / Информационная система «Платформа поддержки инфраструктурных проектов «РОСИНФРА». URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic//document/ccd1e0c991d8da87c8a55f4d597fb670.pdf> (дата обращения: 21.07.2020). Загл. с экрана.

Соотношение объема частных инвестиций и количества реализуемых проектов государственно-частного партнерства по отраслям¹

Отрасль	Количество ГЧП-проектов (штук)	Объем частных инвестиций (млрд руб.)
Транспортная	124	1 292,6
Коммунально-энергетическая	2 731	560,3
Социальная	452	246,6
IT-инфраструктура	33	49,4
Оборона и безопасность	1	18,0
Благоустройство	62	7,3
Промышленность	11	5,6
Сельское хозяйство	8	2,5

Источник: составлено автором по материалам АНО «Национальный Центр ГЧП».

Одной из доминантных проблем ГЧП, по нашему мнению, является низкий уровень квалификации должностных лиц органов власти, в полномочия которых входит управление проектами ГЧП. В настоящее время в России не сформирована комплексная система профессиональной подготовки кадров, обладающих знаниями в области практического применения инструментов ГЧП [5]. Очевидно, что посещение семинаров, вебинаров; участие в работе экспертных площадок; выезды в служебные командировки с целью обмена опытом по реализации ГЧП-проектов – дорогостоящие мероприятия для бюджета органов государственной власти и местного самоуправления.

Допускаем, что одним из шагов к формированию современного специалиста в области ГЧП может служить использование в учебном процессе метода кейсов. Данный метод будет полезен, например, для подготовки магистров по направлению 38.04.04. «Государственное и муниципальное управление» или организации курсов повышения квалификации для государственных служащих. Его преимущества очевидны. В частности, он позволит слушателям познакомиться с отраслевыми особенностями составления ГЧП-соглашений; находить оптимальные управленческие решения при реализации проектов ГЧП; обрести навыки ведения переговоров с частным партнером в процессе управления проектами ГЧП и др.

Заключение

1. Системный подход позволил определить основные проблемы, препятствующие эффективному развитию института ГЧП в современных условиях. Происходит заморозка реализации и запуска большого пула проектов, возврат инвестиций по уже реализуемым проектам также находится под угрозой.

2. Анализируя аналитические данные, размещенные на официальных ресурсах, мы пришли к выводу, что в социально значимые объекты бизнес инвестирует неохотно. Несмотря на увеличение общего числа реализуемых ГЧП-проектов в социальной сфере, публичный партнер по-прежнему несет основную часть расходов на создание объекта соглашения. Следует учитывать работы ведущих теоретиков в области ГЧП, в частности, Варнавского В.Г., Кабашкина В.А., которые отмечают необходимость социальной направленности инфраструктурных ГЧП-проектов.

3. С практической точки зрения наиболее эффективным методом овладения отраслевыми особенностями применения инструментов ГЧП, как для действующих чиновников, так и слушателей по программам магистратуры, может являться метод кейсов. Однако с целью приобретения специальных компетенций, знаний в ходе учебного процесса рекомендовано сочетать данный метод познанием теоретических основ.

Литература

1. Варнавский В.Г. Государственно-частное партнерство: теория и практика. М.: ГУ-ВШЭ, 2010. 285 с.
2. Игнатюк Н.А. Государственно-частное партнерство: учебник. М.: Юстицинформ, 2012. 384 с.
3. Скнаринский К.О., Сидоренко Е.Н. Проблемы формирования и реализации проектов государственно-частного партнерства в России // Символ науки. 2016. № 4-1 (16). С. 210 – 212.

¹ Коронавирус: как защищены частные инвестиции в сделках концессий и ГЧП? Экспертный релиз [Электронный ресурс] / Информационная система «Платформа поддержки инфраструктурных проектов «РОСИНФРА». URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic//document/3b2828b7d16ba8c61555efab83dbfd51.pdf> (дата обращения: 23.07.2020). Загл. с экрана.

4. Игнатова Т.В., Марадудина В.Ф. Критерии и инструменты оценки общественной эффективности проектов государственно-частного партнерства // Известия высших учебных заведений. Социология, экономика, политика. 2016. № 4. С. 7 – 12.
5. Евдокимова И.В. Государственно-частное партнерство: особенности, преимущества и перспективы // Проблемы теории и практики современной науки: материалы VIII Международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2017. С. 202 – 207.

Karavaeva Anna Alexandrovna, Specialist of Department of Document Provision, Government of Rostov region (112, st. Sotsialisticheskaya, Rostov-on-Don, 344050, Russian Federation). E-mail: karavaeva111@icloud.com

MODERN PROBLEMS OF IMPLEMENTING PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP PROJECTS IN RUSSIA AND POSSIBLE WAYS TO OVERCOME THEM

Abstract

The article is devoted to the study of one of the modern tools for solving social and economic problems in a crisis – public-private partnership (PPP). In this work, the author provides his own understanding of the essence of partnership between government and business. It is concluded that the implementation of joint projects should, mainly, ensure the development of socially significant infrastructure. The author focuses on the problems of cooperation between the public and private sectors. The work assesses the damage to the market of PPP-projects from the global pandemic. The article shows the contradictions in the expectations of the parties from their relationship on the principles of public-private partnership. Obviously, the correlation of the interests of public authorities and private business structures is the key to the success of their joint work. According to the author, the issue of professionalism of a public partner in the field of PPP is especially acute. Possible ways of improving the mechanisms for implementing PPP-projects in modern conditions are considered.

Keywords: public-private partnership, pandemic, risk, infrastructure projects, public goods and services, private investment, public-private partnership agreement, social infrastructure, case-study method.

References

1. Varnavskij V.G. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: teoriya i praktika. M.: GU-VSHE, 2010. 285 p.
2. Ignatyuk N.A. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: uchebnik. M.: YUsticinform, 2012. 384 p.
3. Sknarinskij K.O., Sidorenko E.N. Problemy formirovaniya i realizacii projektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii // Simvol nauki. 2016. № 4-1 (16). P. 210 – 212.
4. Ignatova T.V., Maradudina V.F. Kriterii i instrumenty ocenki obshchestvennoj effektivnosti projektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Sociologiya, ekonomika, politika. 2016. № 4. P. 7 – 12.
5. Evdokimova I.V. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: osobennosti, preimushchestva i perspektivy // Problemy teorii i praktiki sovremennoj nauki: materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Stavropol', 2017. P. 202 – 207.

УДК 338.24

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-266-272

РАЗВИТИЕ СЕТИ БИЗНЕС-ИНКУБАТОРОВ КАК ИНСТРУМЕНТА ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Кодзоев магистрант, Российская академия народного хозяйства и государственной
Микаил службы при Президенте РФ (119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82,
Салманович стр. 1). E-mail: mikail.kodzoev.96@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается вопрос об эффективности деятельности бизнес-инкубаторов в части поддержки предпринимателей на начальных этапах становления. Так, в исследовании был рассмотрен и проанализирован отечественный и зарубежный опыт организации малого предпринимательства, приведены примеры и статистические данные по отдельным крупным бизнес-инкубаторам России, Европы, США и Чили, исходя из которых была констатирована эффективность данной формы поддержки. Вместе с этим, на примере России был также рассмотрен опыт неэффективной организации экосистем поддержки, проведен сравнительный анализ успешных и неуспешных организаций данного вида, по итогам которого были выявлены проблемы части российских бизнес-инкубаторов и предложены решения по их устранению.

Ключевые слова: бизнес-инкубатор, малое предпринимательство, инновации, наставничество, наука, частное предпринимательство, экономическое развитие, инновационные решения, коммерциализация.

Среди наиболее актуальных вопросов для российской экономики на сегодняшний день выделяют развитие частного предпринимательства, способствующего общему экономическому развитию территорий и увеличению количества рабочих мест, а также внедрение инновационных решений, способствующих повышению производительности труда и эффективности

хозяйственной деятельности. Одним из эффективных способов решения данного вопроса является государственная поддержка малого предпринимательства посредством развития бизнес-инкубаторов – экосистем поддержки, в рамках которых создаются такие условия, при которых подверженность начинающего бизнеса негативным внешним факторам максимально минимизируется посредством комплекса услуг, оказываемых бизнес-инкубатором резидентам [1, с. 115-116].

Наиболее значимыми услугами, предоставляемыми бизнес-инкубаторами субъектам малого предпринимательства предстают следующие: предоставление в аренду помещений на льготных условиях, взаимодействие с контрольно-надзорными органами, наставничество, а также содействие в коммерциализации и продвижении проекта (составление бизнес-плана, патентование, реклама и прочие услуги) [2, с. 97-101].

Сущность и содержание деятельности бизнес-инкубаторов заключается в организации для начинающих субъектов предпринимательства условий для успешного выхода на рынок, посредством предоставления помещений (рабочих кабинетов, кьюбиклов или мест в коворкинге) на период нахождения в инкубационной программе, а также, в зависимости от программы, услуг консалтинга, аутсорсинга, прототипирования, юридического сопровождения проектов, коучинга, тренинга и, в обязательном порядке, наставничества. Также успешные бизнес-инкубаторы создают для резидентов условия для проведения научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, посредством предоставления доступа к специальному научному и техническому оборудованию (в зависимости от возможностей бизнес-инкубатора, данный аспект может быть реализован экосистемой поддержки как при помощи собственных ресурсов, так и при помощи заключения соответствующих соглашений со сторонними организациями, выступающими в данном случае в качестве партнеров) [3, с. 21].

О пользе эффективности бизнес-инкубаторов как формы организации и инструмента поддержки малого предпринимательства свидетельствует, в первую очередь, зарубежный опыт. Так, например, в рамках программы «Horizon 2020», запущенной с целью развития наукоемких технологий в Европейском союзе, в 2012 г. был запущен бизнес-инкубатор «EIT Digital Accelerator Programme»¹. Главной целью существования данного бизнес-инкубатора было провозглашено увеличение количества вышедших на глобальный рынок инновационных стартапов (зарождающихся на территории ЕС) с фокусом на цифровые технологии. В результате восьмилетнего функционирования бизнес-инкубатора, в рамках экосистемы поддержки инкубационную программу прошел 231 стартап, в результате чего было привлечено в общей сложности \$21 млн. вложенных инвестиций и создано 6726 рабочих мест. Что примечательно, актуальность данного бизнес-инкубатора особенно обострилась в условиях пандемии COVID-19, вследствие наступления которой экосистема поддержки запустила сразу две глобальные программы поддержки предпринимательства: венчурное финансирование жизнеспособных инновационных проектов, оказавшихся в условиях высокого риска банкротства, а также увеличение цифр приема резидентов с приоритетом для проектов, предлагающих инновационные решения с использованием современных цифровых технологий для моделирования и управления жизненными циклами пандемии, а также оказания значительного влияния на предотвращение ее распространения, включая решения для отслеживания контактов людей с использованием физических токенов.

Еще одним показательным примером успешной реализации идеи бизнес-инкубирования и акселерации инновационных проектов является парижская экосистема поддержки «Wilco», поддерживающая перспективные стартапы, работающие в приоритетных для города отраслях экономики. Данный бизнес-инкубатор, образовавшийся в результате слияния проектов «Scientipôle Initiative», появившегося в 2002 г., и «Scientipôle Croissance», работавшего с 2012 г., пропустил через свою экосистему 300 стартапов, в результате функционирования которых было создано более 1500 рабочих мест².

В США наиболее ярким и показательным примером эффективности экосистем поддержки является американский бизнес-инкубатор «Y Combinator»³, суммарная стоимость выпускников которого превышает 65 миллиардов долларов США. Стоит отметить, что такие известные компании, как «Reddit», «Dropbox» и «Scribd» являются бывшими резидентами «Y Combinator».

¹ Официальный сайт бизнес-инкубатора «EIT Digital Accelerator Programme»: [сайт]. URL: <https://www.eitdigital.eu> (дата обращения: 10.08.20).

² Экосистема поддержки «Wilco»: [сайт]. URL: <http://www.wilco-startup.com/en/> (дата обращения: 14.08.20)

³ Бизнес-инкубатор «Y Combinator»: [сайт]. URL: <https://www.ycombinator.com/> (дата обращения: 14.08.20).

Вместе с тем, при помощи бизнес-инкубаторов были достигнуты высокие показатели эффективности развития малого предпринимательства не только в США и Европе, но и в странах с развивающейся экономикой¹. Так, в Чили в 2010 г. был создан бизнес-инкубатор "Start-Up Chile", целью которого является развитие инновационного предпринимательства и стимулирование предложения венчурного капитала². На сегодняшний день статистика деятельности данного проекта отражает впечатляющие показатели: 1616 стартапов, прошедших программу (из них 54% иностранные), \$54 млн. вложенных инвестиций, а также более 5000 созданных рабочих мест.

Стоит отметить, что среди вышеназванных экосистем поддержки, только американский бизнес-инкубатор "Y Combinator" является частным, в то время как остальные из списка были образованы в рамках государственных или региональных программ своих государств. В данной статье мы рассматриваем бизнес-инкубаторы преимущественно как форму государственной поддержки малого предпринимательства и экономического развития.

Приведенные выше частные случаи закономерно не позволяют оценить общую картину, исходя из чего нами была обработана общая статистика в США и Европе³, основанная на анализе данных по бизнес-инкубаторам от UBI Index AB (UBI Global)⁴ – единственной организации, производящей мониторинг, анализ и рейтинги бизнес-инкубаторов по всему миру. Согласно полученным данным, выживаемость проектов, вышедших из экосистем поддержки всех бизнес-инкубаторов США, составляет 87%, для Европы данный показатель равен 88%, что сопоставимо с США. Для сравнения, в России данный показатель по тому же рейтингу составляет 27%.

В целом, ситуация с эффективностью российских экосистем поддержки требует особого внимания. Главным показателем успеха, свидетельствующим о неэффективности отечественных бизнес-инкубаторов, является выживаемость компаний-резидентов, вышедших из экосистемы поддержки.

На основе данных мониторинга деятельности российских бизнес-инкубаторов Российской венчурной компанией⁵ можно сделать вывод, 42% резидентов выходят из экосистемы поддержки, превысив максимальный срок пребывания, и лишь 18% выходят по причине готовности к выпуску своего продукта вне экосистемы поддержки. Так же 17% резидентов покидают бизнес-инкубатор по собственному желанию, 10% по причине закрытия бизнеса, 6% вследствие достижения резидентом желаемых показателей выручки, 4% из-за несоответствия результатов деятельности плану и 3% по причине достижения определенной численности сотрудников и занимаемой вследствие этого площади (которую может выделить БИ для одной компании-резидента). Таким образом, получается, что 59% бизнес-инкубаторов заканчивает свое пребывание в БИ с неопределенным результатом, 14% неудовлетворительно, и 27% - успешно.

При этом лучшие российские бизнес-инкубаторы (входящие в международные рейтинги)⁶ показывают результаты выживаемости резидентов сравнимые с американскими и европейскими аналогичными структурами. Так, например, в рейтинге UBI Global 2018 года⁷, бизнес-инкубатор Высшей школы экономики (непосредственно управляемый университетом) вошел в топ-10 лучших бизнес-инкубаторов мира среди управляемых университетом, заняв 7 место. В 2019 г. бизнес-инкубатор НИУ ВШЭ также в рейтинге UBI Global был признан лучшим в мире университетским

¹ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 27 мая 2020 г. N 50 "О внесении изменений в Решение Комиссии Таможенного союза от 27 ноября 2009 г. N 130" // Правовой портал Евразийского экономического союза (<https://docs.eaeunion.org>) 2 июня 2020 г.

² Бизнес-инкубатор «Start-Up Chile»: [сайт]. URL: <https://www.startupchile.org/about-us/> (дата обращения: 14.08.20)

³ Исследование Ernst&Young совместно с РВК // Business-incubators technoparks in Russia. – 2014: [сайт]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/f7d/201403_Business_incubators.pdf (дата обращения: 16.08.20)

⁴ Исследование UBI Global // Национальный сравнительный анализ. – Декабрь 2019 г.: [сайт]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/4b1/UBI_Global-Russia-Impact_Assessment_University-Linked_Business_Incubators_Accelerators_RU.pdf (дата обращения: 16.08.20)

⁵ Там же.

⁶ Международные рейтинги бизнес-инкубаторов: [сайт]. URL: https://www.researchgate.net/publication/338992258_UBI_Global_World_Rankings_of_Business_Incubators_and_Accelerators_2019-2020 (дата обращения: 19.08.20)

⁷ Исследование UBI Global // Национальный сравнительный анализ. — Декабрь 2018 г.: [сайт]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/4b1/UBI_Global-Russia-Impact_Assessment_University-Linked_Business_Incubators_Accelerators_RU.pdf (дата обращения: 19.08.20)

бизнес-акселератором¹. По состоянию на 25.08.2020 г. в экосистеме поддержки бизнес-инкубатора ВШЭ функционирует 9 резидентов. Также 155 компаний являются выпускниками и успешно ведут свою деятельность по сей день². Все компании заняты в таких отраслях, как финансовые технологии, IT-технологии, робототехника, маркетинг, медицина и т.д.

Исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу о «приживаемости» организаций такого типа в России, при соблюдении определенных условий и рекомендаций. Таким образом, мы провели сравнение успешных бизнес-инкубаторов с экосистемами поддержки, не показывающими удовлетворительных показателей эффективности (по меньшей мере 70% выживаемости). В первую очередь, под успешными понимаются бизнес-инкубаторы, вошедшие в международный рейтинг UBI Global, среди которых, помимо ВШЭ, инкубатор технопарка «Ингрия», также бизнес-инкубатор Российской венчурной компании «GenerationS» и российская международная компания GVA (Global Venture Alliance)³. Так как точных данных о численности бизнес-инкубаторов в России в открытом доступе нет, нами была собрана информация с веб-сайтов выборки из 74 бизнес-инкубаторов из разных регионов, предоставленной сотрудниками коворкинг-центра «Точка кипения» Агентства стратегических инициатив.

По итогу сбора информации нами был проведен сравнительный анализ, в ходе которого были выявлены основные отличия (закрывающиеся в отсутствии тех или иных услуг, условий или компонентов бизнес-инкубатора) неэффективных экосистем поддержки от эффективных. В рамках данного исследования предлагается приравнять упомянутые отличия к проблемам неэффективных бизнес-инкубаторов.

Первая проблема заключается в отсутствии инкубационных программ с четко очерченными сроками для каждого этапа, а также показателями эффективности для каждого этапа, у подавляющего числа проработанных экосистем поддержки. При отсутствии данных показателей в рамках инкубационной программы не представляется возможности оценивать целесообразность продолжения поддержки резидента. Таким образом, нежизнеспособный проект может искусственно поддерживаться бизнес-инкубатором длительные сроки, в связи с чем его деятельность не окупается даже в долгосрочной перспективе.

Вторая проблема заключается в себе ограниченный спектр предоставляемых экосистемой поддержки услуг, в первую очередь, отсутствие культуры наставничества в бизнес-инкубаторах, вследствие чего роль бизнес-инкубатора сводится к предоставлению помещений в аренду, наподобие бизнес-центра. Вкупе с первой проблемой функционирование бизнес-инкубатора становится максимально неэффективным и убыточным. На рис. 1 представлена сравнительная характеристика предоставления услуг успешными и неуспешными экосистемами поддержки.

Третья проблема исходит из второй, отсутствие наставничества в бизнес-инкубаторах ведет к невозможности оказания качественных образовательных услуг для начинающих резидентов, отсутствию возможности проводить тренинги. Институт наставничества важен в бизнес-инкубаторах и акселераторах, так как позволяет формировать у начинающего предпринимателя бизнес-навыки и знания. Не достаточно помочь предпринимателю построить организацию, решающе важно подготовить его к самостоятельному управлению организацией после выхода из экосистемы поддержки.

Четвертая проблема заключается в отсутствии инфраструктуры: специализированных производственных и научно-оборудованных помещений для проведения необходимых научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Пятая проблема заключается в отсутствии спроса на инкубационные программы, в силу низкого уровня информированности о них среди широких кругов предпринимательского и научного сектора. Данная проблема была особо отмечена сотрудниками самих бизнес-инкубаторов, в ходе исследовательского опроса, проведенного Российской венчурной компанией с привлечением Ernst&Young.

¹ Исследование UBI Global // Национальный сравнительный анализ. – Декабрь 2019 г.: [сайт]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/4b1/UBI_Global-Russia-Impact_Assessment_University-Linked_Business_Incubators_Accelerators_RU.pdf (дата обращения: 16.08.20)

² Реализованные проекты бизнес-инкубатора ВШЭ: [сайт]. URL: <http://inc.hse.ru/startups/projects> (дата обращения: 19.08.20)

³ Исследование UBI Global // Национальный сравнительный анализ. — Декабрь 2019 г.: [сайт]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/4b1/UBI_Global-Russia-Impact_Assessment_University-Linked_Business_Incubators_Accelerators_RU.pdf (дата обращения: 16.08.20)

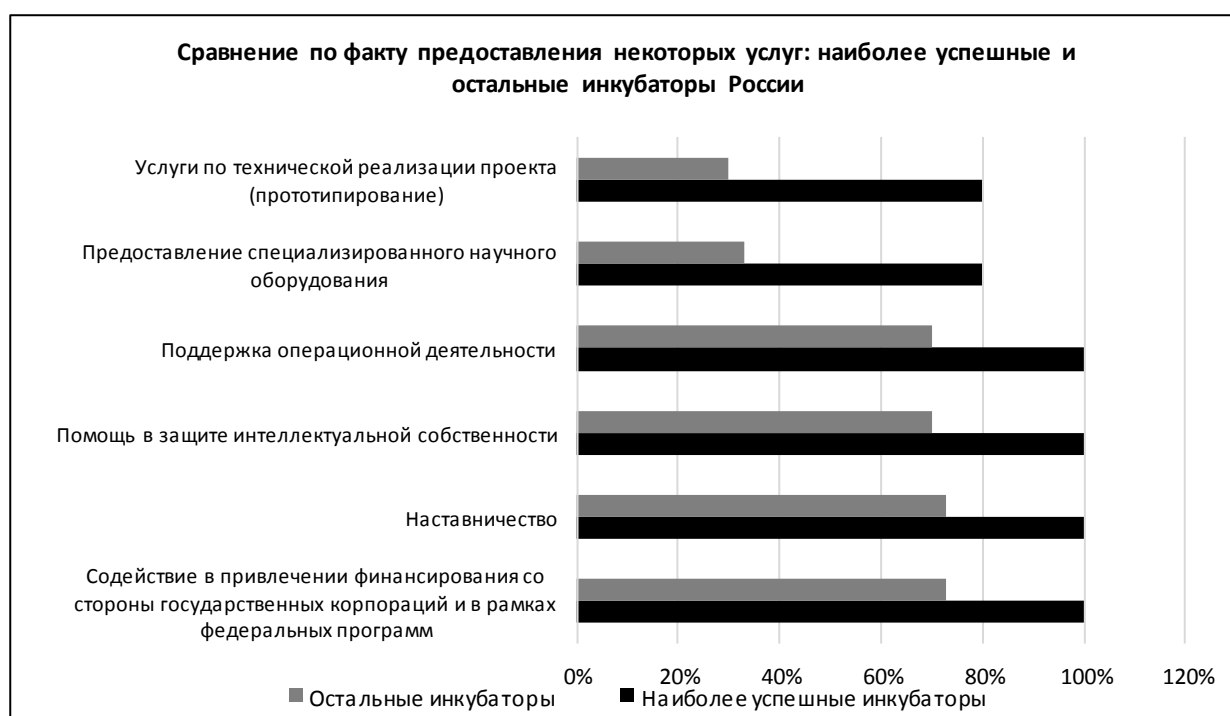

Рис. 1. Сравнительная характеристика предоставления услуг успешными и неуспешными экосистемами поддержки¹

Шестая проблема заключается в отсутствии единой оценки KPI для бизнес-инкубаторов (на уровне государства с целью выявления эффективных экосистем поддержки для последующего их развития). В российском законодательстве отсутствует закрепленное понятие «бизнес-инкубатор», исходя из чего отсутствуют четкие требования к данному виду организации, а также показатели эффективности, по которым можно обоснованно давать оценку деятельности экосистемы поддержки. В РФ неоднократно были внесены на рассмотрение инициативы по закреплению данного понятия, к примеру Приказ Министерства экономического развития РФ «Об утверждении требований к бизнес-инкубаторам, осуществляющим поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства», от 6 ноября 2014 г., однако так и не были приняты [4].

Седьмая проблема сводится к чрезмерной лояльности отбора заявок в бизнес-инкубаторы, вследствие отсутствия у большинства российских бизнес-инкубаторов экспертных советов – совещательных органов, функционирующих на общественных началах и состоящих из специалистов в разных сферах, а также председателя. Функции экспертного совета сводятся к строгому, взвешенному отбору заявок в бизнес-инкубаторы (зачастую, в экспертные советы входят предприниматели, спонсоры бизнес-инкубатора, заинтересованные в инвестировании в наукоемкие отрасли и новаторские проекты). На рис. 2 наглядно отображено отношение количества бизнес-инкубаторов с экспертным советом к экосистемам поддержки, при которых не действует данный совещательный орган.

Исходя из вышеизложенных проблем, были сформулированы следующие предложения по усовершенствованию эффективности деятельности бизнес-инкубаторов:

1. организационно-управленческие предложения:

а) создание экспертных советов бизнес-инкубаторов, в функции которых входит оценка конкурентоспособности проектов, отслеживание целесообразности их нахождения в экосистеме поддержки, а также установление КПЭ и их корректировка (формирование экспертного совета должно регулироваться внутренним нормативным актом, и устанавливать эксперты из какой сферы участвовать быть в нем);

б) создание одной или нескольких инкубационных программ в каждом бизнес-инкубаторе, с четко установленными сроками и показателями эффективности развития;

¹ Исследование Ernst&Young совместно с РБК // Business-incubators technoparks in Russia. — 2014: [сайт]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/f7d/201403_Business_incubators.pdf (дата обращения: 16.08.20)

Рис. 2. Доля бизнес-инкубаторов, имеющих экспертный совет¹

в) предоставление широкого спектра услуг (например, предлагаемого РВК) и предоставление специального научного оборудования для реализации инновационных проектов (возможно на договорной основе с партнерами бизнес-инкубатора);

г) необходимо проведение в регионах мероприятий федерального масштаба с привлечением лучших экспертов, в том числе международных, но в рамках достаточно узкой заявленной тематики (желательно, чтобы указанные мероприятия проводились на базе лучших технопарков и инкубаторов, что позволит позиционировать такие объекты в качестве центров инновационной активности, встроенных в экосистему инноваций России, а также наладит взаимодействие между начинающими и опытными предпринимателями, что положительно скажется на развитии культуры наставничества и венчурных инвестиций);

д) повышение узнаваемости программ бизнес-инкубаторов, а также компаний, бывших резидентов, построивших успешный бизнес, что привлечет в бизнес-инкубаторы широкие круги предпринимательского и технологического сектора (как опытных в поиске талантов, так и молодых в поиске поддержки), посредством освещения деятельности бизнес-инкубаторов в федеральных и региональных СМИ, а также в сети Интернет (при наличии финансовых возможностей, возможно привлечение маркетологов); также повышение узнаваемости инкубаторских программ и компаний, выпущенных бизнес-инкубаторами, не должно ограничиваться СМИ: необходимо создать и реализовывать качественную PR-стратегию, так как бизнес-инкубаторы функционируют, в первую очередь, для молодого поколения;

2. Правовое предложение:

– в первую очередь необходимо принять на федеральном и региональном уровнях закон или подзаконный акт, напрямую регулирующий деятельность бизнес-инкубаторов, а также подробно дающий определение этому понятию (данную проблему можно решить, приняв проект Приказа Министерства экономического развития РФ «Об утверждении требований к бизнес-инкубаторам, осуществляющим поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства», от 6 ноября 2014 г., по неизвестным причинам находящийся 6 лет на этапе общественного обсуждения текста проекта);

3. Экономические предложения:

а) субсидирование бизнес-инкубаторами на первых этапах становления СМП оплаты услуг, предоставляемых партнерами бизнес-инкубаторов предпринимателям на платной основе;

б) установление KPI для бизнес-инкубаторов, программ инкубации и проектов, находящихся в экосистеме поддержки;

¹ Исследование Ernst&Young совместно с РВК // Business-incubators technoparks in Russia. — 2014: [сайт]. URL: http://www.rvc.ru/upload/iblock/f7d/201403_Business_incubators.pdf (дата обращения: 16.08.20)

в) создание условий для возможности венчурных инвесторов финансировать перспективные проекты, с последующим сотрудничеством резидента бизнес-инкубатора и инвестора, после выхода резидента из экосистемы поддержки.

Бизнес-инкубаторы в современных реалиях стали неотъемлемой частью развития общества, которые, наравне с образовательными учреждениями, возвращают квалифицированные кадры в области современного, качественного менеджмента, с применением широкого спектра инструментов ведения бизнеса и научного подхода к развитию организаций. Возможно, что если бы не существовало данного вида поддержки идейной части населения, мир так и не увидел бы многих сервисов и программно-технологических решений, которыми обыватели пользуются каждый день. Важно понимать, что создание оптимальных условий для реализации новаторских идей и создания на их основе успешных компаний, при помощи развития бизнес-инкубаторов, обеспечит решение задач государства и территорий как в социально-экономической, так и в инновационно-технологической сфере.

Литература

1. Алена Е.Э. Развитие технопарков как основы инновационной экономики: монография. – М.: Русайнс, 2018. 543 с.
2. Митрофанова И.А. Мотивация и стимулирование предпринимательской деятельности: мировой инновационный опыт и российская специфика: монография. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 189 с.
3. Горбунов В.Л. Бизнес-инкубаторы и предпринимательство: монография. М.: РИОР, 2019. 135 с.
4. Игнатова Т.В., Глущенко А.В. Особенности регулирующего воздействия на развитие инновационной деятельности в России // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 26 (4). С. 54-59.

Kodzoev Mikail Salmanovich, master, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, p. 1, pr. Vernadsky, Moscow, 119571, Russian Federation).

E-mail: mikail.kodzoev.96@mail.ru

DEVELOPING A NETWORK OF BUSINESS INCUBATORS AS A TOOL FOR SUPPORTING SMALL BUSINESSES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract

The article discusses the issue of the efficiency of business incubators in the aspect of business support at the initial stages of formation. Thus, the study examined and analyzed the domestic and foreign experience of organizing small businesses, provides examples and statistical data on individual large business incubators in Russia, Europe, the United States and Chile, on the basis of which the effectiveness of this form of support was stated. Also using the example of Russia, the experience of ineffective organization of the business incubation system was also considered, a comparative analysis of successful and unsuccessful ecosystems was carried out, as a result of which the problems of a part of Russian business incubators were identified and solutions were proposed to eliminate them.

Keywords: *business incubator, small business, innovation, mentoring, science, private enterprise, economic development, innovative solutions, commercialization.*

References

1. Alenina E.E. Razvitie tekhnoparkov kak osnovy innovacionnoj ekonomiki: monografiya. M.: Rusajns, 2018. 543 p.
2. Mitrofanova I.A. Motivaciya i stimulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti: mirovoj innovacionnyj opyt i rossijskaya specifika: monografiya. M.; Berlin: Direkt-Media, 2019. 189 p.
3. Gorbunov V.L. Biznes-inkubatory i predprinimatel'stvo: monografiya. M.: RIOR, 2019. 135 p.
4. Ignatova T.V., Glushchenko A.V. Osobennosti reguliruyushchego vozdejstviya na razvitie innovacionnoj deyatel'nosti v Rossii // Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya. 2020. № 26 (4). P. 54-59.

СТРУКТУРНЫЕ КОМПОНЕНТЫ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ РОССИЙСКОЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Пилипенко аспирант Института социологии и регионоведения, Южный федеральный
Анастасия университет (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160).
Эдуардовна E-mail: kalosha@sfedu.ru

Аннотация

В представленной статье осуществляется анализ структурных компонентов социальной активности студенческой молодежи. Рассмотрены теоретические подходы, произведена попытка выделения структуры социальной активности студенчества, методологическими основаниями которой выступают теория социального действия М. Вебера, теория капиталов П. Бурдье и теоретические характеристики социальной активности, предложенные В.Г. Мордковичем, выявлены особенности структурных компонентов социальной активности студенческой молодежи по результатам анкетного опроса, проведенного на базе вузов Ростовской области.

Ключевые слова: социальная активность, молодежь, студенты, ресурсообеспеченность, ценностные ориентации, социальные практики, анкетирование, государственная молодежная политика, социальная группа.

Социальная активность студенческой молодежи представляется широко распространенным явлением в российском обществе. Во-первых, развитие социальной активности является одним из приоритетных направлений деятельности органов управления государственной молодежной политикой, оказывающих влияние на формирование неравнодушной и совершенствующейся личности, способной внести свой вклад в социально-экономическое и общественно-политическое развитие страны¹. Во-вторых, студенческая молодежь определяется как наиболее динамичная и инновационно восприимчивая социальная группа [1], характеризующаяся активным участием в различных формах жизнедеятельности [8]. Так, интеграция студенческой молодежи в общественное пространство посредством социальной активности обозначается одним из эффективных механизмов устойчивого развития современного общества [9].

Проблема социальной активности студенческой молодежи в связи с высоким уровнем актуальности является предметом широкого ряда социологических исследований. В рамках заявленной тематики особое значение приобретает необходимость исследования структурных компонентов социальной активности российской студенческой молодежи, что определяется целью данной работы. В качестве базового понятия социальной активности выдвигается деятельность, направленная на развитие и актуализацию ресурсообеспеченности личности через включение во внеучебные и внеуродовые социальные практики, ориентированные на саморазвитие и изменение окружающей действительности, в период получения профессионального образования [15]. Так, социальная активность обозначается как категория, включающая в себя как определенный способ осуществления деятельности в условиях современного развития общества, так и некоторое свойство личности субъекта этой деятельности [2, 3].

Для проведения детального анализа структурных компонентов социальной активности российской студенческой молодежи обратимся к существующим точкам зрения в современной российской социологической мысли. Н.Н. Башаев определяет структуру социальной активности посредством взаимодействия следующих элементов: социально-экономические и общественные отношения, потребности и интересы личности, цели, в которые, в свою очередь, входят ценностные ориентации личности, мотивы, социальные установки и социальное действие [4]. Согласно Т.Н. Мальковской, в структуре социальной активности выделяются следующие компоненты: «...мотивационный (мотивация социальной активности); предметно-операционный (проявление личностью инициативы, самостоятельности, самодеятельности как специфических характеристик этого качества); рефлексивный (саморегуляция); ценностно-потребностный (моральное сознание личности, ее нравственные знания, развитие мышления)» [11].

¹ Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденные Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 N 2403-р. / Компьютерная справочная правовая система «Консультант плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 2.02.2020 г.).

Структура социальной активности студентов вузов, выделенная Г.В. Палаткиной и Л.В. Азизовой, определяется через взаимодействие следующих компонентов: ценностно-потребностный, мотивационный, предметно-операционный, рефлексивный. Ведущим компонентом выступает мотивация, которая определяет внутреннее содержание активности [13]. Е.М. Харланова рассматривает структуру социальной активности студенчества по принципу «структура личности – структура деятельности». Социальная активность в данной модели занимает место посредника между потребностями личности и общественными требованиями, связывает структуру личности и структуру деятельности. Исследователь выделяет две подструктуры социальной активности: внутриличностную, представленную когнитивным компонентом, компонентом отношений личности и регулятивным компонентом, и деятельностьную (внешнюю), раскрывающую процессную сторону социальной активности, проявляющуюся в социальном взаимодействии [10].

Широкий спектр существующих точек зрения к выделению структурных компонентов социальной активности студенческой молодежи свидетельствует о наличии различных подходов. При этом в значительной части представленных моделей структурными компонентами выделяется ценностно-мотивационный и компонент социального действия. Нами предлагается введение компонента ресурсообеспеченности. Таким образом, согласно предлагаемой модели, структура социальной активности студенческой молодежи определяется через взаимодействие следующих элементов: ресурсообеспеченность, социальное действие, ценности и мотивация. Рассмотрим методологические основания каждого из них.

Исследование ресурсообеспеченности социальной активности студенческой молодежи проводится с опорой на теорию капиталов П. Бурдьё. В современных условиях развития молодые люди склонны ориентироваться на ресурсы, формируемые в процессе проявления социальной активности. Особое значение для будущих специалистов представляет возможность включения в социальные сообщества представителей выбранной студентами профессии, представителей властных институтов и других социальных групп, которые могут оказать влияние на дальнейшее развитие молодого человека – то есть формирование социального капитала [5]. Определенное значение приобретает и культурный капитал, позволяющий приобрести дополнительные знания и умения, в том числе документально подтвержденные. Также экономический капитал, выраженный в денежном эквиваленте и представленный в среде студенческой молодежи материальным поощрением через стипендии, гранты и другие виды финансовой поддержки [6].

Структурный компонент социального действия определяется теорией М. Вебера, в рамках которой социальную активность можно определить как целерациональную или ценностно-рациональную деятельность, формируемую на основании определенных установок личности и направленную на изменение обстоятельств и условий окружающей среды. Необходимым является обращение к категории смысла, который, согласно теории социолога, определяет содержание и ориентацию социального действия на окружающих. Рассматривая теорию социального действия в преломлении к среде студенческой молодежи, стоит говорить о субъектном выборе социальной активности как осознанной деятельности личности. При этом вводится оценочный подход, позволяющий молодому человеку проанализировать возможные формы и типы проявления социальной активности для выбора наиболее подходящих согласно заданному смыслу [7].

Ценностно-мотивационный компонент структуры социальной активности студенческой молодежи рассматривается с опорой на теоретические положения, выдвинутые В.Г. Мордковичем. Социологом обозначается, что социальная активность присуща только личностям, обладающим особыми социальными качествами. Сама деятельность, или активность, является внешним проявлением определенных потребностей индивида, направленных на общественное развитие. Автор также выделил субъектные факторы социальной активности в молодежной группе, среди которых: ценностное отношение к деятельности, значимость деятельности для индивида, удовлетворенность или неудовлетворенность фактором действия, мотивы деятельности или бездеятельности [12, с. 21].

Таким образом, структура социальной активности студенческой молодежи выделяется через взаимодействие следующих компонентов: ресурсообеспеченность (виды капитала согласно теории капиталов П. Бурдьё, которыми обладает или стремится обладать молодой человек – актор социальной активности), социальное действие, (теория социального действия М. Вебера, которая определяет социальную активность как ценностно-рациональную и целераци-

ональную деятельность), ценности и мотивация (теоретические описательные характеристики, предложенные В.Г. Мордковичем, рассматривающие потребность в социальной активности со стороны субъекта деятельности и ценностно-мотивационную основу этой деятельности).

Предложенная методология легла в основу проведения эмпирического исследования среди российской студенческой молодежи, обучающейся в высшей школе и проявляющих социальную активность. В исследовании, проводимом методом анкетного опроса в декабре 2019 – марте 2020 гг., приняли участие 857 студентов из вузов Ростовской области. Выборка гнездовая; основывается на градообразующих вузах регионального центра и средних городов региона: Южного федерального университета как университета федерального значения, Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации как филиала вуза федерального центра, Донского государственного технического университета как опорного вуза региона, Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова как образовательной организации, расположенной за пределами административного центра в среднем городе, Таганрогского института имени А.П. Чехова как образовательной организации – филиала вуза в региональном центре.

В рамках проведения исследования были поставлены следующие задачи: выявить смысловое содержание социального действия в рамках проявляемой активности, определить особенности формируемой ресурсообеспеченности, проанализировать ценностные и мотивационные установки участия в социальных практиках.

Студентам вузов Ростовской области был задан вопрос «По Вашему мнению, какое из представленных определений наиболее характеризует социальную активность студенческой молодежи?». Значительная часть опрошенных (39%) определяют социальную активность студенчества как деятельность, направленную на развитие общества через помощь тем, кто в ней нуждается, а также реализацию социально значимых инициатив. При этом 29,5% респондентов наоборот заявляют о направленности на субъект, характеризуя социальную активность как деятельность для саморазвития (культурный капитал), а 10,2% – как деятельность для получения бонусов от вуза в виде материальных поощрений и стипендий (экономический капитал). Студенты также отмечают значимость включения в социальные группы во время проявления активности, 16,3% молодых людей отмечают участие в социальных практиках в качестве возможности познакомиться с интересными людьми и завести нужные контакты. В данном исследовательском блоке так же был задан вопрос «Какого студента можно назвать социально активным?». 42,7% респондентов характеризуют социального активиста как человека, желающего решить какой-либо проблемный вопрос на благо общества. Стремлением участвовать в мероприятиях наделяют молодежного активиста 36,2% респондентов. Так, можно говорить, что в восприятии студенческой молодежи социальная активность определяется через солидаристские и индивидуалистские практики. В основе первых лежит желание и готовность осуществлять деятельность на благо других людей, «мы-ориентация». Данные практики характеризуются доминированием альтруистических ценностей. Вторая категория, индивидуалистские практики, определяется направленностью на личностное развитие субъекта деятельности, «я-ориентация». В основе такой деятельности лежат инструменталистские ценности. Социальная активность как деятельность в данном случае выступает в качестве инструмента для достижения какой-либо конечной цели. Стоит отметить, что полученные результаты свидетельствуют о наличии примерно равных по численности групп, воспринимающих социальную активность с позиции «я-ориентации» или «мы-ориентации».

Для проведения более детального анализа требуется выявление мотивов участия самих молодых людей. Среди опрошенных только каждый десятый занимается социальной активностью, чтобы приносить пользу нуждающимся. При этом более половины опрошенных отмечают, что включены в социальные практики с целью саморазвития или интеграции в различные социальные сети. Так, наблюдается некоторое противоречие в образе социального активиста и личностном проявлении. Молодые люди в описании образа используют характеристики солидаристских и индивидуалистских практик в равных долях. При этом при личностном проявлении фиксируется превалирование индивидуалистских практик в среде студенческой молодежи. Рассмотрим более подробно полученные результаты. Среди студентов вузов Ростовской области 27,3% опрошенных занимаются социальной активностью, чтобы получить надпрофессиональные

компетенции и знания за пределами учебных аудиторий, то есть для формирования культурного капитала. Также студенты отмечают свое стремление быть включенными в различные социальные сети и создать собственный круг интересных и полезных знакомых, то есть для формирования социального капитала (23,7%). При этом возможность получить стипендию и другие варианты материальных выплат являются доминирующим мотивом только для 4,9% студентов. Разнообразие досуга посредством включения в социальные практики является основной мотивацией для 19,0% опрошенных. Так, среди доминирующих при проявлении социальной активности в среде студенческой молодежи обозначаются инструментальные ценности, лежащие в основании индивидуалистских практик. При этом стоит обратить внимание на рассмотрение участия в социальных практиках с целью разнообразия досуговой деятельности со стороны молодых людей (19,0%). Такое проявление индивидуалистической социальной активности определяется доминированием гедонистических ценностей, характеризующихся получением удовольствия в качестве основы социальной активности. Компонент ресурсообеспеченности раскрывается через формирование культурного капитала (основной мотив участия в социальных практиках для 27,3% молодежи) и социального капитала (23,7%). Возможность формирования экономического капитала выступает главным мотивом только для 4,9% молодых людей.

Предположение о превалировании инструменталистских и гедонистических ценностей в среде студенческой молодежи, проявляющих социальную активность, находит свое подтверждение при рассмотрении общей системы ценностных ориентаций опрошенных. При ответе на вопрос «Какие из нижеперечисленных ценностей являются наиболее важными в Вашей жизни?» каждый третий отмечает саморазвитие и самосовершенствование (29,9%), каждый пятый фиксирует возможность проживать жизнь, получая удовольствие (19,5%), также каждый пятый отождествляет любимое дело с профессией как главную цель жизни (20,4%). При этом проживать жизнь на пользу обществу готовы 8,3% опрошенных. Кроме того, успех и богатство основной ценностью отмечают 8,9% опрошенных, а наличие власти всего 1,1% социально активных студентов.

Тезис о доминировании индивидуалистских практик деятельности с превалированием инструментальных и гедонистических ценностей находит свое подтверждение и при исследовании других групп молодежи. Обратимся к исследованию Сбербанка «30 фактов о современной молодежи», проведенному в 2017 году. Социологи использовали метод фокус-групп с молодыми людьми в возрасте до 25 лет, глубинные интервью с родителями и экспертами, анализ блогов молодых людей в социальных сетях. Среди 30 фактов, сформулированных о молодежи по итогам проведенной работы, выделяются: факт 15 «Установка на гедонизм». Главным запросом молодежи определяется наслаждение жизнью, получение от нее удовольствия. Молодые люди отмечают, что счастливым можно быть только при верном определении жизненного пути. При этом трудности означают, что путь выбран неверно. Факт 20. «Установка на индивидуализм». Исследователи, проанализировав полученные данные, делают вывод, что современная молодежь не думает о том, чтобы менять мир. Их основная задача – сделать свою и жизнь близких комфортной. В подтверждение приводятся выдержки выступления респондентов во время проведения фокус-групп: «Я считаю, что благотворительностью сейчас заниматься глупо. Если у тебя есть время на то, чтобы пойти и в каком-то детдоме помыть окна, лучше потратить это время на себя и саморазвитие, чтобы потом заработать больше денег. И тогда в будущем ты сможешь, например, закупить игрушки для целого детского дома»¹.

Среди социально активной студенческой молодежи наиболее востребованной является общественная деятельность. Свое участие в молодежных общественных объединениях различной направленности отмечают 44,8% опрошенных. Также современные студенты интересуются творческим направлением, фиксируя занятия танцами, вокалом, театральным и художественным видами искусства (28,3%), системно связаны со спортивными объединениями (участие в соревнованиях, забегах и т.д.) 14,6%. Наименее популярной среди студентов является научно-исследовательская деятельность, об участии в которой сообщают 7,7% молодых людей – обучающихся вузов.

Более детально рассмотрение видов деятельности возможно произвести при анализе ответов на вопрос «В каких мероприятиях Вы готовы участвовать?». 16,3% студентов отмечают благотворительные акции и помощь нуждающимся, 12,6% говорят о реализации социального

¹ 30 фактов о современной молодежи. Исследования Сбербанка. / сайт НИУ Высшая школа экономики. URL: <https://link.ac/5EM310> (дата обращения: 20.04.2020 г.)

проекта, 14,3% - о социальных акциях и проектах своего вуза, 12,2% – молодежных конкурсах проектов, с идеей, которая волнует. Наиболее предпочтительными для себя студенты выделяют мероприятия, касающиеся будущей профессиональной ориентации (25,7%). Полученные данные свидетельствуют о доминировании общественного типа социальной активности в молодежной среде. При этом полученные данные также подчеркивают «я-ориентацию» среди молодежи. Практики, направленные на общественное благо, прослеживаются в рамках политики малых дел (благотворительные акции, помощь нуждающимся, социальные проекты вуза).

Таким образом, проведенный анализ позволяет выделить некоторые особенности структурных компонентов социальной активности студенческой молодежи. Ценностно-мотивационный компонент социальной активности студенческой молодежи характеризуется инструментальными и гедонистическими ценностями, доминирующими при проявлении индивидуалистского типа социальной активности. Альтруистические ценности, выступающие доминирующими при проявлении социальной активности, направленной на развитие общества (солидаристский тип), используются молодыми людьми скорее для описания образа социального активиста; в реальной жизни выступают в основе активности только у одного из десяти студентов [14]. Среди структурных компонентов ресурсобеспеченности социальной активности наибольшую значимость для молодых людей представляют культурный (знания, умения и навыки, приобретаемые во время проявления активности) и социальный (включение индивида в различные сообщества, формирование сети контактов) капиталы, экономический капитал (материальное стимулирование, выраженное в стипендиях, грантах, иных видах материальной поддержки) отражен в меньшей степени. Структурный компонент социального действия выражается в доминировании общественного типа социальной активности с реализацией в рамках политики малых дел в среде студенческой молодежи.

Проведенный анализ структурных компонентов социальной активности российской студенческой молодежи позволяет сделать предположение о программах и проектах, вызывающих наибольший интерес со стороны сообщества обучающихся вузов. Среди них особенно значимыми для российских студентов являются проекты, направленные на развитие субъекта социальной активности, которые позволяют получить дополнительные знания, навыки и умения, преимущественно востребованные среди работодателей, сформировать круг социальных контактов и интегрировать студента в различные сообщества. Представленные данные о структурных компонентах социальной активности студенческой российской молодежи могут быть использованы при формировании адресных рекомендаций для органов управления государственной молодежной политики на различных уровнях.

Литература

1. Асланов Я.А. Патриотическое воспитание молодежи: современные тенденции и технологии формирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 4.
2. Балог А.И. Социальная активность студенческой молодежи // ИСОМ. 2015. №6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-studencheskoy-molodezhi> (дата обращения: 01.06.2020).
3. Балог А.И. Формирование социальной активности молодёжи: особенности, структура и мотивы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №11-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsialnoy-aktivnosti-molodyozhi-osobennosti-struktura-i-motivy> (дата обращения: 15.06.2020).
4. Башаев Н.Н. Роль физического воспитания в формировании социальной активности социальной активности студентов : дис. ... канд. пед. наук. Л., 1979.
5. Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
6. Бурдые П. Формы капитала // Экономическая социология. 2005. № 3. С. 60 – 74.
7. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Западно-европейская социология XIX - начала XX веков. М., 1996. С.491-507. (Избранные произведения. М., 1990).
8. Войтенко В.П., Сериков А.В. Молодежная политика в сфере патриотического и духовно-нравственного воспитания глазами молодежи Юга России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Социология. Педагогика. Психология. Том 2 (68). 2016. № 1. С. 11 – 20.
9. Государственная молодежная политика в России: социально-психологические основания и технологии реализации / Авт.: Зиненко В.Е. Карпова В.В., Орлова Н.В., Плешаков В.А., Попова С.Ю. Прокошина М.И., Пронина А.А., Пронина Е.В. Селезнева А.В. Чуев С.В. Шилина И.Б. / Под общей редакцией С.Ю. Поповой. М.: Аквилон, 2019. 448 с.

10. Харланова Е.М. Концепция развития социальной активности студентов в процессе интеграции формального и неформального образования: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2014. 380 с.
11. Мальковская Т.Н. Социальная активность старшеклассников. М.: Эксмо, 2013. 142 с.
12. Мордкович В.Г. Социальная активность городского населения. М.: Академия наук СССР, Институт социологических исследований, 1984.
13. Палаткина Г.В., Азизова Л.В. Структурные компоненты социальной активности студентов // Теория и практика общественного развития. 2012. № 7. С. 83–87.
14. Посухова О.Ю., Сериков А.В. Жизненные ориентиры жителей Южного федерального округа в контексте современных реалий // Вестник Института социологии. 2016. № 1 (16). С. 56 – 73.
15. Сериков А.В., Панфилова Ю.С. Образовательные стратегии донских абитуриентов: опыт социологического исследования // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. 2018. № 2. С. 87 – 94.

Pilipenko Anastasiya Eduardovna, graduate student of the Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (160, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation).

E-mail: kalosha@sfnedu.ru

STRUCTURAL COMPONENTS OF SOCIAL ACTIVITY OF RUSSIAN STUDENT YOUTH (USING THE EXAMPLE OF THE ROSTOV REGION)

Abstract

This article represents the structural components analysis of student's social activity. An attempt to select the students social activity structure, the methodological basis of which are the theory of «Social action» by M. Weber, the «Theory of capitals» by P. Bourdieu and the theoretical characteristics of social activity, suggested by V. Mordkovitch, is also made. The particularities of structural components of the student's social activity are also identified, according to the results of questionnaire survey, conducted based on Rostov region universities.

Keywords: social activity, the youth, students, availability of resources, value orientations, social practices, questionnaire, state youth policy, social group.

References

1. Aslanov YA.A. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi: sovremennye tendencii i tekhnologii formirovaniya // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. № 4.
2. Balog A.I. Social'naya aktivnost' studencheskoj molodezhi // ISOM. 2015. №6-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-aktivnost-studencheskoy-molodezhi> (data obrashcheniya: 01.06.2020).
3. Balog A.I. Formirovanie social'noj aktivnosti molodyozhi: osobennosti, struktura i motivy // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2015. №11-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-sotsialnoy-aktivnosti-molodyozhi-osobennosti-struktura-i-motivy> (data obrashcheniya: 15.06.2020).
4. Bashaev N.N. Rol' fizicheskogo vospitaniya v formirovanii social'noj aktivnosti studentov: dis. ... kand. ped. nauk. L., 1979.
5. Burd'e P. Sociologiya politiki. M., 1993.
6. Burd'e P. Formy kapitala // Ekonomicheskaya sociologiya. 2005. № 3. P. 60 – 74.
7. Veber M. O nekotorykh kategoriakh ponimayushchej sociologii // Zapadno-evropejskaya sociologiya XIX - nachala HKH vekov. - M., 1996. - S.491-507. (Izbrannye proizvedeniya. M., 1990).
8. Vojtenko V.P., Serikov A.V. Molodezhnaya politika v sfere patrioticheskogo i duhovno-nravstvennogo vospitaniya glazami molodezhi Yuga Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Sociologiya. Pedagogika. Psihologiya. Tom 2 (68). 2016. № 1. P. 11 – 20.
9. Gosudarstvennaya molodezhnaya politika v Rossii: social'no-psihologicheskie osnovaniya i tekhnologii realizatsii / Avt.: Zinenko V.E. Karpova V.V., Orlova N.V., Pleshakov V.A., Popova S.YU. Prokohina M.I., Pronina A.A., Pronina E.V. Selezneva A.V. CHuev S.V. SHilina I.B. / Pod obshchej redakciej S.YU. Popovoj. M.: Akvilon, 2019. 448 p.
10. Harlanova E.M. Konceptiya razvitiya social'noj aktivnosti studentov v processe integratsii formal'nogo i neformal'nogo obrazovaniya: monografiya. CHelyabinsk: Izd-vo CHelyab. gos. ped. un-ta, 2014. 380 p.
11. Mal'kovskaya T.N. Social'naya aktivnost' starsheklassnikov. M.: Eksmo, 2013. 142 p.
12. Mordkovich V.G. Social'naya aktivnost' gorodskogo naseleniya. M.: Akademiya nauk SSSR, Institut sociologicheskikh issledovaniy, 1984.
13. Palatkina G.V., Azizova L.V. Strukturnye komponenty social'noj aktivnosti studentov // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2012. № 7. P. 83–87.
14. Posuhova O.YU., Serikov A.V. Zhiznennye orientiry zhitelej YUzhnogo federal'nogo okruga v kontekste sovremennykh realij // Vestnik Instituta sociologii. 2016. № 1 (16). P. 56 – 73.
15. Serikov A.V., Panfilova YU.S. Obrazovatel'nye strategii donskih abiturientov: opyt sociologicheskogo issledovaniya // Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Pedagogicheskie nauki. 2018. № 2. P. 87 – 94.

ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА ЗА РУБЕЖОМ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Трофимов аспирант кафедры экономической теории и предпринимательства,
Глеб Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
Витальевич народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
(344002, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54).
E-mail: trofimov.globallox@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается реализация института государственно-частного партнёрства с использованием зарубежного опыта по обеспечению инфраструктурных проектов в сфере дорожного строительства. Отдельное внимание уделяется проблеме регулярного пересмотра контрактных обязательств в сфере формирования проектов и установлена роль государства и предпринимателей в процессе обмена информационными ресурсами. При помощи модели, состоящей из 4 факторов, воздействующих на формирование отношений, даётся характеристика реализации проектов.

Ключевые слова: партнёрство, оппортунистическое поведение, государство, предприниматели, бизнес, бюджетные средства, частные инвестиции, институт государственно-частного партнёрства, эффективность управленческой деятельности.

Институт государственно-частного партнёрства выступает явлением, способствующим организации взаимодействия органов государственной власти и крупного бизнеса. Реализация этих процессов может возникать только в отношении крупнейших и значимых для общества проектов и мероприятий. Благодаря этим действиям частный бизнес может уменьшить объём собственных рисков, получить прямой доступ к огромному количеству ресурсов, административную поддержку, что в свою очередь позволяет уменьшить объём издержек и временных потерь на решение конкретных вопросов. Государство в свою очередь также сможет получить конкретную выгоду, привлекая предпринимателей в развитие инфраструктуры и территории. Постоянное взаимоотношение с крупнейшими экономическими агентами даёт возможность органам государственной власти снизить расходы бюджетных средств, и тем самым привлекать частные инвестиции в различные крупные проекты, способствующие совершенствованию инфраструктуры.

Представленная тематика является актуальной, поскольку именно на основании описанного выше механизма в рамках идеальных процессов создаётся модель построения государственно-частного партнёрства. Но, на практике существует огромное количество новых или типичных проблем, связанных с политической, юридической и экономической сферах. Общей проблемой в этом вопросе выступает организация регулярных пересмотров и изменений контрактов ГЧП, а также несоответствие временных параметров при организации проекта ГЧП со стороны бизнеса и государства [1].

Международная практика показывает, что в системе государственно-частного партнёрства применяются достаточно сложные схемы по финансированию деятельности. В их составе присутствует огромное количество транзакционных издержек. Во многих странах уже не один десяток лет используются инвестиционные денежные средства, позволяющие развивать транспортную инфраструктуру с помощью института государственно-частного партнёрства. Например, в странах Латинской Америки механизм государственно-частного партнёрства активно начал распространяться ещё в середине 1980-х годов. В Великобритании эта система была внедрена в 1990-х годах.

Поскольку существует огромное количество различных форм и способов реализации проектов ГЧП, то тем самым имеется многообразие механизмов финансирования этой деятельности и возможности получить конкретные льготы для организации экономических процессов. Но, стоит констатировать, что все границы между партнёрством и построением частного бизнеса будут в некоторой степени размытыми.

Установив сущность государственно-частного партнёрства как института, необходимо констатировать, что он применяется для того, чтобы создавать стимулы и повышать эффективность управленческой деятельности в отношении всего частного сектора в тех отраслях, которые являются сетевыми, или у них присутствуют признаки монопольной деятельности.

С целью обеспечения высоких гарантий при участии бизнеса в представленных отраслях нужно исследовать проблему, связанную с несоответствием времени. Эта проблема состоит в том, что тактика правительства ориентирована на проблемы краткосрочного характера. Органы власти в таком случае желают максимально удовлетворять все желания своих избирателей, но не учитывают те вопросы, на которые нужно затрачивать огромное количество инвестиционных вложений и временных ресурсов.

Так, органы власти используя бюджет, могут незначительно затрачивать средства на развитие и обслуживание инфраструктурных проектов, поскольку все основные последствия будут проявляться в течении конкретного длительного периода времени. В итоге средства будут направлены на удовлетворение срочных потребностей, чтобы удержать власть и тем самым защитить собственную деятельность. Очень часто существует такая практика, когда в рамках реализации инфраструктурных проектов выделяется незначительное количество средств, и тем самым не принимаются к вниманию все затраты на перспективной техническое обслуживание этого процесса. Считается, что данные действия органов власти имеют определённый смысл, ввиду того, что увеличенные расходы в перспективе могут возлагаться на будущее правительство, избирателей и всех граждан. Очевидным является тот факт, что если некоторый частный капитал будет направлен на развитие инфраструктурных проектов в масштабе всего государства, то нужно в итоге ликвидировать подобное оппортунистическое поведение [2].

Разнообразные контракты в сфере государственно-частного партнёрства с учётом единого соглашения по вопросам его применения могут затрагивать все аспекты, связанные со строительством инфраструктурных процессов [3], включая отношения бизнеса в органами власти. Связано это с тем, что в большинстве случаев ответственность за все активы будет ложиться в ходе эксплуатации инфраструктурного комплекса на предпринимателей. Логическая идея представленной связи состоит в том, что подписанный с помощью конкурсной основы некоторый контракт может создать позицию для эффективного и качественного развития данных мероприятий. Но, грамотное и рациональное применение средств может увеличить срок реализации этого проекта, и в перспективе обеспечивать его качественным обслуживанием.

По факту можно констатировать, что базовым принципом реализации института государственно-частного партнёрства выступает образование некоторого «контрактного пузыря». Это понятие представляет из себя совокупность контрактов, содержание которых позволяет оградить любого инвестора от поведения, свидетельствующего о непоследовательности действий, или же благодаря изменению существующей политической системы. Кроме того, это система контрактов даёт возможность обеспечивать защиту всего государственного сектора от неожиданных и непредвиденных действий со стороны бизнеса.

При организации транспортной инфраструктуры механизм государственно-частного партнёрства выступает стимулом, обуславливающим рост и развитие этих проектов. Конкуренция за контракт увеличивается достаточно быстро. У любого инфраструктурного комплекса и тех организаций, которые его обслуживают, имеются зачатки монопольного управления. Соответственно, свободной конкуренции в рамках рынка инфраструктурных услуг практически не встречается.

Представляется возможным предполагать, что в течении всего развития договорных отношений в сфере инфраструктурных проектов взаимодействия между участниками данного института могут подвергаться ключевым изменениям. Но, не каждое изменение является фактом, свидетельствующим о прямом пересмотре контрактных обязательств. В этом случае суть пересмотра состоит в возможности на повторное основе подписать любой документ или внести различные корректировки в состав и его структуру. Таким образом, можно сделать вывод о том, что различные дополнения или изменения всех документов пересмотром не выступают фактически. В качестве примера данных ситуаций нужно привести отличительные характеристики, отмеченные в табл. 1.

Анализируя эту особенность, стоит отметить, что процесс по пересмотру контракта может являться неявным, или осуществляться по умолчанию в зависимости от действий сторон. В качестве примера стоит отметить, что если государство или бизнес будет полностью соблюдать все основные позиции контракта без подписания его на фактическом уровне, то это не является пересмотром.

Таблица 1

Основные отличительные особенности между пересмотром контракта и его корректировкой [3]

Пересмотр контракта ГЧП	
Возможность для изменения процесса по передачи риска или основных условий в договоре	Уменьшение уровня и качества предоставляемых услуг. Отсрочка или процесс по откладыванию инвестиционных вложений. Увеличение срока реализации договора. Уменьшение всех гарантийных требований к предпринимателю. Рост объёма гарантий со стороны государства. Различные отсрочки по минимизации тарифов. Уменьшение тарифов или платы за коммунальные услуги.
Изменение структуры проекта в том случае, если изначально этого условия не было в составе контракта	Сторона, представленная как государство, будет требовать дополнительных вложений. Предприниматель потребует дополнительные вложения. Получение новых участков земли для того, чтобы обслуживать инфраструктуру.
Корректировка контракта ГЧП	
Корректировка контракта на основании возможности его обеспечивать	Изменение всех действующих тарифов согласно общей формуле. Использование основных условий в рамках соглашений. Инвестиции будут обязательными. Согласно договору установлены платежи в отношении оператора

В этом случае основываясь на данных Всемирного банка можно отметить, что очень часто происходили процессы по пересмотру или изменению контрактов в сфере государственно-частного партнёрства. Приведём примеры данных пересмотров на базе развития стран Карибского бассейна и Латинской Америки. В частности, за период с 1990 по 2017 годы в данных странах были успешно завершены более 1800 проектов в сфере государственно-частного партнёрства. Все эти информационные данные, которые затрагивают пересмотр контрактов представлены в табл. 2.

Таблица 2

Пересмотр и изменение контракта ГЧП в разных регионах мира [4]

Регион или государство	Сектор экономики	Процент пересмотра контрактов
Страны Латинской Америки и Карибского бассейна	Электроэнергетика	42
	Транспортная сфера	79
	Водоснабжение	93
США	Строительство дорог	42
Франция	Строительство дорог	51
	Строительство парковок	74
Великобритания	Все сектора экономики	23

Вне зависимости от того, что достаточно часто осуществлялась изменения или пересмотр контрактов в странах Латинской Америки, представленный фактор распространяется и во многих развивающихся государствах. Например, это существует в Великобритании. Около 83% контрактов могли изменяться в рамках суммы, которая не превышает 5000 фунтов стерлингов. В основном любые изменения были организованы благодаря просьбам со стороны государства, так как изменялось законодательство. Но, в Великобритании существуют примеры, характеризующие организацию неэффективных изменений всех контрактов. Для бюджета эти изменения оказали существенные последствия. Например, при реализации строительства железнодорожной линии через пролив Ла-Манш. Благодаря пересмотру контракта в 1998 г., и на основе продажи невыгодных концессионных соглашений в прошлом десятилетии, налогоплательщиком

придётся выплачивать и компенсировать долг по всем установленным обязательствам в рамках железнодорожной инфраструктуры до 2070 года, поскольку эти средства составляют 10,2 млрд. фунтов стерлингов.

С целью получения более полного представления и понимания вопросов, связанных с пересмотром контрактов в сфере инфраструктуры нужно отметить, что этот механизм активно применяется в рамках традиционных закупок. Так, в ходе организации возведения дорожного полотна может присутствовать факт изменения всех проектных работ при строительстве. Именно эта позиция является прямой причиной дополнительного расходования денежных средств в крупных объемах.

На основании исследований можно сделать вывод о том, что основной причиной пересмотра контрактов выступает учёт конкретного государства или региона. Например, в странах Латинской Америки и Карибского бассейна все пересмотры были осуществлены изменены на раннем этапе реализации государственно-частного партнёрства. В сфере транспорта представленная тенденция является более распространённым процессом, и около 79% контрактов рассматривались через 8-9 месяцев после того, как были урегулированы все основные финансовые вопросы и процедуры.

Специалисты считают, что большее количество повторных соглашений и контрактов удалось подписать только на базе взаимного согласия и взаимодействия двух сторон. Например, в Чили около 84% контрактов были реализованы именно при помощи этих действий, 99% контрактов в Колумбии подписаны при использовании этого механизма. Но, в рамках этой системы существует так называемое оппортунистическое поведение каждого участника данного договора. Обусловлено это тем, что все конкурирующие организации желают выиграть тендер и получить контракт. Это приводит к тому, что формируется достаточно убыточные предложения, поскольку организация хочет на этапе повторного заключения контракта минимизировать все основные издержки. Органы власти используют механизм по повторному заключению контракта для того, чтобы повысить все расходы, и тем самым увеличивать бюджет, но без несения какой-либо ответственности [2].

Пересмотр крупнейших инфраструктурных контрактов в сфере дорожного строительства присутствует и в рамках развития европейских стран. Например, в Португалии благодаря экономическому кризису основное количество процессов в рамках национальной дорожной программы были пересмотрены. Так, большинство проектов в сфере государственно-частного партнёрства в Португалии были инвестированы из тех средств, которые поступали в рамках пользования платными дорогами. В этом случае удалось увеличить систему дорог и направить их в те регионы, где присутствовал низкий уровень спроса на инфраструктурные проекты. Однако, благодаря влиянию экономического кризиса обеспечивать реализацию данных проектов становилось достаточно сложно, и на государственных счетах образовался дефицит средств.

Аналогичная ситуация реализуется в Индии, где правительству ранее не удавалось организовывать повторные переговоры, но более 200 проектов в сфере государственно-частного партнёрства были внедрены. Известным является тот факт, что существовало огромное количество просьб и пожеланий пересматривать договорённости. В Индии разработан собственный специализированный контракт в сфере ГЧП для дорожного строительства, и он предусматривает несколько возможностей изменения условий, которые можно регулировать без использования дополнительных процедур по согласованию.

По Великобритании существует своя группа изменений в составе контрактов на уровне государственно-частного партнёрства в разнообразных экономических секторах. Характеристика данных изменений отмечена в табл. 3.

Таким образом, стоит констатировать, что сегодня имеется огромное количество различных аргументов, свидетельствующих об эффективности использования государственно-частного партнёрства. Представленные причины и аргументы необходимо объединить в несколько категорий. Но, нужно отметить, что желание формализовать эти критерии является возможностью упростить и предоставить прямое понимание существующей действительности. На рис. 1 выделены эндогенные и экзогенные факторы, и они в свою очередь пересекаются с объективными и субъективными позициями.

С практической точки зрения все основные эндогенные причины будут входить в состав вопросов, связанных с изменением контракта на базе конкретного проекта.

Практические примеры изменения контрактов в сфере ГЧП в Великобритании [5]

Сфера экономики	Изменения в рамках общей политики	Изменения локальные
Здравоохранение	Общее изменение условий деятельности сотрудников национальной службы здравоохранения. Оплата проводится только по результатам	Одному из отделений больниц нужно провести изменение процесса уборки помещений и принять новые меры для изоляции распространения инфекции
Образование	При использовании электронных досок нужно создавать новую инфраструктуру При изменении питания школьников важно организовать по-новому сервис	Заместитель директора школы решил изменить класс
Дорожная система	Схема по расширению дорог и управление движением. Использование новых положений и стандартов по дорожному покрытию	Изучение уровня безопасности дорог показывает, что нужно улучшать стыки.

Рис. 1. Причины пересмотра контракта в сфере ГЧП по 4 направлениям [3]

Факторы объективного характера имеют в своём составе различные проблемы, затрагивающие организационный или управленческий потенциал данного проекта.

Некоторые специалисты полагают, что в рамках управления контрактами присутствует несколько ключевых проблем. Основные причины, способствующие прямому пересмотру контрактов в сфере государственно-частного партнёрства базируются на позиции о том, что сотрудники не смогли создать качественную организационную структуру. Она в свою очередь в итоге не может обеспечивать высокий уровень рентабельности и производительности труда при функционировании этого проекта. Ещё одной причиной будет позиция о неправильном выборе решений инженеров, и это в свою очередь приведёт к увеличению затрат на реализацию проектов. Государство, выступая в качестве стороны в данном контракте, также может обладать недостаточным опытом [4].

Представленная выше схема, связанная с реализацией каждого сектора построения контрактов в сфере ГЧП, обладает упрощённым, но целостным пониманием того, почему происходит изменение и пересмотр различных обязательств в этом проекте. Существует три основные причины, которые на наш взгляд являются основой для пересмотра контрактов в сфере государственно-частного партнёрства:

1. Любой контракт невозможно открывать благодаря эндогенным причинам.
2. При распределении на качественном уровне всех основных рисков факторы экзогенного характера будут приводить к пересмотру основных положений и возможностей изменить структуру контракта.
3. В некоторых распространённых ситуациях нужно заниматься изменением и пересмотром ключевых соглашений благодаря политической трансформации в государстве. Однако, такие факторы могут стать основой для проявления оппортунистического поведения со стороны некоторых политиков.

В завершении представленной статьи необходимо сделать вывод о том, что различные факторы эндогенного и экзогенного характера обладают менее проблемным содержанием для реализации государственно-частного партнёрства. В этих секторах представленные проблемы можно максимально быстро решить, поскольку нужно учитывать форс-мажорные обстоятельства или общий кризис в экономике. Однако, оппортунистическое поведение каждой стороны создаёт неразрешимую проблему, которая ведёт к провалу данного проекта. Если конечная цель проекта направлена на привлечение дополнительного капитала и создание дорожной инфраструктуры, то в случае с проявлением таких негативных механизмов, невозможно реализовать все действия на практике.

Литература

1. Салихова Н.Н. Опыт развития государственно-частного партнерства в зарубежных странах // Colloquium-journal. 2019. №. 13-11. С. 76-78.
2. Артемова П.В., Рязанцев А.А. Опыт зарубежных стран в осуществлении проектов государственно-частного партнерства // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №. 1. С.91-94.
3. Кайль Я.Я., Игнатова Т.В., Епинина В.С. Координация института GR-менеджмента в системе устойчивого развития экономики // Вестник Евразийской науки. 2019. № 2. <http://https://esj.today/PDF/39ECVN219.pdf> (Доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
4. Бородин К.Е., Федотов А.М. Государственно-частное партнерство в транспортной инфраструктуре // Наука и инновации-современные концепции. 2019. С. 31-36.
5. Поспелов С.В. Методические аспекты реализации моделей государственно-частного партнерства в зарубежных странах // EUROPEAN RESEARCH. 2017. С. 109-114.
6. Гасанов Г.Ш. Механизмы частно-государственного партнерства в зарубежных странах // Вестник научных конференций. 2018. № 5-3. С. 53-56.

Trofimov Gleb Vitalievich, Graduate Student, South-Russian Institute of management– branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (70/54, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation). E-mail: trofimov.globalloxx@yandex.ru

TECHNOLOGIES OF IMPLEMENTATION OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP FOREIGN PROJECTS IN ROAD CONSTRUCTION

Abstract

The article discusses the implementation of the Institute of public-private partnership using foreign experience in providing infrastructure projects in the field of road construction. Special attention is paid to the problem of regular review of contractual obligations in the field of project formation and the role of the state and entrepreneurs in the exchange of information resources is established. Using a model consisting of 4 factors that influence the formation of relationships, a characteristic of project implementation is given.

Keywords: *partnership, opportunistic behavior, state, entrepreneurs, business, budget, private investment, public-private partnership institution, management efficiency.*

References

1. Salihova N.N. Opyt razvitiya gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v zarubezhnyh stranah // Colloquium-journal. 2019. №. 13-11. P. 76-78.
2. Artemova P.V., Ryazancev A.A. Opyt zarubezhnyh stran v osushchestvlenii proektov gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Problemy ekonomiki i yuridicheskoy praktiki. 2018. № 1. P. 91-94.
3. Kajl' YA.YA., Ignatova T.V., Epinina V.S. Koordinaciya instituta GR-menedzhmenta v sisteme ustojchivogo razvitiya ekonomiki // Vestnik Evrazijskoj nauki. 2019. № 2. <http://https://esj.today/PDF/39ECVN219.pdf> (Dostup svobodnyj). Zagl. s ekrana. YAz. rus., angl.
4. Borodin K.E., Fedotov A.M. Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v transportnoj infrastrukture // Nauka i innovacii-sovremennye koncepcii. 2019. P. 31-36.
5. Pospelov S.V. Metodicheskie aspekty realizacii modelej gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v zarubezhnyh stranah // EUROPEAN RESEARCH. 2017. P. 109-114.
6. Gasanov G.SH. Mekhanizmy chastno-gosudarstvennogo partnerstva v zarubezhnyh stranah // Vestnik nauchnyh konferencij. 2018. № 5-3. P. 53-56.

**О ВЗАИМОСВЯЗИ ПРОТЕСТНОГО ДВИЖЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ
СО-УПРАВЛЕНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ (ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ) ОРГАНАХ ВЛАСТИ
ГОРОДОВ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ**

Туманян магистрант, Национальный исследовательский
Гарник Томский государственный университет (634029, Россия, г. Томск,
Вагинакович ул. Советская, 59). E-mail: tumangar@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается опыт городов федерального значения в области внедрения партисипативных практик современного публичного управления в деятельности законодательных органов власти. Анализируется информация об используемых практиках. Данные о количестве и качестве практик со-управления, используемых в городах федерального значения, сопоставляются с уровнем протестного движения в данных субъектах Федерации. Проведённое исследование выдвигает гипотезу о том, что партисипативные технологии государственного управления вводятся законодательными органами власти на территориях городов федерального значения по мере необходимости в ответ на протестное движение. Чем выше уровень протестности, тем сильнее партисипативная культура в городах федерального значения.

Ключевые слова: партисипативность, публичное управление, менеджмент, общественный выбор, участие граждан, государственное управление, управленческие технологии, протестное движение, демократическая практика.

В Российской Федерации укореняются антропосоциетальные тенденции в общественных отношениях [1, с. 25]. Сильный и независимый актор, обладающий производственными силами постиндустриальной эпохи в виде знаний и креативности, занимает центральную позицию в социуме [2, с. 67]. Государства с развитой демократической практикой в ответ на социальные трансформации выстраивают политику «сервисности» и рассматривают деятельность государства как субъекта, предоставляющего услуги акторам. В государствах данного типа активно развиваются партисипативные управленческие технологии и практика со-управления [3, с. 178], где акторы встают в один ряд с органами власти и социальными институтами [4, с. 60].

В Российской Федерации активно перестраивается культура государственного и муниципального управления, создаются и развиваются управленческие технологии, которые вовлекают в процессы управления разные группы акторов. По причине отсутствия нормативно-правовой базы, регулирующей использование партисипативных технологий, создаётся разная практика использования данных технологий в разных субъектах РФ. Благоприятно влияют на подобного рода дифференциацию также различные обстановки в субъектах РФ: социально-политические, экономические, традиционалистические и институциональные.

Отдельно, из общего количества субъектов РФ, можно выделить активность акторов в городах федерального значения (Москва, Санкт-Петербург, Севастополь). В данных городах наблюдается слабая политическая активность акторов (вызванная относительно высоким уровнем жизни) с высоким уровнем протестного движения [5, с. 85]. Существует мнение, что субъекты подобного типа, имеющие высокую численность населения, концентрируют у себя большой спектр проблем, для них характерен «активистский» тип политического участия акторов, которые свободно вовлекаются в политические процессы и имеют слабую зависимость от властных институтов¹.

В данных регионах наблюдается низкое количество партисипативных механизмов публичного управления, что в свою очередь, с одной стороны, может объяснить высокий уровень протестности, но и с другой стороны, отсутствие механизмов партисипативного управления не создаёт площадок для совершения новых актов гражданского недовольства. Как известно, протестная часть акторов активна в своей деятельности (на фоне политически пассивного большинства) и при вовлечении в процессы со-управления активное меньшинство, благодаря административным механизмам партисипативного управления, будет диктовать условия пассивному большинству.

¹ «Заметный март»: рейтинг протестной активности регионов РФ, март 2019 года. Подробности: <https://regnum.ru/news/accidents/2609425.html>

Также, если брать во внимание уровень протестности городов федерального значения, можно предположить, что партисипативные механизмы государственного управления вводятся по мере необходимости в ответ на протестное движение, так как решения (вплоть до провальных), принятые с использованием данных технологий, уменьшают уровень недовольства акторов.

Методология исследования заключается в анализе существующих партисипативных практик в городах федерального значения посредством анализа официальных сайтов органов власти и анализа нормативно-правовой базы данных субъектов Федерации. Акцентирование внимания на электронные ресурсы законодательных органов власти обусловлено растущей популярностью электронной партисипации граждан, что возможно благодаря её удобству для акторов и государства [6, с. 52], а также возможности некоторых групп граждан участвовать в партисипации только подобным образом [7, с. 278]. Электронное участие является платформой непрерывающегося диалога между акторами и государственными структурами в сети и динамичным взаимодействием между информационными технологиями и социальными структурами [8, с. 347].

Особое место при рассмотрении партисипативных практик занимают управленческие технологии в законодательных органах власти. Законодательные органы формируются по принципу представительства и отражают демократический выбор населения, следовательно, деятельность лиц с делегированными народом полномочиями должна соответствовать ожиданиям и потребностям акторов. Теоретически ветви власти, существующие на сегодняшний день, являются плодом системы сдержек и противовесов, но практически, именно законодательные органы формируют политическую систему и занимаются распределением ресурсов и по сути являются важнейшим звеном принятия государственных решений.

Практика законодательных органов власти также интересна по причине существования мнения о кризисе представительной демократии, который в свою очередь приводит к созданию площадок для реализации технологий прямой и консультативной демократии [9, с. 15] и внедрения партисипативных технологий современного публичного управления с целью сохранения уровня общественного одобрения и поддержки деятельности органов власти.

Условно можно разделить партисипативную деятельность, рассматриваемую в исследовании, на четыре направления: проведение опросов населения, проведение общественных обсуждений, наличие возможности законодательной инициативы акторов, наличие института Общественного совета (контрольно-экспертная функция) при законодательном органе власти. Ниже рассмотрим применение данных технологий в городах федерального значения.

Законодательным органом города Москва является Московская городская Дума. На территории города действует практика законодательной инициативы граждан. Даная технология регулируется Законом города Москвы от 11 декабря 2002 года № 64 "О гражданской законодательной инициативе в городе Москве"¹. По своей сути, это практика гражданских петиций, что в свою очередь оговаривается в данном нормативно-правовом акте. Технология имеет множество ограничений, связанных с количеством и методами сбора подписей, в частности для рассмотрения инициативы необходимо собрать 50 тысяч подписей. Акторы, подписавшие инициативу, не могут представлять более 10 процентов от жителей одного района города и 20 процентов от жителей административного округа, что затрудняет продвижение вопросов, локализованных какой-либо территорией.

Ещё одно ограничение касается общего количества акторов, подписавших инициативу: их количество не должно превышать более чем на 15 процентов число подписей, необходимых для рассмотрения инициативы, то есть при необходимом количестве 50 тысяч подписей нельзя подавать список с более чем 57500 подписями. Данный пункт противоречит принципам партисипативности и выражения мнения граждан, так как количество заинтересованных лиц может быть больше указанного ограничения. Использование данной законодательной оговорки может скрывать реальный общественный интерес и уровень гражданского недовольства тем или иным вопросом. Ещё одним немаловажным ограничением является перечень вопросов, которые не могут быть рассмотрены. К уже стандартным ограничениям по вопросам

¹ Закон города Москвы от 11 декабря 2002 года № 64 "О гражданской Законодательной инициативе в городе Москве" <https://mobile.duma.mos.ru/ru/528/page/zakon-goroda-moskvyi-ot-11-dekabrya-2002-goda-64-o-grajdanskoj-zakonodatelnoy-initsiative-v-gorode-moskve?tryMobile=1>

о кадровой политике и полномочиям органов власти данный акт ставит ограничения также на вопросы о перерасмотрении бюджетов, административном делении, налоговой политике и мерах по обеспечению здоровья и безопасности акторов, проживающих на территории города. Данные ограничения, по нашему мнению, недемократичны и сильно сужают перечень важных для общества вопросов, которые могут быть рассмотрены органом власти.

При законодательном органе власти действует Общественный совет, функционирующий согласно Постановлению Московской городской Думы от 17 февраля 2010 года №43 "Об Общественном консультативном совете политических партий при Московской городской Думе"¹. Общественные советы при законодательных органах власти, как правило, создаются с целью общественного контроля, но данная практика в городе Москва имеет серьёзное ограничение в виде необходимости членства представителей совета в политических партиях. Данное ограничение носит дискриминативный характер по отношению к акторам, не желающим вступать в политические партии. Ещё одним ограничением является назначение членов Совета руководством партий, представленных в городе Москва; по сути, создаются серьёзные риски лоббирования интересов партий и отсутствия общественного контроля как такового, так как контроль за деятельностью депутатов (в виде экспертных заключений, закреплённых в положении о деятельности Совета) осуществляют лица, назначенные ими же (депутатами) или их партийным руководством.

Законодательным органом города Санкт-Петербурга является Законодательное Собрание Санкт-Петербурга. Деятельность данного органа вследствие анализа официального сайта и анализа нормативно-правовой базы показала практическое отсутствие партисипативных технологий.

Единственной технологией, которая частично может быть партисипативной и может отражать интересы акторов, это право законодательной инициативы почётных граждан города Санкт-Петербурга². Хотя количество почётных граждан строго регламентировано, но они являются яркими представителями общественности, политиками, деятелями культуры, искусства и других публичных профессий. Данная категория акторов, как правило, довольно активна и часто участвует в жизни гражданского общества.

Законодательным органом города Севастополя является Законодательное Собрание города Севастополя. Деятельность данного органа власти, вследствие анализа официального сайта и анализа нормативно-правовой базы, показала ситуацию полного отсутствия партисипативных технологий.

Деятельность Общественного совета при Законодательном Собрании города Севастополя закреплена нормативно-правовыми актами³, но фактически такого органа не существует. Это вполне может быть связано с принятием Закона г. Севастополя от 20 октября 2015 г. N 192-ЗС "Об осуществлении общественного контроля в городе Севастополе" в спешке, в период вступления в состав РФ и деятельность такого Органа ещё не адаптирована под институциональную обстановку города.

Анализ официального сайта Законодательного Собрания города Севастополя⁴ показал отсутствие партисипативной технологии проведения опросов, в графе «Опросы» находится лишь два вопроса, связанных с функционированием самого сайта.

Подводя итоги проведённому исследованию партисипативных технологий, существующих на территориях городов федерального значения, можно составить таблицу партисипативной культуры законодательных органов власти.

¹ Постановление Московской городской Думы от 17 февраля 2010 года №43 "Об Общественном консультативном совете политических партий при Московской городской Думе"

<https://mobile.duma.mos.ru/ru/827/info/polojenie-i-reglament/polojenie-ob-obschestvennom-konsultativnom-sovete-politicheskikh-partiy-pri-moskovskoy-gorodskoy-dume>

² Устав Санкт-Петербурга (Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 14 января 1998 года) (с изменениями и дополнениями). Глава V. Законодательная власть Санкт-Петербурга (ст.ст. 22 - 36)

Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/7953007/b3975f01ce8b0eb0c9b11526d9b4c7bf/#ixzz6FNcorYHW>

³ Закон г. Севастополя от 20 октября 2015 г. N 192-ЗС "Об осуществлении общественного контроля в городе Севастополе"

Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/23709179/5633a92d35b966c2ba2f1e859e7bdd69/#ixzz6FNhTDhRz>

⁴ Официальный сайт Законодательного Собрания города Севастополя <https://sevzakon.ru/polls/>

Таблица 1

Субъект РФ	Опросы граждан	Общественные обсуждения	Законодательная инициатива акторов	Наличие Общественного совета
г. Москва	Отсутствуют	Отсутствуют	Возможность имеется, но с ограничениями	Практика присутствует, но объективность гражданской оценки ставится под сомнение из-за порядка формирования
г. Санкт-Петербург	Отсутствуют	Отсутствуют	Возможность имеется, но с существенными ограничениями	Отсутствует
г. Севастополь	Отсутствуют	Отсутствуют	Отсутствует	Отсутствует

В представленной выше таблице регионы расположены в порядке убывания количества технологий со-управления в законодательных органах власти. Город Москва имеет наибольшую партисипативную культуру, за ним следуют города Санкт-Петербург и Севастополь.

Публичные слушания по вопросам, связанным с бюджетом и его исполнением, не рассматривались в данном исследовании, так как они носят обязательный характер на всей территории Российской Федерации и могут исказить общие данные по партисипативным практикам.

Исследования С.Э. Мартыновой и С.А. Еварович в области выявления партисипативных кадровых технологий в государственном управлении в ряде инновационных регионов РФ (г. Москва, Томская область, Тульская область, Ханты-Мансийский автономный округ, Ярославская область, Воронежская область, Ульяновская область, Республика Коми) выявили, что город Москва являлся единственным субъектом, где такие технологии отсутствовали [10].

Возвращаясь к вопросу о протестной активности, необходимо рассмотреть исследования в данной области. Согласно исследованиям А.В. Соколова, проведенным в 2013 году, ещё до присоединения Севастополя к РФ, города Москва и Санкт-Петербург находились в категории с высоким уровнем протестного движения [11]. Согласно исследованиям И.А. Халий и К.В. Подъячева, город Севастополь в данный промежуток времени также характеризовался как субъект с высоким уровнем протестного движения [12].

Взаимосвязь протестной активности и партисипативных технологий важно рассмотреть в разрезе исследований последних лет, здесь важное место занимает «Рейтинг протестной активности российских регионов»¹, составляемый Институтом региональной экспертизы. В данном рейтинге существует четыре группы регионов по уровню протестной активности: регионы «Красной зоны»; регионы «Оранжевой зоны»; регионы «Жёлтой зоны»; регионы «Зелёной зоны». Рассматриваемые нами субъекты Федерации стабильно находятся в одних и тех же группах регионов, город Москва в составе регионов «Красной зоны», город Санкт-Петербург в составе регионов «Оранжевой зоны» и город Севастополь в составе регионов «Жёлтой зоны» соответственно. Данное исследование показывает серьёзную дифференциацию по уровню протестного движения в городах федерального значения. При сопоставлении данного рейтинга с таблицей, полученной в ходе исследования, можно подтвердить гипотезу о том, что партисипативные механизмы государственного управления вводятся по мере необходимости, в ответ на протестное движение, так как решения (вплоть до провальных), принятые с использованием данных технологий уменьшают уровень недовольства акторов. То есть в городах федерального значения партисипативное управление реализуется исходя из уровня протестности акторов (чем больше протестное движение, тем больше механизмов со-управления).

Использование партисипативных технологий в деятельности органов власти способно повышать культуру гражданского вовлечения в принятие решений и их народное одобрение. Социетальные трансформации, происходящие в постиндустриальном российском обществе, приводят к созданию новых управленческих моделей и популяризации методов прямой и консультативной демократии. Необходимо понимать, что институциональная разность регионов

¹ «Рейтинг протестной активности российских регионов»

http://kvnews.ru/upload/file/IRE_Protestnaya_aktivnost_08052019.pdf

требует индивидуального подхода к построению государственной политики народного участия, но всё же необходимо иметь федеральный контроль над данными процессами, которые могут игнорироваться региональными властями и увеличивать социально-политический и институциональный разрыв между регионами.

Разность использования партисипативных практик доказывается благодаря проведённому в статье исследованию; даже такая небольшая группа субъектов Федерации, как города федерального значения, имеют серьёзные разрывы между собой в плане наличия механизмов вовлечения акторов в процессы со-управления, а также в проблемное поле входят сами используемые партисипативные практики по причине их несоответствия или разногласий с концепцией партисипативного управления. Проведённое исследование выдвигает гипотезу о том, что партисипативные технологии государственного управления вводятся законодательными органами власти на территориях городов федерального значения по мере необходимости, в ответ на протестное движение. Чем выше уровень протестности, тем сильнее партисипативная культура в городах федерального значения.

Литература

1. *Martynova S.* Modern Russian society in the context of anthroposocietal approach // *Annals of Anthropological Practice*. 2018. №42. P. 19-28.
2. *Мартынова С.Э.* Рациональность актора постиндустриального общества: истоки и следствия для конструирования социальных технологий управления // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2018 №3. С. 67-77.
3. *Мартынова С.Э.* «Сервисная» модель муниципального управления в социологической интерпретации. СПб.: Социально-гуманитарное знание, 2015. 348 с.
4. *Потехин В.А.* Развитие взаимодействия государства и гражданского общества как условие модернизации управленческой деятельности // *Власть*. 2010. № 8. С. 59-64.
5. *Шатилов А.Б.* Электорально-политическая активность в российских регионах в период 2013-2017 годов: стабильность и/или инновационное развитие // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2017. №6. С. 81-87.
6. *Welch E.W.* The Rise of Participative Technologies in Government. Transformational Government Through eGov Practice: Socio-Economic, Cultural, and Technological Issues // Emerald Group Publishing Limited. 2012. №1. P. 347-367.
7. *Tai K., Porumbescu G., Shon J.* Can e-participation stimulate offline citizen participation: an empirical test with practical implications // *Public Management Review*. 2020. №2. P. 278-296.
8. *Cordella A., Iannacci F.* Information systems in the public sector: The e-government enactment framework // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2010. №1. P. 52-66. doi:10.1016/j.jsis.2010.01.001.
9. *Offe C.* Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // *Daedalus*. 2017. №3. P. 14-27.
10. *Martynova S.E., Evarovich S.A.* Participative HR-Technologies in the Governance of the Russian Regions // *SPACE AND CULTURE, INDIA*. 2018. №4. P. 36-47.
11. *Соколов А.В.* Динамика протестной активности в субъектах Российской Федерации // *Известия Алтайского государственного университета*. 2013. №2. С.262-267.
12. *Халий И.А., Подъячёв К.В.* Крым и Севастополь – регулярные трансформации или устойчивое постоянство? // *Россия реформирующаяся*. 2016. №14. С. 254-281.

Tumanyan Garnik Vaginakovich, Master Student, National Research Tomsk State University (59, St. Sovetskaya, Tomsk, 634029, Russian Federation). E-mail: tumangar@mail.ru

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PROTEST MOVEMENT AND THE USE OF CO-MANAGEMENT TECHNOLOGIES IN THE LEGISLATIVE (REPRESENTATIVE) AUTHORITIES OF CITIES OF FEDERAL SIGNIFICANCE

Abstract

This article examines the experience of cities of federal significance in the implementation of participatory practices of modern public administration in the activities of the Legislative authorities. Information about the practices used is analyzed. Data on the number and quality of co-management practices used in cities of Federal significance are compared with the level of the protest movement in these subjects of the Federation. The conducted research puts forward a hypothesis that participatory technologies of public administration are introduced by legislative authorities in the territories of cities of Federal significance as needed, in response to the protest movement. The higher the level of protest, the stronger the participatory culture in federal cities.

Keywords: *participativeness, public administration, management, public choice, citizen participation, public administration, management technologies, protest movement, democratic practice.*

References

1. Martynova S. Modern Russian society in the context of anthroposocietal approach // *Annals of Anthropological Practice*. 2018. №42. P. 19-28.
2. Martynova S.E. Racional'nost' aktora postindustrial'nogo obshchestva: istoki i sledstviya dlya konstruirovaniya social'nyh tekhnologij upravleniya // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 2018 №3. P. 67-77.
3. Martynova S.E. «Servisnaya» model' municipal'nogo upravleniya v sociologicheskoy interpretacii. SPb.: *Social'no-gumanitarnoe znanie*, 2015. 348 p.
4. Potekhin V.A. Razvitie vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva kak uslovie modernizacii upravlencheskoj deyatel'nosti // *Vlast'*. 2010. № 8. P. 59-64.
5. SHatilov A.B. Elektoral'no-politicheskaya aktivnost' v rossijskih regionah v period 2013-2017 godov: stabil'nost' i/ili innovacionnoe razvitie // *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*. 2017. №6. P. 81-87.
6. Welch E.W. The Rise of Participative Technologies in Government. *Transformational Government Through eGov Practice: Socio-Economic, Cultural, and Technological Issues* // Emerald Group Publishing Limited. 2012. №1. P. 347-367.
7. Tai K., Porumbescu G., Shon J. Can e-participation stimulate offline citizen participation: an empirical test with practical implications//*Public Management Review*. 2020. №2. PP. 278-296.
8. Cordella A., Iannacci F. Information systems in the public sector: The e-government enactment frame-work // *The Journal of Strategic Information Systems*. 2010. №1. R. 52-66. doi:10.1016/j.jsis.2010.01.001.
9. Offe C. Referendum vs. Institutionalized Deliberation: What Democratic Theorists Can Learn from the 2016 Brexit Decision // *Daedalus*. 2017. №3. P. 14-27.
10. Martynova S.E., Evarovich S.A. Participative HR-Technologies in the Governance of the Russian Regions // *SPACE AND CULTURE, INDIA*. 2018. №4. P. 36-47.
11. Sokolov A.V. Dinamika protestnoj aktivnosti v sub'ektah Rossijskoj Federacii // *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. №2. P. 262-267.
12. Halij I.A., Pod'yachyov K.V. Krym i Sevastopol' – reguljarnye transformacii ili ustojchivoe postoyanstvo? // *Rossiya reformiruyushchayasya*. 2016. №14. P. 254-281.

УДК 327:339.9

DOI: 10.22394/2079-1690-2020-1-3-290-295

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ КИТАЙСКО-РОССИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ: МЕСТО И РОЛЬ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Фаздалова аспирант, Пекинский университет иностранных языков (Китай, г. Пекин).
Рамзия E-mail: 1910273054@qq.com

Аннотация

Китайско-российские отношения играют важную роль в структурировании всего международного порядка. Тем не менее, их содержание и динамика на субнациональном уровне остается, как правило, вне внимания исследователей и теоретического объяснения. В данной статье анализируется современное состояние и динамика двусторонних отношений на уровне отдельного региона – Республики Татарстан. Анализ имеющихся данных показал, что китайско-российские отношения в регионе, хотя и присутствуют, носят сравнительно ограниченный характер. Предложен объяснительный подход, основанный на оценке интересов и положения как государственных акторов, так и региональных. Сделан вывод, что главным интересантом и потенциальным драйвером развития внешних связей Татарстана является руководство республики.

Ключевые слова: *китайско-российские отношения, Татарстан, региональное сотрудничество, КНР, РФ, экономические отношения, парадипломатия, международные отношения, глобальная безопасность.*

Введение

Китайско-российские отношения играют важную роль во всей современной системе международных отношений и являются постоянным объектом мониторинга и анализа в академическом сообществе, профильных «мозговых центрах» и аналитических подразделениях дипломатических ведомств и международных организаций (см., напр. [1-4]). Основное внимание при этом, как правило, уделяется вопросам стратегической безопасности и экономического развития. В сфере глобальной безопасности китайско-российское взаимодействие, как считается,

необходимо рассматривать, прежде всего через призму сложных отношений в треугольнике «КНР-США-Россия», в рамках которых РФ зачастую рассматривается как потенциальный «младший партнер» одной из двух сверхдержав. Однако это взаимодействие является также фактором региональной безопасности при решении ряда международных проблем, таких как ядерная программа КНДР или ситуация в Арктике. С экономической точки зрения, китайско-российские отношения связаны, прежде всего, с вопросами в области энергетики и организации транспортных коридоров из Азии в Европу.

Аналитики и исследователи, изучающие китайско-российские отношения, в большинстве случаев фокусируются на национальном уровне взаимодействия двух стран, тогда как субнациональный уровень такого сотрудничества во многом остается недооцененным. В настоящей статье предпринята попытка показать специфику политического анализа китайско-российских отношений на региональном (субнациональном) уровне, основанная на представлении о существовании различных типов акторов и их интересов. В качестве объекта изучения выступает один из крупнейших российских регионов – Республика Татарстан. Хотя китайско-российские отношения на региональном уровне иногда становятся объектом исследования, они, как правило, ограничены общей характеристикой и описанием экономических и гуманитарных связей, без попыток поместить их в более широкий аналитический контекст (см., напр. [5-7]). Устранению этого недостатка и посвящено настоящее исследование.

Общая характеристика места Республики Татарстан в современных китайско-российских отношениях

Татарстан – один из крупнейших российских регионов, имеющий статус республики и входящий в Приволжский федеральный округ (ПФО). Республика входит в десятку регионов с наибольшей численностью населения, имеет развитую систему подготовки кадров и диверсифицированную экономику. По величине валового регионального продукта Татарстан занимает первое место в ПФО и шестое – в России; его вклад в общероссийский ВРП составляет чуть меньше 3%¹.

Несмотря на то, что Татарстан не является приграничным регионом, он является активным участником внешнеэкономической деятельности, в том числе с КНР. За первое полугодие 2020 года внешнеторговый оборот региона составил 6 млрд долл. США². Вследствие глобального экономического спада, вызванного пандемией COVID-19, активность внешнеэкономической деятельности региона сократилась более чем на 21% за последний год. Тем не менее Татарстан остается одним из ведущих экспортеров и импортеров среди российских регионов, стабильно наращивая объемы экспортно-импортных операций в последние годы (рост более чем на 66% с 2016 по 2018 гг.). По сводным статистическим данным Федеральной таможенной службы РФ за первый квартал 2020 года, по объему внешнеторгового оборота Татарстан занял первое место в ПФО как по экспорту, так и по импорту³. В целом по стране республика является шестым по величине экспортером и девятым импортером.

Внешнеэкономическая деятельность Татарстана является экспортно-ориентированной; экспорт составляет приблизительно три четверти оборота. Татарстан является нефтепроизводящим регионом; неудивительно, что основную часть товарного экспорта образует продукция нефтяной и нефтехимической промышленности. В совокупности она составляет более 93% товарного экспорта (2018 г.). Однако экспортируется также и промышленная продукция. Основные экспортируемые товары: нефть, нефтепродукты, резиновые шины, грузовые автомобили, синтетический каучук, древесина. В свою очередь, импорт в республику включает в себя, прежде всего, промышленное оборудование, автокомпоненты, пластмассовые изделия, черные металлы.

Основными внешнеторговыми партнерами татарстанских компаний являются европейские страны; к числу крупнейших получателей экспортных товаров относятся Нидерланды, Польша, Великобритания и Германия, а также ряд других стран. Основные потоки импорта поступают из Германии, Китая и США. Место КНР во внешнеэкономической деятельности Татарстана сравнительно невысокое; по итогам первого полугодия 2020 г. его доля составила 5,7%

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Стат. сб. М.: Росстат, 2019.

² Внешнеторговый оборот в Республике Татарстан в январе-июне 2020 года / Татарстанстат. URL: <https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/aCiQBLiM/i070016r.pdf>

³ Внешняя торговля субъектов Российской Федерации. Январь-март 2020 / ФТС. URL: http://customs.gov.ru/storage/document/document_statistics_file/2020-05/27/zvZ3/WEB_UTSA_SRF.xlsx

(5-е место)¹. Однако следует отметить, что на фоне экономического кризиса и ухудшающихся отношений РФ со странами Запада, объемы внешней торговли с китайскими партнерами за последний год выросли: по сравнению с аналогичным периодом 2019 года экспорт увеличился на 71,4%, а импорт – на 33,7%. В отличие от европейских стран, торговые отношения Татарстана с Китаем смещены в сторону импорта, объем которого приблизительно в 2,5 раза превышает объем экспортных операций.

Однако торговля – не единственный предмет экономического сотрудничества двух стран в регионе. Большое значение российская сторона придает привлечению китайских инвестиций для масштабных инфраструктурных проектов. Татарстан традиционно является одним из самых привлекательных регионов для зарубежных инвесторов. По данным ЦБ РФ, на начало апреля 2020 года объем иностранных портфельных инвестиций в регионе составил 8,8 млрд долларов США².

Несмотря на почти двукратное падение по сравнению с началом года, это почти 99% всех привлеченных инвестиций в ПФО и 7,4% - в России. Что касается прямых инвестиций, то на апрель 2020 года их остаток составил чуть более 1,6 млрд долл. США, преимущественно в виде участия в капитале. Инвестиционная привлекательность Татарстана почти полностью ограничивается обрабатывающими производствами, финансовым сектором и добывающей промышленностью.

Китайские компании достаточно успешно инвестировали в Республику Татарстан; особенно высока их активность была в середине 2010-х годов [8]. В частности, в этот период китайские компании инвестировали в производство автомобилей на заводе «Алабуга», цементное производство в Дрожжановском районе, комплекс «Аммоний» в Менделеевске; одним из важнейших событий стал приход в республику крупнейшего мирового производителя бытовой техники Haier. Несмотря на опасения «китайской экспансии», характерные для регионального бизнеса в 2014-2015 гг., значительного роста инвестиций из КНР не произошло, а участие китайских компаний носило крайне осторожный и прагматичный характер. Китайские инвесторы продолжают проявлять интерес к региону; так, в 2019 году Агентство инвестиционного развития РТ посетили представители ряда китайских компаний (Джангхен Рус, Chongqing Shineray Agricultural Machinery Co и др.), а также делегации провинций Хубэй, Цзянси, Шаньдун, Хэйлуцзян, г. Хэцзэ³. В 2020 году, несмотря на пандемию, китайские компании вошли в четверку крупнейших источников новых инвестиций в регион; одним из главных инвесторов остается корпорация Haier⁴.

Один из самых обсуждаемых инвестиционных проектов последних лет – строительство высокоскоростной магистрали (ВСМ) «Москва – Казань», которая должна была стать важным транспортным коридором для России, а в перспективе – связать современным скоростным железнодорожным сообщением Москву и Пекин. Предполагалось, что в проекте, который обсуждается с 2013 г., примут участие китайские компании, речь шла об инвестициях в размере 7 млрд долларов. Проект рассматривался как имеющий стратегическое значение для КНР в рамках его стратегии создания новых транспортных коридоров из Китая в Европу, и Татарстан стал привлекать особое внимание. В 2014 г. в Китай даже приехала официальная делегация из Татарстана во главе с президентом Р.Миннихановым. Однако из-за высокой стоимости и неясных финансовых перспектив проекта ВСМ, а также западных санкций, проект к 2020 году так и не был начат.

Таким образом, экономическое сотрудничество КНР и России на региональном уровне в Татарстане остается хотя и довольно существенным, но сравнительно ограниченным. Это позволяет поставить вопрос: в какой мере региональные процессы международного сотрудничества определяются позицией и интересами различных акторов, как национальных, так и региональных.

¹ Внешнеторговый оборот в Республике Татарстан в январе-июне 2020 года / Татарстанстат. URL: <https://tatstat.gks.ru/storage/mediabank/aCiQBLiM/i070016r.pdf>

² Макроэкономическая финансовая статистика / ЦБ РФ. 2020. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm

³ Визиты 2019 года / АИР РТ. 2020. URL:

<https://tida.tatarstan.ru/file/tida/File/%D0%92%D0%B8%D0%B7%D0%B8%D1%82%D1%8B%202019.docx>

⁴ Денежные вливания: кто инвестирует в Татарстан во время эпидемии // РБК. 22.08.2020. – URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/22/08/2020/5f40bc9e9a794753a5f9ecbc>

Китайско-российское сотрудничество в Татарстане как отражение стратегических интересов различных акторов

Сама по себе дескриптивная характеристика китайско-российских отношений в региональном разрезе, на наш взгляд, хотя и имеет определенную ценность для регионального уровня власти, недостаточна для научного понимания их в более широком контексте поведения политических и экономических акторов разного уровня. Рассмотрим позиции ключевых акторов как фактор, определяющий содержание и динамику регионального сотрудничества двух стран.

Как уже было отмечено выше, традиционно, китайско-российские отношения описываются в контексте взаимодействия акторов самого высокого – национально-политического уровня, и сосредоточены, прежде всего, в области геополитики и экономики. Общее содержание и направление китайско-российских отношений позволяет определить место в них татарстанской повестки.

Для КНР, сотрудничество с Россией представляет определенный экономический и геополитический интерес. В особенности Китай заинтересован в стабильности поставок энергоносителей и других природных ресурсов и возможном обеспечении выгодных транспортных маршрутов в Европу. Другие экономические мотивы, связанные с российским рынком сбыта и поиском объектов инвестирования, играют сравнительно меньшую роль. У стран также существуют общие интересы на международной политической арене, связанные с противостоянием США, однако в целом КНР демонстрирует прагматическую политику, ориентированную, прежде всего, на решение своих экономических задач. Необходимо отметить, что российское направление не является основным для внешней политики КНР. Приоритетное значение для Китая имеют отношения с США, а также со странами АТР: Японией, обеими Кореями, Индией и др. Учитывая несопоставимый масштаб экономик, Россия в экономическом плане имеет статус скорее регионального партнера.

С учетом сказанного, несложно видеть, что региональное экономическое сотрудничество, в частности в Татарстане, не может играть сколько-нибудь существенного и тем более стратегического значения для КНР. Потенциальная ценность региона могла бы быть повышена в случае успешного начала проекта ВМС, однако даже в этом случае ее значение ниже, чем значение планируемых транспортных коридоров в рамках инициативы «Один Пояс, Один Путь», а также перспектив освоения Северного морского пути.

Для России, ценность развития отношений с КНР несопоставимо выше. В условиях растущей изоляции и режима санкций, Китай становится главным потенциальным рынком сбыта, источником инвестиций и технологий, а также геополитическим союзником при взаимодействии с США. Это повышает мотивацию России к сотрудничеству, в том числе на региональном уровне. Татарстан не играет сколько-нибудь существенной роли в решении геополитических задач, которые могли бы быть непосредственно связаны с китайским направлением; скорее, значение имеет роль республики в отношениях с исламским миром. В экономическом же отношении, Татарстан заметно уступает регионам, являющимся основным источником экспорта в КНР, таким как регионы Сибири и Дальнего Востока.

Таким образом, ни для Китая, ни для России Татарстан не является стратегически значимым регионом, хотя его значимость для развития двусторонних отношений значительно выше для России. Однако анализ, ограничивающийся исключительно государственными акторами, был бы неполным без учета региональных и корпоративных акторов. Современная теория признает уникальность и важность т.н. «субнациональной дипломатии», или парадипломатии в решении многих важных вопросов международных отношений [9]. Имеющиеся данные позволяют заключить, что региональные акторы гораздо больше заинтересованы в развитии экономических отношений между КНР и РФ, поскольку реализуемые проекты напрямую влияют на уровень социально-экономического развития регионов.

К Татарстану проявляют интерес ряд провинций КНР, заинтересованных в продвижении продукции своих компаний на местном рынке. Однако учитывая глобальный охват китайского экспорта и относительно маленький размер российского и татарстанского рынка, такой интерес не выходит за рамки рутинной работы по поиску перспективных рынков или объектов инвестирования. То же самое касается корпоративных акторов, хотя для компаний, ориентированных на российский рынок Татарстан может считаться привлекательным и конкурентоспо-

собным регионом, не таким дорогим, как Москва, но имеющим достаточно развитую инфраструктуру, промышленную базу и развитую систему подготовки профессиональных кадров.

Наибольшая заинтересованность в расширении китайско-российского сотрудничества соответствует положению органов власти Татарстана. Несмотря на достаточно развитую экономику и диверсифицированный экспорт, резкий рост рисков на европейском направлении, в сочетании с сокращением глобального и национального спроса на фоне пандемии объективно повышают ценность сохранения старых и приобретения новых партнеров во внешнеэкономической деятельности, и китайское направление, наряду с турецким и арабским, выглядит наиболее привлекательным. Особую важность при этом имеет развитие экспортного направления внешнеэкономической деятельности. Однако возможности и активность руководства республики сдерживают два главных фактора. Во-первых, расширению китайского инвестиционного присутствия сопротивляются часть местной и, в некоторой степени национальной, бизнес-элиты. Это связано, в частности, с тем, что глобальные китайские производители создают дополнительную конкуренцию местным производителям, прежде всего, в обрабатывающей промышленности.

Второй ограничивающий фактор связан с ограниченными политическими возможностями субъектов в современной конфигурации системы государственного управления России. В ходе развития федеративных отношений в 1990-х годах многие регионы стали полноправными и активными субъектами международных отношений, и в полной мере это относилось к Татарстану [10]. Однако в течение последних 20 лет регионы потеряли значительную часть своей политической субъектности, в силу чего у них недостает ни ресурсов, ни мотивации для активного участия в развитии международных связей.

Заключение

Международные отношения на региональном уровне с политологической точки зрения необходимо рассматривать как отражение интересов и стратегий не только государственных, но также региональных и корпоративных акторов. В случае Татарстана китайско-российские отношения проявляются, прежде всего, в сравнительно небольших экономических и гуманитарных проектах. Во-многом это объясняется отсутствием особой значимости региона в контексте стратегических целей России и, в особенности, КНР. В отсутствие выраженной поддержки со стороны государственных акторов ведущая роль в развитии сотрудничества на региональном уровне принадлежит корпоративному сектору и региональным органам власти. Потенциально ключевым драйвером может стать руководство Республики Татарстан. Однако для реализации этого потенциала оно должно преодолеть сопротивление части местных элит и повысить собственную политическую самостоятельность.

Литература

1. Wenzhao T., Shengwei X. The US factor in post-cold war China-Russia relations // International Politics. 2020 (In press).
2. Yoder B.K. Theoretical rigor and the study of contemporary cases: explaining post-cold war China-Russia relations // International Politics. 2020. Vol.57. P. 741-759.
3. Korolev A., Portyakov V. Reluctant allies: system-unit dynamics and China-Russia relations // International Relations. 2019. Vol.33(1). P. 40-66.
4. Saradzhyan S., Wyne A. China-Russia relations: Same bed, different dreams? Why converging interests are unlikely to lead to a full-fledged alliance. Cambridge: Russia matters Project, 2018.
5. Чжан Д., Кашбразиев Р.В. Современное состояние и перспективы развития российско-китайского сотрудничества на региональном уровне (на примере Республики Татарстан) // Вестник Академии права и управления. 2020. №2. С. 58-66.
6. Alikberova A.R., Alikberov E.Sh. The Tatarstan-Chinese relations in the humanitarian sphere: forms of interaction // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol.8. No.5. P. 71-79.
7. Нуриева А.Р., Гибадуллин М.З. Торгово-экономические связи Китайской Народной Республики и Республики Татарстан в условиях меняющейся конфигурации международных экономических отношений. В сб.: Россия-Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников XII Международной научно-практической конференции. Казань: ФЭН, 2019. С.371-377.
8. Моисеев И.С. Влияние экономической интеграции России с Китаем и Японией на инвестиции в Республику Татарстан // Международный молодежный симпозиум по управлению, экономике и финансам: Сб. статей. Казань: Solo Press, 2016. С.287-288.

9. Kuznetsov A.S. Theory and Practice of Paradyplomacy: Subnational governments in international affairs. London; New York: Routledge, 2015.
10. Sharafutdinova G. Paradiplomacy in the Russian regions: Tatarstan's Search for Statehood // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. No.4. P. 613-629.

Fazdalova Ramziya, Graduate Student, Beijing University of Foreign Languages (China, Beijing).

E-mail: 1910273054@qq.com

REGIONAL ASPECTS OF CHINA-RUSSIA RELATIONS: THE ROLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Abstract

China-Russia relations play an important role in contemporary international order. Despite this, their content and dynamics at the regional level generally remains outside the focus of researchers and theoretical explanation. The study analyzes current state and dynamics of bilateral relations at the level of one particular region: Republic of Tatarstan. The analysis showed that although the China-Russia relations play a role in the region, they are relatively limited. An explanatory approach, based on the assessment of both nation- and regional-level actors, is proposed. It is concluded that the major interesting and potential driver for the advancement of bilateral relations is the regional government of Tatarstan.

Keywords: *China-Russia relations, Tatarstan, regional cooperation, PRC, RF, economic relations, paradiplomacy, international relations, global security.*

References

1. Wenzhao T., Shengwei X. The US factor in post-cold war China-Russia relations // International Politics. 2020 (In press).
2. Yoder B.K. Theoretical rigor and the study of contemporary cases: explaining post-cold war China-Russia relations // International Politics. 2020. Vol.57. P. 741-759.
3. Korolev A., Portyakov V. Reluctant allies: system-unit dynamics and China-Russia relations // International Relations. 2019. Vol. 33 (1). P. 40-66.
4. Saradzhyan S., Wyne A. China-Russia relations: Same bed, different dreams? Why converging interests are unlikely to lead to a full-fledged alliance. Cambridge: Russia matters Project, 2018.
5. CHZhan D., Kashbraziev R.V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya rossijsko-kitajskogo sotrudnichestva na regional'nom urovne (na primere Respubliki Tatarstan) // Vestnik Akade-mii prava i upravleniya. 2020. №2. P. 58-66.
6. Alikberova A.R., Alikberov E.Sh. The Tatarstan-Chinese relations in the humanitarian sphere: forms of interaction // Journal of Sustainable Development. 2015. Vol.8. No.5. P. 71-79.
7. Nurieva A.R., Gibadullin M.Z. Torgovo-ekonomicheskie svyazi Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Respubliki Tatarstan v usloviyah menyayushcheysya konfiguracii mezhdunarodnyh ekonomicheskikh otnoshenij. V sb.: Rossiya-Kitaj: istoriya i kul'tura. Sbornik statej i dokladov uchastnikov XII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kazan': FEN, 2019. P. 371-377.
8. Moiseev I.S. Vliyanie ekonomicheskoy integracii Rossii s Kitaem i Yaponiej na investicii v Respubliku Tatarstan // Mezhdunarodnyj molodezhnyj simpozium po upravleniyu, ekonomike i finansam: Sb. statej. Kazan': Solo Press, 2016. P. 287-288.
9. Kuznetsov A.S. Theory and Practice of Paradyplomacy: Subnational governments in international affairs. London; New York: Routledge, 2015.
10. Sharafutdinova G. Paradiplomacy in the Russian regions: Tatarstan's Search for Statehood // Europe-Asia Studies. 2003. Vol. 55. No.4. P. 613-629.

ВЛИЯНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА НА СИСТЕМУ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

Яцуляк

аспирант, Северо-Западный институт управления

Вадим

Российской академии народного хозяйства и государственной службы

Владимирович

при Президенте РФ (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр. В.О., 57/43). E-mail: 9817735586@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрена проблематика влияния общественных институтов на духовно нравственную безопасность России. Основное внимание уделено изучению категории духовно-нравственной безопасности, его содержанию в политической теории, а также текущему состоянию этого аспекта безопасности в стране. В качестве методологии исследования в работе применен конструктивистский подход, поскольку он позволяет описать духовно-нравственную идентичность как социальную конструкцию, формирующуюся в процессе духовно-нравственно-цивилизационного развития общества. Общие результаты связаны с пониманием состояния безопасности нашего общества в этом срезе как критического, а сведения, полученные автором в процессе изучения источников, влекут за собой представление о глубоких кризисных процессах, наблюдаемых в этой области. В статье отмечается, что в России сложилось общество, которое еще не успело выразить себя в разумных идеалах и ценностях, сформировать свои идеологические ориентиры и определить вектор собственного интеллектуального развития. По этим причинам происходит переосмысление движущей силы в плане обеспечения духовно-нравственной безопасности современной России, на которые должна быть сделана основная ставка в плане сохранения уровня вовлеченности в процесс духовно-нравственного развития. Ключевую роль в этом процессе могут сыграть такие структуры, отвечающие за социализацию личности, как семья, система образования, средства массовой информации, учреждения культуры и досуговая индустрия, в этом аспекте некоммерческие организации как один из ключевых институтов гражданского общества должен развиваться упорядочено с участием целенаправленной политической деятельности при совершенствовании уже имеющегося законодательства и методов его исполнения.

Ключевые слова: *духовно-нравственная безопасность, гражданское общество в России, внутренняя политика, массовая культура, идеологические ориентиры, политическая деятельность, развитие общества, традиционные ценности, идеалы и ценности.*

Обращение к проблеме управления духовно-нравственной безопасностью российского общества обусловлено ростом деструктивных явлений в обществе, проявляющихся в снижении интеллектуального и духовно-нравственного уровня населения страны, развитии нравственной дезориентации, распространении продуктов массовой культуры, фрагментации общества на локальные этнодуховно-нравственные группы и так далее.

Характерными чертами современного этапа развития является снижение роли духовной культуры и возрастание роли информации во всех сферах общественной жизни. Это влечет за собой не только качественные изменения в организации повседневной и профессиональной деятельности людей, но и новые угрозы.

В настоящее время информационные технологии широко используются в духовно-нравственной интервенции, что проявляется в экспансии определенной духовно-нравственной модели, преимущественно западной, на территорию других цивилизационных ареалов. Акторы духовно-нравственной интервенции стремятся «отчуждать человека от присущей ему культуры или, скорее, от его духовно-нравственной идентичности» [12, с. 264]. Информационные технологии используются для переформатирования традиционных ценностей, характерных для конкретного общества, которые являются результатом его длительного духовно-нравственно-цивилизационного развития. Разрушение национальной культуры, основанной на исторической памяти, в конечном счете приводит к вымиранию всего народа.

В этом контексте существует большая напряженность вокруг вопроса о мерах по обеспечению духовно-нравственной безопасности общества как важнейшей составляющей национальной безопасности. Следовательно, обеспечение духовно-нравственной безопасности является первоочередной задачей государственного управления, связанной с защитой духовно-нравственного наследия нации. Последнее возможно только благодаря сохранению исторической памяти нации, в которой концентрируются все ее знания, представления и эмоции о социально значимых исторических событиях, объединяющих людей в определенную социодуховно-

нравственную общность. Понимание этого факта заставляет нас обратить внимание на потенциал исторической памяти в управлении духовно-нравственной безопасностью российского общества.

Закон об «иностранных агентах», принятый российским парламентом в июле 2012 года, вызвал беспрецедентную волну репрессий для отечественного правозащитного сообщества в постсоветскую эпоху и поставил его перед серьезными вызовами. Этот закон, официально именуемый «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов»¹, обязывал все некоммерческие организации (НКО), получающие финансирование из за рубежа и осуществляющие широко определенную «политическую деятельность», регистрироваться в Министерстве юстиции в качестве «иностранных агентов». Такие организации также обязаны вывешивать этот ярлык на всех своих публикациях и соблюдать подробные требования к отчетности, а за несоблюдение этого требования налагаются ошеломляющие штрафы.

Центральный термин закона «иностранный агент» лишен нейтралитета. Для российской общественности это вызывает глубоко укоренившиеся и тревожные ассоциации со сталинскими чистками 1930-х-начала 1950-х годов, когда любой, кто имел простой контакт с иностранцем, мог рассматриваться как агент спецслужб и подлежать аресту и наказанию [17, с. 76]. Как показывают опросы общественного мнения, для большинства россиян этот термин все еще несет в себе сильные коннотации «шпиона» или «предателя» [8]. Вместе с тем, эти действия тесно связаны с проблемой выхода из-под контроля процесса разрушения духовно-нравственных основ общества, что требовало незамедлительных мер.

Концептуальные основы изучения исторической памяти были заложены в работах таких ученых, как В.Е. Бойкова [7], И.А. Крыловой [13], Я. Демирель и Г.Ф. Садыкова [15] и др.

Теоретические аспекты проблемы духовно-нравственной идентичности освещены в работах Я. Ассмана [1], М. Кастельса [17], О.Н. Астафьевой [2], и др.

Вопросы управления духовно-нравственной безопасностью российского общества рассматриваются в контексте проблемы национальной духовно-нравственной политики. Этот аспект исследования освещен такими учеными, как А. Аузаном [4], Г.Г. Карповой [11] и др.

Тем не менее, несмотря на то, что этой теме уделяется большое внимание, отсутствует комплексный анализ, связанный с изучением значения исторической памяти в процессах управления духовно-нравственной безопасностью российского общества. Осмысление этого факта требует дальнейших системных исследований в выявлении потенциала исторической памяти в сохранении духовно-нравственной самобытности народа.

В настоящее время состояние духовно-нравственного поля российского общества оценивается как критическое, что обусловлено девальвацией традиционной системы ценностей, утратой жизненных ориентиров, распространением потребительских установок, возникновением различных социальных девиаций и так далее.

В качестве методологии исследования используется конструктивистский подход, поскольку он позволяет описать духовно-нравственную идентичность как социальную конструкцию, формирующуюся в процессе духовно-нравственно-цивилизационного развития общества. В связи с этим духовно-нравственная идентичность базируется на определенном аксиологическом ряду, «который включает в себя понятия национальной идентичности, свободы, патриотизма, уважения к истории и духовно-нравственным традициям...» [2, с. 34]. С такой точки зрения духовно-нравственная идентичность тесно связана с исторической памятью общества, которая аккумулирует нормы, ценности и идеалы, определяющие вектор развития страны.

Состояние социодуховно-нравственного климата в российском обществе оценивается как критическое. В стране постоянно нарастают деструктивные тенденции, которые проявляются в разрушении цивилизационных основ русской культуры, коммерциализации практически всей сферы жизнедеятельности общества, влиянии массовой культуры, ухудшении состояния российского духовно-нравственного наследия, фрагментации общества по этнодуховно-нравственным маркерам, отсутствию идеологии, способной консолидировать население страны для решения социально значимых вопросов.

¹ Федеральный закон от 23 мая 2015 г. N 129-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – <https://rg.ru/2015/05/26/fz129-dok.html> (Дата обращения: 27.05.2020).

Причины современного состояния сферы российской культуры во многом обусловлены системным кризисом, сложившимся в обществе в результате его модернизации на основе западных духовно-нравственных стандартов. Идеологический вакуум, ставший результатом деvaluации советской системы ценностей, способствовал успешному распространению либеральных идей. Стремление внедрить иные модели (с цивилизационной точки зрения) в различные сферы российского общества привело к разрушению прежних социальных институтов и развитию кризисных явлений в таких областях как образование, наука, искусство и так далее.

Поверхностное заимствование западной модели высшего образования и ее внедрение в российские вузы способствовали изменению их социального статуса, обусловленному отношением к образованию как общественному благу и его переносом в сферу услуг. В результате образовательные учреждения утратили не только свою духовно-нравственно-творческую, но и воспитательную функцию. Таким образом, «формирование личности студента оказалось вне рамок образовательного процесса и стало происходить под влиянием едва ли прогностических факторов» [15, с. 216].

В условиях внедрения рыночных механизмов в сферу культуры русское искусство перестало передавать гуманистические идеалы и ценности и переориентировалось на поиск нестандартных форм самопрезентации, характерных для западной массовой культуры.

Угрозой духовно-нравственной безопасности современной России является состояние и уровень развития науки в стране. Ученые утверждают, что «учитывая тот факт, что еще в недавнем прошлом бывший СССР был одним из лидеров мирового научно-технического прогресса, сегодняшняя Россия стремительно приобретает статус колониального государства» [13, с. 62]. Фундаментальная причина кризисного состояния российской науки заключается в том, что ее развитие входит в число ключевых государственных приоритетов, к которым в настоящее время относится исключительно экспорт полезных ископаемых.

Деструктивные явления коснулись и средств массовой информации, которые, избавившись от идеологической цензуры, стали передавать населению низкопробную и тематически ничем не прикрытую информацию, в том числе откровенно деструктивную. Оценивая состояние российских СМИ, исследователи отмечают, что «сегодня различные развлекательные программы, являясь главным образом источником, культивируют такие системы ценностей, как гедонизм и релятивизм, превращая молодежь в марионеток потребительского общества» [10, с. 156]. Распространение культа потребления в российском обществе приводит к трансформации духовно-нравственной идентичности народа, которая сложилась в ходе исторического развития страны.

Таким образом, в результате фундаментальных преобразований в России сложилось общество, которое еще не успело выразить себя в разумных идеалах и ценностях, сформировать свои идеологические ориентиры и определить вектор собственного интеллектуального развития. Такое общество крайне неустойчиво перед лицом внешних деструктивных воздействий, прежде всего информационного характера.

В заключение отметим, что духовный строй современного российского общества крайне нестабилен, а значит, подвержен риску деструктивного информационного воздействия. В связи с этим возникает большая напряженность вокруг вопроса создания такой системы духовных наставников, которая, с одной стороны, отражала бы изменения, происходящие в современном мире, а с другой – сохраняла бы традиционные ценности русского народа и Объединенных им русских наций. Обновление духовно-нравственного климата в стране, сохранение ценностного и мировоззренческого ядра России являются необходимым условием обеспечения духовно-нравственной безопасности страны.

Историческая память, обеспечивающая осознание народом своего единства на протяжении всей истории страны, является одним из ресурсов, способных сохранить духовно-нравственную самобытность России в условиях внешних и внутренних угроз, преодолеть социодуховно-нравственный раскол в обществе, восстановить преемственность межпоколенческих отношений. Для сохранения и передачи исторической памяти необходимо использовать все структуры, ответственные за процесс социализации личности: семью, систему образования, средства массовой информации, учреждения культуры и досуговую индустрию, такие институты гражданского общества как некоммерческие организации, получившие централизованную поддержку со стороны официальных органов власти должны сыграть ключевую роль в этом процессе.

Литература

1. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: «Языки славянской культуры», 2004. 368 с.
2. Астафьева О.Н. Национально-культурная идентичность в эпоху глобализации: комплексный вектор развития // Вестник Московского государственного художественно-культурного университета. 2016. Вып. 5. № 73. С. 32-41.
3. Астафьева О.Н. Культурная политика России: теория - реальность - перспектива // Государственная служба. 2010. № 1. С. 68-73.
4. Аузан А. Культурная политика: кому это надо? // Театр. 2013. № 10. С. 160-167.
5. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
6. Богатырева Т. Глобализация и императивы культурной политики современной России // Государственная служба. 2002. № 5 (19). С. 25-34.
7. Бойков В.Е. Историческая память в современном российском обществе: проблемы государства и становления // Социология власти. 2011. № 5. С. 44-52.
8. Волков Д. Закон о некоммерческих организациях // Левада-центр. – <https://www.levada.ru/2017/02/07/zakon-o-nekommercheskih-organizatsiyah> (Дата обращения: 27.05.2020).
9. Демирель Я., Садыкова Г.Ф. Влияние социальной поддержки на гражданское поведение // Социологические исследования. 2018. №7. С. 81-86.
10. Ёрмирзоева Ф.А. Новые угрозы духовности в условиях информационного общества // Вестник Калмыцкого университета. 2018. №39(3). С. 150-157.
11. Карпова Г.Г. Государственное управление и социальные приоритеты в области культурной политики России // Журнал исследований социальной политики 2009. Т. 2.7. № 1. С. 7-20.
12. Кочетков В.В. Культурное измерение гибридной войны // Вестник Московского государственного университета: обществознание и политология. 2015. Вып. 18. № 4. С. 263-267.
13. Крылова И.А. Кризис образования и науки в России // Социология образования. 2009. № 6. С. 51-61.
14. Ханнанова А.С. Культурная политика как функция государства // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социальные и гуманитарные науки». 2015. Т. 15. № 4. С. 62-66.
15. Шевченко О.М., Штофер Л.Л. Деструктивное информационное воздействие и духовная безопасность России: междисциплинарный анализ // Междисциплинарность в современном социально-гуманитарном знании, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону. 2018. Т. 2(2). С. 211-221.
16. Castells M. The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997, 461 p.
17. Wolff J. The delegitimization of civil society organisations: Thoughts on strategic responses to the 'foreign agent' charge', in Rodríguez-Garavito, C. and Gomez, K. (eds.), Rising to the Populist Challenge: A New Playbook for Human Rights Actors, Dejusticia, Bogota, 2018. PP. 129-137.

Yatsulyak Vadim Vladimirovich, postgraduate student, North-West Institute of Management –branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43, Sredny Ave. V.O, St. Petersburg, 199178, Russian Federation). E-mail: 9817735586@mail.ru

INFLUENCE OF CIVIL SOCIETY ON THE SYSTEM OF SPIRITUAL AND MORAL SECURITY OF RUSSIA

Abstract

The article deals with the problem of the influence of public institutions on the spiritual and moral security of Russia. The main attention is paid to the study of the category of spiritual and moral security, its content in political theory, as well as the current state of this aspect of security in the country. As a research methodology, the paper uses a constructivist approach, since it allows us to describe spiritual and moral identity as a social structure that is formed in the process of spiritual, moral and civilizational development of society. The overall results are related to the understanding of the state of security of our society in this section as critical, and the information obtained by the author in the course of studying the sources leads to an idea of the deep crisis processes observed in this area. The result is the commercialization of almost all spheres of society, the influence of mass culture, the deterioration of the Russian spiritual and moral heritage, the fragmentation of society ethnic moral markers, the lack of a consolidating ideology. At the same time, civil society institutions that are able to resist such crisis phenomena, on the contrary, change the environment in favor of giving ambiguity and broadcasting foreign external values. The article notes that Russia has developed a society that has not yet had time to Express itself in reasonable ideals and values, form its own ideological guidelines and

determine the vector of its own intellectual development. For these reasons, there is a rethinking of the driving force in terms of ensuring the spiritual and moral security of modern Russia, which should be the focus in terms of maintaining the level of involvement in the process of spiritual and moral development. A key role in this process can play such structures responsible for socialization such as family, education system, media, cultural institutions and leisure industry, this aspect of non-profit organizations as one of the key civil society institutions should develop organized participation focused political activities in the improvement of the existing legislation and methods of its execution.

Keywords: *spiritual and moral security, civil society in Russia, domestic politics, mass culture, ideological guidelines, political activity, development of society, traditional values, ideals and values.*

References

1. Assman YA. Kul'turnaya pamyat': pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. M.: «YAzyki slavyanskoj kul'tury», 2004. 368 p.
2. Astaf'eva O.N. Nacional'no-kul'turnaya identichnost' v epohu globalizacii: kompleksnyj vektor razvitiya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo hudozhestvenno-kul'turnogo universiteta. 2016. Vyp. 5. № 73. P. 32-41.
3. Astaf'eva O.N. Kul'turnaya politika Rossii: teoriya - real'nost' – perspectiva // Gosudarstvennaya sluzhba. 2010. № 1. P. 68-73.
4. Auzan A. Kul'turnaya politika: komu eto nado? // Teatr. 2013. № 10. P. 160-167.
5. Bek U. Obshchestvo riska: Na puti k drugomu modernu. M.: Progress-Tradiciya, 2000. 384 p.
6. Bogatyreva T. Globalizaciya i imperativy kul'turnoj politiki sovremennoj Rossii // Gosudarstvennaya sluzhba. 2002. № 5 (19). P. 25-34.
7. Bojkov V.E. Istoricheskaya pamyat' v sovremennom rossijskom obshchestve: problemy gosudarstva i stanovleniya // Sociologiya vlasti. 2011. № 5. P. 44-52.
8. Volkov D. Zakon o nekommercheskih organizacijah // Levada-centr. – <https://www.levada.ru/2017/02/07/zakon-o-nekommercheskih-organizatsiyah> (Data obrashcheniya: 27.05.2020).
9. Demirel' YA., Sadykova G.F. Vliyanie social'noj podderzhki na grazhdanskoe povedenie // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. №7. P. 81-86.
10. Yormirzoeva F.A. Novye ugrozy duhovnosti v usloviyah informacionnogo obshchestva // Vestnik Kalmyckogo universiteta. 2018. №39(3). P. 150-157.
11. Karpova G.G. Gosudarstvennoe upravlenie i social'nye priority v oblasti kul'turnoj politiki Rossii // Zhurnal issledovanij social'noj politiki 2009. T. 2.7. № 1. P. 7-20.
12. Kochetkov V.V. Kul'turnoe izmerenie gibridnoj vojny // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta: obshchestvoznanie i politologiya. 2015. Vyp. 18. № 4. P. 263-267.
13. Krylova I.A. Krizis obrazovaniya i nauki v Rossii // Sociologiya obrazovaniya. 2009. № 6. P. 51-61.
14. Hannanova A.S. Kul'turnaya politika kak funkciya gosudarstva // Vestnik YUUrGU. Seriya «Social'nye i gumanitarnye nauki». 2015. T. 15. № 4. P. 62-66.
15. Shevchenko O.M., Shtofer L.L. Destruktivnoe informacionnoe vozdejstvie i duhovnaya bezopasnost' Rossii: mezhdisciplinarnyj analiz // Mezhdisciplinarnost' v sovremenном social'no-gumanitarnom znanii, YUzhnyj federal'nyj universitet, Rostov-na-Donu. 2018. T. 2(2). P. 211-221.
16. Castells M. The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell, 1997, 461 p.
17. Wolff J. The delegitimization of civil society organisations: Thoughts on strategic responses to the 'foreign agent' charge', in Rodríguez-Garavito, C. and Gomez, K. (eds.), Rising to the Populist Challenge: A New Playbook for Human Rights Actors, Dejusticia, Bogota, 2018. PP. 129-137.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

23 июля 2020 года исполнилось 75 лет заведующему кафедрой политологии и этнополитики Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС, Заслуженному деятелю науки Российской Федерации, Почетному работнику высшего профессионального образования Российской Федерации, профессору, доктору политических наук АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ПОНЕДЕЛКОВУ.

Александр Васильевич родился в станице Верхне-Кундрюченской Усть-Донецкого района Ростовской области. Закончил Шахтинский государственный педагогический институт, Ростовский институт народного хозяйства, Ростовскую Высшую партийную школу.

А.В. Понеделков является основателем Ростовской научной элитологической школы, крупным ученым-исследователем в таких отраслях знания, как государственная служба, политическая власть, политическая элита, политическое лидерство, политическое управление, политические технологии, политические процессы.

В декабре 1995 года А.В. Понеделков защитил первую в России докторскую диссертацию по проблемам элитологии на тему «Политико-административная элита: генезис и проблемы ее становления в современной России (региональный политологический анализ)».

А.В. Понеделков прошел все ступени преподавательских должностей от ассистента до заведующего кафедрой. В 1996 – 2011 годы работал проректором Северо-Кавказской академии государственной службы по науке, по работе с органами власти и управления, а с 2011 по 2014 годы – заместителем директора Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. В настоящее время работает заведующим кафедрой политологии и этнополитики и заведующим лабораторией проблем повышения эффективности государственного и муниципального управления.

При активном участии А.В. Понеделкова и под его непосредственным руководством в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС и в других вузах разработана и активно используется учебно-методическая база политологических дисциплин, в частности, в области государственного и муниципального управления, межнациональных отношений, политической социологии, политической элитологии, государственной кадровой политики.

На базе Ростовской научной элитологической школы проведены исследования, результаты которых использовались для снижения конфликтности в этнополитических процессах в субъектах Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, разработки мероприятий кадровой политики, подготовки управленческих кадров высшей квалификации.

Научная и общественная деятельность А.В. Понеделкова служит укреплению сотрудничества народов Северного Кавказа и Юга России.

А.В. Понеделков – автор более 350 научных трудов, 140 научно-методических работ по политическим и социологическим проблемам общим объемом более 800 п.л. С момента учреждения в 2000 г. он является членом редакционной коллегии журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Своими знаниями Александр Васильевич Понеделков щедро делится с учениками. С 1998 по 2011 год в СКАГС, ЮРИУ РАНХиГС он возглавлял диссертационный совет по политическим наукам, затем был заместителем председателя диссовета. В этом диссертационном совете за время его существования защитили кандидатские и докторские диссертации 243 человека. Непосредственно под руководством профессора А.В. Понеделкова защитили диссертации 107 человек, 18 из них – на соискание ученой степени доктора политических наук.

Ученики Александра Васильевича, защитившие диссертации под его руководством, работают в должностях заместителей полномочного представителя Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, глав городов и районов Юга России, руководителей крупных государственных предприятий.

Более 12 лет А.В. Понеделков являлся членом Экспертного совета ВАК по политологии при Министерстве образования и науки РФ.

Заслуги А.В. Понеделкова на научно-общественном поприще отмечены государственными, правительственными наградами ряда республик, краев, входящих в состав Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Ему присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки Чеченской Республики, республик Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия–Алания, Кабардино-Балкария.

А.В. Понеделков награжден орденом «Дружбы», орденом «За заслуги» Республики Ингушетия, медалями «За заслуги перед Чеченской Республикой», «За выдающийся вклад в развитие Кубани» I и II степеней, «За заслуги перед Ставропольским краем», памятным Знаком «80 лет Ростовской области».

Профессор А.В. Понеделков неоднократно отмечен благодарностями ректора РАГС, СКАГС, РАНХиГС, пользуется уважением среди студентов, аспирантов, преподавателей, сотрудников Академии и ее филиалов. Как признается сам Александр Васильевич, особенно дорога ему юбилейная медаль «50 лет Усть-Донецкому району», в котором он не только родился, но и начинал свою трудовую деятельность.

От всей души поздравляем Александра Васильевича с юбилеем и желаем ему крепкого здоровья, неиссякаемой энергии и благополучия!

**Дирекция ЮРИУ РАНХиГС
Редколлегия журнала
«Государственное и муниципальное управление.
Ученые записки»**

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

Рукопись, подписанная автором (авторами), представляется в редакцию на электронном и бумажном носителях. Рукописи аспирантов дополняются рекомендацией к печати научным руководителем.

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- фамилия, имя, отчество автора полностью, ученая степень, звание, организация (вуз), полный почтовый адрес организации, контактные данные автора (электронная почта, телефон для связи);

- аннотация 10-12 строк;

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

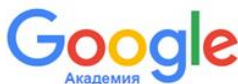
Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, к. 216, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 3. 2020

Выход в свет 30.09.2020. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага писчая. Объем 19 п.л. Тираж 100 экз.

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии «Фабрика Печати».
603057, г. Н. Новгород, Шорина, 13/13. Тел.: (831) 463-91-68, 413-62-61